ISSN 1561-7793

ВЕСТНИК
Томского государственного университета

2024. № 506. Сентябрь

- ФИЛОЛОГИЯ
- ФИЛОСОФИЯ
- СОЦИОЛОГИЯ И ПОЛИТОЛОГИЯ
- ИСТОРИЯ
- ПЕДАГОГИКА
- ПРАВО

- PHILOLOGY
- PHILOSOPHY
- SOCIOLOGY AND POLITICAL SCIENCE
- HISTORY
- PEDAGOGICS
- LAW

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL

2024. № 506. September

Свидетельство о регистрации СМИ № 018694
выдано Госкомпечати РФ 14 апреля 1999 г.

Подписной индекс в объединённом каталоге «Пресса России» 46740

16+

Учредитель – Томский государственный университет

Founder – Tomsk State University

НАУЧНО-РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Э.В. Галажинский, д-р психол. наук, проф. (председатель); **В.В. Демин**, канд. физ.-мат. наук, доц. (зам. председателя); **Н.А. Глущенко**, канд. ист. наук, доц. (отв. секретарь); **В.Н. Берцун**, канд. физ.-мат. наук, доц.; **Е.В. Борисов**, д-р филос. наук, проф.; **Д.С. Воробьев**, д-р биол. наук, доц.; **С.Н. Воробьев**, канд. биол. наук, ст. науч. сотр.; **А.А. Глазунов**, д-р физ.-мат. наук, проф.; **А.М. Горцев**, д-р техн. наук, проф.; **С.К. Гураль**, д-р пед. наук, проф.; **Т.А. Демешкина**, д-р филол. наук, проф.; **Ю.М. Ершов**, д-р филол. наук; **В.П. Зиновьев**, д-р ист. наук, проф.; **А.Г. Коротаев**, канд. физ.-мат. наук, ст. науч. сотр.; **И.Ю. Малкова**, д-р пед. наук, проф.; **В.П. Парначев**, д-р геол.-минерал. наук, проф.; **О.В. Петрин**, директор Издательства Томского государственного университета; **Л.М. Прозументов**, д-р юрид. наук, проф.; **З.Е. Сахарова**, канд. экон. наук, доц.; **Ю.Г. Слижов**, канд. хим. наук, доц.; **С.П. Сущенко**, д-р техн. наук, проф.; **П.Ф. Тарасенко**, канд. физ.-мат. наук, доц.; **Г.М. Татьянин**, канд. геол.-минерал. наук, доц.; **В.А. Уткин**, д-р юрид. наук, проф.; **О.Н. Чайковская**, д-р физ.-мат. наук, проф.; **Э.И. Черняк**, д-р ист. наук, проф.; **В.Г. Шилько**, д-р пед. наук, проф.; **Э.Р. Шрагер**, д-р физ.-мат. наук, проф.

EDITORIAL COUNCIL OF TOMSK STATE UNIVERSITY

E. Galazhinsky, Dr. of Psychology, Professor (Chairman); **V. Demin**, PhD in Physics and Mathematics, Associate Professor (Vice Chairman); **N. Glushchenko,** PhD in History, Associate Professor (Executive Editor); **V. Bertsun**, PhD in Physics and Mathematics, Associate Professor; **Ye. Borisov**, Dr. of Philosophy, Professor; **D. Vorobyov**, Dr. of Biology, Associate Professor; **S. Vorobyov**, PhD in Biology, Senior Researcher; **A. Glazunov**, Dr. of Physics and Mathematics; **A. Gortsev**, Dr. of Engineering, Professor; **S. Gural**, Dr. of Education, Professor; **T. Demeshkina**, Dr. of Philology, Professor; **Yu. Yershov**, Dr. of Philology; **V. Zinoviev**, Dr. of History, Professor; **A. Korotaev**, PhD in Physics and Mathematics, Senior Researcher; **I. Malkova**, Dr. of Pedagogy, Professor; **V. Parnachev**, Dr. of Geology and Mineralogy, Professor; **O. Petrin**, Head of TSU Press; **L. Prozumentov**, Dr. of Law, Professor; **Z. Sakharova**, PhD in Economics, Associate Professor; **Yu. Slizhov**, PhD in Chemistry, Associate Professor; **S. Sushchenko**, Dr. of Engineering, Professor; **P. Tarasenko**, PhD in Physics and Mathematics, Associate Professor; **G. Tatianin**, PhD in Geology and Mineralogy, Associate Professor; **V. Utkin**, Dr. of Law, Professor; **O. Chaikovskaya**, Dr. of Physics and Mathematics, Professor, **E. Chernyak**, Dr. of History, Professor; **V. Shilko**, Dr. of Education, Professor; **E. Shrager**, Dr. of Physics and Mathematics, Professor

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор –
В.П. Зиновьев,
д-р ист. наук, профессор

Заместители главного редактора:
Е.В. Борисов,
д-р филос. наук, профессор
Т.А. Демешкина,
д-р филол. наук, профессор
В.А. Уткин,
д-р юрид. наук, профессор

Ответственный секретарь –
Н.А. Глущенко,
канд. ист. наук, доцент

И.А. Айзикова,
д-р филол. наук, профессор
Р.Л. Ахмедшин,
д-р юрид. наук, профессор
Л.М. Прозументов,
д-р юрид. наук, профессор
П.П. Румянцев,
канд. ист. наук, доцент
А.Ю. Рыкун,
д-р социол. наук, профессор
В.А. Суровцев,
д-р филос. наук, профессор
В.Г. Шилько,
д-р пед. наук, профессор

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief
Vasiliy P. Zinoviev,
Doctor of History, Professor

Deputy Editors-in-Chief
Evgeny V. Borisov,
Doctor of Philosophy, Professor
Tatiana A. Demeshkina,
Doctor of Philology, Professor
Vladimir A. Utkin,
Doctor of Law, Professor

Executive Editor
Nikita A. Glushchenko,
PhD in History, Associate Professor

Irina A. Aizikova,
Doctor of Philology, Professor
Ramil L. Akhmedshin,
Doctor of Law, Professor
Lev M. Prozumentov,
Doctor of Law, Professor
Petr P. Rumyantsev,
PhD in History, Associate Professor
Artem Yu. Rykun,
Doctor of Sociology, Professor
Valery A. Surovtsev,
Doctor of Philosophy, Professor
Victor G. Shilko,
Dr. of Education, Professor

Журнал индексируется в базе данных Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index.
Журнал индексируется в базе данных Russian Science Citation Index on Web of Science.

The Journal is indexed in the Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index.
The Journal is indexed in the Russian Science Citation Index on Web of Science.

Журнал включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, входящих в международные реферативные базы данных и системы цитирования, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук», Высшей аттестационной комиссии.

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

**ВЕСТНИК
ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА**

Мультидисциплинарный научный журнал

№ 506 Сентябрь 2024

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION
OF THE RUSSIAN FEDERATION

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL

Multidisciplinary research journal

№ 506 September 2024

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОЛОГИЯ

Береза Е.В. Функционирование модальной частицы 嘛 *ма* в современном китайском языке 5
Боттески К. Лирика Ады Негри на страницах русской периодики конца XIX – начала XX в. 14
Иванкова К.С. Гендерные различия в восприятии вербальных и невербальных аффективных стимулов 25
Пономарева Е.Ю. Дискурсивные стратегии и тактики убеждения в научно-популярном дискурсе по изменению климата 33
Стрельникова А.Б. «Кому нужны поэты?»: представления Ф. Сологуба о роли литературы в жизни человека и общества ... 44
Шарихин Е.Ю. Семантическая динамика наречий со значением «в общих чертах» в русском языке: основные процессы и факторы 51

ФИЛОСОФИЯ

Отургашева Н.В., Ходжаян А.А. Репрезентация современной арабской живописи в постколониальных исследованиях: дискурсивный анализ научного текста 57

СОЦИОЛОГИЯ И ПОЛИТОЛОГИЯ

Постникова О.Ю. Модели взаимодействия некоммерческих и общественных организаций и государства в период СССР 64

ИСТОРИЯ

Асочакова В.Н., Артамонова Н.Я. Проблемы формирования духовного образования в Приенисейской Сибири в XVIII–XIX вв. 71
Булва В.И. Теория и практика сетевой дипломатии 82
Глущенко А.А. Атомный проект в контексте институциональных изменений (1950–2010-е гг.): опыт закрытого города Железногорска 88
Головинов А.В. Политические нарративы публицистики Вл.М. Крутовского в журнале «Сибирские записки» (1916–1919 гг.) 98
Гутиева Э.Ш. Жизнь революционера и государственного деятеля Казбека Борукаева (1890–1931) 106
Кушков Е.А. Этапы следствия в проектах по обновлению уголовного судопроизводства Уложенной комиссии 1720-х гг. 112
Плешивцев А.К. Облачение сельского православного духовенства как элемент религиозной коммуникации (Сибирь, конец XIX в.) 119
Семенова В.И. Воеводский двор в Тюмени конца XVII века: материалы к реконструкции 128

ПЕДАГОГИКА

Алоян Ж.Л., Парсаданян С.М., Парсаданян Л.С. Обучение ин странным языкам для профессиональных целей в вузах Армении вызовы и актуальные решения 134
Kondrateva I.G. Developing soft competencies: conceptual and terminological support 145
Мутьев А.В., Скоробогатова М.Р., Лебедев Д.В. Состояние физкультурной работы среди детей школьного возраста в Крыму в конце 20-х – начале 30-х гг. XX в. 150

CONTENTS

PHILOLOGY

Bereza E.V. Functioning of the modal particle 嘛 *ma* in modern Chinese 5
Botteschi C. The lyric poetry of Ada Negri on the pages of Russian periodicals of the late nineteenth – early twentieth centuries 14
Ivankova K.S. Gender differences in the perception of verbal and nonverbal affective stimuli 25
Ponomareva E.Yu. Discourse strategies and tactics of persuasion in popular scientific discourse on climate change 33
Strelnikova A.B. "Who needs poetry?": Fyodor Sologub's reflection on the role of literature in human and social life 44
Sharikhin E.Yu. Semantic dynamics of adverbs with the meaning "in general terms" in the Russian language: Main processes and factors 51

PHILOSOPHY

Oturgasheva N.V., Khodzhayan A.A. Representation of modern Arab painting in post-colonial studies: Discourse analysis of scientific text 37

SOCIOLOGY AND POLITICAL SCIENCE

Postnikova O.Yu. Models of interaction between non-profit and public organizations and the state during the USSR period 64

HISTORY

Asochakova V.N., Artamonova N.Ya. Problems of the formation of spiritual education in Yenisei Siberia in the 18th–19th centuries 71
Bulva V.I. Theory and practice of network diplomacy 82
Glushchenko A.A. The Soviet nuclear project within the context of institutional changes (1950s – 2010s): the case of the closed city of Zheleznogorsk 88
Golovinov A.V. Political narratives of journalism by Vladimir Krutovsky in the journal *Sibirskie Zapiski* (1916–1919) 98
Gutieva E.Sh. On the life of the revolutionary and statesman Kazbek Borukaev (1890–1931) 106
Kushkov E.A. Stages of investigation in the drafts for the renewal of criminal proceedings by the Legislative Commission of the 1720s 112
Pleshivtsev A.K. Orthodox clerical clothing as an element of religious communication (Siberia, late 19th century) 119
Semyonova V.I. Voivode's Yard in Tyumen at the end of the 17th century: Materials for reconstruction 128

PEDAGOGICS

Aloyan Zh.L., Parsadanyan S.M., Parsadanyan L.S. Teaching foreign languages for professional purposes in the universities of Armenia: Challenges and current solutions 134
Kondrateva I.G. Developing soft competencies: Conceptual and terminological support 145
Mutiyev A.V., Skorobogatova M.R., Lebedev D.V. The state of physical education among school-age children in Crimea in the late 1920s – early 1930s 150

Ромазанова У.В. Текст кулинарного рецепта как дидактический материал на занятиях по русскому языку как иностранному …… 159
Червонный М.А., Игна О.Н., Кузнецова Ю.А. Развитие профессиональных инициатив будущих учителей в Германии и Китае …… 168

ПРАВО

Азарёнок Н.В., Золоев А.Г. О необходимости научной разработки и введения в УПК РФ главы 40.2 «Особенности судебного разбирательства путем использования систем видео-конференц-связи» …… 178
Алымов Д.В., Балашов К.Г., Дериглазова А.Ю. Криминалистическая характеристика типовых следов преступника, осуществляющего криминальную деятельность в виртуальном пространстве (на примере дроповодов) …… 185
Евдокимов В.Б., Ульянов А.Ю. Принцип эффективности и его реализация в деятельности прокуратуры как института публичной власти с особым статусом …… 193
Подройкина И.А., Алексеева М.В., Борзаев А.М. Экономические издержки наличия составов с административной преюдицией …… 201
Решняк М.Г. Противодействие диверсионной деятельности: к вопросу о совершенствовании уголовно-правовых мер …… 208

Romazanova U.V. The text of a culinary recipe as didactic material in classes in Russian as a foreign language …… 159
Chervonny M.A., Igna O.N., Kuznetsova Yu.A. Development of professional initiatives of future teachers in Germany and China …… 168

LAW

Azarenok N.V., Zolotoyev A.G. On the need for scientific development and introduction of Chapter 40.2 "Features of Judicial Proceedings Through the Use of Videoconferencing Systems" into the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation …… 178
Alymov D.V., Balashov K.G., Deriglazova A.Yu. Criminalistic characterization of typical traces left by an offender engaged in criminal activities in the virtual space (using the example of dropper operators) …… 185
Evdokimov V.B., Ulyanov A.Yu. The principle of efficiency and its implementation in the organization of the Prosecutor's Office as an institution of public authority with a special status …… 193
Podroykina I.A., Alekseeva M.V., Borzaev A.M. The economic costs of having elements of a crime with administrative prejudice …… 201
Reshnyak M.G. Countering subversive activities: On improving criminal law measures …… 208

ФИЛОЛОГИЯ

Научная статья
УДК 811.581
doi: 10.17223/15617793/506/1

Функционирование модальной частицы 嘛 *ма* в современном китайском языке

Евгения Викторовна Береза[1]

[1] *Амурский государственный университет, Благовещенск, Россия, kravchenko0992@mail.ru*

Аннотация. Рассматриваются особенности функционирования модальной частицы современного китайского языка 嘛 *ма*, ее основные значения и способы употребления. В исследовании использовалась современная художественная литература и данные корпуса BCC. Раскрывается новая тенденция в современном китайском языке – употребление частицы 嘛 *ма* в предложениях с общим вопросом в разговорной речи носителей языка вместо 吗 *ма* и 么 *мэ*. Представлены результаты направленного корпусного исследования и данные социолингвистического эксперимента.
Ключевые слова: модальная частица, стиль речи, частотность, очевидность, дополнительные смысловые оттенки

Для цитирования: Береза Е.В. Функционирование модальной частицы 嘛 *ма* в современном китайском языке // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 506. С. 5–13. doi: 10.17223/15617793/506/1

Original article
doi: 10.17223/15617793/506/1

Functioning of the modal particle 嘛 *ma* in modern Chinese

Evgeniia V. Bereza[1]

[1] *Amur State University, Blagoveschensk, Russian Federation, kravchenko0992@mail.ru*

Abstract. The article aims to conduct a comprehensive analysis of the modal particle 嘛 *ma* functioning patterns in modern Chinese. The study describes the main meanings and ways of using the particle. Works of modern Chinese writers were used as research material – examples to illustrate every meaning of every way of functioning. Data from the corpus of Beijing Language and Culture University representing 3 genres – fiction, non-fiction and casual speech, including communication on the Internet, – were used to determine the dependency of the particle frequency of occurrence on the genre. The main methods of research were the corpus linguistics method – statistical analysis based on corpus, continuous and directed sampling; classical linguistic methods – semantic and contextual analysis, descriptive method; the sociolinguistic method – surveys based on questionnaires with native Chinese speakers. During the study, the author analyzed theoretical data, provided their confirmation with real examples from literature, conducted corpus research, studied data of a new trend in the modern Chinese language, demonstrated it by using the example of survey data of Chinese informants. As a result, colloquial speech (including Internet communication) was found to be the primary sphere of the particle use. In fiction and non-fiction, the frequency turned out relatively similar but almost 50 times lower than in casual speech. The basic meaning of the particle is the obviousness of what is said; various additional meanings include request, dissatisfaction, intolerance, capriciousness, arrogance, humiliation, contempt, joy. Besides, when used in the middle of a sentence, the particle focuses attention and highlights the topic of the statement. Set expressions turned out to be a less frequent way of functioning. Another finding was a new trend in modern Chinese to use the particle 嘛 *ma* in sentences that are classified as general questions. Such results have not been previously reported. These functions in Chinese are canonically performed by particles 吗 *ma* and 么 *me*, but now Chinese people in spoken language and online chats use 嘛 *ma* in general questions to express friendship and to become closer to the interlocutor. Besides general questions, rhetorical questions and special questions were among the patterns of using the particle, however, only to introduce certain additional shades to the statement – obviousness, a high degree of confidence, indignation, surprise. The data obtained from the survey enabled the study to prove the awareness of the new trend concerning the particle use in general questions and its wider spread among younger speakers.
Keywords: modal particle, speech genre, frequency of occurrence, obviousness, additional semantic shades

For citation: Bereza, E.V. (2024) Functioning of the modal particle 嘛 *ma* in modern Chinese. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 506. pp. 5–13. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/506/1

© Береза Е.В., 2024

Введение

Модальные частицы китайского языка являются важнейшим инструментом, позволяющим передать дополнительные смысловые характеристики. Если в разговорной речи говорящий может выразить свое отношение к сказанному с помощью интонации (смягчить ее, сделать мелодический уровень более низким или, наоборот, высоким и т.п.), то на письме это возможно сделать только с помощью модальных частиц, чтобы читатель мог в полной мере получить представление о смысле предложения.

Настоящее исследование ставит целью проведение комплексного анализа особенностей функционирования модальной частицы современного китайского языка 嘛 *ма*, выявление частотности ее употребления в разных стилях речи (разговорный, художественный и публицистический) и функциях и определение новых тенденций ее функционирования.

Исследование представляется актуальным в силу недостаточного количества в отечественном китаеведении полноценных комплексных трудов, посвященных функционированию частицы 嘛 *ма*, несмотря на то, что она достаточно часто употребляется в речи современных китайцев. Актуальность исследованию также придает возникновение в разговорной речи современных китайцев (в том числе общении на интернет-платформах) новой тенденции, связанной с использованием частицы 嘛 *ма* в общих вопросах вместо вопросительных частиц 吗 *ма* или 么 *мэ*, что априори для нее не свойственно. Разговорная речь характеризуется максимальной вариантностью и существенными отклонениями от норм, прописанных для подготовленной речи, что привлекает внимание многих исследователей как в Китае [1, 2], так и в России [3–5].

Ввиду вышеизложенного факта недостаточности трудов отечественных лингвистов о частице 嘛 *ма*, настоящее исследование в основном строилось на работах китайских лингвистов, которые в полной мере отражают различные способы использования и предлагают разные подходы к значению данной частицы. В отечественном языкознании мы можем выделить лишь работы С.И. Симатовой, посвященные модальности и модальным частицам как способу выражения модальности в современном китайском языке [6, 7] и работы А.Д. Павловой [4, 5], посвященные генезису и функциям некоторых фразовых частиц современного китайского языка, однако они также не раскрывают все значения исследуемой в настоящей работе частицы.

В качестве наиболее авторитетных китайских исследователей, занимающихся вопросом грамматики современного китайского языка, в частности функционированием модальных частиц, мы можем выделить Люй Шусяна [8] и Лю Юэхуа [9]. Более подробно значения и способы употребления частицы 嘛 ма описывали Чжан Бинь [10], Бай Сяохун [11], непосредственно фокусирующие внимание на служебных словах. Самое широкое и полноценное описание функционирования частицы 嘛 *ма* в современном китайском языке проводили такие ученые, как Фу Ю [12], Дэн Хунъе [13], Ван Фан [14]. Среди недавно опубликованных работ, в которых описаны основные значения частицы 嘛 *ма*, следует выделить труды Чжао Чуньли [15], Дэн Чжуцзина [1] и Цуй Силяна [2].

В качестве материала были использованы произведения современных китайских писателей середины XX – начала XXI в. (7 рассказов и 1 сборник «Лучшие произведения китайской прозы за 2005 г.» [16]), примеры из которых были взяты в качестве иллюстративного материала, и данные корпуса Пекинского университета языка и культуры [17], в соответствии с которыми была выявлена частотность употребления частицы 嘛 *ма* в разных стилях речи и в разных функциях. Всего число проанализированных примеров составило 1300 (500 примеров из произведений современных китайских писателей (18 взяты в качестве иллюстративного материала), 500 примеров из раздела художественной литературы корпуса, 300 примеров вопросительных предложений разговорного стиля.

В исследовании был использован метод корпусной лингвистики: количественный подсчет в выборке примеров по корпусу. Единицы и контексты были отобраны методом сплошной (для определения частотности в разных стилях речи) и направленной (для определения частотности употребления в разных функциях) выборки. Далее были использованы классические лингвистические методы (методы семантического и контекстуального анализа) для идентификации значений частицы в каждом примере. Затем был применен описательный метод для подробной характеристики описываемого предмета. В качестве еще одного метода сбора материала был использован метод анкетирования для получения информации о степени осознанности употребления носителями современного китайского языка частицы 嘛 *ма* в общих вопросах.

Способы функционирования частицы 嘛 *ма*

В результате анализа трудов китайских лингвистов было выделено четыре способа функционирования частицы 嘛 *ма*, в которых она способна выражать различные значения. На все значения (основные и дополнительные), выражаемые частицей при разных способах функционирования, приведены примеры из произведений художественной литературы современных китайских писателей.

Способ 1 – функционирование в конце предложения или фразового единства, где частица проявляет свое основное значение, заключающееся в выражении очевидности сказанного, отсутствии каких-либо сомнений, указании на то, что так и должно быть и это предельно ясно [9. С. 430; 10. С. 275]. Например:

这种故事本来就是编给贝贝们听的**嘛** [16. С. 180]. *Очевидно же, что такие рассказы именно для детей и выдумываются* (здесь и далее перевод автора. – *Е.Б.*).

你还自视颇高**嘛** [19]. *Ты все-таки слишком высокого о себе мнения*.

В корпусе из 500 проанализированных примеров частица 嘛 *ма* в такой функции употреблялась более чем в половине всех случаев (278 раз – 55,6%), что дает

нам право говорить, что в данной функции частица проявляет свое основное значение очевидности высказывания.

Из основного значения вытекает целый ряд дополнительных значений частицы 嘛 *ма*. Одно из таких значений проявляется в побудительных предложениях при выражении ожидания от собеседника выполнения чего-либо или же просьба не делать этого [18. С. 381]. Например:

首长你别急**嘛**，**我**这不是向你报喜吗 [20]? *Начальник, ты не торопись, разве я тебе тут не о хороших вещах докладываю?*

Употребление частицы 嘛 *ма* в такой функции отмечено в 22 примерах из 500 (4,4%).

Кроме этого, в побудительные предложения частица 嘛 *ма* также может вносить дополнительный оттенок неудовлетворенности или нетерпимости, при этом часто диалог происходит между людьми, находившимися в достаточно близких отношениях (родители и дети, старшее поколение и младшее) или же между людьми, соблюдающими субординацию (начальство и подчиненные, преподаватель и студент) [14. С. 91]. Например:

不要这样**嘛**，**以后都是一家人**，**你**们是我的岳父岳母，我是你们的女婿，你们这样子，以后一家人怎么相处? [21. С. 450]. *Не нужно так делать, мы будем одной семьей, вы мои тесть и теща, я ваш зять, а вы вот так, как потом общаться в семье?*

我等着她说，她却突然支支吾吾起来。我说:“**直**说**嘛**” [16. С. 182]. *Я ждал, пока она скажет, а она же вдруг начала увиливать от ответа. Я сказал ей: «Говори прямо».*

Оттенок неудовлетворенности и нетерпимости нами был отмечен в 25 случаях из 500 рассмотренных примеров (5%).

Иногда частица 嘛 *ма* способна вносить в предложение оттенки выражения баловства, капризности, своенравности [13. С. 28]. Такое употребление часто наблюдается в диалоге между супругами или влюбленными, когда девушка кокетничает с парнем, или же между ребенком и родителем, когда первый упрашивает второго, умоляет что-либо сделать [14. С. 91]. В других случаях употребление частицы 嘛 *ма* будет неуместно, например, ученик не может использовать данную частицу, когда просит учителя помочь прочитать ему иероглиф, но если он просит свою мать, то употребление им частицы будет уместным [12. С. 93]. Например:

林红，我知道你喜欢我，你直接对我说**嘛** [21. С. 474]. *Ли Хун, я знаю, что нравлюсь тебе, ты так и скажи мне прямо.*

不嘛… **其**实她是半推半就 [22]. *Неа… на самом деле она набивает себе цену.*

Корпусное исследование показало, что частица 嘛 *ма* в такой функции употребляется в 10 случаях из 500 (2%).

Кроме этого, частица 嘛 *ма* способна выразить значения, которые по-русски могли бы быть обозначены с помощью частицы «всего лишь», т.е. говорящий указывает на то, что предмет обсуждения намного проще, чем кажется на первый взгляд, необходимо посмотреть на него с другой стороны. Иногда значение осложняется оттенками презрения, пренебрежения [14. С. 91]. Часто мы встречаем конструкцию **不就是** *разве не…* 嘛 *ма*, **就是** *именно, только лишь…* **而已**嘛 *только и всего,* 还是 *все-таки,* **只是** *только лишь* [2. С. 65–66]. Например:

不就是吻过她一次**嘛**， **干**吗这么认真 [23]. *Да всего лишь разок поцеловал ее, зачем так серьезно к этому относиться.*

女人活的就是一张脸**嘛** [24]. *Забота женщин – это только их лицо.*

В корпусе в данном значении частица употреблялась 15 раз (3%), из них со словом **不就是** *разве не…* – 12 раз, со словом 还是 *все-таки* – 2 раза, *со словом* **只是** *только лишь* – 1 раз.

Еще одним дополнительным значением частицы 嘛 *ма* является выражение сильной радости, восхищения и восхваления, при этом она добавляет в предложение непринужденность и приветливость [14. С. 91]. В данном случае предложения будут по большей части пунктуационно обозначены как восклицательные. Например:

简直更是个大的农贸市场**嘛** [24]! *Попросту говоря, это большой рынок сельскохозяйственной продукции!*

Употребление частицы 嘛 *ма* со значением восхищения и восхваления в корпусе равно 18 случаев из 500 (3,6%).

При анализе функционирования частицы 嘛 *ма* в вопросительных предложениях мы выяснили, что в основном она используется только в предложениях, где не является способом выражения вопроса как такового. Это относится к риторическому вопросу, где 嘛 *ма* часто используется в сочетании с **不是** *нет* [25. С. 218], в данном случае также выражается базовое для частицы 嘛 *ма* значение – очевидность сказанного [1. С. 28], она показывает высокую степень уверенности спрашивающего и удивление [26. С. 177]. Например:

你看你，**我不是心疼你嘛** [16. С. 434]? *Ну посмотри на себя, я разве не сильно люблю тебя?*

В корпусе было выделено 25 риторических вопросов с 嘛 *ма* (5% в выборке): 22 со словом **不是** *нет*, 3 со словом 难道 *разве.*

В качестве особых случаев выделяют употребление частицы 嘛 *ма* в предложениях с общим вопросом, образованным путем соположения утвердительной и отрицательной форм сказуемого. Здесь частица вносит оттенок недовольства, побуждает собеседника как можно скорее дать ответ на вопрос. Ду Цзяньсинь приводит следующий пример: A: **他去不去**? B:**你**别问了. A: **他去不去嘛**， **快**说呀. *A: Он пойдет? B: Не спрашивай больше. A: Так, он пойдет или нет, быстро говори* [26. С. 178].

Это также могут быть предложения со специальными вопросительными словами, но сами не выражающие конкретного вопроса, а выражающие с помощью частицы 嘛 *ма* крайнее недовольство, самоуверенность говорящего и высокомерие.

Эти дополнительные оттенки исходят из основного значения частицы 嘛 *ма* – очевидность, предельная ясность. Из-за того что говорящий убежден в аргументированности сказанного, считает его истинным и очевидным, он может с полным правом уверенно выражать свое возмущение и недовольство [12. С. 92].

不该有感觉的时候她有，该有的时候她却没有，唉， 什么人嘛 [16. С. 168]? *Когда не должно быть чувств, у нее они есть, когда чувства должны быть, у нее, наоборот, их нет, ах, ну что за человек?*

怎么回事嘛 [24]? *Как это произошло?*

Корпусное исследование показало, что в 20 примерах из 500 частица была употреблена со специальными вопросительными словами (4%). Примера со слитно-разделительным вопросом отмечено не было.

Способ 2 – функционирование в позиции середины предложения, что свойственно лишь некоторым модальным частицам [27. С. 29]. Частица 嘛 *ма* в данном случае выделяет какое-то слово для того, чтобы на него обратили внимание, тем самым вводит тему высказывания. Может переводиться как *что касается, говоря о*. Обычно выделяется предметная конструкция [28. С. 34]. Иногда присутствует оттенок критики [2. С. 65]. Например:

女人**嘛**， 总是要有钱才养得服帖 [22]. *Что касается девушек, они только при наличии денег, они будут слушаться.*

Существует мнение, что предложения такого типа носят несколько официальный характер, их часто используют руководители для выражения своего мнения [13. С. 28].

官运嘛， **以前会有些阻滞**， **不**过你不用担心， 很快就会大有改善 [20]. *Что касается продвижения по службе, раньше были такие задержки, но тебе не стоит переживать, скоро все изменится в лучшую сторону*.

Такое употребление было зафиксировано в 31 примере из 500 проанализированных (6,2%).

Иногда частица употребляется не для выделения определенного слова, а для сосредоточения внимания собеседника на последующей информации, в данном случае перед частицей обычно находится непредметное выражение [28. С. 34]. Частица 嘛 *ма* выражает полную уверенность относительно выделенного ею, во второй части предложения обычно следуют доказательства, структура таких предложений следующая: «причина – следствие» [26. С. 177–178]. Например:

就是嘛， **她果然把我当成傻子来**对付 [29]. *А именно, она и вправду делает из меня дурака, чтобы я на это реагировал*.

刘承魁毕竟五十多岁的人**嘛**， 难道自己轻到了这种程度 [20]**?** *Лю Чэнкую все-таки более 50 лет, разве он мог похудеть до такой степени?*

Такое употребление было зафиксировано в 35 примерах из 500 проанализированных (7%).

В качестве еще одного значения частицы 嘛 *ма* в середине предложения необходимо отметить возможность введения условия [8. С. 376; 28. С. 34]. Например:

这一只最贵重**嘛**，**那我就把**这一只送到电视台吧 [16. С. 175]. *Если это самое дорогое, я это и отошлю телевизионной станции.*

Частица обозначала условие в 14 из 500 примеров, рассмотренных в корпусе (2,8%).

Способ 3 – функционирование частицы 嘛 *ма* в качестве своего рода помощника для некоторых наречий, что позволяет им самостоятельно использоваться в качестве предложения [12. С. 95]. Такое употребление модальных частиц говорит об их особой функции, которая заключается в завершении предложения. Данной функции посвящена статья Лу Цзяньмина, где он выделяет 14 наречий из 65, которые могут самостоятельно образовывать предложение, только если после него употреблена модальная частица [30. С. 27–40]. Частица 嘛 *ма* выполняет данную функцию в сочетании со следующими наречиями: **本来嘛** *изначально, естественно,* **其实嘛** *на самом деле.*

В корпусе был отмечен лишь один такой пример (0,2%) со словом **其实** *на самом деле.*

Способ 4 – функционирование частицы 嘛 *ма* в устойчивых выражениях, которые постоянно присутствуют в речи носителей языка **可不是嘛** *еще бы / совершенно верно,* **可不嘛** *а почему бы и нет / конечно* [11. С. 254].

В корпусе отмечено 6 таких примеров (1,2%) с **可不是嘛** ма *еще бы / совершенно верно.*

Обобщив указанные данные, способы функционирования частицы 嘛 *ма* по частотности можно распределить следующим образом: в конце предложения (фразового единства), обозначая очевидность – 82,6% (60,6% + дополнительные оттенки: нетерпимость и неудовлетворенность – 5%; просьба – 4,4%; высокомерие в специальном вопросе – 4%; радость – 3,6%; всего лишь, презрение, пренебрежение – 3%; баловство, капризность – 2%); употребление в середине предложения – 16% (внимание на нижеследующую информацию – 7%; введение темы – 6,2%; условие – 2,8%); устойчивые выражения – 1,2%; оформление наречия в самостоятельное предложение – 0,2%. Для наглядности представим все значения в таблице.

Способ функционирования – значение	Содержание, %
1. В конце предложения (фразового единства):	**82,6**
– очевидность	82,6 (без дополнительных – 60,6)
Дополнительные:	22
– нетерпимость и неудовлетворенность	5
– просьба	4,4
– высокомерие	4
– радость	3,6
– всего лишь, презрение, пренебрежение	3
– баловство, капризность	2
2. В середине предложения:	**16**
– внимание на нижеследующую информацию	7
– введение темы	6,2
– условие	2,8
3. В устойчивых выражениях	**1,2**
4. Оформление наречия в самостоятельное предложение	**0,2**

Для определения частотности частицы 嘛 *ма* в разных стилях речи применялся автоматический поиск по трем подкорпусам, который позволил обнаружить 11 952 примера в произведениях художественной литературы, 9 424 примера в публицистике и 595 549 примеров в разговорной речи. Учитывая сбалансированность корпуса по объему материала разных жанров, очевиден вывод об использовании частицы 嘛 *ма* в разговорной речи почти в 50 раз чаще, чем в публицистике и художественной литературе, соотношение употребления в которых примерно одинаково с небольшим преобладанием в последней.

Анализ функционирования модальной частицы 嘛 *ма* в предложениях с общим вопросом в разговорной речи носителей языка

По данным исследований современных китайских лингвистов, в разговорной речи современных китайцев, особенно это можем заметить при общении на различных интернет-платформах, наметилась новая тенденция использования модальной частицы 嘛 *ма* в предложениях с общим вопросом, в которых априори используется традиционная вопросительная частица 吗 *ма* [31. С. 212] или частица 么 *ме* [32. С. 78]. В отношении частицы 吗 *ма* можно выделить несколько точек зрения. Некоторые ученые считают, что данный случай можно рассматривать как замену иероглифа или же смешение функций частиц, указывая на разграничение их функций (в соответствии с китайской терминологией частица 吗 *ма* относится к группе 传疑 чуань'и (коммуникативные), а частица 嘛 *ма* – к группе 传信 чуань синь (информативные), и, отрицая факт реального намеренного использования частицы 嘛 *ма* в несвойственной для нее функции, они осторожно отмечают, что это может быть проявление ее не основной, а дополнительной функции [26. С. 177; 33. С. 48].

Другие исследователи считают, что употребление частицы 嘛 *ма* в таких предложениях никак не может характеризоваться как элементарная ошибка или просто безразличие к грамматическим правилам современного китайского языка, а, напротив, характеризуется как намеренное желание говорящего сблизиться со своим собеседником, «пококетничать» с ним, повысить степень доверительных отношений [15. С. 20; 34. С. 21]. В данном случае отмечен более высокий уровень эмоциональности и модальности, что позволяет частице 嘛 *ма* использоваться для удлинения предложения, выравнивания и смягчения его резкой (что характерно для частицы 吗 *ма*) вопросительной интонации и передачи некоторых эмоциональных характеристик. Из этих значений исходит дружеская и мягкая интонация частицы 嘛 *ма*, которая выводит ее на более высокий уровень модальности по сравнению с частицей 吗 ма, даже когда, употребляя последнюю, говорящий сам смягчает интонацию предложения [15. С. 20]. Это можно проиллюстрировать примерами:

你能把盐递给我**吗**? *Ты можешь мне передать соль?*

你能把盐递给我**嘛**? *Не затруднит ли тебя передать мне соль?* Или более разговорный и дружеский: *Передай соль, а, пожалуйста!*

Перевод данных предложений на русский язык может различаться, но самое главное то, как говорящий интонационно выразит свою просьбу. Во втором случае это он сделает намного мягче, тактичнее и дружелюбнее. В письменной речи собеседник сразу поймет, что интонация второго предложения намного мягче. Сравниться по степени эмоциональной наполненности со вторым предложением может только предложение, образованное путем употребления **好**吗 *хао ма хорошо?* после запятой, что изменит вопросительную интонацию на просьбу [35. С. 79].

В отношении частиц 么 *мэ* и 嘛 *ма* в общем вопросе следует отметить некоторую их близость. Дело в том, что 么 *мэ* в предложениях с общим вопросом отличается от частицы 吗 *ма* более слабой вопросительной интонацией, больше похожей на сомнение [32. С. 78], и используется для выражения тактичности и деликатности в вопросительном предложении, чаще всего при обращении к знакомым людям и друзьям [36. С. 248]. Употребление частицы 嘛 *ма* отличает бóльшая степень близости собеседников [34. С. 21].

Для определения масштабности новой тенденции употребления частицы 嘛 *ма* в предложениях с общим вопросом мы обратились к материалам разговорной речи корпуса. Нас интересовали именно пунктуационно отмеченные вопросительные предложения. Всего в данном разделе корпуса было найдено 58 106 вопросительных предложений с частицей 嘛 *ма*, что составило 10% от общего количества примеров функционирования частицы в данном стиле. Анализу подверглись первые 300 предложений. Из них 254 единицы оказались общими вопросами, 22 единицы – риторическими вопросами, 15 – предложения со специальными вопросительными словами, 5 – со слитно-разделительным вопросом, 4 предложения, где 嘛 *ма* употреблялась в значении вопросительного местоимения 什么 *что.* Анализ контекстов предложений с общим вопросом показал, что частицу 嘛 *ма* применяют люди, находящиеся в достаточно близких отношениях, обстановка разговора непринужденная, говорящий пытается показать свое теплое и дружеское отношение к собеседнику или же намеренно с ним кокетничает.

Социолингвистический эксперимент

Для выявления степени осознанности данной тенденции носителями языка в современном обществе было проведено анкетирование, задача которого состояла в выявлении частотности осознанного использования и определении его причин. Анкета была составлена в соответствии с уже имеющимися данными об условиях использования 嘛 *ма* в общем вопросе. В некоторых ситуациях было дано пояснение, что общение происходит между людьми, находящимися в достаточно близких отношениях, или была предложена ситуация, где собеседник намеренно пытается

сблизиться и пококетничать. В каждом случае было предложено выбрать одну из трех частиц – 吗 *ма*, 嘛 *ма*, 么 *мэ*.

Всего в анкетировании приняли участие 110 респондентов: 15–25 лет (28 человек), 25–35 лет (28 человек), 35–45 лет (27 человек) и более 45 лет (27 человек). География исследования включала 17 провинций, преобладали респонденты из провинций Шаньси и Хэйлунцзян. Все респонденты владели *путунхуа*.

Кроме конкретных ситуаций общения респондентам было предложено выбрать объект, в общении с которым они обычно используют ту или иную частицу, и намерения их использования. При анализе ответов на вопрос о выборе объекта (вариантов ответа можно было выбрать несколько: **不分**对象 (не разграничиваю объект), **陌生人** (незнакомый человек), **小孩子** (дети), **同龄人**(ровесники), **朋友**(друзья), **熟悉人**(знакомые)) было выявлено, что большинство (75,45%), используя частицу 吗 *ма*, не разграничивают объекты или же используют ее для общения с незнакомыми людьми (22,73%); с частицей 么 *мэ* в основном респонденты также не разграничивали объект (60%), но при этом все больше людей выбирали уже знакомых и друзей (59,09%); с частицей 嘛 *ма* большинство респондентов выбрали ровесников, друзей и детей (88,18%).

В ходе анализа ответов, где предлагалось выбрать причины использования частиц 嘛 *ма* вместо 吗 *ма*, оказалось, что большинство респондентов выполняют замену, когда общение происходит между друзьями – 64,55%, некоторые хотят снизить официальность беседы – 40,91%, 36,6% респондентов намеренно пытаются сблизиться с собеседником лишь 17,27% ответили, что не производят замены.

Относительно возрастных различий было выявлено, что большая часть людей, предпочитающих использовать 嘛 *ма*, находятся в возрасте от 15 до 25 лет (51,82%), на втором месте – группа от 25 до 35 (31,82%), далее – от 35 до 45 (10%), меньшинство составила группа людей более 45 лет (6,36%).

При анализе ответов респондентов, где нужно было выбрать одну из трех частиц, было отмечено, что если ситуация четко определена, т.е. показано, что диалог состоится между людьми, находящимися в близких отношениях, то доля использования частицы 嘛 *ма* возрастает, причем чем ближе отношения, тем большее количество респондентов выбирают 嘛 *ма*. Сравним два примера. В первом понятно, что диалог происходит между друзьями или знакомыми (доля употребления 嘛 *ма* и 么 *мэ* примерно одинакова), а во втором – между влюбленными (доля 嘛 *ма* повышена, почти достигает 吗 *ма*).

1. –**你那里最近天气怎么**样？冷不冷？–**天气挺好的**. –**那你出去玩儿了**__? *Как у тебя там с погодой последнее время? Холодно? – Погода довольно хорошая. – Тогда ты выходил гулять?*

吗 *ма* – 59,09%, 嘛 *ма* – 20,91%, 么 *мэ* – 20%.

2. **宝宝**， **你之前**发给我的文件我没保存上， 能重新发__? *Сокровище мое, я не сохранил(а) документ, который ты мне отправлял(а), можешь еще раз отправить?*

吗 *ма* – 42,73%, 嘛 *ма* – 41,82%, 么 *мэ* – 15,45%.

Кроме того, нам удалось выявить, что молодые девушки используют частицу 嘛 *ма* чаще мужчин (75 к 25%), так как им больше всего присущи кокетство, нежность и капризность, что выражается данной частицей. В данном случае ее доля превышала использования традиционной 吗 *ма*. Например:

老公， **你**觉得哪个颜色适合我？是红色__? *Муж, какой цвет, по-твоему, мне подходит? Красный?*

吗 *ма* – 36,36%, **嘛 ма – 49,09%**, 么 *мэ* – 14,55%.

– **明天怎么**过节？**要不要一起**过? *Завтра как будешь отмечать праздник? Вместе отметим?*

– **那你能回来陪我**__? *А ты сможешь приехать побыть со мной?*

吗 *ма* – 36,36%, **嘛 *ма* – 46,36%**, 么 *мэ* – 17,27%.

Результаты анкетирования показали, что современные китайцы в разговорной речи в предложениях с общим вопросом осознанно используют модальную частицу 嘛 *ма* вместо частиц 吗 *ма* и 么 *мэ*, для которых эта функция является основной. Причины такой замены заключаются в акценте на близости отношений между говорящими или намеренном сближении, а также в снижении официальности общения. Основной возрастной категорией, использующей частицу 嘛 *ма* в таких целях, являются молодые люди до 35 лет, особенно девушки, которые стремятся выразить нежность и кокетство.

Заключение

Анализ частотности и особенностей функционирования частицы 嘛 *ма* в современном китайском языке позволил прийти к следующим выводам.

Основное значение, вносимое частицей 嘛 *ма* при функционировании в конце предложения или фразового единства, раскрывается в выражении очевидности сказанного (в соответствии с корпусом данное значение присуще частице в 82,6% случаях функционирования), причем, указывая на то, что все и так понятно, частица может вносить и другие дополнительные оттенки: просьбу, недовольство, нетерпимость, капризность, высокомерие, унижение, презрение, радость. Второй по частотности является частица 嘛 *ма* в середине предложения (16%) для привлечения внимания, выделения темы высказывания, акцентирования внимания на последующей информации и введения условия. Менее частотным оказалось функционирование в устойчивых выражениях и структуре с наречием, представляющей собой самостоятельное предложение.

Сравнение частотности употребления частиц в разных стилях речи показало, что частица 嘛 *ма* в разговорном стиле употребляется чаще всего, затем по убывающей частотности следуют художественный и публицистический стили.

Наконец, анализ материала общих вопросов в подкорпусе разговорной речи и анкетирование носителей

китайского языка позволили очертить границы распространения новой тенденции употребления частицы 嘛 *ма* вместо частиц 吗 *ма* и 么 *мэ* в разговорной речи современных китайцев для намеренного сближения отношений между собеседниками или же проявления теплых, дружеских чувств. Особенно ярко данная тенденция проявляется среди молодых людей в возрасте от 15 до 35 лет и в речи молодых девушек для выражения оттенков кокетства с противоположным полом.

Список источников

1. Дэн Чжуцзин. Юйцицы «ма» цзай вэйбо чжун дэ шиюн каоча [邓竹菁。语气词**“嘛”在微博中的使用考察**：暨南大学硕士学位论文。暨南：暨南大学]. Исследования употребления модальной частицы **“嘛”** в социальной сети Вэйбо : магистерская диссертация. Цзинань : Цзинаньский университет. 2019. 52 с.
2. Цуй Силян. Ханьюй юйцицы «ма» дэ цинтай ии [**崔希亮**。汉语语气词**‘～嘛’的情**态意义 // 语言教学与研究]. Модальность частицы китайского языка **“嘛”** // Юйянь цзяосюэ юй яньцзю. 2019. № 4. С. 60–68 (на кит. яз.)
3. Ли Ифан, Андросова С.В. Фонетические особенности слов в их обычных функциях и в качестве слов-паразитов (на материале китайского языка) // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2019. Вып. 5, № 3. С. 99–116. doi: 10.22250/2410-7190_2019_5_3_99_116
4. Павлова А.Д. Развитие научных представлений китайских лингвистов о роли фразовых частиц в китайском языке // Россия – Китай: история и культура : сб. XII междунар. науч.-практ. конф. 2019. С. 591–596.
5. Павлова А.Д., Гурулева Т.Л. Особенности генезиса классических фразовых частиц китайского языка // Litera. 2021. № 1. С. 134–143.
6. Симатова С.А. Частицы как способ выражения модальности в китайском языке // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2014. Сер. 13. Вып. 4. С. 23–36.
7. Симатова С.А., Науменко С.В. Проблема разграничения категорий **情**态, 语气 и **口气** в современном китайском языке // Гуманитарный вектор. 2016. Серия: Филология. Востоковедение. Т. 11, № 3. С. 111–119.
8. Люй Шусян. Сяньдай ханьюй бабай цы [吕叔湘。现代汉语八百词。北京：商务印书馆]. Восемьсот слов современного китайского языка. Пекин : Шанъу иньшугуань, 1999. 760 с. (на кит. яз.).
9. Лю Юэхуа. Шиюн сяньдай ханьюй юйфа [**刘月**华。实用现代汉语语法。北京：商务印书馆]. Практическая грамматика современного китайского языка. Пекин : Шанъу иньшугуань, 2001. 1003 с. (на кит. яз.).
10. Чжан Бинь. Сяньдай ханьюй сюйцы [张斌。现代汉语虚词。上海：华东师范大学出版社]. Служебные слова современного китайского языка. Шанхай : Хуадун шифань дасюэ чубаньшэ, 2000. 315 с. (на кит. яз.).
11. Бай Сяохун. Ханьюй сюйцы шиу цзян [**白**晓红。汉语虚词 15 讲。北京：北京语言大学出版社]. 15 лекций по служебным словам китайского языка. Пекин : Бэйцзин юйянь дасюэ чубаньшэ, 2007. 315 с. (на кит. яз.).
12. Фу Ю. Сяо и юйци чжуцы «ма» [**傅由**。**小**议语气助词**“嘛”// 中国人民大学学**报]. Кратко о модальной частице **“嘛”**ма // Чжунго жэньминь дасюэ сюэбао. 1997. № 6. С. 92–95. (на кит. яз.).
13. Дэн Хунъе. «Ма» «ма» чжи бянь [邓红叶。“吗”“**嘛”之 辨** // 语言应用研究]. Разница между “吗” и**“嘛”** // Юйянь инюн яньцзю. 2009. № 10. С. 28–29. (на кит. яз.).
14. Ван Фан. «Ма» дэ юйци ии шолюэ [**王芳**。**“嘛”的**语气意义说略 // 长春理工大学学报]. Обзор о значениях модальной частицы **“嘛”** // Чанчунь лигун дасюэ сюэбао. 2009. Вып. 4, № 10. С. 90–91 (на кит. яз.).
15. Чжао Чуньли. Цзюй вэй чжуцы дэ жэньчжи юй ганьцин дэ гуаньляньсин яньцзю [赵春李。句末助词 **“嘛” 的**认知与感情的关联性研究 // **上海外国**语大学学报]. Исследования восприятия и чувственной взаимосвязи фразовой частицы **“嘛”** // Шанхай вайго дасюэ сюэбао. 2016. № 5. С. 32–45 (на кит. яз.).
16. Линь Цзяньфа. 2005 Чжунго цзуй цзя дуаньпянь сяошо [林建法。2005 中国最佳短篇小说。沈阳：辽宁人民出版社]. Самые лучшие китайские рассказы 2005 г. Шэньян : Ляонин жэньминь чубаньшэ, 2006. 514 с. (на кит. яз.).
17. BCC юйляоку [BCC 语料库] Корпус BCC. URL: http://bcc.blcu.edu.cn/lang/zh (на кит. яз.) (дата обращения: 20.03.2023).
18. Фан Юйцин. Шиюн ханьюй юйфа [**房玉清**。实用汉语语法。北京：北京大学出版社]. Практическая грамматика китайского языка. Пекин : Бэйцзин дасюэ чубаньшэ, 2001. 437 с. (на кит. яз.).
19. Ван Шо. Во ши ни баба [**王朔**。**我是你爸爸**]. Я твой папа. URL: https://www.kanunu8.com/book/4399/index.html (на кит. яз.) (дата обращения: 05.03.2023).
20. Иньмоу гаошоу [**黄**晓阳。阳谋高手]. Знаток заговоров. URL: https://www.kanunu8.com/book3/7779/ (на кит. яз.) (дата обращения: 13.01.2023).
21. Юй Хуа. Сюнди [**余**华。兄弟。上海：文艺出版社]. Братья. Шанхай : Вэньи чубаньшэ, 2005. 735 с. (на кит. яз.).
22. Мо Янь. Шисань бу [**莫言**。**十三步**]. 13 шагов. URL: https://www.kanunu8.com/book2/10731/ (на кит. яз.) (дата обращения: 21.02.2023).
23. Ван Сяофан. Вайкэ ишэн [**王**晓方。**外科医生**]. Хирург. URL: http://www.kanunu9.com/5/5859/ (на кит.яз.) (дата обращения: 01.03.2023).
24. Цзя Пинва. Бай е [贾平凹 。**白夜**]. Белая ночь. URL: https://www.kanunu8.com/book4/10685/index.html (на кит. яз.) (дата обращения: 18.01.2023).
25. Ли Сяоци. Сяньдай ханьюй сюйцы цзян'и [**李**晓琪。现代汉语虚词讲义。北京：北京大学出版社北京]. Лекции по служебным словам современного китайского языка. Пекин : Бэйцзин дасюэ чубаньшэ, 2005. 260 с. (на кит. яз.).
26. Ду Цзяньсинь. Юйцицы «ма» «ма» хуньюн вэньти яньцзю [**杜建鑫**。语气词**“嘛”“**吗”**混用**问题研究 // 语言文字]. Исследование вопроса смешения использования модальных частиц **“嘛”**и**“**吗” // Юйянь вэньцзы. 2011. № 4. С. 176–179.
27. Кравченко Е.В. Классификация модальных частиц современного китайского языка // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2017. Вып. 3, № 3. С. 26–34. doi: 10.22250/2410-7190_2017_3_3_26_34
28. Чжу Хайцюнь. Цянь тань ханьюй юйци чжуцы «нэ» «ма» «ма» дэ гуннэн [**朱海群**。**浅析**汉语语气助词 **“呢”** “吗” “**嘛” 的功能** // **文学**语言学研究]. Обзорный анализ функционирования модальных частиц китайского языка **“呢”**“吗”**“嘛”** // Вэньсюэ юйянь яньцзю. 2009. № 10. С. 33–34 (на кит. яз.).
29. А Лай. Чэньай ло дин [**阿来**。尘埃落定]. Пыль осела. URL: http://alai.wikiyuedu.com/chenailuoding/ (на кит. яз.) (дата обращения: 25.01.2023).
30. Лу Цзяньмин. Сяньдай ханьюй фуцы дули юн чжэн'и [陆俭明。现代汉语副词独用刍议 // 语言 **教 学 与 研 究**]. К вопросу об отдельном употреблении наречий современного китайского языка // Юйянь цзяосюэ юй яньцзю. 1982. № 2. С. 27–41 (на кит. яз.).

31. Чэнь Гуанхуэй. Вайго люсюэшэн сюэси ханьюй юйцицы чанцзянь дэ пянь'у фэньси [陈光辉。**外国留学生学**习汉语语气词常见的偏误分析 // **福建**论坛人文社会科学版]. Анализ частотных ошибок при изучении иностранными студентами модальных частиц китайского языка // Фуцзянь луньтань жэньвэнь шэхуэй кэсюэ бань. Фучжоу : Фуцзянь луньтань, 2011. С. 212–213 (на кит. яз.).
32. Чжан Цзин. Цянь тань сяньдай ханьюй ивэнь юйцицы «мэ» [张静。浅谈现代汉语疑问语气词**“么”**// **伊犁**师范学院学报]. Обзор вопросительной частицы современного китайского языка **“么”** // Или шифань сюэюань сюэбао. 2004. № 1. С. 76–79 (на кит. яз.).
33. Цзинь Сюэюн. «Ма» «ма» бянь [**金学勇**。“ 吗 ”“ **嘛** ”**辨** // 语言应用研究]. Разница между “吗” и“**嘛**” // Юйянь инюн яньцзю. 2009. № 9. С. 46–48 (на кит. яз.).
34. Чжу Вэйвэй. Сяньдай ханьюй юйцицы «ма» «ма» «мэ» дэ фэньбу хэ шиюн гуйлюй яньцзю [朱韦巍。现代汉语语气词“吗”“嘛”“么”的分布和使用规律研究 // 柳州师专学报]. Анализ и исследование правил употребления модальных частиц современного китайского языка “吗”“**嘛**”“**么**” // Лючжоу шичжуань сюэбао. 2014. Вып. 29, № 2. С. 19–21 (на кит. яз.).
35. Сюй Иминь. «Ма» юй «ма» дэ цюйбе [徐益民。“嘛”与“吗”的区别 // 咬文嚼字]. Различия между“嘛” и“吗” // Яо вэнь цзяо цзы. 2006. № 8. С. 79–80.
36. Пэн Ша. Е тань ивэнь юйцицы «мэ» [彭 莎。也谈疑问语气词 “么”// 安徽文学]. Обзор вопросительной модальной частицы “么” // *Аньхуэй вэньсюэ*. Хэбэй дасюэ. 2011. № 1. С. 248 (на кит. яз.).

References

1. Deng, Zh. (2019) *Research on the use of the modal particle "ma" in the Weibo social network*. Master's Thesis. Jinan. (In Chinese).
2. Cui, X. (2019) Modality of the particle "ma" of the Chinese language. *Yuyan jiaoxue yu yanjiu*. 4. pp. 60–68. (In Chinese).
3. Li, I. & Androsova, S.V. (2019) Foneticheskie osobennosti slov v ikh obychnykh funktsiyakh i v kachestve slov-parazitov (na materiale kitayskogo yazyka) [Phonetic features of words in their usual functions and as parasitic words (based on the Chinese language)]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika*. 3 (5). pp. 99–116. doi: 10.22250/24107190_2019_5_3_99_116
4. Pavlova, A.D. (2019) [Development of scientific ideas of Chinese linguists about the role of phrasal particles in the Chinese language]. *Rossiya – Kitay: istoriya i kul'tura* [Russia – China: History and culture]. Proceedings of the 12th International Conference. Kazan. 9–12 October 2019. Kazan: Izdatel'stvo Fen Akademii nauk Respubliki Tatarstan. pp. 591–596. (In Russian).
5. Pavlova, A.D. & Guruleva, T.L. (2021) Osobennosti genezisa klassicheskikh frazovykh chastits kitaiskogo yazyka [Features of the genesis of classical phrasal particles of the Chinese language]. *Litera*. 1. pp. 134–143.
6. Simatova, S.A. (2014) Chastitsy kak sposob vyrazheniya modal'nosti v kitayskom yazyke [Particles as a way of expression modalities in the Chinese language]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Ser. 13*. 4. pp. 23–36.
7. Simatova, S.A. & Naumenko, S.V. (2016) Problema razgranicheniya kategorii qíngtài, yǔqì i kǒuqì v sovremennom kitayskom yazyke [The problem of distinguishing the categories qíngtài, yǔqì and kǒuqì in modern Chinese]. *Gumanitarnyy vektor. Seriya: Filologiya. Vostokovedenie*. 3 (11). pp. 111–119.
8. Lu, Sh. (1999). *Eight Hundred Words of Modern Chinese*. Beijing: Shangyu Yinshuguan. (In Chinese).
9. Liu, Yu. (2001) *Practical Grammar of Modern Chinese*. Beijing: Shanwu Yinshuguan. (In Chinese).
10. Zhang, B. (2000) *Function Words of Modern Chinese*. Shanghai: Huadong Shifan Daxue Chubanshe. (In Chinese).
11. Bay, S. (2007) *15 Lectures on Function Words of the Chinese Language*. Beijing: Beijing Yuyan Daxue Chubanshe. (In Chinese).
12. Fu, Yu. (1997) Briefly about the modal particle "ma". *Zhongguo renmin daxue xuebao*. 6. pp. 92–95. (In Chinese).
13. Deng, H. (2009) The difference between "ma" and "ma". *Yuyan Yingyong Yanjiu*. 10. pp. 28–29. (In Chinese).
14. Van, F. (2009) Review of the meanings of the modal particle "ma". *Changchun ligong daxue xuebao*. 10 (4). pp. 90–91. (In Chinese).
15. Zhao, Ch. (2016) Research on the perception and sensory relationship of the phrasal particle "ma". *Shanghai Weiguo Daxue Xuebao*. 5. pp. 32–45. (In Chinese).
16. Lin, J. (2006) *The Best Chinese Stories 2005*. Shenyang: Liaoning Renmin Chubanshe. (In Chinese).
17. *BCC Corps*. (n.d.) [Online] Available from: http://bcc.blcu.edu.cn/lang/zh (Accessed: 20.03.2023). (In Chinese).
18. Fan, Yu. (2001) *Practical Grammar of the Chinese Language*. Beijing: Beijing Daxue Chubanshe. (In Chinese).
19. Wang, Sh. (n.d.) *I'm your dad*. [Online] Available from: https://www.kanunu8.com/book/4399/index.html (Accessed: 05.03.2023). (In Chinese).
20. Huang, X. (n.d.) *Conspiracy expert*. [Online] Available from: https://www.kanunu8.com/book3/7779/ (Accessed: 13.01.2023). (In Chinese).
21. Yu, H. (2005) *Brothers*. Shanghai: Wenyi Chubanshe. (In Chinese).
22. Mo, Y. (n.d.) *13 steps.* [Online] Available from: https://www.kanunu8.com/book2/10731/ (Accessed: 21.02.2023). (In Chinese).
23. Wang, X. (n.d.) *Surgeon*. [Online] Available from: http://www.kanunu9.com/5/5859/ (Accessed: 01.03.2023). (In Chinese).
24. Jia, P. (n.d.) *White Night.* [Online] Available from: https://www.kanunu8.com/book4/10685/index.html (Accessed: 18.01.2023). (In Chinese).
25. Li, X. (2005) *Lectures on Function Words of Modern Chinese*. Beijing: Beijing Daxue Chubanshe. (In Chinese).
26. Du, J. (2011) A study on the issue of mixing the use of modal particles "ma" and "ma". *Yuyan wenzi*. 4. pp. 176–179.
27. Kravchenko, E.V. (2017) Klassifikatsiya modal'nykh chastits sovremennogo kitayskogo yazyka [Classification of modal particles of the modern Chinese language]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika*. 3 (3). pp. 26–34. doi: 10.22250/2410-7190_2017_3_3_26_34
28. Zhu, H. (2009) Review analysis of the functioning of modal particles of the Chinese language "ma", "ma" and "ma". *Wenxue yuyan yanjiu*. 10. pp. 33–34. (In Chinese).
29. A, L. (n.d.) *The dust has settled*. [Online] Available from: http://alai.wikiyuedu.com/chenailuoding/ (Accessed: 25.01.2023). (In Chinese).
30. Lu, J. (1982) On the issue of the separate use of adverbs of modern Chinese. *Yuyan jiaoxue yu yanjiu*. 2. pp. 27–41. (In Chinese).
31. Chen, G. (2011) Analysis of frequent errors in foreign students' study of modal particles in Chinese. In: *Fujian Luntan Renwen Shehui Kexue Ban*. Fuzhou: Fujian Luntan. pp. 212–213. (In Chinese).
32. Zhang, J. (2004) Review of the interrogative particle of the modern Chinese language "me". *Or shifan xueyuan xuebao*. 1. pp. 76–79. (In Chinese).
33. Jin, X. (2009) The difference between "ma" and "ma". *Yuyan Yingyong Yanjiu*. 9. pp. 46–48. (In Chinese).
34. Zhu, W. (2014) Analysis and study of the rules for using modal particles in modern Chinese "ma", "ma" and "me". *Liuzhou shizhuan xuebao*. 2 (29). pp. 19–21. (In Chinese).
35. Xu, Y. (2006) Differences between "ma" and "ma". *Yao wen jiao zi*. 8. pp. 79–80. (In Chinese).
36. Peng, Sh. (2011) An overview of the interrogative modal particle "me". *Anhui Wenxue. Hebei Daxue*. 1. P. 248. (In Chinese).

Информация об авторе:
Береза Е.В. – канд. филол. наук, доцент кафедры китаеведения Амурского государственного университета (Благовещенск, Россия). E-mail: kravchenko0992@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:
E.V. Bereza, Cand. Sci. (Philology), associate professor, Amur State University (Blagoveschensk, Russian Federation). E-mail: kravchenko0992@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 22.02.2024;
одобрена после рецензирования 27.06.2024; принята к публикации 30.09.2024.

The article was submitted 22.02.2024;
approved after reviewing 27.06.2024; accepted for publication 30.09.2024.

Научная статья
УДК 821.161.1, 821.131.1
doi: 10.17223/15617793/506/2

Лирика Ады Негри на страницах русской периодики конца XIX – начала XX в.

Каролина Боттески[1]

[1] *Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия, carolina.botteschi@gmail.com*

Аннотация. Исследуется русская рецепция лирики Ады Негри (1870–1945), которая сыграла важную роль в русско-итальянских взаимосвязях на рубеже XIX–XX вв. На материале критических отзывов современников о личности и творчестве А. Негри (М.В. Ватсон, М.М. Иванов, В.М. Фриче, С.Ц. Кавос-Дехтерева) показано, что биография и творчество писательницы находились в русле основных тенденций русской культуры того времени, что обеспечивало многомерное восприятие ее лирики, хотя и не лишенное идейных упрощений.
Ключевые слова: русско-итальянские литературные взаимосвязи, Ада Негри, лирическая поэзия, переводная литература, рецептивная эстетика, периодическая печать, «Fatalità» («Судьба» или «Рок»), «Tempeste» («Буря»), социально-бытовая тематика, «жизненная правдивость»

Для цитирования: Боттески К. Лирика Ады Негри на страницах русской периодики конца XIX – начала XX в. // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 506. С. 14–24. doi: 10.17223/15617793/506/2

Original article
doi: 10.17223/15617793/506/2

The lyric poetry of Ada Negri on the pages of Russian periodicals of the late nineteenth – early twentieth centuries

Carolina Botteschi[1]

[1] *National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, carolina.botteschi@gmail.com*

Abstract. The present article aims to investigate the Russian reception of the lyric poetry of Ada Negri (1870–1945), which holds a key place in the study of Russian-Italian literary interrelations at the turn of the twentieth century. The article, being the first approach to a further analysis of the reception of Negri's works on the pages of periodicals and in volume editions, is an attempt to reconstruct the fate of the reception of the Italian poetess and writer at the turn of the twentieth century within the Russian Empire. The multidimensional reception of the poetess's lyric poetry, although not devoid of ideological simplifications, is determined by the fact that Negri's biography and works were in line with the main trends of Russian culture of that time. Specifically, the attention paid to her poetry by Russian periodicals of the time attests to her popularity. The investigation of the reception of Negri's works in Russia is preceded by a reflection on the multifaceted phenomenon of the "province", which serves as a magnifying glass for observing shifts in public consciousness and the pursuit of regional identity within the framework of intercultural communication. As for the results of the research of the team of authors led by N.E. Nikonova, who have systematically compiled, processed and analysed the translated material of regional and Siberian periodicals in particular, along with a preliminary quantitative analysis of Italian-themed publications, it became evident that the figure of Negri and the corpus of her original works and their translations into Russian remain inadequately studied in terms of literary and social approaches to Italian culture, which is well represented on the pages of Russian periodicals of the late nineteenth – early twentieth centuries. Within the context of pre-revolutionary Russia, Negri was very popular with her contemporaries: in the late nineteenth – early twentieth centuries, her works were translated by I.F. Annenskii, V.M. Shuliatikov, V.G. Bogoraz, Lesia Ukrainka, Pavel Grabovskii. In addition, many men of letters of that period took interest in the biography of the poetess and devoted critical writings to her works (M.V. Vatson, M.M. Ivanov). Such and other contributions confirm not only Negri's popularity abroad, but above all the fascination that her literary activity, especially that of the early stage, aroused among literary critics, translators, and literary scholars of the diverse Russian Empire. Thus, Russian enthusiasm for the works of the teacher of the Motta Visconti school, centred mainly on her early works, which to some extent make it possible to perceive her as a follower of socialist and feminist ideas, shows that for Russian literary scholars and critics Negri became an exponent of the main ideas of her time.
Keywords: Russian-Italian literary interrelations, Ada Negri, lyric poetry, translated literature, receptive aesthetics, periodicals, "Fatalità" ("Fate"), "Tempeste" ("Tempests"), social and everyday topics, "truthfulness of life"

For citation: Botteschi, C. (2024) The lyric poetry of Ada Negri on the pages of Russian periodicals of the late nineteenth – early twentieth centuries. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 506. pp. 14–24. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/506/2

© Боттески К., 2024

Современная российская наука характеризуется возрастающим интересом к местным процессам, а тема культурных отношений между Италией и Россией является одной из наиболее изученных в компаративистике, и некоторые аспекты истории итальянско-русских литературных отношений уже тщательно исследованы. Но лишь недавно многогранный феномен «провинции» стал заметен, служа увеличительным стеклом, через которое можно рассмотреть сдвиги в общественном сознании и стремление к региональной идентичности в рамках межкультурной коммуникации. Действительно, это представляет собой современную стадию процесса, на котором исследователи-слависты XXI столетия явным образом сосредоточились на русско-итальянских литературных связях. В 2000–2010 гг. основной центр интересов ученых-филологов определялся парадигмой сравнительного литературоведения: применение компаративно-исторического метода было призвано углубить знания исследователей о русской литературе и ее европейских взаимосвязях [1. С. 8]. В этом контексте были проанализированы биографические и творческие контакты самых ярких русских писателей и поэтов с итальянской литературой и культурой. Кроме того, как отмечает Н.Е. Никонова, в рамках изучения итальянско-русского межкультурного диалога наметилось новое направление в основном благодаря усилиям Международного научно-исследовательского центра «Россия–Италия» [1. С. 9]. В результате этого сотрудничества появился ряд весьма примечательных работ по локальным сверхтекстам русской литературы, связанным с Венецией [2], Флоренцией [3], Римом [4] и Неаполем [5], и было выявлено, что эти итальянские топосы обладают потенциальным тексто- и смыслообразующим статусом в истории русской литературы. Наконец, внимание ученых было сосредоточено на реконструкции того, как русская эмиграция была взаимосвязана с итальянской культурой и обществом в первой половине XX в.[1] Результаты этой масштабной исследовательской работы обеспечили необходимую методологическую основу для изучения рецепции итальянского текста в России. Актуальным для данной области исследований является также предпосылка, согласно которой «переводная литература занимала значительное место на страницах российской дореволюционной периодической печати – как столичной, так и провинциальной» [8. С. 314]. В связи с этим, однако, следует отметить, что исследователи русской журналистики слишком часто предпочитали сосредоточиваться на изучении авторских статей, оставляя в стороне газетно-журнальный переводной материал. С другой стороны, изучение переводов затруднялось различными факторами: не всегда известны переводчики этих текстов, сложно определить логику их выбора редакциями, специфику работы переводчиков с оригиналами и т.д. [8. С. 314]. Цикл хрестоматий, выпущенных в период с 2016 по 2019 г. и подготовленных в рамках серии «Транссибирский научный путь» (TSSW), в каждой из которых рассматриваются переводы одной из мировых литератур – французской, немецкой, англоязычной, итальянской, польской [1, 9–12] – восполняет этот пробел.

Итогом этой работы стали созданные исследовательским коллективом под руководством Н.Е. Никоновой две базы данных, выпущенные в 2020 и 2023 гг. соответственно: 1) Документ № 2020621571. Научная библиография «Переводная литература в дореволюционной периодике регионов Российской империи»; 2) Документ № 2023623876. Библиография: Переводная литература в дореволюционной периодике регионов Российской империи, часть 2. С ними напрямую связана статья Н.Е. Никоновой [13].

Данные научные и научно-методические труды особенно значимы, если принять во внимание, что периодические издания разных регионов и областей России на рубеже XIX–XX вв. играли немаловажную роль в социально-политической и духовной жизни русского общества, будучи основным источником информации не только о политической и экономической ситуации в России и за рубежом, но и о их культурной составляющей. Наличие значительного пласта переводов художественных текстов заслуживает подробного рассмотрения, поскольку переводные литературно-художественные тексты в газетах и журналах того времени, как правило, фиксировали процесс межкультурной коммуникации, интерес местного населения и авторов к событиям общероссийского и мирового масштаба в соответствии с их задачами.

С точки зрения пространственно-временной контекстуализации рубеж XIX–XX вв. представляет собой период в истории культурного развития Российской империи, характеризующийся, с одной стороны, быстро нарастающими тенденциями к регионализму и «формированию локальных текстов в провинциях», а с другой – усилением связи «центра с местными властями на государственном, административном, цензурном уровнях» [14. С. 7]. Основное внимание специалистов сегодня сосредоточено на оригинальных переводах, выполненных журналистами специально для региональной периодики и не публиковавшихся в центральной печати; это продиктовано необходимостью выявить литературные и социальные подходы к итальянской культуре, репрезентативно представленной на страницах русской периодики конца XIX – начала XX в. Смещение в рассматриваемый период акцентов культурной, в том числе и языковой политики на периферию Российской империи нашло свое естественное выражение в периодической печати некоторых регионов, внезапно обратившихся к инонациональной культуре.

Рубеж XIX–XX вв. в России является важным социокультурным периодом, переживаемым обществом на разных уровнях: культурном, экономическом, политическом, социальном и т.д. «Это период кризиса и своеобразного перелома в мировоззрении и миропонимании человека, в общественном сознании» [15. С. 6]. Ускорение жизненного ритма и усложнение социальных отношений вступили в противоречие с самодержавной формой правления и сословным строем в стране, что вызвало обострение социальных и национальных конфликтов. Конец XIX – начало XX в. стали также периодом расцвета русской науки, культуры, литературы и искусства.

Столкновение разных укладов и культур изменило самосознание творческой интеллигенции, которую привлекали не только социальные проблемы, но и глубокие и вечные вопросы о сущности жизни и смерти, религии, добра и зла, природы человека. Все нюансы этой критической эпохи нашли отражение в российской периодике, т.е. в том средстве массовой информации, которое наиболее точно фиксирует события в обществе, передает социальную действительность, идеологическую и политическую борьбу, выражает общественное мнение [15. С. 6]. В этот период основными центрами периодической печати являлись Москва и Санкт-Петербург в соответствии с их ролью в политической, экономической и культурной жизни России. Более половины периодических изданий выходило там, а затем распространялось по всей стране. Как отмечает Р.А. Савастенко, свыше четверти и трети всех периодических изданий приходилось на Петербург, а более трети – на обе столицы [16. С. 112]. Однако газеты и журналы стали появляться также на периферии, и их количество постоянно увеличивалось [17]. Развитие литературно-культурных процессов в контексте международных отношений и интеграции России в мировую политику привело к переоценке ценностей и взглядов на искусство, мировоззрение, к обогащению литературы и искусства, в том числе и дореволюционной региональной периодики, которая обращалась к произведениям зарубежной литературы «за опытом их программного или индивидуального освоения» [15. С. 6], обходя политику центральных газет и журналов.

Интенсивность обращения местных авторов к итальянскому литературно-культурному миру объясняет аксиологический интерес современных ученых к репрезентации русско-итальянских писательских взаимосвязей. Таким образом, особенно функциональным оказывается рассмотрение итальянского текста, представленного различными видами публикаций, российских региональных периодических изданий рубежа XIX–XX вв. Это разнообразные переводные тексты, поэтические и прозаические произведения, театральные рецензии, критические обзоры и статьи, новостные сообщения и т.д. Делая необходимое обобщение, можно утверждать, что переводы осуществляются в основном с работ итальянских авторов второй половины XIX – первых десятилетий XX в. Переводчиков-составителей действительно особенно привлекало описание социальной действительности, нравственно-духовный аспект, конкретность изображения итальянской реальности. Поэтому не случайно, что одним из наиболее часто переводимых итальянских авторов на страницах русской региональной периодической печати рубежа XIX–XX вв. была Ада Негри.

Рассмотрение в критическом ключе творчества писательницы и поэтессы не столь простое дело, как может показаться. Ее творчество и прежде всего ее личность действительно энигматичны, и литературная критика, а в более широком смысле – интеллектуальные дискуссии, с течением времени способствовали укреплению этого представления. Долгое время нерешенными остаются несколько вопросов: социалистические убеждения, за которые поэтессу окрестили *vergine rossa* (красная девственница); ее отношение к фашизму, в частности апология Муссолини, переписка между ними, опубликованная Сальваторе Комесом в самом начале 1970-х гг., и не в последнюю очередь религиозные взгляды поэтессы [18. P. 103]. Именно на эти вопросы сегодня, наверное, можно ответить следующим образом: достаточно знать контекст исторического периода, чтобы придать, например, правильное измерение гуманитарному социализму поэтессы; достаточно отличать (хотя здесь тема явно более острая) писательницу от женщины, жившей в свое время и разделившей всеобщее увлечение незаурядной фигурой Дуче (итал. Duce), биографию человека от творчества поэтессы, не затронутого фашистской тематикой. По словам Патриции Гуиды [19], об Аде Негри, строго говоря, следует говорить не как о фашистской писательнице, а скорее как о женщине, в той или иной степени придерживавшейся этих идей[2]. Несомненно, отнесение А. Негри к фашистским авторам во многом способствовало ее забвению после Второй мировой войны. Действительно, на А. Негри все еще лежит давнее литературно-критическое клеймо, которое, по всей вероятности, связано с невозможностью «классифицировать» литературную деятельность писательницы начиная с ее дебюта и одновременно – с некоторой поверхностностью оценки поэтессы, точнее женщины-поэта, добившейся большого успеха в таком исконно мужском мире, как мир словесности. Поэтому понять творчество А. Негри означает выделить те эстетические принципы, на которые она ориентируется, т.е. ее прочтение и восприятие в итальянской литературной традиции. Для этого необходимо восстановить систему культурных ссылок, источников, одним словом, идеальную «библиотеку» поэтессы. Как известно, А. Негри, без сомнения, была знакома с классикой литературы, что было обусловлено сначала ее школьным образованием, а затем и работой учителем: от Гомера до Данте, от Фосколо до Леопарди и т.д. [18. С. 105]. Из доступных нам биографических сведений узнаем о ее литературных предпочтениях, благодаря которым она была внимательна и восприимчива к тому, что происходило в то время: не только в социальной сфере – она читала книги по общественным наукам, религии, социализму, – но и в литературной [20, 21]. Поэтому совершенно ясно, что в последние десятилетия репутация «интеллектуала, лояльного режиму Муссолини», стала причиной забвения поэтического и прозаического творчества Ады Негри, которое, напротив, было весьма успешным с самого начала, т.е. с тех пор, как в 1892 г. писательница, которой было чуть больше двадцати, опубликовала в престижном издательстве Treves свой первый сборник стихов под названием «Fatalità» («Судьба» или «Рок»). Издания множились, и вскоре книга была переведена на иностранные языки, полностью утвердив славу поэтессы за пределами Италии. В многочисленных печатных изданиях того времени сразу же появились хвалебные отзывы, определив благосклонность последующих критиков и создав миф о дикой и малообразованной поэтессе, воспевающей угнетенных. В литературном опыте А. Негри биографические события играли весьма существенную

роль как источник чувств и привязанностей, переживаемых с необычайной интенсивностью. Успех сборника, состоящего из 61 стихотворения, был мгновенным и, несмотря на осуждение в Индексе Святой Конгрегации [22. С. 1], продолжительным, о чем свидетельствуют данные о количестве переизданий, полных и частичных переводов, музыкальных транспозиций большого количества либреттистов.

Родившаяся в Лоди, городке близ Милана, 3 февраля 1870 г. в рабоче-крестьянской семье, Ада Негри принадлежит к той группе женщин, которые благодаря своему упорству и стремлению подняться над бедственным положением своего класса нашли орудие искупления в грамотности и интеллектуальном труде [23. P. 11]. Осиротев в возрасте одного года, она провела детство и юность во дворце Чинджиа-Барни (*Palazzo Cingia-Barni*), где ее бабушка выполняла обязанности привратницы, наблюдая за проходящими мимо людьми и фантазируя среди клумб в господском саду. Когда бабушке пришлось уйти с работы из-за старости, Ада с матерью переселились в две комнаты на чердаке. Об этих годах Ада оставит бесценное свидетельство в романе «Утренняя звезда» («Stella mattutina», 1921), где она расскажет о материнских жертвах, своем самообразовании и формировании у нее сознания очевидной социальной несправедливости. Хотя «Утренняя звезда» обычно классифицируется как воспитательный роман или, в более общем смысле, как автобиографический и более или менее соответствует современным произведениям Сибиллы Алерамо (псевдоним Рины Пьеранджели Фаччо; Rina Pierangeli Faccio, 1876–1960) и Грации Деледда (Grazia Deledda, 1871–1936), в нем есть структурные черты, которые отличают ее и отделяют от жанра *Bildungsroman tout court* [24. P. 4]. Не случайно 18 декабря 1920 г. А. Негри анонсировала свою работу следующими словами: «“Утренняя звезда” – это внутренняя история моей жизни с семи до семнадцати лет, написанная от третьего лица. Я изваяла в ней облик моей матери»[3] («*Stella mattutina* è la storia interiore della mia vita dai sette ai diciassette anni, in terza persona. Vi ho scolpito la figura di mia madre» [20. P. 40–41]).

14-летняя Ада попала в женскую нормальную школу в Лоди, готовяющую народных и городских учительниц. В рассказах Матильды Серао (Matilde Serao, 1856–1927), получившей образование в одной из подобных учительских семинарий в Неаполе, живо описано, с какой доверчивостью большинство наивных девушек, посещающих эти школы, смотрели в ожидающее их будущее. Александр Николаевич Емельянов-Коханский писал: «У д’Амичиса, превосходнаго писателя, слишкомъ еще мало оцѣненнаго внѣ Италіи, въ его книгѣ о школьномъ учителѣ (помѣщавшейся года два назадъ въ русскомъ переводѣ въ “Наблюдателѣ”), рисуется истинно безотрадная, придавленная жизнь учителей и учительницъ въ Италіи, кое-какъ влачащихъ свое существованіе среди невзгодъ всякаго рода» [25. С. 10–11]. Далее поэт, беллетрист и переводчик делает акцент на том, что задержка мизерного жалованья, сплетни, грубость и равнодушие родителей, жестокость школьников, возможность постоянных пересылок из одного конца страны в другой, невозможность найти умственную и нравственную поддержку являются одним из наиболее ярких свидетельств о жизни учителей в Италии [25. С. 11]. И он не преминул отметить, что для России эта картина слишком знакома. Сама Ада, вероятно, столкнулась с некоторыми трудностями, когда в 1887 г. получила лицензию учительницы начальной школы и начала преподавать сначала в Кодоньо (Codogno), а затем в Мотта-Висконти (Motta Visconti), и здесь она прожила годы, которые будет вспоминать как самые счастливые в своей жизни. Помимо учительской деятельности, она посвятила себя написанию стихотворений, которые ей удалось опубликовать в ряде журналов, получив первое восторженное признание со стороны таких интеллектуалов, как главный редактор «(L’)Illustrazione popolare» Рафаэлло Барбьера (Raffaello Barbiera, 1851–1934) и журналистка «Corriere della Sera» София Бизи Альбини (Sofia Bisi Albini, 1856–1919), приехавшая в Мотта-Висконти для встречи и интервью с ней. Именно в эти годы родились ее первые страстные обличительные стихи, которые в 1892 г. объединились в первый сборник «Fatalità», изданный Treves и восторженно воспринятый Джозуэ Кардуччи (Giosuè Carducci, 1835–1907) [26]. Именно эта книга, столь эмфатически насыщенная, в коллективном восприятии способствует преображению молодой женщины, получившей прозвища «красная валькирия» (*rossa valchiria*) или «красная девственница» (*vergine rossa*), по образцу анархистки-коммунарки Луизы Мишель (Louise Michel, 1830–1905). Но, как отмечает Пьетро Саранца, было бы неверно видеть в ней пролетарку, возвысившую голос протеста против несправедливой капиталистической системы [27. P. VI].

Благодаря приобретенной славе Ада Негри по министерскому указу стала учительницей в школе «Gaetana Agnesi» в Милане, куда переехала вместе с матерью, вступая в контакт с различными членами Итальянской социалистической партии, включая Филиппо Турати (Filippo Turati, 1857–1932), Бенито Муссолини[4] (Benito Mussolini, 1883–1945), Анну Кулишеву (Anna Kuliscioff; настоящее имя – Анна Моисеевна Розенштейн, 1854[5]–1925), которую она считала своей духовной сестрой. Поэтесса пережила глубокий и бурный роман с журналистом Этторе Патрици (Ettore Patrizi, 1865–1946). В 1894 г. она стала лауреатом поэтической премии имени Giannina Milli, получив таким образом годовой доход. В следующем году ее отношения с Этторе Патрици, переехавшему к тому времени в Америку, прервались: мучительные чувства, переполнявшие Аду, нашли свое выражение в новом сборнике стихов «Tempeste» («Буря», 1896[6]). Сборник получил положительную оценку публики, но не отдельных рецензентов, например Луиджи Пиранделло (Luigi Pirandello, 1867–1936), который критиковал его слишком риторический, по его мнению, тон. Действительно, он писал в «La Critica» 23 января 1896 г.: «…facciamo scendere la Negri dalla tribuna in cui l’han fatta salire per predicare in brutti versi cose brutte e vecchie» («…давайте спустим Негри с трибуны, на которую ее подняли, чтобы проповедовать плохими стихами старые и плохие вещи» [32]).

Несмотря на это, оба сборника стихотворений получили широкое признание, в том числе за рубежом, и были переведены на многие иностранные языки. Этот аспект подчеркнул и русский литературный критик, журналист и переводчик Владимир Михайлович Шулятиков (1872–1912), который в предисловии к переведенному им сборнику стихов итальянской поэтессы заметил, что поэтический талант А. Негри нашел восторженных почитателей не только на ее родине, но и во всех европейских странах, а ее имя появилось в одном ряду с именами общепризнанных корифеев мировой литературы [33].

В 1896 г. она вышла замуж за Джованни Гарланда (Giovanni Garlanda, 1858–1924), текстильного промышленника из Бьеллы, который влюбился в нее, прочитав ее стихи. От брака родились дочь Бьянка, ставшая ее вдохновением для написания стихотворений, и маленькая Виттория, умершая в возрасте одного месяца. Тема материнства занимает центральное место в поэтических сборниках «Maternità» («Материнство», 1904) и «Dal profondo» («Из бездны», 1910), отличающихся интимной, интроспективной и ярко выраженной автобиографической интонацией. В эти годы, когда в личной жизни А. Негри столкнулась с растущим непониманием со стороны мужа, она установила тесные дружеские связи с представителями миланской филантропической и ассоциативной сети, представленной такими организациями, как Гуманитарное общество (Società Umanitaria), Народный университет (Università popolare) и Союз женщин (Unione femminile). Вскоре брак с Гарланда дал трещину, и в 1913 г. супруги расстались. Ада вместе с дочерью Бьянкой переехала в Цюрих и оставалась там до начала Первой мировой войны. Это были годы не только интенсивной работы, но и нарастающего беспокойства и неудовлетворенности из-за отсутствия признания критикой ее творчества. Эти чувства одиночества и недовольства станут главной темой ее книги «Esilio» («Изгнание», 1914) и написанных в эти годы новелл, которые будут опубликованы позднее, после возвращения в Италию, в сборнике «Le solitarie» («Одинокие», 1917). Вернувшись в Италию из Швейцарии, А. Негри в военное время вступила в Национальный женский комитет защиты родины (Comitato nazionale femminile per la difesa della patria) и стала интересоваться взглядами Муссолини [32]. Она сотрудничала с авторитетными газетами («La Stampa», «Popolo d'Italia», «Il Secolo») и опубликовала сборники стихов и рассказов, тесно связанные с ее автобиографическим опытом, такие как «Orazioni» («Проповеди», 1918), «Finestre alte» («Высокие окна», 1923), «Le strade» («Дороги», 1926) и «Sorelle» («Сёстры», 1928). О последних трех работах, которые А. Негри в 1920-х гг. вынесла на суд своей преданной женской аудитории, необходимо сказать особо. В «Finestre alte» остро обрисованы портреты страждущих женщин, неспособных жить во всей полноте эротических и самых искренних чувств. Произведение «Le strade» имеет характер очевидно феминистический, порожденный гендерной общностью, – в одном из рассказов говорится «Esser due donne, aver in comune la miseria e la potenza del sesso, le gioie e gli spasimi del destino femminile...» («Будучи двумя женщинами, разделяющими страдания и силу пола, радости и муки женской судьбы...» [34. P. 106]). Произведение «Sorelle» воспринимается почти как автобиографический дневник начиная с первого рассказа «La cacciatora», где в память о годах преподавания в Мотта-Висконти загадочная американка Эдди («охотница»), ее лучшая подруга Кьяраскура и другие женские персонажи изображены с необычной деликатностью и явной ностальгией. Это, пожалуй, самый известный и самый захватывающий из рассказов А. Негри, где мысль о счастливой молодости, самом прекрасном, но безвозвратно ушедшем времени, переплетается с размышлениями о жизни и любви.

Годы после Первой мировой войны стали для итальянской поэтессы и писательницы периодом больших потрясений, особенно в эмоциональной сфере: в 1919 г. умерла ее мать, дочь Бьянка вышла замуж и отдалилась от нее. В том же году она опубликовала «Il libro di Mara» («Книга Мары») – новый сборник стихов, главной героиней которого стала Мара, глубоко автобиографичный образ женщины, теряющей себя во всепоглощающей любви [35. P. 3–4]. Лирика выражает муки и экстаз безграничной страсти, которая после смерти любимого оставляет женщине лишь опустошающие воспоминания об утраченном счастье, погружающие ее в боль и одиночество – «Giorno e notte il ricordo m'è uncino / confitto nella carne viva» («День и ночь моя память на крючке / застревает в живой плоти» [36. P. 58]). Ада Негри достигает здесь удивительной художественной зрелости: буйность порывистость речи, твердое письмо, в котором явно прослеживается ее очарование шедевром д'Аннунцио «Ноктюрн».

После опубликования в 1921 г. «Stella mattutina» книга получила общественное признание Муссолини, который считал ее самой большой удачей писательницы. С 1926 г. А. Негри вновь начала сотрудничать с газетой «Corriere della Sera», которой в то время руководил Уго Ойетти (Ugo Ojetti, 1871–1946), укрепляя интеллектуальный имидж и лояльность режиму [32]: в 1931 г. она была удостоена премии Муссолини («Premio Mussolini»), а в 1940 г. стала первой и единственной женщиной, получившей звание академика Италии (Accademica d'Italia), после того как в 1920-х гг. была номинирована на Нобелевскую премию, присужденную, однако, Грации Деледда.

Годы Второй мировой войны для Ады Негри стали периодом одиночества и глубоких личных страданий, которые явились причиной ее ухода в себя и погружения в религию, что ярко проявилось в ее последнем сборнике стихов «Fons Amoris» («Фонтан любви», 1946). Наиболее плодотворным в это сложное время стал сборник прозы и воспоминаний «Di giorno in giorno» («День за днем», 1932).

Ада Негри скончалась в Милане в январе 1945 г. Современники отмечали ее искренность, стремление защитить слабых и угнетенных, бороться с несправедливостью, неудержимую тягу к жизни, частое обращение к светлому будущему, которое, однако, представляет собой не царство застоя и блаженной

лени, а сочетание счастья и труда и полноты жизни и работы: «За тебя я сражаюсь, святое искусство, въ тебя я вѣрю, тебя я жду, свѣтлая будущность!» [37. С. 40]. В конце XIX – начале XX в. произведения А. Негри переводили русские и украинские авторы: И.Ф. Анненский, В.М. Шулятиков, В.Г. Богораз, Леся Украинка, Павел Грабовский. Поэзии А. Негри присущи экспрессивность, «жизненная правдивость», музыкальность, тенденциозность. Помимо социальной, политической и бытовой тематики, ее поэзия носит также лирико-сентиментальный характер. Именно это совместно с широтой охвата различных тем и мотивов означает, что ее литературная деятельность не может быть отнесена к какому-то определенному направлению.

В откликах на творчество А. Негри не только в Италии, но и за рубежом в 1890–1910-е гг. отмечается простота ее стихотворений, актуальность поэзии с точки зрения женского вопроса, то, что творческая биография поэтессы была созвучна духу времени, являясь основным вектором мысли рубежа веков. В дореволюционной России Ада Негри была популярна среди современников: М.В. Ватсон пишет «Ада Негри: Критико-биогр. очерк: С портр. Ад[ы] Негри» (1899) [37]; Леся Украинка – статью «Два направления в новейшей итальянской литературе (Ада Негри и д'Аннунцио)» (1900) [38], выпускаются два издания переводов итальянской поэтессы, выполненных В.М. Шулятиковым, с обширными предисловиями [33, 39]; М.М. Иванов в «Очерках современной итальянской литературы» (1902) представил биографию и творчество поэтессы [40]. Как утверждает А.Е. Канапиянова, присутствие двух изданий переводов В.М. Шулятикова можно объяснить цензурным запретом на первую книгу переводов (1900), вышедшую, но изъятую из продажи, из-за ее революционного характера [15. С. 33]. В.М. Фриче в предисловии ко второй книге переводов, сделанных В.М. Шулятиковым, пишет: «Стихотворенія итальянской поэтессы Ады Негри рано обратила на себя вниманіе въ Россіи и уже на зарѣ девятнадцатаго столѣтія у насъ появляются не мало ихъ въ переводѣ, сдѣланномъ разными переводчиками» [39]. В связи с этим необходимо сделать следующее замечание: хотя В.М. Фриче констатирует наличие русских переводов стихов А. Негри уже на заре XIX в., это совершенно невозможно, если учесть, что итальянская поэтесса и писательница родилась в 1870 г. и дебютировала, по крайней мере официально, в области итальянской литературы 3 марта 1888 г., опубликовав свое первое стихотворение в «Fanfulla da Lodi: giornale settimanale» («Фанфулла из Лоди: еженедельник») [41]. Поэтому следует предположить, что русский литературовед совершил описку и, вполне логично, что он имел в виду начало XX столетия.

Важно также отметить публикацию в 1906 г. статьи «Две поэтессы народного горя. (Ада Негри и Мария Конопницкая)» [42], подтверждающую не только популярность А. Негри за рубежом, но и, прежде всего, чрезвычайный интерес, который вызывала ее литературная деятельность и жизненный путь в многоликой Российской империи у литературных критиков, переводчиков и литературоведов, которые рассматривали лирику итальянки не только саму по себе или проводя аналогии с другими авторами из *Bel Paese*, но и в соотношении ее с представителями их собственной культуры. Об этом же увлечении свидетельствуют некоторые материалы на страницах русской периодической печати на рубеже XIX–XX вв.: в 1899 г. в двух ежемесячных изданиях Москвы и Санкт-Петербурга, появились две статьи, в которых С.Ц. Кавос-Дехтерева и В.М. Фриче подробно обсуждали А. Негри [43, 44]. В обоих случаях биографическое повествование сопровождалось стихами итальянской писательницы: фрагмент жизни А. Негри на этих страницах представлен в стихах, которые С.Ц. Кавос-Дехтерева и В.М. Фриче вставили в свои тексты – биографический очерк становится сочетанием критики и литературы. Статья С.Ц. Кавос-Дехтеревой открывается описанием исторического периода жизни в Италии в годы, последовавшие за частичным территориальным объединением 1861 г. Автор утверждает, что именно А. Негри была той музой, которая смогла уловить и наиболее полно выразить новую экономическую и социальную структуру недавно сформировавшегося итальянского политико-территориального субъекта [43. С. 66]. Причем русская женщина-литератор, создавая поэтический образ А. Негри, отмечает, что она напоминает многих невоспетых героинь ее родины, но все же молодую итальянскую учительницу нельзя сравнивать с учительницей из русской глуши по причине, которую мы, читатели, можем определить как социальное положение и происхождение: «[В]елика русская женщина, ради идеи ушедшая работать въ русскую глушь. Ада Негри не ради идеи пошла въ народъ. Она родилась и выросла въ немъ» [43. С. 67]. Поэтому не случайно, что С.Ц. Кавос-Дехтерева называет итальянскую поэтессу «дочерью народа», поэтическим лейтмотивом которой стал возглас «Хлеба, хлеба!». Автор статьи обращает внимание на то, что поэзия А. Негри носит рефлективный характер и является своего рода бессознательным отражением того, что переживает она сама или окружающие ее люди [43. С. 70]. Это размышление ставит один из центральных вопросов, который возникает в критических отзывах о творчестве итальянской поэтессы и писательницы. Его часто называют революционным, ссылаясь на содержание ее произведений, но это – лишь поверхностное впечатление, относящееся только к произведениям, опубликованным до «Maternità». Еще в 1948 г. Винченцо Л. Фратичелли заявил, что социализм А. Негри – это старое и затасканное клише и что казенное зачисление молодой итальянской поэтессы в реестр пролетарских рифмоплетов совершенно незаслуженно [45. P. 14]. Темы, наиболее близкие А. Негри, особенно для молодой женщины в поэтических композициях из «Fatalità», являются другими: ее юные годы, ее мать, ее бедный дом, бедность как питательная среда для формирования таких качеств, как решимость и смелость, одним словом, героическая мораль, помогающая ей жить, призвание поэзии. Социальные темы, таким образом, оказываются на обочине, и в любом случае А. Негри, конечно, не нужно было извлекать их из антибуржуазных листков или манифестов различных «интернационалов»: эти темы на

самом деле представляют собой – как и пишет С.Ц. Кавос-Дехтеревой – вещи и люди, которых молодая учительница видела каждый день. В связи с этим русская женщина-литератор хотя и признает, что А. Негри в своих стихах постоянно обращается к ненормальному состоянию рабочего, и это вызывает пробуждение сознания у читателя, но при этом пишет, что в стихотворениях молодой итальянки не удается проследить никакой осознанной идеи.

В кратчайшее время А. Негри добилась немалого успеха: ее стихи читали повсюду, и все вдруг стали интересоваться молодой учительницей Мотта-Висконти. Ее стали называть Сафо новой Италии и превозносить во многих зарубежных странах; о ней писали на нескольких языках [43. С. 73].

Стоит задуматься, почему итальянская поэтесса и писательница так быстро стала знаменитой и действительно ли ее поэтический талант так велик. Поэтическое дарование А. Негри бесспорно, тем не менее, скорый успех и популярность ее первых двух стихотворных сборников должны быть обоснованы: сочетание ее личной истории с постоянным использованием мотивов, которые до этого редко рассматривались в качестве поэтических тем, ее защита слабейших, несомненно, побудили некоторых критиков назвать ее социалисткой, и этот аспект породил всеобщий интерес к ней. В тот исторический момент социализм был на виду, попытка решить поднятые им вопросы становилась приоритетной для многих стран, и его убежденные сторонники увидели в стихах итальянской учительницы своего рода социалистическое возвеличивание труда и рабочего класса, а те, кто был равнодушен к подобным теориям, были очарованы судьбой юной А. Негри. В силу этих обстоятельств поэтесса стала необычайно известной не только в Италии, но и за рубежом: статьи о ней стали появляться во всевозможных французских, английских, немецких и швейцарских газетах и журналах. Благодаря критическому очерку Булгакова А. Негри стала известной и в Российской империи [43. С. 83]. Затем М.В. Ватсон напечатала в газете «Русскія Вѣдомости» статью (1896 г. № 251), в которой подчеркнула публицистический характер поэзии А. Негри [46. С. 35]. Причем именно М.В. Ватсон в 1899 г. опубликовала упомянутую выше работу «Ада Негри: Критико-биогр. очерк: С портр. Ад[ы] Негри». В 1900 г. поэтесса и переводчица М.В. Ватсон издала вторую статью (№ 229) об итальянской поэтессе и писательнице [46. С. 35–36].

В 1899 г. В.М. Фриче выпустил статью «Поэтесса изъ народа» в ежемесячном литературном научно-популярном журнале «Миръ Божій». Замысел автора понятен: передать портрет А. Негри, какой она была в провинциальной деревне Мотта-Висконти, т.е. простой сельской учительницей. Рисуя образ писательницы, литературовед подчеркивает, что ее поэзия передает сетования на тяжелую участь итальянского пролетариата, а ее композиции превратились в демократические песни [44. С. 169]. Для В.М. Фриче вся сущность итальянской поэтессы, кажется, заключена в том, что она дочь народа, и это вызывает спорное заключение о ее поэтическом творчестве как пропаганде социалистических ценностей. Образ А. Негри как поэтессы-борца за народ и для народа, который русский литературовед встречает в ее первых двух поэтических сборниках, где прослеживается стремление итальянской поэтессы к созданию царства будущего, т.е. царства всеобщего человеческого мира, безусловной справедливости, равенства, свободы и труда – понятий, присутствующих в некоторых стихотворениях А. Негри, хоть и не в столь ярко выраженной политически коннотированной перспективе, неумолимо рушится в глазах критика, когда события жизни А. Негри-женщины как бы противопоставляются А. Негри-поэтессе: «Теперь, когда Ада Негри вышла замужъ за миллионера Гарланда, когда она покинула темныя долины пролетаріатскаго горя и вознеслась на залитыя солнцемъ высоты буржуазнаго благоденствія, умолкнуть, вѣроятно, навсегда ея смѣлыя, боевыя пѣсни» [44. С. 179]. В этой статье В.М. Фриче также упоминает о том, что Негри в то время работала над изданием своего третьего сборника «Maternità», с названиями некоторых произведений которого, как можно догадаться, он познакомился ранее, охарактеризовав их как наводящие на пессимистические размышления. Подобное мнение о влиянии брака на поэтическую деятельность А. Негри видим и в статье С.Ц. Кавос-Дехтеревой, которая не только утверждает, что талант учительницы Мотта-Висконти был наполовину зарыт, но и указывает на то, что со времени ее брака с Дж. Гарландом А. Негри не опубликовала ни одной строчки [43. С. 73].

Интерес к стихотворному творчеству итальянской поэтессы и писательницы не ослабевал и в первые годы XX в., о чем свидетельствует краткая заметка, появившаяся в 1903 г. на страницах журнала «Русская мысль: Ежемѣсячное литературно-политическое изданіе» [47. С. 337]. В этой краткой заметке, автор которой неизвестен, содержится рецензия брошюрки с переводами некоторых стихотворений А. Негри, выполненных Ф.С. Шукленом. Автор в ней высказывает свое суждение о качестве перевода, заявляя, что он относится к тем, которые итальянцы часто характеризуют как сделанные переводчиками-предателями. По мнению автора комментария, переводы Ф.С. Шуклена создают впечатление, что переводчик не был знаком с оригинальными текстами итальянской поэтессы, а скорее, читал их в переводе [47. С. 337]. Также указывается наличие множества неточностей и искажений в передаче оригинальных мыслей и образов А. Негри, а иногда говорится, что есть даже целые строфы, вставленные самим Ф.С. Шукленом. Автор заметки предполагает, что, как правило, предпочтительнее представлять поэта, переводя его в прозу по французскому образцу, чем делать стихотворные переводы, по которым совершенно невозможно представить оригинал [47. С. 337].

Свой вклад в изучение российской рецепции творчества А. Негри внесли и томские ученые, чьи работы способствовали накоплению корпуса произведений исследуемых авторов, а именно Н.Е. Никонова («История русской переводной литературы в Сибири (1890–1910-е гг.)», Е.А. Вишнякова, Е.А. Баранкина,

В.В. Черткова («Переводы итальянской литературы в дореволюционной периодике Сибири: Хрестоматия», 2018) [1], С.В. Косихина («Неизданные переводы И.Ф. Анненского: цикл стихов в прозе “Autopsia”», 2020) [48].

Многочисленность переводов подтверждает значительный общественный интерес и актуальность личности и творчества А. Негри для русской литературной мысли рубежа XIX–XX вв. Революционные настроения в императорской России и распространение социалистических идей связывались с народной поэзией А. Негри, в которой созданы образы тружеников, присутствуют мотивы бунтарства и борьбы. И.А. Бунин в письме от 6 ноября 1896 г., адресованном С.Н. Кашкиной, по просьбе которой он работал над переводом стихотворения А. Негри «Portami via!», писал следующее: «От А. Негри я давно в восторге. Удивительная натура! Все самобытно, свежо, мощно, овеяно дыханием истинной и высокой, целомудренной поэзии» [49].

Завершая разговор о рецепции личности и творчества Ады Негри в императорской России, хотелось бы отметить, что у нее было много поклонников на родине и за рубежом, где ее имя было известно и произведения активно переводились, особенно если принять во внимание поэтические композиции, вошедшие в первые два сборника – «Fatalità» и «Tempeste». Как было показано в данной статье, российский интерес к творчеству учительницы школы Мотта-Висконти, в какой-то мере сконцентрированный на изучении того, что она создала до брака с Дж. Гарланда, свидетельствует о том, что А. Негри стала выразителем доминирующих идей своего времени. Биография и творчество поэтессы оказались созвучными основным тенденциям и идеям дореволюционной России, что обеспечило многоплановое восприятие ее творчества и вызвало резонанс среди массовой читательской аудитории, привлекший внимание русских критиков и литераторов к творчеству поэтессы как представительницы в том числе женской поэзии, множеству переведенных стихотворений А. Негри и большому числу переводчиков ее стихов. А.Е. Канапиянова заявляет, что «А. Негри, являясь одновременно тонким лириком с богатой душевной организа[ц]ией, чувствует призвание выразительницы стремлений рабочего класса, способной вести народ за собой в счастливое будущее» [15. С. 44], – такое утверждение может привести к тривиализации творчества поэтессы. Если правда, что в большей части ее ранних произведений тема побежденных повторяется, то не следует забывать и о двух факторах, которые, скорее всего, повлияли на ее стихотворные решения: бытовой контекст и субъективность, порождающая ее тягу к поэтическому акту. Аду Негри часто называли народной поэтессой, и если под словом «народ» понимать рабочие классы, а народным поэтом считать того, кто воспевает жизнь и выражает стремления этих классов, то это определение можно считать уместным по отношению к А. Негри [38][7]. Если же определить народного поэта как человека, который усвоил не только идеи, но и самую форму народной поэзии, то такое определение совершенно не подходит к нашей поэтессе. Ее образы и чувства просты, но стиль порой чрезмерно нагружен и притворен [38].

Представляется перспективным дальнейшее исследование рецепции творчества Ады Негри на страницах периодической печати и в объемных изданиях, попытка реконструировать судьбу восприятия итальянской поэтессы и писательницы в императорской России на рубеже XIX–XX вв., принимая во внимание – где это возможно – также публикации ее текстов в газетах, журналах, брошюрах; исследуя соотношения русской женской поэзии рубежа веков и А. Негри и изучая взаимодействия – если таковые были – между поэтессой и русскими женщинами-литераторами, к которым она могла иметь косвенный доступ через статьи, проникшие в итальянскую газетную прессу.

Примечания

[1] О русской эмиграции в Италии в XX в. и ее связях с итальянской культурой см. сборник под редакцией Антонеллы д’Амелия и Даниелы Рицци «“Персонажи в поисках автора”: Жизнь русских в Италии XX века» [6] и статью «Раиса Гуревич и итальянская культура» Антонеллы д’Амелия [7].

[2] Как отмечает Патриция Гуида, Ада Негри не была фашистской писательницей, если под этим определением понимать тех писателей, которые своими сочинениями поддерживали политику режима или сотрудничали с ним [19. С. 48]. Именно чтение переписки А. Негри с Муссолини (см. примеч. 4) позволяет лучше показать характер отношения писательницы к фашистскому режиму не столько как выбор ею политико-идеологического типа, сколько как «сентиментальный» выбор, обусловленный дружбой, которая связывала ее с Муссолини-социалистом [19. С. 47].

[3] За исключением особо оговоренных случаев все переводы выполнены автором статьи.

[4] В этой статье уже упоминалась переписка поэтессы с Дуче, опубликованная Сальваторе Комесом в самом начале 1970-х гг. Следует отметить, что это письма, телеграммы и записки, написанные Негри и адресованные Дуче, однако, в силу связи с тематикой, Комес включил также три письма Муссолини к Негри (документы I, V, VII), из которых можно составить представление об интеллектуальных отношениях между этими двумя фигурами и об уважении Дуче к литературному творчеству Негри [28. P. 115–166].

[5] Этот год указан на сайте Fondazione Anna Kuliscioff [29] как предполагаемая дата рождения; в других источниках – 1855 г. [30. P. 417].

[6] Именно эта дата стоит на печатных экземплярах книги, хотя, как следует из рекламного объявления и заметки R.B. «Tempeste: nuove poesie di Ada Negri», которые появились в «Illustrazione popolare. Giornale per le famiglie», Vol. XXXII (1895), c. 906 и 908 соответственно, произведение увидело свет в декабре 1895 г. [31].

[7] В дополненном варианте: «Жизнь». 1900. № 7. С. 187–214. URL: http://az.lib.ru/u/ukrainka_l/text_0010.shtml?ysclid=lpl62sjiw5258907747

Список источников

1. Никонова Н.Е., Вишнякова Е.А. и др. Переводы итальянской литературы в дореволюционной периодике Сибири : хрестоматия. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2018. 182 с.
2. Меднис Н.Е. Венеция в русской литературе / отв. ред. Т.И. Печерская. Новосибирск, 1999. 392 с.
3. Гребнева М.П. Концептосфера флорентийского мифа в русской словесности. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2009. 180 с.
4. Владимирова Т.Н. Римский текст в творчестве Н.В. Гоголя. Томск : Изд-во Том. политех. ун-та, 2010. 174 с.

5. Лебедева О.Б., Янушкевич А.С. Образы Неаполя в русской словесности XVIII – первой половины XIX веков. [Salerno] : Europa Orientalis, 2014. 436 с.
6. «Персонажи в поисках автора»: Жизнь русских в Италии XX века / пер. с ит. А.В. Ямпольской ; сост., науч. ред. А. д'Амелия, Д. Рицци. М. : Русский путь, 2011. 318 с., [10] л. фот.; ил.
7. Д'Амелия А. Раиса Гуревич и итальянская культура // Образы Италии в русской словесности : материалы Второй междунар. науч. конф. Междунар. науч.-исслед. центра «Russia – Italia» («Россия – Италия»), Томск – Новосибирск, 1–7 июня 2009 / ред. О.Б. Лебедева, Т.И. Печерская. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2011. С. 430–451.
8. Жилякова Н.В. Мировая литература в зеркале провинциальной периодики. Рецензия на цикл хрестоматий и учебное пособие, посвященных переводам иностранной литературы в дореволюционных сибирских газетах // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2020. № 64. С. 313–317. doi: 10.17223/19986645/64/18
9. Переводы французской литературы в дореволюционной периодике Сибири : хрестоматия / Н.Е. Никонова, Д.А. Олицкая, В.Н. Горенинцева [и др.]. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2016. 280 с.
10. Переводы немецкой литературы в дореволюционной периодике Сибири : хрестоматия / Н.Е. Никонова, Ю.С. Серягина, Д.А. Олицкая [и др.]. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2016. 204 с.
11. Переводы английской и американской литературы в дореволюционной периодике Сибири : хрестоматия / В.Н. Горенинцева, Н.Е. Никонова, Д.А. Олицкая [и др.]. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2016. 252 с.
12. Переводы польской литературы в дореволюционной периодике Сибири : хрестоматия / Н.Е. Никонова, Ю.С. Серягина, Е.А. Вишнякова, Е.В. Аблогина. Томск: Издательский Дом Томского государственного университета, 2019. 182 с.
13. Никонова Н.Е. Итальянский текст периодики Сибири 1890–1910-х гг. // Imaginationen von Transkulturalität und Geschlecht : Identitätsnarrative in süd- und oststlawistischen Kontexten : Festschrift für Renate Hansen-Kokoruš. Wiesbaden : Harrassowitz Verlag, 2021. S. 119–138. (Die Welt der Slaven : Sammelbände ; Bd. 66.).
14. Русская и зарубежная словесность: рецепция, перевод, коммуникация: Коллективная монография, посвященная 25-летию кафедры романо-германской филологии Томского государственного университета. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2020. 461 с.
15. Канапиянова А.Е. Итальянская литература в региональной российской периодике рубежа XIX–XX вв.: Э. Кастельнуово и А. Негри : дипломная работа (проект) специалиста по направлению подготовки. Томск, 2020. 53 с. URL: https://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Repository/vital:12560 (дата обращения: 15.07.2023).
16. Савастенко Р.А. Российская периодика в начале XX века и ее участие в общественно-политической жизни страны // Вестник РУДН. Серия: Литературоведение, журналистика. 2013. № 4. С. 112–121.
17. Жилякова Н.В. «Томск газетный». Становление и формирование системы газетной периодики дореволюционного Томска // Вестник Томского государственного университета. 2009. № 323. С. 23–30.
18. Senna P. Riconsiderando la cultura letteraria di Ada Negri // Atti del convegno internazionale in occasione dei centocinquant'anni dalla nascita di Ada Negri / a cura di Cristina Tagliaferri. Milano : Prometheus, 2020. P. 103–118.
19. Guida P. Ada Negri: una scrittrice fascista? // Quaderni d'Italianistica. 2002. Vol. 23 (2), № 45. P. 45–58.
20. Gorini Santoli A. Invito alla lettura di Ada Negri. Milano : Gruppo Ugo Mursia Editore (Collana: Invito alla lettura. Sezione italiana; 106), 1995. 208 p.
21. Negri A. Poesie e prose / a cura di Pietro Sarzana. Milano : Mondadori (Collana: Oscar baobab. Moderni), 2020. 861 p.
22. Stagnitti B. «Fatalità» negriana: «primo grido, incomposto e violento, della mia anima» // I cantieri dell'Italianistica. Ricerca, didattica e organizzazione agli inizi del XXI secolo. Atti del XVIII congresso dell'ADI – Associazione degli Italianisti (Padova, 10–13 settembre 2014) / a cura di Guido Baldassarri, Valeria Di Iasio, Giovanni Ferroni, Ester Pietrobon. Roma : Adi editore, 2016. P. 1–7. URL: https://www.italianisti.it/pubblicazioni/atti-di-congresso/i-cantieri-dellitalianistica-ricerca-didattica-e-organizzazione-agli-inizi-del-xxi-secolo-2016/Stagnitti.pdf (дата обращения: 09.08.2023).
23. Negri A. Las solitarias ; Introducción, selección y edición crítica de Antonella Cagnolati ; Traducción de Sandra Ferreira González. Salamanca : Ediciones Universidad de Salamanca (Memoria de mujer; 10), 2018. 134 p.
24. Vedovi L. L''espace' letterario in "Stella mattutina" di Ada Negri // Altrelettere. 4.2.2014. P. 1–21. doi: 10.5903/al_uzh-16
25. Емельянов-Коханский А.Н. Борьба и любовь. Жизнь и произведения Ады Негри: Съ приложеніемъ ея портрета. М. : Складъ Изданія, при книжномъ складѣ Д.П. Ефимова ; Т-во типо-лит. Владиміръ Чичеринъ, 1900. 95 с.
26. Ada Negri. URL: https://www.adanegri.it/node/17 (дата обращения: 18.10.2023).
27. Sarzana P. La vita risolta in un grido // Negri A. Poesie e prose. Milano : Mondadori (Collana: Oscar baobab. Moderni), 2020. P. V–XXXVIII.
28. Comes S. Ada Negri da un tempo all'altro : con 20 tavole fuori testo. Milano : Arnoldo Mondadori Editore, 1970. 188 p.
29. Anna Kuliscioff – Chi è? // Fondazione Anna Kuliscioff. URL: https://www.fondazioneannakuliscioff.it/chi-e/ (дата обращения: 11.11.2023).
30. Leonzio F. Segretari e leader del socialismo italiano. Seconda edizione. [S. l.] : ZeroBook, 2018. 576 p.
31. R. B. Tempeste: nuove poesie di Ada Negri // «Illustrazione popolare. Giornale per le famiglie». 29 Dicembre 1895. Vol. XXXII, N. 57. Milano : Fratelli Treves Editori. P. 908.
32. Ada Negri // La scrittura delle donne. Narratrici, poetesse e giornaliste a Milano tra fine Ottocento e inizio Novecento. Biblioteca Sormani and Google Arts and Culture. URL: https://artsandculture.google.com/story/cQUh2LI4qhN7KQ (дата обращения: 18.10.2023).
33. Шулятиков В.М. Ада Негри // Негри А. Стихотворения: С портр. Ады Негри и предисл. пер. Вып. 1 / пер. с итал. [и предисл.] В. Шулятикова. М. : Изд. П.С. Когана, 1900. URL: http://az.lib.ru/s/shuljatikow_w_m/text_0014-1.shtml (дата обращения: 12.09.2023).
34. Negri A. La compagna sconosciuta // Le strade [eBook Liber Liber]. Tratto da: Le strade / A. Negri. 4. ed. Milano : A. Mondadori, 1940. P. 103–108. URL: https://www.liberliber.it/online/autori/autori-n/ada-negri/le-strade/ (дата обращения: 15.10.2023).
35. Sarzana P. Ada Negri, una scrittrice senza pace [Online resource]. Relazione in Sala Consiliare in occasione della presentazione del francobollo dedicato alla scrittrice lodigiana. Lodi, 8 marzo 2018. URL: https://www.pietrosarzana.it/NegriAda.pdf (дата обращения: 15.10.2023).
36. Negri A. Anniversario // Il libro di Mara. Quinto migliaio. Milano : Fratelli Treves Editori, 1919. P. 57–58.
37. Ватсон М.В. Ада Негри: Критико-биографический очерк М. Ватсон : С портр. Ада[!] Негри. СПб. : Тип. И.Н. Скороходова (Итальянская библиотека; № 1), 1899. 80 с., 1 л. фронт. (портр.).
38. Украинка Л. Два направления в новейшей итальянской литературе (Ада Негри и д'Аннунцио) // Иллюстрированный сборник Киевского литературно-артистического общества. 1900. С. 187–218.
39. Негри А. Стихотворения / пер. с ит. В. Шутикова; предисл. В.М. Фриче. [Киев] : Всеукр. изд-во Ц.И.К. Сов. Украины, 1919. URL: http://az.lib.ru/n/negri_a/text_0030oldorfo.shtml (дата обращения: 27.10.2023).
40. Иванов М.М. Очерки современной итальянской литературы. СПб. : Издание А.С. Суворина, 1902. С. 284–299.
41. Negri A. La nenia materna // Fanfulla da Lodi: giornale settimanale. Sabato 3 marzo 1888. Anno XV. № 9. URL: http://emeroteca.braidense.it/gea/sfoglia_fascicolo.php?IDTestata=16&CodScheda=&Anno=1888&Mese=03&Giorno=03&IDG=29349&RecSel=0 (дата обращения: 15.10.2023).
42. Л.Н. Две поэтессы народного горя (Ада Негри и Мария Конопницкая) // Свобода и христианство. Книжка десятая. СПб., 1906.
43. Кавосъ-Дехтерева С.Ц. Ада Негри (Посвящается Н.И. Калистовой) // Русская мысль: Ежемѣсячное литературно-политическое изданіе. Годъ двадцатый. Кн. XI. М. : Типо-литографія Товарищества И.Н. Кушнеревъ и К°, 1899. С. 66–84.

44. Фриче В. Поэтесса изъ народа // Миръ Божій: Ежемесячный литературный научно-популярный журналъ для самообразованія. Октябрь, 1899. СПб. : Типографія И.Н. Скороходова,1899. С. 168–179.
45. Fraticelli V.L. Incontri con Ada Negri. Napoli : Conte Editore, 1948. 99 p.
46. Русскія Вѣдомости: 1863–1913 : сборникъ статей [о газ.]. М. : Типографія «Русскихъ Вѣдомостей», 1913. [4], 312, 230 с., из них 11 с. объявл., 15 л. ил.; 25.
47. Ада Негри. Стихотворенія въ переводѣ Ф.С. Шкулева // Библиографическій отдѣлъ журнала «Русская мысль: Ежемѣсячное литературно-политическое изданіе». Годъ двадцать четвертый. Книга X. Октябрь 1903. М. : Типо-литогр. Товарищества И.Н. Кушнеревъ и К°, 1903. С. 337.
48. Косихина С.В. Неизданные переводы И.Ф. Анненского: цикл стихов в прозе «Autopsia» // Вестник ПСТГУ. Серия 3: Филология. 2008. Вып. 3 (13). С. 40–71.
49. Бунин И.А. 252. С.Н. Кашкиной. 6 ноября 1896 г. URL: http://bunin-lit.ru/bunin/letters/letter-254.htm (дата обращения: 21.11.2023).

References

1. Nikonova, N.E. et al. (2018) *Perevody ital'yanskoy literatury v dorevolyutsionnoy periodike Sibiri: khrestomatiya* [Translations of Italian Literature in the Pre-Revolutionary Periodicals of Siberia: An anthology]. Tomsk: Tomsk State University.
2. Mednis, N.E. (1999) *Venetsiya v russkoy literature* [Venice in Russian literature]. Philology Dr. Diss. Novosibirsk.
3. Grebneva, M.P. (2009) *Kontseptosfera florentiyskogo mifa v russkoy slovesnosti* [The Conceptual Sphere of the Florentine Myth in Russian Literature]. Tomsk: Tomsk State University.
4. Vladimirova, T.N. (2010) *Rimskiy tekst v tvorchestve N.V. Gogolya* [The Roman Text in the Works of Nikolai Gogol]. Tomsk: Tomsk Polytechnic University.
5. Lebedeva, O.B. & Yanushkevich, A.S. (2014) *Obrazy Neapolya v russkoy slovesnosti XVIII – pervoy poloviny XIX vekov* [Images of Naples in Russian Literature of the 18th – First Half of the 19th Centuries]. Salerno: Europa Orientalis.
6. D'Ameliya, A. & Ritstsi, D. (eds) (2011) *"Personazhi v poiskakh avtora": Zhizn' russkikh v Italii XX veka* ["Characters in Search of an Author": Life of Russians in 20th century Italy]. Translated from Italian by A.V. Yampol'skaya. Moscow: Russkiy put'.
7. D'Ameliya, A. (2011) [Raisa Gurevich and Italian culture]. *Obrazy Italii v russkoy slovesnosti* [Images of Italy in Russian Literature]. Proceedings of the 2nd International Conference. Tomsk – Novosibirsk. 1–7 June 2009. Tomsk: Tomsk State University. pp. 430–451. (In Russian).
8. Zhilyakova, N.V. (2020) World literature in the mirror of provincial periodicals. Review of a series of anthologies and a study guide on foreign literature translations in pre-revolutionary Siberian newspapers. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 64. pp. 313–317. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/64/18
9. Nikonova, N.E. et al. (eds) (2016) *Perevody frantsuzskoy literatury v dorevolyutsionnoy periodike Sibiri* [Translations of French Literature in the Pre-Revolutionary Periodicals of Siberia]. Tomsk: Tomsk State University.
10. Nikonova, N.E. et al. (eds) (2016) *Perevody nemetskoy literatury v dorevolyutsionnoy periodike Sibiri* [Translations of German Literature in the Pre-Revolutionary Periodicals of Siberia]. Tomsk: Tomsk State University.
11. Gorenintseva, V.N. et al. (eds) (2016) *Perevody angliyskoy i amerikanskoy literatury v dorevolyutsionnoy periodike Sibiri* [Translations of English and American Literature in the Pre-Revolutionary Periodicals of Siberia]. Tomsk: Tomsk State University.
12. Nikonova, N.E. et al. (eds) (2019) *Perevody pol'skoy literatury v dorevolyutsionnoy periodike Sibiri* [Translations of Polish Literature in the Pre-Revolutionary Periodicals of Siberia]. Tomsk: Tomsk State University.
13. Nikonova, N.E. (2021) Ital'yanskiy tekst periodiki Sibiri 1890–1910-kh gg. [Italian text of Siberian periodicals of the 1890s–1910s]. In: *Imaginationen von Transkulturalität und Geschlecht: Identitätsnarrative in süd- und ostslawistischen Kontexten*. Vol. 66. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag. pp. 119–138.
14. Nikonova, E.N. & Seryagina, Yu.S. (eds) (2020) *Russkaya i zarubezhnaya slovesnost': retseptsiya, perevod, kommunikatsiya: Kollektivnaya monografiya, posvyashchennaya 25-letiyu kafedry romano-germanskoy filologii Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Russian and Foreign Literature: Reception, Translation, Communication: A collective monograph dedicated to the 25th anniversary of the Department of Romance and Germanic Philology at Tomsk State University]. Tomsk: Tomsk State University.
15. Kanapiyanova, A.E. (2020) *Ital'yanskaya literatura v regional'noy rossiyskoy periodike rubezha XIX–XX vv.: E. Kastel'nuovo i A. Negri* [Italian literature in regional Russian periodicals at the turn of the 20th century: E. Castelnuovo and A. Negri]. Bachelor's Thesis. Tomsk. [Online] Available from: https://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Repository/vital:12560 (Accessed: 15.07.2023).
16. Savastenko, R.A. (2013) Rossiyskaya periodika v nachale XX veka i ee uchastie v obshchestvenno-politicheskoy zhizni strany [Russian periodicals at the beginning of the 20th century and its participation in the country's socio-political life]. *Vestnik RUDN. Seriya: Literaturovedenie, zhurnalistika*. 4. pp. 112–121.
17. Zhilyakova, N.V. (2009) "Tomsk newspaper". Formation and development of the newspaper periodical system of pre-revolutionary Tomsk. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 323. pp. 23–30 (in Russian).
18. Senna, P. (2020) Riconsiderando la cultura letteraria di Ada Negri. In: Tagliaferri, C. (ed.) *Atti del convegno internazionale in occasione dei centocinquant'anni dalla nascita di Ada Negri*. Milano: Prometheus. pp. 103–118.
19. Guida, P. (2002) Ada Negri: una scrittrice fascista? *Quaderni d'Italianistica*. 45 (23). pp. 45–58.
20. Gorini Santoli, A. (1995) *Invito alla lettura di Ada Negri*. Milano: Gruppo Ugo Mursia Editore.
21. Negri, A. (2020) *Poesie e prose*. Milano: Mondadori.
22. Stagnitti, B. (2016) ["Fatalità" negriana: "primo grido, incomposto e violento, della mia anima"]. *I cantieri dell'Italianistica. Ricerca, didattica e organizzazione agli inizi del XXI secolo*. Proceedings of the 18th Congresso dell'ADI – Associazione degli Italianisti. Padua. 10–13 September 2014. Rome: Adi editore. pp. 1–7. [Online] Available from: https://www.italianisti.it/pubblicazioni/atti-di-congresso/i-cantieri-dellitalianistica-ricerca-didattica-e-organizzazione-agli-inizi-del-xxi-secolo-2016/Stagnitti.pdf (Accessed: 09.08.2023).
23. Negri, A. (2018) *Las solitarias*. Translated from Italian by Sandra Ferreira González. Salamanca: Ediciones Universidad de Salamanca.
24. Vedovi, L. (2014) L'‘espace' letterario in "Stella mattutina" di Ada Negri. *Altrelettere*. 4 February. pp. 1–21. doi: 10.5903/al_uzh-16
25. Emel'yanov-Kokhanskiy, A.N. (1900) *Bor'ba i lyubov'. Zhizn' i proizvedeniya Ady Negri* [Struggle and Love. The life and works of Ada Negri]. Moscow: Sklad Izdaniya, pri knizhnom sklade D.P. Efimova; T-vo tipo-lit. Vladimir Chicherin.
26. *Ada Negri.* (n.d.) [Online] Available from: https://www.adanegri.it/node/17 (Accessed: 18.10.2023).
27. Sarzana, P. (2020) La vita risolta in un grido. In: Negri, A. *Poesie e prose.* Milano: Mondadori. pp. 5–38.
28. Comes, S. (1970) *Ada Negri da un tempo all'altro: con 20 tavole fuori testo*. Milano: Arnoldo Mondadori Editore.
29. Fondazione Anna Kuliscioff. (n.d.) Anna Kuliscioff – Chi è? *Fondazione Anna Kuliscioff*. [Online] Available from: https://www.fondazioneannakuliscioff.it/chi-e/ (Accessed: 11.11.2023).
30. Leonzio, F. (2018) *Segretari e leader del socialismo italiano*. 2nd ed. ZeroBook.
31. R.B. (1895) Tempeste: nuove poesie di Ada Negri. *Illustrazione popolare. Giornale per le famiglie*. 29 December. 57 (32). P. 908.
32. Google Arts and Culture. (n.d.) *Ada Negri. La scrittura delle donne. Narratrici, poetesse e giornaliste a Milano tra fine Ottocento e inizio Novecento*. [Online] Available from: https://artsandculture.google.com/story/cQUh2LI4qhN7KQ (Accessed: 18.10.2023).

33. Shulyatikov, V.M. (1900) Ada Negri [Ada Negri]. In: Negri, A. *Stikhotvoreniya* [Poems]. Vol. 1. Translated from Italian by V. Shulyatikov. Moscow: Izdatel'stvo P.S. Kogana. [Online] Available from: http://az.lib.ru/s/shuljatikow_w_m/text_0014-1.shtml (Accessed: 12.09.2023).
34. Negri, A. (1940) *La compagna sconosciuta*. In: Le strade [eBook Liber Liber]. 4th ed. Milano: A. Mondadori. pp. 103–108. [Online] Available from: https://www.liberliber.it/online/autori/autori-n/ada-negri/le-strade/ (Accessed: 15.10.2023).
35. Sarzana, P. (2018) *Ada Negri, una scrittrice senza pace*. Relazione in Sala Consiliare in occasione della presentazione del francobollo dedicato alla scrittrice lodigiana. Lodi. 8 March 2018. [Online] Available from: https://www.pietrosarzana.it/NegriAda.pdf (Accessed: 15.10.2023).
36. Negri, A. (1919) *Il libro di Mara. Quinto migliaio*. Milano: Fratelli Treves Editori. pp. 57–58.
37. Vatson, M.V. (1899) *Ada Negri: Kritiko-biograficheskiy ocherk M. Vatson* [Ada Negri: A Critical and Biographical Essay by M. Watson]. Saint Petersburg: Tip. I.N. Skorokhodova.
38. Ukrainka, L. (1900) Dva napravleniya v noveyshey ital'yanskoy literature (Ada Negri i d'Annuntsio) [Two trends in modern Italian literature (Ada Negri and D'Annunzio)]. In: *Illyustrirovannyy sbornik Kievskogo literaturno-artisticheskogo obshchestva* [Illustrated Collection of the Kyiv Literary and Artistic Society]. Kiev: Foto-tip. S.V. Kul'zhenko. pp. 187–218.
39. Negri, A. (1919) *Stikhotvoreniya* [Poems]. Translated from Italian by V. Shutikov. Kyiv: Vseukrainskoe izd-vo Ts.I.K. Sovetskoy Ukrainy. [Online] Available from: http://az.lib.ru/n/negri_a/text_0030oldorfo.shtml (Accessed: 27.10.2023).
40. Ivanov, M.M. (1902) *Ocherki sovremennoy ital'yanskoy literatury* [Essays on Modern Italian Literature]. Saint Petersburg: Izdanie A.S. Suvorina. pp. 284–299.
41. Negri, A. (1888) La nenia materna [The maternal lullaby]. *Fanfulla da Lodi: giornale settimanale*. 3 March. 9 (15). [Online] Available from: http://emeroteca.braidense.it/gea/sfoglia_fascicolo.php?IDTestata=16&CodScheda=&Anno=1888&Mese=03&Giorno=03&IDG=29349&RecSel=0 (Accessed: 15.10.2023).
42. L.N. (1906) Dve poetessy narodnogo gorya (Ada Negri i Mariya Konopnitskaya) [Two Poetesses of the People's Grief (Ada Negri and Maria Konopnitskaya)]. Saint Petersburg: Tip. Montvinda.
43. Kavos"-Dekhtereva, S.Ts. (1899) Ada Negri (Posvyashchaetsya N.I. Kalistovoy) [Ada Negri (Dedicated to N.I. Kalistova)]. *Russkaya mysl'*. 9 (20). pp. 66–84.
44. Fritsche, V. (1899) Poetessa iz" naroda [Poetess from the people]. *Mir" Bozhiy: Ezhemesyachnyy literaturnyy nauchno-populyarnyy zhurnal" dlya samoobrazovaniya*. October. pp. 168–179.
45. Fraticelli, V.L. (1948) *Incontri con Ada Negri*. Napoli: Conte Editore.
46. Russkie vedomosti. (1913) *Russkie vedomosti: 1863-1913: sbornik statey [o gazete]* [Russkie Vedomosti: 1863–1913: collection of articles [about the newspaper]]. Moscow: Tipografiya "Russkikh Vedomostey".
47. Negri, A. (1903) Stikhotvoreniya v" perevode F.S. Shkuleva [Poems translated by F.S. Shkulev]. *Russkaya mysl'. Bibliograficheskiy otdel*. 10 (24). October 1903. P. 337.
48. Kosikhina, S.V. (2008) Neizdannye perevody I.F. Annenskogo: tsikl stikhov v proze "Autopsia" [Unpublished translations of Innokenty Annensky: Autopsia cycle of poems in prose]. *Vestnik PSTGU. Seriya 3: Filologiya.* 3 (13). pp. 40–71.
49. Bunin, I.A. (1896) *252. S.N. Kashkinoy. 6 noyabrya 1896 g.* [252. To S.N. Kashkina. 6 November, 1896]. [Online] Available from: http://bunin-lit.ru/bunin/letters/letter-254.htm (Accessed: 21.11.2023).

Информация об авторе:
Боттески К. – аспирант кафедры русской и зарубежной литературы Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: carolina.botteschi@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:
C. Botteschi, postgraduate student, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: carolina.botteschi@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 31.12.2023;
одобрена после рецензирования 12.05.2024; принята к публикации 30.09.2024.

The article was submitted 31.12.2023;
approved after reviewing 12.05.2024; accepted for publication 30.09.2024.

Научная статья
УДК 81`33
doi: 10.17223/15617793/506/3

Гендерные различия в восприятии вербальных и невербальных аффективных стимулов

Ксения Сергеевна Иванкова[1]

[1] *Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия, senya.gl@mail.ru*

Аннотация. Представлены результаты исследования субъективных оценок аффективного стимульного материала методом шкалирования. Стимулы оценивались по типу эмоциональной оценки и силе их воздействия на эмоциональное состояние респондента. Получена статистически значимая разница в оценках мужчинами и женщинами при восприятии изображений и слов по параметру «сила воздействия», а также выявлены гендерные особенности восприятия стимулов в различных группах: отрицательных и положительных видео, изображений и слов.
Ключевые слова: эмоциональность, гендер, эмоциональная оценка, экспериментальное исследование, восприятие

Для цитирования: Иванкова К.С. Гендерные различия в восприятии вербальных и невербальных аффективных стимулов // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 506. С. 25–32. doi: 10.17223/15617793/506/3

Original article
doi: 10.17223/15617793/506/3

Gender differences in the perception of verbal and nonverbal affective stimuli

Ksenia S. Ivankova[1]

[1] *National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, senya.gl@mail.ru*

Abstract. In cognitive sciences, it is known that men and women have differences in the perception and evaluation of both verbal and non-verbal emotional stimuli. These differences were obtained to a greater extent on material with a negative valence type. The article presents the results of a study of subjective assessments of affective stimuli. The hypothesis is tested that women are more susceptible to affective stimuli with a negative type of valence compared to men. The assumption about the influence of the type of stimulus material (words, videos, images) on its perception and evaluation by respondents is also considered. The study uses the method of psycholinguistic questioning using the scaling technique. The research material as linguistic stimulus material was 280 verbs from the dictionary *Alphabet of Emotions: Dictionary-Thesaurus of Emotive Vocabulary* by L.G. Babenko, as well as 140 verbs with neutral semantics from the *Large Explanatory Dictionary of Russian Verbs* by L.G. Babenko. As non-verbal affective stimulus material, 83 images were used from an open database of emotional standardized images (Open Access Series of Imaging Studies), as well as 20 fragments of short cartoons that Polish scientists (Martin Naranowicz et al.) used in their work. A total of 93 people (58 women, 34 men) took part in the study. The main hypothesis that women, unlike men, are more susceptible to negative types of semantics was partially confirmed, and the assumption that ratings would differ depending on the type of stimulus (words, images and videos) turned out to be correct. This difference was obtained for the perception of emotional words ($P < 0.001$) and images ($P \leq 0.05$), but a comparative analysis of ratings of negative videos did not reveal statistical differences between men and women. There was also a significant difference in the ratings of men and women in the perception of images ($P < 0.001$) and words ($P \leq 0.05$) in the parameter of arousal. Thus, women generally rated emotional stimuli as having a greater impact on them, while men's assessments tended to be neutral (having no or close to neutral emotional impact). In addition, a statistically significant difference was found not only in the perception and evaluation of negative emotional words and images, but also in the evaluations of positive words ($P < 0.001$), images ($P < 0.001$) and videos ($P < 0.05$), which differs from data obtained from the material of other languages and cultures. It is assumed that the identified difference in the assessments of positive images, words and videos by Russian men and women may indicate that their processing is influenced by an ethnocultural factor.
Keywords: emotionality, gender, arousal, valence, experimental study, perception

For citation: Ivankova, K.S. (2024) Gender differences in the perception of verbal and nonverbal affective stimuli. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 506. pp. 25–32. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/506/3

© Иванкова К.С., 2024

Ранние исследования социального пола и эмоций способствовали закреплению стереотипов о типах эмоций, более характерных для женщин и мужчин (например, *печаль и страх для женщин, гнев и гордость для мужчин*), а также представлению о том, что женщины, как правило, более эмоциональны, чем мужчины, и более склонны к колебаниям настроения [1].

В настоящее время исследования категории эмоциональности в гендерном аспекте активно развиваются. Утверждение о том, что женщина является более эмоциональной, по сравнению с мужчиной, находит подтверждение в междисциплинарных психофизиологических исследованиях [2–9]. Так, были выявлены гендерные различия в работе структур мозга, связанных с эмоциональной обработкой стимулов [2]. Доказано, что женщины проявляют более сильную физиологическую реакцию на аффективные стимулы по сравнению с мужчинами [4–10]. Была обнаружена значимая разница в скорости обработки эмоциональных единиц [5]. Также отмечается и особое влияние эмоционального состояния на обработку стимулов различного типа, в том числе и вербальных, которое в большей степени сказывалось на женщинах в отличие от мужчин [6].

Ряд исследователей отмечают, что гендерные различия в большей степени проявляются на аффективных единицах, имеющих отрицательный тип валентности (в англоязычной литературе – *valence*), т.е. имеющих отрицательный тип эмоциональной оценки. Так, например, особая восприимчивость женщин к отрицательным эмоциональным стимулам была выявлена и описана в психофизиологических исследованиях, измеряющих такие показатели, как частота биения сердца, электрическая активность мозга, степень реакции (испуга) при просмотре эмоциональных видеороликов [4, 7] или изображений [8, 9]. В этих экспериментах у женщин, по сравнению с мужчинами, отмечались более высокие показатели частоты биения сердца, степени реакции (испуга), а также б**о**льшая активность структур мозга, связанных с эмоциональными переживаниями. Данные интроспективных отчетов респондентами после подобных сессий также коррелировали с полученными результатами.

Вместе с тем при создании баз данных аффективного стимульного материала была выявлена разница в оценках мужчинами и женщинами (*Nencki Affective Picture System (NAPS), Open Access Series of Imaging Studies (OASIS)*). Так, например, польские исследователи выявили, что корреляция между степенью воздействия на испытуемого и типом эмоциональной оценки у женщин была выше в значительной степени по сравнению с мужчинами при оценивании отрицательных изображений [10]. Другими словами, женщины являлись более восприимчивыми к отрицательным эмоциональным стимулам и были склонны их оценивать как имеющих бóльшую степень воздействия на их эмоциональное состояние. В то же время американские исследователи при анализе оценок аффективных изображений выявили гендерные различия в восприятии изображений сексуального характера, однако статистически значимых различий в оценках по параметрам «валентность» или «тип эмоциональной оценки» обнаружено не было [11].

Также были выявлены гендерные различия при оценке вербальных стимулов (эмоциональных существительных русского языка) при разработке базы данных эмоциональных слов EnRun [12]. Респондентам предлагалось оценить по пятибалльной шкале ассоциативную связь (0 – нет связи, 5 – сильная связь) предложенного стимула с пятью базовыми эмоциями (*страх, радость, отвращение, злость и грусть*); таким образом, каждое слово получало пять оценок от участника эксперимента. Были обнаружены значимые гендерные различия по категориям «страх» (53 высокие оценки женщинами, 3 мужчинами) и «грусть» (27 высоких оценок женщинами, 5 мужчинами), в связи с тем что женщины давали более высокие оценки по сравнению с мужчинами. Ученые отмечают, что значительная часть слов, по которым обнаружены отличия между мужчинами и женщинами, семантически связаны с агрессией, в большей степени физической.

Отметим, что в качестве лингвистического стимульного материала в подобных работах исследователями в основном используются существительные или прилагательные, в то время как восприятие эмоциональных глаголов в этом аспекте до сих пор остается неизученным. Для нас представляет интерес то, обнаружатся ли гендерные различия также при восприятии аффективных вербальных стимулов на другом типе эмоционального материала. Однако подчеркнем, что мы обращаемся к глаголам не только по причине их малой изученности, но также вследствие их значительной этноязыковой специфичности в выражении эмоциональности, что было отмечено рядом исследователей, специализирующихся в этой области [13].

Также превалирующая часть работ по данной проблематике выполнена на материале английского или других европейских языков, а в качестве респондентов выступают представители других культур, отличных от русской. Гендер же как социально-культурный пол взаимодействует с психологическими, социальными и культурными факторами определенной этнокультурной локализации. В связи с этим возникает необходимость проведения подобных исследований на материале других языков и культур. Для выяснения наличия и характера этнокультурных отличий в качестве невербального стимульного материала мы использовали тот, на котором были получены данные о гендерных различиях в предыдущих зарубежных исследованиях [6, 11].

Таким образом цель данного исследования – выявить специфику восприятия эмоциональных невербальных и вербальных стимулов русскими мужчинами и женщинами. Основная гипотеза нашего исследования заключалась в том, что мы ожидали получить разницу в оценках эмоциональных единиц, предполагая, что женщина будет более чувствительной к стимулам с отрицательным типом семантики (что будет выражаться в более высоких оценках стимулов по исследуемым параметрам), в отличие от мужчин, для которых валентность эмоционального стимула не будет оказывать значимого влияния на оценки. Мы также прове-

ряем предположение о влиянии типа стимульного материала (слов, видео, изображений) на его восприятие и оценку респондентами, ввиду того что данные группы стимулов имеют свою специфику в формальном и содержательном плане. Так, при восприятии слов и изображений активизируется визуальный канал восприятия, в то время как восприятие видео одновременно связано с визуальной и аудиальной модальностями. Слова и изображения, в отличие от видео, являются более простым типом стимулов: если слово называет единичную эмоцию, изображение передает какой-то один эмоциональный визуальный образ, то видео является комплексной единицей, состоящей из серии последовательных изображений, которые представляют собой динамичную структуру, содержащую также звуковой информационный ряд, благодаря которой происходит передача совокупности эмоциональных смыслов и образов.

Материал и методы

Для проверки данной гипотезы была проведена серия экспериментов с использованием метода психолингвистического анкетирования с применением приема шкалирования (использовалась семибалльная шкала Ликерта).

В качестве ***языкового стимульного материала*** мы отобрали 280 глаголов из словаря «Алфавит эмоций: словарь-тезаурус эмотивной лексики» Л.Г. Бабенко [14], а также 140 глаголов с нейтральной семантикой из словаря «Большой толковый словарь русских глаголов» Л.Г. Бабенко [15]. На первом этапе мы отобрали слова методом сплошной выборки, на втором – сократили список слов (по причине большого количества слов и их семантической избыточности), исключив глаголы совершенного вида, производные слова, а также глаголы, имеющие пометы *разг., разг. сниж.* и *высок.* (например, *хорохориться*). Глаголы выбирались из пяти функционально-семантических групп: 1) эмоциональное состояние (*волноваться, нервничать*); 2) эмоциональное отношение (*беспокоиться, заботиться*); 3) становление эмоционального состояния и отношения (*возбуждаться, расстраиваться)*; 4) эмоциональное воздействие (*тиранить, травмировать*); 5) внешнее выражение эмоций (*скандалить, ссориться*).

В качестве ***невербального аффективного стимульного материала*** использовались:

1) 83 изображения из открытой базы данных эмоциональных стандартизированных изображений (21 с положительной оценкой, 21 с отрицательной и 21 с нейтральной), на которую не распространяются ограничения авторского права [11];

2) 20 фрагментов короткометражных мультфильмов, которые использовали в своей работе польские ученые [6]. Видео были представлены без диалогов, в сопровождении инструментальной музыки, предварительно отформатированы по длине (длительность – по 1,5 минуты каждое) и выгружены на платформу YouTube, после чего (через ссылку) добавлены в гугл-формы.

Визуальные стимулы, содержащие информацию о грубом насилии и смерти, а также стимулы сексуального характера не включались в анализ по причине этических соображений.

Хотя аффективные реакции можно концептуализировать и измерить разными способами, мы полагались на циркумплексную модель аффекта [16] и собирали:

1. Оценки мужчинами и женщинами эмоций по параметру валентность слова, т.е. отрицательную или положительную характеристику стимула.

2. Оценки мужчинами и женщинами по параметру сила воздействия стимула (в англоязычной литературе – *arousal*), т.е. характеристику респондентом степени воздействия стимула на свое эмоциональное состояние.

Таким образом, все стимулы были проранжированы по типу валентности от *очень положительного* (1) до *очень отрицательного* (7) и по степени эмоционального воздействия на респондента, где испытуемый характеризовал свое состояние от *расслабленного, комфортного* (1) до *возбужденного, напряженного* (7).

Рейтинговые шкалы, разработанные для каждого параметра, включали конкретные инструкции и примеры, помогающие оценивать слова.

Проект исследования был одобрен этическом комитетом Томского государственного университета. Каждый респондент давал согласие на участие в эксперименте в электронной форме перед началом прохождения психолингвистической анкеты. В форме мотивированного согласия была информация о том, что в любой момент экспериментальная сессия может быть завершена без объяснения причин, а также об анонимности и строгой конфиденциальности всех предоставленных респондентом данных. Все участники прошли анкетирование до конца.

Всего в исследовании приняли участие (по количеству ID-идентификационного номера респондента) 93 человека (58 женщин, 34 мужчины). Возраст участников варьировался от 18 до 60 лет (SD = 6,58). Респондентам не оплачивалось участие в экспериментах, но количество прохождений экспериментальных сессий каждым волонтером фиксировалось для дальнейшей выдачи электронных благодарственных грамот (при участии в 10 и более экспериментах, которые проводятся на базе Лаборатории лингвистической антропологии ТГУ). Для того чтобы не допустить утомления участников эксперимента, на одного респондента в среднем приходилось не более трех анкет с разным типом стимульного материала, но с идентичной задачей (например, *анкета с изображениями по параметру «валентность стимула»* и *анкеты со словами и видеоматериалами по этому же параметру*). Однако были респонденты, изъявившие желание пройти все анкеты. В этом случае они также проходили за один раз не более трех анкет, а ко второй части могли приступить лишь спустя две недели после прохождения первой части. Также были и те респонденты, которые прошли всего одну или две анкеты, по этой причине финальное количество участников варьируется по каждому параметру.

Все стимулы предъявлялись в рандомизированном порядке. Некоторые респонденты охотно делились интроспективными наблюдениями после прохождения экспериментов. Например, одна женщина констатировала трудности в оценивании некоторых состояний, названных глаголами, по причине того, что она считала, что все эмоциональные состояния, в том числе злость, нам нужны, следовательно, не могут быть оценены исключительно как негативные. С одной стороны, такая излишняя психологизация эмоциональных состояний и принятие любого эмоционального опыта как позитивного могли уводить респондента от задачи исследования, которая в его случае предполагала оценку слова, а не чувства. Поэтому на последующих этапах нашей работы нам кажется важным сбор таких интроспективных отчетов сразу после выполнения респондентом поставленной задачи, для понимания стратегии которой человек пользовался в момент оценивания его размышлений, а также степени погружения в анализ. С другой стороны, излишняя рационализация при анализе видеоматериалов или изображений по параметру «сила воздействия стимула» могла привести к отвлеченной и неточной оценке этих стимулов по причине смещения внимания респондента на оценку того, «что он думает об эмоциях, которые этот стимул мог бы потенциально вызывать», вместо того, «что чувствует респондент, когда видит ту или иную эмоциональную единицу». Вследствие этого после запуска анкет и получения обратной связи от респондентов мы решили добавить в формулировку задания анкет по данному параметру информацию о том, что необходимо направить внимание на свои чувства. Приведем пример того, как выглядела уточняющая формулировка в анкете с изображениями: *«Попробуйте МАКСИМАЛЬНО сконцентрироваться на своих ОЩУЩЕНИЯХ и прочувствовать свое состояние при просмотре каждого изображения».*

Результаты исследования

Мы проверили достоверность полученных оценок, посмотрев, какие стимулы получили наиболее высокие и низкие оценки по исследуемым параметрам. В табл. 1 приведены результаты этой выборки.

Таблица 1

Описательные статистики оценок стимулов, получивших самые высокие и самые низкие значения по параметрам «валентность» и «сила воздействия» стимула

Тип стимула	Параметр	Среднее	Среднее муж.	Среднее жен.	SD
Изображения	Воздействие макс.	6,44	6,25	6,52	0,98
	Воздействие мин.	1,41	1,6	1,32	0,72
	Валентность макс.	6,41	6,2	6,7	1,19
	Валентность мин.	1,6	1,7	1,5	1,37
Видео	Воздействие макс.	6,56	6,4	6,6	0,91
	Воздействие мин.	2,27	2,5	2,1	1,07
	Валентность макс.	6,59	6,5	6,6	0,78
	Валентность мин.	1,7	1,8	1,7	0,91
Слова	Воздействие макс.	6,19	6	6,26	1,08
	Воздействие мин.	1,54	1,3	1,6	1,09
	Валентность макс.	6,5	6,2	6,6	0,73
	Валентность мин.	1,6	1,8	1,5	1,04

В данной таблице отражены описательные статистики оценок стимулов, получивших самые высокие (макс.) и самые низкие (мин.) значения по параметрам «валентность» и «сила воздействия». Мы указали их общие средние оценки (среднее), средние оценки мужчинами и женщинами (среднее муж., среднее жен.), а также стандартное отклонение (SD). Более подробное описание стимулов, значения оценок которых вошли в табл. 1, приведено ниже.

Изображения

Самая высокая оценка изображения по параметру «сила эмоционального воздействия» (воздействие макс.) была получена для стимула под номером 32 (среднее = 6,44), на котором был изображен таракан, а самая низкая оценка по данному параметру (воздействие мин.) была получена для стимула под номером 21 (среднее = 1,41), на котором были изображены горы, озеро и хвойный лес солнечным днем.

Самая положительная оценка по параметру «валентность» (среднее = 1,6) была получена для изображения 43 («валентность мин.»), на котором был молодой щенок в порыве игры и веселья, а самая отрицательная валентная оценка была получена для изображения 12 (mean = 6,41), на котором был нож как орудие убийства со следами крови на белых простынях («валентность макс.»).

Видео

Самая низкая оценка по параметру «сила эмоционального воздействия» (вызывало максимальное чувство комфорта) была получена для стимула под номером 4 (среднее = 2,27). Это же видео имело самый низкий показатель по типу эмоциональной оценки (было оценено как очень положительное) (среднее = 1,7). Под этим номером был зашифрован официальный тизер из диснеевского мультфильма «Холодное сердце» (Frozen, 2013)

Самая высокая оценка по этим двум параметрам была получена для стимула под номером 11, которое имело самое сильное воздействие на эмоциональное состояние, вызывая сильный дискомфорт (среднее = 6,56),

и было оценено как самое отрицательное (среднее = 6,59). Под этим номером был закодирован анимационный короткометражный фильм «Ужасы» от Riff и Alternate Studio, в котором маленькая девочка, проснувшись ночью от шума, видит ссору между родителями и испытывает сильный страх.

Слова

Словом, имеющим самую высокую положительную оценку («валентность мин.»), оказалось *процветать* (среднее = 1,6), а самую высокую отрицательную – *свирепеть* (среднее = 6,5). Самыми эмоциональными («воздействие макс.»), получившими одни и те же числовые значения, стали слова *психовать* (среднее = 6,19) и *свирепеть* (среднее = 6,19), а самым неэмоциональным (arousal min) оказалось слово *обрабатывать* (среднее = 1,54).

После проверки достоверности полученных оценок был проведен статистический анализ данных с применением открытого программного обеспечения R (версия 4.3.2.) и интегрированной среды разработки RSTUDIO.

На ***первом этапе*** анализа мы сравнили все оценки мужчинами и женщинами по каждому параметру, таким образом получилось шесть групп. В табл. 2 представлены результаты данного анализа. Тип распределения был негауссовским во всех случаях, за исключением оценок изображений по критерию «сила воздействия стимула». Таким образом, для анализа был использован непараметрический критерий Манна–Уитни (для сравнения двух независимых выборок), а в случае с нормальным распределением – критерий Стьюдента.

Статистически значимая разница в оценках мужчинами и женщинами была обнаружена при анализе оценок изображений ($p < 0,001$) и слов ($p = 0,05$) по параметру «сила воздействия стимула».

На рис. 1 и 2 представлены скрипичные диаграммы, визуализирующие результаты статистического анализа, на которых можно увидеть характер распределения оценок изображений (рис. 1) и слов (рис. 2) мужчинами (правая диаграмма) и женщинами (левая) по тем параметрам, где была получена статистическая значимость. Ромбиком в центре каждой фигуры на рисунках отмечена медиана, которая означает серединное значение всех оценок. Можно заметить, что диапазон ответов женщин больше, чем у мужчин, т.е. мужчины реже отмечают крайние значения (*очень отрицательный, очень положительный, чувство комфорта, чувство дискомфорта*), а бóльшая часть их ответов тяготеет к нейтральным.

Таблица 2

Данные статистического анализа видео, изображений и слов, демонстрирующие разницу в оценках мужчинами и женщинами по параметрам «валентность» и «сила воздействия на эмоциональное состояние

Видео		Изображения		Слова	
Воздействие	Валентность	Воздействие	Валентность	Воздействие	Валентность
p-value = 0,6359	p-value = 0,6733	**p-value =0,0501**	p-value = 0,9717	**p-value = 0,000215**	p-value = 0,5967

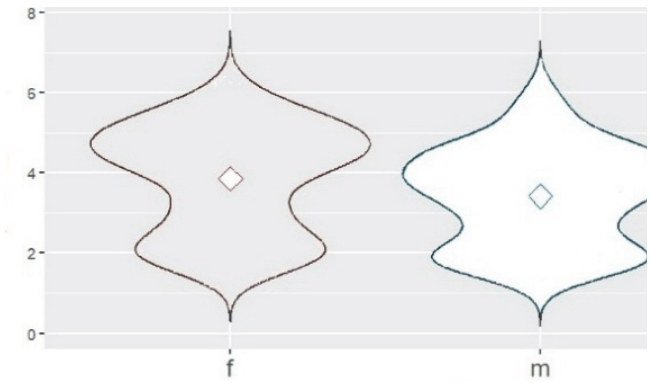

Рис. 1. Распределение мужских и женских оценок изображений по параметру «сила воздействия» на эмоциональное состояние

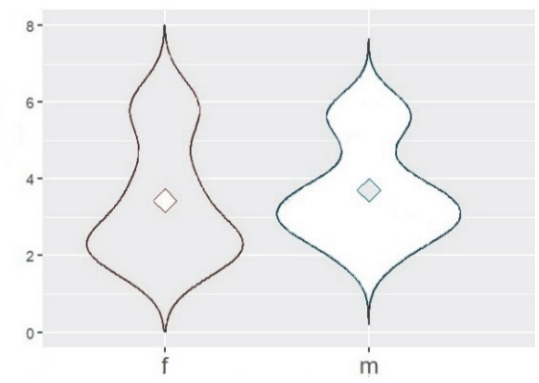

Рис. 2. Распределение мужских и женских оценок слов по параметру «сила воздействия» на эмоциональное состояние

На ***втором этапе*** анализа мы решили сравнить оценки эмоциональных стимулов мужчинами и женщинами в определенном диапазоне, так как ранее исследователями была получена разница именно на стимулах с отрицательным типом валентности.

Слова

Мы отобрали стимулы с отрицательным и положительным типом валентности (опираясь на средние оценки в определенном равном диапазоне) и сравнили оценки мужчинами и женщинами данных типов стимулов. Анализ внутригрупповых различий с использованием критерия Краскела–Уоллиса показал статистически значимую разницу в обеих группах, как в группе отрицательно валентных ($p < 0,001$), так и положительно валентных стимулов ($p < 0,001$). На рис. 3, 4 можно видеть, что у женщин преобладает более высокая эмоциональная оценка слов в этих группах, а ответы тяготеют к крайним значениям (1 и 7 соответственно), в то время как у мужчин диапазон оценок меньше, а общее их число стремится к центру шкалы (*4*), что соответствует нейтральному значению.

Видео

Мы также сравнили оценки видео по двум группам (положительные и отрицательные). Анализ

внутригрупповых различий с использованием критерия Краскела–Уоллиса показал статистически значимую разницу в оценках мужчинами и женщинами положительных стимулов (по параметру «сила воздействия стимула на эмоциональное состояние»).

На рис. 5 можно наблюдать – за счет того что оценки видео женщинами имели более низкие значения ($p < 0,05$) по сравнению с мужскими (их значения оценок, как и в других случаях, тяготели к центру шкалы, к нейтральному значению 4), – что положительные видео оказывали большее влияние на женское эмоциональное состояние по сравнению с мужским. По параметру «валентность стимула» статистически значимой разницы в ответах мужчин и женщин выявлено не было.

Изображения

Что касается внутригруппового анализа оценок изображений, то статистически значимая разница в оценках мужчинами и женщинами была обнаружена при анализе оценок в группах положительных ($p < 0,001$) и отрицательных стимулов ($p = 0,05$) (по параметру «сила воздействия на респондента»).

Как можно видеть на рис. 6, 7, оценки женщинами имели более высокие значения и более широкий диапазон по сравнению с мужскими, что говорит о большей степени эмоционального воздействия положительных и отрицательных изображений на женщин, по сравнению с мужчинами. По параметру «валентность стимула» статистически значимой разницы в ответах мужчин и женщин выявлено не было.

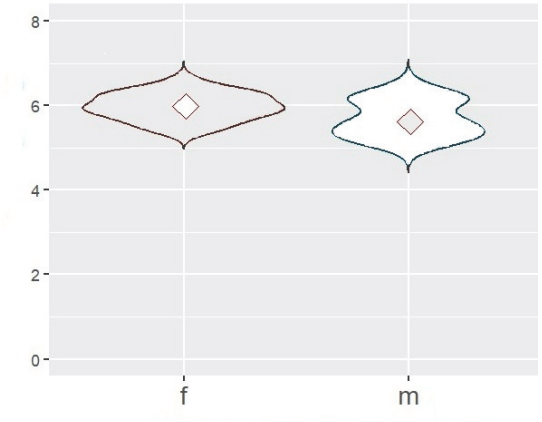

Рис. 3. Распределение мужских и женских оценок слов с отрицательной валентностью

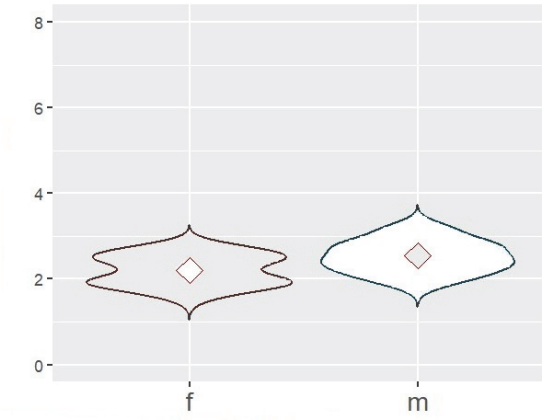

Рис. 4. Распределение мужских и женских оценок слов с положительной валентностью

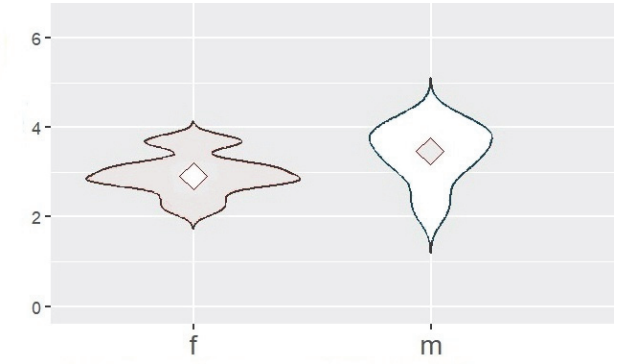

Рис. 5. Распределение мужских и женских оценок видео, вызывающих чувство комфорта

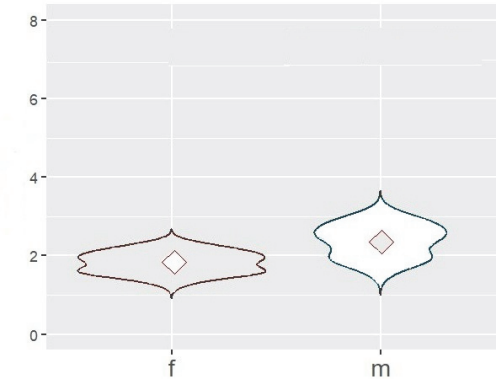

Рис. 6. Распределение мужских и женских оценок изображений, вызывающих чувство комфорта

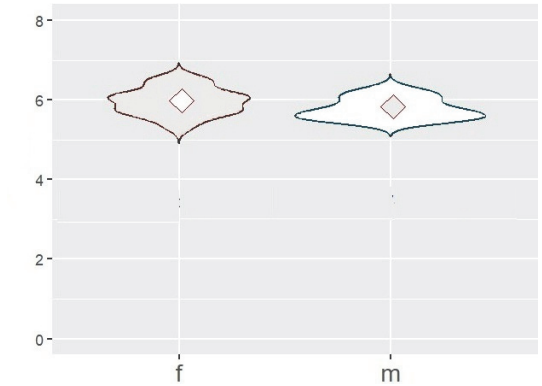

Рис. 7. Распределение мужских и женских оценок изображений, вызывающих чувство дискомфорта

Отметим, что данные анализа оценок в группах положительных и отрицательных стимулов показали различия в оценках мужчинами и женщинами по силе воздействия и типу валентности. В оценках изображений значимые гендерные различия были получены в обеих группах (как положительных, так и отрицательных), но лишь по параметру «сила воздействия на эмоциональное состояние».

Оценки видео мужчинами и женщинами имели различия по силе воздействия только в группе положительных стимулов, по параметру «валентность стимула» различий не было выявлено.

В табл. 3 представлены результаты анализа положительных и отрицательных оценок видео, изображений и слов мужчинами и женщинами.

Таблица 3

Данные статистического анализа видео, изображений и слов, демонстрирующие разницу в оценках мужчинами и женщинами по параметрам «валентность» и «сила воздействия на эмоциональное состояние» в группах положительных и отрицательных стимулов

Показатель	Видео		Изображения		Слова	
	Положит.	Отрицат.	Положит.	Отрицат.	Положит.	Отрицат.
Воздействие	**p = 0,0263**	p = 0,1548	**p = 0,0001***	**p = 0,0564**	**p = 0,0001***	**p = 0,0551**
Валентность	p = 0,3227	p = 0,2263	p = 0,3118	p = 0,0769	**p = 0,0018***	**p = 0,0002***

Таким образом, в результате проведенных экспериментов было выявлено, что оценки невербальных и вербальных стимулов мужчинами и женщинами по параметрам «валентность стимула» и «сила воздействия» имеют статистически значимые отличия. Такая разница достигается за счет того, что женщины склонны оценивать эмоциональные стимулы как более эмоциональные (положительные и отрицательные) и имеющие большее воздействие на них, в то время как оценки мужчинами тяготеют к нейтральным значениям (скорее неэмоциональное, не имеющее эмоционального воздействие или близкое к нейтральному), диапазон оценок женщин шире, чем у мужчин.

Мы предполагали, что женщины, в отличие от мужчин, будут более восприимчивы к отрицательному типу семантики, опираясь на данные предшественников [4,7–9,10–12]. Такая разница была получена при восприятии эмоциональных слов и изображений, однако сравнительный анализ оценок отрицательных видео не выявил статистических различий между мужчинами и женщинами.

Мы полагаем, что это может быть связано с тем, что некоторая часть мультфильмов этой группы, имела специфический сюжет, в котором трагический поворот истории происходил на последних секундах видеофрагмента, так что некоторые испытуемые могли не досмотреть до конца видео и оценить их как ложноположительные или нейтральные.

Кроме того, мы получили статистически значимую разницу не только в восприятии и оценке отрицательных эмоциональных слов и изображений, но и в оценках положительных слов, изображений и видео. Различия в оценках слов могут быть связаны с тем, что мы использовали глаголы в качестве материала исследования, которые являются наиболее характерным и специфичным для русского языка (ментальности) способом выражения эмоций. Выявленная разница в оценках положительных изображений и видео может также свидетельствовать о том, что на их обработку влияет этнокультурный фактор.

В дальнейшем мы планируем проведение серии гендерных исследований с помощью экспериментального метода с измерением времени реакции для верификации полученных результатов.

Список источников

1. McCormick K.T., MacArthur H.J., Shields S.A., Dicicco E.C. New perspectives on gender and emotion // Feminist perspectives on building a better psychological science of gender. Springer, 2016. P. 213–230.
2. Goldstein J., Seidman L., Horton N., Makris N., Kennedy D., Caviness V., Faraone S., Tsuang M. Normal sexual dimorphism of the adult human brain assessed by in vivo magnetic resonance imaging // Cerebral Cortex. 2001. Vol. 11 (6). P. 490–497.
3. Vrana S., Rollock D. The role of ethnicity, gender, emotional content, and contextual differences in physiological, expressive, and self-reported emotional responses to imagery // Cognition and Emotion. 2002. Vol. 16 (1). P. 165–192.
4. Codispoti M., Surcinelli P., Baldaro B. Watching emotional movies: Affective reactions and gender differences // International Journal of Psychophysiology. 2008. Vol. 69 (2). P. 90–95.
5. Резанова З.И., Васильева А.В., Позовкина К.С., Хабибулина А.С. Когнитивная обработка русских экспрессивных единиц: гендерное своеобразие // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 420. С. 74–81. doi: 10.17223/15617793/420/10
6. Naranowicz M., Jankowiak K., Behnke M. Mood and gender effects in emotional word processing in unbalanced bilinguals // International Journal of Bilingualism. 2023. Vol. 27 (1). P. 39–606.
7. Fernández C.E., Pascual J., Soler J., Elices M., Portella M., Fernández-Abascal E. Physiological responses induced by emotion-eliciting films // Applied Psychophysiology and Biofeedback. 2012. Vol. 37 (2). P. 73–79.
8. Bianchin M., Angrilli A. Gender differences in emotional responses: A psychophysiological study // Physiology & Behavior. 2012. Vol. 105 (4). P. 925–932.
9. Bradley M.M., Codispoti M., Sabatinelli D., Lang P.J. Emotion and motivation II: sex differences in picture processing // Emotion. 2001. Vol. 1 (3). P. 300–319.
10. Marchewka A. The Nencki Affective Picture System (NAPS): Introduction to a novel, standardized, wide-range, high-quality, realistic picture database // Behavior Research Methods. 2013. Vol. 46. P. 596–610.
11. Kurdi B., Lozano S., Banaji R. Introducing the Open Affective Standardized Image Set (OASIS) // Behavior Research Methods. 2017. Vol. 49 (2). P. 457–470.
12. Люсин Д.В., Сысоева Т.А. Эмоциональная окраска имен существительных: база данных ENRuN // Психологический журнал. 2017. Т. 38, № 2. С. 122–131.
13. Pavlenko A. Emotion and emotion-laden words in the bilingual lexicon // Bilingualism: Language and Cognition. 2008. Vol. 11 (2). P. 147–164.
14. Бабенко Л.Г. Алфавит эмоций: словарь-тезаурус эмотивной лексики. 2-е изд. стер. Екатеринбург ; Москва : Кабинетный ученый, 2022. 432 с.

15. Бабенко Л.Г. Большой толковый словарь русских глаголов. М. : Аст-Пресс книга, 2005. 864 с.
16. Russell J.A. A circumplex model of affect //Journal of Personality and Social Psychology. 1980. Vol. 39 (6). P. 1161–1178.

References

1. McCormick, K.T., MacArthur, H.J., Shields, S.A. & Dicicco, E.C. (2016) New perspectives on gender and emotion. In: *Feminist perspectives on building a better psychological science of gender*. Springer. pp. 213–230.
2. Goldstein, J. et al. (2001) Normal sexual dimorphism of the adult human brain assessed by in vivo magnetic resonance imaging. *Cerebral Cortex*. 11 (6). pp. 490–497.
3. Vrana, S. & Rollock, D. (2002) The role of ethnicity, gender, emotional content, and contextual differences in physiological, expressive, and self-reported emotional responses to imagery. *Cognition and Emotion*. 16 (1). pp. 165–192.
4. Codispoti, M., Surcinelli, P. & Baldaro, B. (2008) Watching emotional movies: Affective reactions and gender differences. *International Journal of Psychophysiology*. 69 (2). pp. 90–95.
5. Rezanova, Z.I., Vasil'eva, A.V., Pozovkina, K.S. & Khabibulina, A.S. (2017) Cognitive processing of an expressive word: gender specificity. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 420. pp. 74–81. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/420/10
6. Naranowicz, M., Jankowiak, K. & Behnke, M. (2023) Mood and gender effects in emotional word processing in unbalanced bilinguals. *International Journal of Bilingualism*. 27 (1). pp. 39–606.
7. Fernández, C.E. et al. (2013) Physiological responses induced by emotion-eliciting films. *Applied Psychophysiology and Biofeedback*. 37 (2). pp. 73–79.
8. Bianchin, M. & Angrilli, A. (2012) Gender differences in emotional responses: A psychophysiological study. *Physiology & Behavior*. 105 (4). pp. 925–932.
9. Bradley, M.M., Codispoti, M., Sabatinelli, D. & Lang, P.J. (2001) Emotion and motivation II: sex differences in picture processing. *Emotion.* 1 (3). pp. 300–319.
10. Marchewka, A. (2013) The Nencki Affective Picture System (NAPS): Introduction to a novel, standardized, wide-range, high-quality, realistic picture database. *Behavior Research Methods*.46. pp. 596–610.
11. Kurdi, B., Lozano, S. & Banaji, R. (2017) Introducing the Open Affective Standardized Image Set (OASIS). *Behavior Research Methods*. 49 (2). pp. 457–470.
12. Lyusin, D.V. & Sysoeva, T.A. (2017) Emotsional'naya okraska imen sushchestvitel'nykh: baza dannykh ENRuN [Emotional connotation of nouns: ENRuN database]. *Psikhologicheskiy zhurnal.* 38 (2). pp. 122–131.
13. Pavlenko, A. (2008) Emotion and emotion-laden words in the bilingual lexicon. *Bilingualism: Language and Cognition*. 11 (2). pp. 147–164.
14. Babenko, L.G. (2022) *Alfavit emotsiy: slovar'-tezaurus emotivnoy leksiki* [Alphabet of Emotions: Dictionary-Thesaurus of Emotive Vocabulary]. 2nd ed. Yekaterinburg; Moscow: Kabinetnyy uchenyy.
15. Babenko, L.G. (2005) *Bol'shoy tolkovyy slovar' russkikh glagolov* [Large explanatory dictionary of Russian verbs]. Moscow: Ast-Press kniga.
16. Russell, J.A. (1980) A circumplex model of affect. *Journal of Personality and Social Psychology*. 39 (6). pp. 1161–1178.

Информация об авторе:
Иванкова К.С. – аспирант кафедры общей, компьютерной и когнитивной лингвистики Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: senya.gl@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:
K.S. Ivankova, postgraduate student, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: senya.gl@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 06.03.2024;
одобрена после рецензирования 28.06.2024; принята к публикации 30.09.2024.

The article was submitted 06.03.2024;
approved after reviewing 28.06.2024; accepted for publication 30.09.2024.

Научная статья
УДК 81`42
doi: 10.17223/15617793/506/4

Дискурсивные стратегии и тактики убеждения в научно-популярном дискурсе по изменению климата

Елена Юрьевна Пономарева[1]

[1] *Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия, elurpon@gmail.com*

Аннотация. Рассматриваются дискурсивные тактики и стратегии убеждения в научно-популярном дискурсе по изменению климата. При помощи дискурсивного и прагмалингвистического анализа в рамках аристотелевских стратегий этоса, пафоса и логоса выявляются тактики убеждения читателей в валидности солярной гипотезы изменения климата посредством сопоставления данной гипотезы с антропогенной гипотезой, которая является ведущей в экологической и политической сферах. В результате проведенного анализа выявляется доминирующее воздействие в первую очередь на эмоциональном уровне, а затем на рациональном.
Ключевые слова: научно-популярный дискурс, прагмалингвистика, изменение климата, этос, пафос, логос, тактики и стратегии убеждения

Для цитирования: Пономарева Е.Ю. Дискурсивные стратегии и тактики убеждения в научно-популярном дискурсе по изменению климата // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 506. С. 33–43. doi: 10.17223/15617793/506/4

Original article
doi: 10.17223/15617793/506/4

Discourse strategies and tactics of persuasion in popular scientific discourse on climate change

Elena Yu. Ponomareva[1]

[1] *University of Tyumen, Tyumen, Russian Federation, elurpon@gmail.com*

Abstract. This article is written within the framework of pragmatics and discourse analysis and is aimed at revealing discursive strategies and tactics of persuasion in popular science discourse through the example of a popular-science article on global warming published at the Heartland Institute website, which promotes an alternative view on the issue of global warming and climate change in general. With the help of the discursive and pragmalinguistic methods of analysis within the framework of the Aristotelian persuasive strategies of ethos (credibility and reliability of information presented), pathos (emotive charge and emotional impact), and logos (logical reasoning and factual representation of information), fifteen linguistic tactics are revealed to convince readers of the aforementioned article of the validity of the solar hypothesis of climate change by comparing this hypothesis with the anthropogenic theory of global warming, which appears to be the leading one in the environmental and political spheres. The authors of the article under analysis debunk the human-induced theory of global warming and put forward an alternative solar theory, which, according to the authors of the article, is disregarded for political reasons. The authors of this popular-scientific article equally utilize the strategies of ethos, pathos and logos, supporting each of them with a relatively balanced number of tactics (logos is represented by five tactics, ethos by four tactics, and pathos by six tactics). Nevertheless, it should be noted that the linguistic expression of pathos is represented by a larger number of examples (25 micro-contexts), which indicates an emotional attitude to the problem of global warming and may be regarded as an attempt to influence primarily the affective sphere of the readers' psyche. Moreover, it is revealed that the three abovementioned strategies contain elements of appraisal either in the form of opponents' criticism or proponents' praise and support. Since the solar theory of global warming currently remains only a hypothesis along with other hypotheses, the journalists' aim is to make the addressee believe in this hypothesis first of all on the emotional level and then on the rational one. This method of speech impact analysis based on the strategies of ethos, pathos and logos can be applied to any popular science text as one of the critical discourse analysis tools for assessing ways to influence the addressee.
Keywords: popular scientific discourse, linguistic pragmatics, climate change, ethos, pathos, logos, tactics and strategies of persuasion

For citation: Ponomareva, E.Yu. (2024) Discourse strategies and tactics of persuasion in popular scientific discourse on climate change. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 506. pp. 33–43. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/506/4

Введение

Одной из задач науки, помимо проведения исследований и публикации результатов, является популяризация научного знания и ознакомление широких кругов населения с научными тенденциями в той или иной научной сфере. С позиции лингвистики научная попу-

© Пономарева Е.Ю., 2024

ляризация является многоступенчатым и прагматически обусловленным процессом, затрагивающим психолингвистические и когнитивным механизмы познания и восприятия человека [1]. Одним из способов популяризации научного знания является речевое воздействие. Речевое воздействие подробно описано в современной лингвистической литературе, а также изучается в ряде смежных наук, в частности прагмалингвистике, психологии, психолингвистике, социолингвистике, теории массовой коммуникации, риторике. С точки зрения прагмалингвистики и психолингвистики язык как средство общения служит не только для передачи информации, но и воздействует на собеседников, регулируя тем самым их социальные, межличностные отношения, ментальные состояния и поведение [2]. Особую актуальность речевое воздействие приобретает в случае необходимости убедить публику в валидности определенной точки зрения на гипотезу, вокруг которой ведутся споры среди ученых. Одной из таких научных проблем является гипотеза, связанная с изменением климата.

Проблема изменения климата, а именно глобального потепления, происходящего в последние десятилетия, является актуальной темой в сфере экологии, климатологии, метеорологии, астрофизики, политики и социологии. Ученые, экоактивисты, общественные организации, включая такие международные организации, как Гринпис (Green Peace) и Межправительственная группа экспертов по изменению климата (МГЭИК) Организации Объединенных Наций (UN IPCC), исследуют данную проблему и представляют результаты исследований в виде научных публикаций и докладов.

На данный момент сложились несколько точек зрения относительно причин глобального потепления за последние 100 лет. Одна из них – антропогенная – является ведущий гипотезой, активно продвигаемой Организацией Объединенных Наций и мировым сообществом. Согласно данной концепции, глобальное потепление вызвано прежде всего человеческой деятельностью, связанной с повышенными выбросами парниковых газов в атмосферу.

Другая точка зрения – это точка зрения так называемых климатических скептиков, которые подвергают сомнению доминирующее влияние антропогенного фактора и выдвигают альтернативные гипотезы, такие как изменение солнечной активности, изменение угла оси вращения Земли и её орбиты, вулканическая активность, направление и скорость движения тёплых океанических масс [3]. Данная гипотеза продвигается относительно небольшой группой ученых, которые сталкиваются с сопротивлением и непринятием их взглядов ведущим мировым и политическим сообществом. Несмотря на это, ряд ученых и журналистов поддерживают альтернативные гипотезы и популяризирует основные результаты исследований в рамках данных концепций. Так, например, одним из оппонентов МГЭИК стала базирующаяся в США организация под названием Неправительственная международная группа экспертов по изменению климата (НГЭИК) (NIPCC – the Nongovernmental International Panel on Climate Change), которая опубликовала ряд докладов, опровергающих выводы МГЭИК о том, что рост температуры за последние 70–100 лет связан с повышенным выбросом парниковых газов в атмосферу. В докладах НГЭИК делается попытка убедить население, что выбросы парниковых газов не играют существенной роли в отличие от естественных причин [4]. Одной из организаций, активно поддерживающих НГЭИК, является Хартлендский институт, на сайте которого размещаются *научно-популярные публикации*, цель которых – убедить читателей в валидности естественных, природных факторов изменения климата и опровергнуть влияние антропогенного фактора.

Научно-популярный дискурс занимает особое место в дискурсивной таксономии. Профессор В.И. Карасик утверждает, что исследования в области дискурсивной таксономии можно свести к выделению трех основных подходов – *социолингвистического* (кто говорит), *прагмалингвистического* (как говорят) и *тематического* (о чем идет речь) [5].

Научно-популярный дискурс является разновидностью научного дискурса, для которого характерны информативность, логичность, ясность и точность изложения, однако научно-популярный дискурс в отличие от научного определяется иным составом участников (***социолингвистический подход***): научно-популярные статьи пишутся не для коллег-ученых, а для широкой аудитории, включающей читателей с различным уровнем подготовки. В качестве адресанта научной информации может выступать ученый (специалист) или журналист, не являющийся производителем научного знания [6]. Научно-популярный дискурс обладает специфическими жанрами и разновидностями, которые по своим характеристикам идентичны жанрам СМИ (научно-популярная статья, заметка, очерк). Материал (тематика) научно-популярного дискурса зависит от тематики собственно научного дискурса (***тематический подход***) [7].

Целью научно-популярного дискурса является популяризация научных исследований и их результатов, ознакомление широкой публики с этими результатами. Поскольку научно-популярный дискурс отличается от других видов дискурса, прежде всего, тем, что он находится на стыке научного и публицистического дискурса, то, помимо информативной функции, конативная или персуазивная функция научно-популярного дискурса выходит на передний план (***прагмалингвистический подход***). Одной из главных коммуникативных стратегий научно-популярного дискурса является стратегия убеждения или персуазивное речевое действие, которые подразумевают под собой речевое воздействие на получателя информации [7]. В случае существования нескольких гипотез задача научно-популярного дискурса – убедить читателя в правильности представляемой гипотезы при помощи различных стратегий и тактик речевого воздействия.

На основании прагмалингвистического подхода также противопоставляются личностно ориентированный (персональный) и статусно-ориентированный (институциональный) дискурсы. В первом случае говорящий выступает как личность во всем богатстве своего внутреннего мира, во втором случае – как представитель определенного социального института [8. С. 6]

Научно-популярный дискурс является институциональным, статусно-ориентированным типом дискурса, в котором социальный статус индивидуума, являющегося представителем определенного общественного института, имеет решающее значение. Общение в этих институтах представляет собой неотъемлемую часть их организации и осуществляется в соответствии с нормами конкретного института, каждый из которых характеризуется особым стилем общения и специальной системой профессионально ориентированных знаков [9. С. 9].

Таким образом, стратегии научно-популярного дискурса напрямую связаны с функциями научного и публицистического дискурсов (информационная, аргументативная и воздействующая) и частично – с функцией конструирования социальных действий через речевое воздействие [10].

Речевое воздействие в широком смысле – это любое речевое общение, обладающее такими чертами, как целенаправленность, целевая обусловленность, это речевое общение, в котором один коммуникант рассматривает себя в качестве субъекта воздействия, а своего собеседника – в качестве объекта или реципиента [11. С. 5] В современной науке речевое воздействие определяется как влияние, оказываемое субъектом на реципиента с помощью лингвистических, паралингвистических и нелингвистических средств в процессе речевого общения для достижения поставленной говорящим цели [12, 13]. Целью воздействия является изменение воззрений реципиента, формирование новых концептуальных структур его сознания, изменение поведения, психического состояния либо психофизиологических процессов» [14. С. 30].

Методология исследования

Целью данного исследования является выявление дискурсивных и прагмалингвистических способов реализации стратегий и тактик убеждения, которые используют климатические скептики в научно-популярном журналистском дискурсе по изменению климата на примере статьи *Spiked at Forbes: global warming? An Israeli astrophysicist provides alternative view that is not easy to reject* [15] – *Удалено журналом «Форбс»: Глобальное потепление? Альтернативная точка зрения на проблему глобального потепления, к которой нельзя ни прислушаться* (перевод мой. – *Е.П.*), опубликованной в журнале «Форбс», а затем удаленной оттуда и восстановленной на сайте независимого Хартлендского института (Heartland Institute) – консервативной американской организации, которая взяла на себя публикацию докладов Неправительственной международной группы экспертов по изменению климата.

Научно-популярный дискурс о климате понимается нами как разновидность научно-популярного дискурса, с одной стороны, и отдельный дискурс, имеющий специфические характеристики, которые зависят от точки зрения, которой придерживается адресант, – с другой.

Научно-популярный климатический дискурс Хартлендского института имеет такие специфические черты, как политическая направленность, продвижение консервативных политических и экономических взглядов, отрицание ведущей международной климатической повестки. Задача публикаций Хартлендского института – опровергнуть антропогенную гипотезу глобального потепления и убедить читателя в достоверности природной гипотезы глобального потепления. Анализируемая статья является репрезентативным примером идей, которые выражают климатические скептики в отношении глобального потепления, его причин и последствий. При анализе данной статьи стратегии и тактики убеждения сопоставлялись со стратегиями и тактиками, используемыми в корпусе научно-популярных статей по теме изменения климата за 2018–2023 гг., опубликованных на сайте Хартлэндского института в рубрике *publications* с фильтром *opinion: global warming (https://heartland.org/opinion/?keyword=global%20warming*) [16]. Из массива статей по климату за пять лет было отобрано 50 статей, соответствующих критериям научно-популярной статьи, где цитируются и анализируются результаты исследований по климату.

Убеждение рассматривается нами как речевое воздействие, изучаемое в рамках прагмалингвистического анализа коммуникативных стратегий и тактик.

Коммуникативная стратегия представляет собой комплекс продуманных и мотивированных речевых действий, направленных на достижение коммуникативной цели [17].

Коммуникативная тактика рассматривается В.Б. Кашкиным как совокупность практических ходов в процессе речевого взаимодействия. «Коммуникативная тактика – более мелкий масштаб рассмотрения коммуникативного процесса, по сравнению с коммуникативной стратегией. Она соотносится не с коммуникативной целью, а с набором отдельных коммуникативных намерений» [18].

Классические принципы эффективного речевого воздействия изложены в труде Аристотеля «Искусство убеждения» (The Art of Persuasion), где описаны такие коммуникативные стратегии, как этос, пафос и логос [19].

Согласно Аристотелю, ***этос*** – это обращение к власти или авторитету оратора, а также к нравственным ценностям, которые участники аудитории разделяют по отношению к предмету презентации или разговора. Если докладчик знает или предполагает, что участники аудитории имеют определенные моральные ценности, он может обратиться к этим ценностям, чтобы поддержать свои идеи. Для того чтобы сделать это, оратор должен продемонстрировать, насколько его идея согласуется с этими моральными ценностями. Важно также, чтобы докладчик доказал, что он владеет фундаментальными знаниями и языком, относящимся к предмету выступления.

Пафос – это обращение к эмоциям аудитории. Сюда относятся сочувствие, жалость и сопереживание. Пафос может быть выражен с использованием эмоционально окрашенной лексики, лексических и синтаксических стилистических средств, с помощью которых выражается эмоционально-оценочное отношение говорящего к предмету высказывания.

Говорящий может использовать апелляцию к чувству справедливости, к страху, для того чтобы повлиять на аудиторию. Пафос может также включать в себя призывы к воображению и надеждам аудитории; это достигается тем, что спикер рисует сценарий позитивного будущего в результате предлагаемых мер либо прогнозирует негативный сценарий при условии несоблюдения предлагаемых мер.

Логос – метод убеждения при помощи логики, здравого смысла, разума. Включает в себя факты, статистику, исследования; научную информацию, теорию; примеры, которые читатель может применить по отношению к себе; исторические события или опыт автора [20].

Логос представляют собой прямой (эксплицитный) способ убеждения, а этос и пафос – косвенные (имплицитные) способы убеждения, в терминологии американских психологов Р. Петти и Д. Качиоппо. Прямое убеждение происходит, когда адресат тщательно и вдумчиво анализирует полученную фактическую и логически представленную информацию, учитывая ее полезные и ценностные аспекты. Косвенное убеждение происходит, когда адресат практически не уделяет внимания обработке информации и не тратит усилий на ее анализ. Косвенный путь убеждения включает в себя следующие факторы: привлекательность коммуникатора, согласие других участников, использование метафор, эпитетов, ссылки на авторитет, тактики игры на повышение/понижение и т.д. [1. С. 5].

В данной работе используется методика дискурсивного и прагмалингвистического анализа, основанного на аристотелевской стратегии убеждения в рамках теории этоса, логоса и пафоса. Тактики воздействия на адресата формулируются автором статьи исходя из исследуемого материала, так как речевое воздействие – динамичное явление, зависящее от таких характеристик, как адресант, адресат, жанр, цели и задачи воздействия, ожидаемый перлокутивный эффект целевой аудитории. Прагмалингвистический анализ дополняется дискурсивным и лингвостилистическим анализом, в ходе которого выделяются дискурсивные и стилистические маркеры выделенных нами тактик. Дискурсивные маркеры понимаются нами как средства последовательной и глобальной связи высказываний в дискурсе, которые обеспечивают цельность дискурса и способствуют не только его логическому выстраиванию, но имеют определенное прагматическое значение, помогающее интерпретировать высказывание и вскрывать намерения коммуникантов [21].

Поскольку материалом для анализа послужил научно-популярный дискурс по изменению климата, имеющий политическую ангажированность, в ходе анализа также рассмотрены стратегии на повышение и на понижение в терминологии О.В. Михалевой, которые отражают специфику манипулятивного воздействия в политическом дискурсе.

Стратегия на понижение применяется для дискредитации политического противника, следовательно, тактики, используемые в данной стратегии, эксплицитно или имплицитно формируют отрицательное мнение о предмете коммуникации и направлены на то, чтобы дестабилизировать конкурента. Данная стратегия осуществляется при помощи шести тактик: тактика анализ-минус, тактика обвинения, тактика безличного обвинения, тактика обличения, тактика оскорбления, тактика угрозы.

Стратегия на повышение выражает желание адресанта возвысить себя над противником и придать большую значимость собственному статусу. Реализуется данная стратегия посредством следующих тактик: тактика анализ-плюс, тактика презентации, тактика неявной самопрезентации, тактика самооправдания, тактика отвода критики [22].

В ходе исследования дискурсивных и прагмалингвистических способов реализации стратегий и тактик убеждения в научно-популярном дискурсе за основу были взяты стратегии этоса, пафоса и логоса, а тактики были сформулированы нами в рамках исследовательского материала и соотнесены со стратегиями и тактиками, выделенными О.В. Михалевой, так как основная статья и корпус статей по теме климатического скептицизма имеют не только научную, но и политическую направленность.

Исследование и результаты

Аристотелевские стратегии убеждения (этос, пафос, логос) характерны для научно-популярного дискурса, так как среди типичных черт научно-популярного дискурса выделяются функции публицистического дискурса (информационная, воздействующая, персуазивная). В данной статье делается попытка соотнести выделенные функции с классическими аристотелевскими стратегиями убеждения, использовавшимися в древнегреческой риторике, но обладающими универсальностью и актуальностью в отношении типов дискурсов, целью которых является воздействие на адресата и убеждение его в справедливости той или иной научной гипотезы, в особенности той, вокруг которой ведутся споры. Одной из таких гипотез является проблема глобального потепления, ведущей причиной которого традиционно считается антропогенный фактор среди климатических алармистов и природный фактор среди климатических скептиков.

В анализируемой статье Spiked at Forbes: global warming? An Israeli astrophysicist provides alternative view that is not easy to reject [15] и корпусе статей по изменению климата, опубликованном за последние 5 лет [16], рассмотрены основные стратегии и тактики, используемые журналистами Дороном Левиным и Джимом Лейкли при обзоре научных воззрений израильского ученого-астрофизика Нира Шавива, придерживающегося солярной гипотезы изменения климата. Поскольку данная гипотеза причин глобального потепления не поддерживается ни большинством ведущих научных сообществ, ни Межправительственной группой экспертов по изменению климата Организации Объединенных Наций и поскольку основные международные соглашения по изменению климата, такие как Рамочная конвенция ООН об изменении климата (РКИК) и подписанный на ее основе Киотский протокол, а также принятое в 2015 г. Парижское соглашение

продвигают антропогенную теорию глобального потепления, то одной из ведущих задач анализируемой статьи является опровержение антропогенной гипотезы и выдвижение аргументов в поддержку солярной гипотезы.

В рамках стратегии ***логического воздействия на читателя (логоса)*** авторы статьи Джим Лейкли и Дорон Левин используют следующие тактики:

1. Тактика опровержения статистических данных. В анализируемой статье, а также в ряде научно-популярных статей по климату, опубликованных на сайте Хартлендского института, приводятся аргументы, опровергающие принцип статистического большинства, согласно которому при наличии нескольких гипотез поддержку получает та, которую поддерживает статистическое большинство ученых:

«***Only people who don't understand science take the 97% statistic seriously***» he said. Survey results depend on who you ask, who answers and how the questions are worded. ***In any case, science is not a democracy***. ***Even if*** 100% of scientists believe something, one person with good evidence can still be right» [15]. – «***Люди, далекие от науки, воспринимают статистические данные, составляющие 97%, как значимые***», – говорит Нир Шавив. «Результаты опроса зависят от того, кого вы спрашиваете, кто отвечает и как сформулированы вопросы. В любом случае ***наука не зиждется на законах демократического большинства***. Даже если 100% ученых верят во что-то, один ученый, который представит неопровержимые доказательства, будет прав» (перевод мой. – *Е.П.*).

«***I have two problems with that 97 percent claim***, 1) common sense tells us that ***no large group of people on our planet*** could ever reach 97 percent agreement on anything, even the world being round, and 2) shockingly, ***none of the scientists of the 97 seem to have a name***, it's just a holistic group of no-names! » [16]. – «Есть две проблемы, связанные с утверждением о 97 процентах: 1) здравый смысл подсказывает нам, что ***ни одна большая группа людей на нашей планете*** никогда не сможет прийти к 97-процентному согласию ни по чему, даже по вопросу, является ли Земля круглой, и 2) ***ни один ученый из этих 97% не имеет имени***, это группа безымянных!» (перевод мой. – *Е.П.*).

Данная тактика реализуется при помощи частиц ***not*** и ***no*** и отрицательного местоимения ***none***, а также при помощи усилительных дискурсивных маркеров (интенсификаторов), таких как ***only*** и ***even if.***

Эта тактика коррелирует со стратегией на понижение, в результате которой авторы статьи выражают отрицательную оценку принципа статистического большинства, а также со стратегией на повышение, в результате которой авторы подчеркивают правоту израильского астрофизика Нира Шавива и климатических скептиков.

2. Тактика аналогии. Авторы статьи приводят примеры из истории научных открытий, когда большинство ученых придерживались ложной точки зрения до тех пор, пока один ученый не доказывал обратное:

«***History is replete with lone voices toppling scientific orthodoxies***. Astronomers deemed Pluto the ninth planet – until they changed their minds. Geologists once regarded tectonic plate theory, the movement of continents, as nonsense. Medicine was 100% certain that stomach ache resulted from stress and spicy food, until an Australian researcher proved bacteria the culprit and won a Nobel Prize for his efforts» [15]. – ***В истории есть многочисленное количество примеров, когда один ученый опровергал мнение, превалирующее в научном сообществе***. Астрономы считали Плутон девятой планетой, пока не было доказано обратное. Геологи отрицали теорию движения тектонических плит. Медики были на 100% уверены, что гастрит и связанная с ним боль в желудке являлись следствием стресса и острой пищи, пока австралийский исследователь, впоследствии Нобелевский лауреат, не доказал, что бактерия Helicobacter Pilori является причиной гастрита (перевод мой. – *Е.П.*).

При помощи тактики аналогии, выраженной *параллельными конструкциями*, авторы статьи доказывают, что солярная гипотеза должна получить признание благодаря доказательной базе, несмотря на то что в данный момент мощную поддержку получает другая – антропогенная – гипотеза изменения климата.

Здесь мы можем говорить о функционировании стратегии на повышение, в рамках которой научные достижения Нира Шавива представлены в выгодном свете через тактику неявной самопрезентации посредством сравнения его доказательств с открытиями великих ученых.

3. Тактика цитирования результатов научного эксперимента (тактика информирования). В статье приводятся результаты исследования Н. Шавива и Я. Вейцера, в котором рассматривается, насколько изменится средняя температура, если количество CO_2 удвоится.

«In 2003, Shaviv and research partner Prof. Jan Veizer published a paper on the subject of climate sensitivity, namely how much the earth's average temperature would be expected to change if the amount of CO2 in the atmosphere is doubled. ***Comparing geological records and temperature, the team came up with a projected change of 1.0 to 1.5 degrees Celsius – much less than the 1.5 to 4.5 degree change the IPCC has used since it began issuing its reports.*** The reason for the much wider variation used by the IPCC, he said, was that they relied almost entirely on simulations and no one knew how to quantify the effect of clouds – which affects how much radiant energy reaches the earth – and other factors» [15]. – ***Исследователи пришли к выводу, что температура увеличится на 1,0–1,5 градусов Цельсия, что гораздо меньше, чем 1,5–4,5 градусов Цельсия, согласно отчетам Межправительственной группы экспертов по изменению климата.*** Причиной большего разброса температурных значений МГЭИК является то, что в расчет не принималось влияние облаков, которые оказывают влияние на то, какое количество излучаемой энергии Солнца достигает Земли (перевод мой. – *Е.П.*).

Данная тактика опирается на прием контрастивного анализа, который реализуется при помощи сравнительной конструкции ***что гораздо меньше, чем 1,5–4,5 градусов Цельсия***, которая подчеркивает необоснованность результатов, опубликованных климатическими алармистами с последующим указанием причин

таких недостоверных результатов («в расчет не принималось влияние облаков, которые оказывают влияние на то, какое количество излучаемой энергии Солнца достигает Земли»), что коррелирует со стратегией на понижение посредством тактики анализ-минус.

4. Тактика опровержения мнения оппонента. В статье приводится мнение ученого-астрофизика Нира Шавива, который опровергает мнение экспертов МГЭИК, мнение Альберта Гора, лауреата Нобелевской премии мира за работу по защите окружающей среды и исследования по проблеме изменения климата, и климатических алармистов, касающееся антропогенной гипотезы глобального потепления. Нир Шавив подчеркивает, что **изменение климата существовало на протяжении жизни планеты Земля и будет продолжаться благодаря периодической солнечной активности**, в отличие от общепринятого мнения, согласно которому углеродные выбросы играют значительную роль в изменении климата:

«Global warming clearly is a problem, *though* not in the catastrophic terms of Al Gore's movies or environmental alarmists», said Shaviv. «***Climate change has existed forever and is unlikely to go away. But CO_2 emissions don't play the major role. Periodic solar activity does***»... ***Nonetheless***, the Trump administration's position on global climate change, he said, is correct insofar as it rejects the orthodoxy of the United Nations Intergovernmental Panel on Climate Change (IPCC) [15]. – «**Глобальное потепление, конечно же, является проблемой, но не катастрофой, как ее описывает Альбер Гор и климатические алармисты**», – говорит Шавив. «***Изменение климата существовало всегда и вряд ли исчезнет. Но выбросы CO_2 не играют главной роли. Периодическая солнечная активность имеет гораздо большее значение***».

В цитируемых отрывках используются такие *контрастивные дискурсивные маркеры*, как *though* и *nonetheless*, которые, согласно классификации дискурсивных маркеров Брюса Фрейзера [23], помогают опровергнуть общепринятое мнение, что основным фактором изменения климата является антропогенный. При помощи контрастивных дискурсивных маркеров коммуникатор снижает значимость проблемы глобального потепления климатических алармистов. Данная тактика коррелирует со стратегией на понижение через тактику анализ-минус.

5. Тактика выстраивания причинно-следственных связей. В статье дается пояснение, указывающее на причины изменения климата:

«***Solar activity varies over time. A major variation is roughly eleven years or more, which clearly affects climate.*** This principle has been generally known – but in 2008 I was able to quantify it by using sea level data. ***When the sun is more active, there is a rise in sea level here on earth. Higher temperature makes water expand. When the sun is less active, temperature goes down and the sea level falls*** – the correlation is ***as clear as day***» [15]. – Нир Шавив полагает, что поскольку солнечная активность ***носит периодический характер и изменяется каждые 11 лет***, ***то изменяется и климат на Земле***, что было подтверждено в 2008 году в результате проведения подсчетов с учетом изменения уровня моря. ***Когда Солнце более активно, уровень моря поднимается, поскольку более высокие температуры ведут к расширению воды. Когда Солнце менее активно, то температура падает и уровень моря понижается*** (перевод мой. – *Е.П.*).

Основными дискурсивными маркерами в данном отрывке являются *параллельные конструкции, основанные на антитезе, которая усиливается сравнительным оборотом* «as clear as day» (ясно как день).

Стратегия этоса в анализируемой статье реализуется посредством обращения к авторитету ученого-астрофизика Нира Шавива, а также к нравственным ценностям, которые участники аудитории разделяют по отношению к предмету презентации или разговора. Используя стратегию этоса, авторы прибегают к следующим тактикам, которые соответствуют стратегии на повышение.

1. Тактика апелляции к образованию эксперта. Авторы статьи делают отсылки к образованию израильского астрофизика Нира Шавива, перечисляя его достижения в научной области. Нир Шавив поступил в Израильский технологический институт в возрасте 13 лет, окончил его, получив степень магистра, а затем защитил докторскую диссертацию:

«Lest anyone dismiss Shaviv on the basis of his scientific credentials or supposed political agenda, consider the following: ***He enrolled at Israel's Technion University – the country's equivalent of MIT – at the age of 13 and earned an MA while serving in the Israel Defense Force's celebrated 8200 Intelligence unit***» [15].

Данная тактика усиливается при помощи *каузативного дискурсивного маркера* ***lest***, таким образом предвосхищая критику оппонентов, связанную с предполагаемой ненаучностью утверждений Шавива или его политической ангажированностью.

2. *Тактика апелляции к роду деятельности эксперта.* К авторитету астрофизика Нира Шавива добавляется тот факт, что ученый является научным сотрудником Еврейского университета в Иерусалиме: «***In a modest office on the campus of Jerusalem's Hebrew University***, an Israeli astrophysicist patiently explains» [15].

3. Тактика апелляции к достижениям эксперта. Нир Шавив проводил исследования в Калифорнийском технологическом институте и Канадском институте теоретической астрофизики и в настоящее время является научным сотрудником Института перспективных исследований в Принстоне: «He returned to Technion, where he earned his doctorate, afterward completing post-doctoral work at ***California Institute of Technology and the Canadian Institute for Theoretical Astrophysics. He also has been an Einstein Fellow at The Institute for Advanced Study in Princeton***» [15].

В данном случае основными маркерами тактики апелляции к достижениям и экспертности Шавива являются отсылки к американским и канадским университетам и научно-исследовательским центрам.

4. Тактика уступки по отношению к авторитетному мнению оппонента. Одной из эффективных тактик в аргументации является тактика признания

правоты соперника с оговоркой, что правота оппонента ограничивается рядом условий. Так, Нир Шавив **признает, что увеличение количества выбросов CO_2 в атмосферу едва ли можно назвать незначительным, тем не менее повышенные углеродные выбросы играют небольшую роль в изменении климата по сравнению с солнечной активностью и космическим излучением**: «Nir Shaviv, chairman of the university's physics department, says that his research and that of colleagues, suggests that rising CO2 levels, ***while hardly insignificant, play only a minor role*** *compared to* the influence of the sun and cosmic radiation on the earth's climate» [15].

Данная тактика на лексическом уровне реализуется при помощи словосочетания ***minor role*** и литоты ***hardly insignificant***, а на синтаксическом уровне – при помощи союза уступки ***while*** ***hardly insignificant*** и *сравнительной конструкции* ***compared to***, которая сопоставляет влияние на климат выбросов CO_2 и космического излучения в пользу последнего.

Стратегия ***пафоса***, связанная с эмоциональной составляющей высказывания, включает в себя следующие тактики.

1. Тактика создания эмоционального накала. Анализируемая статья об альтернативном взгляде на проблему изменения климата начинается с эмоционально окрашенных высказываний, связанных с негативным восприятием последствий глобального потепления, которое усиливается за счет использования лексических единиц с оценочными и эмотивными коннотациями, например, такими как ***impasse*** (безвыходная ситуация), ***dustup*** (конфликт), ***climate catastrophe*** (климатическая катастрофа) (3 эмоционально окрашенных микроконтекста): «However the ***impasse*** is resolved, the moment looks ripe to revisit the root of this multifactorial ***dustup***: namely, the scientific "consensus" that CO_2 emissions from vehicles and other sources are pushing the earth to the brink of ***climate catastrophe***» [15] – Как бы ни была разрешена сложившая ***безвыходная ситуация***, настало время вернуться к истокам этого многогранного *конфликта*, а именно к научному «консенсусу» о том, что антропогенные выбросы CO_2 толкают Землю на грань ***климатической катастрофы*** (перевод мой. – *Е.П.*).

2. Тактика дискредитации суждений оппонента. В статье подчеркивается, что израильский астрофизик Нир Шавив убежден, что почти *единодушное мнение климатологов* о причинах изменения климата является ***ошибочным*****:** «In a modest office on the campus of Jerusalem's Hebrew University, an Israeli astrophysicist patiently explains why he is convinced that the ***near-unanimous judgments of climatologists are misguided***» [15].

Научные выводы Шавива представляют собой ***громкое опровержение*** широко цитируемых исследований, показывающих, что 97% ученых-климатологов согласны с тем, что деятельность человека, связанная с сжиганием ископаемого топлива, является основной причиной изменения климата: «Shaviv, 47, fully comprehends that his scientific conclusions constitute a ***glaring rebuttal*** to the widely-quoted surveys showing that 97% of climate scientists agree that human activity – the combustion of fossil fuels – constitutes the principal reason for climate change» [15].

Оценочная и эмоционально окрашенная лексика – misguided ***(ошибочный), glaring rebuttal (громкое опровержение), closed-mindedness (недальновидность)*** – апеллирует к эмоциям читателя. В статье часто используются оценочные суждения, направленные на дискредитацию антропогенной теории изменения климата, например: **студент-первокурсник-физик может это увидеть** (***a freshman physics student can see this***) или **это своего рода оруэлловское выборочное представление фактов, чтобы соответствовать заранее определенному политическому нарративу** (***this is a kind of Orwellian cherry-picking to fit a pre-determined narrative***).

В заключении автор статьи подчеркивает, что неприятие ***недальновидными оппонентами*** точки зрения Шавива может обернуться триумфом для ученого, когда произойдет научное переосмысление существующей ортодоксальной точки зрения на глобальное потепление: «For Shaviv, the rejection and ***closed-mindedness*** his minority view provoke may contain a silver lining. Just think of the acclaim that awaits if his research – and scientific reconsideration of the current orthodoxy – one day proves persuasive» [15].

В данном отрывке тактика дискредитации суждений оппонентов (коррелирует со стратегией на понижение, реализуемой посредством тактики обвинения), выделенная в пяти эмоционально окрашенных микроконтекстах, позволяет выявить обратную сторону медали (***a silver lining***), выраженную при помощи пословичной метафоры (***every cloud has a silver lining***) и заключающуюся в возможном признании правоты астрофизика в неопределенном будущем (коррелирует со стратегией на повышение посредством тактики анализ-плюс).

3. Тактика апелляции к чувству несправедливости. Эмоциональная составляющая убеждения в статье также выражена при помощи апелляции к чувству несправедливости, связанному с отрицательным отношением научного и политического сообщества к идеям Нира Шавива, что должно вызвать негодование у реципиента. Национальный научный фонд подвергает идеи Шавива **остракизму**.

По его словам, у любого ученого, который **отвергнет** результаты докладов МГЭИК ООН по вопросам изменения климата, **возникнут проблемы** с поиском работы, получением гранта на исследования или с публикациями: «The real problem is funding from funding agencies like the National Science Foundation because these proposals have to undergo review by people in a community that **ostracizes** us," he said, because of his non-conventional viewpoint any scientist who **rejects** the UN's IPCC report, as he does, will **have trouble** finding work, receiving research grants or publishing, he said» [15].

Семантика прилагательного ***non-conventional*** (нетрадиционный, необычный), обладающего контекстуальной позитивной оценочной окраской, позволяет представить в благоприятном свете не принимаемую научным сообществом солярную гипотезу глобального потепления.

Тем не менее далее представлены три эмоционально окрашенных микроконтекста, в которых четко выражены эмотивные коннотации, связанные с чувством несправедливости при помощи глаголов ***to ostracise*** (подвергать остракизму), ***to have trouble*** (испытывать трудности), ***to reject*** (отвергать), которые соотносятся со стратегией на понижение репутации оппонентов, отвергающих идеи Нира Шавива.

4. Тактика образного сравнения. Дополнительным эмоциональным воздействием на читателя является тактика образного сравнения ученого Нира Шавива, придерживающегося непопулярной солярной теории с грешником, еретиком, отрицающим доктрину МГЭИК ООН, которая сопоставляется с доминирующей религией: «Global warming is not a purely scientific issue any more," he said. "It has repercussions for society. It has also taken on a ***moralistic***, almost ***religious quality***. If you believe what everyone ***believes***, you are a good person. If you don't, you are a bad person. Who wants to be a ***sinner***? » [15]. – Глобальное потепление больше не является чисто научной проблемой. Оно имеет последствия для общества и приобрело ***моралистический, почти религиозный характер***. Если вы ***верите*** в то, во что верят все, вы хороший человек. Если нет, то вы плохой человек. Кто хочет быть ***грешником***?» (перевод мой. – *Е.П.*).

Концептуальная метафора НАУКА – РЕЛИГИЯ представлена рядом вспомогательных образов в рамках сферы-источника РЕЛИГИЯ в терминологии Дж. Лакоффа [24], таких как ***моралистический характер (moralistic quality)***, ***крестовый поход*** (***the world-wide crusade***), ***верить*** (***to believe***), ***грешник*** (***a sinner***) (4 эмоционально окрашенных микроконтекста). Метафорическая проекция из *сферы-источника* в *сферу-цель* (*mapping*) обусловлена гипотетическим характером антропогенной теории, основанной на вере, а не на научных постулатах, а также намерением авторов статьи дискредитировать валидность научных доказательств данной теории (стратегия на понижение).

5. Тактика запугивания/угрозы посредством прогнозирования негативных последствий. В завершение статьи авторы экстраполируют изложенную информацию относительно неприятия солярной гипотезы на дальнейшее развитие событий, которые с большой вероятностью приведут к негативным последствиям. Данная риторика характерна для всего корпуса статей Хартлендского института как средство воздействия на аудиторию через запугивание: «In Shaviv's view, the worldwide crusade to limit and eventually ban the use of fossil fuels isn't just misguided, "it comes with ***real world social and economic consequences***.". Even in developed countries the pressure to forego fossil fuel ***puts poor people in danger of freezing during the winter for lack of affordable home heating. The economic growth of third world countries will be inhibited*** if they cannot borrow from the World Bank to develop cheap fossil-based power plants. These are ***serious human problems*** in the here and now, not in a theoretical future» [15] – По мнению Шавива, всемирный крестовый поход по ограничению и, в конечном итоге, запрету использования ископаемого топлива не просто ошибочен, «он имеет ***реальные социальные и экономические последствия***».

Даже в развитых странах стремление отказаться от ископаемого топлива ***подвергает людей с более низким доходом опасности замерзнуть зимой из-за отсутствия доступного отопления. Экономический рост стран третьего мира будет сдерживаться***, если они не смогут брать кредиты у Всемирного банка для разработки дешевых электростанций, работающих на ископаемом топливе. Это ***серьезные человеческие проблемы***, существующие здесь и сейчас, а не в теоретическом будущем (перевод мой. – *Е.П.*).

«It has been calculated that, were the Midwest to be dependent only on wind and solar power, ***at least one million people would have died of hypothermia*** during the recent minus 50 degrees F cold spell [16] – Было подсчитано, что, если бы Средний Запад США зависел только от энергии ветра и солнца, ***по крайней мере, один миллион человек умерли бы от переохлаждения*** во время недавнего похолодания до минус 50 градусов по Фаренгейту (перевод мой. – *Е.П.*).

В данном случае авторы статьи используют дискурсивные тактики запугивания, прогнозируя негативные последствия отказа от ископаемого топлива при помощи эмоционально окрашенной лексики, что выражено в четырех микроконтекстах (***real world social and economic consequences; puts poor people in danger of freezing; the economic growth of third world countries will be inhibited; serious human problems***).

6. Тактика привлечения внимания. Специфика научно-популярных статей заключается в привлечении внимания аудитории. Научно-популярные статьи климатических скептиков направлены на привлечение внимания к альтернативной точке зрения по проблеме глобального потепления с помощью таких приемов, как риторический вопрос (*Global warming?* Do NASA's Latest Figures Confirm Global Warming?), аллюзия (*Orwellian cherry-picking; "Winter is Coming" is the motto of HBO's wildly popular "Game of Thrones"*), гипербола и метафора (*Avalanches of Global Warming Alarmism*), прием сдвига регистра (*Union of Concerned Scientists Hates Truth About Global Warming; Global Warming Hoax, Best Document Ever*), сенсационные заявления, отрицающие популярное мнение (*Global Warming Myth Debunked: Climate Alarmists Foiled: No U.S. Warming Since 2005; Humans Have Minimal Impact on Atmosphere's Carbon Dioxide and Climate; Global Warming is Not People's Most Pressing Concern; The IPCC is still wrong on climate change. Scientists prove it*), аллитерация *(Climate Alarmists Wage a War of Words, but Where's the Beef?*) [16].

Использование данных приемов приближает научно-популярные публикации к публицистическому дискурсу, задачей которого является усиление эмоционального правополушарного восприятия текста. Наиболее характерны вышеперечисленные примеры для заголовков научно-популярных статей, но эти же приемы встречаются и в самих статьях. Как можно заметить, приведенные примеры могут сочетать в себе сразу несколько стилистических приемов, таким образом умножая эффект речевого воздействия на читателя при экономии языковых средств для реализации манипулятивно-воздействующего эффекта:

например, в заголовке ***«Climate Alarmists Wage a War of Words, but Where's the Beef?»*** используется аллитерация, риторический опрос, аллюзия на «Войну миров» Герберта Уэллса, а также на рекламный ролик ресторана быстрого питания Wendy's, где beef (говядина, мясо) метафорически интерпретируется как факты и доказательства.

В анализируемой статье тактика привлечения внимания реализуется в шести микроконтекстах, включающих риторический вопрос (***Global warming?***), прием сдвига регистра (***An initiative that has environmental activists up in arms***), гиперболу (***CO2 emissions from vehicles and other sources are pushing the earth to the brink of climate catastrophe***), аллюзию (***This is a kind of Orwellian cherry-picking to fit a predetermined narrative"***), антитезу и риторический вопрос (***If you believe what everyone believes, you are a good person. If you don't, you are a bad person. Who wants to be a sinner?"***) и метафору (***The worldwide crusade***) [15].

Вышеперечисленные примеры также свидетельствуют о реализации стратегии на понижение, так как большинство выразительных средств имеет целью явно или имплицитно развенчать правоту оппонентов.

Таким образом, тактики в рамках стратегии пафоса коррелируют с глобальной стратегией на понижение, где с помощью эмоционально окрашенной лексики с преимущественно негативной коннотацией критикуются взгляды оппонентов на проблему изменения климата.

Заключение

В рамках данного исследования были рассмотрены особенности научно-популярного дискурса, который является разновидностью научного дискурса, но по форме подачи приближен к публицистическому жанру. В научно-популярном дискурсе характерно вторичное представление теоретических исследований в форме, доступной для широкой аудитории.

В данной статье был проанализирован научно-популярный дискурс климатических скептиков с элементами политической ангажированности, что и определило раскрытие его манипулятивно-воздействующей специфики через этос, пафос и логос. Для климатического научно-популярного дискурса, затрагивающего противоречивую гипотезу причин изменения климата, характерна триада аристотелевских стратегий убеждения, которые могут реализовываться через вариативные тактики, зависящие от авторской интенции.

Проанализированная статья явилась репрезентативным примером научно-популярного дискурса климатических скептиков, обладающим манипулятивными чертами, которые были структурированы следующим образом: логос представлен пятью тактиками, выраженными в пяти микроконтекстах, а этос представлен четырьмя тактиками, выраженными в четырех микроконтекстах, пафос представлен шестью тактиками, но количество эмоционально окрашенных микроконтекстов в рамках этих тактик 25, что свидетельствует об эмоциональном отношении авторов анализируемой статьи к проблеме глобального потепления и является попыткой воздействовать прежде всего на аффективную сферу психики читателя посредством эмоционального накала, критики суждений оппонентов, апелляции к чувству несправедливости, чувству страха, а также чувству стыда, которое актуализируется при помощи концептуальной метафоры НАУКА – РЕЛИГИЯ.

Поскольку статья носит научно-популярный характер, логическое и эмоциональное речевое воздействие соответствует жанровым особенностям статьи, где научный стиль (логос + этос) сочетается с публицистическим стилем (пафос). Тем не менее в результате анализа нельзя не отметить преобладание эмоционального воздействия. Стратегия речевого воздействия через чувства и эмоции приближает понятие речевого воздействия к понятию манипулятивного воздействия, которое трактуется как скрытое воздействие с помощью речевых средств на широкую аудиторию с целью регулирования поведения и восприятия действительности [25], что связано с одной из задач Хартлэндского института, а именно с развенчанием постулатов антропогенной теории изменения климата с целью лоббирования интересов нефтедобывающих компаний.

При анализе тактик в рамках стратегий этоса, логоса и пафоса мы также отметили реализацию манипулятивных стратегий на повышение и на понижение. Было обнаружено пять случаев реализации игры на повышение в рамках всех трех анализируемых стратегий логоса, этоса и пафоса и девять случаев реализации игры на понижение, что также свидетельствует о манипулятивной природе научно-популярного дискурса климатических скептиков, в задачи которых входит убеждение аудитории в правоте представителей климатического скептицизма и дискредитация убеждений климатических алармистов, продвигающих антропогенную гипотезу глобального потепления.

Можно сделать вывод, что одной из задач научно-популярных статей по климату, публикуемых представителями Хартлэндского института, является контекстуальный и аксиологический рефрейминг взглядов на проблему глобального потепления, которая перестает восприниматься как глобальная катастрофа и обретает нейтральные и положительные характеристики. Ученые, высказывающие озабоченность проблемой глобального потепления, превращаются в политически ангажированных представителей власти, а дискуссия относительно причин глобального потепления превращается в политическую борьбу.

В связи с тем что изменение климата в настоящее время является дискуссионной темой, в рамках которой выдвигались и выдвигаются различные гипотезы, указывающие на причины изменения климата за последние 100 лет, солярная гипотеза, представленная в статье, является дискуссионной, вследствие чего дискурсивные стратегии и тактики убеждения не являются мерилом научной истины, а лишь средством убеждения читателей в валидности данной гипотезы. Вследствие этого можно предположить, что те же стратегии и тактики могут использоваться в научно-популярном дискурсе для доказательства других гипотез изменения климата, а также любых других гипотез, имеющих

существенное влияние на качество жизни и будущее человечества.

Перспективой данного исследования может послужить анализ корпуса научно-популярных публикаций климатических скептиков и климатических алармистов и их сопоставительный анализ.

Пока единственно верное научно обоснованное мнение относительно причин глобального потепления не найдено, нивелированием политических и экономических разногласий, возникших в результате обсуждения проблем, связанных с изменением климата, может стать сбалансированное решение, основанное на синтезе аргументов климатических алармистов и климатических скептиков, целью которого будет являться не доказательство причин глобального потепления за последние 100 лет, а понимание, что курс на углеродную нейтральность и сокращение выбросов парниковых газов – это решение проблем, прежде всего связанных с истощением невозобновляемых источников энергии и с вредом, который углеродные выбросы наносят здоровью человека.

Список источников

1. Николаева Н.Н., Шишкина Е.Н. Реализация стратегий и тактик убеждения в современном англоязычном научно-популярном дискурсе // Гуманитарный вестник. 2016. С. 1–19.
2. Гришечко Е.Г. Определение понятия речевого воздействия и виды этого воздействия // Гуманитарные и социальные науки. 2008. № 4. С. 53–59.
3. Егошин А.В. Глобальное потепление: факты, гипотезы, комментарии. URL: http://priroda.su/item/389#disqus_thread (дата обращения: 14.01.2024).
4. Вебер А.Б. Страсти по климату. Кто и почему против борьбы с глобальным потеплением? // Век глобализации. 2015. № 1. С. 96–105.
5. Карасик В.И. Языковые ключи. М. : Гнозис, 2009. 406 с.
6. Николаева Т.М. Лингвистика текста. Современное состояние и перспективы // Новое в зарубежной лингвистике. 1978. Вып. 8: Лингвистика текста. С. 5–39.
7. Кузьминых Ж.О., Красильникова Н.В. Научно-популярный дискурс как коммуникативный феномен: сущность и основные характеристики // Universum: филология и искусствоведение. 2022. № 7 (97). URL: https://7universum.com/ru/philology/archive/item/14077 (дата обращения: 14.01.2024).
8. Карасик В.И. О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс : сб. науч. трудов. Волгоград : Перемена, 2000. С. 5–20.
9. Бондарчук И.А. Основные подходы к типологии дискурса // Филологические науки. 2017. № 5 (11). С. 9.
10. Багиян А.Ю. Сущностные свойства и основные характеристики научно-популярного дискурса // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2014. № 3. С. 81–86.
11. Тарасов Е.Ф. Речевое воздействие: методология и теория // Оптимизация речевого воздействия. М. : Наука, 1990. С. 5–18.
12. Стернин И.А. Основы речевого воздействия. Воронеж : Истоки, 2012. 178 с.
13. Шелестюк Е.В. Речевое воздействие: онтология и методология исследования. М. : ФЛИНТА; Наука, 2014. 344 с.
14. Броженко С.В. Стратегии и тактики рекламного дискурса // Вестник. Филология. 2011. № 3 (218). С. 11–15.
15. Lakely J., Levin D. Spiked at Forbes: global warming? An Israeli astrophysicist provides alternative view that is not easy to reject. 2019. URL: https://heartland.org/opinion/spiked-at-forbes-global-warming-an-israeli-astrophysicist-provides-alternative-view-that-is-not-easy-to-reject/ (дата обращения: 25.01.2024).
16. The Heartland Institute. Publications. URL: https://heartland.org/about-us/
17. Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. 8-е изд., испр. и доп. М. : ЛЕНАНД, 2017. 308 с.
18. Кашкин В.Б. Введение в теорию коммуникации. Воронеж : Изд-во ВГТУ, 2000. 175 с.
19. Аристотель. Риторика. Поэтика. М. : Лабиринт, 2000. 221 с.
20. Modes of persuasion // European Rhetoric: Rhetorical Analysis, Presentation & Public Speaking. URL: https://web.archive.org/web/20100627173619/http://www.european-rhetoric.com/rhetoric-101/modes-persuasion-aristotle/ (дата обращения: 25.01.2024).
21. Шустова С.В., Царенко Н.М. Дискурсивные маркеры как средство формирования прагмалингвистической компетенции // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. 2018. Т. 4, вып. 2. URL: https://rrlinguistics.ru/journal/article/1435/ (дата обращения: 20.05.2024).
22. Михалева О.Л. Политический дискурс. Специфика манипулятивного воздействия. М. : Либроком, 2009. 256 с.
23. Fraser B. An approach to discourse markers // Journal of Pragmatics. 1990. № 14. P. 383–395.
24. Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live by. Chicago : University of Chicago Press, 1980. 256 p.
25. Никитина К.В. Речевая манипуляция как предмет лингвистических исследований // Вестник Башкирского государственного университета. 2006. № 4. С. 104–106.

References

1. Nikolaeva, N.N. & Shishkina, E.N. (2016) Realizatsiya strategiy i taktik ubezhdeniya v sovremennom angloyazychnom nauchno-populyarnom diskurse [Implementation of strategies and tactics of persuasion in modern English-language popular science discourse]. *Gumanitarnyy vestnik*. pp. 1–19.
2. Grishechko, E.G. (2008) Opredelenie ponyatiya rechevogo vozdeystviya i vidy etogo vozdeystviya [Definition of the concept of speech influence and types of this influence]. *Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*. 4. pp. 53–59.
3. Egoshin, A.V. *Global'noe poteplenie: fakty, gipotezy, kommentarii* [Global Warming: Facts, hypotheses, comments]. [Online] Available from: http://priroda.su/item/389#disqus_thread (Accessed: 14.01.2024).
4. Veber, A.B. (2015) Strasti po klimatu. Kto i pochemu protiv bor'by s global'nym potepleniem? [Passions according to Climate. Who and why is against the fight against global warming?]. *Vek globalizatsii*. 1. pp. 96–105.
5. Karasik, V.I. (2009) *Yazykovye klyuchi* [Language Keys]. Moscow: Gnozis.
6. Nikolaeva, T.M. (1978) Lingvistika teksta. Sovremennoe sostoyanie i perspektivy [Text linguistics. Current state and prospects]. In: Nikolaeva, T.M. (ed.) *Novoe v zarubezhnoy lingvistike* [New in Foreign Linguistics]. Vol. 8. pp. 5–39.
7. Kuz'minykh, Zh.O. & Krasil'nikova, N.V. (2022) Nauchno-populyarnyy diskurs kak kommunikativnyy fenomen: sushchnost' i osnovnye kharakteristiki [Popular science discourse as a communicative phenomenon: essence and main characteristics]. *Universum: filologiya i iskusstvovedenie*. 7 (97). [Online] Available from: https://7universum.com/ru/philology/archive/item/14077 (Accessed: 14.01.2024).
8. Karasik, V.I. (2000) O tipakh diskursa [On the types of discourse]. In: Karasik, V.I. (ed.) *Yazykovaya lichnost': institutsional'nyy i personal'nyy diskurs* [Language Personality: Institutional and personal discourse]. Volgograd: Peremena. pp. 5–20.

9. Bondarchuk, I.A. (2017) Osnovnye podkhody k tipologii diskursa [Basic approaches to the typology of discourse]. *Filologicheskie nauki*. 5 (11). pp. 9.
10. Bagiyan, A.Yu. (2014) Sushchnostnye svoystva i osnovnye kharakteristiki nauchno-populyarnogo diskursa [Essential properties and main characteristics of popular science discourse]. *Vestnik Pyatigorskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta*. 3. pp. 81–86.
11. Tarasov, E.F. (1990) Rechevoe vozdeystvie: metodologiya i teoriya [Speech impact: methodology and theory]. In: Kotov, R.G. (ed.) *Optimizatsiya rechevogo vozdeystviya* [Optimization of Speech Impact]. Moscow: Nauka. pp. 5–18.
12. Sternin, I.A. (2012) *Osnovy rechevogo vozdeystviya* [Basics of Speech Impact]. Voronezh: Istoki.
13. Shelestyuk, E.V. (2014) *Rechevoe vozdeystvie: ontologiya i metodologiya issledovaniya* [Speech Impact: Ontology and research methodology]. Moscow: FLINTA; Nauka.
14. Brozhenko, S.V. (2011) Strategii i taktiki reklamnogo diskursa [Strategies and Tactics of Advertising Discourse]. *Vestnik. Filologiya*. 3 (218). pp. 11–15.
15. Lakely, J. & Levin, D. (2019) *Spiked at Forbes: global warming? An Israeli astrophysicist provides alternative view that is not easy to reject.* [Online] Available from: https://heartland.org/opinion/spiked-at-forbes-global-warming-an-israeli-astrophysicist-provides-alternative-view-that-is-not-easy-to-reject/ (Accessed: 25.01.2024).
16. *The Heartland Institute. Publications*. (n.d.) [Online] Available from: https://heartland.org/about-us/
17. Issers, O.S. (2017) *Kommunikativnye strategii i taktiki russkoy rechi* [Communicative Strategies and Tactics of Russian Speech]. 8th ed. Moscow: LENAND.
18. Kashkin, V.B. (2000) *Vvedenie v teoriyu kommunikatsii* [Introduction to the Theory of Communication]. Voronezh: Voronezh State Technical University.
19. Aristotle. (2000) *Ritorika. Poetika* [Rhetoric. Poetics]. Translated from Ancient Greek. Moscow: Labirint.
20. European Rhetoric: Rhetorical Analysis, Presentation & Public Speaking. (n.d.) *Modes of persuasion.* [Online] Available from: https://web.archive.org/web/20100627173619/http://www.european-rhetoric.com/rhetoric-101/modes-persuasion-aristotle/ (Accessed: 25.01.2024).
21. Shustova, S.V. & Tsarenko, N.M. (2018) Diskursivnye markery kak sredstvo formirovaniya pragmalingvisticheskoy kompetentsii [Discursive markers as a means of forming pragmalinguistic competence]. *Nauchnyy rezul'tat. Voprosy teoreticheskoy i prikladnoy lingvistiki*. 2 (4). [Online] Available from: https://rrlinguistics.ru/journal/article/1435/ (Accessed: 20.05.2024).
22. Mikhaleva, O.L. (2009) *Politicheskiy diskurs. Spetsifika manipulyativnogo vozdeystviya* [Political Discourse. Specificity of manipulative influence]. Moscow: Librokom.
23. Fraser, B. (1990) An approach to discourse markers. *Journal of Pragmatics*. 14. pp. 383–395.
24. Lakoff, G. & Johnson, M. (1980) *Metaphors We Live by*. Chicago: University of Chicago Press.
25. Nikitina, K.V. (2006) Rechevaya manipulyatsiya kak predmet lingvisticheskikh issledovaniy [Speech manipulation as a subject of linguistic research]. *Vestnik Bashkirskogo gosudarstvennogo universiteta*. 4. pp. 104–106.

Информация об авторе:
Пономарева Е.Ю. – канд. филол. наук, доцент кафедры прикладной и теоретической лингвистики Тюменского государственного университета (Тюмень, Россия). Email: elurpon@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:
E.Yu. Ponomareva, Cand. Sci. (Philology), associate professor, University of Tyumen (Tyumen, Russian Federation). E-mail: elurpon@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 30.01.2024;
одобрена после рецензирования 28.06.2024; принята к публикации 30.09.2024.

The article was submitted 30.01.2024;
approved after reviewing 28.06.2024; accepted for publication 30.09.2024.

Научная статья
УДК 82.01/.09
doi: 10.17223/15617793/506/5

«Кому нужны поэты?»: представления Ф. Сологуба о роли литературы в жизни человека и общества

Анна Борисовна Стрельникова[1, 2]

[1] *Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия*
[2] *Национальный исследовательский Томский политехнический университет, Томск, Россия*
[1, 2] *annas24@yandex.ru*

Аннотация. Рассматривается публицистика Ф. Сологуба в аспекте авторских представлений о природе художественного творчества и его роли в жизни отдельного человека и общества. В результате анализа описана оригинальная концепция читателя, обозначены условия формирования творческого сознания, выявлены особенности интерпретационного потенциала искусства в сравнении с наукой и религией, приведены сценарии развития общества в условиях различных моделей взаимодействия искусства и действительности.
Ключевые слова: Сологуб, символизм, искусство, литература, читатель, художественный текст, публицистика

Источник финансирования: результаты были получены в рамках выполнения государственного задания Минобрнауки России, проект № FSWM-2024-0008.

Для цитирования: Стрельникова А.Б. «Кому нужны поэты?»: представления Ф. Сологуба о роли литературы в жизни человека и общества // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 506. С. 44–50. doi: 10.17223/15617793/506/5

Original article
doi: 10.17223/15617793/506/5

"Who needs poetry?": Fyodor Sologub's reflection on the role of literature in human and social life

Anna B. Strelnikova[1, 2]

[1] *National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation*
[2] *National Research Tomsk Polytechnic University, Tomsk, Russian Federation*
[1, 2] *annas24@yandex.ru*

Abstract. The article studies publicistic writings by Fyodor Sologub in terms of his ideas on creative writing and the role it plays in the life of a particular person and whole society. The article deals with both published and unpublished texts. Sologub considers art an absolute, which is essential to preserve and develop human nature. Art requires solitude, which implies getting rid of fuss and routine; it goes without any requirements or practical usefulness. The life is sustained and organized by "dreamers" rather than "practical doers". Dreaming is not an idle entertainment, it is absolutely necessary for life since dreaming reveals creative potential, which ensures development of both science and art. An introvert mindset tends to be much more creative than an extrovert one, as the former is inclined to reflection and speculation based on personal experience. Art takes priority over the life and regulates it. Art can contribute to life interpretation if reading is regarded as a responsible activity and involves creativity as an instrument to self- and global awareness. The general reader, as well as the contemporary literary critic, fails to be the reader of great depth. The general reader is always in search of pleasure; they interpret the books they have read based on their individual mood and emotions. The critic, who always has a particular concept, tries to impose it on the original piece of writing, which makes it impossible to creatively interpret the text comprehending its depth and beauty. As well as science and religion, literature aims to provide people with the inner logic of the world and meaning of their existence. However, unlike science and religion, which tend to present ideas in declarative forms, literature induces dialogue-oriented reading. In a crisis situation, when positivism paradigm in science and Orthodox faith were compromised, and common knowledge was discredited, only in art could a person make an attempt to comprehend the world. Sologub describes different scenarios of interaction between fiction and reality – evolution, revolution, and catastrophe. The sustainable development of society takes place when reality does not oppose to art and people step by step are broadening their horizons. A revolutionary scenario develops in the situation when a piece of art falls beyond the scope of audience's expectations, which can also be affected by outer forces. When an artwork is neglected or destroyed, there are symptoms of societal collapse, which inevitably leads to the demise of the whole civilization.
Keywords: Sologub, symbolism, art, literature, reader, literary text, publicistic text

Financial support: The results were obtained within the framework of the state assignment of the Ministry of Science and Higher Education of Russia, Project No. FSWM-2024-0008.

© Стрельникова А.Б., 2024

For citation: Strelnikova, A.B. (2024) "Who needs poetry?": Fyodor Sologub's reflection on the role of literature in human and social life. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 506. pp. 44–50. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/506/5

Развитие литературного процесса рубежа XIX–XX вв. в России было обусловлено противостоянием (а в сущности – взаимообогащением) двух принципиально различных систем художественного мышления – реализма и модернизма. Типологические особенности каждой из систем во многом определяются решением ключевого вопроса о соотношении искусства и действительности. Размышления некоторых выдающихся писателей обозначенного периода о сущности литературы, ее месте и роли в жизни человека, задачах читательской аудитории и критики выстраиваются в концепции, моделирующие варианты будущего национального развития. Представления Ф. Сологуба о том, как мир искусства соотносится с миром реальным и какая роль в этом процессе отводится художественному слову, отражены как в художественных, так и не собственно художественных – публицистических и критических – высказываниях автора. Статьи и заметки Сологуба становились предметом научных исследований в связи с изучением поэтики его творчества в период Русско-японской войны и первой русской революции [1], восстановлением литературно-культурного контекста Первой мировой войны [2], осмыслением взглядов писателя на Россию как пограничное государство между Востоком и Западом [3]. Неоднократно поднимался вопрос о педагогических убеждениях Сологуба, высказанных в изданных и неопубликованных статьях [4. С. 467–486; 5]. Обращение к отразившимся в публицистике представлениям автора о природе художественного творчества и его роли в жизни человека и общества проясняют идейные позиции Сологуба в вопросах, касающихся и личностного становления отдельного субъекта, и перспектив национального развития страны.

По мысли Ф. Сологуба, одной из главных опасностей для художника является подчинение искусства действительности, наделение литературы функциями общественного «жизнестроительства». В статье 1907 г. Сологуб, еще склонный к метафорическому изложению мыслей (с течением времени публицистическая насыщенность его статей об искусстве будет усиливаться), называл эту опасность «страшным», «старым чертом Савельичем»: «Он всегда кружит вокруг лирически-настроенных, и возводит их на высокие горы, и показывает им богатство и красоту мира, и говорит: “Как пышно! Как богато! Какая честь! Хвали! Преклонись!”» [6. С. 333]. Хвалящий и преклоняющийся, поэт оказывается «на службе» у морали, полезности, дидактики, отказываясь от автономной ценности художественного творчества. В стихотворении «Объявления» (1916) [7. Т. 3. С. 68] Сологуб иронизирует над возможностью социального заказа на поэзию: «А вот кому нужны поэты? / Где объявление найдешь: / «Поэта приглашаем на дом / Затем, что стало невтерпеж / Обычным объясняться складом». Художественное слово и тем более поэтическое, вопреки представлениям публики, – не для салонных развлечений. Труд поэта не измеряется в финансовом эквиваленте, а качество художественной «продукции» не определяется ее востребованностью на рынке. Новое художественное слово, забота о котором напрямую звучит в статьях «Не постыдно ли быть декадентом», «Искусство наших дней» и проблема которого так или иначе освещается в статьях «За стихи», «Черти» и других, предназначалось для обретения и выражения истины, поскольку «старые» формы искусства не отвечали творческим попыткам художников обрести смыслы в мире, утратившем прежнюю цельность. Проблема обновленного художественного высказывания одинаково остро стояла не только для писателя, но и для читателя, которому необходимо было, во-первых, ориентироваться в современной ему литературе и, во-вторых, быть способным эту литературу интерпретировать. Сологуб, размышляя о роли читателя, различал три читательские категории, которые можно условно обозначить как читатель-обыватель, читатель-критик и читатель-сотворец.

В стихотворении «Покоряясь жажде странной» [7. Т. 2, кн. 1. С. 288] лирический субъект обращается к читательнице, слепо полагающейся в своем интеллектуальном становлении на добытые ею «кучи» книг: «Не учись по этим книгам, / Что лежат перед тобой, – / Лицемеры их писали, / Вознесённые толпой». Дело в том, что обычный читатель, по Сологубу, воспринимает произведение исключительно на эмоциональном уровне: его читательский выбор, как правило, случаен, им руководят его личные переживания: «И похвалы, и порицания его неожиданны и странны» [6. С. 323–324]. Такой читатель (а им, в представлении Сологуба, и является его среднестатистический современник) не имеет своего мнения по поводу прочитанного, его разум – «плохо организованная система чужих слов, мнений, привычек, чужой лжи и чужой правды» [8. С. 336]; это «марионетка», способная лишь воспроизводить последнее из услышанного. Чтение для такого читателя – не ответственная творческая деятельность, а «непосредственное удовольствие»; высокая поэзия часто недоступна вовсе («равнодушно проходит мимо Тютчева, мимо Баратынского, мимо Фета, мимо...» [6. С. 324]). В статье, приуроченной к празднованию 100-летия со дня рождения А.С. Пушкина, Сологуб размышлял, что есть Пушкин в сознании обывателя: «Не обидно ли, что великое имя становится достоянием толпы, у которой по-прежнему нет ничего общего с тем, кто носил это имя? Непонимание «тупой черни» столь же грубо, как и в старину, и ее низменные помышления столь же, как и в прежние дни, далеки от чистых дум поэта» [4. С. 260]. Массовую литературу, ориентированную исключительно на развлечение читателя, Сологуб определяет как «проституирование высокого искусства», «прибыльное ремесло… тупого графомана» [6. С. 324].

Проблема современной ему критики, по мнению Сологуба, заключалась в том, что критик жестко разделял искусство и жизнь, литература была для него

объектом, иллюстративным материалом для собственных теорий: «…критик ко всякому литературному явлению подходит с кодексом правил, заранее изготовленных. И все живое в поэзии вылезает за рамки этих правил» [6. С. 323]. Для критика, самого искреннего и прозорливого, художественный текст – преходящее, он уже мертв – «лакомые угли и сладкий пепел» (неслучайная метафора в контексте солярного неомифа Сологуба). Ввиду того что искусство, в представлении критика, вторично относительно действительности, критик «оценивает» произведения с точки зрения точности изображения жизни, действующей морали, злободневности и пр. Именно поэтому история русской критики, по мнению Сологуба, способствовала тому, что в представлении обычного русского человека понятия «критика» и «брань» стали синонимичными.

В этой связи и оценка произведения искусства, в представлении Сологуба, доступна только творческому сознанию. Это частное убеждение реализовалось в том числе и в общем для литературного процесса рубежа XIX–XX вв. явлении «символисткой критики», объединяющем глубокие, искренние и часто провидческие работы об искусстве вообще и литературе в частности, при том что среди символистов почти не было критиков-профессионалов. Так, в статье Сологуба «Искусство наших дней» читаем: «Не было такого времени в России, когда критика не совершала бы позорного дела охуления литературных слав. <…> Любители презрительных выражений с восторгом читали и читают критические статьи, где творческий труд и светлое вдохновение поэтов расценивались и расцениваются с грубою развязностью, как дело глупое и позорное. <…> Читаю статью Белинского, искреннейшего из русских критиков, о поэзии гениального Баратынского. Какая тупость! Какое чистосердечное нежелание понять!» [6. С. 323]. В более поздней статье «За искусство» (не опубликована, датируется 1919 г.) Сологуб прямо и безапелляционно заявляет: «Только сами художники могут судить обо всех своих делах, имеющих отношение к ускорению художественной жизни в стране, и в этой области одинаково недопустимо и покровительство, и гонение на то или другое направление искусства» [9. Л. 1].

Только читатель-поэт (т.е. творец) может претендовать на роль настоящего читателя: именно он способен понять то, что автор произведения «может быть, и не вкладывает в свои образы, но что может быть очень точно и верно *примышлено*» (курсив мой. – *А.С.*) [6. С. 323]; «Поэт – вдохновенный творец, чародей и мечтатель. Вот открывает он чужую книгу и ворожит над нею» [6. С. 322]. Такого рода читательское мечтательство, по Сологубу, оказывается связанным с чародейством и ворожбой именно потому, что оно есть некий культ, культ служения и поклонения искусству, воплощающему пространство смыслов (или сущностей). По мнению автора, писатель-читатель имеет принципиальное отличие от простого читателя: он способен глубже проникнуть в раскрывающийся перед ним художественный мир – «понять каждую гримасу, подметить все эти легкие дрожания в уголках губ, каждый беглый, мгновенный огонек отразить в себе, под самую последнюю заглянуть личину, – это наслаждение очень изысканное, за которое каждый из нас так благодарен другому поэту» [6. С. 321]. Концепция читателя-сотворца произведения будет сформулирована в литературоведении во второй половине XX в. [10, 11], но Сологуб уже в 1900-е гг. осмыслял особенности восприятия художественного текста творческим сознанием: «Слишком глубокое понимание собирает сокровища, которых никто не расточал, и жнет пшеницу, никем не посеянную» [6. С. 322]. По сути, эта идея Сологуба – метафорическое осмысление роли интерпретирующего сознания, которая в рамках герменевтической теории трактуется Ф. Шлейермахером ровно так же: «понимать речь сначала наравне с автором, а потом и превзойти его» [12. С. 64]. В результате диалога с Другим, выявления в его речи/тексте того, что знакомо, понятно и близко, происходит самоидентификация творческой личности: «Вот было для тебя творчество иного поэта океаном <…> Ты прошел над океаном, шагами измерил ты неизмеримую ширину его, вершками исчислил ты его глубину, – но не стыдись восторженных похвал: не ты ли был солнцем, отразившим свой лик в океане?» [6. С. 322]. Символический текст (понятие, применяемое Сологубом для определения не только символистских, но и реалистических произведений) всегда «приглашает» читателя к сотворчеству; и если на предыдущих этапах развития культуры художественная ценность воспринималась как категория статическая, то в новом искусстве рубежа веков эта категория – динамическая; складывается представление о художественной ценности, «становящейся» в процессе сотворчества создающего и воспринимающего сознаний [8]. Литература «бесполезна», потому что не решает повседневные вопросы, настоящая литература (как и любое настоящее искусства) нужна для того, чтобы создать некое условное пространство и время, в которых активное воспринимающее сознание способно обрести смысл бытия.

О жизненно-творческих практиках символистов, для которых символизм был не просто литературой, но миропониманием и способом жизнестроения, писали и критики [13], и исследователи [14, 15] литературы начала XX в. Жизнь и творческий путь Сологуба как будто не вписываются в эту традицию. Предлагаемая им идея взаимообусловленности искусства и жизни связана с упорядочивающей функцией первого. Эту мысль автор метафорически развивал и в дореволюционной эссеистике, но с особой ясностью и остротой она будет выражена в пореволюционных статьях – «Поэты – ваятели жизни», «За искусство», «Конец искусства».

По мнению Сологуба, жизнь организуется не усилиями людей «практической деятельности», а «мечтателями»; мечта – не праздное развлечение, она совершенно необходима для жизни: «Мечта, мысль, изобретение, творческий замысел, назовите это еще как-нибудь, – но вот только эта нематериальная работа человеческой души и создает весь наш мир» [16. С. 93].

Повседневность основана на повторяемости: ежедневное существование человека предполагает проигрывание привычных, усвоенных моделей. В этом

смысле в повседневности человек существует «коллективно», действует так, как действуют другие (пусть это и избранные другие, близкие по духу и убеждениям), поэтому впечатление о величественности общественной жизни всегда обманчиво: «Совокупность этих предопределенных поступков и движений создает иногда величественное зрелище коллективной и значительной жизни. Но подлинной значительности в этой жизни пока еще нет, или уже нет» [16. С. 94].

Эстетические представления символистов об избранничестве поэта, поэте-демиурге в статье «Поэты – ваятели жизни» получают вполне рациональное объяснение: в сущности, автор говорит о том, что в терминологии современной психологии может быть определено как тяготение к интровертивному типу сознания. Исследователи уже отмечали, что философия и психология в художественном мышлении автора оказываются взаимопроникающими: «Сами философские темы Сологуба обычно возникают как трансформация присущих ему психологических тем – то, что раньше было состоянием, психологической ситуацией, становится философской позицией, мифом» [17. С. 27]. По Сологубу, именно интровертивное сознание имеет больший (по сравнению с экстравертивным) потенциал к творчеству, поскольку всегда предполагает индивидуальную рефлексию, личностный духовный опыт: «Ведь ничего нет в жизни, что раньше не было в *мечте уединенного* человека <…> толпа, народ, множество ничего не может дать искусству» (курсив мой. – *А.С.*) [16. С. 96]. Творческое начало равно необходимо как для искусства, так и для науки (при несомненном, в представлении символистов, преимуществе первого в опыте познания действительности): «Ведь даже и тогда, когда нам кажется, что жизнь изменяется по указаниям науки, изменение продиктовано тем творческим началом, которое обще науке с искусством. Только наука – только изучение того, что есть. Всякое научное изобретение и открытие всегда от духовного произвола, никогда не необходимо» [16. С. 95].

Примечательно, что Сологуб говорит и о разных сценариях воплощения художественного образа в действительности: поступательное, естественное движение – культурная эволюция, когда жизнь не противится искусству и постепенно осваивает открывающиеся ей новые горизонты: «…смена одной формы быта на другую, замена одного мифа другим, переход от низших ступеней цивилизации к высшим совершается медленно, почти неприметно, безболезненно, – жизнь эволюционирует» [16. С. 95]. Размышляя о революционном пути искусства, Сологуб провидчески выдвигает идеи, которые будут научно обоснованы в филологической науке второй половины XX в.; по Сологубу, представления о чрезмерной «искусственности» новых художественных форм возникают в сознании людей тогда, когда произведения находятся за пределами горизонта читательских ожиданий [18] («Кажущаяся незаполнимость жизнью данных искусством форм знаменует глубокий разрыв между тем, что люди по инерции продолжают считать жизнью <…> и тем, что люди считают далеким от жизни, но что и есть творящий элемент для будущей жизни» [10. С. 96]) и естественное функционирование литературного поля [19] осложняется давлением извне («одинаково недопустимо и покровительство, и гонение на то или другое направление искусства» [9. Л. 1]). В этой ситуации искусство перенасыщается творческой энергией, становясь «предчувствием» и одновременно «возбудителем» исторических переворотов. Критическим сценарием является культурная катастрофа: «…если жизнь уже очень заупрямится, не захочет поддаваться чарам чрезмерно своевольного для нее искусства, то произойдет наконец полное крушение быта, культа, мифа. Рушится вся наша цивилизация, и мы вступим в совсем новую жизнь. Какая она будет? Не спрашивайте об этом у политиков, спросите поэтов» [16. С. 96].

Катастрофический вариант развития событий предощущался автором и в статье «Конец искусства» [20], вышедшей в феврале 1918 и позже не републиковавшейся, Сологуб приводит пугающие своей «большой искренностью» высказывания «оратора из публики», «нового» человека, представителя массы: «Вы говорите об искусстве так, как будто бы искусство всегда будет существовать. А между тем искусство вовсе не бессмертно. Как все на свете, кончится и оно. Ведь искусство нужно нам только как преодоление жизни. В наши дни жизнь не хороша, потому что господствует капиталистический строй. Преодоление этой нехорошей, несовершенной жизни возможно пока только посредством искусства. Но, когда осуществится социальный строй, жизнь достигнет такого совершенства, что уже не будет никакой надобности в ее преодолении. Тогда искусство упразднится – за ненадобностью» [20].

Для самого Сологуба искусство находится в одном ряду с религией, наукой и философией – это вечные «утешения» человека на жизненном пути, обещающие «возвышение души», «торжество человека над природой», «высшую мудрость», т.е. культурные надстройки над натурой, создающие из природного естества человека. В пореволюционной России все эти необходимые составляющие личности могут быть, следуя логике человека массы, упразднены: «Ведь и наука нужна для того, чтобы человек преодолел жизнь и достиг господства над нею. А когда это господство уже достигнуто и совершенный строй жизни водворен, то и необходимость в науке упраздняется. Стало быть, не к чему будет тратить на нее время. Да и религия преодолевает несовершенства, зло, порочность этого мира. А если человечество войдет в земной рай социального строя, то о чем же станет молиться счастливое, сытое, вседовольное человечество? И о чем станет философствовать хорошо накормленное, хорошо напоенное, согретое, одетое людское стадо? Многое, многое в жизни нашей можно будет тогда упразднить за ненадобностью, чтобы не затруднять человека праздными занятиями. Тогда рухнут разом все надстройки над бытием человека. И обрадуется освобожденный от всего этого устарелого хлама человек, как радуется школьник, освобожденный от буквы Ъ» [20].

Парадокс заключается в том, что, в сущности, искусство неуничтожимо: можно ликвидировать институты и «носители» искусства – упразднить театр, разрушить храм, разорвать картины или сжечь книги, но истребить само искусство невозможно, потому что в

основе мира лежит творчество. Искусство для символиста – «глубинный *аналог* общего мироустройства» [21. С. 78], согласно предложенной Сологубом формуле, мир – «творимая легенда», и человеческое бытие – в творении и созидании: «искусство наших дней утверждает жизнь как творческий процесс <…> Искусство, являя образ истинного бытия, ведет человека к утверждению наиболее высоких благ жизни, к самоутверждению и творчеству» [8. С. 367]. В свою очередь, творение искусства – в бытии, поскольку художественное произведение «живет» по законам, обратно направленным энтропии – распылению окружающего мира. Изучению мотива «пыли» в произведениях русских писателей-модернистов (В. Брюсова, Д. Мережковского, З. Гиппиус, Ф. Сологуба, А. Ремизова, А. Блока) посвящены авторитетные научные труды [22]. Мотив пыли оказывается сопряженным в творчестве символистов с мотивами энтропии, распада, праха, хаоса, апокалипсиса. В творчестве Сологуба эта идея становится лейтмотивом: достаточно упомянуть материализующуюся из клубов пыли Недотыкомку и говорящую фамилию Саши Пыльникова (роман «Мелкий бес»), буквально распадающегося на пылинки чиновника Саранина (рассказ «Маленький человек»), сопряженный с образом пыли образ пепла (романы «Королева Ортруда» и «Дым и пепел» в трилогии «Творимая легенда») и т.д. Предложенная Вяч. Ивановым богословско-философская концепция аримановства, антиномично разводящая Люцифера (причастного к самоопределению и творческому самоутверждению личности) и Аримана (духа косности, злобы, ничтожества), созвучна с идеей Сологуба о необходимости разрушительной силы искусства для продолжения жизни: «…искусство совершает по отношению к жизни разрушительное дело. Недаром искусство почти во все времена бывает гонимо. Иначе и не может быть: оно всегда враждебно данным формам жизни <…> Если бы не было искусства, жизнь повторяла бы из рода в род раз навсегда установленные формы. Вечный муравейник» [16. С. 95].

Как философское положение тезис об особом времени текста, нивелирующем энтропийные процессы, будет сформулирован Л. Витгенштейном, и позже эта идея будет развиваться в трудах Ю.М. Лотмана, В. Руднева. Материальные объекты в определенном смысле могут быть противопоставлены художественным произведениям: «…вещи увеличивают энтропию, тексты увеличивают информацию. Вещи движутся в положительном времени, тексты – в отрицательном» [23. С. 9]. В представлении Сологуба, «мельтешение» многочисленных и кажущихся многообразными явлений окружающей действительности в литературе (и шире – искусстве вообще) сводится к инвариантам, что позволяет осмыслить мир и бытие. Поясняя суть этой идеи, автор приводит в пример кинематограф и разводит множество женских образов, мелькающих на экране, и исполнившую все эти роли, «оживившую» личины датскую актрису А. Нильсен [24. С. 1021].

В свете метафизической концепции литературного творчества, предложенной Сологубом, искусство, в контексте кризиса веры эпохи fin de siècle, претендует на роль новой религии: «…поэт опять становится жрецом и пророком, и в том храме, где он совершает свое служение, искусство должно стать куполом, должно стать широким и блистающим куполом над жизнью» [8. С. 367]. Искусство создает образ бытия, уподобляется заглянувшему в окно Богу, становится «куполом», благодаря которому жизнь «получает свое достойное завершение» [8. С. 367]. Иными словами, вместо «победы смерти» торжествует искусство: творчество является залогом бессмертия. При таком «религиозном» взгляде на искусство разделение этики и эстетики становится невозможным. Своеобразно предвосхищая широко цитируемый в культурном дискурсе конца XX – начала XXI вв. тезис И. Бродского «эстетика – мать этики», Сологуб утверждает неразрывность связи между этими двумя категориями, используя метафору «родных сестер»: «…эстетика сестры своей в обиду не даст. Где образ явился плодом подлинного художественного процесса, там блюстителям морали беспокоиться не о чем», искусство и есть «неложное мерило добра, истины и красоты» [8. С. 339].

Таким образом, в представлении Сологуба искусство является абсолютной ценностью, поскольку способствует сохранению и развитию человеческого в человеке. Искусство требует уединения, необходимого для выключения из суеты повседневности, прекращения действий по необходимости, исключения вопросов практической пользы. Приоритет искусства над жизнью, его интерпретационный потенциал в отношении действительности связан с необходимостью ответственного (творческого) чтения как способа познания и самого себя, и окружающего мира, что определяло несостоятельность как массового читателя, так и читателя-критика. Диалогичность чтения в представлении Сологуба отличает литературу от декларативных форм репрезентации идей в науке и религии; более того, в ситуации кризиса позитивистской науки и ортодоксальной веры только художественное творчество позволяет постигать смыслы мироздания. Реакция общества на предлагаемые искусством художественные модели определяет дальнейший сценарий его развития – эволюционный, революционный или катастрофический.

Список источников

1. Верташов Д.В. Газетная публицистика Федора Сологуба (1904–1905) // Вестник РГГУ. Серия: История. Филология. Культурология. Востоковедение. 2011. № 7 (69). С. 147–168.
2. Павлова М.М. Первая мировая война в публицистике Федора Сологуба // Политика и поэтика: русская литература в историко-культурном контексте Первой мировой войны: Публикации, исследования и материалы. М. : Ин-т мировой лит. им. А.М. Горького РАН, 2014. С. 15–29.
3. Мисникевич Т. «Польский вопрос» в лирике и публицистике Федора Сологуба // Studia russica helsingiensia et tartuensia: к 80-летию Сергея Геннадиевича Исакова / Tartu ulikooli Vene kirjanduse oppetool. Tartu : Tartu ulikooli kirjastus, 2011. С. 401–410.
4. Павлова М.М. Писатель-Инспектор: Федор Сологуб и Ф.К. Тетерников. М. : Нов. лит. обозрение, 2007. 512 с.
5. Барковская Н.В. К вопросу о педагогических взглядах Ф. Сологуба // Филологический класс. 2013. № 1 (31). С. 58–61.

6. Сологуб Ф. Демоны поэтов // Критика русского символизма : в 2 т. Т. 1 / сост., вступ. ст., преамбулы и примеч. Н.А. Богомолова. М. : Олимп : АСТ, 2002. С. 321–333.
7. Сологуб Ф. Полное собрание стихотворений и поэм : в 3 т. / подгот. М.М. Павлова, Т.В. Мисникевич; [отв. ред. А.В. Лавров]. СПб. : Наука, 2012.
8. Сологуб Ф. Искусство наших дней // Критика русского символизма : в 2 т. Т. 1 / сост., вступ. ст., преамбулы и примеч. Н.А. Богомолова. М. : Олимп ; АСТ, 2002. С. 334–367.
9. Сологуб Ф. За искусство. Статья // Рукописный отдел Института русской литературы. Ф. 289. Оп. 1. Ед. хр. 305.
10. Изер В. Процесс чтения: феноменологический подход // Современная литературная теория. Антология / сост. И.В. Кабанова. М. : Флинта, 2016. С. 201–225.
11. Эко У. Роль читателя. Исследования по семиотике текста. СПб. : Симпозиум, 2005. 502 с.
12. Шлейермахер Ф. Герменевтика / пер. с нем. А.Л. Вольского ; науч. ред. Н.О. Гучинская. СПб. : Европейский дом, 2004. 242 с.
13. Ходасевич В.В. О символизме // Критика русского символизма : в 2 т. Т. 1 / сост., вступ. ст., преамбулы и примеч. Н.А. Богомолова. М. : Олимп ; АСТ, 2002. С. 16–21.
14. Волженина Е.В. Жизнетворчество грубых гуннов, или Модернизм – массам. М. : АИРО – XXI, 2018. 208 с.
15. Колобаева Л.А. Русский символизм. М. : Изд-во Моск. ун-та, 2000. 296 с.
16. Сологуб Ф. Поэты – ваятели жизни // Искусство и народ : сб. / сост. К. Эрберг (Сюннерберг). СПб. : Колос, 1922. С. 93–96.
17. Дикман М.И. Поэтическое творчество Федора Сологуба // Сологуб Ф. Стихотворения / вступ. ст., сост., подгот. текста и примеч. М.И. Дикман. СПб. : Академический проект, 2000. С. 5–74.
18. Яусс Г.Р. История литературы как вызов теории литературы // Современная литературная теория. Антология / сост. И.В. Кабанова. М. : Флинта, 2016. С. 192–200.
19. Бурдьё П. Поле литературы // Новое литературное обозрение. 2000. № 45. С. 22–87.
20. Сологуб Ф. Конец искусства // Рампа и жизнь. 1918. № 9. С. 4.
21. Минц З.Г. О некоторых «неомифологических» текстах в творчестве русских символистов // Творчество А.А. Блока и русская культура XX века. Блоковский сборник. 3. (Уч. зап. Тартуского гос. ун-та. Вып. 459). Тарту : Тартуский гос. ун-т, 1979. С. 76–120.
22. Венцлова Т. К демонологии русского символизма // Собеседники на пиру: Литературоведческие работы. М. : Нов. лит. обозрение, 2012. С. 32–59.
23. Руднев В. Прочь от реальности: Исследования по философии текста. М. : Академ. проект, 2020. 301 с.
24. Сологуб Ф. Нетленное племя // Театр и искусство. 1912. № 51. 16 декабря. С. 1020–1022.

References

1. Vertashov, D.V. (2011) Gazetnaya publitsistika Fedora Sologuba (1904–1905) [Newspaper journalism of Fyodor Sologub (1904–1905)]. *Vestnik RGGU. Seriya: Istoriya. Filologiya. Kul'turologiya. Vostokovedenie*. 7 (69). pp. 147–168.
2. Pavlova, M.M. (2014) Pervaya mirovaya voyna v publitsistike Fedora Sologuba [The First World War in the journalism of Fyodor Sologub]. In: Polonskiy, V.V. (ed.) *Politika i poetika: russkaya literatura v istoriko-kul'turnom kontekste Pervoy mirovoy voyny: Publikatsii, issledovaniya i materialy* [Politics and Poetics: Russian literature in the historical and cultural context of the First World War: Publications, research and materials]. Moscow: Gorky Institute of World Literature RAS. pp. 15–29.
3. Misnikevich, T. (2011) "Pol'skiy vopros" v lirike i publitsistike Fedora Sologuba ["The Polish Question" in the lyrics and journalism of Fyodor Sologub]. In: *Studia russica helsingiensia et tartuensia: k 80-letiyu Sergeya Gennadievicha Isakova* [Studia Russica Helsingiensia et Tartuensia: On the 80th Anniversary of Sergei Gennadievich Isakov]. Tartu: Tartu ulikooli kirjastus. pp. 401–410.
4. Pavlova, M.M. (2007) *Pisatel'-Inspektor: Fedor Sologub i F.K. Teternikov* [Writer-Inspector: Fyodor Sologub and F.K. Teternikov]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
5. Barkovskaya, N.V. (2013) K voprosu o pedagogicheskikh vzglyadakh F. Sologuba [On the issue of Fyodor Sologub's pedagogical views]. *Filologicheskiy klass*. 1 (31). pp. 58–61.
6. Sologub, F. (2002) Demony poetov [Demons of poets]. In: Bogomolov, N.A. (ed.) *Kritika russkogo simvolizma* [Criticism of Russian Symbolism]. Vol. 1. Moscow: Olimp; AST. pp. 321–333.
7. Sologub, F. (2012) *Polnoe sobranie stikhotvoreniy i poem* [Complete Poems and Verses]. Saint Petersburg: Nauka.
8. Sologub, F. (2002) Iskusstvo nashikh dney [Art of our days]. In: Bogomolov, N.A. (ed.) *Kritika russkogo simvolizma* [Criticism of Russian Symbolism]. Vol. 1. Moscow: Olimp; AST, 2002. pp. 334–367.
9. Manuscript Department of the Institute of Russian Literature. Fund 289. List 1. Item 305. Sologub, F. (n.d.) *Za iskusstvo. Stat'ya* [For Art. Article].
10. Iser, W. (2016) Protsess chteniya: fenomenologicheskiy podkhod [The reading process: a phenomenological approach]. In: Kabanova, I.V. (ed.) *Sovremennaya literaturnaya teoriya. Antologiya* [Contemporary Literary Theory. Anthology]. Moscow: Flinta. pp. 201–225.
11. Eco, U. (2005) *Rol' chitatelya. Issledovaniya po semiotike teksta* [The Role of the Reader. Explorations in the semiotics of texts]. Translated from Italian. Saint Petersburg: Simpozium.
12. Schleiermacher, F. (2004) *Germenevtika* [Hermeneutics]. Translated from German by A.L. Vol'skiy. Saint Petersburg: Evropeyskiy dom.
13. Khodasevich, V.V. (2002) O simvolizme [On Symbolism]. In: Bogomolov, N.A. (ed.) *Kritika russkogo simvolizma* [Criticism of Russian Symbolism]. Vol. 1. Moscow: Olimp; AST. pp. 16–21.
14. Volzhenina, E.V. (2018) *Zhiznetvorchestvo grubykh gunnov, ili Modernizm – massam* [Life-Creation of the Rude Huns, or Modernism for the Masses]. Moscow: AIRO – XXI.
15. Kolobaeva, L.A. (2000) *Russkiy simvolizm* [Russian Symbolism]. Moscow: Moscow State University.
16. Sologub, F. (1922) Poety – vayateli zhizni [Poets – sculptors of life]. In: Erberg (Sünnerberg), K. (ed.) *Iskusstvo i narod* [Art and the People]. Saint Petersburg: Kolos. pp. 93–96.
17. Dikman, M.I. (2000) Poeticheskoe tvorchestvo Fedora Sologuba [Poetic creativity of Fyodor Sologub]. In: Sologub, F. *Stikhotvoreniya* [Poems]. Saint Petersburg: Akademicheskiy proekt. pp. 5–74.
18. Jauss, G.R. (2016) Istoriya literatury kak vyzov teorii literatury [History of literature as a challenge to literary theory]. In: Kabanova, I.V. (ed.) *Sovremennaya literaturnaya teoriya. Antologiya* [Modern Literary Theory. Anthology]. Moscow: Flinta. pp. 192–200.
19. Bourdieu, P. (2000) Pole literatury [Field of literature]. Translated from French. *Novoe literaturnoe obozrenie*. 45. pp. 22–87.
20. Sologub, F. (1918) Konets iskusstva [The end of art]. *Rampa i zhizn'*. 9. P. 4.
21. Mints, Z.G. (1979) O nekotorykh "neomifologicheskikh" tekstakh v tvorchestve russkikh simvolistov [On some "neo-mythological" texts in the works of Russian symbolists]. In: Mints, Z.G. (ed.) *Tvorchestvo A.A. Bloka i russkaya kul'tura XX veka. Blokovskiy sbornik* [The Works of A.A. Blok and Russian Culture of the 20th Century. Blok's collection]. Vol. 3. Tartu: Tartu State University. pp. 76–120.
22. Ventslova, T. (2012) K demonologii russkogo simvolizma [On the demonology of Russian symbolism]. In: Ventslova, T. (ed.) *Sobesedniki na piru: Literaturovedcheskie raboty* [Interlocutors at the Feast: Literary Studies]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. pp. 32–59.
23. Rudnev, V. (2020) *Proch' ot real'nosti: Issledovaniya po filosofii teksta* [Away from Reality: Studies in the philosophy of the text]. Moscow: Akademicheskiy proekt.
24. Sologub, F. (1912) Netlennoe plemya [Theatre and Art]. *Teatr i iskusstvo*. 51. 16 December. pp. 1020–1022.

Информация об авторе:
Стрельникова А.Б. – канд. филол. наук, доцент кафедры истории русской литературы XX–XXI веков и литературного творчества Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия); доцент отделения иностранных языков Школы общественных наук Национального исследовательского Томского политехнического университета (Томск, Россия). E-mail: annas24@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:
A.B. Strelnikova, Cand. Sci. (Philology), associate professor, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation); associate professor, National Research Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: annas24@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 17.05.2024;
одобрена после рецензирования 01.09.2024; принята к публикации 30.09.2024.

The article was submitted 17.05.2024;
approved after reviewing 01.09.2024; accepted for publication 30.09.2024.

Научная статья
УДК 811.161.1
doi: 10.17223/15617793/506/6

Семантическая динамика наречий со значением «в общих чертах» в русском языке: основные процессы и факторы

Евгений Юрьевич Шарихин[1]

[1] *Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия, sharichan@yandex.ru*

Аннотация. Рассматривается семантика наречий абрисно, контурно, пунктирно, схематично, силуэтно, эскизно и другие, внутренние формы которых имеют заимствованные корни, связанные с наименованием какого-либо вида изображения (рисунка, чертежа) или графического приема. На материале этих наречий исследуется история становления такой лексики, ее семантические особенности и современное состояние. Представлены адвербиальные лексемы, некоторые значения или оттенки которых не подвергались ранее лексикографической фиксации.
Ключевые слова: русский язык, историческая лексикология и словообразование, семантика, наречие

Для цитирования: Шарихин Е.Ю. Семантическая динамика наречий со значением «в общих чертах» в русском языке: основные процессы и факторы // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 506. С. 51–56. doi: 10.17223/15617793/506/6

Original article
doi: 10.17223/15617793/506/6

Semantic dynamics of adverbs with the meaning "in general terms" in the Russian language: Main processes and factors

Evgeniy Yu. Sharikhin[1]

[1] *Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation, sharichan@yandex.ru*

Abstract. The article examines the semantics of adverbs *abrisno* (outlined), *konturno* (in outline), *punktirno* (in dotted lines), *skhematichno* (schematically), *siluetno* (in silhouette), *eskizno* (sketchily) and some others, whose internal forms have borrowed roots connected with the name of some kind of image (drawing, blueprint) or graphic technique. On the material of these adverbs, the history of the formation of such lexicon, its semantic features and current state are investigated. The analysis of the adverbs considered in the article suggests that the occurrence of such a lexicon in the language could be connected with the rapid development of literary criticism in the 19th–20th centuries and its need for linguistic means necessary to characterize the writing activity, author's style, as well as images expressed by writers. The research demonstrates that all these lexemes have undergone a long process of semantic evolution with varying dynamics since their introduction into the Russian language. They have transitioned from adverbs with relative meanings, initially strongly connected to their internal form, to adverbs that have developed figurative and metaphorical nuances of qualitative semantics. The analysis of these adverbs indicates that they are derived from both qualitative and relative adjectives. Meanwhile, one of the meanings consistently acquired by such adverbs over time was qualitative or qualitatively-relative in nature. The semantics of adverbs formed from relative adjectives, with rare exceptions, corresponds to the qualitative meaning of the adjective or develops a new qualitative meaning not recorded in dictionary entries. Additionally, linguistic and extralinguistic factors explaining the acquisition of qualitative semantics by adverbs derived from borrowings are presented. The conducted research shows that the semantics of adverbial lexicon often depends on the meanings of motivating words, and derived words generally acquire more abstract semantics than the base. The article pays particular attention to the current state of the studied adverbs. For example, the analysis of the lexical environment of these adverbs reveals that over time (over two centuries), the range of verbs they associate with has expanded, with verbs having semantics far from the initial meanings related to drawing, writing, etc. This demonstrates the development of more abstract, metaphorical meanings for these adverbs. Furthermore, the article notes that, in contemporary Russian, these adverbs maintain synonymic relationships with each other and are stylistically neutral. The research presents adverbial lexemes, some meanings or connotations of which have not been previously subjected to lexicographic fixation.
Keywords: Russian language, historical lexicology and word formation, semantics, adverb

For citation: Sharikhin, E.Yu. (2024) Semantic dynamics of adverbs with the meaning "in general terms" in the Russian language: Main processes and factors. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 506. pp. 51–56. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/506/6

© Шарихин Е.Ю., 2024

Введение

Благодаря активному внедрению в науку за последние два десятилетия электронных лингвистических ресурсов[1] у исследователей появилась возможность получить общую картину развития языка за длительный период времени и проследить изменения, происходившие на разных уровнях и в разных стилях речи. Такое положение вещей оказывает благоприятное влияние на лексикографическую работу, которую стало возможно проводить с учетом широкого временного диапазона и с максимально большим охватом материала, что обеспечивает доступ к контекстам, ранее остававшимся незамеченными из-за огромного количества литературных источников. Возможно, в этом состоит одна из причин, объясняющих тенденцию, при которой во многих словарях русского языка наречия часто оставались без толкования, а словарные статьи, посвященные им, сводились лишь к иллюстрации наиболее общих контекстов. Анализ последних показывал главным образом соответствие семантики наречий значениям своей порождающей, мотивационной базы – прилагательных. Между тем со второй половины XIX в. и вплоть до современного времени в адвербиальной системе непрерывно происходят изменения, связанные как с развитием у наречий особых значений, не связанных напрямую с семантикой производящей основы, так и с их сочетаемостью и спецификой употребления [1. С. 288–289; 2. С. 82]. Все это отражает эволюцию языка, а также преобразования в культурных представлениях и общественных нормах, оставляя след в языковой практике и восприятии художественных явлений.

В данной статье предпринимается попытка анализа наречий на -о, внутренняя форма которых имеет заимствованные корни, связанные с наименованием какого-либо вида изображения (рисунка, чертежа) или графического приема: *абрисно*, *контурно*, *пунктирно*, *схематично*, *силуэтно*, *эскизно* и др. Подобные наречия характеризуют «степень доведения объекта интеллектуального или физического действия до окончательной обработки, композиционной и смысловой завершенности» [3. С. 249]. На материале указанных наречий рассмотрим историю становления такой лексики, ее семантические особенности и современное состояние. Так, в работе анализируются наречия, некоторые значения или оттенки которых не подвергались ранее лексикографической фиксации.

Рассматриваемые здесь наречия вошли в русский язык в разное время: *пунктирно* – в начале XIX в., *эскизно* – в первой трети XIX в., *схематично* – в середине XIX в., *контурно* – во второй половине XIX в., *силуэтно* – в конце XIX в., *абрисно* – в первой трети XX в. Все эти лексемы с момента своего вхождения в русский язык с разной динамикой прошли длинный путь семантической эволюции от наречий с относительными значениями, имевшими изначально сильную связь со своей внутренней формой (существительными *пунктир*, *эскиз*, *схема*, *контур*, *силуэт*, *абрис*), до наречий, развивших образно-переносные оттенки качественной семантики.

Анализ семантического становления наречий

Проследим этапы семантического развития наречия ***пунктирно***, мотивированного наименованием графического приема – *пунктиром*[2]. Самый ранний выявленный контекст, в котором функционирует данное наречие, относится к началу XIX в. (1807 г.). Слово восходит к прилагательному *пунктирный*, имеющему заимствованный корень, который, вероятно, попал в русский язык из немецкого (ср. нем. *punktieren*, *Punktierung* [5. С. 406]). Лексема *пунктирный* имеет следующие значения: 1) ‘относящ. к пунктиру; вычерченный пунктиром’ и 2) *перен.* ‘дающий представление о чем-л. в самых общих чертах; поверхностный’ [6. Т. 21. С. 509]. Для прояснения семантики наречия *пунктирно* обратимся к контекстам:

(1) *При составленіи подобнаго чертежа линіи, проведенныя здѣсь* ***пунктирно****, надобно проводить карандашемъ…* (С.И. Зеленый. Беседы о пользе и необходимости астрономии. 1840).

(2) *Такъ же внѣшне, мы бы сказали –* ***пунктирно*** *очерчены <в пьесе> и всѣ другія фигуры* (Ив. Иванов. Немецкий клуб. 1893).

Если во фрагменте (1), который относится к первой половине XIX в., наречие *пунктирно* обладает исключительно относительным значением ‘в виде пунктира’, что обусловлено самим контекстом, касающимся выполнения чертежа, то пример (2), отражающий более позднее употребление лексемы (конец XIX в.), демонстрирует качественное значение наречия: ‘в общих чертах, упрощенно’.

Между тем нижеследующие фрагменты, относящиеся к более позднему времени, представляют особый интерес, поскольку в них значение наречия *пунктирно* обладает дополнительными оттенками. См.:

(3) *И, расколотый надвое, Мартин Мартиныч одной половиной видел бессмертного шарманщика, бессмертного деревянного конька, бессмертную льдину, а другой –* ***пунктирно*** *дыша – пересчитывал вместе с Обертышевым поленья дров* (Е.И. Замятин. Пещера. 1921).

(4) *Спал* ***пунктирно****, дважды вставал, курил, читал и проч[ее]* (А.Т. Твардовский. Рабочие тетради. 1966).

Во фрагментах (3) и (4) мы сталкиваемся с образными, окказиональными употреблениями наречия *пунктирно*. Так, в обоих контекстах наречие *пунктирно* обладает семантикой ‘прерывисто, неровно, сбивчиво, отрывочно’. Такая семантика, очевидно, мотивирована внутренней формой[3] наречия, т.е. существительным *пунктир*.

Отметим глаголы, с которыми чаще всего употребляется рассматриваемое наречие: *намечать*, *обозначить*, *излагать*, *записывать*/*писать*, *рассказывать*, *помнить*. Можно сказать, что лексический диапазон глаголов, с которыми рассматриваемое наречие употребляется, достаточно широк.

Несколько иную картину наблюдаем при анализе наречия ***эскизно***, внутренняя форма которого мотивирована наименованием предварительного наброска к рисунку или картине – эскиза.

Вероятно, данное наречие вошло в русский язык в первой трети XIX в., поскольку самый ранний выявленный контекст, в котором функционирует данное наречие, относится к 1830 г.

Это слово восходит к прилагательному *эскизный* (существительное *эскиз* происходит от фр. *esquisse,* из ит. *schizzo* ‘брызганье; набросок’ [8. С. 452]) и обладает следующей семантикой: ‘как эскиз; в незаконченном виде’ [4. Т. 17. С. 1918]. Как и большинство наречий с заимствованными корнями, наречие *эскизно* поначалу сохраняет сильную связь со своим денотатом и употребляется исключительно в относительном значении, однако более поздние контексты демонстрируют развитие у лексемы качественной семантики. См.:

(5) *<…> въ памяти моей начали группироваться остальные англійскіе живописцы, старые и молодые, такъ что, мало-по-малу, чтобы не обидѣть одного и не пропустить другого, я рѣшился набросать, хотя эскизно, общую характеристику всей англійской школы* (Д.В. Григорович. Картины английских живописцев на выставках 1862 года в Лондоне. 1896).

Во фрагменте (5) речь идет о желании автора кратко описать английскую школу живописи. Благодаря использованию наречия *эскизно* происходит перенесение признака одной деятельности (создание живописи) на другую (написание очерка о живописи). В этом фрагменте лексема *эскизно* употребляется в качественном значении ‘в общих чертах, без подробностей, деталей; кратко’.

На этом фоне отдельный интерес вызывает единичный случай употребления рассматриваемого наречия в особом значении в следующем фрагменте:

(6) *Затормозить доминанту, вероятно, тем труднее, чем полнее участвует в работе ее констелляция. Но когда доминанта переживается всего лишь* ***эскизно****, это значит, что она находится под торможением со стороны других начатков центральной деятельности* (А.А. Ухтомский. Доминанта. 1966).

В приведенном фрагменте (6) научного текста из области медицины присутствует противопоставление: *работа констелляции доминанты* (т.е. работа полного набора, «созвездия» доминантных очагов на разных уровнях мозга) и *работа доминанты, которая переживается эскизно* (т.е. неполно, фрагментарно). Данная антитеза позволяет определить семантику наречия *эскизно* следующим образом: ‘неполно, не в полной мере, частично, фрагментарно’.

Похожую картину семантического развития наречия наблюдаем и при анализе лексемы ***контурно***, которая имеет заимствованный корень (нем. *Kontur* – ‘очертание’ [5. Т. 2. С. 314]) и восходит к прилагательному *контурный*, обладающему следующей семантикой: ‘относящ. к контуру (в значении ‘внешнее очертание чего-л.’); представляющий собой контур’ [6. Т. 8. С. 391]. Наиболее ранние выявленные примеры с наречием *контурно* относятся ко второй половине XIX в. См.:

(7) *Во-первыхъ, пинакъ гораздо древнѣе картинъ Полигнота по стилю и, во-вторыхъ, онъ отличается рѣзко отъ полигнотовыхъ картинъ по окраскѣ фигуръ: здѣсь нѣкоторыя второстепенныя вещи не окрашены, а нарисованы лишь контурно…* (Записки русского археологического общества. 1899).

В приведенном фрагменте наречие *контурно*, которое характеризует манеру письма на пинаках – древнегреческих росписях, выполненных на деревянных досках или глиняных табличках восковыми красками, – обладает относительным значением ‘в виде контура, внешнего очертания предмета’. Такая семантика достаточно долго сохраняется, однако более поздние примеры, относящиеся ко второй половине XX в. и XXI в., показывают, что рассматриваемое наречие со временем приобрело переносное качественное значение. См.:

(8) *Итак, видим: то, что Шукшин* ***контурно*** *очерчивал в заявке – показать на экране человека-труженика, яркий национальный характер, хозяина земли, – он в фильме высветил* (Ю.П. Тюрин. Кинематограф Шукшина. 1984).

(9) *Вот почему представляется, что сейчас крайне необходимо и будет вполне оправданно попытаться хотя бы* ***схематично***, ***контурно*** *вновь обрисовать содержание, главные принципы государственной политики в этой области, механизмы ее реализации* (На новом этапе // Жизнь национальностей. 2000).

В приведенных фрагментах (8) и (9) наречие *контурно* обладает значением ‘в общих чертах’. Отметим, что глаголы, с которыми рассматриваемое наречие используется (*очерчивать* и *обрисовать*), относятся к лексико-семантической группе глаголов, связанных с рисованием или черчением. Анализ употреблений данного наречия в других контекстах показывает, что оно находится чаще всего именно в окружении глаголов этой ЛСГ: *очерчивать*, *обрисовать*, *нарисовать*, *намечать*, *изобразить*, *описать*.

Обратим внимание на синонимичное наречие ***схематично***, встреченное нами в контексте (9) в одном ряду с наречием *контурно*. Эти лексемы выступают в роли однородных обстоятельств и обладают схожей семантикой. Наречие *схематично* имеет заимствованный корень, который попал в русский язык через польское посредство (из лат. *Schema*, от гр. σχῆμα ‘выражение лица, осанка, фигура’) [5. Т. 3. С. 815]. Прилагательное *схематичный*, к которому восходит наречие, имеет следующее толкование: ‘представленный в главных, основных чертах, изображенный в отвлеченно-упрощенном виде’ [4. Т. 14. С. 1274]. Самый ранний выявленный пример употребления этого наречия относится к 1849 г. Обратимся к одному из фрагментов, относящихся к XIX в., в котором встречается лексема *схематично*. См.:

(10) *Мускулатура звѣря [на рисунке], его короткая грива, уши, ребра и усы надъ пастью обозначены, слѣдуя ассирійскимъ прототипамъ, съ большою энергіею, но схематично* (Русские древности в памятниках искусства. 1890).

В данном контексте наречие *схематично* имеет относительное значение ‘в виде схемы, в упрощенном виде’. В данном случае семантика лексемы еще сохраняет сильную связь с основным значением своей внутренней формы – существительным *схема*. Так, *схема* – это ‘чертеж, изображающий в общих чертах систему,

устройство чего-либо или взаимоотношение частей чего-либо [4. Т. 14. С. 1272].

Между тем фрагменты, извлеченные из текстов более позднего времени (фрагменты (9) и (11)), показывают развитие качественного значения у рассматриваемого наречия. См.:

(11) *Классовая борьба внутри деревни дана <в романе А. Весёлого «Страна родная»> бегло, схематично* (М. Серебрянский. Артем Веселый. 1934).

В примерах (9) и (11) наречие *схематично* обладает значением ‘в общих чертах, без подробностей, деталей’. Лексическое окружение рассматриваемой лексемы – наречия *контурно* и *бегло* (‘не останавливаясь на подробностях; в общих чертах’) во фрагментах (9) и (11) – подтверждает указанную семантику.

Теперь проследим изменения в семантике наречия ***силуэтно***, вошедшего в русский язык в конце XIX в. Данная лексема восходит к прилагательному *силуэтный*, которое встречается в русском языке с первой половины XIX в. В качестве своей внутренней формы это прилагательное и восходящее к нему наречие имеют заимствованный из французского языка корень (фр. *silhouette*), который происходит от фамилии французского экономиста Этьена де Силуэта (1709–1767 гг.), являвшегося контролёром финансов во времена короля Людовика XV. Э. де Силуэт был известен своей твердостью в финансовых вопросах, за что недоброжелатели однажды сделали на него карикатуру в виде теневого профиля, вырезанного из черной бумаги [6. Т. 25. С. 533]. Таким образом, в честь Э. де Силуэта был назван новый графический жанр, представляющий собой абрис в виде черного контура, что стало для людей доступным вариантом изображения, заменяющим собой дорогие портреты.

Наречие *силуэтно* имеет два значения: 1) ‘в виде силуэта; контурно, рельефно’ и 2) *разг.* ‘не очень подробно, не детально; в общих чертах’ [6. Т. 25. С. 534]. Значение наречия *силуэтно* в самом раннем выявленном нами контексте, относящемся к концу XIX в. (1893 г.), соответствует первому, относительному значению. См.:

(12) *Но пріятнѣе, если не лучше всѣхъ выставленныхъ пейзажей – «Вечеръ въ горахъ» съ довольно правдивымъ голубоватымъ тономъ дальнихъ горъ, **силуэтно** рисующихся на тепломъ воздухѣ…* (А.Н. Конкурс картин в Обществе любителей художеств. 1893).

Очевидно, что значение наречия в этом фрагменте ‘в виде силуэта; контурно, рельефно’. Между тем анализ других контекстов показывает, что в текстах XX в. у рассматриваемого наречия появляется и качественная семантика (второе значение).

(13) *Елисатов: Разрешите интервью?*

Малинин: До доклада его превосходительству – не могу.

*Елисатов: Хотя бы **силуэтно**?*

*Малинин: Ну, если **силуэтно**…* (К.А. Тренёв. Любовь Яровая. 1926).

В этом примере наречие приобретает уже качественное значение ‘не очень подробно, не детально; в общих чертах’ [6. Т. 25. С. 534]. Однако более поздние примеры из текстов XX и XXI вв. демонстрируют эволюцию семантики рассматриваемого наречия: у данной лексемы появляется сдвиг в значении. См.:

(14) *Адамов: <…> Мы с вами, именно, как будто где-то встречались.*

Воронин: В гимназии каждый день встречаемся, Иван Фомич.

*Адамов: А не встречались ли, именно, не днем и не в гимназии? **Силуэтно**, так сказать? Ну, ну! Смотреть в глаза.*

*Павел: Если **силуэтно**, то глаза при чем?*

Адамов: Ну, кто кого, именно, допрашивает? Я вас или вы меня? (К.А. Тренёв. Гимназисты. 1935).

(15) *Большая часть героев романа появляется **силуэтно**, на несколько строк* (А.Н. Котюсов. Фотошоп // Волга. 2014).

В приведенных контекстах (14) и (15) наречие *силуэтно* обладает дополнительными оттенками значения: ‘вскользь, мимоходом, мельком, попутно’. Такую семантику подтверждает и словосочетание *на несколько строк*, которое располагается в примере (15) в одной синтагме с наречием *силуэтно*.

Примечательно, что в примере (14) наречие *силуэтно* в первом случае (в реплике Адамова) употребляется в значении ‘вскользь, мимоходом, мельком, попутно’, в то время как реплика Павла, по-видимому, показывает, что герой воспринимает наречие *силуэтно* как раз в первом, относительном значении, т.е. ‘в виде силуэта; контурно, рельефно’. Такое противопоставление подтверждает развитие семантики наречия.

Последним по времени вхождения в русский язык наречием (по-видимому, первая треть XX в.), мотивированным существительным, которое связано с наименованием одного из видов изображения, является лексема ***абрисно***. Слово восходит к прилагательному *абрисный*, внутренняя форма которого имеет немецкое происхождение (нем. *Abriß* – ‘чертеж; *устар.* набросок, очерк’). В русском языке существительное *абрис* обладает следующей семантикой: ‘контурный рисунок, набросок’ и *перен.* ‘описание, характеристика *кого-*, *чего-л.* в общих чертах, без деталей, подробностей’ [6. Т. 1. С. 66]. Впервые данная лексема зафиксирована в [9], однако толкование слова отсутствует, приводится лишь иллюстративный материал. Для прояснения семантики наречия *абрисно* обратимся к примерам:

(16) *Дальше, на рейде, расплывчато, **абрисно** виднелось еще несколько кораблей, но нам важны были эти три эсминца из немецкой эскадры, и я увидел, как, накренив тяжелую машину, капитан Головко уже падал на них, проходил, едва не задевая за мачты и башни…* (М.Н. Горбунов. Это кричали чайки. 1983).

В приведенном фрагменте (16) наречие *абрисно* имеет качественно-относительное значение ‘в виде контура, как набросок; нечетко’. Наречие *расплывчато*, находящееся в одной синтагме с лексемой *абрисно* и связанное с ней определенными смысловыми нитями, частично подтверждает отмеченную семантику (так, *расплывчато* – ‘не имея четких очертаний, контуров; не отчетливо’ [4. Т. 12. С. 706]). В следующем примере (17) наречие *абрисно* получает качественную семантику:

(17) *Но фигура Марфы <Посадницы> во всех ее противоречиях продолжает притягивать художественное воображение писателей. Где **абрисно**, где пунктиром,*

где просто упоминанием ее имени полны произведения о XV–XVI вв. (В.Л. Янин. Великий Новгород. 2007).

В приведенном выше контексте наречие *абрисно* обладает качественным значением ‘в общих чертах’. Обращает на себя внимание градация, состоящая из однородных обстоятельств, при которой происходит изменение признака от большего к меньшему. Так, согласно логике фрагмента (17), упоминание фигуры Марфы Посадницы в произведениях о XV–XVI вв. может иметь разные формы: от очеркового изображения (*абрисно*) до простого ее упоминания. Ср.: *абрисно* → *пунктиром*[4] (т.е. *пунктирно* ‘отрывочно, фрагментарно, неполно’) → *упоминание*.

Между тем пример (18) демонстрирует особый случай использования наречия *абрисно*:

(18) *Надежду, признание, ревность, месть, гибель переживают и испытывают как бы и не люди, но «тени», **абрисно**, **силуэтно** возникающие сквозь ткань стихов* (Е.Е. Дмитриева, О.Н. Купцова. Жизнь усадебного мифа: утраченный и обретенный рай. 2003).

Во фрагменте (18), где речь идет о лирических героях стихотворений, явленных в поэтическом тексте отвлеченно, абстрактно (в виде «тени»), мы сталкиваемся с образно-переносным (метафорическим) употреблением наречия *абрисно* в значении ‘в виде контура, наброска; смутно, нечетко (об отражении поэтического образа)’.

Заключение

Появление в русском языке подобной лексики было связано с возрастанием в России со второй половины XVIII – первой трети XIX в. интереса к вопросам мировой художественной культуры: живописи, ваянию, зодчеству и др. С этого периода у теоретиков искусства и литераторов появляется потребность в языковых средствах, необходимых для обогащения языка искусства, характеристики авторского стиля, а также описания художественных образов.

Обращает на себя внимание тот факт, что прилагательные и наречия с семантикой ‘в общих чертах’ образовались от слов с заимствованными корнями, а не от русских корней. Так, например, употребления наречий с исконно русскими корнями *чертежно* или *очерково*[5], которые имели бы исключительно качественное значение, не зафиксированы[6]. В тех случаях, когда наречия образовывались от заимствований, они часто приобретали именно качественную семантику и образно-переносные значения. С одной стороны, такая тенденция могла быть обусловлена непрозрачностью внутренней формы слов с иностранными корнями в процессе постепенного освоения основ из разных генетических источников [12. С. 26]. В то же время относительная семантика наречий могла сохраняться в случае, если внутренняя форма заимствованного слова была предельно прозрачной. С другой стороны, такую ситуацию можно объяснить и экстралингвистическими факторами. Вхождение в русский язык существительных, связанных с наименованием какого-либо вида изображения (рисунка, чертежа) или графического приема, а впоследствии появление прилагательных и наречий, мотивированных такой лексикой, может быть обусловлено тем, что с конца XVIII – первой трети XIX в. в России начинает формироваться язык российского искусствоведения, его ключевые понятия и концепты [13. С. 160]. Они приходили в русский язык из французского и немецкого языков благодаря франкоязычным письмам в Императорскую Академию художеств (1757 г.) князя Д.А. Голицына (1734–1803 гг.) и переводам трудов теоретиков искусства Роже де Пиля, Ш. Баттё, И. Прейслера, Г.Э. Лессинга, И.И. Винкельмана и др. [13. С. 171].

Справедливости ради, необходимо отметить два исконно русских наречия *начерно* и *вчерне*, самые ранние употребления которых датируются первой половиной XVIII в. См.:

(19) *Для того я, при сочинении истории, трудился лексикон российский гражданский сочинить, которой до буквы «Л» зделан и Академии для разсмотрения и поправления посылал, такожь лексикон исторической неколико начала положил и табель родословия государей **начерно** сочинил, но докончать и **набело** переписать неким, за тем остается недокончано, однакож оную табель, хотя **вчерне**, вашему сиательству прислать не умедлю* (В.Н. Татищев. Письмо К.Г. Разумовскому. 1747).

При всей, на первый взгляд, семантической близости рассмотренных в статье наречий *абрисно*, *контурно*, *пунктирно*, *схематично*, *силуэтно*, *эскизно* и наречий *начерно* и *вчерне*, детальный анализ показывает различие в их значениях. Так, наречия *начерно* и *вчерне* можно семантизировать следующим образом: ‘предварительно, не окончательно, в черновике’.

Несмотря на то что все рассмотренные в настоящей статье наречия по своей семантике соотносятся не полностью, а лишь в части своих значений и употреблений, они тем не менее остаются членами одного адвербиального синонимического ряда и являются стилистически нейтральными [14]. Значительно более сильное семантическое различие, состоящее в степени проявления признака, наблюдается лишь между наречием *пунктирно* и остальными лексемами, что, вероятно, связано с внутренней формой указанного слова и временем его вхождения в язык (начало XIX в.). Кроме того, обращают на себя внимание различия в сочетаемостных возможностях наречий: например, семантическая валентность[7] лексемы *пунктирно* гораздо сильнее, чем у наречия *контурно*, к которому примыкают главным образом глаголы, связанные с рисованием или черчением.

Анализ лексического окружения этих наречий показывает, что с течением времени (на протяжении двух веков) с рассматриваемыми наречиями начинают сочетаться глаголы с семантикой, далекой от первоначальных значений, связанных с рисованием, письмом и т.п. К концу XIX в. наречия получали качественные значения, а с начала XX в. семантика такой лексики эволюционирует, что проявляется в случаях приобретения наречиями абстрактных, образно-переносных значений.

Примечания

[1] Наряду с оригинальными печатными изданиями XIX в. в статье также были использованы данные Национального корпуса русского языка (www.ruscorpora.ru) и сервиса Google Book Search (books.google.com) (дата обращения: 11.01.2024).

[2] Пунктир – ‘прерывистая линия из близко расположенных друг к другу точек или коротких черточек’ [4. Т. 11. С. 1684].
[3] Под внутренней формой слова понимается «семантическая и структурная соотнесенность составляющих слово морфем с др. морфемами данного языка» [7. С. 85].
[4] В данном случае существительное в Тв. п. *пунктиром* (‘приблизительно, без подробностей’ [6. Т. 21. С. 508–509]) стало наречием в результате процесса адвербиализации. Данное наречие можно считать вариантным по отношению к лексеме *пунктирно* (см. фрагменты (1) и (4)).
[5] От глагола *очертать* – ‘сделать набросок’ [10. Т. 18. С. 156]. Данный глагол впервые встречается в тексте XII в. [11. Т. 14. С. 97].
[6] В НКРЯ выявлено лишь по одному окказиональному употреблению каждого наречия с относительной семантикой в текстах XXI в.
[7] Под валентностью слова понимается «способность слова вступать в синтаксические связи с другими элементами», а также «общая сочетаемостная способность слов и единиц иных уровней» [7. С. 7–80]. См. также: [13. С. 120].

Список источников

1. Пеньковский А.Б. Очерки по русской семантике. М. : Языки славянской культуры, 2004. 460 с.
2. Савелова Л.А. Наречная система современного русского языка в аспекте функционально-социального варьирования // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2008. № 66. С. 81–97.
3. Дегальцева А.В. Наречия образа действия в разных сферах современного русского общения: структурно-семантическая типология и роль в организации смысла предложения : дис. ... д-ра филол. наук. Саратов, 2021. 638 с.
4. Словарь современного русского литературного языка : в 17 т. М. ; Л. : Изд-во. Академии наук СССР, 1950–1965.
5. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. 2-е изд. М. : Прогресс, 1986–1987. Т. 2–4.
6. Большой академический словарь русского языка : в 27 т. / под ред. К.С. Горбачевича, А.С. Герда. М. ; СПб. : Наука, 2004–2021.
7. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. М. : Сов. энциклопедия, 1990. 685 с.
8. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка : в 2 т. 3-е изд. М. : Русский язык, 1999. Т. 2. 560 с.
9. Словарь русского языка, составленный комиссией по русскому языку Академии наук СССР. Т. 1, вып. 1 (А–Ажно). 1932.
10. Словарь русского языка XVIII в. Л., СПб. : Наука, 2011. Вып. 18.
11. Словарь русского языка XI–XVII вв. М. : Наука, 1988. Вып. 14. 311 с.
12. Шарихин Е.Ю. Лексические новообразования в области наречий в русском языке XIX в.: словообразование, семантика, функционирование : автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2019. 29 с.
13. Вишленкова Е.А. Критика художеств: язык русского искусствознания конца XVIII – первой трети XIX века // Новое прошлое – The New Past. 2018. № 1. С. 158–179.
14. Апресян Ю.Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М. : «Восточная литература» РАН, 1995. 479 с.

References

1. Pen'kovskiy, A.B. (2004) *Ocherki po russkoy semantike* [Essays on Russian Semantics]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
2. Savelova, L.A. (2008) Narechnaya sistema sovremennogo russkogo yazyka v aspekte funktsional'no-sotsial'nogo var'irovaniya [The adverbial system of the modern Russian language in the aspect of functional and social variation]. *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena*. 66. pp. 81–97.
3. Degal'tseva, A.V. (2021) *Narechiya obraza deystviya v raznykh sferakh sovremennogo russkogo obshcheniya: strukturno-semanticheskaya tipologiya i rol' v organizatsii smysla predlozheniya* [Adverbs of manner in different spheres of modern Russian communication: structural and semantic typology and role in organizing the meaning of a sentence]. Philology Dr. Diss. Saratov.
4. Chernyshev, V.I. (ed.) (1950–1965) *Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka* [Dictionary of the Modern Russian Literary Language]. Moscow; Leningrad: USSR AS.
5. Vasmer, M. (1986–1987) *Etimologicheskiy slovar' russkogo yazyka* [Etymological Dictionary of the Russian Language]. Translation from German by O.N. Trubachev. 2nd ed. Vols. 2–4. Moscow: Progress.
6. Gorbachevich, K.S. & Gerd, A.S. (eds) (2004–2021) *Bol'shoy akademicheskiy slovar' russkogo yazyka* [Large Academic Dictionary of the Russian Language]. Moscow; Saint Petersburg: Nauka.
7. Yartseva, V.N. (ed.) (1999) *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar'* [Linguistic Encyclopedic Dictionary]. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya.
8. Chernykh, P.Ya. (1999) *Istoriko-etimologicheskiy slovar' sovremennogo russkogo yazyka* [Historical and Etymological Dictionary of the Modern Russian Language]. 3rd ed. Vol. 2. Moscow: Russkiy yazyk.
9. Derzhavin, N.S. (ed.) (1932) *Slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian Language]. Vol. 1.1. Leningrad: USSR AS.
10. Sorokin, Yu.S. (ed.) (2011) *Slovar' russkogo yazyka XVIII v.* [Dictionary of the Russian Language of the 18th Century]. Vol. 18. Leningrad; Saint Petersburg: Nauka.
11. Barkhudarov, S.G. (ed.) (1988) *Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv.* [Dictionary of the Russian Language of the 11th–17th Centuries]. Vol. 14. Moscow: Nauka.
12. Sharikhin, E.Yu. (2019) *Leksicheskie novoobrazovaniya v oblasti narechiy v russkom yazyke XIX v.: slovoobrazovanie, semantika, funktsionirovanie* [Lexical neoplasms in the field of adverbs in the Russian language of the 19th century: word formation, semantics, functioning]. Abstract of Philology Cand. Diss. Saint Petersburg.
13. Vishlenkova, E.A. (2018) Kritika khudozhestv: yazyk russkogo iskusstvoznaniya kontsa XVIII – pervoy treti XIX veka [Criticism of art: the language of Russian art criticism of the late 18th – first third of the 19th centuries]. *Novoe proshloe – The New Past*. 1. pp. 158–179.
14. Apresyan, Yu.D. (1995) *Leksicheskaya semantika. Sinonimicheskie sredstva yazyka* [Lexical Semantics. Synonymous means of language]. Moscow: "Vostochnaya literatura" RAS.

Информация об авторе:
Шарихин Е.Ю. – канд. филол. наук, старший преподаватель кафедры русского языка для гуманитарных и естественных факультетов Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: sharichan@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:
E.Yu. Sharikhin, Cand. Sci. (Philology), senior lecturer, Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: sharichan@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 15.01.2024;
одобрена после рецензирования 07.06.2024; принята к публикации 30.09.2024.

The article was submitted 15.01.2024;
approved after reviewing 07.06.2024; accepted for publication 30.09.2024.

ФИЛОСОФИЯ

Научная статья
УДК 304.44
doi: 10.17223/15617793/506/7

Репрезентация современной арабской живописи в постколониальных исследованиях: дискурсивный анализ научного текста

Наталья Вадимовна Отургашева[1], Анастасия Артуровна Ходжаян[2]

[1, 2] Сибирский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Новосибирск, Россия
[1] oturgasheva-nv@ranepa.ru
[2] nat2002kh@gmail.com

Аннотация. Представлен дискурсивный анализ особенностей репрезентации современной арабской живописи в контексте теории постколониализма: выделены три возможных варианта подобной репрезентации и с помощью контент-анализа научных статей, представленных на англоязычных поисковых платформах. Сделан вывод о том, что современное арабское визуальное искусство рассматривается через процесс усвоения западной художественной эстетики.
Ключевые слова: современная арабская живопись, проблемы репрезентация, дискурсивный анализ, постколониальные исследования

Для цитирования: Отургашева Н.В., Ходжаян А.А. Репрезентация современной арабской живописи в постколониальных исследованиях: дискурсивный анализ научного текста // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 506. С. 57–63. doi: 10.17223/15617793/506/7

Original article
doi: 10.17223/15617793/506/7

Representation of modern Arab painting in post-colonial studies: Discourse analysis of scientific text

Natalya V. Oturgasheva[1], Anastasia A. Khodzhayan[2]

[1, 2] Siberian Institute of Management – branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration, Novosibirsk, Russian Federation
[1] oturgasheva-nv@ranepa.ru
[2] nat2002kh@gmail.com

Abstract. The urgency for formerly colonised peoples to acquire modern national identity has prompted the rise of the new scholarly current of post-colonial studies opposed to the Western idea of Orientalism. For a long time, Arab art was regarded as stagnant and perspectiveless in Western scholarship, as in attempts to analyse it researchers would refer to historic, colonial past and Islamic canons, creating the image of the "other" and identifying themselves through opposition to it. At this stage, the key problem of representation of modern Arab visual art through post-colonial discourse appears to be the narrative fixation of its even greater dependence on the categories of Western aesthetics. In doing so, the pursuit of alternatives for the comprehension of Arab artistic culture leads to a process of destruction of traditionalism. The aim of the research is the discursive analysis of the peculiarities of representation of modern Arab painting in the context of postcolonialism. The material of the study was scientific articles published on English-language search platforms Cambridge Core Press, Sage Journals, Taylor & Francis Online, Wiley Online Library and selected by keyword (modern arab visual art, UAE) and date of publication (from 2000 to 2023). Fifty-nine lexemes that constitute the corpus of categories and concepts of post-colonial studies theory were taken as the linguistic units of analysis. Three hypotheses of the representation of Arab visual art in modern Western academic discourse were emphasized: through the opposition to Western art (1), imitation of Western artistic practices (2), an indication of the independent development of recent Arab visual art (3). The results of content analysis witness that 54% of the used linguistic units correspond to the second approach, which examines modern UAE visual art through the assimilation of Western artistic aesthetics. Postcolonialism as scientific knowledge has a binarity characteristic: on the one hand, it is aimed at liberation from colonial logic and returning to national cultural particularities, and, on the other hand, it aggravates the dependence of the tools of art criticism borrowed from the West on a discourse that positions modern Arab visual art as secondary. Thus, the logic of Arab modernism in art turns out to be inseparable from the logic of neo-colonialism.
Keywords: modern Arab painting, representation, discourse analysis, post-colonial studies

© Отургашева Н.В., Ходжаян А.А., 2024

For citation: Oturgasheva, N.V. & Khodzhayan, A.A. (2024) Representation of modern Arab painting in post-colonial studies: Discourse analysis of scientific text. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 506. pp. 57–63. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/506/7

Возникновение нового гуманитарного знания – теории постколониальных исследований – связано в первую очередь с потребностью в освещении проблемы наследия колониализма. Постколониальные исследования пытаются прояснить процесс выделения индивидуальных психологических и культурных особенностей ранее колонизированных народов и наций, обретения ими современной идентичности, личностной, социальной и политической свободы [1. С. 517]. Целью постколониальных исследований является переосмысление империалистического дискурса культурного наследия колониализма.

В этом контексте постколониальная теория во многом опирается на философию европейского постмодерна 1970–1990-х гг. Ж. Дерриды, Ж. Делеза, Ж. Бодрийара, а также М. Фуко и Р. Барта, научный подход в работах которых подразумевал поиск новой теоретической модели для осмысления современного сознания человека.

Несмотря на то, что теория постколониализма была отражением западного рационального способа постижения реальности, наибольший подъем постколониальная литература получила благодаря выходцам из ранее колонизированных государств. Именно в работах Франца Фанона, Эдварда Саида, Гаятри Спивак, Хоми Баба и Дипеша Чакрабарти[1] постколониализм предстает как противоречивое течение: с одной стороны, в нем провозглашаются антиколониальные идеи, с другой – само изучение «незападных» цивилизаций, наций и культур неизбежно встраивается учеными в либерально-европейскую однополярную систему, пусть и через противопоставление ей.

Постколониальная теория, как и цивилизационный подход, апеллируют к необходимости устранения сложившегося на Западе в XIX и XX вв. видения восточных цивилизаций как «неполноценных». Институциональным решением данной проблемы угнетения восточных культур выступает научно-исторический подход, основанный на идеях «культурного плюрализма» [2].

Теория постколониализма является одной из методологий науки постмодерна. Многочисленные исследования, касающиеся тенденций развития цивилизаций, выделяют два особых культурных пространства – Запад и Восток, которые, по своей сути, представляют дихотомический дискурс. Бинарность «Запад – Восток» стала актуальным предметом изучения в рамках междисциплинарной отрасли востоковедения [3. С. 10].

В постколониальной теории одним из центральных вопросов является проблема идентификации и осмысления современных незападных культурных явлений. Отношения «угнетенного» и «угнетателя» актуальны и после завершения политической деколонизации, поскольку дискурсивный колониализм по-прежнему остается распространенным средством репрезентации культурного наследия ранее колонизированных народов. Одним из объектов, для изучения которого широко применяется теория постколониализма, выступает визуальное искусство.

В течение длительного времени ключевым направлением исследования художественных практик Востока эпохи колониализма являлся ориентализм, акцентирующий внимание на исторических, религиозных, экзотических особенностях искусства.

«Незападный поворот» в мировых процессах обусловил переориентацию научного знания с колониального и ориентального дискурса на постколониальный, отмечающий необходимость преодоления эпистемического насилия над формами позиционирования современного этапа развития локальных цивилизаций и культур [4. P. 78]. Однако в попытках отойти от колониального дискурса постколониализм использует схожие инструменты исследования культуры так называемых «подчиненных» наций.

Так, современное арабское искусство в западной науке принято считать застывшим и бесперспективным, поскольку при попытках его анализа исследователи и искусствоведы ссылаются на историческое, колониальное прошлое и исламские каноны, создавая образ «другого» и идентифицируя себя через противопоставление с ним. На практике это выражается в организации объектов культурного и художественного наследия, в коллекционировании и демонстрации исключительно исторических артефактов. Прогресс художественных направлений в искусстве при таком положении вещей оказывается возможным только при ассимиляции западных категорий эстетики, форм изобразительного искусства и способов его демонстрации.

Несмотря на то, что Восток сильно фрагментирован по национальному признаку, репрезентация локальных восточных цивилизаций осуществляется благодаря универсальным субъект-объектным кодам постколониального дискурса и отличается только характеристиками, присущим отдельным культурно-цивилизационным сегментам.

Отсюда вытекает ключевая проблема репрезентации современного арабского искусства через постколониальный дискурс – нарративное закрепление еще большей его зависимости от представлений и категорий западной эстетики. Более того, стремление к поиску альтернативных подходов к осмыслению художественной культуры Востока приводит к процессу разрушения традиционализма.

В условиях поляризации глобализации и слияния процессов глобализации и локализации местные культуры все чаще стремятся к независимости, однако вынуждены выбирать уже известные пути модернизации, пройденные западными обществами. При этом нельзя отрицать, что культура восточных цивилизаций, в силу своего колониального прошлого, характеризуется высоким уровнем синтеза ассимилированных ценностей западной культуры и собственных традиций в разных пропорциях.

Принимая во внимание такие особенности исторического процесса формирования современных социальных, культурных и политических составляющих

восточных обществ, наиболее целесообразным методом исследования является междисциплинарный анализ на базе теории постколониализма, в основе которой лежит концепция взаимозависимости колонизатора и колонизируемого [5. С. 62]. При этом одной из задач постколониальной теории является трансформация исследовательской логики и реализация исторического подхода к изучению восточных культур с опорой на идею культурного плюрализма.

Между тем в академических кругах все чаще отмечается тенденция модернизировать восточные цивилизации по образу и подобию западных. Это отражается как на отдельных составляющих культурного кода, искусства и творчества восточных цивилизаций, так и в научном дискурсе их обсуждения. В данном контексте дискурс – это язык и текст, создающий знание через «определенный набор лингвистических категорий, относящихся к объекту и способам его изображения, который определяет способ постижения объекта» [6. P. 76]. В рамках этого дискурса, используемого в научных работах, формируется и интерпретируется реальность.

Преодоление проблемы одностороннего изучения «культурного и колониального бессознательного» со стороны превосходящей позиции западного колонизатора представляется как возможность уравновесить современные социокультурные отношения. По мнению постколониалистов, «культурный империализм», зародившийся в период колонизации, не должен более доминировать в современных процессах глобализации [7. P. 600].

Сегодня изучение современного арабского визуального искусства опирается на сформированную искусствоведами, культурологами и политологами научную базу, в контексте которой образ арабов, как и географическая область Магриба в целом, носит негативные коннотации: они связаны со стереотипизацией ислама [8. P. 141] и противопоставляются Западу. Данный дискурс по большей части создается евро-американскими кураторами и деконтекстуализирует искусство, т.е. изолирует его от социально-исторического контекста, в котором оно развивается [9. P. 19].

Вследствие того, что современное искусство стран арабского Востока зародилось на стыке XX и XXI вв., сейчас оно представляет собой перспективную область исследований в социологии, политологии и культурологии. Все чаще ученые приходят к выводу о том, что западные и незападные категории не существуют в чистом виде, а дополняют друг друга, хотя использование термина «незападный» уже подразумевает бинарность субъектности. Следовательно, пока в научном дискурсе присутствует маргинализация восточного модерна через противопоставление его западному, неизбежна зависимость идентификации восточных художественных течений от терминов, используемых в западных гуманитарных исследованиях.

Современное искусство в регионе Персидского залива разнообразно и включает в себя множество видов: традиционные техники – живопись и скульптуру, а также постепенно внедряемые молодыми художниками формы инсталляции, видео и перформанса.

С середины XX в. арабские художники пытаются найти баланс между исламской традицией и западной современностью, полагая, что индивидуальное видение и стиль не могут стать препятствием для отражения их чувства принадлежности к арабскому миру и арабской идентичности [10. P. 137].

Не желая больше быть ассоциированными с традиционным искусством, распространенным до эпохи глобализации, они вынуждены искать пути выхода на мировой рынок, которые уже давно не являются новыми. Поэтому в визуальном «угнетенном» искусстве тенденции западной культуры вынужденно ассимилируются с целью признания этого искусства на Западе. Фиксация иерархии, где главенствующее место занимает «влиятельное» западное искусство, а позиция «амальгамного», в данном случае, отводится арабскому искусству, накладывает на зрителей и критиков молчаливое согласие следовать негласным законам понимания эстетики и качества искусства [3. С. 5–6].

Главное стремление арабских художников – создание оригинальной визуальной системы с опорой на образование, полученное на Западе, и при этом – сохранение ее культурной идентичности перед лицом западных влияний.

Однако для характеристики современного арабского визуального искусства не существует иных именований для художественных направлений, кроме тех, что приняты в западноевропейском искусствоведении: абстракционизм, импрессионизм, кубизм, футуризм и т.д. Использование уже известных маркеров этих направлений, проецирование западной культуры на незападную и исследование ее в тех же терминах подчеркивает актуальность тенденции европоцентризма и колониализма в теории международных отношений.

Арабское визуальное искусство – особый инструмент формирования и поддержания новой культурной идентичности, который посредством текстуального колониализма подчинен бессознательно конструирующему его западному искусствоведению [11]. Попытки деколонизации постколониальной субъектности арабов за счет разрушения барьеров для самовыражения породили в визуальном искусстве типичное для постколониализма противоречие: стремление избавиться от колониальной логики в позиционировании арабами себя как аутентичной культуры приводит к еще большей колонизации их сознания [12].

В данной статье предпринята попытка анализа способов репрезентации современной арабской живописи в англоязычных научных текстах постколониальных исследований с целью определить доминирующий подход к изучению восточной культуры. Основные методы исследования – качественный и количественный контент-анализ. И его результаты позволят объяснить существующую корреляцию между способами репрезентации визуального искусства стран Персидского залива в постколониальных исследованиях и стоящей перед ними задачей – разрушением западноцентричной модели развития.

За единицу анализа были взяты слова и словосочетания, вошедшие в наиболее полный сборник категорий и понятий постколониализма Ю. Эшкрофта, Г. Гриффитса и Х. Тиффина “Post-colonial Studies. The Key Concepts: Second Edition” (2007 г.) [13]. Развернутое описание всех концепций, находящихся на

пересечении дебатов о расе, колониализме, гендере, политике и языке, можно причислить к нескольким категориям, среди которых нас интересовали промежуточные территории, неоимпериализм и неолиберализм. Так, из общего числа в 133 понятия было выбрано 59 единиц. Лингвистический анализ размещенных на интернет-платформах текстов дал возможность обработать большой массив данных и на этом основании выдвинуть исследовательские гипотезы, а затем сформулировать выводы, достаточно объективно и убедительно подтверждающие состоятельность одной из них.

Для этой цели все понятия были разделены на три группы в соответствии с возможным характером репрезентации объекта исследования.

1. Позиционирование арабского искусства раскрывается через дискурс дихотомии «Запад–Восток».

2. Современное арабское визуальное искусство описывается через дискурс, указывающий на ассимиляцию арабами западной художественной традиции.

3. Постколониальный дискурс подчеркивает независимость новейшего этапа развития арабского искусства.

Далее в отобранных статьях производился ручной подсчет частоты использования понятий и анализ текста статей.

Первый этап – сортировка по дате издания (новейшие исследования с 2000 по 2023 г.). Второй этап – сортировка по объекту исследования – современное арабское визуальное искусство в ОАЭ. Отбор осуществлялся одновременно на четырех англоязычных поисковых платформах Cambridge Core Press, Sage Journals, Taylor&Francis Online, Wiley Online Library с доступом к академической литературе по широкому тематическому спектру.

По результатам второй стадии отбора было установлено, что на сайте Cambridge Core Press было найдено большего всего статей, отвечающих запросу – 53 784, однако в дальнейшем оказалось, что большая часть этих статей не соответствует предметному полю. С такой же проблемой пришлось столкнуться в случае с выборкой, предоставленной по поиску на сайте Sage Journals. Платформа Wiley Online Library обнаружила совпадение с запросом в 304 статьях, однако большинство из них не соответствовали предмету исследования. В этой связи было принято решение использовать сайт Taylor&Francis Online, где опубликовано достаточно релевантного материала для проведения дальнейшей выборки. Так, во время первичного отбора было найдено 287 статей.

Далее, за счет ручного выбора на соответствие тематике исследования и периоду изучения, число статей сократилось до 15 [14–28].

В результате подсчета числа совпадений категорий и понятий с учетом контекстного значения получился результат, представленный в таблицах.

В табл. 1 собраны понятия, характерные для научного подхода, в рамках которого арабское искусство рассматривается в контексте дихотомии «Запад – Восток»: *non-West(ern) / не-Запад; oriental(ist/ism) / восточный/ориентализм; other(ing/ness) / другой(ие), иной(ые) / (инаковость); Third World / Третий мир; exotic(ism) / экзотика, экзотичность и т.п.*

Таблица 1

Позиционирование арабского искусства в дискурсе дихотомии «Запад–Восток»

Единица измерения	Общее количество совпадений в научных статьях
another	14
civiliz(ed/ing)	8
diversity	65
cultural difference	6
eurocentrism	1
exotic(ism)	19
First World	
Fourth World	
hegemony	8
metropol(e/is)	4
non-West(ern)	14
oriental(ist/ism)	45
other(ing/ness)	111
periphery	5
savage	1
Second World	
subaltern	1
Third World	2
Итого:	**304**

Таблица 2

Дискурс, указывающий на ассимиляцию арабами западной традиции в искусстве

Единица измерения	Общее количество совпадений в научных статьях
ambivalence	2
appropriation	39
affiliation	3
authentic(ity)	127
conscious(ness)	13
ethnic(ity)	20
ethnography	3
hybrid(ity)	28
local	223
margin(al/ality)	9
metonymy	1
mimicry	2
nation(al/ality)	275
nationalism	38
native	16
primitive	4
surveillance	3
syncretism	
synergy	
transcultural	
transnational(ism)	38
unconscious	2
universal(ism/ity)	54
Итого:	**900**

Таблица 3

Дискурс, подчеркивающий независимость новейшего этапа развития арабского искусства

Единица измерения	Общее количество совпадений в научных статьях
alternative	34
anti-colonialism	
coloni(al/alism)	49
decoloni(zing/zation)	8
de-worlding	

Единица измерения	Общее количество совпадений в научных статьях
globalization	24
glocalization	8
imperial(ism)	6
independen(t/ce)	13
modern(ism/ity)	231
neo-colonial(ism)	10
neo-imperial	2
neo-liberal	23
post-colonial(ism)	10
postcolonial(ism)	5
post-colonial state(nation)	1
worlding	
Итого:	**424**

Табл. 2 представляет термины, указывающие на ассимиляцию арабами западной традиции в искусстве: *appropriation / присвоение; authentic(ity) / аутентичный (аутентичность); local / местный, локальный; nation(al/ality) / нация (национальный, национальность), universal(ism/ity) / общий, универсальный (универсальность); transnational(ism) / транснациональный (транснациональность)* и т.п.

Понятия в табл. 3 образуют дискурс, подчеркивающий независимость новейшего этапа развития арабского искусства: *alternative / альтернатива; coloni(al/alism) / колония (колониальный, колониализм); independen(t/ce) / независимый (независимость); modern(ism/ity) / современный (современность); neo-liberal / неолиберальный; post-colonial(ism) / постколониальный; neo-colonial(ism) / неоколониальный (неоколониализм)* и т.п.

В конечном счете было проведено сравнение общего числа совпадений в каждой группе для того, чтобы подтвердить или опровергнуть выдвинутые гипотезы. Отметим, что по некоторым единицам измерения не удалось найти совпадений, что говорит о том, что данные показатели либо еще не были восприняты и освоены научным дискурсом, либо более неактуальны для него.

Наибольшее число совпадений (900) соответствует второму критерию и свидетельствует о том, что в научной литературе современная арабская живопись рассматривается через призму сравнения с западным искусством и зависимости от него. Делается акцент на приобретение западного опыта и его приспособление под местные политические и социокультурные условия, на что указывает наибольшее число совпадений в группе, которое пришлось на единицы *authentic(ity) / аутентичный (127), local / локальный, коренной (223) и nation(al/ality) / национальный (275).* Несмотря на то, что термины *локальный* и *аутентичный* могут говорить о культурной и политической независимости, значение данных понятий в контексте колониального и постколониального дискурса имеет коннотацию «чуждого», «отличного от универсального» языка, и сравнение с «западным» проходит именно по данной линии. Отличия в дискурсе и способах репрезентации арабского искусства характеризуются наличием местных, локальных особенностей, выделяющихся на фоне общих западноевропейских и американских законов эстетики.

В случае наибольшего совпадения терминов по первому критерию, предполагающему разделение художественной практики на «западную» и «восточную», значительно ярче подчеркивалась бы отсталость арабского искусства. Оно в таком случае рассматривалось бы как феномен, не имеющий ничего общего с актуальными мировыми тенденциями. Обнаруженное количество совпадений в 304 единицы говорит о том, что современная англоязычная наука в известной степени признает «восточную» художественную культуру как полноценную составляющую мирового искусства.

Преобладание совпадений по третьему критерию указывало бы на признание научным сообществом самостоятельного и независимого развития современного арабского искусства, не уступающего западноевропейским и американским стандартам. Однако подобные представления (424 единицы) значительно уступают второму типу дискурса (900 единиц), позиционирующего изобразительное искусство арабского мира как вторичное, ассимилирующее европейские художественные образцы.

Таким образом, результаты контент-анализа свидетельствуют, что 54% используемых лексических единиц указывают на популярность второго подхода, в рамках которого современная живопись ОАЭ рассматривается через призму сравнения с западным искусством и зависимости от него.

Метод представления современного арабского визуального искусства как ассимилирующего современные западные тенденции свидетельствует о том, что в науке до сих пор уделяется больше внимания именно этому объективному фактору развития искусства в арабском мире. Специалисты отмечают прямое влияние лингвистических форм на развитие современного образа арабского визуального искусства в научных англоязычных текстах, поскольку до сих пор евро-американские эстетические и культурные ценности позиционируются как универсальные для остальных локальных культур.

Художественные критики и кураторы должны принимать это во внимание, особенно ввиду существующей необходимости подчеркивать на дискурсивном уровне современную независимую национальную идентичность, на что и направлены постколониальные исследования.

Устоявшаяся модель репрезентации современной арабской живописи определяет и художественную практику в странах Персидского залива: проведение биеннале и выставок современного визуального искусства по образу и подобию западных стандартов, открытие филиалов западных музеев. На научную литературу в своей работе опираются и художественные критики, кураторы и искусствоведы: поскольку большинство из них получили свое образование в западных университетах, арабская модель критики строится на постулатах западной эстетики.

В заключение отметим, что развитие современного арабского визуального искусства, основанного на традициях и одновременно нацеленного на модернизацию,

как и его осмысление, невольно будет происходить с опорой на уже сформированный корпус терминов постколониальной теории.

В таком случае развитие и наращивание художественных инструментов в арабском визуальном искусстве неизбежно зависит от постколониального дискурса.

В свою очередь, постколониализм как научное знание обладает свойством бинарности, поскольку, с одной стороны, нацелен на освобождение от колониальной логики и возврат к национальным особенностям культуры, а с другой – усугубляет зависимость заимствованных на Западе инструментов для анализа и развития арабского искусства от научного дискурса, позиционирующего его как вторичное.

Примечания

[1] См.: Фанон Ф. Черная кожа, белые маски. М. : GARAGE, 2022; Саид Э. Ориентализм. М. : GARAGE, 2021; Саид Э. Культура и империализм : пер. с англ. / под ред. О.В. Ивановой. СПб. : ВладимирДаль, 2012; Bhabha H. Of mimicry and man: The ambivalence of colonial discourse // The MIT Press. 1984. № 28; Spivak G.C. Can the Subaltern Speak? // Marxism and the Interpretation of Culture / C. Nelson, L. Grossberg. Urbana, IL : University of Illinois Press, 1988; Чакрабарти Д. Провинциализируя Европу. М. : GARAGE, 2021.

Список источников

1. Щербак Н.Ф. Постколониальная литература: истоки, теории и проблемы (новая идентичность героя и автора постколоний) // Полилингвиальность и транскультурные практики. 2019. Т. 16, № 4. С. 515–527. doi: 10.22363/2618-897X-2019-16-4-515-527
2. Байдаров Е.У. Проблемы дихотомии Запад-Восток, Восток-Запад в глобалистике // Интерлос. 2007. № 4. URL: http://www.intelros.ru/readroom/credo_new/4_2007/1510-problemy_dikhotomii_zapadvostok_vostokzapad_v_globalistike.html
3. Гордон А.В. От Восток/Запад к глобальной историографии // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 9. Востоковедение и африканистика : реферативный журнал. 2020. № 4. С. 5–34. doi: 10.31249/rva/2020.04.01
4. Spivak G.C. Can the Subaltern Speak? // Marxism and the Interpretation of Culture / Nelson C., Grossberg L. Urbana, IL : University of Illinois Press, 1988. P. 66–111.
5. Веселова И.Ю. Постколониальная теория и ее влияние на современные историко-антропологические исследования Латинской Америки // Исторический журнал : научные исследования. 2021. № 4. С. 61–69.
6. Gray L. Contemporary Art and Global Identity in the Arabian Peninsula and Azerbaijan // Journal of Arabian Studies. 2017. Vol. 7, № 1. P. 65–83. doi: 10.1080/21534764.2017.1356034
7. Gu M.D. What is ‘decoloniality’? A postcolonial critique // Postcolonial Studies. 2020. Vol. 23, № 4. P. 596–600. doi: 10.1080/13688790.2020.1751432
8. Mohiuddin A. Islamophobia and Discursive Reconstruction of Religious Imagination in Europe // Journal of Muslim Minority Affairs. 2019. Vol. 39, № 2. P. 135–156. doi: 10.1080/13602004.2019.1625254
9. Campbell B. Contemporary Art of the Arabian Peninsula in a Globalized Art World : master thesis : Modern and Contemporary Art. Utrecht : Utrecht University, 2017. 86 p.
10. Shabout N. Modern Arab Art: Formation of Arab Aesthetics. Gainesville : University Press of Florida, 2015. 240 p.
11. Ozkaleli F.M., Ozkaleli U. De-worlding IR theory // Postcolonial Studies. 2021. Vol. 25, Is. 2. P. 192–209. doi: 10.1080/13688790.2021.1898729
12. Vieira M. The decolonial subject and the problem of non-Western authenticity // Postcolonial Studies. 2019. Vol. 22, Is. 2. P. 150–167. doi: 10.1080/13688790.2019.1608795
13. Ashcroft B., Griffiths G., Tiffin H. Post-colonial Studies. The Key Concepts: Second Edition. London ; New York : Routledge, 2007. 305 p.
14. Ali A. A Room for All: Communal Experiences as Art in the Middle East and North Africa // Third Text. 2019. Vol. 33, № 6. P. 709–726. doi: 10.1080/09528822.2019.1667612
15. Al-Zo’by M. Culture and the politics of sustainable development in the GCC: identity between heritage and globalization // Development in Practice. 2019. Vol. 29, № 5. P. 559–569. doi: 10.1080/09614524.2019.1602110
16. Beech A. Curatorial futures with the image: Overcoming scepticism and unbinding the relational // Journal of Visual Art Practice. 2010. Vol. 9, № 2. P. 139–151. doi: 10.1386/jvap.9.2.139_1
17. Cherem Y. The Absent Subversion, the Silent Transgression: The Voice and the Silence of the Body in Some Contemporary Iranian and Arab Artists // Journal of Art History. 2016. Vol. 85, № 4. P. 299–326. doi: 10.1080/00233609.2016.1170068
18. Derderian E. Authenticating an Emirati Art World: Claims of Tabula Rasa and Cultural Appropriation in the UAE // Journal of Arabian Studies. 2017. Vol. 7, № 1. P. 12–27. doi: 10.1080/21534764.2017.1352161
19. Edgar A. Contemporary Art and Contemporary Sport in the Arabian Peninsula // Sport, Ethics and Philosophy. 2020. Vol. 14, № 3. P. 339–354. doi: 10.1080/17511321.2019.1707270
20. Exell K. Utopian Ideals, Unknowable Futures, and the Art Museum in the Arabian Peninsula // Journal of Arabian Studies. 2017. Vol. 7, № 1. P. 49–64. doi: 10.1080/21534764.2017.1352163
21. Freer C., Kherfi Y. Narratives of nationalism in culture and heritage production of the Arabian Peninsula: bringing the state back in // Middle Eastern Studies. 2020. Vol. 56. № 6. P. 988–1004. doi: 10.1080/00263206.2020.1786369
22. Moghadam A. The staging of cultural diversity in Dubai: the case of Dubai Art Fair // Identities. 2021. Vol. 28, № 6. P. 717–733. doi: 10.1080/1070289X.2021.1933830
23. Mounajjed N. Reflections on Public Art in the Arabian Peninsula // Journal of Arabian Studies. 2017. Vol. 7, № 1. P. 84–98. doi: 10.1080/21534764.2017.1357362
24. Parikka J. Middle East and other futurisms: imaginary temporalities in contemporary art and visual culture // Culture, Theory and Critique. 2018. Vol. 59, № 1. P. 40–58. doi: 10.1080/14735784.2017.1410439
25. Picton O.J. Usage of the concept of culture and heritage in the United Arab Emirates – an analysis of Sharjah heritage area // Journal of Heritage Tourism. 2010. Vol. 5, № 1. P. 69–84. doi: 10.1080/17438730903469813
26. Slak Valek N. Art tourism: definitions, opportunities, and discussions based on a case study from Abu Dhabi // Journal of Tourism and Cultural Change. 2022. Vol. 20, № 1–2. P. 100–114. doi: 10.1080/14766825.2021.1962892
27. Sobha R. Mimicry and modernity in the Middle East: fashion invisibility and young women of the Arab Gulf // Consumption Markets & Culture. 2014. Vol. 17, № 4. P. 392–412. doi: 10.1080/10253866.2013.865166
28. Wakefield A. Contemporary Art and Migrant Identity “Construction” in the UAE and Qatar // Journal of Arabian Studies. 2017. Vol. 7, № 1. P. 99–111. doi: 10.1080/21534764.2017.1358427

References

1. Shcherbak, N.F. (2019) Post-colonial Theory and Literature: Sources and Problems of Development (A New Identity of a Post-colonial Subject and Author). *Polilingvial'nost' i transkul'turnye praktiki*. 16 (4). pp. 515–527. (In Russian). doi: 10.22363/2618-897X-2019-16-4-515-527
2. Baydarov, E.U. (2007) Problemy dikhotomii Zapad-Vostok, Vostok-Zapad v globalistike [Problems of the West-East, East-West Dichotomy in Globalistics]. *Interlos*. 4. [Online] Available from: http://www.intelros.ru/readroom/credo_new/4_2007/1510-problemy_dikhotomii_zapadvostok_vostokzapad_v_globalistike.html

3. Gordon, A.V. (2020) Ot Vostok/Zapad k global'noy istoriografii [From East/West to Global Historiography]. *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Ser. 9. Vostokovedenie i afrikanistika : referativnyy zhurnal*. 4. pp. 5–34. doi: 10.31249/rva/2020.04.01
4. Spivak, G.C. (1988) Can the Subaltern Speak? In: Nelson, C. & Grossberg, L. (eds) *Marxism and the Interpretation of Culture.* Urbana, IL: University of Illinois Press. pp. 66–111.
5. Veselova, I.Yu. (2021) Postkolonial'naya teoriya i ee vliyanie na sovremennye istoriko-antropologicheskie issledovaniya Latinskoy Ameriki [Post-colonial Theory and Its Influence on Modern Historical and Anthropological Research of Latin America]. *Istoricheskiy zhurnal : nauchnye issledovaniya*. 4. pp. 61–69.
6. Gray, L. (2017) Contemporary Art and Global Identity in the Arabian Peninsula and Azerbaijan. *Journal of Arabian Studies*. 7 (1). pp. 65–83. doi: 10.1080/21534764.2017.1356034
7. Gu, M.D. (2020) What is 'decoloniality"? A postcolonial critique. *Postcolonial Studies*. 23 (4). pp. 596–600. doi: 10.1080/13688790.2020.1751432
8. Mohiuddin, A. (2019) Islamophobia and Discursive Reconstruction of Religious Imagination in Europe. *Journal of Muslim Minority Affairs*. 39 (2). pp. 135–156. doi: 10.1080/13602004.2019.1625254
9. Campbell, B. (2017) *Contemporary Art of the Arabian Peninsula in a Globalized Art World.* Master thesis: Modern and Contemporary Art. Utrecht: Utrecht University.
10. Shabout, N. (2015) *Modern Arab Art: Formation of Arab Aesthetics*. Gainesville: University Press of Florida.
11. Ozkaleli, F.M. & Ozkaleli, U. (2021) De-worlding IR theory. *Postcolonial Studies*. 25 (2). pp. 192–209. doi: 10.1080/13688790.2021.1898729
12. Vieira, M. (2019) The decolonial subject and the problem of non-Western authenticity. *Postcolonial Studies*. 22 (2). pp. 150–167. doi: 10.1080/13688790.2019.1608795
13. Ashcroft, B., Griffiths, G. & Tiffin, H. (2007) *Post-colonial Studies. The Key Concepts.* Second Edition. London; New York: Routledge.
14. Ali, A. (2019) A Room for All: Communal Experiences as Art in the Middle East and North Africa. *Third Text*. 33 (6). pp. 709–726. doi: 10.1080/09528822.2019.1667612
15. Al-Zo'by, M. (2019) Culture and the politics of sustainable development in the GCC: identity between heritage and globalization. *Development in Practice*. 29 (5). pp. 559–569. doi: 10.1080/09614524.2019.1602110
16. Beech, A. (2010) Curatorial futures with the image: Overcoming scepticism and unbinding the relational. *Journal of Visual Art Practice*. 9 (2). pp. 139–151. doi: 10.1386/jvap.9.2.139_1
17. Cherem, Y. (2016) The Absent Subversion, the Silent Transgression: The Voice and the Silence of the Body in Some Contemporary Iranian and Arab Artists. *Journal of Art History*. 85 (4). pp. 299–326. doi: 10.1080/00233609.2016.1170068
18. Derderian, E. (2017) Authenticating an Emirati Art World: Claims of Tabula Rasa and Cultural Appropriation in the UAE. *Journal of Arabian Studies*. 7 (1). pp. 12–27. doi: 10.1080/21534764.2017.1352161
19. Edgar, A. (2020) Contemporary Art and Contemporary Sport in the Arabian Peninsula. *Sport, Ethics and Philosophy*. 14 (3). pp. 339–354. doi: 10.1080/17511321.2019.1707270
20. Exell, K. (2017) Utopian Ideals, Unknowable Futures, and the Art Museum in the Arabian Peninsula. *Journal of Arabian Studies*. 7 (1). pp. 49–64. doi: 10.1080/21534764.2017.1352163
21. Freer, C. & Kherfi, Y. (2020) Narratives of nationalism in culture and heritage production of the Arabian Peninsula: bringing the state back in. *Middle Eastern Studies*. 56 (6). pp. 988–1004. doi: 10.1080/00263206.2020.1786369
22. Moghadam, A. (2021) The staging of cultural diversity in Dubai: the case of Dubai Art Fair. *Identities.* 28 (6). pp. 717–733. doi: 10.1080/1070289X.2021.1933830
23. Mounajjed, N. (2017) Reflections on Public Art in the Arabian Peninsula. *Journal of Arabian Studies*. 7 (1). pp. 84–98. doi: 10.1080/21534764.2017.1357362
24. Parikka, J. (2018) Middle East and other futurisms: imaginary temporalities in contemporary art and visual culture. *Culture, Theory and Critique*. 59 (1). pp. 40–58. doi: 10.1080/14735784.2017.1410439
25. Picton, O.J. (2010) Usage of the concept of culture and heritage in the United Arab Emirates – an analysis of Sharjah heritage area. *Journal of Heritage Tourism*. 5 (1). pp. 69–84. doi: 10.1080/17438730903469813
26. Slak Valek, N. (2022) Art tourism: definitions, opportunities, and discussions based on a case study from Abu Dhabi. *Journal of Tourism and Cultural Change*. 20 (1–2). pp. 100–114. doi: 10.1080/14766825.2021.1962892
27. Sobha, R. (2014) Mimicry and modernity in the Middle East: fashion invisibility and young women of the Arab Gulf. *Consumption Markets & Culture*. 17 (4). pp. 392–412. doi: 10.1080/10253866.2013.865166
28. Wakefield, A. (2017) Contemporary Art and Migrant Identity "Construction" in the UAE and Qatar. *Journal of Arabian Studies.* 7 (1). pp. 99–111. doi: 10.1080/21534764.2017.1358427

Информация об авторах:

Отургашева Н.В. – канд. филол. наук, доцент кафедры международных отношений и гуманитарного сотрудничества Сибирского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Новосибирск, Россия). E-mail: oturgasheva-nv@ranepa.ru

Ходжаян А.А. – стажер кафедры международных отношений и гуманитарного сотрудничества Сибирского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Новосибирск, Россия). E-mail: nat2002kh@gmail.com

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

N.V. Oturgasheva, Cand. Sci. (Philology), associate professor, Siberian Institute of Management – branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: oturgasheva-nv@ranepa.ru

A.A. Khodzhayan, intern, Siberian Institute of Management – branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: nat2002kh@gmail.com

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 13.04.2024;
одобрена после рецензирования 17.09.2024; принята к публикации 30.09.2024.

The article was submitted 13.04.2024;
approved after reviewing 17.09.2024; accepted for publication 30.09.2024.

СОЦИОЛОГИЯ И ПОЛИТОЛОГИЯ

Научная статья
УДК 321
doi: 10.17223/15617793/506/8

Модели взаимодействия некоммерческих и общественных организаций и государства в период СССР

Ольга Юрьевна Постникова[1]

[1] *Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина, Рязань, Россия, olga.yu.post@mail.ru*

Аннотация. Анализируются модели взаимодействия государства, некоммерческих организаций, общественных объединений в советский период. Делается вывод о том, что преобладающей моделью стало доминирование государства над этими организациями. Предпринимались попытки общественных организаций и органов власти, движимых идеями создания системы самоуправления, выстроить партнерские отношения. В конце 1980-х гг. появились предпосылки для создания независимых некоммерческих организаций.
Ключевые слова: общественные объединения, некоммерческие организации, государство, модели взаимодействия, государственная поддержка

Для цитирования: Постникова О.Ю. Модели взаимодействия некоммерческих и общественных организаций и государства в период СССР // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 506. С. 64–70. doi: 10.17223/15617793/506/8

Original article
doi: 10.17223/15617793/506/8

Models of interaction between non-profit and public organizations and the state during the USSR period

Olga Yu. Postnikova[1]

[1] *Ryazan State University named for S.A. Yesenin, Ryazan, Russian Federation, olga.yu.post@mail.ru*

Abstract. The aim of this article is to consistently study the models of interaction between the state and non-profit organizations and public associations in the Soviet period in order to determine on this basis the most relevant model of modern interaction between these organizations, the state and society. The sources of the research were the legislative framework in the field of activities of public and non-profit organizations (from 1922 to 1991), publications by leading scientists. The following research methods were chosen as the leading ones: analysis of literature and sources, comparative analysis, comparative institutional analysis, systems analysis. Public and non-profit organizations in the USSR were heterogeneous. These are party forms, state organizations with a pronounced ideological orientation (for example, the Komsomol, the Committee of Soviet Women, the Soviet Peace Foundation, etc.), state organizations that assist in solving urgent social problems of the country (the rescue society on the waters, donor organizations, etc.), trade unions, military-patriotic organizations, autonomous non-profit organizations. Based on the available scientific approaches, three models of interaction between government authorities and public and non-profit organizations can be specified: 1. The model of state dominance over public and non-profit organizations. State domination over public and non-profit organizations can be distinguished as the predominant model of relations between authorities and similar organizations in the Soviet years. 2. The model of partnership between the state and public and non-profit organizations. Partnership between public organizations and the state can be considered as the transfer of certain functions of local self-government to public organizations, as their full-fledged work in areas involving social support or encouragement of civic initiative. In the author's opinion, such a model represents the potential for modern relations between the state and public and non-profit organizations. 3. The model of attempts by public and non-profit organizations to build independent relations with the state. It presupposes the desire for independence of non-profit and public organizations, and could be implemented only during the years of perestroika in connection with the reform of the country.
Keywords: public associations, non-profit organizations, state, models of interaction, state support, cooperation

For citation: Postnikova, O.Yu. (2024) Models of interaction between non-profit and public organizations and the state during the USSR period. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 506. pp. 64–70. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/506/8

© Постникова О.Ю., 2024

Ни у кого не вызывает сомнений, что для успешного осуществления своих функций современному государству нужно опираться на различные структуры гражданского общества. В их число входят многочисленные общественные и некоммерческие организации разных типов. Актуальной проблемой становится понимание того, как складывался процесс взаимодействия органов государственного управления и данных организаций в исторической ретроспективе и как можно помочь его эффективному развитию в современный период. Для этого важно обратиться к истории взаимоотношений органов государственного управления и данных объединений в течение советского времени. Это поможет определить, в каком формате некоммерческие и общественные организации и органы государственного управления взаимодействовали ранее и нужно ли в настоящий период изменять эти форматы.

Таким образом, целью настоящей статьи стало последовательное изучение моделей взаимодействия государства и некоммерческих организаций и общественных объединений в советский период для определения на этой основе наиболее актуальный модели современного взаимодействия данных организаций, государства и общества.

Научная новизна исследования состоит в выделении трех моделей взаимодействия государства и некоммерческих и общественных организаций в советский период и определения на этой основе контуров будущего взаимодействия этих институтов. Теоретико-методологическими основаниями исследования явились идеи отечественных ученых С.А. Авакьяна, Л.Ю. Бугрова, И.Н. Ильиной, О.В. Ищенко, К.М. Карпуна, Н.С. Нижника, Л.А. Нудненко, И.С. Самсоновой, Р.А. Сорокиной, С.Я. Щебровой, С.С. Юрьева, А.В. Якуба, Ц.А. Ямпольской, занимающихся анализом истории общественных организаций в СССР.

Исследование базировалось на двух видах материалов: документах официального происхождения (постановления органов государственной власти, материалы съездов партии, уставы общественных организаций и др.), статистических материалах, которые публиковались в печати. В качестве ведущих были выбраны следующие методы исследования: анализ литературы и источников, сравнительно-сопоставительный анализ, сопоставительно-институциональный анализ, системный анализ.

Как известно, в нашей стране тесные взаимоотношения органов власти и общественных объединений складывались в течение длительного времени и прошли в своей эволюции несколько этапов. Исходя из этого, можно говорить о том, что в первой половине XX столетия были созданы определенные модели взаимодействия государства и некоммерческих и общественных организаций, которые исходили из принципа доминирования-подчинения, попытки выстроить партнерские отношения между субъектами взаимодействия и даже стремления общественных и некоммерческих организаций к независимости от государства (что можно наблюдать в годы перестройки в конце 1980-х гг.).

Изучение вопросов взаимодействия государства и некоммерческих организаций и общественных объединений в советский период в трудах исследователей предполагает исследование организационно-правового состояния и функционирования общественных организаций на территории СССР (работы К.М. Карпун, Р.А. Сорокина, И.С. Самсоновой и др.).

Существенный вклад в исследование общих проблем государственного регулирования деятельности общественных организаций и их внутриорганизационного устройства внесли Ц.А. Ямпольская и Л.Ю. Бугров. Названные авторы собрали воедино правовые акты, регулирующие статус общественных организаций в советский период, формы из взаимодействия с органами государственной власти. Они фиксировали практики взаимодействия государства и различного вида общественных организаций. Заслугой авторов стало выделение общественных организаций в качестве самостоятельного предмета исследования.

С.С. Юрьев, Н.С. Нижник, Л.А. Нудненко осмысливали новое положение общественных организаций в конце 1980-х гг. Авторы полагали, что новый этап взаимоотношений государства и этих организаций характеризовался тем, что вторые превращались в партнеров, расширялся круг их прав и возможностей для деятельности.

В трудах И.Н. Ильиной определялся процесс законодательного регулирования деятельности общественных организаций, анализировались первые декреты, положения об общественных организациях в СССР, правоприменительная практика.

Следовательно, наукой проделана большая работа по осмыслению особенностей взаимодействия государства и некоммерческих и общественных организаций в советский период. При этом данный вопрос требует дальнейшей разработки в плане определения моделей такого взаимодействия.

Прежде чем начать изучение данных моделей, следует обратить внимание на то, что изначально общественные и некоммерческие организации в СССР были неоднородны.

Рассмотрим несколько их типов:

1. Коммунистическая партия Советского Союза.

2. Государственные организации с ярко выраженной идеологической направленностью (например, Всесоюзный Ленинский Коммунистический Союз молодежи (ВЛКСМ), Всесоюзная пионерская организация, организация октябрят, Комитет советских женщин, Советский фонд мира и др.).

3. Государственные организации, которые оказывали содействие в решении актуальных социальных проблем страны (общество спасения на водах, донорские организации, массовые спортивные организации, добровольное общество автолюбителей, различные объединения, защищавшие природу, охранявшие памятники старины).

4. Профсоюзы, которые включали в себя и творческие союзы (Союз писателей РСФСР, Союз композиторов СССР, Союз художников РСФСР и т.д.).

5. Военно-патриотические организации (например, Добровольное общество содействия армии, авиации и

флоту (ДОСААФ), добровольное общество друзей химической обороны и промышленности (Доброхим СССР), общество содействия обороне, авиационному и химическому строительству (ОСОАВИАХИМ)).

6. Автономные некоммерческие организации (возникли относительно поздно, в годы перестройки с 1988 по 1991 г.; таковым, например, стал фонд «Ночлежка», помогающий бездомным гражданам, основанный в 1990 г.).

Исходя из имеющихся научных подходов, можно обосновать три модели взаимодействия органов власти и общественных и некоммерческих организаций: доминирование органов государственной власти над этими организациями, сотрудничество, проявляющее себя в попытке выстроить партнерские взаимоотношения, стремление общественных и некоммерческих организаций к независимой деятельности.

Последовательно рассмотрим модели взаимодействия некоммерческих и общественных организаций и государства в период СССР.

Модель доминирования государства над общественными и некоммерческими организациями

В целом данную модель можно назвать патерналистской. Государство не просто опекало общественные и некоммерческие организации, оказывая им всестороннюю поддержку, в том числе обеспечивая их работу с финансовой точки зрения, государство определяло цели и задачи их деятельности и строго контролировало ее результаты. Очевидно, доминирование государства предполагало его стремление подчинить общественные организации для решения актуальных для власти задач. Фактически при реализации подобной модели партийно-государственный аппарат использовал данные организации как дополнительные механизмы идеологического воспитания граждан, как часть политической системы страны.

В научной литературе, посвященной изучению советского периода, существует точка зрения, согласно которой, промежуток от 1922 по 1991 г. можно охарактеризовать как эпоху тоталитаризма, когда государство доминировало над институтами гражданского общества [1. С. 36].

В частности, К.М. Карпун, анализируя отношение государства к общественным организациям в советский период отмечает, что органами управления СССР они рассматривались как часть государственного механизма. Поэтому все прежние благотворительные организации Российской империи были ликвидированы декретами Совнаркома [2], вместо них были созданы общественные организации, которые можно отнести к типу «государственные организации, оказывающие содействие в решении актуальных социальных проблем страны» [2. С. 115]. Это Фонд обеспечения детей красноармейцев, Коллегия по охране материнства и младенчества, Исполнительный комитет увечных воинов, Комиссия для несовершеннолетних, Всероссийский комитет помощи голодающим, Общество бывших политкаторжан (созданное по личной инициативе бывшего каторжанина Ф.Э. Дзержинского [3]) и ряд других.

Также создавались новые государственные общественные организации с ярко выраженной идеологической направленностью, в первую очередь предназначенные для воспитания подрастающего поколения в духе коммунистических ценностей и морали ВЛКСМ, Всесоюзная пионерская организация (дата создания – 1922 г.), октябрятские организации и др.) Характерной чертой данных организаций стало осуществление идеологического контроля за процессом становления советской молодежи. Государство старательно стремилось искоренять прежнее религиозное мировоззрение, поэтому в 1925 г. был создан Союз воинствующих безбожников. В тот же период создавались военно-патриотические организации, целью которых стала подготовка подрастающего поколения к реализации задач по защите страны от внешних угроз (например, Военно-научное общество, созданное в 1920 г., позже преобразованное в ДОСААФ). Немаловажно, что деятельность данных организаций финансировалась из государственного бюджета [4].

Всесоюзный центральный совет профессиональных союзов был создан в 1918 г. и рассматривался как коллегиальный орган управления в новых условиях, призванный защищать права работников. Очень скоро этот совет стал рассматриваться как один из инструментов проведения государством социальной политики в рамках коммунистической идеологии. Деятельность профсоюзов регламентировалась актом «О сотрудничестве местных органов Советской власти с профсоюзами». Таким образом, профсоюзы рассматривались как еще одно средство контроля над работающими гражданами: членами профсоюзов были работники, студенты и даже пенсионеры. К 1980-м гг. численность членов профсоюза составляла около 110 млн человек [5. С. 205].

В 1932 г. в рамках этой модели были созданы различные творческие союзы, целью которых было объединить интеллигенцию и направить ее творческий потенциал в нужное государству русло. Члены таких союзов имели немало льгот от органов власти, но при этом они должны были подчинять свою творческую деятельность интересам правящей партии и господствующей идеологии [6. С. 8].

Подобная модель взаимодействия государства и общественных организаций в ранние годы советской власти была обусловлена несколькими причинами: во-первых, стремление утвердить в обществе новую идеологию, новый образ мысли и порядок жизни; во-вторых, реализация мер по выявлению «классово» чуждых советскому строю элементов, введение военной дисциплины в ряде областей деятельности, в-третьих, стремление государства доминировать в социальной сфере и в сфере культуры. В целом государство пыталось строго контролировать деятельность общественных организаций, видя в этом важную для себя функцию в решение актуальных задач строительства нового социалистического общества.

Отсюда возник процесс правового регулирования деятельности данных организаций. Первым документом стало Постановление Президиума ВЦИК РСФСР от 12 июня 1922 г. «О порядке созыва съездов и всероссийских совещаний различных союзов и объединений и о регистрации этих организаций». В этом документе особо указывалось, что подобные съезды не имеют право созываться без разрешения Народного комиссариата внутренних дел. Народный комиссариат был обязан регистрировать и другие добровольные общественные союзы и объединения. Далее были приняты следующие государственные акты: Постановления ЦИК и СНК СССР от 6 января 1930 г. «О порядке учреждения и ликвидации всесоюзных обществ и союзов, не преследующих цели извлечения прибыли», от 7 сентября 1932 г. «О порядке деятельности в пределах Союза ССР иностранных и международных добровольных обществ и союзов», постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 10 июля 1932 г. «Об утверждении Положения о добровольных обществах и союзах». Данные нормативные акты регулировали деятельность общественных объединений в СССР вплоть до 1990 г. Их чертами стали идеологизация, контроль государства над деятельностью общественных организаций, проявлявших себя в том, что для создания любого общественного добровольного объединения требовалось разрешение местных или центральных властей. И именно эти власти утверждали состав членов объединения [7. С. 45].

В «Положении о добровольных обществах и союзах (объединениях, клубах, ассоциациях, федерациях)», которое было утверждено в 1930 г., указывалось, что органы местной, региональной или всесоюзной власти могут контролировать деятельность добровольной общественной организации. В 1932 г. обязанность осуществлять регистрацию всероссийских организаций была возложена на наркоматы или приравненные к ним центральные учреждения РСФСР, Президиум ВЦИК [7. С. 45]. Таким образом, органы государственного контроля имели право создавать или ликвидировать общественные организации, определять состав их членов и руководства, содержание их работы в желательном для партии направлении.

Уже позже, в годы оттепели был создан новый тип объединений, такие организации назывались общественно-политическими. Это были Комитет молодежных организаций, Комитет советских женщин, Советский комитет солидарности стран Азии и Африки, Советский фонд мира, Союз советских обществ дружбы и культурной связи с зарубежными странами (ССОД и КС) и др. Все эти объединения были призваны оказывать влияние на зарубежную аудиторию, позиционируя СССР как демократическое государство с привлекательной социальной системой устройства. Их деятельность полностью контролировалась государством.

Следовательно, данная модель взаимодействия государства и общественных объединений предполагала превращение последних в квазигосударственные структуры, которые получали право от органов власти участвовать в разработке и реализации программ в области культуры, социальной жизни, здравоохранения, образования и пр. Имело место директивное регулирование их деятельности со стороны партийных органов.

Модель партнерства государства и общественных и некоммерческих организаций

Об этой модели взаимоотношений между органами государственной власти и общественными организациями можно говорить как не до конца реализованной в силу того, что органы государственного управления больше стремились к доминированию, а не партнерству. Но все-таки попытка выстраивания подобной модели существовала, и связана она была с периодом конца 1950-х гг. и начала 1960-х гг. в Советском государстве, который принято именовать оттепелью. В это время существенно возросла общественная активность в таких сферах, как культура и искусство. Появились самодеятельные театральные и литературные кружки, которые пытались найти свое место в сложной системе отношений между государством и общественными организациями. Это были небольшие добровольные организации, которые стремились к общественной активности. Отчасти такие организации выглядели как формы местного самоуправления. Их деятельность органами власти в целом поощрялась.

Например, в те годы создавались добровольные народные дружины, уличные комитеты, квартальные комитеты, общественные комиссии содействия милиции, родительские комитеты при школах. Появлялись добровольные сообщества, например, научные, профессиональные, спортивные, клубы любителей авторской песни, коммунарское движение, клубы туризма и т.д. [8]. Они поддерживали связь с партийно-государственной бюрократической системой, при этом стремились к выстраиванию партнерских взаимоотношений с нею.

Отметим также, что данные общества (например, Общество охраны памятников истории, Всероссийское добровольное общество любителей книги, Добровольное общество охраны природы и т.п.) существовали на основе самофинансирования, а это также позволяло им выстраивать с государством партнерские взаимоотношения [8]. Кроме того, эти общества в целом находились на периферии идеологического влияния органов государственной власти (в отличие, например, от общества «Знание», которое являлось более идеологизированным, потому что отвечало за важную сферу просвещения людей в духе коммунистической идеологии).

Немаловажно, что к данной модели взаимодействия с государством стремились и те общественные организации, которые возникли еще в царской России. В СССР они продолжили свое существование, приняв новый формат отношений между ними и государством. Например, это Общество для пособия нуждающимся литераторам и ученым, которое возникло еще в 1859 г. и было переименовано в советские годы в Литературный фонд, Всероссийское общество глухонемых и слепых, Российское общество Красного Креста, которое в 1925 г. получило новое название – «Союз обществ Красного Креста и Красного Полумесяца» [9. С. 686].

Из благотворительных организаций императорской России вышли Всесоюзное общество слепых, Всесоюзное общество глухих, Всесоюзное общество инвалидов. Особенностью этих организаций стало то, что их деятельность была направлена на помощь нуждающимся людям с инвалидностью, адаптацию их в социуме, поэтому их деятельность была менее идеологизированной. Исходя из этого, именно данным сообществам удавалось выстроить с органами государственной власти партнерские взаимоотношения. При этом число членов данных организаций было значительным. Так, Всесоюзное общество слепых в конце 1980-х гг. имело около 3,4 млн членов, в составе Всесоюзного общества глухих было около 1 млн человек (для сравнения: в современный период в состав данных обществ входит около 200 тыс. и 150 тыс. человек соответственно) [9. С. 686].

Заметим, однако, что партнерские отношения между государством и общественными организациями могут быть выделены не только в период оттепели. В СССР была сильна убежденность в том, что в обществе должна быть развита система самоуправления, поэтому общественные организации рассматривались как часть этой системы. Исходя из этого, государство стремилось передать им часть своих функций. Поэтому, например, еще 1933 г. решением органов власти профсоюзам была передана функция социального надзора за соблюдением трудового законодательства, а также законодательства об охране труда и техники безопасности (до этого за эти функции отвечал Наркомат труда СССР, ликвидированный в тот период). В годы правления Н.С. Хрущева была принята третья Программа КПСС, которая опиралась на идею передачи части функций государства общественным организациям. Поэтому в 1955 г. ДОСААФ была отдана функция охраны жизни людей на водоемах, что раньше входило в ведение органов власти. В 1957 г. Всероссийскому обществу «Знание» было передано право руководить лекционной пропагандой (что ранее находилось в ведении Министерства культуры СССР). В 1956 г. в ведение профсоюзов было передано санаторно-курортное дело, а еще через 4 года (в 1960 г.) –туризм и экскурсионная работа [9. С. 688].

В связи с этим также можно говорить о попытке выстраивания партнерских отношений между органами государственной власти и общественными организациями.

Именно это было прописано в советской Конституции 1977 г. В частности, в статье 7 говорилось о роли общественных организаций: «Общественные организации в соответствии со своими уставными задачами участвуют в управлении государственными и общественными делами, в решении политических, хозяйственных и социально-культурных вопросов» [9. С. 688]. В статье 47 указывалось, что «государство оказывает поддержку добровольным обществам и творческим союзам» [9. С. 688].

Следовательно, уже в Основном законе страны тех лет намечался курс на использование не модели доминирования, а партнерского взаимодействия.

В частности, о попытке выстраивания такого взаимодействия пишет в своих работах Ц.А. Ямпольская, выделяющая следующие формы:

1) сотрудничество, возникающее при формировании государственных органов и руководящих органов общественных организаций;

2) государственно-общественные (общественно-государственные) органы;

3) сотрудничество в процессе правотворчества и внутриорганизационного нормотворчества: законодательная инициатива; внесение предложений о принятии постановлений правительства и правовых актов других нормативно-правовых актов; совместное с государственными органами издание правовых актов; самостоятельное при определенных условиях создание общественными организациями правовых актов;

4) договоры (соглашения) между государственными органами и общественными организациями;

5) сотрудничество общественных организаций и государственных органов, осуществляемое через Отечественный фронт и Национальный фронт ГДР;

6) взаимодействие в виде взаимоконтроля;

7) юридическая характеристика взаимодействия [10. С. 217].

Ц.А. Ямпольская рассматривает разные виды сотрудничества государства и общественных организаций: от совместного нормотворчества до международного сотрудничества, что позволяет заключить, что такой процесс отличается широтой охвата.

Следовательно, партнерское взаимодействие общественных организаций и государства рассматривалось в целом как реализация через правоотношения взаимных прав и обязанностей его участников и как осуществление компетенции одного из субъектов отношения посредством компетенции другого.

Модель попытки общественных и некоммерческих организаций выстроить независимые отношения с государством

Отметим, что данная модель стала реализовывать себя только в конце перестройки, когда многие общественные организации стали стремиться к независимости от идеологических рамок, навязываемых органами государственной власти. Тогда же в стране появились первые некоммерческие организации. Основной формой их организации стали самодеятельные неформальные объединений людей, направлениями деятельности являлись экологическое, правозащитное, историко-просветительское, научно-культурное и регионально-патриотическое.

Укажем, что органы власти вплоть до конца перестройки не принимали никаких законодательных актов, которые способствовали бы появлению независимых общественных организаций как основы гражданского общества. Также эти органы власти не стремились к конкретным действиям поддержки народных инициатив по созданию таких организаций. Исходя из этого, в данный период, с одной стороны, наблюдался рост таких «неформальных» организаций, а с другой стороны, было заметно игнорирование их со стороны

партийно-бюрократического аппарата. Еще одной характерной чертой подобных объединений стала их политизированность – стремление обосновать другой политический путь для страны, потребность в активном участии в выборах, митингах и пр. То есть часть подобных организаций поддерживала альтернативный коммунистической идеологии «демократический выбор».

Заметим, что официальный статус в СССР некоммерческие организации получили относительно поздно, на законодательном уровне особенности их деятельности были обоснованы в статье 18 «Основы гражданского законодательства СССР» от 31 мая 1991 г. Данный законодательный акт признавал некоммерческие организации в качестве организаций, которые не извлекают прибыль в качестве основной цели своей деятельности [11. С. 67]. Но еще раньше, 9 октября 1990 г. появился закон «Об общественных объединениях», который определял новый порядок создания таких объединений; например, закон не предусматривал необходимости запроса у органов управления разрешения на создание такой организации. В целом процедура юридического оформления общественного объединения была упрощена. Статья 5 предусматривала государственною поддержку только детских и молодежных объединений [11. С. 68].

Отчасти эти законодательные трансформации были связаны с решением III Съезд народных депутатов СССР, принятым в 1990 г., когда была изменена статья 6 Конституции страны. В частности, было убрано положение, согласно которому КПСС является руководящей партией [1. С. 36]. Появилось право на политический плюрализм, что ослабило контроль партии за многими сферами, в том числе и за деятельностью общественных организаций.

Потребность в таких организациях, призванных решать вопросы благотворительности, филантропии и просветительства, в те годы была достаточно велика, так как в стране накопилось достаточно большое количество социальных проблем. При этом самих некоммерческих организаций было мало, всего их насчитывают около двух десятков [1. С. 36]. Их активный рост произошел уже после 1991 г., когда эти организации, стремящиеся к выстраиванию свободных отношений с государством, оказались чрезвычайно востребованными.

Таким образом, из вышесказанного можно сделать следующие выводы. Изучение особенностей взаимодействия государства, некоммерческих организаций и общественных объединений в советский период позволило заключить, что могут быть выделены три основные модели: модель доминирования государства над общественными и некоммерческими организациями, модель, предполагающая партнерские отношения, и модель, основанная на стремлении данных организаций к независимости.

Государственное доминирование над общественными и некоммерческими организациями может быть выделено как преобладающая модель взаимоотношений органов власти и подобных организаций в советские годы. Эта модель имела свои преимущества, например, органы государственной власти укрепляли материальную базу общественных организаций, стремились к развитию просветительства, формировали стимулы для активной работы данных организаций. Негативными проявлениями данной модели стал идеологический контроль, подавлявший инициативу, попытки замены качественных показателей количественными.

Партнерское взаимодействие общественных организаций и государства может рассматриваться как передача общественным организациям определенных функций местного самоуправления, как их полноценная работа в областях, предполагающих социальную поддержку или поощрение гражданской инициативы. Именно такая модель, на наш взгляд, представляет собой потенциал для современных взаимоотношений между государством и общественными и некоммерческими организациями.

Последняя модель, предполагающая стремление к независимости некоммерческих и общественных организаций, смогла реализовать себя только в годы перестройки в связи с реформированием страны.

Таким образом, выделенные модели взаимодействия органов государственной власти и общественных и некоммерческих организаций в советский период позволяют не только определить ведущую модель, но и изучить предпосылки особенностей взаимодействия данных структур в условиях современной российской публичной политики.

Список источников

1. Авакьян С.А. Политический плюрализм и общественные объединения в Российской Федерации: конституционно-правовые основы. М. : Рос. юрид. изд. дом, 1996. 359 с.
2. Карпун К.М. Правовое регулирование и практика деятельности отечественных некоммерческих организаций в социалистический период // Актуальные проблемы российского права. 2009. № 3. С. 113–123.
3. Всесоюзное общество политкаторжан и ссыльнопереселенцев. 1921–1935. М. : Общество «Мемориал», 2004.
4. Ильина И.Н. Общественные организации России в 1920-е годы. М. : РАН, 2000. 215 с.
5. Самсонова И.С. Механизмы культурно-образовательного взаимодействия СССР с зарубежными странами в 1960–1980-е годы // Самарский научный вестник. 2023. Т. 12, № 1. С. 198–206.
6. Нижник Н.С., Нудненко Л.А. Советское государство и общество: основные направления взаимодействия // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. 2022. Т. 8, № 4. С. 384–394.
7. Бугров Л.Ю. Развитие законодательства о советских профсоюзах: расширение прав и свобод // Правоведение. 1987. № 5. С. 45.
8. Уставы добровольных обществ. М. : Юрид. лит., 1986. 94 с.
9. Сорокина Р.А. Общественные организации СССР // Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (к 100-летию образования СССР) : материалы XIX международной научно-теоретической конференции. В 2-х частя / под ред. Н.С. Нижник; сост. Н.С. Нижник, Е.Н. Козинникова. СПб., 2022. С. 685–689.
10. Ямпольская Ц.А. Общественные организации в политической системе аспекты взаимодействия с партией, государственными органами, трудовыми коллективами: монография. М. : Наука, 1984. 272 с.
11. Юрьев С.С. Правовой статус общественных объединений. М. : Инженер, 1996. 219 с.

References

1. Avak'yan, S.A. (1996) *Politicheskiy plyuralizm i obshchestvennye ob"edineniya v Rossiyskoy Federatsii: konstitutsionno-pravovye osnovy* [Political pluralism and public associations in the Russian Federation: constitutional and legal foundations]. Moscow: Ros. yurid. izd. dom.
2. Karpun, K.M. (2009) Pravovoe regulirovanie i praktika deyatel'nosti otechestvennykh nekommercheskikh organizatsiy v sotsialisticheskiy period [Legal regulation and practice of domestic non-profit organizations in the socialist period]. *Aktual'nye problemy rossiyskogo prava*. 3. pp. 113–123.
3. Memorial. (2004) *Vsesoyuznoe obshchestvo politkatorzhan i ssyl'nopereselentsev. 1921–1935* [All-Union Society of Political Prisoners and Exiled Settlers. 1921–1935]. Moscow: Obshchestvo "Memorial".
4. Il'ina, I.N. (2000) *Obshchestvennye organizatsii Rossii v 1920-e gody* [Public organizations of Russia in the 1920s]. Moscow: RAS.
5. Samsonova, I.S. (2023) Mekhanizmy kul'turno-obrazovatel'nogo vzaimodeystviya SSSR s zarubezhnymi stranami v 1960–1980-e gody [Mechanisms of cultural and educational interaction of the USSR with foreign countries in the 1960s–1980s]. *Samarskiy nauchnyy vestnik.* 12 (1). pp. 198–206.
6. Nizhnik, N.S. & Nudnenko, L.A. (2022) Sovetskoe gosudarstvo i obshchestvo: osnovnye napravleniya vzaimodeystviya [Soviet state and society: main areas of interaction]. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Yuridicheskie nauki*. 8 (4). pp. 384–394.
7. Bugrov, L.Yu. (1987) Razvitie zakonodatel'stva o sovetskikh profsoyuzakh: rasshirenie prav i svobod [Development of legislation on Soviet trade unions: expansion of rights and freedoms]. *Pravovedenie*. 5. p. 45.
8. Yuridicheskaya Literatura. (1986) *Ustavy dobrovol'nykh obshchestv* [Charters of voluntary societies]. Moscow: Yuridicheskaya literatura.
9. Sorokina, R.A. (2022) [Public organizations of the USSR]. *Gosudarstvo i pravo: evolyutsiya, sovremennoe sostoyanie, perspektivy razvitiya (k 100-letiyu obrazovaniya SSSR)* [State and Law: Evolution, Current State, Development Prospects (for the 100th Anniversary of the USSR)]. Proceedings of the XIX International Conference. In 2 parts. St. Petersburg. pp. 685–689. (In Russian).
10. Yampol'skaya, Ts.A. (1984) *Obshchestvennye organizatsii v politicheskoy sisteme aspekty vzaimodeystviya s partiey, gosudarstvennymi organami, trudovymi kollektivami* [Public organizations in the political system: aspects of interaction with the party, government agencies, and work collectives]. Moscow: Nauka.
11. Yur'ev, S.S. (1996) *Pravovoy status obshchestvennykh ob"edineniy* [Legal status of public associations]. Moscow: Inzhener.

Информация об авторе:
Постникова О.Ю. – аспирант кафедры политологии и обществознания Института истории, философии и политических наук Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина (Рязань, Россия). E-mail: olga.yu.post@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:
O.Yu. Postnikova, postgraduate student, Ryazan State University named for S.A. Yesenin (Ryazan, Russian Federation). E-mail: olga.yu.post@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 07.03.2024;
одобрена после рецензирования 19.09.2024; принята к публикации 30.09.2024.

The article was submitted 07.03.2024;
approved after reviewing 19.09.2024; accepted for publication 30.09.2024.

ИСТОРИЯ

Научная статья
УДК 94(571.51/52).082/.083+[37.014.521:371.12])
doi: 10.17223/15617793/506/9

Проблемы формирования духовного образования в Приенисейской Сибири в XVIII–XIX вв.

Валентина Нестеровна Асочакова[1], Надежда Яковлевна Артамонова[2]

[1, 2] Хакасский государственный университет имени Н.Ф. Катанова, Абакан, Россия
[1] asocvn@mail.ru
[2] lazal1918@yandex.ru

Аннотация. Выявляются особенности формирования системы духовного образования в Приенисейской Сибири. В основе исследования – сведения, содержавшиеся в ставленнических делах духовенства, отчетах о Красноярской латинской школе, Енисейском приходском училище, делопроизводственной документации благочиний, публикациях в периодической печати. Анализ информации позволил выявить проблемы формирования духовного образования, состав учителей, количество учащихся и выпускников, особенности учебных программ.
Ключевые слова: Русская православная церковь, Енисейская епархия, Хакасско-Минусинский край, социально-культурная деятельность, духовное образование

Источник финансирования: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда проект № 23-28-10111, https://rscf.ru/project/23-28-10111/ при паритетной финансовой поддержке Правительства Республики Хакасия.

Для цитирования: Асочакова В.Н., Артамонова Н.Я. Проблемы формирования духовного образования в Приенисейской Сибири в XVIII–XIX вв. // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 506. С. 71–81. doi: 10.17223/15617793/506/9

Original article
doi: 10.17223/15617793/506/9

Problems of the formation of spiritual education in Yenisei Siberia in the 18th–19th centuries

Valentina N. Asochakova[1], Nadezhda Ya. Artamonova[2]

[1, 2] Katanov Khakass State University, Abakan, Russian Federation
[1] asocvn@mail.ru
[2] lazal1918@yandex.ru

Abstract. The aim of the article is to identify the problems of the formation of spiritual education in Yenisei Siberia in the 18th–19th centuries. The sources of the research are published reports, audit materials, statements, and unpublished office documents of the Russian Orthodox Church. Historical-typological and historical-comparative methods made it possible to identify the differences in the system of spiritual education in the European part of Russia and Siberia, and to trace the evolution of the system over two centuries. The policy of the church and state in relation to the clergy, the system of spiritual education in Russia, and reforms in the 18th–19th centuries are characterized. Monasteries played a major role in the development of spiritual education in Siberia. In the 1720s and 1730s, schools were founded in Irkutsk, Verkhoturye, Yenisei, Tomsk, Yakutsk, Rafailovsky, and Turukhansk monasteries. In the 18th and 19th centuries, lower theological educational institutions appeared in Tomsk, Tobolsk, Yakutsk, Yeniseysk, and Krasnoyarsk. In 1864, at the Yenisei Nativity of Christ Convent, a school for orphans of the clergy was opened. The children of the clergy of the Yenisei region studied at the Tobolsk Theological Seminary, the Tomsk Theological School, the Krasnoyarsk Latin School, the Yenisei Theological School, and, from 1856, at the Krasnoyarsk Theological School. An analysis of the activities of the Latin and Russian schools in Krasnoyarsk and the two-class Russian school in Yeniseisk made it possible to identify problems of spiritual education in Yenisei Siberia. In Krasnoyarsk, the Latin school operated in 1761–1762 and from 1763 to 1769. In 1762, it was temporarily transferred to Yeniseisk. In 1763, the school was restored in Krasnoyarsk, and in 1769, it was closed. This led to the elimination of the unified system of training the white clergy in the eparchy; home schooling in Slavic-Russian literacy became mandatory. In 1779, a two-class Russian school opened in Yeniseisk, preparing children of the clergy for study at the Tobolsk Seminary. From 1780 to 1802, a Russian school operated intermittently in Krasnoyarsk. From 1780 to 1856, a school existed in the Yenisei Spassky Monastery. The formation of spiritual education in Yenisei Siberia varied in pace, forms, number of students and graduates. The literacy of the clergy in the region was lower than in the interior provinces. The reasons were the

© Асочакова В.Н., Артамонова Н.Я., 2024

discrepancy between the interests of the secular and church authorities in class politics, the traditionalism of the clergy's thinking contradicting the educational policy of the eparchy authorities, the insufficient provision of church clergy with personnel, the gap between training in schools and practical needs, the prevalence of homeschooling, and the majority of the clergy's children not being prepared for school. Therefore, the white clergy of European Russia acquired a specific socio-cultural image, distinguishing it from the nobility and peasantry. In turn, the clergy of Yenisei Siberia, in terms of lifestyle and mentality was close to the taxed strata of society until the middle of the 19th century.
Keywords: Russian Orthodox Church, Yenisei eparchy, Khakass-Minusinsk region, socio-cultural activities, spiritual education

Financial support: The research was supported by the Russian Science Foundation, Project No. 23-28-10111, https://rscf.ru/project/23-28-10111/, and equally by the Government of the Republic of Khakassia.

For citation: Asochakova, V.N. & Artamonova, N.Ya. (2024) Problems of the formation of spiritual education in Yenisei Siberia in the 18th–19th centuries. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 506. pp. 71–81. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/506/9

Современная историческая наука характеризуется активизацией интереса к различным проблемам истории Русской православной церкви (РПЦ). Расширилось проблемное поле исследований, тематика, методология, источниковая база, проводятся конференции различного уровня. Значительную активность в социокультурных процессах, направленных на сохранение традиционных духовных ценностей, проявляет и сама РПЦ. Безусловно, методы, принципы и методика деятельности РПЦ претерпели значительные изменения, о чем свидетельствуют «Основы социальной концепции Русской православной церкви», принятые Освященным архиерейским собором РПЦ в 2000 г. В документе изложены «базовые положения ее учения по вопросам церковно-государственных отношений и по ряду современных общественно-значимых проблем» [1].

В дореволюционной России церковь традиционно играла важнейшую роль в общественно-политической и культурной жизни населения, в том числе в процессе интеграции народов, населявших территорию Сибири в составе российского государства. Так называемое белое духовенство (немонашествующие христианские священнослужители и церковнослужители) при сохранении корпоративной общности отличалось тем не менее региональной спецификой. Этому способствовали природно-географические, социально-демографические особенности, уровень развития экономики, социальное и этническое окружение и, конечно, церковно-административное устройство.

На результаты, формы, методы, в целом характер деятельности приходского духовенства влияли такие факторы, как материальное обеспечение, территориальные и этносоциальные особенности приходов, уровень образования, профессиональная квалификация.

История РПЦ стала создаваться в XIX в. [2–5]. Одним из первых научных изданий во второй половине XIX в. стал многотомник митрополита Московского и Коломенского Макария, историка русской церкви. По сути, автор создал монументальный, насыщенный важными историческими источниками, труд [2]. В конце XIX – начале XX в. появились исследования, содержавшие значительный статистический материал о церковном просвещении в Восточной Сибири [6–8]. Данные региональной статистики конца XIX – начала XX в. ввели в научный оборот А.В. Адрианов, И.И. Серебренников, В.С. Арефьев и др. [9–11].

Особый интерес для исследователей данной проблемы представляют сочинения православного духовенства, поскольку они содержат не только сведения по региональной статистике, но также богатую фактографическую информацию, анализ различных сторон жизнедеятельности школ ведомства православного исповедания (ВПИ) на территории Енисейской епархии [12, 13].

После 1917 г. и вплоть до конца 1980-х гг. публикации по истории РПЦ содержали преимущественно негативные оценки деятельности всех типов дореволюционных школ и уровней образования [14–18]. Тем не менее в работах этих авторов представлен добротный и репрезентативный фактографический, статистический материал. По мнению большинства советских исследователей, учебные заведения РПЦ, как и вся система образования в дореволюционной Сибири, имели целью русификацию и христианизацию народов Сибири [14]. Кроме того, они отмечали реакционность и содержательную бедность школьных программ, низкую квалификацию педагогов, отсутствие учебников и письменных принадлежностей, притом не каждая школа имела помещение, которое соответствовало бы требованиям учебного заведения.

После 1991 г. отдельные аспекты социально-культурной деятельности РПЦ получили иное освещение в отечественной историографии. Исследователи отмечали существенный вклад духовенства в распространение грамотности, привитие культурных навыков, формирование сети народного образования, в целом «духовно-учительную» функцию РПЦ, рассматривали деятельность фонда им. Александра III в учреждении церковно-приходских школ [19–34]. Важной чертой современной историографии явились региональные исследования истории РПЦ [21–34].

Авторы данной статьи исследуют особенности и проблемы формирования духовного образования в Приенисейской Сибири в XVIII–XIX вв., его роль в профессиональной подготовке местного приходского духовенства.

На протяжении XVIII–XIX вв. политика имперского правительства в отношении духовенства была направлена (1) на повышение образовательного уровня священно- и церковнослужителей, (2) на контроль над их нравственным состоянием и поведением и (3) ограничение численности в соответствии со штатным расписанием и, как следствие, формирование закрытого сословия.

Система духовного образования в России начала формироваться в XVIII в. В 1709–1710 гг. в некоторых епархиях были учреждены греко-латинские школы, в 1711–1721 гг. в монастырях и при архиерейских домах – цифирные школы для обучения детей духовенства, дворян, приказных людей.

Толчок развитию духовного образования дал Духовный регламент. Для церкви было бы полезно, отмечалось в Регламенте, чтобы «всяк Епископ имел в доме, или при доме своем школу для детей священнических, или и прочих, в надежду священства определенных. А в школе той был бы учитель умный и честный, который бы детей учил не только чисто, ясно и точно в книгах честь (что хотя нужное, обаче еще недовольное дело), но учил бы честь и разуметь». Также отмечалось, «а который бы ученик был крайне туп или хотя, и остроумен, да развращен и упрям, и непобедимой лености, таковых бы по довольном искушении, отпускать от школы, отняв им всю надежду чина священнического» [35]. В 1722 г. вышел синодский Указ об обучении детей духовенства в архиерейских школах [36. Т. XXV, № 41026. С. 1792–1793]. Созданные в соответствии с Духовным регламентом школы были сословными учебными заведениями и вплоть до учреждения народных училищ в конце XVIII в. поставляли кадры в причты и для гражданских школ. На этот счет уже было издан несколько законов, и в рассматриваемом указе от 30 ноября 1722 г. даются ссылки на них (04.04.1722, 08.10.1722 и др.).

Система духовного образования включала несколько элементов. Во-первых, как отмечает красноярский историк Г.Ф. Быконя, в каждой епархии при архиерейских домах предполагалось организовать духовные школы для детей служащего духовенства, не записанного в подушный оклад [34]. Ученики содержались епархиями за счет сбора 1/20 доли с монастырских и 1/30 – с церковных земель. Но серьезным препятствием для обучения детей духовенства было то, что размеры содержания не зависели от количества учеников, в связи с чем в некоторых епархиях школы вообще не открывались. Во-вторых, сохранялось еще и домашнее обучение, несмотря на то что «Духовный регламент» признавал его недостаточным. В-третьих, предлагалась программа создания семинарий и духовных академий по типу старейших высших учебных заведений Киевской и Московской с обязательным обучением латыни. Греко-латинские (позже латинские) школы должны были готовить к службе низшее духовенство (дьячков и пономарей), восьмиклассные духовные семинарии – священнослужителей (священников и дьяконов), академии – епархиальное начальство и верхи монашества [34. С. 39–40]. К концу XVIII в. в Российской империи уже существовали 30 семинарий, 115 епархиальных училищ и три академии. Но, по мнению историка русской церкви, профессора Казанской духовной академии П.В. Знаменского, в России XVШ в. подготовка духовенства в приходах была на «элементарном уровне, на дому членами клира» [4. С. 4–5].

31 октября 1798 г. был издан первый Устав духовных академий [36. Т. XXV. № 18726. С. 426–431]. В рамках преобразований в первой четверти XIX в. была проведена реформа духовного образования. Императору Александру I в июне 1808 г. был представлен «Доклад об усовершенствовании духовных училищ: о начертании правил для образования сих училищ и составлении капитала на содержание духовенства, с приложением штатов духовных академий, семинарий, уездных и приходских училищ», обобщивший результаты работы Комитета об усовершенствовании духовных училищ [37]. Доклад, подготовленный статс-секретарем М.М. Сперанским, «был положен в основу законов 1808–1814 гг.» о реформе духовной школы, завершив тем самым формирование системы. Высокую оценку сочинению Сперанского дал П.В. Знаменский: «доклад представил собою такое новое и свежее по направлению, такое стройное, изумительное по широте и единству основного взгляда по силе его логического развития в частностях изложение предначертаний касательно постановки духовных школ, что подобная работа только и могла выйти из Комитета, где работал Сперанский» [37]. Каждый тип духовно-учебного заведения имел свой нормативный документ, т.е. устав. В 1817 г. было создано Министерство духовных дел и народного просвещения.

Система духовно-учебных заведений стала четырехступенчатой и включала следующие типы: приходские училища, уездные училища (для начального духовного образования), семинарии, дававшие среднее духовное образование и, наконец, духовные академии (высшая ступень духовного образования) [38]. Также были создано четыре учебных округа, во главе которых стояли духовные академии (Санкт-Петербургская, Московская, Киевская и Казанская), которые давали высшее богословское образование, и выпускники имели право преподавать в духовных учебных заведениях [38]. Все изучаемые предметы делились на богословские и общеобразовательные, т.е. во всех типах учебных заведений, помимо общепринятых, в программу обязательно входили богословские предметы [37].

Всесословные приходские духовные училища с двухлетним курсом открывались с целью распространения общего начального обучения на местах, изучали чтение на российском и славянском языках, чистописание, нотное пение, арифметику, основы российской грамматики, сокращенный катехизис. Духовные училища создавали в уездах, курс обучения был рассчитан на четыре года и предназначался для начального образования. Ежегодно проходило два рода испытаний учеников: внутренние и публичные. Уездные училища являлись сословными: для бесплатного обучения детей провинциальных церковнослужителей. Духовные семинарии давали среднее образование и готовили основную массу священнослужителей Российской империи, а также воспитанников для духовных академий. Программа шестилетнего курса состояла из словесных, исторических, математических, философских, богословских, языковых наук [37].

В 1840-х гг. в системе образования Российской империи появились заведения нового типа, были открыты училища для девиц духовного звания. Начало положило училище, открытое под покровительством

великой княжны Ольги Николаевны в 1843 г. в Царском Селе. В дальнейшем подобные учебные заведения были открыты во многих городах империи. В программу учебных заведений входили такие предметы, как русская грамматика, арифметика, чистописание, рисование, русская история и география, краткий курс всеобщей истории, Закон Божий, церковное пение [37]. Поначалу основная цель училищ состояла в том, чтобы подготовить жен для священнослужителей, воспитать новую женщину духовного сословия – «образованную матушку» [39. С. 25]. Но в начале 1870-х гг. в программу был включен новый предмет (педагогика), что давало выпускницам право работать домашними учительницами. В 1860 г. на средства духовенства были учреждены епархиальные женские училища с шестилетним сроком обучения. Важно отметить, что в них за особую плату принимались девицы других сословий. В 1876 г. в России уже было 33 епархиальных училища, в 1890 г. – 46, в 1896 гг. – 51, в 1899 г. – 53, в 1907 г. – 59 [39. С. 26].

В результате сословной и образовательной политики приходское духовенство в Европейской России приобрело социальный и культурный облик, отличающий его от других сословий, в то время как, например, приенисейское духовенство долгое время оставалось близким к тяглым слоям общества по образу жизни, менталитету. Объективной основой подобного явления был недостаток кадров в причтах, увеличение численности приходского духовенства, на наш взгляд, отставало от роста православного населения в Приенисейской Сибири. Известно, что первые священники были переведены из разных приходов Тобольской епархии, а происходили в основном из казаков, посадских и крестьян [40]. Прихожане, как и в XVII в., нередко выбирали их из своей среды, привносив за них подати до очередной переписи либо «вечно» [34. С. 56]. Жители же новых селений старались приглашать знакомых служителей.

У православного духовенства в отличие от католического был ограниченный целибат – только для монашествующего. Священнослужители рано вступали в брак, в 16–19 лет, поэтому у православного духовенства всегда был значительным естественный прирост, имелся достаточный внутрисословный резерв. Но в Приенисейской Сибири, например в Хакасско-Минусинском крае, доля приходского духовенства была почти в 1,5 раза меньше, чем в Европейской России. По нашим данным, динамика изменения его численности в течение полутора столетий выглядит следующим образом: в начале XVIII в. – 0,6% в структуре населения, в конце века – 0,83%, в 1861 г. – 0,7%. В некоторых приходах недостаток в причтах составлял от 30% (Изынжульская), до 66% (Ужурская), в большинстве приходов около 50% (Назаровская, Шарыповская, Подсосенская и др.) [41–45]. По этим данным можно судить, что проблема с кадрами духовенства в XIX в. не только не изменилась, но и ухудшилась по сравнению с XVIII в. [40]. Хотя в некоторых приходах Сибири, по мнению Д.Р. Оруджева, «была фактически решена проблема нехватки духовенства» [33. С. 140].

Формирование системы духовного образования в Сибири отличалось по темпам, формам, качественному составу учителей, количеству учащихся и выпускников. В формировании образовательного пространства большую роль играли монастыри. В 20–30-е гг. XVIII в. при Иркутском Вознесенском монастыре, Верхотурском Николаевском, Енисейском Спасском, Томском Алексеевском, Якутском Спасском монастыре, Рафаиловском, Туруханском Троицком монастыре и некоторых других монастырях были созданы школы [46. С. 428–429]. В первой четверти XVIII в. началась подготовка миссионеров из детей северных народностей в школах Верхотурского и Кондинского монастырей, в Тобольске и некоторых домах священников. Позднее такая работа проводилась в школах Туруханского Троицкого и Енисейского Спасского монастырей. В XVIII в. были созданы две семинарии: в Тобольске (1743) и Иркутске (1780), в XIX в. – Томске и Якутске (1858), в 1895 г. – Красноярске. Созданы были низшие духовные учебные заведения – Томское духовное училище (1746), Тобольское (1818), Якутское и Енисейское (1819), Красноярское (1884). Первые в Сибири женские училища были образованы в Томске, Тобольске, Омске, Красноярске, Чите [40].

Для подготовки к обучению в Тобольской семинарии при ней была создана русская школа. Специальный указ Тобольской духовной консистории предписывал всех детей духовенства с 7 лет направлять в эту школу, а с 10 и до 30 лет, не определенных в церковный причт, – освидетельствовать и определить в канцелярские служащие [47. Л. 221, 227]. Детей духовенства Красноярского заказа (77 чел.) разделили на три группы: годные для отправки в школу, на экзамен в Тобольск, признанные неспособными к церковной службе по состоянию здоровья. Но духовенство отдаленных приходов, не пожелав нести расходы на обучение детей в далеком Тобольске, настойчиво просило открыть латинскую школу в местном церковном заказе. Тем более что к 1744 г. Тобольскую архиерейскую школу преобразовали в духовную семинарию. Сословная политика светской и духовной властей на протяжении всего исследуемого периода ужесточалась, при посвящении в сан учитывались образование, происхождение, поведение, моральный облик ставленника, тяглые сословия таким образом отсеивались.

Проблемы формирования учреждений духовного образования наиболее ярко представлены в истории латинской школы в Красноярске. Латинская школа – низшее звено духовного образования – впервые была открыта в России в 1759 г. В Сибири к 1767 г. было открыто 15 латинских школ [27. С. 22], в том числе в 1761 г. в Красноярске. Это произошло почти на 30 лет раньше образования первой государственной общеобразовательной школы – малого народного училища (1790) [13. С. 13, 56]. Заказные латинские школы состояли из четырех низших классов семинарии: фара, инфима, грамматика и синтаксима. По окончании ученики должны были поступать в класс пиитики в семинарии [28. С. 22].

Сведения о латинской школе в Красноярске содержатся в отчетах иеромонаха Вениамина, учителя Тобольской семинарии, направленного с ревизией школ

Ишимского, Тарского, Томского, Барнаульского, Енисейского и Красноярского заказов, в ведомостях красноярского учителя Ивана Анисимова, а также в материалах второй ревизии, которую проводил префект Тобольской семинарии иеромонах Савватий.

Красноярская латинская школа действовала в 1761–1762 и 1763–1769 гг. В октябре 1760 г. красноярский заказчик Алексей Михайловский обратился в Тобольскую консисторию с прошением о создании в Красноярске латинской школы [48. Л. 216]. Разрешение было получено, красноярские иерархи купили большой дом, собрали списки детей, пригодных к обучению духовенства Красноярского, Мангазейского и Енисейского заказов. В школе было четыре класса, занятия вел один учитель, обязательно из духовных лиц. Для обучения набирали мальчиков 9–14 лет, знавших церковно-славянскую грамоту, для подготовки к поступлению в семинарию. Учащиеся изучали только латинский язык и заканчивали синтаксисом – по пять часов в день учили «альваровы регулы» – Пространная грамматика латинского языка Эм. Альвара (1526–1583), напечатанная для польских школ, а затем перешедшая в русско-латинские школы – и переводили с латинского [13]. Первым учителем был 21-летний Г.Ф. Скрябин, семинарист, дьякон Благовещенской церкви г. Тобольска. В ноябре 1760 г. он подал прошение митрополиту о переводе его дьяконом в соборную Преображенскую церковь г. Красноярска для обучения детей церковнослужителей Красноярского и Енисейского заказов [49. С. 275]. В начале 1761 г. Г. Ф. Скрябин прибыл в Красноярск.

О жизни молодого учителя в г. Красноярске известно из материалов «розыска» – следственного дела о написании сатирических стихов «епиграмм» на красноярского полицмейстера Кристенсона, о городе Красноярске. Кристенсон – первый в истории Красноярска полицмейстер, корыстный, заносчивый, мелочно-придирчивый датчанин, которого с понижением перевели в Илимск. Г. Скрябин о нем писал «Шелковистая глаткая плеш, что ты размышляешь?.. есть ли толк в твоем гнезде». Стихи учитель положил на музыку, и вместе с учениками распевал у себя дома. О Красноярске писал, «что город Красноярск неславен многим вить известно», отмечал, что «не жалеют пива, браги, ни вина», а «город весь стоит в песках» [49. С. 277–280]. За эти стихи красноярский заказчик Алексей Михайловский обвинил Скрябина в «посмеянии всего города».

Несмотря на то, что жалование учителям назначалось от 10 до 20 и более руб. в год в зависимости от доходов в заказах, полученное место учителя красноярской латинской школы не обеспечивало молодого человека средствами к существованию, он даже не мог уплатить 4 руб. 56 коп. – пошлину за рукоположение в дьяконы. Кроме того, начитанный, острый на язык, недавний тобольский семинарист не считал нужным подчиняться красноярскому заказчику. Михайловский писал доносы на Скрябина в Тобольск, обвиняя его в пропусках занятий, истязании учеников, нерадивом исполнении обязанностей дьякона соборной церкви. Все материалы «розыска», списки обеих «сатир» заказчик отправил в Тобольскую духовную консисторию. В 1763 г. Скрябина отрешили от должности учителя, перевели в Енисейск, где он недолго служил в созданной там латинской школе [49. С. 280–285].

Ведомственные ревизии на самом деле обнаружили Красноярскую школу в неудовлетворительном состоянии. В 1762 г. по ходатайству духовенства Туруханского края латинскую школу перевели в Енисейск. Епархиальные власти распорядились: дом продать, полученные деньги, все имущество, учебные принадлежности отправить в новую духовную школу. Из Енисейского духовного правления в Красноярск был командирован пономарь Василий Климовский, где, как выяснилось, что деньги издержали, никаких учебных принадлежностей, кроме «трех альваров» не осталось [50. С. 177]. Посланец уехал ни с чем, а Красноярское духовное правление ограничилось отправкой семи учеников в Енисейск. Учителем Енисейской латинской школы прислали Андрея Кудрина, назначив священником Енисейской Богородицкой церкви [34]. Однако его учительская деятельность не увенчалась успехом, и через полтора года А. Кудрина сменил известный Григорий Скрябин. Но в декабре 1764 г. Скрябин сумел определиться в расквартированный в Западной Сибири Вологодский пехотный полк, дальнейшая его судьба неизвестна [49. С. 280]. Еще в июле 1763 г. красноярские иерархи вновь обратились в Тобольскую духовную консисторию с прошением вернуть латинскую школу в Красноярск. В докладной они писали, что обучение и проживание в Енисейске слишком дорого обходятся родителям учеников: «постой, обшивание, обмывание в Красноярске не по 20 копеек в неделю, а по 15–18, в Енисейске – по 25–30». Кроме того, детям духовенства Красноярского заказа добираться до Енисейска дальше, чем «енисейцам в Красноярск» [49. С. 296–297].

21 октября 1763 г. указом Тобольской консистории латинская школа была восстановлена специально для детей приходского духовенства Красноярского заказа. Епархиальные власти собрали особые ведомости с обозначением всех детей, их возраста, «степени познания, независимо определен в причт или нет». Получив необходимые сведения, консистория предписала Красноярскому духовному правлению «священно-церковнослужительских детей, показанных по реестру определенными в причт, в свободное от церковного служения время в тамошней Красноярской латинской школе обучать непременно» [50. С. 180]. Таким образом, школа начала действовать в январе 1764 г., разместившись в прежнем здании, и просуществовала до 1769 г. В 1764 г. в ней числилось 22 ученика 7–14 лет, но реально учились всего 10 человек. Шесть человек были отпущены «под письменное заявление», в котором родители или родственники лично обещали научить писать, читать, петь по катехизису. Причины указаны – отпущен «в дом для платья», «по болезни до исцеления» [50. С. 175]. В 1766 г. из 29 человек фактически в школе присутствовали 17, остальные отпущены по заявлению на год, не явились из-за дальнего расстояния или не являлись около года. Сравнение с данными клировых ведомостей показало, что часть учеников уже была определены на причетнические места «за неимением других причетников». Последнее имело правовое основание в указе Тобольской духовной консистории

от 12 мая 1764 г., согласно которому дети священнослужителей зачислялись в пономари сверх штата с тем, чтобы они научились петь, читать, писать, выучили катехизис, после чего их посвящали в стихарь и зачисляли в штат [13. С. 131]. Префект Тобольской семинарии Савватий, отправленный из Тобольской духовной консистории для ревизии, нашел состояние школы крайне неудовлетворительным. Он писал, что учеников приписывали к школе, но половина из них так и не приступала к занятиям, они получали школьные билеты на две-три законные годовые отсрочки, потом на одну-две – незаконные, а затем, когда достигали совершеннолетия, заручались «приговором за рукоприкладством лучших людей прихода» (приходским выбором), справкой заказчика или учителя и ходатайствовали о посвящении в сан.

О качество подготовки юных ставленников, не учившихся в духовных заведениях, известно из ведомости. Григорий Григорьевич Евтихиев (15 лет), сын сухобузимского священника, Федор Иванович Евтихиев (13 лет), сын священника Устьянского села, были представлены в Тобольскую митрополию для определения в причт. Красноярский заказчик Михайловский выдал им свидетельство о том, что они умеют «читать и писать, устав церковный знают, поют наслышкою». Митрополит, проэкзаменовав ставленников, отметил, что «во всем неисправны», за что отцы были оштрафованы на 5 рублей каждый, заказчик – по 5 рублей за человека. Детей отдали родителям на обучение, с тем чтобы через год они явились повторно в Тобольскую консисторию на экзамен [48]. В целом за весь период существования красноярской латинской школы ни один ученик не поступил в Тобольскую семинарию.

Причины сложившейся ситуации были очевидны и самим учителям. Так, учитель латинской школы, священник о. Иван Анисимов, в прошении об отставке писал, что «из набранных еще к латинскому обучению, словяно-российской грамматике совершенно обученных грамматике никого не оказалось» [50].

Латинская школа в Красноярске имела характер сословного учебного заведения, поэтому в ней отсутствовало преподавание общеобразовательных предметов. Данное обстоятельство не способствовало привлечению в школу детей из других сословий. Усиленное преподавание латинского языка отталкивало и духовенство, так как в практической деятельности латинский язык был не нужен. Священники и церковнослужители считали пределом образования практическую подготовленность для достижения той или иной низшей должности в причте, поэтому уклонялись от отправки детей в школу. К тому же материальное и финансовое обеспечение школы и ее учеников было возложено на приходское духовенство, за этим строго наблюдало духовное правление.

Тобольский епископ Варлаам в 1769 г. докладывал Святейшему Синоду, что из всех латинских школ Тобольской епархии в семинарию поступали ученики только из семи: Екатеринбургской, Далматовской, Рафайловской, Тарской, Троицкой, Томской, Барнаульской. Из остальных не поступало ни одного человека [28. С. 23].

Тобольский митрополит Павел издал указ о закрытии всех латинских школ, но в Красноярском заказе она просуществовала до 1769 г.

Указ Тобольской духовной консистории от 20 мая 1769 г. фактически привел к ликвидации единой системы подготовки белого духовенства в епархии, сделав домашнее обучение славяно-российской грамоте обязательным. Книг для обучения в домашних условиях не хватало, даже в Тобольск их привозили из Московской типографской конторы. Резко сократилось число детей духовенства отдаленных провинциальных заказов, поступающих в Тобольскую семинарию.

Тобольские архиереи обязали духовенство подготовить детей до 10 лет к обучению в семинарии. Для того, чтобы контролировать домашнее обучение, в консистории ежегодно собирали «Ведомости о священно-церковнослужительских детях», с указанием возраста и степени грамотности. Если родители не проявляли усердия в подготовке, то их штрафовали: с протопопов брали 2 руб., со священников – 1 руб. 50 коп., с дьяконов – 1 руб., с дьячков и пономарей – по 50 коп. в месяц.

Перелом в отношении к специальному образованию наступил в связи с очередным разбором духовенства в 1769 г. В 1766 г. Сенат распорядился, чтобы во всех губерниях и провинциях губернаторы и воеводы «произвели разбор излишков священно- и церковнослужителей и их детей, годных 14–50 лет записали в военную службу» [36. Т. XXV. № 12586. С. 593–594]. В условиях русско-турецких войн 1768–1774, 1787–1991 гг. Святейшим Синодом было предписано всем духовным правлениям выслать именные ведомости о священноцерковнослужителях и их детях с точным указанием лет. Составление ведомостей затянулось на три года, только к началу 1769 г. все епархии, за исключением двух сибирских, предоставили сведения. В России было выявлено 12 626 сверхштатных священнослужителей.

В указе Тобольской консистории от 19 июля 1769 г. отмечалось, что «при посвящении в духовные чины остается большое число излишних не записавшихся никуда, не обучающихся в семинарии», поэтому «при нынешних военных обстоятельствах без отягощения народа в пользу отечества» провести разбор, по которому на военную службу предполагалось взять ¼ часть священноцерковнослужителей в возрасте 15–40 лет, всех недействительных служителей и беспоместных дьячков, пономарей, сторожей, а также не умеющих писать и читать; из тех, кто еще обучается – ½ часть [51]. Красноярское духовное правление составило требуемый документ только в 1772 г., указанные 75 священнослужителей не имели специального образования, из 99 детей до 20 лет – 51% учились в низших учебных заведения, 39% – не учились, 9% – обучались грамоте на дому. В ведомости отмечался уровень грамоты последних: «учат азбуке», «учит», «по нотам не умеет, поет наслышкою» [52].

В рамках губернской реформы (1775 г.) Екатерины II в 1779 г. в церковных заказах Сибири открылись двухклассные русские школы. Енисейская школа готовила детей духовенства к обучению в Тобольской семинарии, также при самой семинарии учредили русскую школу. Указ Тобольской духовной консистории

от 27 марта 1779 г. предписывал всех детей духовенства с 7 лет набрать в школы, а с 10 до 30 лет, не определенных в церковный причт, освидетельствовать для определения в канцелярские служащие. В Красноярском заказе оказалось 77 детей священноцерковнослужителей, в том числе 16 – из приходов Хакасско-Минусинского края. Этих детей духовное правление разделило их на три группы: для отправления в Енисейскую школу (12 чел.), для назначения к высылке в Тобольск к митрополиту для освидетельствования и посвящения в причт (3 чел.), признанные неспособными к церковной службе по состоянию здоровья (3 чел.) [47. Л. 221, 227].

Красноярцы выступали против отправки детей в Тобольск, родители назначенных к обучению детей дали письменное обязательство (25.04.1779) о том, что они отправят детей в русскую школу при Енисейском Спасском монастыре в течение месяца. Одновременно они обратились в Красноярское духовное правление с коллективным ходатайством следующего содержания: «…наши дети еще молодых лет, и в городе Енисейске, кто-б за ними призрение имел, родственников и знаемых, никого нет, то они от не призрения могут притить во всеконечное изнурение и потратица, а в городе Красноярске почти у каждого есть родственники, кои тех наших детей пищею довольствовать и надзирать за ними совершенно имеют… Мы же нижайшие и всего Красноярского заказа священно- и церковнослужители сверх сих изнеможений для обучения детей русскому диалекту, чтению и пению по ноте и писать и к тому еще обучать еще и арифметике» [13. С. 125]. Второй экземпляр они отправили в Тобольск, поэтому стали ждать резолюцию митрополита, а детей пока отправлять в школу не стали.

В 1780 г. русская школа в Красноярске была открыта, но уже через год временно прекратила обучение, так как из-за неурожаев приходское духовенство не могло содержать детей в городе. Школа просуществовала до 1795 г., занятия возобновились только 1 мая 1797 г., а в 1799 г. прекратились окончательно, так как школьное здание пришло в негодность, занятия проводились нерегулярно. Учитель школы, дьякон Полков, отказывался вести уроки. До 1802 г. школа влачила жалкое существование, а затем прекратила свою деятельность, предвосхитив тем самым указ от 18 марта 1803 г. «О порядке преподавания в духовных училищах учебных предметов» [36. Т. XXVII. № 20670, 20671. С. 501–504].

В Енисейском Спасском в монастыре с 1780 по 1856 г. существовало училище, в котором могли обучаться все сословия, с 1820 г. оно стало духовным, с 1823 г. – с бурсою, с 1827 г. – уездное с бурсою. Бурса была помещена в комнатах каменной пристройки около монастырской церкви. При открытии Енисейского духовного училища в 1820 г. разными лицами были сделаны значительные денежные пожертвования «на бедных учеников». Смотрителем училища был назначен архимандрит Ксенофонт, служивший в Туруханске настоятелем Троицкого монастыря, в 1820 г. его перевели в Енисейск. Первыми сотрудниками Ксенофонта в деле образования и воспитания духовного юношества были молодые преподаватели: Василий Климовский, преподававший во 2-м классе училища, и Иван Розанов [53. С. 103], преподававший в 1-м классе.

В истории Енисейского духовного училища выявились те же проблемы, что и в Красноярске. Неоднократные предписания духовного правления и благочинных об отправке детей в школы не достигали успехов. Священнослужители объясняли это тем, что местные условия не позволяли отправлять детей за тысячу верст, тяжело расставаться с детьми, причины «чесотка, опухоль, головоболение». Василий Климовский отмечал, что «узкие интересы родителей косвенно поддерживали и благочинные. Известно, что они представляли ведомости о детях несвоевременно. Нередко по неотступным просьбам родителей на причетнические и даже дьяконские места зачислялись малолетние дети, даже не учившиеся в школе». «Отсюда появляются 10-летние дьяки и пономари» [53. С. 98–104], – заключал В. Климовский.

За 1823–1824 гг. в училище из Красноярского заказа поступили всего два мальчика, в 1824 г. – из десяти записанных в ведомость не приехал ни один. По уставу в приходском училище должны были учиться дети 7–8 лет, но брали до 12 лет и старше. Программа была сокращенной. В первом классе изучали чтение на русском языке, славянское чистописание, нотное церковное пение. Во втором – сокращенный катехизис, основы русской грамматики и четыре правила арифметики. По окончании второго класса детей переводили в Тобольское духовное училище. Учителями были не только духовные, но и светские лица. Только в 1827 г. училище преобразовали в уездное духовное училище с низшим и высшим отделениями и пятью классами. Учителем с 1828 г. в низшем отделении стал местный протоиерей Михаил Белозеров. Школа и воспитанники находились в отдельных деревянных домах. Несмотря на общие скромные успехи, отдельные ученики успешно оканчивали потом семинарии и становились протоиереями и учителями [40]. Одним из выпускников Енисейского духовного училища был второй после Никодима епископ Енисейский и Красноярский Павел (Иван Петров).

В 1856 г. училище перевели в губернский Красноярск. Штат Красноярского духовного училища состоял из смотрителя, одновременно преподающего кандидата богословия Казанского университета, Ивана Петровича Тютюкова, инспектора – учителя студента Ивана Петровича Малина и учителей: третьего класса – студента Константина Ивановича Попова, четвёртого – Александра Ивановича Попова, пятого – Николая Алексеевича Алексеева и шестого – священника Дмитрия Федотовича Орлова. В 1861 г. там обучались 138 чел., в 1863 г. – 132, на следующий год – 138, а закончили обучение в 1863 г. – 19 чел. [34].

Иркутский Преосвященный Михаил (Бурдуков) в 1826 г. писал: «…являющиеся ко мне кандидаты – ставленники для посвящения в дьяконы и иереи, большей частью оказываются при испытании совсем неприготовленными к просимому сану, и только умеющими читать по книгам, но нечитавшими оных, кроме

часослова и псалтыри» [54. С. 850]. Сменивший его архиепископ Ириней в 1831 г. наложил резолюцию на рапорте ачинского благочинного Алексея Одинцова: «пишет почерком, доказывающим неуважение его к начальству… пишет без прилежания и внимания, а как попало» [55. С. 518]. И предложил меры для повышения грамотности духовенства: завести особые тетради для сбора данных о грамотности духовенства, старшему священнику проверять знания катехизиса, ноты, священную историю, чистописание, четыре правила арифметики. Успехи и неуспехи регулярно отмечать, а тетрадку показывать благочинному для проверки. Тем не менее в 1859 г. правление Иркутской семинарии, рассмотрев списки детей, поступающих для обучения, из 54 человек, отмечало, что только два человека подготовлено «удовлетворительно». Несмотря на снижение требований к поступающим, достаточно было знать чтение, письмо и «употребительнейшие молитвы» [55. С. 519].

В 1864 г. при Енисейском Христорождественском женском монастыре по распоряжению епархиального начальства было открыто училище для сирот девиц духовного звания [56].

С вхождением всего Приенисейского края в Томскую губернию с 1804 по 1822 г. дети приходского духовенства учились в Томском и Енисейском, с 1856 г. – в Красноярском духовных училищах. В Томской епархии в целом, как отмечалось в документах Святейшего Синода, «состояние просвещения священнослужителей вообще далеко уступает образованию духовенства внутренних губерний» [57. Л. 7–20].

С 1820-х гг. для повышения качества духовного образования и профессиональной подготовки духовенства были разработаны меры, направленные на сближение обучения в заведениях духовного ведомства с общегосударственной системой обучения чиновников: содержание за казенный счет, установление окладов преподавателям, изучение языков коренных народов Сибири.

Постепенно доля служителей причтов, обучающихся в духовных учебных заведениях, возрастала. В приходах Хакасско-Минусинского края в конце первой четверти XIX в. она составляла 25%, в 1861 г – 70,5% [58–65]. В Енисейской губернии в конце XIX в. доля грамотных в среде местного духовного сословия составляла более 71% [66].

Единая система духовного образования в Российской империи оформилась к середине XIX в.: четыре духовных академии (383 студента), 47 духовных семинарий (16 702 слушателя), 182 училища (24 737 учеников). Особое внимание обращалось на подготовку сельских священников, поэтому в некоторых семинариях преподавали основы агрономии, медицинских знаний, чтобы расширить «зону доверия» крестьян к служителям культа [16. С. 335].

В 1863 г. был разработан проект реформы духовного образования, который был направлен на преодоление замкнутости и корпоративности духовенства, ликвидацию наследственности «духовного» состояния. Утверждены новые уставы и штаты высшего звена образовательной системы (1867–1869), детям духовенства разрешили поступать в гимназии (1864), а в православные семинарии открыли доступ всем сословиям (1867), ликвидирована наследственность приходов (1867). Вместе с тем система подготовки духовенства практически не претерпела изменений, единственный элемент реформирования состоял в том, что вместо духовно-учебного управления Синода, возглавляемого светским человеком, был создан учебный комитет во главе с духовным лицом, который определял содержание и методику обучения, а административно учебные заведения теперь подчинялись епархиальному начальству [16. С. 359]. Кроме того, из учебных планов духовных учебных заведений исчезли естественно-научные дисциплины, сократилась общеобразовательная подготовка, управление духовными учебными заведениями было сосредоточено в руках сразу нескольких ведомств. Фактически до 1917 г. обновления духовенства за счет притока в его ряды выходцев из других сословий не произошло, духовенство продолжало оставаться замкнутой сословной корпорацией, в которую редко попадали выходцы из других социальных групп.

Тем не менее духовное образование сыграло важную роль в профессиональной подготовке духовенства и, следовательно, в социально-культурном развитии общества. Система духовного образования обеспечивала православные приходы образованным духовенством, пополняла ряды местного чиновничества, распространяла грамотность среди прихожан через церковно-приходские школы, школы грамоты.

В Приенисейской Сибири формирование системы духовного образования отличалось по срокам, структуре учебных заведений, содержанию учебных программ, составу учителей и учеников. Фактором, препятствующим формированию эффективной системы духовного образования в Сибири, было несовпадение интересов светской и церковной властей в сословной политике. Государство стремилось создать квалифицированное сословие, закрытое, независимое от прихожан, послушное власти, а духовные иерархи пытались открыть доступ в священнослужители выходцам из других сословий, для того чтобы ликвидировать недостаток священников и совершенствовать их качественный состав. Кроме того, сказывалось скрытое и явное сопротивление родителей. Провинциальное приходское духовенство, отражая уровень мировоззрения и политико-идеологические установки своей эпохи, не осознавало необходимости в специальном образовании, кроме того, не могло получить его фактически на условиях полного обеспечения. Между теоретической подготовкой в школе и практическими потребностями церковной жизни был явный разрыв. Значительная часть детей духовенства была не подготовлена к обучению в школе. Традиционные установки приходского духовенства противоречили образовательной политике епархиальных властей.

Список источников

1. Основы социальной концепции Русской православной церкви. URL: http://www.patriarchia.ru/db/text/419128.html (дата обращения: 22.04.2024).

2. Макарий (Булгаков), митрополит Московский и Коломенский. История Русской церкви в 12 томах. СПб, 1883. Переизд. 1994–1996. История русской церкви. М., 1996. 591 с.
3. Голубинский Е.Е. История Русской Церкви. М., 1900. 919 с.
4. Знаменский П.В. Духовные школы в России до реформы 1808 года. Казань, 1881. Переиздано: Санкт Петербург, 2001. 799 с.
5. Знаменский П.В. Руководство к русской церковной истории. Казань, 1888. 510 с.
6. Догуревич Т.А. Распространение христианства в Сибири. СПб., 1897. 165 с.
7. Нестор (Анисимов Н.А.). Православие в Сибири. СПб., 1910. 294 с.
8. Покровский И.М. Русские епархии в XVI–XIX вв., их открытие, состав и пределы. Опыт церковно-исторического, статистического и географического исследования. Т. 2. (XVIII в.). Казань, 1897–1913.
9. Адриянов А.В. Очерки Минусинского края. Томск, 1904. 532 с.
10. Серебренников И.И. Сибиреведение. Харбин, 1920. 213 с.
11. Арефьев В.С. Описание Сибири. Томск, 1901. 238 с.
12. Березовский Н.П. О состоянии начального образования в Енисейской губернии. Красноярск, 1916. 57 с.
13. Захаров В. Историческая справка по вопросу о народном образовании в Енисейской губернии. Красноярск, 1896. 137 с.
14. Грекулов Е.Ф. Православная инквизиция в России. М. : Наука, 1964. 80 с.
15. Персиц М.М. Отделение церкви от государства и школы от церкви в СССР (1917–1919 гг.). М., 1958. 98 с.
16. Русское православие: вехи истории / науч. ред. А.И. Клибанов. М., 1989. 719 с.
17. Ососков А.В. Начальное образование в дореволюционной России (1861–1917). М., 1982. 208 с.
18. Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР (2-я половина XIX в.) / под ред. А.И. Пискунова. М., 1976. 342 с.
19. Полуянов А.Ю. Церковь, власть и общество в России (1880-е – первая половина 1890-х гг.) // Вопросы истории. 1997. № 11. С. 125–137.
20. Зезина М.Р., Кошман Л.В., Шульгин В.С. Культура России: IX–XX века. М., 1990. 431 с.
21. Косых Е.Н., Фадеев К.В., Андрюкова С.В. Культурно-просветительная деятельность среди крестьян Томской губернии (1880–1917) // Вестник Томского государственного университета. История. 2021. № 69. С. 140–148. doi: 10.17223/19988613/69/21
22. Сибирские церкви и школы фонда имени Александра III: к 1 января 1902 года. Санкт-Петербург : Государственная типография, 1902. 96 с., [10] л. ил., фот. ; 27 см. : URL: https://elib.tomsk.ru/purl/1-43416/ (дата обращения: 20.04.2024).
23. Дулов А.В. Русское православие : очерк истории. Улан-Удэ, 2000. 303 с.
24. Блинов АВ. Деятельность П.А. Словцова на посту визитатора сибирских учебных заведений // Вестник Томского государственного университета. История. 2021. № 71. С. 5–10.
25. Герасимова Н.Е. Среднее духовное образование в Ярославской и Костромской губерниях во второй половине XIX – начале XX вв. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ярославль, 2001. 28 с.
26. Белова Н.В. Провинциальное духовенство в конце XVIII – начале XX вв.: быт и нравы сословия: на материалах Ярославской епархии : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Иваново, 2008. 21 с.
27. Есипова В.А. Приходское духовенство Западной Сибири в период реформ и контрреформ второй половины XIX века (на материалах Томской епархии) : автореф. дис. … канд. ист. наук. Томск, 1996. 24 с.,
28. Дрибас Л.К. Образ жизни духовенства губернских и областных центров Восточной Сибири во второй половине XIX века : автореф. дис. … канд. ист. наук. Иркутск, 2005. 26 с.
29. Васильева А.В. Социокультурный облик православного духовенства в Западной Сибири в конце XIX – начале XX вв.) : автореф. дис. … канд. ист. наук. Омск, 2015. 23 с.
30. Харченко Л.Н. Роль Православной церкви в культурном развитии Сибири: вторая половина XIX в. – февраль 1917 г. : автореф. дис. … д-ра. ист. наук. СПб., 2006. 40 с.
31. Санников А.П. Организация и деятельность Православной церкви на территории Прибайкалья во второй половине XVII–XVIII вв. : автореф. дис…. канд. ист. наук. Иркутск, 2004. 32 с.
32. Федоров И.Г. Очерки по истории монастырей Приенисейской Сибири в досоветский период. Красноярск, 2017. 160 с.
33. Оруджев Д.Р. Основные тенденции развития духовного образования в Сибири в XVIII – начале XX в. // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 422. С. 140–144. doi: 10.17223/15617793/422/20
34. Быконя Г.Ф. История народного образования в Центральной Сибири. XVII – середина XIX в. Красноярск, 2015. 200 с.
35. Духовный регламент, тщанием и повелением всепресветлейшего, державнейшего государя Петра Первого, императора и самодержца всероссийского, по соизволению и приговору всероссийского духовного чина и Правительствующего Сената, в царствующем Санкт-Петербурге, в лето от Рождества Христова 1721, сочиненный / сост. Феофан (Прокопович). Изд. 1. М. : Синодальная типография, 1856. 198 с. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Feofan_Prokopovich/duhovnyj-reglament-1721-goda/#source (дата обращения: 20.04.2024).
36. Полное собрание законов Российской империи : в XLV т. СПб. : Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830.
37. Федоров В.А. Русская православная церковь и государство. Синодальный период (1700–1917) . М. : Рус. панорама, 2003 (Калуга : ГУП Облиздат). 479 с. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Istorija_Tserkvi/russkaja-pravoslavnaja-tserkov-i-gosudarstvo/4_2 (дата обращения: 20.04.2024).
38. Сушко А.В. Духовные семинарии в России (до 1917 г.) // Вопросы истории. 1996. № 11/12. С. 107–114.
39. Попова О.Д. Женское духовное образование и его роль в изменении общественного положения женщины в России (вторая половина XIX – начало XX вв.) : автореф. дис. … д-ра ист. наук. М., 2009. 46 с.
40. Асочакова В.Н., Турежанова С.А. К проблеме предпосылок формирования интеллигенции (XVIII–XIX вв.) // Genesis: исторические исследования. 2019. № 11. С. 58–64.
41. Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. 673. Оп. 1. Д. 4.
42. ГАКК. Ф. 674. Оп.1. Д. 84. 43 л.
43. ГАКК. Ф. 674. Оп.1. Д. 237. 65 л.
44. ГАКК. Ф. 674. Оп.1. Д. 240. 72 л.
45. ГАКК. Ф. 674. Оп.1. Д. 373. 76 л.
46. Сулоцкий А.И. Сочинения : в 3 т. / сост. Ю. Мандрика. Т. 2: О сибирском духовенстве. Тюмень, 2000. 496 с.
47. Государственное бюджетное учреждение Тюменской области «Государственный архив в г. Тобольске» (ГБУТО ГА в г. Тобольске). Ф. 156. Оп. 2. 1790. Д. 208.
48. ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 156. Оп. 1. 1760. Д. 201.
49. История Красноярска. Документы и материалы XVII–XIX вв. / коммент. Г.Ф. Быконя. 2-е изд., доп. и перераб. Красноярск, 2000. 346 с.
50. Захаров В. Историческая справка к вопросу о народном образовании в Енисейской губернии // Енисейские епархиальные ведомости. 1895. С. 177–182.
51. ГАКК. Ф. 592. Оп. 1. Д. 91.
52. ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 156. Оп. 1.1772. Д. 1.
53. Енисейское приходское училище // Енисейские епархиальные ведомости. 1885. № 6. С. 98–104.
54. Из жизни сибирского в первую половину XIX столетия духовенства Енисейской губернии: публ. док. из архива Курагинской церкви // Сибирский архив. 1912. № 11. С. 849–855.

55. Грамотность старинного духовенства Енисейской губернии / Ив. Чибизов // Сибирский архив. 1915. № 11. С. 517–519.
56. Фаст Г. Енисейск православный. Красноярск, 1994. 239 с.
57. Российский государственный исторический архив. Ф. 796. Оп. 442. Д. 77.
58. ГАКК. Ф. 592. Оп. 1. Д. 70.
59. ГАКК. Ф. 592. Оп. 1. Д. 119.
60. ГАКК. Ф. 592. Оп. 1. Д. 301.
61. ГАКК. Ф. 592. Оп. 1. Д. 513.
62. ГАКК. Ф. 592. Оп. 1. Д. 142 (1, 2).
63. ГАКК. Ф. 592. Оп. 1. Д. 44.
64. ГАКК. Ф. 592. Оп. 1. Д. 104.
65. ГАКК. Ф. 674. Оп. 1. Д. 667.
66. Хорина В.В. О роли православного духовенства в изучении Енисейской губернии (последняя четверть XIX – начало XX в.) // Вестник ТГПУ. 2012. Вып. 3 (118). С. 30–36.

References

1. Russian Orthodox Church. Official website of the Moscow Patriarchate. (2008) *Osnovy sotsial'noy kontseptsii Russkoy pravoslavnoy tserkvi* [Fundamentals of the Social Concept of the Russian Orthodox Church]. [Online] Available from: http://www.patriarchia.ru/db/text/419128.html (Accessed: 22.04.2024).
2. Makarius (Bulgakov), Metropolitan of Moscow and Kolomna. (1883) *Istoriya Russkoy tserkvi v 12 tomakh* [History of the Russian Church in 12 volumes]. Saint Petersburg: Imperial Academy of Sciences.
3. Golubinskiy, E.E. (1900) *Istoriya Russkoy Tserkvi* [History of the Russian Church]. Moscow: Tipografiya E. Lissner i Yu. Roman.
4. Znamenskiy, P.V. (1881) *Dukhovnye shkoly v Rossii do reformy 1808 goda* [Theological Schools in Russia before the Reform of 1808]. Kazan: Tipografiya Imperatorskogo Universiteta.
5. Znamenskiy, P.V. (1876) *Rukovodstvo k russkoy tserkovnoy istorii* [Guide to Russian Church History]. Kazan: Universitetskaya tipografiya.
6. Dogurevich, T.A. (1897) *Rasprostranenie khristianstva v Sibiri* [Spread of Christianity in Siberia]. Saint Petersburg: Tip. P.P. Soikina.
7. Nestor (Anisimov, N.A.). (1910) *Pravoslavie v Sibiri* [Orthodoxy in Siberia]. Saint Petersburg: Otechestvennaya tipografiya.
8. Pokrovskiy, I.M. (1987–1913) *Russkie eparkhii v XVI–XIX vv., ikh otkrytie, sostav i predely. Opyt tserkovno-istoricheskogo, statisticheskogo i geograficheskogo issledovaniya* [Russian Dioceses in the 16th–19th Centuries, Their discovery, composition, and boundaries. An attempt of church-historical, statistical, and geographical research]. Vol. 2. Kazan: Tsentral'naya tipografiya.
9. Adriyanov, A.B. (1904) *Ocherki Minusinskogo kraya* [Essays on the Minusinsk Region]. Tomsk: P.I. Makushin.
10. Serebrennikov, I.I. (1920) *Sibirevedenie* [Siberian Studies]. Harbin: Svet.
11. Aref'ev, V.S. (1901) *Opisanie Sibiri* [Description of Siberia]. Tomsk: P.I. Makushin.
12. Berezovskiy, N.P. (1916) *O sostoyanii nachal'nogo obrazovaniya v Eniseyskoy gubernii* [On the State of Primary Education in the Yenisei Province]. Krasnoyarsk: [s.n.].
13. Zakharov, V. (1896) *Istoricheskaya spravka po voprosu o narodnom obrazovanii v Eniseyskoy gubernii* [Historical Background on the Issue of Public Education in the Yenisei Province]. Krasnoyarsk: Tipografiya Al. D. Zhilina.
14. Grekulov, E.F. (1964) *Pravoslavnaya inkvizitsiya v Rossii* [Orthodox Inquisition in Russia]. Moscow: Nauka.
15. Persits, M.M. (1958) *Otdelenie tserkvi ot gosudarstva i shkoly ot tserkvi v SSSR (1917–1919 gg.)* [Separation of Church from State and school from Church in the USSR (1917–1919)]. Moscow: USSR AS.
16. Klibanov, A.I. (ed.) (1989) *Russkoe pravoslavie: vekhi istorii* [Russian Orthodoxy: Milestones in History]. Moscow: Politizdat.
17. Ososkov, A.V. (1982) *Nachal'noe obrazovanie v dorevolyutsionnoy Rossii (1861–1917)* [Primary Education in Pre-Revolutionary Russia (1861–1917)]. Moscow: Prosveshcheniye.
18. Piskunov, A.I. (ed.) (1976) *Ocherki istorii shkoly i pedagogicheskoy mysli narodov SSSR (2-ya polovina XIX v.)* [Essays on the History of School and Pedagogical Thought of the Peoples of the USSR (2nd half of the 19th century)]. Moscow: Pedagogika.
19. Poluyanov, A.Yu. (1997) Tserkov', vlast' i obshchestvo v Rossii (1880-e – pervaya polovina 1890-kh gg.) [Church, power and society in Russia (1880s – first half of the 1890s)]. *Voprosy istorii*. 11. pp. 125–137.
20. Zezina, M.R., Koshman, L.V. & Shul'gin, V.S. (1990) *Kul'tura Rossii: IX–XX veka* [Culture of Russia: 9th–20th centuries]. Moscow: Prostor.
21. Kosykh, E.N., Fadeev, K.V. & Andryukova, S.V. (2021) Cultural and educational activities amongst peasants of the Tomsk province (1880–1917). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 69. pp. 140–148. (In Russian). doi: 10.17223/19988613/69/21
22. Anon. (1902) *Sibirskie tserkvi i shkoly fonda imeni Aleksandra III: k 1 yanvarya 1902 goda* [Siberian Churches and Schools of the Alexander III Foundation: by January 1, 1902]. Saint Petersburg: Gosudarstvennaya tipografiya. [Online] Available from: https://elib.tomsk.ru/purl/1-43416/ (Accessed: 20.04.2024).
23. Dulov, A.B. (2000) *Russkoe pravoslavie: ocherk istorii* [Russian Orthodoxy: An essay on history]. Ulan-Ude: East-Siberian State Institute of Culture.
24. Blinov, A.V. (2021) P.A. Slovtsov's activity as a visiting supervisor of Siberian educational institutions. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 71. pp. 5–10. (In Russian). doi: 10.17223/19988613/71/1
25. Gerasimova, N.E. (2001) *Srednee dukhovnoe obrazovanie v Yaroslavskoy i Kostromskoy guberniyakh vo vtoroy polovine XIX – nachale XX vv.* [Secondary theological education in the Yaroslavl and Kostroma provinces in the second half of the 19th – early 20th centuries]. Abstract of History Cand. Diss. Yaroslavl.
26. Belova, N.V. (2008) *Provintsial'noe dukhovenstvo v kontse XVIII – nachale XX vv.: byt i nravy sosloviya: na materialakh Yaroslavskoy eparkhii* [Provincial clergy in the late 18th – early 20th centuries: life and customs of the class: based on the materials of the Yaroslavl diocese]. Abstract of History Cand. Diss. Ivanovo.
27. Esipova, V.A. (1996) *Prikhodskoe dukhovenstvo Zapadnoy Sibiri v period reform i kontrreform vtoroy poloviny XIX veka (na materialakh Tomskoy eparkhii)* [Parish clergy of Western Siberia during the period of reforms and counter-reforms of the second half of the 19th century (based on the materials of the Tomsk diocese)]. Abstract of History Cand. Diss. Tomsk.
28. Dribas, L.K. (2005) *Obraz zhizni dukhovenstva gubernskikh i oblastnykh tsentrov Vostochnoy Sibiri vo vtoroy polovine XIX veka* [Lifestyle of the clergy of provincial and regional centers of Eastern Siberia in the second half of the 19th century]. Abstract of History Cand. Diss. Irkutsk.
29. Vasil'eva, A.V. (2015) *Sotsiokul'turnyy oblik pravoslavnogo dukhovenstva v Zapadnoy Sibiri v kontse XIX – nachale XX vv.)* [Sociocultural appearance of the Orthodox clergy in Western Siberia in the late 19th – early 20th centuries)]. Abstract of History Cand. Diss. Omsk.
30. Kharchenko, L.N. (2006) *Rol' Pravoslavnoy tserkvi v kul'turnom razvitii Sibiri: vtoraya polovina XIX v. – fevral' 1917 g.* [The role of the Orthodox Church in the cultural development of Siberia: the second half of the 19th century – February 1917]. Abstract of History Dr. Diss. Saint Petersburg.
31. Sannikov, A.P. (2004) *Organizatsiya i deyatel'nost' Pravoslavnoy tserkvi na territorii Pribaykal'ya vo vtoroy polovine XVII–XVIII vv.* [Organization and activities of the Orthodox Church in the Baikal region in the second half of the 17th–18th centuries]. Abstract of History Cand. Diss. Irkutsk.
32. Fedorov, I.G. (2017) *Ocherki po istorii monastyrey Prieniseyskoy Sibiri v dosovetskiy period* [Essays on the History of Monasteries in Yenisei Siberia in the Pre-Soviet Period]. Krasnoyarsk: Polikom.

33. Orudzhev, D.R. (2017) Main trends in the development of theological education in Siberia in the 18th – early 20th centuries. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 422. pp. 140–144. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/422/20
34. Bykonya, G.F. (2015) *Istoriya narodnogo obrazovaniya v Tsentral'noy Sibiri. XVII – seredina XIX v.* [History of Public Education in Central Siberia. 17th – mid-19th centuries]. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State Pedagogical University.
35. Feofan (Prokopovich). (ed.) (1856) *Dukhovnyy reglament, tshchaniem i poveleniem vsepresvetleyshego, derzhavneyshego gosudarya Petra Pervogo, imperatora i samoderzhtsa vserossiyskogo, po soizvoleniyu i prigovoru vserossiyskogo dukhovnogo china i Pravitel'stvuyushchego Senata, v tsarstvuyushchem Sankt-Peterburge, v leto ot Rozhdestva Khristova 1721, sochinennyy* [Spiritual Regulations, by the care and order of His Serene Highness, Most Sovereign Emperor Peter the Great, Emperor and Autocrat of All Russia, with the consent and verdict of the All-Russian Spiritual Order and the Governing Senate, composed in reigning St. Petersburg, in the year of our Lord 1721]. 1st ed. Moscow: Sinodal'naya tipografiya. [Online] Available from: https://azbyka.ru/otechnik/Feofan_Prokopovich/duhovnyj-reglament-1721-goda/#source (Accessed: 20.04.2024).
36. Russian Empire. (1830) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Saint Petersburg: Tip. II Otdeleniya Sobstvennoy Ego Imperatorskogo Velichestva Kantselyarii.
37. Fedorov, V.A. (2003) *Russkaya pravoslavnaya tserkov' i gosudarstvo. Sinodal'nyy period (1700–1917)* [Russian Orthodox Church and State. Synodal period (1700–1917)]. Moscow: Rus. panorama. [Online] Available from: https://azbyka.ru/otechnik/Istorija_Tserkvi/russkaja-pravoslavnaja-tserkov-i-gosudarstvo/4_2 (Accessed: 20.04.2024).
38. Sushko, A.V. (1996) Dukhovnye seminarii v Rossii (do 1917 g.) [Theological seminaries in Russia (before 1917)]. *Voprosy istorii*. 11/12. pp. 107–114.
39. Popova, O.D. (2009) *Zhenskoe dukhovnoe obrazovanie i ego rol' v izmenenii obshchestvennogo polozheniya zhenshchiny v Rossii (vtoraya polovina XIX – nachalo XX vv.)* [Women's spiritual education and its role in changing the social status of women in Russia (second half of the 19th – early 20th centuries)]. Abstract of History Dr. Diss. Moscow.
40. Asochakova, V.N. & Turezhanova, S.A. (2019) K probleme predposylok formirovaniya intelligentsii (XVIII–XIX vv.) [On the problem of prerequisites for the formation of the intelligentsia (18th–19th centuries)]. *Genesis: istoricheskie issledovaniya*. 11. pp. 58–64.
41. *State Archive of Krasnoyarsk Krai (GAKK)*. Fund 673. List 1. File 4.
42. *State Archive of Krasnoyarsk Krai (GAKK)*. Fund 674. List1. File 84. 43 p.
43. *State Archive of Krasnoyarsk Krai (GAKK)*. Fund 674. List1. File 237. 65 p.
44. *State Archive of Krasnoyarsk Krai (GAKK)*. Fund 674. List1. File 240. 72 p.
45. *State Archive of Krasnoyarsk Krai (GAKK)*. Fund 674. List1. File 373. 76 p.
46. Sulotskiy, A.I. (2000) *Sochineniya: v 3 t.* [Works: in 3 volumes]. Vol. 2. Tyumen: Mandrika.
47. *State Archive of Tobolsk (GBUTO GA v g. Tobol'ske)*. Fund 156. List 2. 1790. File 208.
48. *State Archive of Tobolsk (GBUTO GA v g. Tobol'ske)*. Fund 156. List 1. 1760. File 201.
49. Bykonya, G.F. (2000) *Istoriya Krasnoyarska. Dokumenty i materialy XVII–XIX vv.* [History of Krasnoyarsk. Documents and materials of the 17th–19th centuries]. 2nd ed. Krasnoyarsk: Krasnoyarskoe knizhnoe izd-vo.
50. Zakharov, V. (1895) Istoricheskaya spravka k voprosu o narodnom obrazovanii v Eniseyskoy gubernii [Historical background to the issue of public education in Yenisei Province]. *Eniseyskie eparkhial'nye vedomosti*. pp. 177–182.
51. *State Archive of Krasnoyarsk Krai (GAKK)*. Fund 592. List 1. File 91.
52. *State Archive of Tobolsk (GBUTO GA v g. Tobol'ske)*. Fund 156. List 1.1772. File 1.
53. Eniseyskie eparkhial'nye vedomosti. (1885) Eniseyskoe prikhodskoe uchilishche [Yenisei parish school]. *Eniseyskie eparkhial'nye vedomosti*. 6. pp. 98–104.
54. Sibirskiy arkhiv. (1912) Iz zhizni sibirskogo v pervuyu polovinu XIX stoletiya dukhovenstva Eniseyskoy gubernii: publ. dok. iz arkhiva Kuraginskoy tserkvi [From the life of the Siberian clergy of Yenisei Province in the first half of the 19th century: public documents from the archive of the Kuraginskaya church]. *Sibirskiy arkhiv.* 11. pp. 849–855.
55. Chibizov, Iv. (1915) Gramotnost' starinnogo dukhovenstva Eniseyskoy gubernii [Literacy of the old clergy of Yenisei Province]. *Sibirskiy arkhiv*. 11. pp. 517–519.
56. Fast, G. (1994) *Eniseysk pravoslavnyy* [Orthodox Yeniseisk]. Krasnoyarsk: Eniseyskiy Blagovest,
57. *Russian State Historical Archive*. Fund 796. List 442. File 77.
58. *State Archive of Krasnoyarsk Krai (GAKK).* Fund 592. List 1. File 70.
59. *State Archive of Krasnoyarsk Krai (GAKK)*. Fund 592. List 1. File 119.
60. *State Archive of Krasnoyarsk Krai (GAKK)*. Fund 592. List 1. File 301.
61. *State Archive of Krasnoyarsk Krai (GAKK)*. Fund 592. List 1. File 513.
62. *State Archive of Krasnoyarsk Krai (GAKK)*. Fund 592. List 1. File 142 (1, 2).
63. *State Archive of Krasnoyarsk Krai (GAKK)*. Fund 592. List 1. File 44.
64. *State Archive of Krasnoyarsk Krai (GAKK)*. Fund 592. List 1. File 104.
65. *State Archive of Krasnoyarsk Krai (GAKK)*. Fund 674. List 1. File 667.
66. Khorina, V.V. (2012) O roli pravoslavnogo dukhovenstva v izuchenii Eniseyskoy gubernii (poslednyaya chetvert' XIX – nachalo XX v.) [On the role of the Orthodox clergy in the study of Yenisei Province (last quarter of the 19th – early 20th centuroes)]. *Vestnik TGPU.* 3 (118). pp. 30–36.

Информация об авторах:

Асочакова В.Н. – д-р ист. наук, профессор кафедры истории Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова (Абакан, Россия). E-mail: asocvn@mail.ru

Артамонова Н.Я. – д-р ист. наук, профессор кафедры истории Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова (Абакан, Россия). E-mail: lazal1918@yandex.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

V.N. Asochakova, Dr. Sci. (History), professor, Katanov Khakass State University (Abakan, Russian Federation). E-mial: asocvn@mail.ru

N.Ya. Artamonova, Dr. Sci. (History), professor, Katanov Khakass State University (Abakan, Russian Federation). E-mial: lazal1918@yandex.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 21.08.2024;
одобрена после рецензирования 09.09.2024; принята к публикации 30.09.2024.

The article was submitted 21.08.2024;
approved after reviewing 09.09.2024; accepted for publication 30.09.2024.

Научная статья
УДК 327.7
doi: 10.17223/15617793/506/10

Теория и практика сетевой дипломатии

Валерия Игоревна Булва[1]

[1] *Министерство иностранных дел Российской Федерации, Москва, Россия, va.i.bulva@my.mgimo.ru*

Аннотация. Изучен субъектный уровень нового вида дипломатической практики, ее организационно-функциональной специфики. Выявлены базовые характеристики сетевой дипломатии, которые находят отражение и в зарубежной, и в отечественной литературе. Автором предложена классификация форматов сетевой дипломатии в зависимости от географического охвата, их целей и задач.
Ключевые слова: сетевая дипломатия, «Группа семи», «Группа двадцати», БРИКС, диалоговые партнерства АСЕАН, АТЭС

Для цитирования: Булва В.И. Теория и практика сетевой дипломатии // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 506. С. 82–87. doi: 10.17223/15617793/506/10

Original article
doi: 10.17223/15617793/506/10

Theory and practice of network diplomacy

Valeriia I. Bulva[1]

[1] *Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation, va.i.bulva@my.mgimo.ru*

Abstract. The aim of this article is to study the trends in the development of network diplomacy as a new phenomenon in the theory of international relations and in practice starting from the 1990s. The author pays attention to studying the subject level of the new type of diplomatic practice, its organizational and functional specifics. A comparative analysis of various approaches to defining the concept of network diplomacy leads to the conclusion that the Western concept (J. Metzl, A.-M. Slaughter, H. Pellerin, J. Gritterosova) lies on a liberal interpretation of the pluralism of subjects of world politics, while in Russian scientific literature (O.V. Lebedeva, V.M. Morozov. E.O. Shebalina, I.V. Kolosova, I.N. Burganova) the emphasis is put on the network diplomacy institutions' openness to a wide range of states in the world community, as opposed to the previously existing bloc approach. Some experts (J. Cooper Ramo, M. Castells, M. Manulak) adhere to a narrow interpretation of the concept of network diplomacy, linking its emergence with the development of information and communication technologies. The political model of the "two-level game" proposed by R. Putnam explains special importance of contacts based on the institutions of network diplomacy. Dialogue between various actors, based on the tools of network diplomacy, makes it possible to increase the sustainability of decisions by ensuring consensus between non-governmental and governmental players at the national level, as well as between numerous participants in the negotiation process at the international level. One of the key results of the study is the identification of the basic characteristics of network diplomacy, which are reflected in both foreign and domestic literature. First of all, they are characterized by a flexible organizational structure and the absence of a rigid hierarchy. This reduces the time lag in responding to a specific problem. Given this factor, the potential of network diplomacy is becoming most in demand in the area of new threats and challenges, as well as when developing solutions on other economic and political issues of a cross-border nature. An important practical result of the study is the author's classification of network diplomacy formats depending on their geographical coverage, their goals and objectives. At the global level, there are wide-ranging institutions created or formalized in the context of external shocks (energy, financial and economic crises). This type includes G7/8, G20 and BRICS. In addition, network mechanisms are widespread in particular regions. The agenda of such institutions can be either comprehensive (ASEAN-centric multilateral structures within the framework of dialogue partnerships) or focused on a specific track (APEC). The projection of network diplomacy is the work of formats for resolving regional conflicts and crises (groups of mediators), as well as groups and councils of experts (intergovernmental and non-governmental) to combat new challenges and threats.
Keywords: network diplomacy, G7, G20, BRICS, ASEAN dialogue partnerships, APEC

For citation: Bulva, V.I. (2024) Theory and practice of network diplomacy. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 506. pp. 82–87. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/506/10

В эпоху холодной войны в основе архитектуры международных отношений лежал блоковый подход. На определение внешнеполитических приоритетов великих держав и их союзников влияло, прежде всего, разделение мирового сообщества на два «лагеря» – капиталистический во главе с США и социалистический, центральная роль в котором отведена СССР. Так, для Советского Союза и Соединенных Штатов ключевое

© Булва В.И., 2024

значение имело обеспечение сохранения паритета во всех областях (военно-политической, экономической, идеологической), в том числе посредством укрепления позиций в своей «зоне влияния» через экономические механизмы (Совет экономической взаимопомощи (СЭВ) для СССР, «план Маршалла», а затем двусторонние форматы и Организацию европейского сотрудничества / Организацию экономического сотрудничества и развития для США), военно-политические блоки (через Организацию Варшавского договора (ОВД) и Организацию Североатлантического договора). При этом возвышение Китая и попытки усиления стран третьего мира через Движение неприсоединения не приводили к кардинальному изменению основных параметров Ялтинско-Потсдамской системы международных отношений, определяющим элементом которой было биполярное противостояние двух государств.

В 1990-х гг. систему международных отношений затронул ряд изменений, коренным образом повлиявших на дипломатическую практику. С распадом Советского Союза, роспуском СЭВ и ОВД изменилась не только расстановка сил на международной арене, но и принцип выстраивания дипломатического взаимодействия между государствами, ранее выступавшими в качестве антагонистов. Утрачивает актуальность блоковый подход. В США на фоне ослабления России и недостаточно сильного влияния на международные дела формирующихся центров силы развивается идея Pax Americana, делается ставка на установление одностороннего доминирования на мировой арене с опорой на союзников по «Группе семи» [1. С. 284]. Для Российской Федерации первостепенной задачей становится экономическое восстановление и укрепление политических институтов, а внешняя политика рассматривается как инструмент достижения данных целей. С учетом данного стратегического курса российское руководство берет курс на сближение с Западом, который обеспечил бы интеграцию страны в западно-центричные институты, что, в свою очередь, открывало бы доступ к кредитам и экономической помощи [2. С. 10].

В 1990-е гг. происходят существенные изменения в содержательной части глобальной повестки. Секьюритизация вопросов экономики, энергетики, социально-гуманитарных проблем, позже – информационно-коммуникационных технологий приводит не просто к появлению новых сфер дипломатии, но и к рассмотрению их не в качестве второстепенных «треков», а как составных элементов международного мира и безопасности. Угрозы в данных областях приобретают статус экзистенциальных.

В результате расширения тематического поля наблюдается трансформация институционального уровня системы за счет диверсификации участников международного сотрудничества. Если в традиционной дипломатии – военно-политических вопросах (предотвращение войны и конфликтов) – единственными игроками, участвующими в выработке и принятии решений, оставались государства, то в новых областях востребованной оказывается экспертиза неправительственных сторон – опыт и компетенции представителей бизнеса, знания экспертов научного сообщества, инициативы гражданского общества. Возникает вопрос в отношении характера будущей иерархии взаимоотношений различных субъектов, целесообразности сохранения центральной роли за государством, степени вовлеченности в мировую политику новых игроков.

Не менее важным фактором влияния на современную дипломатию стала глобализация. Формирование транснациональных логистических цепочек, деятельность ТНК, интенсификация внешнеэкономических связей государств приводят к усилению взаимосвязанности и взаимозависимости стран мира. Это облегчает не только движение товаров, услуг, капитала и рабочей силы, но и приводит к стремительному перетеканию кризисных явлений на другие государства. Наиболее явно данная тенденция проявляется в условиях экономических и финансовых потрясений. В частности, глобального масштаба были последствия Азиатского финансового кризиса 1997–1998 гг. Кроме того, после окончания холодной войны и особенно на рубеже XX–XXI вв. обостряется проблематика новых вызовов и угроз – терроризма, организованной преступности, наркотрафика, угрозы в сфере использования информационно-коммуникационных технологий, изменения климата, нелегальной миграции. Ввиду их транснационального характера реагирования на национальном уровне оказывается недостаточно. Как в условиях финансово-экономических кризисов, так и для противодействия новым вызовам и угрозам требуется выработка коллективных решений с максимально широким участием государств.

Сетевая дипломатия: теоретические подходы

Сетевая дипломатия как самостоятельный инструмент внешней политики появилась в эпоху холодной войны – в 1973 г., когда прошла встреча Библиотечной группы в составе четырех государств (Великобритания, Западная Германия, США и Франция). Это событие послужило точкой отсчета истории будущей «Группы семи», а в более широком плане стала практическим воплощением нового формата взаимодействия в дипломатической практике – политического и экономического форума. Вместе с тем активность самой «Группы семи» и развитие сетевой дипломатии в целом происходили в 1990-е гг. на фоне распада блоковой системы международных отношений и появления новых игроков мировой политики.

По сей день не существует единого понимания феномена сетевой дипломатии. Ключевые противоречия развернулись между представителями западной и отечественной школ. Становлению западной концепции сетевой дипломатии способствовал рост популярности либерального течения международных отношений, одним из ключевых постулатов которого был акцент на множественности субъектов мировой политики. Сетевая дипломатия рассматривалась в контексте возможностей повышения их роли на международной арене. В частности, на необходимость перераспределения связей и ответственности между государствами, организациями и индивидуумами обращал внимание Э. Пеллерин [3. P. 125] и Я. Гриттеросова [4]. Дж. Метцль полагал, что в основе сетевой дипломатии лежат контакты между индивидуумами,

которые занимают схожие позиции в социальной или институциональной иерархии [5. P. 78]. М. Манулак, в свою очередь, подчеркивал, что такие связи поддерживаются на более низком уровне, чем в рамках традиционной иерархии, что позволяет ускорить процесс принятия решений [6. P. 176].

Некоторые западные исследователи определяют сетевую дипломатию через призму информационно-коммуникационных технологий (ИКТ). А.-М. Слотер отмечала, что появление новых ИКТ способствует повышению открытости дипломатии и спроса на создание неформальных институтов [7]. В данном случае происходит смещение акцентов при осмыслении феномена сетевой дипломатии. Сторонники данного подхода (Дж. Купер Рамо [8], М. Кастельс [9], М. Манулак [6. P. 172]) ассоциируют сетевую дипломатию с информационными сетями, в том числе социальными сетями (от слова network / social network). Такая трактовка приводит к смешению понятий сетевой и цифровой дипломатии, при этом из поля зрения выпадает ключевая особенность сетевого взаимодействия – отсутствие иерархии и максимально широкая вовлеченность различных сторон. Безусловно, информационная революция повлияла на международную коммуникацию, однако использование информационных сетей при реализации внешнеполитических задач представляет лишь один из элементов сетевой дипломатии наряду с другими способами поддержания отношений между различными субъектами.

В отечественной науке при изучении феномена сетевой дипломатии во главу угла ставится ее анализ как одного из видов многосторонней дипломатии. В отличие от классических форм многостороннего сотрудничества – международных организаций и интеграционных объединений – для них характерна менее жесткая иерархия и многоуровневая система общения [10]. И.В. Колосова [11. С. 174] и И.Н. Бурганова [12. С. 121] настаивают на том, что сетевое дипломатическое взаимодействие выходит за рамки традиционных формализованных институтов, но ключевую роль на международной арене продолжают играть государства, а неправительственные игроки выполняют консультативные функции. Инструменты сетевой дипломатии оказываются востребованными при обсуждении проблем трансграничного характера, требующего максимально широкого участия заинтересованных государств. Кроме того, их значимость возрастает при взаимодействии в новых сферах дипломатии, где полезными представляются знания и навыки неправительственных субъектов.

Несмотря на различия западного (либерального) и отечественного (близкого к школе реализма) подходов к концептуализации феномена сетевой дипломатии, существует ряд характеристик, выделяемых большинством экспертов научного сообщества при исследовании данного вида дипломатической практики.

В отличие от традиционной дипломатии официального уровня, в рамках которой в качестве действующих лиц выступают высшее руководство страны и профессиональные дипломаты, сетевая дипломатия подразумевает отказ от иерархичной структуры. Речь может идти как о неформальном общении межгосударственного характера, так и о многоуровневой коммуникации между государствами и представителями неправительственного сектора. Встречи (основная форма сотрудничества в сетевой дипломатии) проходят, как правило, в государстве-председателе или другом государстве-члене, поскольку создание сетевых институтов не предполагает учреждение штаб-квартиры.

Сетевую дипломатию отличает многосторонность, иными словами, участие разных игроков мировой политике, что повышает уровень инклюзивности глобальной дипломатии как по количественным (открытость для большинства государств), так и по качественным (привлечение «новых» субъектов) показателям. В институциональном плане сетевые структуры носят более гибкий и менее формализованный характер по сравнению с международными организациями, не обладают Уставом и постоянными органами. Поэтому особенно перспективной сетевая дипломатия представляется с точки зрения развития горизонтальных связей на различных уровнях – между государствами, между представителями государств и неправительственными игроками, между бизнесом, НПО, гражданским обществом, экспертным и научным сообществом.

Учитывая разнообразный состав субъектов сетевой дипломатии, их работа основана на принципе децентрализованного и добровольного взаимодействия. Сетевые структуры играют роль площадок для диалога, механизма согласования предварительных решений по определенной проблеме глобальной повестки, инструмента координации позиции сторон. Решения принимаются в форме рекомендаций, совместных заявлений, меморандумов о взаимопонимании и деклараций, они не обязательны для исполнения государствами и другими участниками дипломатического процесса. Это, с одной стороны, облегчает процесс их согласования, а с другой – затрудняет их имплементацию и контроль за соблюдением.

Гибкость механизмов сетевой дипломатии проявляется также и в том, что им свойственна реконфигурация в зависимости от целей и задач, а также подключение к сотрудничеству стран и многосторонних институтов (организаций, интеграционных объединений) без наделения их статусом полноправного члена. Такой подход служит примером разноскоростной модели сотрудничества, учитывающей потенциал и заинтересованность сторон. Новые возможности в рамках сетевого взаимодействия получают нейтральные государства и страны, стремящиеся к сотрудничеству с определенной сетевой структурой, но на текущий момент не удовлетворяющие в полной мере критерии, необходимые для членства в ней. Помимо этого, бенефициарами сетевой дипломатии становятся те страны, которые проявляют желание к взаимодействию только в отдельных областях.

Значимой чертой сетевой дипломатии, которая особенно актуальна в контексте укрепления основ многополярного миропорядка, является акцент на кооперативном характере сетевых механизмов.

Их функционирование направлено не на сдерживание других государств, как предполагает предназначение военно-политических блоков, а на поиск сферы пересечения интересов. Тем самым сетевая дипломатия служит в качестве важного инструмента ге-

нерирования объединительной международной повестки с учетом политического, экономического и цивилизационно-культурного многообразия государств.

Использование инструментов сетевой дипломатии ориентировано в том числе на усиление координации между различными уровнями (правительственным и неправительственным, национальным и международным). Это облегчает оперативную выработку решений на глобальные кризисы и проблемы в сфере международных отношений. Кроме того, возрастает степень устойчивости принимаемых мер благодаря предварительному обмену мнениями между широким кругом участников переговорного процесса до инициирования диалога по официальным дипломатическим каналам. На это обращал внимание Р. Патнэм, который подробно описывал механизм многоуровневого взаимодействия в рамках принятия внешнеполитических решений [13].

Форматы сетевой дипломатии

Институциональные структуры, характерные для сетевой дипломатии, напоминают «альянсы по интересам», объединяющие государств-единомышленников [11. С. 175]. Существует несколько форматов сетевой дипломатии: глобальные неформальные институты, региональные форумы и диалоговые партнерства, рабочие группы и экспертные советы при международных и региональных организациях, механизмы урегулирования региональных конфликтов. Вышеперечисленные форматы можно сгруппировать в зависимости от широты охвата (глобальные и региональные) либо в соответствии с повесткой их деятельности (универсальные, отраслевые).

При изучении феномена сетевой дипломатии чаще всего рассматриваются глобальные институты как основной формат данного вида дипломатического взаимодействия. Сегодня к таким площадкам можно отнести неформальные межправительственные форумы – «Группу семи», «Группу двадцати» и БРИКС. Импульсом для создания или активизации развития всех трех институтов служили внешние факторы. Энергетический кризис 1973 г. способствовал ускорению окончательного оформления «Группы семи». Азиатский финансовый кризис 1997–1998 гг. послужил предпосылкой для созыва встреч на уровне министров финансов и глав центральных банков «Группы двадцати». Глобальный экономический кризис 2008–2009 гг. привел к трансформации механизма сотрудничества в рамках «Группы двадцати» и БРИКС, где основной формой политического диалога стали саммиты с 2008 и 2009 г. соответственно.

Помимо глобального охвата данного типа институтов сетевой дипломатии, их отличает широкая повестка. Так, деятельность «Группы семи» и БРИКС включает вопросы экономики, политики и безопасности, социального развития, культурного и гуманитарного сотрудничества.

Включение того или иного пункта в повестку дня во многом зависит от событий и тенденций на международной арене. Во время глобального экономического кризиса центральное место занимала проблема борьбы с его последствиями и реформирования Бреттон-Вудских валютно-финансовых институтов. В ходе пандемии COVID-19 особое внимание уделялось сотрудничеству в сфере здравоохранения. В условиях научно-технологической революции повышается актуальность проблематики цифрового развития и обеспечения международной информационной безопасности.

Что касается «Группы двадцати», то ее деятельность сосредоточена преимущественно на экономических и финансовых вопросах. При этом если изначально «Группа» рассматривалась как инструмент антикризисного урегулирования [14, 15], то после 2010 гг. был смещен акцент в сторону более широкого экономического сотрудничества, в том числе укрепления мировой торговли, цифровизации экономики, укрепления валютно-финансовой инфраструктуры международного сотрудничества. Постепенно в «Группе двадцати» начали обсуждаться и проблемы в сфере политики, гуманитарного направления и культуры. Однако ключевое значение попрежнему сохраняет социально-экономический вектор.

Важное значение «Группа семи», «Группа двадцати» и БРИКС имеют в контексте координации позиций сторон по урегулированию региональных кризисов. Как пример можно привести обсуждение сирийской проблематики «на полях» саммита «Группы восьми» и «Группы двадцати» (С 1997 по 2014 г. группа функционировала в формате «восьмерки». В качестве восьмого члена выступала Российская Федерация.) в 2013 г. На саммитах БРИКС ежегодно обсуждаются подходы стран к разрешению конфликтов на Ближнем Востоке и в Африке, затрагивалась проблема ядерной программы Ирана и ее влияния на безопасность в регионе. На трех площадках регулярно рассматривается проблема новых вызовов и угроз, а также нераспространения оружия массового уничтожения.

Многоаспектное сотрудничество характерно и для другого формата взаимодействия – диалоговых партнерств. Такой механизм позволяет выстраивать взаимоотношения между интеграционным объединением и государством, не являющимся его членом. Примером может послужить диалоговое партнерство Россия–АСЕАН, установление которого открыло поле для сотрудничества по различным трекам – в области экономики, политики и на гуманитарном направлении. Кроме того, это позволило интегрировать Российскую Федерацию в асеаноцентричные многосторонние структуры, объединяющие 10 стран АСЕАН и партнеров по диалогу – Восточноазиатский саммит, Региональный форум АСЕАН по безопасности.

На региональном уровне отдельно выделяются институты сетевой дипломатии в сфере экономики. К ним относится форум Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества. В отличие от других региональных механизмов, данная площадка АТР включает наряду с го-сударствами две территории – административно-территориальные единицы Китая (Гонконг и Тайвань), благодаря чему в качестве членов рассматриваются не государства, а «экономики». Такой подход позволяет наращивать экономические связи с непризнанным большинством стран АТР в качестве независимого государства – Тайванем, и особо значимым хабом мировой экономики – Гонконгом.

Еще одним форматом сетевой дипломатии выступают рабочие группы и экспертные советы при международных и региональных организациях.

Они учреждаются для обсуждения и выработки решения по конкретной проблеме международных отношений. Наиболее востребованным такой механизм оказывается в новых областях дипломатии и в сфере новых вызовов и угроз. Это связано с тем, что данные треки требуют наличия специальных компетенций и технических знаний для выстраивания эффективного сотрудничества, а связанные с ними вопросы носят трансграничный характер. Таким образом, важным условием становится не только повышение уровня инклюзивности за счет обеспечения открытости для государств мирового сообщества, но и привлечение неправительственных игроков – экспертов в соответствующих областях.

Большую роль в современных международных отношениях играют многосторонние форматы урегулирования региональных конфликтов. Они создаются на временной основе с конкретной целью – во время конфликта для поиска формулы политического урегулирования конфликта и/или на период постконфликтного восстановления. К наиболее известным среди них относятся «ближневосточный квартет», Женевский и Астанинский форматы по сирийскому кризису, Трехсторонняя контактная группа по мирному урегулированию ситуации на Украине (Минская группа). Преимущество сетевого взаимодействия по сравнению с традиционной дипломатией на данном треке заключается в возможности объединения за одним столом переговоров как сторон конфликтов (официальных властей государства и членов оппозиции), так и ключевых посредников. Подобная практика используется и при обсуждении региональных кризисов в сфере безопасности (шестисторонние переговоры по денуклиаризации Корейского полуострова, переговоры между Ираном и группой стран «P5+1» по иранской ядерной программе).

Институты сетевой дипломатии в современных международных отношениях

Наиболее комплексную роль в системе международных отношений играют глобальные институты сетевой дипломатии и диалоговые партнерства на региональном/трансрегиональном уровне. Мандат таких структур распространяется на широкий спектр вопросов, и в этом плане они напоминают универсальные международные организации.

О значимости глобальных сетевых институтов («Группа семи», «Группа двадцати», БРИКС) свидетельствует о том, что они часто рассматриваются как многосторонние элементы глобального управления, объединяющие ключевых игроков мировой политики. Преимуществом сетевой модели глобального управления выступает ее неиерархичность. По словам А.-М. Слотер, опора на децентрализованные сети позволяет ускорить обмен информацией между различными участниками, что повышает оперативность согласования эффективных мер по реагированию на вызовы планетарного масштаба в политической, социально-экономической областях и сфере безопасности [7]. В такой системе глобального управления не требуется учреждения централизованного правительства.

Глобальные сетевые институты служат вспомогательным инструментом поиска решений проблем транснационального характера, обеспечивая более высокую степень координации между государствами-единомышленниками. Значительные усилия структур с участием развивающихся стран («Группа двадцати» и БРИКС) направлены на укрепление механизмов совместного регулирования процессов на международной арене. В частности, особое внимание уделяется вопросам реформирования институтов ООН (включая Совет Безопасности ООН) и финансово-экономической глобальной архитектуры.

Диалоговые партнерства также представляют широкие возможности для многопрофильного сотрудничества, но в рамках определенного региона или макрорегиона. Подобный механизм особенно важен для укрепления взаимодействия между интеграционным объединением и внерегиональными игроками, причем как государствами, так и многосторонними объединениями. Такой подход активно используется объединением АСЕАН в качестве инструмента «функционального расширения», позволяющего укрепить позиции интеграционной структуры при выстраивании сотрудничества с государствами, проявляющими интерес к региону Юго-Восточной Азии и АТР в целом.

Сетевой принцип взаимодействия остается востребованным и в отдельных отраслях, для которых характерен высокий уровень взаимозависимости государств на фоне усиливающейся глобализации. В большинстве форматов сетевой дипломатии обсуждаются вопросы экономики, финансовой системы и мировой торговли. При этом все более востребованным становится проблема безопасности, приобретающая в условиях секьюритизации различных сфер международных отношений многоотраслевой характер. На этом фоне популярность приобретает формирование рабочих групп и экспертных советов по отдельным тематическим направлениям.

Повышенный спрос на такие механизмы наблюдается в сфере новых вызовов и угроз, которые не просто выходят за пределы национальных границ, но и обладают набором свойств, требующих подключения к участию профильных экспертов с соответствующим техническим опытом, навыками и компетенциями, специализированными знаниями. Такие группы создаются под эгидой международных (ООН) и региональных организаций. Они выполняют функцию площадки для диалога между государствами-членами и другими заинтересованными сторонами, как правило, участвующими в переговорном процессе в консультативном статусе.

Наряду с новыми вызовами и угрозами сетевая дипломатия актуальна и в сфере традиционной (военно-политической) безопасности. В данном случае сетевой подход помогает аккумулировать на одной площадке усилия различных посредников, которые в разной степени влияют на стороны конфликта. Это облегчает выработку и будущую реализацию мирных инициатив, поскольку направлена на предварительное сглаживание противоречий между посредниками. Более того, именно благодаря механизмам сетевого взаимодей-

ствия становится возможным открытие прямого диалога между сторонами конфликта и другими заинтересованными участниками. В качестве примера можно вспомнить Конгресс сирийского национального диалога в Сочи в 2018 г., собравшего 1393 делегата от различных политических сил, этнических и религиозных групп Сирии.

Таким образом, сетевая дипломатия как новый вид дипломатической практики стала активно развиваться в 1990-х гг., после распада Советского Союза и отхода от блокового подхода к международному сотрудничеству, на фоне усиления глобализации, появления новых сфер дипломатии и расширения круга участников мировой политики. В отличие от институтов классической дипломатии сетевые структуры характеризует низкая степень формализации и отсутствие иерархии, благодаря чему обеспечивается гибкость в принятии решений. Сегодня сетевая дипломатия реализуется в различных форматах как на глобальном, так и на региональном уровне. Она позволяет объединить усилия государств-единомышленников и других заинтересованных сторон вокруг решения общей задачи либо с целью расширения сотрудничества по разнообразным трекам в сфере политики, безопасности, экономики и культуры.

Список источников

1. Богатуров А.Д. Плюралистическая однополярность // Очерки теории и политического анализа международных отношений : науч.-образоват. форум по междунар. отношениям. М., 2002. С. 283–296.
2. Богатуров А.Д., Лебедева О.В., Бобров А.К. Эволюция доктринальных основ внешней политики России // Международная жизнь. 2022. № 2. С. 8–25.
3. Pellerin H. Network Diplomacy: A New Paradigm for Global Governance? // Global Governance. 2012. Vol. 18, № 1. P. 121–139.
4. Grittersova J. Network Diplomacy and International Governance. Cambridge University Press, 2015.
5. Metzl J. Network Diplomacy // Carnegie Georgetown Journal of International Affairs. 2001. Vol. 2, № 1. P. 77–87.
6. Manulak M. Why and How to Succeed at Network Diplomacy // The Washington Quarterly. 2019. № 42. P. 171–181.
7. Slaughter A.-M. The Chessboard and the Web: Strategies of Connection in a Networked World. New Haven : Yale University Press, 2017. 304 p.
8. Ramo J.C. The Seventh Sense: Power, Fortune, and Survival in the Age of Networks. New York : Little, Brown and Company, 2016. 352 p.
9. Castells M. The Rise of the Network Society. Oxford : Wiley-Blackwell, 2009. 656 p.
10. Лебедева О.В., Морозов В.М., Шебалина Е.О. Network Diplomacy: Theory // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2019. Т. 10, вып. 11 (85). doi: 10.18254/S207987840008084-1
11. Колосова И.В. Лабиринты «сетевой дипломатии» // Проблемы постсоветского пространства. 2014. № 2. С. 173–180.
12. Бурганова И.Н. Феномен сетевой дипломатии в системе международных отношений (на примере Российской Федерации) // Международный научно-исследовательский журнал. 2016. № 6-1 (48). С. 120–123.
13. Putnam R. Diplomacy and Domestic Politics: The Logic of Two-Level Games // International Organization. 1988. Vol. 42, № 3. P. 427–460.
14. Kirton J. G20 Governance for a Globalized World. Farnham : Ashgate, 2013. 520 p.
15. Hajnal P. The G20: Evolution, Interrelationships, Documentation. Farnham : Ashgate, 2014. 342 p.

References

1. Bogaturov, A.D. Plyuralisticheskaya odnopolyarnost' [Pluralistic unipolarity]. In: *Ocherki teorii i politicheskogo analiza mezhdunarodnykh otnosheniy: nauch.-obrazovat. forum po mezhdunar. otnosheniyam* [Essays on the theory and political analysis of international relations: scientific and educational forum on international relations]. Moscow: Nauchno-obrazovatel'nyy forum po mezhdunarodnym otnosheniyam. pp. 283–296.
2. Bogaturov, A.D., Lebedeva, O.V. & Bobrov, A.K. (2022) Evolyutsiya doktrinal'nykh osnov vneshney politiki Rossii [Evolution of the doctrinal foundations of Russia's foreign policy]. *Mezhdunarodnaya zhizn'*. 2. pp. 8–25.
3. Pellerin, H. (2012) Network Diplomacy: A New Paradigm for Global Governance? *Global Governance*. 18 (1). pp. 121–139.
4. Grittersova, J. (2015) *Network Diplomacy and International Governance*. Cambridge University Press.
5. Metzl, J. (2001) Network Diplomacy. *Carnegie Georgetown Journal of International Affairs*. 2 (1). pp. 77–87.
6. Manulak, M. (2019) Why and How to Succeed at Network Diplomacy. *The Washington Quarterly*. 42. pp. 171–181.
7. Slaughter, A.-M. (2017) *The Chessboard and the Web: Strategies of Connection in a Networked World*. New Haven: Yale University Press.
8. Ramo, J.C. (2016) *The Seventh Sense: Power, Fortune, and Survival in the Age of Networks*. New York: Little, Brown and Company.
9. Castells, M. (2009) *The Rise of the Network Society*. Oxford: Wiley-Blackwell.
10. Lebedeva, O.V., Morozov, V.M. & Shebalina, E.O. (2019) Network Diplomacy: Theory. *Elektronnyy nauchno-obrazovatel'nyy zhurnal "Istoriya"*. 10:11 (85). doi: 10.18254/S207987840008084-1
11. Kolosova, I.V. (2014) Labirinty "setevoy diplomatii" [Labyrinths of "network diplomacy"]. *Problemy postsovetskogo prostranstva*. 2. pp. 173–180.
12. Burganova, I.N. (2016) Fenomen setevoy diplomatii v sisteme mezhdunarodnykh otnosheniy (na primere Rossiyskoy Federatsii) [The phenomenon of network diplomacy in the system of international relations (on the example of the Russian Federation)]. *Mezhdunarodnyy nauchno-issledovatel'skiy zhurnal*. 6-1 (48). pp. 120–123.
13. Putnam, R. (1988) Diplomacy and Domestic Politics: The Logic of Two-Level Games. *International Organization*. 42 (3). pp. 427–460.
14. Kirton, J. (2013) *G20 Governance for a Globalized World*. Farnham: Ashgate.
15. Hajnal, P. (2014) *The G20: Evolution, Interrelationships, Documentation*. Farnham: Ashgate.

Информация об авторе:
Булва В.И. – канд. ист. наук, атташе Министерства иностранных дел Российской Федерации (Москва, Россия). Email: va.i.bulva@my.mgimo.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:
V.I. Bulva, Cand. Sci. (History), attaché, Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (Moscow, Russian Federation). Email: va.i.bulva@my.mgimo.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 17.01.2024;
одобрена после рецензирования 12.09.2024; принята к публикации 30.09.2024.

The article was submitted 17.01.2024;
approved after reviewing 12.09.2024; accepted for publication 30.09.2024.

Научная статья
УДК 93/94
doi: 10.17223/15617793/506/11

Атомный проект в контексте институциональных изменений (1950–2010-е гг.): опыт закрытого города Железногорска

Альбина Андреевна Глущенко[1]

[1] *Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия, albina.glushchenko@mail.tsu.ru*

Аннотация. Представлен опыт исторической реконструкции процесса становления и развития закрытого города Железногорска (1950–2010-е гг.) в контексте реализации советского/российского атомного проекта. Определены ключевые институциональные изменения, обусловившие характер и направления развития Железногорска как значимого компонента отечественной атомной отрасли. Раскрыто влияние на жизнь города в постсоветский период таких факторов, как демократизация общества, подъем экологического движения, изменения внешнеполитического курса.
Ключевые слова: советский атомный проект, закрытый город, ЗАТО, институты

Источник финансирования: результаты были получены в рамках выполнения государственного задания Минобрнауки России, проект № FSWM-2024-0008.

Для цитирования: Глущенко А.А. Атомный проект в контексте институциональных изменений (1950–2010-е гг.): опыт закрытого города Железногорска // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 506. С. 88–97. doi: 10.17223/15617793/506/11

Original article
doi: 10.17223/15617793/506/11

The Soviet nuclear project within the context of institutional changes (1950s–2010s): The case of the closed city of Zheleznogorsk

Albina A. Glushchenko[1]

[1] *National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, albina.glushchenko@mail.tsu.ru*

Abstract. The article presents an attempt of a historical reconstruction of the formation and development of the closed city of Zheleznogorsk (1950s–2010s) in the context of the implementation of the Soviet/Russian nuclear project. The aim of the study is to identify the key institutional changes that influenced the development of Zheleznogorsk as an important component of the Russian nuclear industry. The theoretical and methodological basis for the research is the concept of historical institutionalism, which assumes an emphasis on placing institutions in a broader context to study their interactions with other factors, such as socio-economic changes, ideological trends, the interests of actors and their strategies. To reconstruct the processes that took place during the Soviet period, scientific works on the history of the atomic project, local history and journalistic literature on the history of Zheleznogorsk and its city-forming enterprise, as well as published archival materials, were used. The main sources for studying the post-Soviet transformations that took place in the city and at the combine were materials from regional and city periodicals. The study shows that the development of Zheleznogorsk is closely related to the institutional changes that took place in the Soviet Union and Russia: it was founded as an integral part of the nuclear industry created in the second half of the 20th century and, before the collapse of the USSR, was subordinated primarily to its needs, in return receiving both material (in the form of specialized supplies, increased wages, etc.) and moral (in the form of a sense of "specialness", "elitism", belonging to a matter of national importance) privileges. In the late 1980s and 1990s, the city faced problems on a national scale caused by changes in the economic, ideological, domestic and foreign policy situation in the country. The article presents material that shows how the gradual democratization of society led to an increasingly open discussion in the city and especially in the region of the consequences of the activities of nuclear plants and their impact on the environment, as well as of radiological safety of future projects; and how the management of the combine, the city and the nuclear industry was trying to respond to the public demand. Another factor that had a significant impact on the life of the city in the post-Soviet period is the change in foreign policy in terms of ensuring international nuclear safety.
Keywords: Soviet nuclear project, closed city, ZATO, institutions

Financial support: The results were obtained within the framework of the state assignment of the Ministry of Science and Higher Education of Russia, Project No. FSWM-2024-0008.

For citation: Glushchenko, A.A. (2024) The Soviet nuclear project within the context of institutional changes (1950s – 2010s): the case of the closed city of Zheleznogorsk. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 506. pp. 88–97. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/506/11

© Глущенко А.А., 2024

Атомный проект СССР стал одним из наиболее значимых научно-технических прорывов своего времени. Активные работы по проекту начались в 1945 г., а уже к середине 1960-х гг. была создана новая высокотехнологичная, наукоемкая отрасль промышленности: заработали сотни новых предприятий, занятых добычей и обработкой урановой руды, производством компонентов для ядерного оружия и непосредственно самих боеприпасов, а также средств их доставки. Кроме этого, были построены (в большинстве случаев «на пустом месте») десять новых «секретных» городов, обеспечивавших работу атомных производств, сложившихся в результате в советский (российский) ядерно-оружейный комплекс[1]. Эти города формируют три кластера: центральный (Арзамаз-16, Пенза-19), уральский (Свердловск-44, Свердловск-45, Челябинск-40, Челябинск-70, Златоуст-36) и сибирский (Томск-7, Красноярск-26, Красноярск-45).

Различные аспекты истории советского атомного проекта начали активно разрабатываться после распада Советского Союза, когда постепенно стали снимать «гриф секретности» и с архивов, и с самих закрытых городов [2–4]. Пик публикационной активности по этой теме пришелся на начало 2000-х – 2010-е гг., чему способствовало в том числе издание многотомного собрания документов «Атомный проект СССР» (всего 12 книг) [5]. В конце 1980-х – 1990-е гг. было положено начало публикации воспоминаний непосредственных участников атомного проекта (ученых, руководителей предприятий, сотрудников разведки, добывавших сведения об американском проекте, ликвидаторов аварии на Чернобыльской АЭС) и о них. В самих закрытых городах появились работы краеведческого характера по истории этих городов и основных предприятий, многие из которых были приурочены к юбилейным датам основания поселений. Все большее внимание привлекают вопросы экологической безопасности функционирования атомной отрасли, последствий ядерных аварий, хранения и переработки отработавшего ядерного топлива [6–8]. Что касается исследований по истории закрытых атомных городов, то наиболее полно в настоящий момент разработана история уральских ЗАТО [9–12], а также городов (не только закрытых) центрального кластера (в первую очередь Обнинска [13] и Арзамаса-16 / Сарова [14]). Исследования сибирских закрытых городов носят фрагментарный характер и представлены в основном краеведческими или энциклопедическими работами. Исключение составляют научные исследования Г.А. Реута, занимающегося историей г. Железногорска [15]. Его работы посвящены главным образом советской истории создания и развития города (а не его градообразующих предприятий), особенностям формирования населения, организации социального-бытового обеспечения жителей, развития культуры и образования. Однако постсоветский период истории Железногорска и в целом закрытых городов, за некоторыми исключениями, пока не привлек должного внимания.

Объектом исследовательского интереса в данной статье является ЗАТО Железногорск, расположенный в Красноярском крае. С одной стороны, Железногорск можно считать «типичным» закрытым атомным городом; с другой стороны, уникальное подземное расположение его основного градообразующего предприятия повлияло на то, каким образом город и комбинат проходили через трансформации постсоветского режима. Замысел данной статьи состоит в исторической реконструкции процесса становления и развития закрытого города Железногорска в контексте реализации советского/российского атомного проекта, постепенно оформившегося в новый институт – атомную промышленность, который влиял на различные аспекты жизнедеятельности всего государства, города и его жителей. Цель работы – определить ключевые институциональные изменения, повлиявшие на развитие Железногорска как значимого компонента отечественной атомной отрасли. Теоретико-методологической основой реализации исследовательского замысла является концепция исторического институционализма [16, 17]. Ее преимущество видится в возможности рассмотрения «конкретных важных ситуаций и событий с помощью сравнительного анализа в исторической перспективе» [17. С. 117]. При этом предполагается упор на исследование институтов в более широком контексте для анализа их взаимодействия с другими факторами, такими как социально-экономические изменения, идеологические течения, интересы акторов и их стратегии [17. С. 118]. Данное исследование охватывает как советский, так и постсоветский период истории города Железногорска (1950–2010-е гг.), что позволяет проследить трансформацию процессов, происходивших в государстве и атомной промышленности, а также их влияние на изменения в закрытом городе. Для реконструкции процессов, происходивших в советский период, были использованы научные труды по истории атомного проекта, краеведческая и публицистическая литература по истории Железногорска и его градообразующего предприятия – Горно-химического комбината [18], а также опубликованные архивные материалы. Основными источниками для изучения постсоветских трансформаций, происходивших в городе и на предприятии, послужили материалы краевых и городских периодических изданий.

Историю атомного проекта СССР/России можно условно разделить на три этапа. По поводу хронологических рамок начального этапа в среде исследователей отсутствует единство мнений. Большинство исследователей считают началом атомного проекта 1945 г. – подписание постановления Государственного комитета обороны «О Специальном комитете при ГОКО» [5. Т. 2, кн. 1. С. 11–14]. Однако есть и такие [19], кто ведет отсчет от 1942 г. – распоряжения ГКО «Об организации работ по урану» [5. Т. 1, ч. 1. С. 269–270]. Такая двойная дата «поддерживается» ведомственными праздниками: День работника атомной промышленности отмечают 28 сентября – от даты распоряжения 1942 г., а день рождения атомной отрасли отсчитывают от 20 августа 1945 г., создания Спецкомитета при ГКО. Окончание первого этапа атомного проекта ограничивают либо 1949 г. – испытанием первой атомной бомбы СССР, либо 1953 г. – испытанием первой водородной бомбы. Однако, несмотря на различия позиций,

связанных с датировкой первого этапа, все специалисты сходятся во мнении по поводу его сущности. Этот этап обозначается как «форсированный». Его содержание определялось необходимостью в кратчайшие сроки (с еще большим «ускорением» работ по проекту после бомбардировок Хиросимы и Нагасаки) овладеть технологией производства ядерного оружия и создать ядерно-оружейный комплекс, тем самым устранив ядерную монополию США. Некоторые исследователи называют этот этап собственно «атомный проект» [15. С. 41; 19. С. 7–8] в отличие от второго, более расширенного, именуемого «атомная программа» [11. С. 9–10; 15. С. 43]. На втором этапе (1953–1991 гг.) важной задачей было обеспечение ядерного паритета с США и НАТО, в том числе за счет увеличения строительства предприятий ядерно-оружейного комплекса и населенных пунктов при них, а также развития новых научно-технологических отраслей – систем ПВО и средств доставки ядерного оружия (ракеты и тяжелые бомбардировщики). В этот период произошла институционализация атомной промышленности, которая включала не только военный компонент (хоть он и был доминирующим), но и так называемый мирный атом (в том числе производство электроэнергии, использование радиоизотопов в медицине, промышленности и сельском хозяйстве [20, 21]). Третий этап начинается с распада Советского Союза в 1991 г., когда предприятия атомной промышленности, как и вся страна, столкнулись с необходимостью перестраиваться на новые условия рыночной экономики, демократического государства, изменившихся международных отношений.

В контексте рассматриваемых в данной статье проблем представляется целесообразным вести отсчет истории атомного проекта СССР от 20 августа 1945 г., когда было подписано постановление Государственного комитета обороны № 9887сс/ов «О Специальном комитете при ГОКО». Этим постановлением на Спецкомитет возлагалось «руководство всеми работами по использованию внутриатомной энергии урана» [5. Т. 2, кн. 1. С. 11–14]. Этим же постановлением создавалось Первое главное управление (ПГУ) при СНК СССР, которое отвечало за непосредственное руководство научно-исследовательскими, проектными, конструкторскими организациями и предприятиями, привлекавшимися для реализации работ по урану. ПГУ возглавил генерал-полковник Б.Л. Ванников, бывший в то время наркомом боеприпасов. Для обеспечения научно-технических работ по проекту был создан Технический совет, в который вошли ведущие ученые физики и химики, большинство из них – академики или члены-корреспонденты АН СССР: академики А.И. Алиханов (секретарь совета), А.Ф. Иоффе, П.Л. Капица, И.В. Курчатов, В.Г. Хлопин, члены-корреспонденты И.Н. Вознесенский и И.К. Кикоин, профессор Ю.Б. Харитон. Председателем Спецкомитета был назначен Л.П. Берия. В 1953 г. на базе Первого и Третьего управлений при СНК СССР было образовано Министерство среднего машиностроения (с 2008 г. – Государственная корпорация по атомной энергии «Росатом»).

Как известно, первая испытанная Советским Союзом атомная бомба была плутониевой, созданной по примеру американского «Толстяка». Плутоний-239 (оружейный плутоний) получают путем обогащения урана-238 в ядерных реакторах. Для отработки этой технологии в Лаборатории № 2 АН СССР (ныне – Курчатовский институт в Москве) был спроектирован и построен первый в Советском Союзе и Европе уран-графитовый реактор Ф-1. Его пуск был осуществлен 25 декабря 1946 г. Параллельно с этим началось строительство промышленного реактора для наработки оружейного плутония, достаточного для изготовления первой атомной бомбы. Оно осуществлялось на комбинате № 817, будущем ПО «Маяк» в г. Челябинск-40 (современный Озерск). «Форсированный» характер первого этапа реализации советского атомного проекта, необходимость догнать Америку, недостаточность накопленных научных данных о радиационной опасности новых технологий часто приводили к пренебрежению техникой безопасности, что сказывалось на здоровье конкретных работников и приводило к мелким и более крупным авариям (наиболее известная – авария 1957 г. на ПО «Маяк»).

Стоит также отметить, что важной составляющей, или, как ее называет Е.Т. Артемов [22], «слагаемой успеха» реализации атомного проекта, являлась специально стимулируемая система конкуренции между различными НИИ, комбинатами или научными группами. Так происходило и при обсуждении проектов конструкции реакторов (уран-графитовый vs на тяжелой воде), и при работе над первой атомной бомбой (конструктивная схема с урановой или плутониевой начинкой), были и другие примеры. Предполагалось, что конкурентная борьба и административный нажим позволят найти и реализовать наиболее эффективные решения поставленных задач.

Конечно, кроме обеспечения внутренней конкуренции между производствами (в том числе за доступ к ограниченным ресурсам, как к экономическим, так и к символическим в виде, например, Сталинской премии или других госнаград), решающей для развития атомной промышленности была конкуренция внешняя, в первую очередь с США. Задача лишить Америку «ядерной монополии» была решена в августе 1949 г. Следующим этапом было достижение и поддержание паритета по обеспеченности различными видами атомного оружия, средствами их доставки, систем ПВО. Для того, чтобы снабжать промышленность достаточным количеством плутония для атомного оружия, в 1949 г. было решено построить в Сибири два комбината – в Томске-7 (Северск) и Красноярске-26 (Железногорск).

Следует отметить, что выбор площадок для строительства атомных комбинатов и населенных пунктов при них был неслучайным. 8 из 10 атомных закрытых городов находятся на Урале и в Сибири – удаленно от столицы и государственных границ, но при этом относительно близко к промышленным центрам (Челябинск, Екатеринбург, Красноярск, Томск) и транспортным магистралям. Учитывался и природный фактор:

регион должен быть несейсмоопасным, иметь естественный или искусственный источник воды для охлаждения реакторов, а также быть окруженным лесом для лучшей маскировки с воздуха. Причем, как пишет Г.И. Ревзин [23], лес «задавал высоту застройки» (здания выше пяти этажей не строили) и «входил в черту города» (старались максимально сохранять и поддерживать лесную растительность в жилой застройке и в промышленной зоне). Площадка, выбранная для строительства комбината № 815 в будущем Красноярске-26, отвечала всем этим критериям, но в то же время была уникальной – комбинат должны были построить «под землей в скальных породах с заглублением не менее 200–230 м над потолком сооружений» [5. Т. 2, кн. 5. С. 194–197]. Строительство комбината № 815 (Горно-химический комбинат (ГХК)) под землей обеспечивало не только защиту от потенциального прямого попадания американской ракеты (что являлось первоочередной задачей), но и в дальнейшем послужило площадкой для изучения «влияния на массив горных пород тепловых источников больших размеров – теплообменников ядерных реакторов», что было использовано при проектировании в начале 2000-х гг. в этом районе объекта окончательного захоронения долгоживущих радиоактивных отходов [24].

Строительство Горно-химического комбината и населенного пункта при нем началось в 1950 г. после подписания в феврале постановления СМ СССР № 826-302сс/оп «О комбинате № 815». Проектированием комбината и населенного пункта, как и остальных атомных городов, занимался Государственный союзный проектный институт № 11 (ГСПИ-11, он же Ленинградский проектный институт, в настоящее время – Головной институт «ВНИПИЭТ») [25]. ГХК был запроектирован в составе трех производств (все расположены под землей): реакторного (завода «А»), радиохимического (завода «Б»), металлургического (завода «М»)[2]. Для обеспечения возможности автономной работы основных производств в случае нарушения внешнего электроснабжения предусматривалось строительство электростанции, работающей на каменном угле. Реализация проекта осложнялась необходимостью проведения трудоемких и объемных горных работ, поэтому помощь в их выполнении была возложена на Главтоннельметрострой.

Сооружение таких объектов потребовало неординарных технических решений от проектировщиков, горняков, строителей, монтажников и специалистов комбината. Горнопроходческие и строительные работы велись круглосуточно, широким фронтом. Значительный вклад в трудоемкие строительные работы, особенно на первых этапах, вложили заключенные и военные строители. На строительстве комбината № 815 и Красноярска-26 использовался труд заключенных исправительно-трудовых лагерей (ИТЛ) «Гранитный» [26] и «Полянский» [27]. Помимо горнопроходческих работ в начальный период заключенные трудились на многих вспомогательных производствах, в подсобном хозяйстве и строили гражданские объекты города. Заключенные ИТЛ «Гранитный», например, прокладывали железную дорогу от станции Базаиха возле Красноярска до базы строительства комбината и поселка. После 1953 г. использование труда заключенных постепенно стали сокращать, заменяя их на военных строителей или вольнонаемных. Тем не менее окончательная ликвидация ИТЛ в Красноярске-26 заняла более 10 лет – ИТЛ «Полянский» был ликвидирован в 1965 г. По подсчетам железногорского краеведа С.П. Кучина, с 1950 по 1965 г. через Полянский ИТЛ прошло 80 483 заключенных [27. С. 184][3]. Многие аспекты использования труда заключенных в реализации советского атомного проекта, или, как его красноречиво называют некоторые авторы [29], «Архипелага ЗАТО», до сих пор остаются малоизученными и должны стать объектом отдельного исследования.

Первый реактор «АД» Горно-химического комбината вступил в строй действующих предприятий страны в августе 1958 г. Второй реактор АДЭ-1 был принят в эксплуатацию в июле 1961 г. Буква «Э» обозначает «энергетический»; предполагалось, что реактор будет работать в двухцелевом режиме: для наработки плутония и выработки электрической энергии. Однако по ряду причин он так и не был переведен в двухцелевой режим и до сентября 1992 г. работал со сбросом охлаждающей воды в реку. Третий реактор АДЭ-2 был выведен на первую ступень мощности 25 декабря 1963 г., а 31 января 1964 г. был синхронизирован и включен в сеть первый турбогенератор на ТЭЦ. Таким образом, вступила в строй первая в мире подземная атомная электростанция. Реактор АДЭ-2 впервые в СССР был введен в эксплуатацию сразу в энергетическом режиме. Одновременно с этим была разработана и внедрена схема использования тепла от реактора для теплоснабжения и горячего водоснабжения Красноярска-26. За разработку и использование этой схемы В.И. Никиташин, П.В. Морозов (ГХК) и Ю.А. Чекмарев (ВНИПИЭТ) были удостоены премии Совета министров СССР, а В.П. Муравьеву, А.Г. Мешкову, В.И. Рябову, Ю.С. Волжанину, Н.Ф. Луконину (все – сотрудники ГХК) была присуждена Ленинская премия [18. С. 113]. Работа третьего реактора в энергетическом режиме позволила, во-первых, исключить сброс радиоактивной воды в Енисей, так как на АТЭЦ вода циркулировала по замкнутому кругу [18. С. 113]; во-вторых, обеспечение города теплом и электричеством сделало его еще более самодостаточным и не зависящим от внешних источников, что было одним из приоритетов при проектировании закрытых городов для обеспечения режима секретности.

С другой стороны, можно сказать, что город оказался в зависимости у своего энергетического реактора – уже в 1972 г. начали разрабатывать проект дополнительного источника тепла, который так и не был реализован [30]. А после выработки проектного срока службы реактора к концу 1980-х – началу 1990-х гг. проблема строительства замещающего источника тепла и электроэнергии встала еще более остро. В итоге, судя по обсуждению в городской газете «Город и горожане», в котором в качестве экспертов вы-

ступили руководители и ведущие специалисты Сосновоборской ТЭЦ, в конце 1980-х гг. вернулись к проекту строительства Сосновоборской ТЭЦ (сегодня Железногорская ТЭЦ), предназначенной «для покрытия тепловых нагрузок быстрорастущего промышленно-аграрного региона и жилищно-коммунального сектора городов Сосновоборска, Красноярска-35 (поселок Подгорный рядом с Железногорском. – *А.Г.*), Есаулово, с. Бархатово, Красноярской и Березовской бройлерных фабрик, теплично-парникового хозяйства, а также вновь проектируемых предприятий агропрома: овощеконсервного завода, завода по переработке картофеля и других» [31]. Работать ТЭЦ должна была на угле Канско-Ачинского угольного бассейна. В 1989 г. Анатолий Ромашов[4] (в то время зам. директора ГХК по капитальному строительству) в статье для газеты «Город и горожане» писал, что общая смета на строительство Железногорской ТЭЦ составляет 420 млн рублей [30]. Однако развал Советского Союза и последовавший за ним кризис не позволили начать реализацию этого проекта. К нему смогли вернуться только в 2007 г. в рамках межправительственного соглашения между Россией и Соединенными Штатами о сотрудничестве в отношении реакторов, производящих плутоний [33], подписанного еще в сентябре 1997 г. По этому соглашению российская сторона останавливала производство неэнергетического плутония на реакторах АДЭ-4 и АДЭ-5 в Северске и реакторе АДЭ-2 в Железногорске, а американская сторона обеспечивала поэтапное финансирование совместных работ либо по осуществлению модификации реакторов, либо по созданию альтернативных энергетических источников на основе органического топлива. В результате на строительство Железногорской ТЭЦ было потрачено порядка 450 млн долларов. Она должна была начать работу в 2010 г. после остановки реактора АДЭ-2, но в итоге была введена в эксплуатацию только в 2012 г. [34]. Два промежуточных года город отапливался мазутной котельной Горно-химического комбината, которая изначально строилась и использовалась как замещающий источник тепла при остановке реактора для проведения планово-предупредительных работ. Из-за постоянных задержек в строительстве и запуске ТЭЦ, необходимости задействовать котельную ГХК, которая работала на дорогостоящем мазуте, тарифы на тепловую энергию значительно выросли, что привело к росту недовольства горожан. Многие также отмечали ухудшение качества горячей воды (например, появление неприятного запаха, увеличение жесткости).

Реакцией на проблемы, связанные с работой Железногорской ТЭЦ, стало возобновление общественного обсуждения идеи строительства новой атомной ТЭЦ. В конце 1980-х – начале 1990-х гг. такой вопрос уже обсуждался [35] как альтернатива строительству угольной станции, но от нее отказались из-за дороговизны проекта и (как тогда предполагалось) более длительных сроков его реализации. Еще одним аргументом против строительства новой атомной станции называли настороженное (а в некоторых случаях резко негативное) отношение населения к ядерным технологиям, беспокойство за свое личное здоровье и экологическую обстановку, возникшие как реакция на аварию на Чернобыльской АЭС в 1986 г. В общем, в 2010-е гг. руководство города и корпорации «Росатом» использовали те же аргументы «против»: длительность и дороговизна, к тому же ГХК в то время реализовывал другие проекты, связанные с утилизацией ядерных отходов, и не мог «распылять» человеческие и финансовые ресурсы.

Кроме решения вопроса с обеспечением теплом и электроэнергией городская администрация и руководство комбината после распада Советского Союза на волне начавшихся процессов демократизации столкнулись с необходимостью открыто обсуждать проблемы экологической безопасности, причем не столько с самими горожанами, сколько с внешними акторами – жителями Красноярска и других ближайших населенных пунктов, а также «зелеными» активистами.

В советское время, когда город и в целом атомная отрасль были закрытыми, перед руководством стояла противоположная задача – ни с кем ничего не обсуждать, максимально охранять секреты (не только от шпионов извне, но и от «внутренних»). Кроме физической «защиты» городов – ограждения из колючей проволоки по периметру с КПП, военизированной охраной и проходом по пропускам – информация о них была защищена юридически. Города и предприятия имели номерные названия (комбинат 815, Управление строительством п/я 9, Красноярск-26 и т.п.), которые хотя и можно было использовать в открытой переписке, но они не отображались на картах, информация о них не печаталась в прессе, в статистических справочниках и т.п. Как пишет А.Г. Реут, разрешение на въезд в закрытые атомные города «трактовалось как допуск к секретной информации». Соответственно, все прибывавшие в город (а предварительно необходимо было пройти строгий контроль отдела кадров и режимно-секретных органов) на постоянное или временное проживание давали «подписку о неразглашении сведений о городе и его предприятиях, о названиях расположенных вблизи населенных пунктов, рек, озер и других ориентиров, могущих раскрыть местоположение объекта» [15. С. 257]. Атмосфера секретности сохранялась также и внутри города на протяжении многих лет. По воспоминаниям некоторых жителей, даже среди близких друзей было «неприлично» расспрашивать о работе на производстве [36]. Тем не менее большинство горожан имели общие представления об отношении города к атомной промышленности, разделяли чувство «принадлежности к общему делу» по обеспечению безопасности государства.

В постсоветское время в СМИ разного уровня стало появляться много разнообразной (в том числе непроверенной) информации о советской атомной промышленности, в частности стали открыто говорить о ее негативном наследии: последствиях аварий на предприятиях («Маяке», Чернобыльской АЭС), утилизации отработанного ядерного топлива и радиоактивных отходов, их негативном влиянии на здоровье людей. Вместе с тем, несмотря на происходившую демократизацию государства, российская атомная промышленность во многом продолжала оставаться недостаточно открытой при проведении общественного обсуждения

новых проектов развития отрасли, реализация коммерческих проектов по утилизации отработанного ядерного топлива и его захоронения на территории России не получала «должного» одобрения со стороны общества [37. С. 307].

Эти факторы привели к усилению радиофобии в населенных пунктах рядом с «атомными» городами. Так, например, в мае 1990 г. в газете «Город и горожане» вышла небольшая заметка о работе выездной комиссии в пионерском лагере «Таежный», расположенном недалеко от Железногорска вниз по течению Енисея [38]. Комиссия работала в ответ на «запрос общественности», появившийся ранее в краевой газете «Красноярские профсоюзы», где были опубликованы «неподтвержденные, непроверенные данные о замерах в санитарно-защитной зоне ГХК», которые вызвали панику у населения о состоянии радиационной безопасности на территории детского лагеря. В результате работы комиссии, проведения гамма-съемки и анализа проб (воды, воздуха, почвы) было дано заключение, что «радиационная обстановка в лагере благополучная, оснований для запрещения пребывания детей в лагере нет». Также было предложено организовать на территории лагеря пост дозиметрического контроля и постоянный экологический мониторинг.

В 1990–2000-е гг. было еще несколько проектов Росатома, реализуемых в Железногорске, вокруг которых возникло широкое общественное обсуждение. Причем недовольство (а в некоторых случаях и физические протесты) высказывали активисты и жители не закрытого города, а Красноярска. Первый проект – поиск места для строительства подземной площадки окончательного захоронения радиоактивных отходов (РАО) – начался еще в 1992 г. В его реализации предусматривалось несколько этапов [39, 40]. На первом этапе, продолжавшемся с 1992 по 2001 г., были выполнены региональные исследования, по результатам которых выбраны два перспективных участка – «Верхнеитатский» и «Енисейский». Проведенные в 2002–2007 гг. более детальные исследования на выбранных площадках позволили прийти к выводу о предпочтительности участка «Енисейский». В 2008 г. была разработана и утверждена «Декларация о намерениях» строительства объекта окончательной изоляции РАО. В 2008–2015 гг. были проведены предпроектные детальные исследования на участке «Енисейский», подготовлены и утверждены «Обоснования инвестиций», «Оценка воздействия на окружающую среду», начато проектирование надземных и подземных сооружений. После получения в 2016 г. лицензии и разработки рабочей документации начато строительство наземных и подземных сооружений (опытно-демонстрационного центра и подземной исследовательской лаборатории), которое планируется закончить к 2028 г. [41]. После этого примерно в течение десяти лет планируются опытно-промышленные исследования и отработка выполнения технологических операций в подземной лаборатории, по результатам которых будут подготовлены документы для лицензирования эксплуатации пункта глубинного захоронения РАО и разработки «Отчета по обоснованию безопасности». Только после проведения исследований в подземной лаборатории и подготовки отчета можно будет точно утверждать, что данная площадка подходит для окончательного захоронения радиоактивных отходов. Практически каждый этап данного проекта вызывал вопросы и общественные обсуждения, на которые был вынужден реагировать Росатом, руководители города и Горно-химического комбината.

Впервые опасения по поводу строительства «ядерного могильника» (как называют его противники) были высказаны в краевой прессе [42, 43] в 1989 г., когда шло строительство «площадки № 27» на левом берегу Енисея напротив ГХК для захоронения жидких радиоактивных отходов. Однако из-за нехватки финансов в начале 1990-х гг. от использования этой площадки отказались, она была законсервирована. Тем не менее необходимость в поиске площадки для захоронения радиоактивных отходов по-прежнему оставалась, поэтому в 1992 г. начались геологоразведочные, геофизические исследования в разных регионах России. Как было указано выше, в результате выбор был сделан в пользу площадки на правом берегу Енисея недалеко от ГХК. Общественность Красноярска критикует этот выбор за близость к миллионному городу и очень важной водной артерии – реке Енисей, беспокоясь за возможные катастрофические последствия для экологии. В июле 2012 г. в Железногорске прошли общественные слушания по оценке воздействия на окружающую среду по теме «Строительство первоочередных объектов окончательной изоляции радиоактивных отходов, включая проектно-изыскательские работы (Красноярский край, Нижне-Канский массив)». В них приняли участие 276 человек, за проект проголосовали 179 человек. Однако красноярские активисты остались недовольны результатами слушаний, указав, что большинство участников были работниками ГХК – жителями города (которые априори будут выступать в поддержку проекта), при этом потенциальные внешние участники, которые могли бы выступить против, практически не имели возможности попасть в закрытый Железногорск, так как информация о проведении слушаний появилась за четыре дня до их проведения (фактически за два рабочих дня), а для получения пропуска в город необходимо писать заявления за месяц до планируемой даты въезда [44, 45]. В 2013 г. была создана петиция с требованием «запретить создание федерального могильника радиоактивных отходов под Красноярском» (ее подписали более 140 тыс. человек) [46]. Эта же группа активистов с 2014 г. ведет группу в социальной сети «ВКонтакте» [47], где они рассказывают о различных направлениях своей деятельности (в том числе о разного рода судебных разбирательствах), публикуют аналитические материалы, комментарии по ходу реализации проекта строительства пункта захоронения РАО. Национальный оператор по обращению с радиоактивными отходами (является заказчиком работ) совместно с администрацией Железногорска и Горно-химического комбината стараются реагировать на проявления недовольства общественности, информировать население, например, организовывая пресс-туры на объекты ГХК и будущей подземной исследовательской лаборатории для представителей СМИ и

общественности [48], а также с помощью публикаций в корпоративном издании «Вестник Горно-химического комбината» [49].

В 1990–2000-е гг. вопросы охраны окружающей среды и экологической безопасности стали обсуждать и в самом городе, но они не были связаны с потенциальными негативными последствиями деятельности атомного комбината. Горожан волновали качество воды и прибрежной территории городского озера[5], необходимость строительства новых очистных сооружений и водозабора, ликвидации несанкционированных свалок. Все эти вопросы активно освещались в городской газете. Также в ней регулярно (раз в квартал) городская санитарно-эпидемиологическая служба публиковала данные мониторинга загрязнения окружающей среды (концентрация пыли в воздухе, «мощность экспозиционной дозы гамма-излучения», качество сбрасываемой предприятиями воды и т.п.), а штаб гражданской обороны – программы обучения ГО для населения города, их результаты, дополнительные рекомендации. Эти факторы, а также в целом высокий уровень доверия жителей закрытых городов ядерным технологиям не позволили в городе возникнуть негативному отношению к проектам развития атомной промышленности.

В целом можно сделать вывод, что развитие Железногорска тесно связано с институциональными изменениями, происходившими в Советском Союзе и России. Он возник как составная часть созданной во второй половине XX в. атомной промышленности и до распада СССР подчинялся в первую очередь ее нуждам, взамен получая как материальные (специализированное снабжение, повышенная оплата труда и т.д.), так и моральные (чувство «особости», «элитарности» [50], причастности к делу государственной важности) привилегии. В конце 1980-х – 1990-е гг. город столкнулся с проблемами общегосударственного масштаба, вызванными изменением экономической, идеологической, внутри- и внешнеполитической ситуации в стране. В данной статье представлен материал, позволивший показать, как постепенная демократизация общества привела к тому, что в городе и особенно в крае стали все более открыто обсуждать вопросы последствий деятельности атомных предприятий и их влияния на окружающую среду, радиологической безопасности будущих проектов и каким образом на общественный запрос пытается реагировать руководство предприятия, города и атомной отрасли. Еще одним фактором, оказавшим значительное влияние на жизнь города в постсоветский период, стало изменение внешнеполитического курса в части обеспечения международной ядерной безопасности. Двусторонние соглашения с США привели к остановке реакторов, вырабатывавших не только оружейный плутоний, но и тепло и электричество для города, при этом взамен благодаря финансовой помощи американцев появился альтернативный источник тепла – Железногорская ТЭЦ. Взаимодействие с зарубежными партнерами, а также постепенное появление новых собственных проектов Росатома способствовали сохранению кадрового потенциала Горно-химического комбината, а также экономического, социального и культурного развития города. Безусловно, внутриполитические и экономические изменения, происходившие в стране в конце 1980-х – 1990-е гг., также отразились на жизнедеятельности Железногорска и его градообразующих предприятий, однако рассмотрение этих процессов требует отдельного исследования.

Примечания

[1] В 1992 г. секретные (закрытые) города получили статус ЗАТО – закрытых административно-территориальных образований, созданных «в целях обеспечения безопасного функционирования находящихся на его территории организаций, осуществляющих разработку, изготовление, хранение и утилизацию оружия массового поражения, переработку радиоактивных и других представляющих повышенную опасность техногенного характера материалов, военных и иных объектов, для которых в целях обеспечения обороны страны и безопасности государства устанавливается особый режим безопасного функционирования и охраны государственной тайны, включающий специальные условия проживания граждан» [1].

[2] В результате были построены только реакторный и радиохимический заводы. Под металлургический завод были подготовлены площади в горе, но необходимость в самом заводе к концу 1950-х гг. отпала. Эти площади какое-то время занимал цех по производству гироскопов созданного в 1959 г. ОКБ-10 (сначала восточный филиал ОКБ-1 С.П. Королева, в настоящее время АО «Информационные спутниковые системы им. академика М.Ф. Решетнева»). См.: [18. С. 96–97].

[3] Критику данных, представленных С.П. Кучиным в своей работе, см.: [28].

[4] Ромашов Анатолий Алексеевич (26.11.1939 – 17.03.2022) – почетный гражданин Железногорска, приехал в город в 1962 г., работал на ГХК. Неоднократно избирался депутатом городского совета, был депутатом Красноярского краевого совета. В 1989 г. стал председателем исполкома горсовета, затем председателем городского совета народных депутатов. С 1998 по 2011 гг. – заместитель председателя Законодательного собрания Красноярского края. См.: [32]

[5] Озеро было искусственно создано в конце 1958 г. путем «запруживания» реки Кантат. Для этого в ее пойме была вырыта «чаша», выкорчеваны все деревья и кустарники, построена дамба.

Список источников

1. Закон РФ от 14.07.92 № 3297-1 «О закрытом административно-территориальном образовании» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_734/ (дата обращения: 10.06.2024).
2. Мельникова Н.В., Бедель А.Э. Атомный проект СССР: современная отечественная историография и источники // Экономическая история: ежегодник. 2016. Т. 2014–15. С. 492–513.
3. Мельникова Н.В., Джозефсон П. Американские и российские исследования истории атомного проекта СССР: сравнительный анализ // Вопросы истории естествознания и техники. 2016. Т. 37, № 1. С. 85–109.
4. Толстиков В.С. Об освещении истории создания и развития отечественной атомной промышленности // Вестник Челябинского государственного университета. 1999. № 2 (10). С. 20–26.
5. Атомный проект СССР: документы и материалы : [в 3 т.] / под общ. ред. Л.Д. Рябева. М., 1998–2010. URL: https://elib.biblioatom.ru/soviet-atomic-program/ (дата обращения: 20.05.2024).

6. Kasperski T. From Legacy to Heritage. The Changing Political and Symbolic Status of Military Nuclear Waste in Russia // Cahiers du monde russe. 2019. No. 60/2-3. URL: http://journals.openedition.org/monderusse/11277 (дата обращения: 03.01.2023).
7. Комарова Г.А. Люди и радиация: этнокультурные аспекты экологического бедствия на Южном Урале. М. : ИЭА РАН, 1999. 23 с. (Исследования по прикладной и неотложной этнологии ; Т. 122)
8. Новоселов В.Н., Толстиков В.С. Атомный след на Урале. Челябинск : Рифей, 1997. 240 с.
9. Кузнецов В.Н. Атомные закрытые административно-территориальные образования Урала: История и современность : в 2 ч. Ч. 1: Советский период. Екатеринбург, 2015. 440 с.; Ч. 2: Постсоветский период. Екатеринбург, 2016. 379 с.
10. Толстиков В.С., Кузнецов В.Н. Ядерное наследие на Урале: исторические оценки и документы. Екатеринбург, 2017. 396 с.
11. Мельникова Н.В. Советский атомный проект: политика и практика кадрового обеспечения : дис. … д-ра ист. наук. Екатеринбург, 2023. 662 с.
12. Новоселов В.Н., Толстиков В.С. Тайны «Сороковки». Екатеринбург, 1995. 448 с.
13. Орлова Г.А. Собирая проект. От составителя раздела // ШАГИ/STEPS. 2016. № 2(1). С. 154–166.
14. Матюшкин В.Ф. Повседневная жизнь Арзамаса-16 / предисл. Л.Д. Рябева, послесл. авт. М. : Молодая гвардия, 2007. 424 с.
15. Реут Г.А. Ведомственные населенные пункты Министерства среднего машиностроения СССР в Сибири (1949–1991 гг.) : дис. … д-ра ист. наук. Красноярск, 2014. 600 с.
16. Steinmo S. Historical institutionalism // Della Porta D., Keating M., eds. Approaches and Methodologies in the Social Sciences: A Pluralist Perspective. Cambridge University Press, 2008. P. 118–138.
17. Белькова А.А. Исторический институционализм – новое направление в исторических исследованиях // Вестник Бурятского государственного университета. 2014. № 7. С. 117–121.
18. Скала. Книга, посвященная 60-летию ФГУП «ГХК». Красноярск : Платина Плюс, 2010. 176 с.
19. Артемов Е.Т. Атомный проект в координатах сталинской экономики. М. : Политическая энциклопедия, 2017. 343 с.
20. Орлова Г. Что такое мирный атом // Arzamas.Академия. URL: https://arzamas.academy/materials/2199 (дата обращения: 10.06.2024).
21. Josephson P. Red Atom. Russia's Nuclear Power Program From Stalin To Today. University of Pittsburgh Press, 2005. 352 p.
22. Артемов Е.Т. Слагаемые успеха советского атомного проекта // Вестник Российской академии наук. 2020. Т. 90, № 9. С. 870–881. doi: 10.31857/S0869587320090029
23. Ревзин Г.И. Наукограды в России: вопросы генезиса // Labyrinth. Теории и практики культуры. 2020. № 4. С. 23–42.
24. Обезопасить РАО / Бейгул Валерий Прокопьевич / Участники проекта // Живая история. История Росатома. URL: https://memory.biblioatom.ru/persons/beygul_v_p/bio/ (дата обращения: 10.06.2024).
25. Соколов А. Как сложилась уникальная архитектура атомных ЗАТО // Страна Росатом. 2023. 5 июня. URL: https://strana-rosatom.ru/2023/06/05/kak-slozhilas-unikalnaya-arhitektur/ (дата обращения: 20.06.2024).
26. Кучин С.П. «Гранитный» из 505… (Исследование по истории исправительно-трудовых лагерей заключенных, расположенных на территории г. Красноярск-26). Красноярск-26, 1994. 55 с.
27. Кучин С.П. Полянский ИТЛ (ГУЛАГ – уголовный). Железногорск (Красноярск-26), 1999. 256 с.
28. Есин Р.С. К вопросу об объективности статистических сведений о заключенных исправительно-трудовых лагерей закрытых городов в публикациях краеведов // Социально-экономический и гуманитарный журнал Красноярского ГАУ. 2018. № 1. С. 186–192.
29. Лаппо Г.М., Полян П.М. Наукограды России: вчерашние запретные и полузапретные города – сегодняшние точки роста // Мир России. 2008. № 1. С. 20–49.
30. Сосновоборская ТЭЦ: есть ли альтернатива? // Город и горожане. 1989. 10 января. № 1. С. 1.
31. ТЭЦ: как решаются проблемы? // Город и горожане. 1989. 20 января. № 2. С. 1.
32. Почетные граждане // Администрация ЗАТО г. Железногорск, Красноярский край. URL: https://www.admk26.ru/o_gorode/pochetnye_grazhdane (дата обращения: 20.06.2024).
33. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Соединенных Штатов Америки о сотрудничестве в отношении реакторов, производящих плутоний (с изменениями на 12 марта 2003 года) // Электронный фонд правовых и научно-технических документов. URL: https://docs.cntd.ru/document/901868274?marker=64U0IK&section=text (дата обращения: 23.06.2024).
34. Железногорская ТЭЦ // Энциклопедия теплоснабжения. URL: https://www.rosteplo.ru/w/Железногорская_ТЭЦ (дата обращения: 23.06.2024).
35. Выбора нет! // Город и горожане. 1990. 23 ноября. № 47. С. 1.
36. Полевые материалы автора. Интервью с Д.Ц. 2013 г.
37. Дериглазова Л.В., Рожановская Н.К. Ядерный фактор в российском общественном мнении, 1991–2016 // Ядерный мир: новые вызовы режиму ядерного нераспространения / под ред. Е.Б. Михайленко. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2017. С. 287–319.
38. По просьбе общественности // Город и горожане. 1990. 11 мая. № 19. С. 3.
39. Подземная исследовательская лаборатория в Нижнеканском массиве // НО РАО. URL: https://www.norao.ru/about/underground/ (дата обращения: 20.06.2024).
40. Абрамов А.А., Бейгул В.П. Создание подземной исследовательской лаборатории на участке «Енисейский» Нижнеканского массива: состояние и дальнейшее развитие работ // Атомная энергия 2.0. 22 августа 2017. URL: https://www.atomic-energy.ru/articles/2017/08/22/78690 (дата обращения: 20.06.2024).
41. Рожков Е. Схоронить под каменной горой: как изолировать высокоактивные РАО // Страна Росатом. 22 мая 2023. URL: https://strana-rosatom.ru/2023/05/22/shoronit-pod-kamennoj-goroj-kak-izol/ (дата обращения: 20.06.2024).
42. Не хотим повторения Чернобыля! // Красноярский комсомолец. 1989. 29 июня.
43. Обращение к жителям бассейна реки Енисей // Красноярский комсомолец. 1989. 1 июля.
44. Яд-завод отвлек от ядерного завоза // Московский комсомолец. Красноярск. 2012. 1 августа. URL: https://kras.mk.ru/articles/2012/08/01/731945-yadzavod-otvlek-ot-yadernogo-zavoza.html (дата обращения: 20.06.2024).
45. Одобрям-с! // Свежее телевидение. 2021. 31 июля. URL: https://tv.k26.ru/index.php?newsid=4816 (дата обращения: 20.06.2024).
46. Петиция «Требуем запретить создание федерального могильника радиоактивных отходов под Красноярском» // Change.org. URL: https://www.change.org/p/мы-против-ядерного-могильника (дата обращения: 20.06.2024).
47. Краевой радиоэкологический центр // ВКонтакте. URL: https://vk.com/atom26 (дата обращения: 20.06.2024).
48. Технический тур экспертов на площадку строительства подземной исследовательской лаборатории в Железногорске // Атомная энергия 2.0. 07 июля 2023. URL: https://www.atomic-energy.ru/video/136964 (дата обращения: 20.06.2024).
49. Мобилизация. Кто и зачем пытается вставлять палки в колеса составу с ОЯТ и как противостоять провокации // Вестник ГХК. 2012. № 1 (451). С. 6–7.
50. Мельникова Н.В. «Атомная» идентичность жителей закрытых атомных городов России // Ученые записки ОГУ. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2019. № 3(84). С. 15–19.

References

1. Consultant Plus. (1992) *On Closed Administrative-Territorial Entity. Law of the Russian Federation No. 3297-1 of July 14, 1992*. [Online] Available from: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_734/ (Accessed: 10.06.2024). (In Russian).

2. Mel'nikova, N.V. & Bedel', A.E. (2016) Atomnyy proekt SSSR: sovremennaya otechestvennaya istoriografiya i istochniki [The USSR atomic project: modern domestic historiography and sources]. *Ekonomicheskaya istoriya: ezhegodnik*. 2014–15. pp. 492–513.
3. Mel'nikova, N.V. & Josephson, P. (2016) Amerikanskie i rossiyskie issledovaniya istorii atomnogo proekta SSSR: sravnitel'nyy analiz [American and Russian studies of the history of the USSR atomic project: a comparative analysis]. *Voprosy istorii estestvoznaniya i tekhniki*. 1 (37). pp. 85–109.
4. Tolstikov, V.S. (1999) Ob osveshchenii istorii sozdaniya i razvitiya otechestvennoy atomnoy promyshlennosti [On the coverage of the history of the creation and development of the domestic nuclear industry]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2 (10). pp. 20–26.
5. Ryabev, L.D. (ed.) (1998–2010) *Atomnyy proekt SSSR: dokumenty i materialy* [The USSR Atomic Project: Documents and materials]. Moscow: Nauka; Fizmatlit. [Online] Available from: https://elib.biblioatom.ru/soviet-atomic-program/ (Accessed: 20.05.2024).
6. Kasperski, T. (2019) From legacy to heritage. The changing political and symbolic status of military nuclear waste in Russia. *Cahiers du monde russe*. 60/2-3. [Online] Available from: http://journals.openedition.org/monderusse/11277 (Accessed: 03.01.2023).
7. Komarova, G.A. (1999) *Lyudi i radiatsiya: etnokul'turnye aspekty ekologicheskogo bedstviya na Yuzhnom Urale* [People and Radiation: Ethnocultural aspects of the ecological disaster in the Southern Urals]. Moscow: Institute of Ethnology and Anthropology RAS.
8. Novoselov, V.N. & Tolstikov, V.S. (1997) *Atomnyy sled na Urale* [Atomic Trace in the Urals]. Chelyabinsk: Rifey.
9. Kuznetsov, V.N. (2015–2016) *Atomnye zakrytye administrativno-territorial'nye obrazovaniya Urala: Istoriya i sovremennost'* [Nuclear Closed Administrative-Territorial Entities of the Urals: History and modernity]. Yekaterinburg: Institute of History and Archaeology UB RAS; Academy of Military Science UB RAS.
10. Tolstikov, V.S. & Kuznetsov, V.N. (2017) *Yadernoe nasledie na Urale: istoricheskie otsenki i dokumenty* [Nuclear Legacy in the Urals: Historical Assessments and Documents]. Yekaterinburg: Institute of History and Archeology UB RAS.
11. Mel'nikova, N.V. (2023) *Sovetskiy atomnyy proekt: politika i praktika kadrovogo obespecheniya* [Soviet atomic project: policy and practice of personnel provision]. History Dr. Diss. Yekaterinburg.
12. Novoselov, V.N. & Tolstikov, V.S. (1995) *Tayny "Sorokovki"* [Secrets of the "Sorokovka"]. Yekaterinburg: Ural'skiy rabochiy.
13. Orlova, G.A. (2016) Sobiraya proekt. Ot sostavitelya razdela [Assembling the project. From the author of the section]. *ShAGI/STEPS*. 2 (1). pp. 154–166.
14. Matyushkin, V.F. (2007) *Povsednevnaya zhizn' Arzamasa-16* [Everyday Life of Arzamas-16]. Moscow: Molodaya gvardiya.
15. Reut, G.A. (2014) *Vedomstvennye naselennye punkty Ministerstva srednego mashinostroeniya SSSR v Sibiri (1949–1991 gg.)* [Departmental settlements of the Ministry of Medium Machine Building of the USSR in Siberia (1949–1991)]. History Cand. Diss. Krasnoyarsk.
16. Steinmo, S. (2008) Historical institutionalism. In: Della Porta, D. & Keating, M. (eds) *Approaches and Methodologies in the Social Sciences: A pluralist perspective*. Cambridge: Cambridge University Press. pp. 118–138.
17. Bel'kova, A.A. (2014) Istoricheskiĭ institutsionalizm – novoe napravlenie v istoricheskikh issledovaniyakh [Historical institutionalism – a new direction in historical research]. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta*. 7. pp. 117–121.
18. Morozov, P.V. et al. (eds) (2010) *Skala. Kniga, posvyashchennaya 60-letiyu FGUP "GKhK"* [Skala. A book dedicated to the 60th anniversary of Mining and Chemical Combine, the Federal State Unitary Enterprise]. Krasnoyarsk: Platina Plyus.
19. Artemov, E.T. (2017) *Atomnyy proekt v koordinatakh stalinskoy ekonomiki* [Atomic Project in the Coordinates of the Stalinist Economy]. Moscow: Politicheskaya entsiklopediya.
20. Orlova, G. (n.d.) Chto takoe mirnyy atom [What is the peaceful atom]. *Arzamas.Akademiya*. [Online] Available from: https://arzamas.academy/materials/2199 (Accessed: 10.06.2024).
21. Josephson, P. (2005) *Red Atom. Russia's Nuclear Power Program from Stalin to Today*. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press.
22. Artemov, E.T. (2020) Slagaemye uspekha sovetskogo atomnogo proekta [The components of the success of the Soviet atomic project]. *Vestnik Rossiyskoy akademii nauk*. 9 (90). pp. 870–881. doi: 10.31857/S0869587320090029
23. Revzin, G.I. (2020) Naukogrady v Rossii: voprosy genezisa [Science Cities in Russia: Questions of Genesis]. *Labyrinth. Teorii i praktiki kul'tury*. 4. pp. 23–42.
24. Beygul, V.P. (n.d.) Obezopasit' RAO [Secure Radioactive Waste]. *Zhivaya istoriya. Istoriya Rosatoma* [Living History. History of Rosatom]. [Online] Available from: https://memory.biblioatom.ru/persons/beygul_v_p/bio/ (Accessed: 10.06.2024).
25. Sokolov, A. (2023) Kak slozhilas' unikal'naya arkhitektura atomnykh ZATO [How the unique architecture of nuclear ZATOs was formed]. *Strana Rosatom*. 5 June. [Online] Available from: https://strana-rosatom.ru/2023/06/05/kak-slozhilas-unikalnaya-arhitektur/ (Accessed: 20.06.2024).
26. Kuchin, S.P. (1994) *"Granitnyy" iz 505… (Issledovanie po istorii ispravitel'no-trudovykh lagerey zaklyuchennykh, raspolozhennykh na territorii g. Krasnoyarsk-26)* ["Granite" from 505… (Research on the history of correctional labor camps for prisoners located on the territory of the city of Krasnoyarsk-26)]. Krasnoyarsk-26: Museum and Exhibition Center.
27. Kuchin, S.P. (1999) *Polyanskiy ITL (GULAG – ugolovnyy)* [Polyansky ITL (GULAG – the criminal)]. Zheleznogorsk: Museum and Exhibition Center of the city of Zheleznogorsk.
28. Esin, R.S. (2018) K voprosu ob ob"ektivnosti statisticheskikh svedeniy o zaklyuchennykh ispravitel'no-trudovykh lagerey zakrytykh gorodov v publikatsiyakh kraevedov [On the issue of the objectivity of statistical data on prisoners of correctional labor camps of closed cities in the publications of local historians]. *Sotsial'no-ekonomicheskiy i gumanitarnyy zhurnal Krasnoyarskogo GAU*. 1. pp. 186–192.
29. Lappo, G.M. & Polyan, P.M. (2008) Naukogrady Rossii: vcherashnie zapretnye i poluzapretnye goroda – segodnyashnie tochki rosta [Science cities of Russia: yesterday's forbidden and semi-forbidden cities – today's growth points]. *Mir Rossii*. 1. pp. 20–49.
30. Gorod i gorozhane. (1989) Sosnovoborskaya TETs: est' li al'ternativa? [Sosnovoborsk CHPP: Is There an Alternative?]. *Gorod i gorozhane*. 10 January. 1. P. 1.
31. Gorod i gorozhane. (1989) TETs: kak reshayutsya problemy? [CHP: How Are Problems Solved?]. *Gorod i gorozhane*. 20 January. 2. P. 1.
32. Administratsiya ZATO g. Zheleznogorsk, Krasnoyarskiy kray [Administration of the Closed Administrative Territorial Entity of Zheleznogorsk, Krasnoyarsk Krai]. (n.d.) *Pochetnye grazhdane* [Honorary citizens]. [Online] Available from: https://www.admk26.ru/o_gorode/pochetnye_grazhdane (Accessed: 20.06.2024).
33. Elektronnyy fond pravovykh i nauchno-tekhnicheskikh dokumentov [Electronic Fund of Legal, Scientific and Technical Documents]. (2003) *Soglashenie mezhdu Pravitel'stvom Rossiyskoy Federatsii i Pravitel'stvom Soedinennykh Shtatov Ameriki o sotrudnichestve v otnoshenii reaktorov, proizvodyashchikh plutoniy (s izmeneniyami na 12 marta 2003 goda)* [Agreement between the Government of the Russian Federation and the Government of the United States of America Concerning Cooperation Regarding Plutonium-Producing Reactors (as amended on March 12, 2003)]. [Online] Available from: https://docs.cntd.ru/document/901868274?marker=64U0IK&section=text (Accessed: 23.06.2024).
34. Entsiklopediya teplosnabzheniya [Encyclopedia of Heat Supply]. (n.d.) *Zheleznogorskaya TETs* [Zheleznogorskaya CPP]. [Online] Available from: https://www.rosteplo.ru/w/Zheleznogorskaya_TETs (Accessed: 23.06.2024).
35. Gorod i gorozhane. (1990) Vybora net! [No choice!]. *Gorod i gorozhane*. 23 November. 47. P. 1.
36. Anon. (2013) *Polevye materialy avtora. Interv'yu s D.Ts. 2013 g.* [Field Materials of the Author. Interview with D.Ts. 2013].
37. Deriglazova, L.V. & Rozhanovskaya, N.K. (2017) Yadernyy faktor v rossiyskom obshchestvennom mnenii, 1991–2016 [The nuclear factor in Russian public opinion, 1991–2016]. In: Mikhaylenko, E.B. (ed.) *Yadernyy mir: novye vyzovy rezhimu yadernogo nerasprostraneniya* [Nuclear World: New Challenges to the Nuclear Non-Proliferation Regime]. Yekaterinburg: Ural State University. pp. 287–319.
38. Gorod i gorozhane. (1990) Po pros'be obshchestvennosti [At the public's request]. *Gorod i gorozhane*. 11 May. 19. P. 3.

39. National Operator for Radioactive Waste management. (n.d.) *Podzemnaya issledovatel'skaya laboratoriya v Nizhnekanskom massive* [Underground research laboratory in the Nizhnekansky massif]. [Online] Available from: https://www.norao.ru/about/underground/ (Accessed: 20.06.2024).
40. Abramov, A.A. & Beygul, V.P. (2017) Sozdanie podzemnoy issledovatel'skoy laboratorii na uchastke "Eniseyskiy" Nizhnekanskogo massiva: sostoyanie i dal'neyshee razvitie rabot [Creation of an underground research laboratory at the Yenisei site of the Nizhnekansky massif: status and further development of work]. *Atomnaya energiya 2.0*. 22 August. [Online] Available from: https://www.atomic-energy.ru/articles/2017/08/22/78690 (Accessed: 20.06.2024).
41. Rozhkov, E. (2023) Skhoronit' pod kamennoy goroy: kak izolirovat' vysokoaktivnye RAO [Bury under a stone mountain: how to isolate highly active radioactive waste]. *Strana Rosatom*. 22 May. [Online] Available from: https://strana-rosatom.ru/2023/05/22/shoronit-pod-kamennoj-goroj-kak-izol/ (Accessed: 20.06.2024).
42. Krasnoyarskiy komsomolets. (1989) Ne khotim povtoreniya Chernobylya! [We don't want a repeat of Chernobyl!]. *Krasnoyarskiy komsomolets*. 29 June.
43. Krasnoyarskiy komsomolets. (1989) Obrashchenie k zhitelyam basseyna reki Enisey [Appeal to the residents of the Yenisei River basin]. *Krasnoyarskiy komsomolets*. 1 June.
44. Moskovskiy komsomolets. (2012) Yad-zavod otvlek ot yadernogo zavoza [The poison plant distracted from nuclear delivery]. *Moskovskiy komsomolets. Krasnoyarsk*. 1 August. [Online] Available from: https://kras.mk.ru/articles/2012/08/01/731945-yadzavod-otvlek-ot-yadernogo-zavoza.html (Accessed: 20.06.2024).
45. Svezhee televidenie. (2021) Odobryam-s! [I approve!]. *Svezhee televidenie*. 31 July. [Online] Available from: https://tv.k26.ru/index.php?newsid=4816 (Accessed: 20.06.2024).
46. Change.org. (n.d.) Petitsiya "Trebuem zapretit' sozdanie federal'nogo mogil'nika radioaktivnykh otkhodov pod Krasnoyarskom" [We demand to ban the creation of a federal radioactive waste burial site near Krasnoyarsk. Petition]. *Change.org*. [Online] Available from: https://www.change.org/p/my-protiv-yadernogo-mogil'nika (Accessed: 20.06.2024).
47. VKontakte. (n.d.) Kraevoy radioekologicheskiy tsentr [Regional Radioecological Center]. *VKontakte*. [Online] Available from: https://vk.com/atom26 (Accessed: 20.06.2024).
48. Atomnaya energiya 2.0. (2023) Tekhnicheskiy tur ekspertov na ploshchadku stroitel'stva podzemnoy issledovatel'skoy laboratorii v Zheleznogorske [Technical tour of experts to the construction site of an underground research laboratory in Zheleznogorsk]. *Atomnaya energiya 2.0*. 07 July. [Online] Available from: https://www.atomic-energy.ru/video/136964 (Accessed: 20.06.2024).
49. Ryzhenkov, B. (2012) Mobilizatsiya. Kto i zachem pytaetsya vstavlyat' palki v kolesa sostavu s OYaT i kak protivostoyat' provokatsii [Mobilization. Who and why is trying to put a spoke in the wheel of a train with spent nuclear fuel and how to resist the provocation]. *Vestnik GKhK*. 1 (451). pp. 6–7.
50. Mel'nikova, N.V. (2019) "Atomnaya" identichnost' zhiteley zakrytykh atomnykh gorodov Rossii ["Atomic" identity of residents of closed nuclear cities of Russia]. *Uchenye zapiski OGU. Seriya: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*. 3 (84). pp. 15–19.

Информация об авторе:
Глущенко А.А. – ассистент кафедры антропологии и этнологии, младший научный сотрудник проблемной научно-исследовательской лаборатории истории, археологии и этнографии Сибири Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). Email: albina.glushchenko@mail.tsu.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:
A.A. Glushchenko, teaching assistant, junior research fellow, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). Email: albina.glushchenko@mail.tsu.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 08.08.2024;
одобрена после рецензирования 14.09.2024; принята к публикации 30.09.2024.

The article was submitted 08.08.2024;
approved after reviewing 14.09.2024; accepted for publication 30.09.2024.

Научная статья
УДК 93/94
doi: 10.17223/15617793/506/12

Политические нарративы публицистики Вл.М. Крутовского в журнале «Сибирские записки» (1916–1919 гг.)

Александр Викторович Головинов[1]

[1] *Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия, alex-golovinov@mail.ru*

Аннотация. Выявлены и показаны политические нарративы актуальной публицистики Владимира Михайловича Крутовского на страницах журнала «Сибирские записки». Установлено, что в идейно-публицистическом наследии главного редактора первого «толстого» журнала Сибири развернулись нарративы об идеологическом оформлении сибирского областничества в условиях стихийного вихря революционных событий, раскрывалась тема идейной несовместимости демократического регионализма с большевиками, шла пропаганда федералистских идей и принципа народовластия.
Ключевые слова: Сибирское областничество, Вл.М. Крутовский, федерализм, Сибирские записки, демократия, инородческий вопрос, образовательная политика

Для цитирования: Головинов А.В. Политические нарративы публицистики Вл.М. Крутовского в журнале «Сибирские записки» (1916–1919 гг.) // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 506. С. 98–105. doi: 10.17223/15617793/506/12

Original article
doi: 10.17223/15617793/506/12

Political narratives of journalism by Vladimir Krutovsky in the journal *Sibirskie Zapiski* (1916–1919)

Aleksandr V. Golovinov[1]

[1] *Altai State University, Barnaul, Russian Federation, alex-golovinov@mail.ru*

Abstract. The aim of the article is to conduct a special study of the socio-political narratives of the ideological and journalistic heritage of Vladimir Krutovsky in the first "thick" journal of the "Eastern Outskirts" - *Sibirskie Zapiski* [Siberian Notes]. The empirical basis of the study was published sources – articles by the educator in the journal *Sibirskie Zapiski* for 1916–1919. The basis of the work was the tools of narrative history. This paradigm, which dates back to the outstanding representative of the civilizational approach, Arnold Toynbee, directs the researcher to understand and interpret the events of the past, expressed in the form of discourses. Since the socio-political ideas of the late-period regionalist Krutovsky were not always explicit, but presented in a variety of experimental expressions, the epistemological perspective of using narrative history seems completely justified. Also of educational significance was the historical and textual analysis of Krutovsky's works, which was aimed at identifying specific written expressions in the system of his political views. The theory of "agenda setting" had a supporting role as a toolkit, as it allows one to take into account the algorithms of current political journalism. Based on the results of the study, it was established that Krutovsky masterfully and colorfully painted the political agenda, at the center of which was the problem of establishing zemstvo bodies in Siberia, which had not been resolved over several years of discussions, developments and numerous projects. To immerse the reader in the essence of the issue, Krutovsky used not only an analysis of the content of projects on the creation of zemstvos in the region, but also applied a cognitive framework, focusing on the reasons that explained this unfortunate state of affairs. The study shows that, in essence, the socio-political idea of Siberian regionalists was federalist and integrative in nature. In their system of ideological coordinates, it was zemstvo that could act as a truly legitimate beginning of uniting heterogeneous Russian territories into an alliance, establishing an exclusively united but divisible statehood. The author came to the conclusion that the Siberian writer was guided by a deductive method and actively reflected on the most pressing, immanent and existential issues of Siberia's development. From issue to issue of the first "thick" Siberian journal, Krutovsky conceptualized certain aspects of the ideology of Siberian democratic regionalism and comprehended the problematic aspects of the life of the region in the changing environment of the Russian revolutions, which either opened new doors to a bright future, or suddenly closed them. The author also established that the journalism of the editor-in-chief of *Sibirskie Zapiski* was characterized by discourse in the sphere of ideological formulation of Siberian regionalism in the conditions of a spontaneous whirlwind of revolutionary events, as well as by the theme of divergence from the Bolsheviks, the propaganda of federalist ideas and the principle of democracy.
Keywords: Siberian regionalism, Vladimir Krutovsky, federalism, *Sibirskie Zapiski*, democracy, foreign issue, educational policy

© Головинов А.В., 2024

For citation: Golovinov, A.V. (2024) Political narratives of journalism by Vladimir Krutovsky in the journal *Sibirskie Zapiski* (1916–1919). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 506. pp. 98–105. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/506/12

Введение

В социальной и политической истории азиатской части России движение сибирских областников было одним из самых ярких феноменов. Экзистенциальные проблемы «Восточной окраины» представителями данного течения общественно-политической мысли рассматривались со скрупулезной точностью и невероятной глубиной понимания. На протяжении второй половины XIX – начала XX в. большей частью умов разночинной интеллигенции Сибири идеология демократического регионализма владела практически безраздельно. Потому вполне понятен неугасающий научный интерес к различным аспектам сущности и содержания областнического движения. Вместе с тем отечественная историография логично сосредоточила свое внимание на классиках и основоположниках идеологии сибирского демократического регионализма – наследии Г.Н. Потанина и Н.М. Ядринцева. Действительно, лидерами движения областников было очень много сделано на благо родного региона. Их просветительская, публицистическая и научно-исследовательская деятельность полностью была посвящена служению отчему краю. Позитивные начинания и плодотворные результаты трудов Г.Н. Потанина и Н.М. Ядринцева позволяли интегрировать активную и образованную часть сибирского социума в областническое движение. Потому течение данной общественно-политической мысли включало в себя множество достойных персоналий. Можно уверенно говорить о целой плеяде интеллигентов-областников. Так, в периоде так называемого позднего областничества особою роль играл Вл.М. Крутовский. Всецело преданный областнической программе общественный деятель учредил в 1916 г. первый «толстый» журнал в Сибири – «Сибирские записки». Фактически используя тактику Н.М. Ядринцева воздействия на общественное мнение путем периодической печати, красноярский врач и публицист на полосах издания вел редакторскую политику в духе областнической программы. Работы ученого, опубликованные в «Сибирских записках», имели характер актуальной политической публицистики, раскрывающей грани областничества как идеологии и посвященной насущным проблемам «Восточной окраины». Таким образом, специальное исследование общественно-политических нарративов идейно-публицистического наследия Вл.М. Крутовского в первом «толстом» журнале Сибири видится актуальным и эвристичным в гносеологическом плане.

Исследовательский инструментарий и обзор историографии

Обращает на себя внимание, что до сих пор политические аспекты творчества главного редактора журнала «Сибирские записки» изучены недостаточно. В современной историографии аналитике преимущественно подвергаются писательские творения позднего областника с историко-филологических позиций, также публицистика просветителя чаще всего используется как источник по изучению истории Сибири.

Среди специальных работ, посвященных публицистике Вл.М. Крутовского, можно выделить труды красноярских ученых. Так В.В. Чекушин убедительно доказал, что особенностью общественно-политической публицистики позднего областника были апелляции к отечественной классической литературе, что свидетельствует о литературоцентричности его мировоззрения [1].

Также А.Ю. Горбенко в соавторстве В.В. Чекушиным провели большую работу по исследованию журнала «Сибирские записки», созданного Вл.М. Крутовским в 1916 г. Авторы в рамках двух публикаций последовательно, используя хронологические рамки, установили, что целью издания журнала была консолидация местного интеллектуального сообщества для обсуждения и решения социально-политических проблем «Восточной окраины» [2].

К содержательной части первого «толстого» сибирского журнала, а также к отдельным печатным материалам позднего областника обращалась Ю.Б. Костякова [3]. Ученый историк акцентировал бурную полемику сибирских областников на тему революции 1917 г. Апеллируя к некоторым статьям просветителя, автор отмечает, что областники пытались уравновесить центробежные и центростремительные силы с целью сохранить авторитет в нестабильной политической повестке. В целом автор показал полное несовпадение политической риторики большевизма и социально-политической программы сибирских областников.

Рассматривать отдельных представителей областнического движения в отрыве от общей истории сибирского демократического регионализма не совсем правильно. Потому стоит выделить определенный блок современной историографии по вопросам бытия идеологии сибирского областничества в начала XX в. Такая хронологическая выборка объясняется рамками периода, обозначенного в нашем исследовании, – 1916–1919 гг. Однако уже с самого начала двадцатого столетия возник феномен позднего областничества. Соответственно, важен историографический экскурс в специфику успехов и достижений изучения этого периода движения сибирских регионалистов.

Так, областничество первой трети XX в. стало предметом научного поиска таких авторитетных исследователей, как В.П. Зиновьев [4], И.В. Нам [5], О.А. Харусь и В.В. Шевцов [6], Н.С. Ларьков [7], П.П. Вибе [8], М.В. Шиловский [9] и др. Сибирские историки всесторонне исследуют онтологию сибирского областничества в революционных событиях 1905–1918 гг. Авторы акцентируют тему областной автономии, рассматривают национальный вопрос, изучают деятельность

«потанинского кружка», анализируют работу сибирской областной думы, постигают федералистские устремления представителей областничества.

Отдельной темой обсуждений стал вопрос о полемике областников с оппонентами и даже соратниками. Так, профессор В.П. Зиновьев исследовал критические оценки В.Е. Воложанина в отношении деятельности сибирских регионалистов. Традиции изучения мировоззренческих столкновений продолжают и молодые томские исследователи. Например, А.Ю. Лялякин попытался разобраться в причинах конфликта областников Томска и Красноярска в 1917–1919 гг. [10]. В целом вполне понятно, что политическая турбулентность революционных событий 1905–1918 гг. играла роль некоего хвороста для костра подобных дискуссий и столкновений.

Взгляды отдельных персоналий – представителей позднего областничества – рассматриваются в рамках работ В.А. Гордиенко [11], Н.В. Жиляковой [11], Е.Ю. Вержбицкой [12], И.С. Черновой [13], Е.А. Казаковой [14], А.Н. Дьячковой [15], Е.Н. Романовой [16] и др. Группа ученых анализирует общественно-политические воззрения и публичную деятельность таких деятелей, как Г.И. Жернавков, Г.В. Ксенофонтов, А.В. Адрианов, П.В. Вологодский.

В новейшей зарубежной историографии можно выделить работу A. Johnsona [17]. В диссертационном исследовании американец отмечал растущий уровень взаимодействия между областниками и политическими партиями во время революции 1905 г. и Февральской революции 1917 г. и показывает, как областники, кадеты, эсеры и другие боролись в сложной политической обстановке в России. Автор обратил внимание на то, что эти партии впервые почувствовали вкус политической свободы, тогда русское правительство в 1907 г. ужесточило ограничения для этих групп. Даже в разгар этой борьбы сибирские областники оценили, насколько революция 1905 г. изменила политическую жизнь Сибири.

Таким образом, обзор современной научно-исследовательской литературы демонстрирует актуальность и познавательную значимость наследия поздних областников. В имеющемся многообразии трактовок и выделенных аспектов, тем не менее, можно продолжать конкретизировать отдельные оттенки общественно-политических воззрений определенных персоналий областнического движения в начале XX в. Потому с опорой на достижения новейшей историографии в настоящем исследовании ставится цель выявить и показать политические нарративы яркого представителя позднего этапа сибирского демократического регионализма Вл.М. Крутовского на страницах журнала «Сибирские записки» за 1916–1919 гг.

Для достижения намеченных исследовательских планов была выбрана соответствующая методологическая база. Основой работы выступил инструментарий нарративной истории. Данная парадигма, восходящая к выдающемуся представителю цивилизационного подхода А. Тойнби, устремляет исследователя к пониманию и интерпретации событий прошлого, облеченных в форму дискурсов.

Так как общественно-политические идеи позднего областника Вл.М. Крутовского не всегда были эксплицированы, но при этом представлены в многообразии тестовых выражений, то гносеологическая перспектива применения нарративной истории представляется вполне оправданной.

Целенаправленность познавательных возможностей обозначенной исследовательской стратегии обусловлена тем, что, как замечал зарубежный историк Ф. Анкерсмит, истории не просто рассказываются, а проживаются. В действительности нарратология как раз и позволяет учитывать контекст – исторический, идеологический и другие, – заключенный в матрицу дискурсивного текста. Как правило, автор создаваемых и пропагандируемых идей, всегда лично переживал те или иные события, сфокусировавшие его мировоззренческие ориентиры. Таким образом, при реконструкции общественно-политических идеалов Вл.М. Крутовского именно методология нарративной истории позволит успешно учитывать личный опыт ученого как общественника и носителя областнической идеологии, воспринятой от старших товарищей, в частности от Г.Н. Потанина. К тому же включенность главного редактора «Сибирских записок» в бурную политическую жизнь Сибири начала XX в., наполненную надеждами и разочарованиями, серьезно влияла на содержание политических нарративов публицистики этого достойного представителя движения сибирских областников.

Также познавательное значение имел историко-текстологический анализ произведений мыслителя, направленный на выявление конкретных письменных выражений в системе политических воззрений Вл.М. Крутовского.

Вспомогательную роль инструментария имела теория «установления повестки дня», так как позволяет учитывать алгоритмы актуальной политической публицистики, которые использовал Вл.М. Крутовский для более эффектного восприятия читательской аудитории и пропагандированния комплекса областнических идей в меняющемся мире противоречивых событий.

Вл.М. Крутовский и «Сибирские записки»: актуальная общественно-политическая повестка

Итак, в первом номере литературного, научного и политического журнала за 1916 г. Вл.М. Крутовский размышлял о насущных проблемах Сибири. В материале «Областные очерки» он отталкивался от жизненно важных сибирских вопросов, поднятых в результате просветительской деятельности основоположников областничества – Н.М. Ядринцева и Г.Н. Потанина.

Усиливая общий политический и программный характер публикации, просветитель акцентировал статьи, подготовленные Н.Н. Козьминым о раннем областничестве, и аргументированно показывал, что многие проблемы так и не были решены. «Статьи того времени Потанина и Ядринцева, – как замечал поздний областник, – все написаны на темы злободневные для Сибири и касались вопросов ссылки, колонизации, торговли, народного просвещения, администрации, университета и др. И за эти 40 лет хотя Сибирь далеко

уже не та и по густоте населения, и по развитию начального, среднего и высшего образования и во многих других отношениях, но все же злободневные вопросы, поставленные нашими лучшими сибиряками-патриотами, далеко не исчерпаны и за прошедшие годы очень мало сделано шагов, чтобы приблизиться к идеалам, начертанным в программе этих удивительных сибиряков» [18. С. 152].

Небезосновательно можно предполагать, что отсылки к работам соратника по областническому цеху, с одной стороны демонстрировали сплоченность и последовательность среди большинства представителей сибирского демократического регионализма, а с другой – мотивировали читателя максимально глубоко проникнутся насущными проблемами родного края. Пропагандистский прием – регулярно использовать имена Г.Н. Потанина и Н.М. Ядринцева – был применен автором искусно и точно. Это, во-первых, придавало тексту авторитетность и масштаб, а во-вторых –цепляло глаз подписчика журнала, ведь лидеры движения областников в действительности широкой провинциальной общественностью воспринимались как символы культурного развития Сибири.

Категорически, по мысли Вл.М. Крутовского, не был решен вопрос об этнической эндемике азиатской части России и месте автохтонного населения Сибири в проводимой национальной политике отечественного государства.

«Инородческий вопрос, – констатировал тогда публицист, – каким был 40 л. назад при Ядринцеве, таким и остался в нетронутом виде до сего дня. Перемена только в том, что за этот промежуток времени инородцы обнищали, большой процент их уже вымер, некоторые племена совершенно исчезли, многие остаются еще в количестве только нескольких десятков душ всего. Несомненно, что пока инородческий вопрос будет оставлен надлежащим образом, то, пожалуй, это будет тогда, когда уже инородцев почти не останется» [18. С. 159].

В сфере оценок образовательной политики поздний областник был более мягким в суждениях и оценках. Университетский вопрос в «Восточной окраине» к тому моменту был фактически решен. Вместе с тем дальнейшее развитие высшего образования в регионе шло медленно и хаотично.

Главный редактор первого «толстого» журнала в Сибири констатировал, что первый сибирский университет уже отпраздновал свой двадцатипятилетний юбилей, но до сих пор при этом в повестке дня разговоры, хлопоты и переписка о расширении университета и разнообразии факультетов. «Не нужно забывать, – актуализировал проблему Вл.М. Крутовский, – что открытие университета в Сибири еще не все (!). Для Сибири, как об этом писали Потанин и Ядринцев, нужен Сибирский университет, т.е. высшее учебное заведение с университетскими курсами, расширенными и приспособленными к местным областным задачам, а это их пожелание до сих пор не выполнено» [18. С. 156].

В своей актуальной политической публицистике просветитель открыто выступал за создание во всех частях Сибири крайне важного конгломерата умственно-просветительских центров путем открытия ряда высших учебных заведений в Омске, Барнауле, Красноярске, Иркутске, Благовещенске.

С искренним негодованием публицист отмечал, что если так трудно прибавить к существующим двум факультетам Томского университета математический или естественно-исторический, то нечего и мечтать о том, что на сибирской почве вскоре появятся отдельные учреждения в виде самостоятельных высших школ университетского типа.

В рамках материала, подготовленного для самого первого номера журнала «Сибирские записки», поздний областник также призывал к учреждению в регионе суда присяжных, немедленному введению земских учреждений, высказывался о необходимости развивать местную промышленность, улучшать пути сообщения и государственную опеку и попечительство коренного населения.

Комплекс подобных общественно-политических идей вовсе не был новым или прорывным для обозначения и понимания повседневной жизни в азиатской части России. По сути, это типичные сибирские вопросы, которые являлись программными в областнической идеологии. Впервые системную формулировку они получили в творческом наследии основоположников сибирского демократического регионализма еще во второй половине XIX в., а четкое идеологическое оформление приобрели как компактные первоочередные и витальные скрепы развития родной Сибири в работе Г.Н. Потанина «Областническая тенденция в Сибири». Особо отметим, что Вл.М. Крутовский не просто воспроизводил положения «пяти сибирских вопросов», а скрупулезно выявлял их проявления в настоящее для него время. Публицист констатировал нерешенность данных проблем родного края, а предлагал вполне осязаемые пути дальнейшего развития Сибири как уникального русского пространства. Потому нарративы исследуемого публицистического материалы есть, с одной стороны, яркое свидетельство приверженности просветителя к областнической социально-политической и культурной программе, а с другой – это демонстрация последовательности и реализма в деятельности представителей позднего этапа областнического движения.

В другом материале – «К вопросу о земстве в Сибири» – просветитель предстал истинным носителем демократического областнического мировосприятия, которому имманентно присущ принцип развития целого через развитие его частей. Очень убедительно он заявлял: «Нельзя задерживать искусственно развитие части государства в силу каких-то отживших и фантастических бюрократических теорий. Эта механическая задержка извне, мешающая нормальному развитию жизни окраины, не приносит пользы ни государству и ничему другому и только накопляет в обществе излишнее раздражение» [19. С. 143].

Посыл и содержание цитируемого фрагмента показывает сочетание методологических ориентиров об-

ластнической идеологии, таких как законы диалектики, парадигмы единства в многообразии и концепции холизма. Провинция и центр в политической мысли областников – неразрывно связанные понятия, экзистенция которых понималась как нечто целое, истинно процветающее только с учетом региональной специфики.

Вл.М. Крутовский мастерски и красочно рисовал политическую повестку дня, в центре которой находилась так и не решенная за несколько лет обсуждений, разработок и многочисленных проектов проблема учреждения в Сибири земских органов. Для погружения читателя в суть вопроса просветитель не только использовал анализ содержания проектов о создании земства в регионе, но и применил когнитивные рамки, фокусируя причины, объясняющие такое прискорбное положение дел. Общественно-политический мыслитель намеренно приводил примеры аргументов против введения земских учреждений, адресат, по всей видимости, должен был оценить их как крайне не убедительные. Вот что находим на страницах «Сибирских записок»: «В Сибири нет частной земельной собственности, нет служилого поместного дворянства, сибирское население является недостаточно подготовленным к восприятию земских учреждений по недостатку в нем культурных элементов. Члены Государственной Думы, представители правительства и верхняя палата исполнены недоверия к демократической крестьянской Сибири и к ее интеллигентным силам, а отсюда идет и довольно распространенная легенда о сибирском сепаратизме» [19. С. 146].

Фантом сецессионных угроз в действительности оказался незримым спутником движения областников, представляя собой официозный миф, не обоснованный и юридически не доказанный, но пугающий чиновников как в центре империи, так и на ее далеких окраинах. Характерно, что призрак мнимого сепаратизма не только влиял на общественно-политическую и просветительскую работу адептов демократического интегративного регионализма, но и в определенной степени становился причиной внезапных препятствий в реализации их гуманистических планов. Так, при учреждении Императорского томского университета администраторам потребовалось немало усилий в преодолении этого «гнусного клейма», вплоть до полного игнорирования роли Николая Михайловича Ядринцева и других областников в появлении первого высшего учебного заведения в азиатской части России. Как точно замечают современные ученые, В.М. Флоринский с очевидным скепсисом высказывался об областниках и их якобы мифологизированной причастности к созданию Томского университета [20. С. 154].

В сущности, социально-политическая идея сибирского областничества носила федералистский и интегративный характер. Земство в их системе мировоззренческих координат как раз могло выступить истинно законным началом объединения в альянс неоднородных русских территорий, учреждающих исключительно единую, но делимую государственность. В этой конструкции государственного строительства основоположением должен был стать принцип взаимообратной связи центра и периферии в формате единства истории и неразрывности судеб, явивший миру сплоченный ковчег народов и территорий на основе кантианского идеала единства в многообразии.

Главный редактор «Сибирских записок» был твердо убежден в том, что сибирское земство не должно быть механически перенесено из европейской части России, его необходимо приспособить к местным условиям.

В духе принципа народовластия он писал по этому поводу так: «Во-первых, сибирское земство, в силу существующих в Сибири условий, должно быть значительно более демократическим, чем в Европейской России. Во-вторых, в Сибири, в виду ее огромных размеров, малой, сравнительно, населенности и при плохих путях сообщения, необходимо дополнение в виде мелкой земской единицы – волостного земства со всесословным составом. В-третьих, в виду тех же условий и в виду указаний жизни, особенно за последнее время, т.е. время войны, в Сибири необходимо и еще добавление областное земство – единица, объединяющая все губернские земства Сибири» [19. С. 140].

Последовательно развивая положения и постулаты областнической идеологии, Вл.М. Крутовский в своей актуальной политической публицистике выступал за дальнейшие положительные трансформации в государственной образовательной политике. С большим энтузиазмом красноярский интеллектуал участвовал в дискуссии об учреждении второго университета в азиатской части страны. На уровне министерских кабинетов как раз решался вопрос о том, где же будет построено высшее учебное заведение – во Владивостоке или Иркутске. Сибирские писатели и общественные деятели по естественным причинам тяготели к крупному восточносибирскому городу.

Главный редактор «Сибирских записок», опираясь на принцип системности и взаимозависимости проблем «Восточной окраины», тему университетского образования и науки переводил в плоскость инородческого вопроса. «Попробуем, – писал он, – подойти к университетскому вопросу с точки зрения культурных интересов Якутской области. Эта область вот уже три столетия составляет часть России. За это время влияние русских произвело громадную революцию во всем укладе жизни коренного населения. Под давлением государства, постоянного двухсотлетнего хищничества торгового капитала, меньше всего заботившегося о благосостоянии края, и многих других причин, целый ряд народностей вымер, таковы омоки, шелаги, арины, аргенты, ануилы, ассены, коты, ныне с успехом вымирают чуванцы, коряки и юкагиры» [21. С. 124]. Просветитель рассчитывал на то, что иркутский университет с первого дня своего существования увеличит число страждущих знания якутян, и окажет мощное влияние на культурный подъем этой «полудикой окраины».

Публицист верил в перспективность будущности Иркутского университета также с точки зрения его просветительского влияния на весь Восток. Вл.М. Крутовский высказывался по этому поводу так: «Открытие университета придаст этому большому культурному городу (имеется ввиду Иркутск. – *А.Г.*) еще большего

значения, создаст из него умственный центр и это его влияние пойдет и на севере в Ленский край, и в Якутскую область, и на юг к границам Монголии, и на восток в сторону Благовещенска и Уссурийского края, а частью и на запад, где Красноярск будет под обоюдным влиянием умственной жизни и Томска, и Иркутска» [21. С. 127].

В ракурсе «повестки дня» главный редактор первого «толстого» журнала в Сибири отмечал: «Два злободневных вопроса сделались темою дня в Сибири за последние месяцы это, во-первых, вопрос о 2 университете в Сибири и, во-вторых, вопрос о железнодорожном строительстве в регионе» [21. С. 113]. Тем самым можно полагать, что публицист применял метод привлечения внимания, пробуждения и удержания интереса аудитории к насущным проблемам родного края.

Вполне понятно, что поздний областник четко осознавал роль публичных дискуссий в массмедиа, прежде всего на страницах различных периодических изданий, для активизации деятельности администраторов, управленцев, чиновников и общественников на благо Отечества и его отдельных частей. «Как только, – отмечал он, – появились известия в газетах о плане строительства железнодорожных линий в Сибири в ближайшем будущем, то немедленно же проснулись от глубокой спячки местные муниципалитеты и начался период обсуждений, комиссий, депутатов, записок и ходатайств» [21. С. 113].

Надеясь на инициацию ресурсов и институтов гражданского общества и местной администрации, публицист рассчитывал, что министерская железнодорожная комиссия не только будет разрабатывать проекты новых линий путей сообщения, но непременно реализует их как востребованные и ожидаемые в сибирском регионе.

Отдельной темой политической рефлексии представителя позднего областничества, исходя из сложившейся социально-политической остановки революционной эпохи, выступил нарратив о сущности сибирского демократического регионализма как идеологии и его соотношении с большевизмом. Революционные преобразования в родной Сибири, как казалось областникам, открывали богатые перспективы и широкие возможности, но уже вскоре стало очевидно, что это не более чем иллюзия.

Рассуждая о положении областнического движения в революционных переворотах, Вл.М. Крутовский отмечал, что «революционное движение в Сибири, против всякого ожидания, первое время не имело совершенно никакой областнической окраски. В последствии даже там, где областничество вышло из своего оцепенения и подняло свои лозунги, оно не смогло занять уже подобающего места в революционном движении, так как или игнорировалось революционными вожаками с Волги, Невы и Днепра, или даже встретило сильное себе противодействие, нападки и даже насилие…» [22. С. 104]. Вместе с тем публицист искренне надеялся на то, что это явление временное и сибирское областничество вскоре займет подобающее место в революционном движении Сибири. По его мнению, идея областничества жива среди коренных сибиряков, а принципы федерализма будут играть в России огромную роль.

Программные положения марксистско-ленинского большевистского проекта имели, как вскоре убедились сибирские областники, фиктивное и часто только фасадное содержание.

«Свобода личности, – замечал публицист, – явилась даром только для лиц, близко стоящих к комитетам и партийным организациям. Для остальной части населения свободы личности не существует и насколько человек отпущенных солдат, явившихся в деревню, избивают кого им заблагорассудится и садят в чижовку, где держат в самых ужасных условиях неделями и месяцами. Такой разгром, избиения и аресты толпой были два раза произведены в Минусинске. Ужасный самосуд имел место в Ачинске, Канске и др. <…> Неприкосновенность жилища и имущества одна фикция. Обыски производятся по всякому поводу, часто без всякого повода и не где ни будь в глуши, а даже в губернском городе Красноярске…» [22. С. 111]. В целом, областники открыто дистанцировались от плодов Февральской революции, а большевики для них были идеологически несовместимой общественной группировкой.

Между тем идеи областников не только жили в умах разночинной интеллигенции Сибири, но в эти бурные годы приобрели статус и форму резолютивных и правотворческих проектов. Этому способствовала активная общественно-политическая деятельность Вл.М. Крутовского в лице полномочного представителя Временного правительства, организатора Союза сибирских областников-автономистов, участника выборов в Учредительное собрание, сторонника Сибирской областной Думы и даже некоторое время занимавшего должность Министра внутренних дел при Временном Сибирском правительстве.

Так, осенью 1917 г. состоялся Томский областной съезд, по итогам работы которого был принят проект Декларации национальностей и документ, посвященный обсуждению вопроса областного устройства Сибири. Уже первый параграф «демонтировал» ярко выраженный областнический политический идеал. «При единстве Российской республики, – говорилось в акте, – отдельные ее части должны быть организованы на началах автономии национальной или территориальной, причем первый сибирский областной съезд считает желательным развитие принципа самоопределения областей и национальностей вплоть до осуществления организации всей Российской республики на федеративных началах» [23. С. 115]. К сожалению, в Советской России такие положения не получили должного воплощения.

Заключение

Нарративный историко-текстологический анализ актуальной политической публицистики Вл.М. Крутовского в журнале «Сибирские записки» за 1916–1919 гг. позволяет нам прийти к ряду выводов. Во-первых, писатель-сибиряк руководствовался дедуктивным приемом, активно рефлексировал о самых

насущных, имманентных и экзистенциальных вопросах развития Сибири. Из номера в номер первого «толстого» сибирского журнала просветитель концептуализировал отдельные стороны идеологии сибирского демократического регионализма и постигал проблемные моменты жизни региона в меняющей обстановке русских революций, которые то отрывали новые двери в светлое будущее, то внезапно закрывали их.

Во-вторых, для публицистики главного редактора «Сибирских записок» были характерны дискурс в сфере идеологического оформления сибирского областничества в условиях революционных событий, тема расхождения с большевиками, пропаганда федералистских идей и принципа народовластия.

В-третьих, вполне можно предполагать, что, исходя из манифестируемых вопросов в публицистике просветителя и попыток идеологического пропагандирования областнического социально-политического проекта на страницах первого «толстого» сибирского журнала, Вл.М. Крутовский накопил объемный политический капитал. К этому стоит добавить, что его практический опыт в сфере правотворчества и признанный общественный авторитет, регулярно подкрепляемый поддержкой со стороны «почетного гражданина Сибири» Г.Н. Потанина, вероятно, помогли красноярскому интеллигенту стать лидером будущего движения областников. Все отмеченные обстоятельства указывают на явную способность Вл.М. Крутовского быть «первым среди равных» в областническом строю. Вслед за Н.М. Ядринцевым, после гибели которого бремя культового трибуна сибирского демократического регионализма принял на себя Г.Н. Потанин, Владимир Михайлович предположительно мог бы выступить очередным «не протокольным» знаменосцем областнической идеологии. Этот естественный общественно-политический полет был прерван марксистско-ленинской доктриной, ставшей официальной и безальтернативно правильной.

Список источников

1. Чекушин В.В. Апелляции к классической литературе как способ трансляции общественно-политических идей в публицистике Вл.М. Крутовского // Вестник Томского государственного университета. 2021. № 471. С. 59–66. doi: 10.17223/15617793/471/6
2. Горбенко А.Ю., Чекушин В.В. Журнал «Сибирские записки» как метатекст: система идеологических импликаций (1916–1917 гг.) // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2022. Т. 14, № 4. С. 75–84. doi: 10.17072/2073-6681-2022-4-75-84
3. Костякова Ю.Б. Отношение Сибирских областников к революциям 1917 г. (на материалах журнала «Сибирские записки») // Уральский исторический вестник. 2017. № 3 (56). С. 23–30.
4. Зиновьев В.П. В.Е. Воложанин и сибирское областничество. Из истории одной полемики // Человек – текст – эпоха / под ред. В.П. Зиновьева, Е.Е. Дутчак. Вып. 1. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2004. С. 191–205.
5. Нам И.В. Национальный вопрос в программных установках сибирских областников, законотворческой и политической практике сибирской областной думы (1917 – январь 1918 г.) // Вестник Томского государственного университета. 2004. № 281. С. 58–63.
6. Харусь О.А., Шевцов В.В. Сибирский регионализм: между двух российских революций // Революционная Сибирь: истоки, процессы, наследие : сб. ст. Всерос. науч. конф., Сургут, 24–25 ноября 2017 года. Сургут : Печатный мир г. Сургут, 2017. С. 95–103.
7. Ларьков Н.С. «Потанинский кружок» в Сибири в 1917–1919 гг.: от просветительства к хождению во власть // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 456. С. 172–181. doi: 10.17223/15617793/456/20
8. Крутовский Владимир Михайлович // Музееведение, региональная история и краеведение в современных исследованиях и практиках / под ред. П.П. Вибе. Омск : Омскбланкиздат, 2015. С. 405–406.
9. Шиловский М.В. Сибирские корни славянского единства // Русин. 2023. № 73. С. 194–205. doi: 10.17223/18572685/73/12
10. Лялякин А.Ю. Такая гадость может родиться только в голове Адрианова: о причинах конфликта областников Томска и Красноярска в 1917–1919 гг. // Вопросы истории, археологии, политических наук и регионоведения : сб. материалов XIV Всерос. (с междунар. участием) науч. конф. студентов, магистрантов, аспирантов и молодых ученых, Томск, 25–27 апреля 2018 года. Т. 1, вып. 14. Томск : Издательский Дом ТГУ, 2019. С. 69–73.
11. Гордиенко В.А., Жилякова Н.В. Публицистика А.В. Адрианова и Г.Н. Потанина в газете «Сибирская жизнь», 1917 г. // Вопросы журналистики. 2020. № 8. С. 101–116. doi: 10.17223/26188422/8/7
12. Вержбицкая Е.Ю. Перспективы политического развития Сибири в трудах представителя позднего областничества Г.И. Жернавкова // Известия Алтайского государственного университета. 2007. № 4-1 (56). С. 125–130.
13. Чернова И.С. Образ А.В. Адрианова как журналиста и интеллектуального лидера в воспоминаниях современников // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 452. С. 168–172. doi: 10.17223/15617793/452/20
14. Казакова Е.А. Становление и развитие общественно-политических взглядов П.В. Вологодского // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2006. Т. 5, № 1. С. 139–143.
15. Дьячкова А.Н. «Сибирский федерализм» (областничество) во взглядах Г.Л. Ксенофонтова // Природные ресурсы Арктики и Субарктики. 2014. № 3 (75). С. 27–31.
16. Романова Е.Н. Биографический мир Г.В. Ксенофонтова: рефлексии человека, ученого и интеллигента в зеркале советской империи // Люди империи – империя людей: персональная и институциональная история Азиатских окраин России : сб. науч. ст. Омск : Омск. гос. ун-т им. Ф.М. Достоевского, 2021. С. 466–477. doi: 10.52468/978-5-7779-2573-2.2021.466-477
17. Johnson A. Envisioning Siberia: Siberian Regionalism through Evolution and Revolution. Atlanta : Georgia State University, 2016. 299 p.
18. Крутовский В.М. Областные очерки // Сибирские записки. 1916. № 1. С. 142–160.
19. Крутовский В.М. К вопросу о земстве в Сибири // Сибирские записки. 1916. № 2. С. 140–156.
20. Степнов А.О., Некрылов С.А. Профессура, областники и национальные отношения в позднеимперской Сибири // Русин. 2023. № 73. С. 150–170. doi: 10.17223/18572685/73/9
21. Крутовский В.М. Вопрос об университете // Сибирские записки. 1916. № 4. С. 113–128.
22. Крутовский В.М. Областное обозрение // Сибирские записки. 1917. № 4. С. 103–111.
23. Крутовский В.М. Областное обозрение // Сибирские записки. 1917. № 6. С. 105–132.

References

1. Chekushin, V.V. (2021) Appeals to classic literature in the journalism of Vladimir Krutovsky as a way of broadcasting socio-political ideas. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 471. pp. 59–66. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/471/6
2. Gorbenko, A.Yu. & Chekushin, V.V. (2022) Zhurnal "Sibirskie zapiski" kak metatekst: sistema ideologicheskikh implikatsiy (1916–1917 gg.) [The Sibirskie Zapiski journal as a metatext: a system of ideological implications (1916–1917)]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya*. 4 (14). pp. 75–84. doi: 10.17072/2073-6681-2022-4-75-84

3. Kostyakova, Yu.B. (2017) Otnoshenie Sibirskikh oblastnikov k revolyutsiyam 1917 g. (na materialakh zhurnala "Sibirskie zapiski") [The attitude of Siberian regionalists to the revolutions of 1917 (based on the materials of the Sibirskie Zapiski journal)]. *Ural'skiy istoricheskiy vestnik*. 3 (56). pp. 23–30.
4. Zinov'ev, V.P. (2004) V.E. Volozhanin i sibirskoe oblastnichestvo. Iz istorii odnoy polemiki [Volozhanin and Siberian regionalism. From the history of one controversy]. In: Zinov'ev, V.P. & Dutchak, E.E. (eds) *Chelovek – tekst – epokha* [Man – Text – Era]. Vol. 1. Tomsk: Tomsk State University. pp. 191–205.
5. Nam, I.V. (2004) The national question in the programmatic guidelines of Siberian regionalists, legislative and political practice of the Siberian regional duma (1917 – January 1918). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 281. pp. 58–63. (In Russian).
6. Kharus', O.A. & Shevtsov, V.V. (2017) [Siberian regionalism: between two Russian revolutions]. *Revolyutsionnaya Sibir': istoki, protsessy, nasledie* [Revolutionary Siberia: origins, processes, legacy]. Proceedings of the All-Russian Conference. Surgut. 24–25 November 2017. Surgut: Pechatnyy mir g. Surgut. pp. 95–103. (In Russian).
7. Lar'kov, N.S. (2020) "Potanin's Circle" in Siberia in 1917–1919: from educational activities to the power contest. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 456. pp. 172–181. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/456/20
8. Vibe, P.P. (ed.) (2015) Krutovskiy Vladimir Mikhaylovich. In: Vibe, P.P. (ed.) *Muzeevedenie, regional'naya istoriya i kraevedenie v sovremennykh issledovaniyakh i praktikakh* [Museology, Regional History and Local History in Modern Research and Practice]. Omsk: Omskblankizdat. pp. 405–406. (In Russian).
9. Shilovskiy, M.V. (2023) Siberian roots of Slavic unity. *Rusin*. 73. pp. 194–205. (In Russian). doi: 10.17223/18572685/73/12
10. Lyalyakin, A.Yu. (2019) ["Such a nasty thing could only come up in Adrianov's head": on the reasons behind the conflict of Siberian regionalists of Tomsk and Krasnoyarsk in 1917–1919]. *Voprosy istorii, arkheologii, politicheskikh nauk i regionovedeniya* [Issues of History, Archeology, Political Science and Regional Studies]. Proceedings of the 14th All-Russian Conference. Vol. 1.14. Tomsk. 25–27 April 2018. Tomsk: Tomsk State University. pp. 69–73. (In Russian).
11. Gordienko, V.A. & Zhilyakova, N.V. (2020) Alexander Adrianov's and Grigory Potanin's opinion journalism in the newspaper Sibirskaya Zhizn', 1917. *Voprosy zhurnalistiki – Russian Journal of Media Studies*. 8. pp. 101–116. (In Russian). doi: 10.17223/26188422/8/7
12. Verzhbitskaya, E.Yu. (2007) Perspektivy politicheskogo razvitiya Sibiri v trudakh predstavitelya pozdnego oblastnichestva G.I. Zhernavkova [Prospects for the political development of Siberia in the works of G.I. Zhernavkov, a representative of late regionalism]. *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta*. 4–1 (56). pp. 125–130.
13. Chernova, I.S. (2020) The image of Alexander Adrianov as a journalist and intellectual leader in memoirs of contemporaries. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 452. pp. 168–172. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/452/20
14. Kazakova, E.A. (2006) Stanovlenie i razvitie obshchestvenno-politicheskikh vzglyadov P.V. Vologodskogo [Formation and development of the socio-political views of P.V. Vologodsky]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya*. 1 (5). pp. 139–143.
15. D'yachkova, A.N. (2014) "Sibirskiy federalizm" (oblastnichestvo) vo vzglyadakh G.L. Ksenofontova ["Siberian federalism" (regionalism) in the views of G.L. Ksenofontov]. *Prirodnye resursy Arktiki i Subarktiki*. 3 (75). pp. 27–31.
16. Romanova, E.N. (2021) Biograficheskiy mir G.V. Ksenofontova: refleksii cheloveka, uchenogo i intelligenta v zerkale sovetskoy imperii [Biographical world of G.V. Ksenofontov: reflections of a man, scientist and intellectual in the mirror of the Soviet empire]. In: Suvorova, N.G. (ed.) *Lyudi imperii – imperiya lyudey: personal'naya i institutsional'naya istoriya Aziatskikh okrain Rossii* [People of the Empire – Empire of People: Personal and institutional history of the Asian outskirts of Russia]. Omsk: Omsk State University. pp. 466–477. doi: 10.52468/978-5-7779-2573-2.2021.466-477
17. Johnson, A. (2016) *Envisioning Siberia: Siberian regionalism through evolution and revolution*. Atlanta: Georgia State University.
18. Krutovskiy, V.M. (1916) Oblastnye ocherki [Regional essays]. *Sibirskie zapiski*. 1. pp. 142–160.
19. Krutovskiy, V.M. (1916) K voprosu o zemstve v Sibiri [On the issue of zemstvo in Siberia]. *Sibirskie zapiski*. 2. pp. 140–156.
20. Stepnov, A.O. & Nekrylov, S.A. (2023) Professors, Oblastniki, and national relations in the late Imperial Siberia. *Rusin*. 73. pp. 150–170. (In Russian). doi: 10.17223/18572685/73/9
21. Krutovskiy, V.M. (1916) Vopros ob universitete [The University Question]. *Sibirskie zapiski*. 4. pp. 113–128.
22. Krutovskiy, V.M. (1917) Oblastnoe obozrenie [Regional Review]. *Sibirskie zapiski*. 4. pp. 103–111.
23. Krutovskiy, V.M. (1917) Oblastnoe obozrenie [Regional Review]. *Sibirskie zapiski*. 6. pp. 105–132.

Информация об авторе:

Головинов А.В. – канд. филос. наук, доцент кафедры конституционного и международного права Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия). E-mail: alex-golovinov@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

A.V. Golovinov, Cand. Sci. (Philosophy), associate professor, Altai State University (Barnaul, Russian Federation). E-mail: alex-golovinov@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 02.05.2024;
одобрена после рецензирования 01.06.2024; принята к публикации 30.09.2024.

The article was submitted 02.05.2024;
approved after reviewing 01.06.2024; accepted for publication 30.09.2024.

Научная статья
УДК 929
doi: 10.17223/15617793/506/13

Жизнь революционера и государственного деятеля Казбека Борукаева (1890–1931)

Эльвира Шамильевна Гутиева[1]

[1] *Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований имени В.И. Абаева – филиал Федерального научного центра «Владикавказский научный центр Российской академии наук», Владикавказ, Россия, evik777@mail.ru*

Аннотация. На основе впервые введенных в научный оборот архивных и мемуарных источников исследована деятельность К.К. Борукаева от большевистского подполья до должности первого секретаря обкома партии СО АССР. Выявлены малоизвестные страницы биографии государственного деятеля, его личного вклада в экономику и культуру, в целом в установление и развитие социалистического строительства в Осетии.
Ключевые слова: Осетия, Казбек Борукаев, Терская область, революционер, государственный деятель, Горская республика

Для цитирования: Гутиева Э.Ш. Жизнь революционера и государственного деятеля Казбека Борукаева (1890–1931) // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 506. С. 106–111. doi: 10.17223/15617793/506/13

Original article
doi: 10.17223/15617793/506/13

On the life of the revolutionary and statesman Kazbek Borukaev (1890–1931)

Elvira Sh. Gutieva[1]

[1] *V.I. Abaev North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies – Branch of the Vladikavkaz Science Centre of the Russian Academy of Sciences, Vladikavkaz, Russian Federation, evik777@mail.ru*

Abstract. Based on archival and memoir sources introduced into scientific discourse for the first time, the article investigates the activities of Kazbek Kaurbekovich Borukaev (1890–1931), a revolutionary, a prominent party and statesman of Ossetia, who passed the way from the Bolshevik underground to the post of executive secretary of the Regional Committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks of the North Ossetian Autonomous Region. Little-known pages of Borukaev's biography are revealed; his personal contribution to the economy and culture of Ossetia and his role in socialist construction in the North Caucasus are analyzed. In the research, the structural-functional method was applied. The relevance of the topic of the research is determined by the need for a deeper study of the initial stages of the formation of the Soviet state and the identification of the role played by local intellectuals in the formation of Soviet power in the national regions of Russia. The February Revolution found Borukaev in Petrograd, from where he was summoned to Ossetia, where he joined the Civil Committee, and in August 1917 he was elected as member of the Ossetian National Council, which was vested with full state power in the territory of North Ossetia. In 1918 Borukaev was a delegate of the II Congress of the Peoples of Terek, held in Pyatigorsk, which proclaimed the Terek Soviet Republic as a constituent part of the RSFSR, uniting the peoples of the Terek region, and recognized the authority of the Council of People's Commissars of the RSFSR. After the Congress, Borukaev became one of the active leaders of the Terek Republic, successively holding the posts of People's Commissar of Finance and Commissar of Control of the Terek region until the arrival of the Whites in 1919. In January 1922 Borukaev was elected Commissar of Finance and deputy chairman of the Central Executive Committee of the Mountainous Republic of the North Caucasus. After the formation of the North Ossetian Autonomous Region in September 1924, Borukaev was elected Chairman of the Central Executive Committee of SOAO. In January 1926 Borukaev was elected executive secretary of the North Ossetian Regional Committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks. Working at this post, Borukaev proved himself an outstanding politician and economic figure. Borukaev was a man of boundless organisational and creative talent. Having considered only some facts of Kazbek Borukaev's life, the author has come to the conclusion that his place in the revolutionary movement and social and economic life of North Ossetia deserves a special work to extract archival materials for a deeper and more detailed study of the biography and life path of one of the prominent representatives of the Ossetian intelligentsia, who actively participated in the revolutionary movement.
Keywords: Ossetia, Kazbek Borukaev, Terek region, revolutionary, statesman, Mountainous Republic of North Caucasus

For citation: Gutieva, E.Sh. (2024) On the life of the revolutionary and statesman Kazbek Borukaev (1890–1931). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 506. pp. 106–111. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/506/13

© Гутиева Э.Ш., 2024

Казбек Борукаев – революционный и государственный деятель Терской области; работал во время становления советской власти на Тереке и в Северной Осетии. Прошел революционный путь от руководителя большевистского подполья в Осетии до народного комиссара Терской Народной Республики (1918 г.), выдержав невероятные трудности в борьбе с белой контрреволюцией Деникина и активно участвуя в становлении молодой советской власти.

Актуальность темы обусловлена недостаточным уровнем изученности процессов интеграции осетин в российское культурное пространство, к примеру, мало исследована деятельность К.К. Борукаева.

Особую значимость для исследования имеют материалы Научного архива СОИГСИ и книга Г.Х. Бесолова – единственный труд, где приводится описание жизни и деятельности Казбека Борукаева.

В современной периодической печати обозначилось движение по возвращению незаслуженно забытых имен, публикуются короткие биографические очерки, в частности о К.К. Борукаеве, о котором писали В.И. Ларина, В.Д. Дзидзоев, К.С. Фидаров, Н.М. Саламов, С. Токаев, М.А. Цаллагов.

Кавказским краевым комитетом партии Казбек Борукаев был назначен в 1919 г. председателем Реввоенсовета (в последующем – Ревкома), а после образования Горской АССР – наркомом РКИ, наркомом финансов ГАССР, управляющим Горским отделением госбанка.

После ликвидации ГАССР и образования автономных областей, в том числе и Северо-Осетинской (1924 г.), избирается председателем Северо-Осетинского облисполкома (1924–1925 гг.), а потом первым секретарем областного комитета партии (1926–1928 гг.) [1. Л. 1].

Казбек Каурбекович Борукаев родился 9 июня 1890 г. в семье крестьянина среднего достатка в селении Зильги Северо-Осетинской АССР. Он был старшим ребенком в семье. Начальное образование получил в Зильгинской школе, а в 9 лет (благодаря дяде Иосифу Бигаеву – учителю Владикавказской гимназии) в 1899 г. поступает в Ставропольскую гимназию, где учится на платной основе, получая горскую стипендию.

Ставропольская гимназия сыграла большую роль в подготовке осетинской интеллигенции. Многие обучаемые стали впоследствии видными просветителями, деятелями культуры и просвещения осетинской нации, приобщились к русской и мировой культуре через Ставропольскую гимназию. Одним из них был и Коста Хетагуров.

Казбек Борукаев – один из лучших учеников гимназии, начитан, немногословен, обладал невероятным чувством юмора, мог одной фразой сразить противника. Но тем не менее в седьмом классе был исключен из гимназии в связи с приобщением к протестным волнениям того периода. Был признан неблагонадежным: он принимал активное участие в революционных выступлениях в Ставрополе и в пригородных селах. Ставропольская гимназия уже была известна жандармам своим «бунтарским характером» [2. Л. 1].

Тогда же Казбек стал содействовать осетинской типографии «*Фæдис*» («Боевая тревога»): участвовал в ее перевозке из Ставрополя в Осетию [3. Л. 1].

Через год после отчисления из Ставропольской гимназии, благодаря авторитетному имени своего дяди И. Бигаева, К. Борукаев был принят во Владикавказскую гимназию, которую окончил с отличием в 1908 г.

В том же году он поступил в Петербургский университет на физико-математический факультет, а через год перевелся на историко-филологический, который окончил в 1914 г.

Студенческие годы совпали с годами черной реакции. Слежка, подкупы, провокации и аресты свирепствовали повсеместно. Студенчество разбилось на три лагеря: на черносотенцев – сынков привилегированных слоев общества, явных защитников старых порядков; «академистов» – студентов, сторонившихся политики и противников проникновения политики в стены вуза; революционно-прогрессивную часть. Два первых лагеря, по существу, защищали существовавший царский строй.

Борукаев примкнул к революционной части студенчества: принимал активное участие в сходках, в распространении подпольной революционной литературы, в демонстрациях и т.д.

В это тяжелое время Казбек и его соратники испытывали материальную нужду. Борукаев решается заниматься репетиторством, в чем преуспевает и достигает высокой квалификации. Считалось, что его ученикам гарантирована успешная сдача экзаменов. Сам Борукаев поглощал книги практически без разбора, отдавая предпочтение философской литературе (Канту, Шопенгауэру и др.). Профессор Э.Л. Радлов, заметив увлечение юноши философией, предложил помощь в устройстве на кафедру философии. Но у Казбека были другие жизненные интересы [4. С. 9].

Борукаев пристально следил за всеми течениями русской общественной мысли, в частности и за литературными течениями. Литературные вкусы его воспитывались на творениях русской и зарубежной классики, причем французскую литературу читал в оригинале, так как свободно владел языком.

Казбек увлекался русским символизмом, творчеством таких поэтов, как В. Брюсов, А. Блок, А. Белый: эти поэты были близки ему своим неприятием «современной русской государственности» [5. Л. 5]. Мировоззрение юноши не укладывалось в определенную систему идей, но он, несомненно, был заражен революционным энтузиазмом.

Трудно сказать, к какому времени – ученичества или студенческих лет – относится его знакомство с марксизмом. Достоверно известно, что в студенческие годы Борукаев считался солидным знатоком этой теории. В зрелые годы своей практической революционной деятельности он был несомненным авторитетом в области марксизма-ленинизма; прекрасно знал и литературу революционных демократов. Любимым произведением ученических лет Казбека был роман «Что делать», а любимым литературным героем – Рахметов [5. Л. 4].

Товарищи Казбека зачастую наблюдали его отрешенным, погруженным в собственные мысли. Немногословный, но не мрачный – он обладал характером жизнелюбивым, отзывчивым. В самые тяжелые времена Казбек легко отшучивался от любых невзгод и неприятностей. Одним словом, Борукаев находился на высоте русской революционной мысли, и все лучшее, передовое в духовном мире русского народа стало и его миром [5. Л. 4].

От военной службы К. Борукаев был освобожден по белому билету, вследствие слабости зрения – без очков практически ничего не видел [3. Л. 1].

После успешного окончания университета в 1914 г. Борукаев Казбек должен был получить работу по специальности историка, но этого не случилось: ему было отказано как «инородцу-мусульманину» [4. С. 9], как политически скомпрометированному человеку. Кавказским учебным округом Борукаеву было предложено место преподавателя латинского языка, но он отказался, так как это не было его специальностью. В результате Борукаев вынужден был перебиваться случайными канцелярскими работами, а также репетиторством в городах Елизаветполь (ныне г. Гянджа, Азербайджан. – *Авт.*), Карс, Владикавказ и в Петрограде.

Февральская революция застала Борукаева в Петрограде, откуда он был вызван в Осетию, где вошел в гражданский комитет – местный орган власти Временного правительства; в августе 1917 г. он избирается в Осетинский Национальный совет. В 1918 г. Борукаев – делегат II Терского областного народного съезда большевиков, проходившего в Пятигорске, где была провозглашена советская власть на Тереке и направлена телеграмма В.И. Ленину о признании власти СНК РСФСР. Это историческое решение единогласно поддержала осетинская делегация съезда. «Вся власть должна принадлежать трудовому народу и только ему… на тех основаниях, которыми руководствуется Россия», – заявил от имени осетинской фракции съезда Казбек Борукаев [6. С. 132].

После съезда Казбек Каурбекович становится одним из активных руководителей Терской республики, занимает последовательно посты народного комиссара финансов, комиссара контроля Терской области до прихода белых в 1919 г.

Борукаев, как и все большевики, переходит на подпольную работу. Здесь, в условиях жестокого террора и раздробленности, он сумел стать настоящим большевиком-организатором: непрестанно разъезжает, инструктирует, организует, руководит подпольными ячейками. С его помощью устраиваются диверсии в тылу белых. Белые объявили К. Борукаева в персональный розыск руководящих работников Терской республики. В мае 1919 г. Казбека переправили в Грузию, где пробыл он недолго в мирной обстановке. В августе 1919 г. его назначили руководителем большевистского подполья Северной Осетии. Выбор на Борукаева пал не случайно: несмотря на молодой возраст, он пользовался неоспоримым авторитетом. Его проверенные качества – железная выдержка, твердая воля, широкий кругозор, глубокая идейность, беспредельная преданность народу, и более подходящую кандидатуру вряд ли можно было бы предложить в то время. К тому же, несмотря на свою близорукость (без очков Казбек видел очень плохо), он был замечательным стрелком. «Исключительно честный и любящий народ, он (Борукаев) близко принимал к сердцу интересы обездоленных трудящихся… Очень спокойный, выдержанный, разносторонне образованный, он всегда в трудную минуту находил правильное решение, давал полезный совет» [7. Л. 111].

В это время жизнь Борукаева неоднократно подвергалась смертельной опасности. Когда он проходил на виду у тех, кто усердно его разыскивал, выручали лишь поразительное хладнокровие и самообладание. В спокойном и медлительном человеке с пенсне сложно было узнать руководителя партизанского подполья.

С осени 1919 г. борьба в тылу Деникина стала перерастать в организованное движение и стала главной задачей Горской секции Кавказского краевого комитета партии (большевиков). С этого периода все села Северной Осетии были охвачены подпольной работой, в чем была несомненная заслуга К. Борукаева. Силы партизанского подполья нарастали.

В конце ноября, перебираясь в сильный мороз через реку Белая из Ардона в Христиановское, Казбек проваливается в прорубь, вследствие чего сильно заболевает. Не долечившись, продолжает активно заниматься подпольными делами и заболевает повторно. Болезнь и напряженная работа очень подорвали его здоровье [8. Л. 2]. К концу 1919 г. стал очевидным неизбежный разгром армии Деникина. В конце февраля 1920 г. Реввоенсовет по указанию штаба Терской группы повстанческих войск был реорганизован в Осетинский Ревком. Председателем остался Казбек Борукаев. В введении Ревкома – те же вопросы, что и в Реввоенсовете, т.е. вопросы военных операций, подготовка к всеобщему вооруженному восстанию, организация советской власти в освобождаемых районах [6. С. 358].

Под натиском Красной Армии фронт белых откатывался все дальше на юг. К концу февраля был разбит Кубанский корпус и кавалерийская группа генерала Павлова. Начались переговоры с меньшевистским правительством Грузии о пропуске остатков деникинских войск в Крым, к Врангелю.

Представитель Кубани, некто Зозуля, поставил вопрос перед министром иностранных дел меньшевистского правительства Грузии Гегечкори: будут ли они воевать против большевиков и примут ли они на своей территории отступающих казаков? Гегечкори ответил, что в Грузии они найдут друзей и получат помощь. Действительно, после перехода меньшевистская Грузия в полном вооружении переправила их в Крым, к Врангелю [4. С. 28].

Чтобы воспрепятствовать отходу белых частей в Грузию, осетинские партизаны перекрыли Алагирское ущелье, ликвидировали белые учреждения в ущелье и 7 марта 1920 г. объявили в нем советскую власть [9. С. 342–343].

Местными партизанами было закрыто и Куртатинское ущелье. Директива штаба повстанческих войск была выполнена. Приближался момент всеобщего вооруженного восстания. Осетинские партизаны усилили вооруженную борьбу с белыми.

В заключительный этап осетинского подполья партизанами Осетии было проведено 10 ответственных операций. Белые, отступая, разрушали дороги, взрывали мосты, вагоны с динамитом, ими причинено было много бед населению. В первую очередь восстанавливались железнодорожные мосты [6. С. 251].

В конце марта Казбек Борукаев командируется на встречу с Красной Армией для установления контакта с командованием.

Советская власть была установлена по всей территории Северной Осетии. 31 марта 1920 г. во Владикавказ вступает Красная Армия [10].

На этом заканчивается тяжелый период жестокой партизанской борьбы с контрреволюцией [11. Л. 202], руководителем которой был бессменный председатель подпольного Реввоенсовета и Ревкома Казбек Борукаев.

После установления советской власти К. Борукаев снова назначается председателем Осетинского (Владикавказского) окружного Ревкома. В этой должности он проработал недолго: 29 апреля 1920 г. получает новое назначение – уполномоченный НКРКИ по Терской области.

В апреле 1921 г. учредительный съезд оформил государственное устройство Горской республики, утвердил высшие органы власти и принял решение о хозяйственном и культурном строительстве в ней. Управление в ГАССР осуществлялось ЦИК и Совнаркомом, а также местными советами. Исполнительными органами Горской республики становились народные комиссариаты, в том числе комиссариат финансов. Народным комиссаром финансов Горской республики был назначен К. К. Борукаев, проработавший в этой должности с 26 марта 1922 г. по 17 августа 1925 г. [12. С. 69].

В августе 1920 г. Борукаев делегируется на съезд народов Востока в город Баку. Там была избрана объединенная делегация горских народов Кавказа для поездки в Москву на беседу с Владимиром Ильичом Лениным. В составе этой делегации были представители Чечни, Ингушетии, Кабарды, Карачая и Осетии. От Северной Осетии в делегацию вошли К. Борукаев, А. Джатиев и Е. Рамонов.

В.И. Ленину нужна была информация непосредственно от представителей горских народов об их нуждах и чаяниях, чтобы определить правильную национальную политику на Кавказе. В этой же беседе обсуждался и вопрос об образовании Горской Автономной Советской Социалистической Республики. Борукаев и Джатиев поддержали ленинскую идею: она учитывала национальные особенности и интересы народов, объединяемых ею [5. Л. 10].

После этого последовало издание двух важных государственных актов: Декларации об образовании Горской АССР в ноябре 1920 г. и известного письма В.И. Ленина «Товарищам коммунистам Азербайджана, Грузии, Армении, Дагестана, Горской республики» от 14 апреля 1921 г. В.И. Ленин рекомендовал им «не копировать нашей тактики, а самостоятельно продумывать… более медленный, более осторожный, более систематический переход к социализму – что возможно и необходимо для республик Кавказа в отличие от РСФСР» [13]. Простота, живой острый ум и необыкновенная доступность Владимира Ильича в общении с народом поразили Казбека [4. С. 32].

Вторично Борукаев увидел Ленина на X съезде партии в 1921 г., на который был избран делегатом от Горской партийной организации. Делегацию возглавил Сергей Миронович Киров. На съезде Казбек Каурбекович вновь наблюдал Ленина в обстановке деловой активности, восторгался его умением быстро принимать решение по сложным, запутанным вопросам, отчего он проникся еще большим уважением к вождю пролетариата.

До знакомства с В.И. Лениным Рахметов был идеалом для Борукаева. Но образ В.И. Ленина, человека одаренного и совершенного, а главное – живого, невыдуманного быстро вытеснил образ Рахметова и прочно занял мысли Борукаева [4. С. 32].

С X съезда Казбек вернулся домой больным. До Москвы приходилось ехать 2–3 недели в холодных вагонах, с питанием было крайне сложно. Все это вызвало новую вспышку болезни, и Казбек слег. До сентября 1921 г. он проболел [2. Л. 7].

В январе 1922 года Борукаева избрали наркомом финансов и заместителем председателя ЦИК Горской республики. Финансовая работа была знакома еще с 1918 года, когда он замещал Филиппа Махарадзе – наркома финансов Терской области [2. Л. 8].

В условиях, когда ежедневно менялся курс рубля, работа руководителя финансов требовала чрезвычайной гибкости и оперативности. Борукаев успешно справился и с этим сложным и ответственным делом. Он стал одним из авторитетных финансовых руководителей Горской Республики и оставался на этом посту вплоть до реорганизации 1924 г. Бюджет Казбек Каурбекович знал отлично, сам принимал непосредственное участие в его составлении и грамотно обосновывал каждую статью расходов.

Распад Горской АССР положил начало территориальным претензиям между образовавшимися национальными автономиями, которые, впрочем, не представляли интереса ни для власти, ни для науки. Исключением был вопрос горско-казачьего противостояния, но он представлялся этнически обезличенным. Серьезными причинами стали и некоторые современные межнациональные конфликты, административно-территориальные преобразования в регионе. Но к этому времени в стране считался уже решенным национальный вопрос, а цепи «национального гнета» – разрушенными; социализм – торжествовавшим, а нации и народности – расцветавшими и по-ленински дружными [14. С. 50].

В 1923 г. на Борукаева возложили одновременно и руководство горским отделением государственного банка. В условиях новой экономической политики и укрепления курса рубля работа госбанка приобретала важное значение [8. Л. 3].

После упразднения ГАССР и образования Северо-Осетинской автономной области на первом же съезде советов СОАО в сентябре 1924 г. Казбека Борукаева избрали председателем ЦИК СОАО.

В январе 1926 г. К. Борукаев был избран первым секретарем Северо-Осетинского обкома ВКП(б). Рабо-

тая председателем облисполкома, а особенно секретарем обкома партии, Борукаев проявил себя незаурядным политиком и хозяйственным деятелем. Именно к этому периоду его работы относится выдвижение проектов многих предприятий, их утверждение и начало строительства.

Наиболее важными объектами строительства того времени были: Бесланский маисовый комбинат, Гизельдон ГЭС, Мизурская флотационно-обогатительная фабрика, Ардонский консервный завод, реконструкция Садонских рудников, реконструкция «Кавцинка» (Электроцинка), объекты лесной промышленности, геолого-разведочные работы, строительство Цейского курорта и т.д. В продвижении всех этих проектов Борукаев принимал самое непосредственное участие [4. С. 34].

Не менее значительны были достижения и в области сельского хозяйства. Быстрое развитие получили отрасли, поставлявшие сырье для ряда промышленных предприятий (крахмало-паточных, консервных, вареньеварочных заводов, засолочных пунктов и др.). Впервые в Осетии внедрялись новые технические трудоемкие культуры: соя, лен, клещевина; развивалось садоводство; велось строительство обводнительных каналов; осушение болот; росло животноводство, создавались сельскохозяйственные опытные станции и т.д. Во всем этом чувствовалось умелое управление. Эти хозяйственные мероприятия вскоре дали ощутимые результаты.

Но главный итог достижений в том, что в результате всех этих мероприятий поредело избыточное сельское население, т.е. сельчане стали устраиваться на заводы и фабрики, на новые сельскохозяйственные объекты.

Северная Осетия в то время страдала исключительно острым малоземельем. По землеобеспеченности пахотных угодий Северная Осетия занимала последнее место среди всех краев и областей Советского Союза.

Только после XIV съезда партии Северо-Осетинская автономная область взяла курс на индустриализацию области. Заслуга Борукаева как одного из руководителей области в том, что он своевременно предложил и повел по единственно верному пути развития. «Безземелье заставило обратить особое внимание на промышленность», – подчеркнул Казбек Борукаев в отчетном докладе IV областной партийной конференции 1927 г. [4. С. 38].

Казбек Борукаев был трудоголиком, хорошо разбирался в хозяйственных вопросах, в политике, отлично знал экономику области, неплохо разбирался в экономическом анализе – статистике и финансах. Это именно те качества, которые необходимы для полноценного хозяйственного руководителя. Такой руководитель эффективно разбирается в экономических вопросах, что позволяет решать задачи в кратчайшие сроки. Именно так и работал Казбек Борукаев.

Заметим, что немало было сделано при Казбеке Каурбековиче и в области культурного строительства.

В первые годы советской власти Северная Осетия испытывала голод в педагогических кадрах. В основной своей массе это были священнослужители, бывшие дворяне, офицеры царской армии, т.е. представители враждебных классов, которых держали поневоле, чтобы было кем заполнить нехватку педагогов. Учитывая эти обстоятельства, К. Борукаев прикладывал немало усилий для открытия педагогического института, которому в 1934 г., по решению областных организаций, было присвоено имя Казбека Борукаева [15]. Дальнейшее развитие получили школы, больницы, санатории. Много молодежи Борукаевым было отправлено на учебу за пределы области.

С середины 1920-х гг., когда советская власть вплотную занялась разработкой социокультурной основы для построения социализма, в Северной Осетии уже была создана основная инфраструктура: научные и образовательные учреждения, научные библиотека и музей, архивное управление и др. Анализ научной деятельности ученых-гуманитариев показал, что если на первом этапе они активно решали задачи сохранения национального культурного наследия, то на втором этапе укреплявшийся политический режим стал диктовать научную тематику, приоритетными вопросами становились вопросы классовой борьбы, революционного движения, гражданской войны, история большевизма [16. С. 106].

Борукаев, будучи государственным деятелем, никогда не пользовался благами, которые ему могла дать занимаемая должность.

Казбек Каурбекович обладал очень важным качеством руководителя: никогда не давил на подчиненных своим авторитетом, поддерживал инициативу, всегда поощрял и старался ее развить, если она заслуживала внимания. Он не позволял себе в условиях тяжелой нужды и разрухи заниматься делами личного благополучия. В работе Казбек не знал меры. К 1928 г. болезнь (туберкулез) обессилила его настолько, что обязанности первого секретаря обкома партии СОАССР он уже не был в состоянии нести. Борукаев стал просить краевой комитет партии освободить его от должности и дать возможность полечиться [2. Л. 8].

Казбека Борукаева освободили от работы и отправили в Крым на лечение. По возвращении крайком назначил Борукаева на более легкую работу – членом президиума Северо-Кавказской плановой комиссии в Ростове. Но Казбек не щадил себя и всегда полностью отдавался работе, что снова отразилось на здоровье. Еще в феврале 1930 г. доктор Болгард, лечивший его в Ялтинском тубдиспансере, писал: «…только смотрите, не перегружайте себя работой!» [2. Л. 9]. 30 октября 1930 г. его признали инвалидом II группы, назначив пенсию в 200 руб., после чего он окончательно оставил работу.

Казбек возвратился во Владикавказ. И через год, 14 декабря 1931 г., его не стало в возрасте 41 года. Борукаев ушел, оставив после себя малолетних сыновей – 4 и 8 лет, жену и мать.

К.К. Борукаев умер в расцвете творческих сил и способностей. Болезнь не позволила ему развернуться во всю силу таланта. Будучи человеком высокой культуры, он стоял в первых рядах передовых людей того времени. В нем не было ни высокомерия, ни заносчивости – благодушный добряк, толстовский «непротивленец»; скромен и доступен для окружающих, прекрасный семьянин.

Казбек Борукаев был человеком безграничного организаторского и созидательного таланта. Благодаря этим его качествам в хозяйстве и культуре осетинского народа были достигнуты невероятные успехи. Эффективное руководство, грамотное распределение финансовых средств, поддержка важных объектов инфраструктуры – это все стало основой строительства новой жизни осетинского народа.

Именем Казбека Борукаева названа одна из улиц города Владикавказа.

Список источников

1. Научный архив Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева (НА СОИГСИ). Ф. 30. Оп. 1. Д. 2.
2. НА СОИГСИ. Ф. 30. Оп. 1. Д. 1.
3. НА СОИГСИ. Ф. 30. Оп. 1. Д. 5. Автобиография К.К. Борукаева.
4. Бесолов Г.Х. Казбек Борукаев. Орджоникидзе : Ир, 1982. 45 с.
5. НА СОИГСИ. Ф. 30. Оп. 1. Д. 13. Хасиев А. Памяти славного сына осетинского народа Казбека Борукаева.
6. Борьба за Советскую власть в Северной Осетии // Сборник документов и материалов. Орджоникидзе : Ир, 1972. 544 с.
7. НА СОИГСИ. Ф. 21. Оп. 1. Д. 105а.
8. НА СОИГСИ. Ф. 30. Оп. 1. Д. 4.
9. Борьба за Советскую власть в Северной Осетии (1917–1920 гг.). Орджоникидзе, 1957. 357 с.
10. Приказ Революционного Военного совета г. Владикавказ // Свободный Терек. 1920. 26 марта.
11. Центральный государственный архив Республики Северная Осетия–Алания. Ф. 36. Д. 2.
12. Кобахидзе Е.И. Становление финансово-бюджетной сферы в Северной Осетии в переходный период (1917–1931) // Известия СОИГСИ. 2020. № 38 (77). С. 67–79. doi: 10.46698/e0968-1917-7219-v
13. Письмо В.И. Ленина «Товарищам коммунистам Азербайджана, Грузии, Армении, Дагестана, Горской республики». 14 апреля 1921 г. URL: https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/185749 (дата обращения: 30.01.2024).
14. Канукова З.В. «Расцвет и сближение» наций в интерпретациях советского кавказоведения // Известия СОИГСИ. 2022. № 45 (84). С. 47–60. doi: 10.46698/VNC.2022.84.45.015
15. Казбек Каурбекович Борукаев // Пролетарий Осетии. 14 декабря 1934 г. № 282 (437).
16. Цибиров Г.И., Гутиева Э.Ш. Научная и образовательная инфраструктура в Северной Осетии в эпоху ранней советской модернизации (1917 – конец 1920-х гг.) // Kavkaz-Forum. 2022. Вып. 10 (17). С. 96–107. doi: 10.46698/VNC.2022.17.10.006

References

1. *Scientific Archive of the North Ossetian Institute of Humanitarian and Social Research named after V.I. Abaev (NA SOIGSI)*. Fund 30. List 1. File 2.
2. *Scientific Archive of the North Ossetian Institute of Humanitarian and Social Research named after V.I. Abaev (NA SOIGSI)*. Fund 30. List 1. File 1.
3. *Scientific Archive of the North Ossetian Institute of Humanitarian and Social Research named after V.I. Abaev (NA SOIGSI).* Fund 30. List 1. File 5. *Avtobiografiya K.K. Borukaeva* [Autobiography of K.K. Borukaev].
4. Besolov, G.Kh. (1982) *Kazbek Borukaev.* Ordzhonikidze: Ir. (In Russian).
5. *Scientific Archive of the North Ossetian Institute of Humanitarian and Social Research named after V.I. Abaev (NA SOIGSI)*. Fund 30. List 1. File 13. Khasiev, A. *Pamyati slavnogo syna osetinskogo naroda Kazbeka Borukaeva* [In memory of the glorious son of the Ossetian people Kazbek Borukaev].
6. Ir, (1972) Bor'ba za Sovetskuyu vlast' v Severnoy Osetii [The struggle for Soviet power in North Ossetia]. In: *Sbornik dokumentov i materialov* [Collection of documents and materials]. Ordzhonikidze: Ir.
7. *Scientific Archive of the North Ossetian Institute of Humanitarian and Social Research named after V.I. Abaev (NA SOIGSI)*. Fund 21. List 1. File 105a.
8. *Scientific Archive of the North Ossetian Institute of Humanitarian and Social Research named after V.I. Abaev (NA SOIGSI)*. Fund 30. List 1. File 4.
9. Ir. (1957) *Bor'ba za Sovetskuyu vlast' v Severnoy Osetii (1917–1920 gg.)* [The Struggle for Soviet Power in North Ossetia (1917–1920)]. Ordzhonikidze: Ir.
10. Svobodnyy Terek. (1920) Prikaz Revolyutsionnogo Voennogo soveta g. Vladikavkaz [Order of the Revolutionary Military Council of Vladikavkaz]. *Svobodnyy Terek*. 26 March.
11. *Central State Archives of the Republic of North Ossetia–Alania*. Fund 36. File 2.
12. Kobakhidze, E.I. (2020) The Formation of the Financial and Budgetary Sphere in North Ossetia in the Transition Period (1917–1931). Izvestiya SOIGSI. 38 (77). pp. 67–79. (In Russian). doi: 10.46698/e0968-1917-7219-v
13. Lenin, V.I. (1921) *Pis'mo V.I. Lenina "Tovarishcham kommunistam Azerbaydzhana, Gruzii, Armenii, Dagestana, Gorskoy respubliki". 14 aprelya 1921 g.* [Letter of V.I. Lenin "To the Comrade Communists of Azerbaijan, Georgia, Armenia, Dagestan, and the Mountainous Republic". April 14, 1921]. [Online] Available from: https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/185749 (Accessed: 30.01.2024).
14. Kanukova, Z.V. (2022) Flourishing and Rapprochement" of Nations in the Interpretations of Soviet Caucasian Studies. *Izvestiya SOIGSI*. 45 (84). pp. 47–60. (In Russian). doi: 10.46698/VNC.2022.84.45.015
15. Proletariy Osetii. (1934) Kazbek Kaurbekovich Borukaev. *Proletariy Osetii*. 14 December 1934. 282 (437). (In Russian).
16. Tsibirov, G.I. & Gutieva, E.Sh. (2022) Scientific and Educational Infrastructure in North Ossetia in the Era of Early Soviet Modernization (1917 – Late 1920s). *Kavkaz-Forum.* 10 (17). pp. 96–107. (In Russian). doi: 10.46698/VNC.2022.17.10.006

Информация об авторе:

Гутиева Э.Ш. – канд. ист. наук, старший научный сотрудник отдела истории Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева – филиала Федерального научного центра «Владикавказский научный центр Российской академии наук» (Владикавказ, Россия). E-mail: evik777@mail.ru
ORCID: 0000-0001-7556-3383

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

E.Sh. Gutieva, Cand. Sci. (History), senior research fellow, V.I. Abaev North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies – Branch of the Vladikavkaz Science Centre of the Russian Academy of Sciences (Vladikavkaz, Russian Federation). E-mail: evik777@mail.ru. ORCID: 0000-0001-7556-3383

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 16.02.2024;
одобрена после рецензирования 18.04.2024; принята к публикации 30.09.2024.

The article was submitted 16.02.2024;
approved after reviewing 18.04.2024; accepted for publication 30.09.2024.

Научная статья
УДК 93/94
doi: 10.17223/15617793/506/14

Этапы следствия в проектах по обновлению уголовного судопроизводства Уложенной комиссии 1720-х гг.

Евгений Андреевич Кушков[1]

[1] *Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия, ekushkov@hse.ru*

Аннотация. Анализируется текст «О процессе в криминальных, или розыскных и пыточных делах» – проект уголовно-процессуального кодекса, разработанный Уложенной комиссией 1720-х гг. Магистральной идеей данного проекта было положение о необходимости наличия у судьи достаточных оснований для совершения любого процессуального действия, включая центральный элемент уголовного процесса того времени – пытку. В то же время данный проект иллюстрирует скепсис его авторов относительно эффективности пытки как инструмента следствия.
Ключевые слова: Уложенная комиссия, пытка, розыскной процесс, нормотворчество, уголовное судопроизводство

Для цитирования: Кушков Е.А. Этапы следствия в проектах по обновлению уголовного судопроизводства Уложенной комиссии 1720-х гг. // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 506. С. 112–118. doi: 10.17223/15617793/506/14

Original article
doi: 10.17223/15617793/506/14

Stages of investigation in the drafts for the renewal of criminal proceedings by the Legislative Commission of the 1720s

Evgeniy A. Kushkov[1]

[1] *National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation, ekushkov@hse.ru*

Abstract. The article discusses the draft of the criminal procedure code developed by the Legislative Commission of the 1720s: Of Proceedings in Criminal, or Constable and Torture Cases. The development of a new code of criminal procedure was one of the steps of the reform of judicial procedures and procedural law carried out in the second half of the 1710s. Of Proceedings… was an integral part of the draft of the New Law Code, which was intended to replace the Council Code of 1649, but never became an effective source of law. Starting with Mikhail Speransky, the history of the Legislative Commission of the 1720s was estimated by researchers as the story of failure. It often led to underestimation of the projects developed by the Legislative Commission as historical sources. The article is one of the attempts to revise this approach to the history of Legislative Commissions, which are already being undertaken in modern historiography. The project Of Proceedings… is considered as an integral part of the movement of the criminal procedure towards more contemporary forms. This draft proposed the division of the investigative process that prevailed in Russia at that time into successive stages, which, upon closer examination, turn out to be close to the stages of the criminal proceeding: initiation of a criminal case –> investigation –> adjudgment –> confirmation of the verdict –> execution. The approach distinguishes the authors of this draft from the Council Code's drafters, whose criminal procedure section, in fact, just described separate cases. Instead, the authors of the considered project sought to develop some sort of a general rule. The central principle of the draft Of Proceedings… was the notion of the judge's need for sufficient justification for any procedural measure that depended on the availability of sufficient evidence. This also applied to the central element of the investigative process – torture. At the same time the project Of Proceedings… demonstrated the skepticism of its authors regarding the effectiveness of torture as a means of investigation and the reliability of evidence obtained through its use. This circumstance made the authors of the project raise the question of the need to develop an alternative mechanism for establishing judicial truth – based on evidence that authorized officials evaluate within the established procedure. Such a mechanism is also used in modern criminal procedure law. Despite the fact that the proposals of the Legislative Commission of the 1720s did not receive immediate implementation, it seems that the very fact of the emergence of these ideas in legal discourse meant a movement towards a more humane criminal procedure.
Keywords: Legislative Commission, torture, investigative process, rulemaking, criminal proceedings

For citation: Kushkov, E.A. (2024) Stages of investigation in the drafts for the renewal of criminal proceedings by the Legislative Commission of the 1720s. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 506. pp. 112–118. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/506/14

© Кушков Е.А., 2024

Сенатским указом от 8 августа 1720 г. при Сенате была создана Уложенная комиссия – временный орган, чьей задачей являлась подготовка Нового Уложения, кодифицированного нормативного правового акта, призванного заменить Соборное Уложение 1649 г., которое не учитывало многих законодательных новаций петровского царствования [1. С. 19–20]. К 1726 г. разработка проекта завершилась, но он так и не был апробирован Сенатом [2. С. 15]. Это дало основания в дальнейшем исследователям считать, что работа Уложенной комиссии 1720-х гг. завершилась провалом [3. С. 5].

В современной историографии эта точка зрения подвергается пересмотру. Как указывал Дмитрий Олегович Серов, проект Нового Уложения 1720-х гг. являлся наиболее проработанным среди проектов, предлагавшихся Уложенными комиссиями XVIII в. [4. С. 26]. Ряд высказанных в нем предложений получил развитие в последующих комиссиях и действующем законодательстве.

Представленный осенью 1726 г. проект нормативного правового акта состоял из четырех разделов (книг): «О процессе, то есть о суде, месте и о лицах, к суду надлежащих», «О процессе в криминальных, или розыскных и пыточных делах», «О злодействах, какие штрафы и наказания последуют», «О цивильных или гражданских делах» [5. С. 398]. Вторая книга («О процессе…»), как представляется, заслуживает среди них особого внимания.

Данный раздел, по сути, был проектом уголовно-процессуального кодекса. При разработке проекта Нового Уложения он являлся приоритетным в связи с проводившейся с 1717 г. петровским правительством реформой процессуального права [5. С. 384, 389].

В 2023 г. было осуществлено комментированное издание проекта «О процессе…» [6. С. 6–7]. Данная публикация проекта нормативного правового акта сопровождается исследовательскими статьями, в которых рассматриваются источники проекта, история его создания, а также некоторые аспекты, предлагаемых им нововведений. Настоящая статья преследует цель углубить эти изыскания, акцентировав внимание на том, как судебно-следственная процедура выглядела в финальной редакции проекта «О процессе…». Также, следует подчеркнуть, что при работе над исследованием использовался неопубликованный текст проекта, хранящийся в 342-м фонде Российского государственного архива древних актов, так как в момент работы над исследованием указанная публикация еще не была издана.

Указанный проект предполагал деление уголовного процесса на последовательно сменявшие друг друга этапы. Содержание данных этапов, а также условия перехода между ними были четко регламентированы. Кроме того, строго регламентировалось и ограничивалось использования пытки – одного из главных следственных действий в рамках розыскного процесса. Как будет показано далее, положения проекта «О процессе…» сводились к «модернизации» уголовного судопроизводства и его приближения к более современным (для нас) формам.

В современном российском уголовно-процессуальном праве принято выделять следующие последовательно сменяющие друг друга стадии уголовного процесса: возбуждение уголовного дела, предварительное расследование, подготовка к судебному заседанию, судебное разбирательство, производство в суде апелляционной инстанции, исполнение приговора, производство в суде кассационной инстанции, производство в надзорной инстанции, возобновление производства по уголовному делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств [7. С. 66]. Попытка применить эту схему к положениям проекта «О процессе…» встречается с двумя ограничениями.

Во-первых, в отличие от современного российского уголовного-процессуального права розыскной процесс, который в России XVIII в. преимущественно применялся в общеуголовных делах и который был призван регулировать проект «О процессе…», не предполагал разделения стадий процесса на досудебные и судебные – так называемый принцип единства розыскного процесса [8. С. 124]. В соответствии с данным принципом функции уголовного преследования и юстиции не отделялись друг от друга и аккумулировались в рамках одних и тех же учреждений или в руках одних и тех же уполномоченных лиц.

Во-вторых, уголовный процесс в том виде, в котором он существовал в России в первой четверти XVIII в. предполагал ревизионно-решающий порядок пересмотра и утверждения судебных решений вместо применения процедур апелляции и кассации. Указанный порядок означал, что приговор, вынесенный судом первой инстанции, с приложением материалов дела (или его краткого изложения) направлялся в вышестоящий суд или орган власти. Данная инстанция, изучив материалы дела и вынесенное решение, либо утверждала приговор, либо смягчала его, либо же вовсе отменяла и направляла дело на повторное рассмотрение.

При этом, как отмечал Д.О. Серов, на протяжении большей части правления Петра I (до 1719 г.) применение апелляционных процедур законодательно не ограничивалось [5. С. 338]. Впрочем, на практике эти процедуры не использовались [5. С. 338]. Первоначально использование исключительно ревизионное-решающего порядка утверждения судебных решений, введенное в 1719 г., касалось только военных судов [5. С. 339]. Однако уже в 1721 г. норма о таком порядке утверждения приговоров появилась в 9-й главе Регламента Главного магистрата [5. С. 341].

Симптоматично в этом контексте, что в первоначальной редакции проекта «О процессе…» предполагалась замена ревизионно-решающего порядка апелляцией [9. Л. 67 об.]. В финальную версию проекта данное положение не вошло.

В попытке «втиснуть» розыскной процесс ст. XVIII в современную классификацию этапов уголовного процесса можно уподобить описанный порядок производству в надзорной инстанции. Однако степень такого подобия будет очень условной. Во-первых, в случае ревизионно-решающего порядка на утверждение

отправлялись или судебные, или решения по определенному виду дел, круг которых был специально определен законодателем, вне зависимости от желания участников процесса. Во-вторых, на момент процедуры утверждения судебного решения приговор не считался вступившим в законную силу. Наконец, в качестве ревизионно-решающей инстанции не всегда мог выступать именно суд. Например, в военно-уголовном праве в данной роли выступала Военная коллегия, Главный магистрат выполнял такую функцию для магистратских судов. Проект «О процессе…» предполагал унификацию в данном вопросе – утверждать приговор должен был суд вышестоящей инстанции [9. Л. 64]. Это также коррелировало с проводимой петровским правительством реформой судебной системы, в результате которой должна была быть создана разветвленная система судов различного уровня.

Предмет регулирования и область применения проекта нормативного правового акта «О процессе…»

Рассматриваемый проект предполагал введение процесса розыскного типа и регламентировал принципы принятия процессуальных решений и проведение процессуальных действий в рамках такого процесса.

Предполагалось, что подобный тип уголовного процесса будет использоваться в делах о тяжких преступлениях [9. Л. 115]. Сюда относились и дела, которые можно условно отнести к общеуголовному профилю, – убийство, разбой, кража, фальшивомонетничество и дела, относящиеся к категории политических, – преступления против государства и личности государя. В остальных случаях дела должны были решаться «по процесной форме», т.е. в соответствии с указом «О форме суда» от 5 ноября 1723 г., в разработке которого Уложенная комиссия 1720-х гг. принимала непосредственное участие [9. Л. 115 об.].

В соответствии с этим указом в судебном процессе принимали участие две стороны – обвинение (челобитчик) и защита (ответчик), процесс носил состязательный характер с «судоговорением» [10. С. 147–150]. При этом расширялось судебное представительство – если раньше стороны процесса могли привлекать к участию в нем поверенных лишь в случае невозможности своего присутствия на процессе, например из-за болезни, то теперь представительство в суде третьих лиц ничем не ограничивалось (кроме необходимости наличия «письма верющего») [10. С. 149].

Данный нормативный правовой акт носил временный характер – он должен был регулировать организацию судебного процесса по нетяжким уголовным и гражданским делам до того момента, когда будет принято Новое Уложение, в котором указанным категориям дел была посвящена первая книга «О процессе, то есть о суде, месте и о лицах, к суду надлежащих» [5. С. 337]. Таким образом, предполагалось существование двух альтернативных судебных процедур для разных категорий дел.

В дальнейшем в соответствии с указом Екатерины I от 3 мая 1725 г. из-под юрисдикции суда «по процесной форме» было фактически изъято и большинство уголовных дел [11. С. 19]. Однако практика правоприменения указа «О форме суда» на этом не закончилась – он продолжал применяться на всем протяжении ст. XVIII и даже в начале XIX в. [12. С. 110–114]. Данный нормативный правовой акт в том числе применялся в делах, которые можно классифицировать как уголовные, например в делах по обвинению должностных лиц в коррупции.

Симптоматична сама последовательность терминов, вынесенных в заглавие второй книги проекта Нового Уложения: «криминальные или розыскные, пыточные дела». Если выстраивать их взаимосвязь в правовом дискурсе раннемодерной России, можно выделить два аспекта.

Во-первых, в заглавии второй книги проекта Нового Уложения они употребляются как синонимы. В своем проекте «Об удержании пытки в малых делах» обер-секретарь Сената и фактический глава Уложенной комиссии со второй половины 1720-х гг. Авраам Степанович Сверчков также определял криминальные дела как «розыскные и пыточные» [11. С. 20]. То есть речь идет об уголовных делах, при расследовании которых применяется пытка.

Во-вторых, в глоссах к Генеральному регламенту 1720 г. Петр I дает термину «криминальный» следующую дефиницию: «вина, подлежащая смерти» [13. С. 168]. То есть речь идет об особо тяжких преступлениях, совершение которых карается смертью.

Это подтверждается и заглавием 12-й главы рассматриваемого проекта «Что при экзекуции надлежит исполнять», которая преимущественно посвящена правилам исполнения смертного приговора. Альтернативы смертной казни – лишение чести или членовредительство [9. Л. 394].

Таким образом, проект «О процессе…» регулировал проведение суда и следствия в делах о тяжких и особо тяжких уголовных правонарушениях. В силу тяжести этих деяний за их совершение может быть предусмотрена смертная казнь. Кроме того, тяжесть совершенного деяния обусловливает возможность применения пытки к подозреваемому в его совершении. Последнее эксплицитно выражено и в самом рассматриваемом проекте – в его 2-й главе содержится положение, что пытка применяется только в «тяжких и великих преступлениях» [9. Л. 154].

Возбуждение уголовного дела

Проект «О процессе…» предполагал троякий способ возбуждения уголовного дела: по челобитью, по донесению фискала, по инициативе самого судьи [9. Л. 115]. При возбуждении дела судья должен был установить факт наличия достаточных оснований для возбуждения уголовного дела. Например, в случае возбуждения дела по факту убийства должно было быть представлено тело со следами насильственной смерти [9. Л. 120]. Если предметом разбирательства

был поджег, то о факте его совершения свидетельствовало «погорелое место» [9. Л. 120 об.].

Примечательно, что два из трех указанных здесь способов возбуждения уголовного дела представляют собой возбуждение дела по инициативе представителя государственной власти, т.е. публичный порядок возбуждения уголовного дела. Существующая на тот момент российская система уголовного правосудия предполагала преимущественное использование частного порядка [14. С. 53, 110–111]. В данном случае переход права возбуждения уголовного дела к государству можно рассматривать как значительное расширение круга его полномочий, а также переход к более модерным формам судопроизводства, где государство выступает истцом.

Примечательно, что в первоначальной редакции проекта предполагался традиционный механизм возбуждения уголовного дела посредством подачи челобитной в компетентный государственный орган [9. Л. 41]. Такой подход можно интерпретировать как стремление переложить часть функций по поддержанию общественного порядка и осуществлению уголовного правосудия с государства и его агентов на население. Впрочем, и финальная редакция не исключала данную опцию полностью. В то же время возможность возбуждения уголовного дела по инициативе судьи делала агентов государства более активными игроками в борьбе с преступностью.

Расследование, переход к пытке

Как было сказано выше, в рамках розыскного процесса не существовало разделения на досудебные и судебные стадии, этап предварительного расследования отсутствовал. Однако именно в петровскую эпоху предпринимается попытка его введения. Д.О. Серов связывал данную попытку с деятельностью так называемых «майорских» следственных канцелярий. Первое учреждение данного типа – канцелярия Волконского – была учреждена именным указом от 25 июля 1713 г. [5. С. 153].

«Майорские» канцелярии представляли собой временные команды, отправлявшиеся в регионы для расследования фактов злоупотреблений местных чиновников и надзора за ними. Данные органы имели право на проведение следственных действий и даже применение пытки, однако вынесение приговора (в отличие, например, от Сыскного приказа) оставалось за рамками их компетенций [5. С. 153]. Таким образом, применительно к этим органам функция следствия оказывалась отделена от функции суда и вынесения приговора. Впрочем, такой подход к уголовному судопроизводству не получил тогда широкого распространения.

С другой стороны, похожую картину можно наблюдать в проекте уголовно-процессуального раздела Нового Уложения, когда речь идет о возбуждении уголовного дела по донесению фискала. Фискал как агент государственной власти осуществляет надзор и собирает информацию о правонарушениях, которая затем передается в суд, определяющий степень вины обвиняемого. То есть следствие (проводимое фискалом) оказывается отделено от суда (проводимого другим государственным органом). Примечательно, что в данном случае судебный процесс должен был проводиться по «ординарной процесной форме» [9. Л. 115] – вероятно, чтобы у обвиняемого была возможность оправдаться и привести свои возражения на доводы фискала.

По указанию Александра Витальевича Смирнова, в основе розыскного процесса лежит формальная система доказательств, главным из которых является признание подсудимого, для получения которого может использоваться пытка [8. С. 124]. Пытка, таким образом, становится центральным элементом розыскного процесса.

При этом на практике пытка не являлась произвольно применяемым инструментом и даже обязательным элементом розыскного процесса – в России раннего Нового времени получил распространение целый набор судейских стратегий, позволявших решить дело, не прибегая к пытке [14. С. 196, 202–203]. Однако проект «О процессе…» предполагал более системное и упорядоченное регулирование данного вопроса. Возможность применения пытки ставилась в зависимость от наличия у судьи достаточных оснований. Достаточность оснований определялась через концепцию «признаков»-доказательств.

Данную концепцию предложил немецкий юрист на российской службе Эрнст Кромпейн в составленной им подготовительной документации к уголовно-процессуальному разделу Нового Уложения. В ее рамках, например, «признаками» совершения подозреваемым убийства являлись обнаружение у подозреваемого окровавленной одежды или оружия [9. Л. 216], а также показания свидетелей, что подозреваемый был в ссоре с убитым или публично ему угрожал [9. Л. 217]. Впрочем, даже в этом случае пытка не применялась автоматически.

Во-первых, выделялись категории лиц, по отношению к которым применение пытки не допускалось в принципе. Сюда входили пожилые люди (старше 70 лет), дети до 14 лет и беременные женщины [9. Л. 157]. Частично запрещалось применение пытки к лицам с ограниченными возможностями [9. Л. 158]. Однако если речь шла о политических делах, указанные ограничения и запреты могли быть ослаблены.

Во-вторых, судья должен был принимать во внимание репутацию свидетелей, на чьи показания он опирался [9. Л. 159]. Информация, полученная от «недобрых» свидетелей или от свидетеля, про которого достоверно известно, что он находится в ссоре с подозреваемым, не могла использоваться в качестве «признака» к пытке.

В-третьих, даже имея на руках достаточные «признаки», судья должен был сначала изложить обвиняемому имеющиеся у него факты [9. Л. 233]. С одной стороны, это преследовало увещевательную цель – обвиняемый должен был понять, что существуют доказательства его вины, и, возможно, дать признательные показания – главное доказательство в рамках розыск-

ного процесса – без применения пытки. С другой стороны, обвиняемый получал возможность оправдаться, отвести свидетелей, с которыми у него были личный счеты, и т.д.

Только выполнив эти условия, судья мог перейти к пытке, которая являлась отнюдь не обязательным этапом уголовного процесса.

Пытка

Примечательно, что во время работы над проектом «О процессе…» именно разделы, регламентирующие саму процедуру пытки, по-видимому, стали для разработчиков самыми проблемными.

Так, глава 8 упомянутого текста Э. Кромпейна «О самой пытке и о градусах ее» содержит краткое описание устройства пыточных процедур в европейских государствах, но, по сути, ничего не предлагает в плане организации пытки в рамках российского уголовного процесса [9. Л. 39 об., 41–42]. При разработке первой редакции проекта уголовно-процессуального раздела относительно написанного Э. Кромпейном было сделано замечание, что не все подобранные им примеры «приличны» в российской системе, однако альтернативные предложения внесены не были [9. Л. 32]. В финальной редакции раздел о пытке остался пустым [9. Л. 399].

С другой стороны, были подробно описаны последствия, наступавшие для судьи в случае неправомерного применения пытки. Судья оказывался полностью ответственным за здоровье и жизнь лица, которое он принял решение пытать [9. Л. 366]. Судья мог быть подвергнут наказанию, если вышестоящая инстанция при утверждении приговора решит, что для пытки не было достаточных «признаков». Также взыскание могло грозить судье, если он решился на применение пытки (вне зависимости от ее результатов), хотя имел возможность вынести приговор по совокупности «признаков» [9. Л. 366]. Кроме того, пытка (если она не приводила к признанию) «обнуляла» все собранные судьей «признаки» – эти доказательства больше не могли приниматься во внимание при рассмотрении уголовного дела. Вместе с тем такая ситуация могла стать основанием для применения штрафных санкций против судьи [9. Л. 377].

Как представляется, такой подход в случае его реализации на практике должен был иметь два главных последствия.

Во-первых, он создавал для судей существенные издержки, могущие наступить в случае применения пытки, чем делал для них менее привлекательным ее использование. При этом, как видно из приведенного списка оснований для наступления ответственности судьи, ответственность могла наступить не только за совершение действий из злого умысла, но и за допущенную судьей ошибку или за то, что вышестоящая инстанция сочтет таковыми при ревизии дела и приговора.

Во-вторых, такой подход разработчиков проекта ломал привычный для розыскного процесса механизм установления судебной истины, основанный на признании подозреваемого, но фактически не предлагал ничего взамен.

Применение пытки в розыскном процессе строилось на принципе *nemo agit seipsum* – никто не действует против себя [8. С. 129]. Исходя из этого, считалось возможным верить признанию, полученному под пыткой, так как никто не стал бы себя оговаривать. Авторы проекта «О процессе…», напротив, напутствуют судью критически относиться к полученным под пыткой показаниям, так как организм человека испытывает в этот момент физические страдания и подозреваемый может сказать что угодно, чтобы их прекратить. Вероятно, именно поэтому проект «О процессе…» предлагал запретить судье во время пытки задавать наводящие вопросы [9. Л. 336] – они позволяли подозреваемому проще и быстрее оговорить себя, чтобы закончить пытку.

Между тем указанная возможность для судьи вынести приговор по «признакам» может рассматриваться как шаг в сторону механизма установления судебной истины на основании достаточных доказательств, собранных и рассмотренных уполномоченными людьми в рамках особой процедуры, т.е. к более модерным формам судопроизводства. Однако сохраняющийся элемент пытки делал этот шаг половинчатым, разработчики проекта как будто зависали между двумя концепциями, не делая окончательного выбора между ними.

Важно отметить, что сказанное справедливо лишь для процесса по общеуголовным делам. Политические процессы строились по другой логике, так как пытка в них играла иную роль. Если в общеуголовных делах целью пытки было получить подтверждение ранее собранной информации и уликам, то в делах по политическим преступлениям пытка применялась, чтобы получить новую информацию по делу, узнать имена новых подозреваемых [15. С. 207–208]. Описанная логика делала концепцию «признаков» ненужной в политических делах [9. Л. 327 об.].

Иными словами, если в общеуголовных делах пытка рассматривалась как один из завершающих этапов судебно-следственного процесса, то в политическом судебно-следственном процессе она применялась для его продолжения.

Вынесение и утверждение приговора, приведение приговора в исполнение

Как уже было сказано выше, даже при отсутствии признания подсудимого судья мог признать его виновным и вынести приговор. Имевшиеся у судьи на этом шаге функции не отличались вариативностью – «чести нарушение», членовредительство и смертная казнь [9. Л. 394]. Последняя в проекте «О процессе…» регламентировалась наиболее детально. Приговор вместе с материалами дела должен был отсылаться в суд вышестоящей инстанции для утверждения.

Однако в российской системе уголовного правосудия в раннее Новое время смертная казнь зачастую заменялась на иные виды наказаний, не связанные с ли-

шением жизни [14. С. 361–362]. То есть правоприменительная практика в случае вступления Нового Уложения в силу могла оказаться не столь жесткой.

В то же время проект предусматривал несколько причин для отсрочки приведения приговора в исполнение. Например, если в розыске находились подельники осужденного и имеющаяся у него информация была необходима для их поимки [9. Л. 387]. Однако максимальный срок такой отсрочки составлял месяц. Беременная женщина могла быть казнена лишь по прошествии шести недель после родов [9. Л. 390].

Таким образом, уголовно-процессуальный раздел Нового Уложения предполагал деление уголовного процесса на последовательно сменяющие друг друга стадии, очертания которых при ближайшем рассмотрении оказываются близки этапам современного уголовного процесса. Стремление разделить процесс на четко определенные этапы отличал подход авторов проекта «О процессе…» от, например, подхода составителей Соборного Уложения 1649 г.

Глава «О разбойных и о татиных делах» Соборного Уложения 1649 г., в которой были собраны уголовно-процессуальные нормы, представляла собой, по сути, описание отдельных казусов и способов их разрешения. Проект «О процессе…», напротив, изображал суд и следствие как единый, линейный процесс. Представляется, что указанный подход означал не только «модернизацию» уголовно-процессуального права, но и «модернизацию» подхода к нормотворчеству в раннемодерной России. Авторы проекта «О процессе…» (вполне в духе позднейших «просвещенческих» идей) своим текстом предпринимали попытку выработать универсальное правило.

Текст регламентировал как содержание отдельных стадий уголовного процесса, так и переходы между ними. Основной максимой здесь становилось наличие у судьи достаточных оснований для совершения того или иного процессуального действия. Данное обстоятельство было особенно симптоматично применительно к центральному элементу розыскного процесса – пытке. Ее применение должно было быть поставлено в жесткую зависимость от доказательств, собранных судьей. Впрочем, важно подчеркнуть, что и на практике в России в раннее Новое время пытка не применялась произвольно.

В то же время проект «О процессе…» иллюстрировал скепсис относительно эффективности пытки как следственного действия и достоверности полученных с ее использованием показаний. Это проявилось в попытке предложить другой механизм установления судебной истинности – посредством доказательств, собранных и рассмотренных уполномоченными лицами в рамках определенной процедуры. С другой стороны, авторы проекта, очевидно, пытались создать стимулы для судьи отказаться от использования пытки, предлагая санкции против судьи, нивелировавшие выгоды от возможного применения пытки.

Реализация указанных мер на практике привела бы к изменению российской системы уголовного правосудия в сторону модерного и более гуманного судопроизводства. Впрочем, как представляется, уже факт появления и развития данных идей в правовом дискурсе сам по себе симптоматичен, так как он являлся первым шагом на пути к описанным изменениям.

Список источников

1. Латкин В.Н. Законодательные комиссии в России в XVIII ст. Историко-юридическое исследование. СПб. : Издание Л.Ф. Пантелеева, 1887. 607 с.
2. Бабкова Г.О. «Осторожно в пытках поступать»: предложения по реформированию следствия и уголовного процесса в законопроектах 1720-х гг. // История государства и права. 2017. № 24. С. 14–20.
3. Сперанский М.М. Обозрение исторических сведений о Своде законов. Составлено из актов, хранящихся во II-м Отделении Собственной Его императорского Величества канцелярии. Одесса : Типография «Одесского листка», 1889. 55 с.
4. Серов Д.О. Проект Уложения Российского государства 1723–1726 гг.: paginae incognitae // История государства и права. 2012. № 3. С. 22–26.
5. Серов Д.О. Судебная реформа Петра I: Историко-правовое исследование. М. : Зерацало-М, 2009. 488 с.
6. Суд и следствие в России XVIII века. Проект «О процессе в криминальных или розыскных, пыточных делах». М. : Издательская группа «Юрист», 2023. 320 с.
7. Головко Л.В. Курс уголовного процесса. М. : Статут, 2016. 1278 с.
8. Смирнов А.В. Модели уголовного процесса. СПб. : Наука, 2000. 224 с.
9. Российский государственный архив древних актов. Ф. 342. Оп. 1. Д. 33. Ч. 2.
10. Полное собрание законов Российской империи. 1-е собр. СПб. : Типография II Отделения собств. Е. И. В. канцелярии, 1830. Т. VII, № 4344. С. 147–150.
11. Акельев Е.В., Бабкова Г.О. «Дабы розыски и пытки могли чинитца порядочно, как указы повелевают»: Эволюция теории и практики «розыскного» процесса в России первой половины XVIII в. // Cahiers du Monde Russe. 2012. № 53/1. С. 15–39.
12. Мещеряков Ю.В. «Суд по форме» в уголовном процессе России первой трети XIX в. // Вестник Ленинградского университета. 1984. № 23. С. 110–114.
13. Бабкова Г.О. Понятия криминальный и уголовный в проектах по обновлению уголовного права и процесса Екатерины II // Гиштории российские, или Опыты и разыскания к юбилею Александра Борисовича Каменского. М. : Древлехранилище, 2014. С. 161–206.
14. Коллманн Н.Ш. Преступление и наказание в России раннего Нового времени. М. : Нов. лит. обозрение, 2016. 616 с.
15. Тельберг Г.Г. Очерки политического суда и политических преступлений в Московском государстве XVII века. М. : Типография Императорского Московского университета, 1912. 342 с.

References

1. Latkin, V.N. (1887) *Zakonodatel'nye komissii v Rossii v XVIII st. Istoriko-yuridicheskoe issledovanie* [Legislative Commissions in Russia in the 18th Century. Historical and legal research]. Saint Petersburg: Izdanie L.F. Panteleeva.
2. Babkova, G.O. (2017) "Ostorozhno v pytkakh postupat'": predlozheniya po reformirovaniyu sledstviya i ugolovnogo protsessa v zakonoproektakh 1720-kh gg. ["Be careful in torture": proposals for reforming the investigation and criminal procedure in the bills of the 1720s]. *Istoriya gosudarstva i prava*. 24. pp. 14–20.

3. Speranskiy, M.M. (1889) *Obozrenie istoricheskikh svedeniy o Svode zakonov. Sostavleno iz aktov, khranyashchikhsya vo II-m Otdelenii Sobstvennoy Ego imperatorskogo Velichestva kantselyarii* [Review of Historical Information about the Code of Laws. Compiled from acts stored in the 2nd Section of His Imperial Majesty's Chancellery]. Odessa: Tipografiya "Odesskogo listka".
4. Serov, D.O. (2012) Proekt Ulozheniya Rossiyskogo gosudarstva 1723–1726 gg.: paginae incognitae [The draft Code of the Russian State for 1723–1726: paginae incognitae]. *Istoriya gosudarstva i prava*. 3. pp. 22–26.
5. Serov, D.O. (2009) *Sudebnaya reforma Petra I: Istoriko-pravovoe issledovanie* [The Judicial Reform of Peter I: Historical and legal research]. Moscow: Zeratsalo-M.
6. Babkova, G.O. & Fedorov, A.V. (eds) (2023) *Sud i sledstvie v Rossii XVIII veka. Proekt "O protsesse v kriminal'nykh ili rozysknykh, pytochnykh delakh"* [Court and Investigation in Russia in the 18th Century. The draft "Of Proceedings in Criminal, or Constable and Torture Cases"]. Moscow: Izdatel'skaya gruppa "Yurist".
7. Golovko, L.V. (2016) *Kurs ugolovnogo protsessa* [Course of Criminal Procedure]. Moscow: Statut.
8. Smirnov, A.V. (2000) *Modeli ugolovnogo protsessa* [Models of Criminal Procedure]. Saint Petersburg: Nauka.
9. *Russian State Archive of Ancient Documents (RGADA)*. Fund 342. List 1. File 33. Part 2. (In Russian).
10. Russian Empire. (1830) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Collection 1. Vol. 7. Art. 4344. Saint Petersburg: Tipografiya II Otdeleniya sobstvennosti Imperatorskoy kantselyarii. pp. 147–150.
11. Akel'ev, E.V. & Babkova, G.O. (2012) "Daby rozyski i pytki mogli chinittsa poryadochno, kak ukazy povelevayut": Evolyutsiya teorii i praktiki "rozysknogo" protsessa v Rossii pervoy poloviny XVIII v. ["So that searches and tortures could be carried out decently, as the decrees command": Evolution of the theory and practice of the "search" process in Russia in the first half of the 18th century]. *Cahiers du Monde Russe*. 53/1. pp. 15–39.
12. Meshcheryakov, Yu.V. (1984) "Sud po forme" v ugolovnom protsesse Rossii pervoy treti XIX v. ["Court by form" in criminal procedure in Russia in the first third of the 19th century]. *Vestnik Leningradskogo universiteta*. 23. pp. 110–114.
13. Babkova, G.O. (2014) Ponyatiya kriminal'nyy i ugolovnyy v proektakh po obnovleniyu ugolovnogo prava i protsessa Ekateriny II [The concepts of criminal and illegal in the projects to update the criminal law and procedure of Catherine II]. In: Akelev, E.V. & Borisov, V.E. (eds) *Gishtorii rossiyskie, ili Opyty i razyskaniya k yubileyu Aleksandra Borisovicha Kamenskogo* [Russian Historia, or Experiments and Research for the Anniversary of Alexander Borisovich Kamensky]. Moscow: Drevlekhranilishche. pp. 161–206.
14. Kollmann, N.Sh. (2016) *Prestuplenie i nakazanie v Rossii rannego Novogo vremeni* [Crime and Punishment in Early Modern Russia]. Translated from English. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
15. Tel'berg, G.G. (1912) *Ocherki politicheskogo suda i politicheskikh prestupleniy v Moskovskom gosudarstve XVII veka* [Essays on the Political Court and Political Crimes in the Moscow State of the 17th Century]. Moscow: Imperial Moscow University.

Информация об авторе:
Кушков Е.А. – аспирант Школы исторических наук факультета гуманитарных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва, Россия). E-mail: ekushkov@hse.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:
E.A. Kushkov, postgraduate student, National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russian Federation). E-mail: ekushkov@hse.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 15.05.2024;
одобрена после рецензирования 21.05.2024; принята к публикации 30.09.2024.

The article was submitted 15.05.2024;
approved after reviewing 21.05.2024; accepted for publication 30.09.2024.

Научная статья
УДК 94:2-752(571.1/.5)”18”
doi: 10.17223/15617793/506/15

Облачение сельского православного духовенства как элемент религиозной коммуникации (Сибирь, конец XIX в.)

Александр Константинович Плешивцев[1]

[1] *Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия, shelkopiorov@yandex.ru*

Аннотация. Представлена реконструкция влияния богослужебного облачения православного духовенства на поддержание лояльности прихожан в условиях конкуренции со старообрядцами юга Томской епархии в конце XIX в. Автор приходит к выводу, что литургические одеяния сельских синодальных причтов таежной и притаежной зон сами по себе не могли быть фактором, поддерживавшим конфессиональную принадлежность сельского населения региона, и требовали активной работы духовенства для выполнения такой задачи.
Ключевые слова: Сибирь, тайга, православие, литургическое облачение, приходское духовенство

Источник финансирования: результаты были получены в рамках выполнения государственного задания Минобрнауки России, проект № 0721-2020-0042.

Для цитирования: Плешивцев А.К. Облачение сельского православного духовенства как элемент религиозной коммуникации (Сибирь, конец XIX в.) // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 506. С. 119–127. doi: 10.17223/15617793/506/15

Original article
doi: 10.17223/15617793/506/15

Orthodox clerical clothing as an element of religious communication (Siberia, late 19th century)

Aleksandr K. Pleshivtsev[1]

[1] *National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, shelkopiorov@yandex.ru*

Abstract. This article is dedicated to the reconstruction of the Orthodox clerical clothing influence on sustaining parishioners' loyalty in competition with Old Believers of Tomsk Eparchy's southern parts in the late 19th century. The author infers that liturgical clothing of rural parishes in taiga and near-taiga zones could not support the religious identity of peasants in the region and demanded clerical activity to complete this task. The material for the research includes civil authorities' legislative acts and church's administrative acts; clergy tracts, parish income statements; eparchy periodicals. Source data considered separately are limited: parish paperwork was not filed thoroughly; periodicals published only fragmented correspondence about the local situation. To analyze the data, the terminology of the actor-network theory by Latour and Akrich was used, which allowed establishing what functions clothing was expected to perform and whose activities inhibited their performance. Due to the low quality of vestry content of state churches, its comparability to Old Believers' analogues, the implementation of imperial governance symbolism in its functions, clothing could not be an instrument to support parishioners' religious loyalty. Clergy had to face Old Believer leaders, who represented clothing as a sign of official Orthodoxy's "impiety", and parishioners' reluctance to help clergy to sustain and improve vestments. As a result, a campaign for donating textile, elements or sets of vestments became one of resources to develop a link between parishioners and the clergy. The cause was the development of gift-exchange relations between them, which motivated the former to turn to a certain priest instead of any other.
Keywords: Siberia, taiga, Orthodoxy, clerical clothing, parish clergy

Financial support: This research was supported by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, Project No. 0721-2020-0042.

For citation: Pleshivtsev, A.K. (2024) Orthodox clerical clothing as an element of religious communication (Siberia, late 19th century). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 506. pp. 119–127. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/506/15

Введение

На рубеже XIX–XX вв. в церковной среде возникает представление о внешнем благолепии религиозной жизни как средстве проповеди. Оно обнаруживается во внимании епархиальной периодики и иерархов церкви к этому аспекту приходской жизни; яркой реакции некоторых старообрядцев на богатое убранство храмов господствующей церкви [1. С. 907–908]. Иными словами, культовые предметы стали восприниматься ресурсом влияния на религиозное поведение людей. Не будет преувеличением сказать, что в этот

© Плешивцев А.К., 2024

период его главным назначением была «внутренняя миссия», наиболее востребованная в Сибири. Сюда в 1880-х гг. из европейских губерний устремился поток колонистов-крестьян, за чье расположение официальное духовенство конкурировало с последователями других мировых религий и индигенных верований.

Несмотря на важность предметов литургического обихода для пастырской работы и остроту соперничества с другими христианскими конфессиями за расположение прихожан, мы мало знаем о влиянии сельских ризниц на религиозную коммуникацию в сибирских сообществах. Учитывая культурное разнообразие сельской среды региона маловероятно, что они могли быть просто носителями обрядовых функций или репрезентацией конфессиональной принадлежности. Представления о его значимости и практики обращения с ним должны были различаться от общины к общине. Реконструкции влияния богослужебного облачения православного духовенства на поддержание лояльности прихожан в условиях конкуренции со старообрядцами посвящена статья. Под облачением будет пониматься одежда, используемая клириками для богослужения (фелони, стихари, епитрахили, поручи, пояса и пр.).

Едва ли в рамках одной статьи возможно решить поставленную задачу полностью. Разумно будет сосредоточиться на небольшой части этой территории и выявить ключевые свойства изучаемой коммуникаций. Для этого была выбрана небольшая область севера Томской епархии – благочиния № 2–4: территории современных Томского, Кожевниковского, Шегарского и Асиновского районов Томской области; Тайгинского, Яйского и Ижморского районов Кемеровской области; Болотинского района Новосибирской области. Ее репрезентативность для всего региона объясняется отсутствием сложившихся практик крестьянской адаптации к природному и социальному окружению. Государственная церковь была призвана решить эти проблемы: ею основывались новые церковные приходы, чьи причты должны были формировать сообщества из колонистов [2]. Темпы этой деятельности не соответствовали скорости прироста населения – храмов строилось слишком мало, на клир ложилась большая работа [3. С. 239–243]. Уровень материального обеспечения этих общин в среднем был невысоким, а причт не отличался высоким уровнем пастырской подготовки [4]. Альтернативой официальному православию были старообрядческие группы, плотно заселившие таежные районы Приуралья и Сибири [5]. В результате прихожане имели возможность выбора, и в своих предпочтениях они исходили из множества факторов, на которые пытались повлиять как официальные, так и старообрядческие православные сообщества. Сходством этих обстоятельств и объясняется показательность выделенной территории для всей сибирской таежной зоны.

Источниковая основа исследования

Источниковую базу исследования представляют:

1. Законодательные и распорядительные акты гражданского и церковного происхождения. Их содержание позволяет выявить юридические нормы, регламентировавшие производство, ремонта, ношения облачения, обстоятельств запрета на его использование, круг лиц, запрещенных к его ношению [6–9].

2. Делопроизводственная документация. Она представлена клировыми ведомостями [10–12] и ведомостями о доходах и расходах приходов [13–15] благочиний № 2–4 Томской епархии за 1898–1900 гг. Эти материалы включают перечни наличных облачений по приходам, динамику трат на его покупку и ремонт, степень информированности епархиального начальства об оснащенности приходов.

3. Периодическая печать, представленная «Томскими епархиальными ведомостями» за 1890–1900 гг. [16], анализ которой позволяет выявить набор практик, существовавших вокруг инвентаря в сибирских приходах.

Информация этих источников, взятых по отдельности, ограничена: инвентари клировых ведомостей сводились к перечислению наличествующих облачений, стихарей, потиров, напрестольных Евангелий и крестов. В них не встречаются описания их материала, цвета и других качеств, времени и средств приобретения. Чаще всего они завершаются характеристикой «достаточность» или «недостаточность» утвари без конкретизации. Ведомости доходов и расходов благочиний содержат в качестве обязательной к заполнению графу о тратах на ремонт ризницы и церковной утвари. В нее вносились деньги, потраченные на обновление иконостаса, паникадил, подсвечников и лампад; приобретение богослужебных и поучительных книг; вербы, цветов и других праздничных атрибутов. В результате невозможно точно установить, на какие именно нужды были выделены деньги и в каком объеме. Церковная периодика уделяла довольно много времени освещению взаимодействия духовенства и прихожан с богослужебным инвентарем в неофициальных отделах, однако эти материалы носят несистематический характер. Упоминания о пожертвованиях утварью, облачениях причтов, реакции людей на «благолепие» храма встречаются нерегулярно и касаются далеко не всех приходов.

Методологическая основа исследования

Для преодоления фрагментарности источниковой информации была выбрана теоретическая рамка акторно-сетевой теории Б. Латура. Базовая интуиция его подхода лежит в наделении любого объекта материальной и нематериальной природы возможностью действовать [17. С. 351]. Она определяется как способность быть посредником для действий других объектов [18. С. 180]. Одним из вариантов такой медиации является следование или сопротивление набору высказываний о том, что они должны делать – программа и антипрограмма действия [19. P. 260–261]. Отталкиваясь от этих двух понятий, представим следующие этапы исследования. Во-первых, воссоздадим представления православного и старообрядческого духовенства о значении облачения – программы и антипрограммы действия. Во-вторых, опишем практики его

производства, распределения и использования в приходах. В заключение сопоставим полученные данные и определим, в какой мере облачение было способно соответствовать этим программам.

На первом этапе был проведен анализ законодательных источников для выявления круга доступных и запрещенных действий с облачением. Он дополнялся результатами качественного контент-анализа церковной периодики 1890–1900 гг. При помощи сервиса «Яндекс.Архив», содержащего машиночитаемые экземпляры церковной периодики, производился поиск упоминаний слов «облачение», «епитрахиль», «орарь», «фелонь» [20]. Данные о количестве и контексте упоминания выбранных терминов позволяли расширить перечень выявленных действий. На втором этапе был проведен подсчет средних расходов на содержание ризницы, количества облачений на один приход; вычислены корреляции между количеством прихожан, годом появления церкви.

Результаты исследования

Этноконфессиональная ситуация Томской епархии в конце XIX в. была сложна. Из 207 585 христиан Томского округа к православным власти отнесли 201 376 человек, а к старообрядцам всех толков и согласий – 3 941 человека [21. С. 68–69]. Учитывая стремление значительной части староверов жить в удалении от прочих людей («никониан») и скрывать свою веру, их численность могла быть занижена. Что же до тех, кто был записан в последователей синодальной церкви, то их численный перевес в статистике не отражает конфессиональной активности людей. Выбрав ее критерием участие прихожан в исповеди и причастии, мы видим высокий уровень религиозного абсентеизма в сельской местности. Так, в благочинии № 2 в 10 из 14 приходов по нерадению или отлучке не приходили к исповеди и причастию не менее половины прихожан[1]. В благочинии № 4 в 5 из 9 приходов бóльшая часть (от 92 до 55%) населения вообще не приходила к исповеди и причастию, в остальных же в этих таинствах принимали участие от 50 до 65%[2]. Более «набожным» было благочиние № 3, в приходах которого больше половины населения участвовало в таинствах[3].

Объяснение этому можно найти в удаленности подотчетных селений от приходского центра и препятствиях по пути до него. Важным фактором было наличие альтернатив для удовлетворения религиозных потребностей. Этому способствовало большое количество старообрядческих сообществ. В каждом из благочиний они проживали на территории приходов, а также в непосредственной близости. Так, церковные округи № 2 и № 4 включали несколько приходов и деревень, плотно населенных старообрядцами, проживавшими вместе с «никонианами» [21. С. 13]. Благочиние № 3 находилось очень близко к «Белобородовской тайге» – скитскому центру страннического согласия [22, 23]. В этом же регионе в бассейне рек Юкса и Яя вместе с волнами переселенцев староверы занимали все новые территории.

Их отношение к материальной стороне ритуала сильно отличалось от группы к группе. Белокринницкие старообрядцы имели свой клир, который самостоятельно обеспечивали облачениями, не слишком отличающимися от синодальных причтов. Отношение беспоповцев к одеянию духовных лиц зависело не только от вероисповедания, но и положения в общине: миряне, в отличие от насельников скитов, наставников и полемистов общин, могли жить среди «никониан» и общаться с представителями церковной власти [24].

Староверы вели активную миссионерскую деятельность в регионе. Помимо богословских бесед с селянами, эффективным способом обращения в свою веру была посильная помощь в освоении на новом месте, особенно в возведении культовых зданий. Последнее остро стояло на повестке дня переселенцев, ведь для этого требовались ресурсы и получение правительственного разрешения. Ожидание распоряжения о позволении постройки и выделения средств могло затягиваться на годы. Заимщики-старообрядцы, принадлежавшие к «поповскому» течению, давали возможность удовлетворить свои духовные нужды, построив молитвенный дом и приведя свой клир, чем пользовались жители таежных районов [25. С. 9–13].

Программы и антипрограммы действия облачения в православной и старообрядческой средах

Такая подвижность религиозной идентификации требовала мобилизации ритуальной атрибутики для пастырской работы официально-православных и староверческих сообществ. Для приемлющих священство групп сила облачения была связана с символическим и сверхъестественным измерением: богослужебные одеяния были инструментом для проведения благодати в религиозное действие [26. С. 130–136]. Государственная церковь пыталась присвоить себе исключительное право на публичное использование этого ресурса влияния. На это указывает запрет старообрядцам проводить ритуалы с использованием литургического инвентаря и облачения духовенства вне стен их храмов и часовен [27. С. 467].

Распорядительные акты Синода и гражданских ведомств детально разъясняли, что нужно делать с облачением. Например, обязанность содержать богослужебный инвентарь и одеяние вменялась статьей 39 Устава духовных консисторий [6. С. 380]. Помимо этого, регламентировались внебогослужебные ситуации его ношения. Так, священнику на боевом корабле требовалось встречать императора в полном облачении, с крестом в руках и святой водой [6. С. 362]. Одним из указов ограничивался перечень допустимых для ношения во время богослужений гражданских наград [6. С. 241]. Второй определял поводы для запрета ношения облачения: к ним относилось грубое обращение с прихожанами, богослужение в нетрезвом виде [6. С. 259].

С одной стороны, эти распоряжения касались внешнего вида и репутации обрядовой одежды. С другой стороны, они превращали ее в униформу, выполняющую в первую очередь властно-представительские функции.

Это было созвучно «полуофициальному» положению православного священника в сельской местности, ведь здесь он оставался единственным представителем властей с широким кругом обязанностей. Всего их было порядка сорока, и большей частью они не были связаны с удовлетворением религиозных нужд; среди них были фискальная, статистическая, информационно-представительская и прочие [4. С. 88–102]. Таким образом, облачениям церковно- и священнослужителей одновременно предписывались функции ритуального проводника сверхъестественных сил, символа христианской истории и демонстрации включенности во властные структуры.

В дополнение к этому мы можем определить набор действий, которые осуществлялись с облачением и регулярно фиксировались в «Епархиальных ведомостях» в неофициальном разделе. Они позволяют судить о том, какие практики находили одобрение церковными властями и поощрялись ими. Для этого был проведен контент-анализ номеров «Томских епархиальных ведомостей» за 1890–1900 гг. Полученные результаты представлены в табл. 1.

Таблица 1

Количество и доля упоминаний терминов, связанных с облачением, в разных контекстах

Рубрика	Общее количество	Доля, %
Пожертвования	34	24,8
Норматив	28	20,4
Ритуал	22	16
Инвентарные записи	15	10,9
Прейскурант	9	6,5
Биография	8	5,8
Богословие	7	5,1
Реакция	6	4,3
Действие	2	1,4

Среди наиболее частых рубрик упоминаний встречаются те, которые соответствуют выявленным каноническим и юридическим представлениям. 20,4% вхождений искомых терминов обнаруживаются в контексте инструкций по проведению богослужений, составлению описей ризниц, указаний о внешнем виде при встрече императора и пр. 16,7% включают искомые слова в рамках описания обрядов в церквях. Наиболее часто в них фигурируют томские епископы – 10 вхождений; реже – низший клир – 5. Еще 2 упоминания связаны с проездом цесаревича Николая Александровича через Томск. 5,1% упоминаний связаны с богословскими рассуждениями о месте облачения в религиозной жизни: подчеркивается его роль, подтверждающая «благодатность» государственной церкви.

Рубрики «Пожертвования» (25,5%) и «Реакция» (4,3%) демонстрируют одобряемые способы взаимодействия с облачениями, которые ожидаются от прихожан. Первая включает перечни переданных в дар разным церквям и епархиальным учреждениям предметов, упоминания работы клира по сбору пожертвований, агитационные материалы для мирян.

При этом благотворительности мирян сельских приходов посвящено всего 7 из 34 упоминаний соответствующей рубрики. Одно из поучительных сочинений, опубликованных в «Томских епархиальных ведомостях», призывает прихожан жертвовать церкви даже самые небольшие вещи. Принося в дар ткани для пошива или целые облачения, прихожане поддерживали «благолепие» церкви и тем самым спасались [28. С. 3].

Вторая рубрика содержит детали отношения прихожан, индигенного и старообрядческого населения к внешнему виду духовенства. Найденные тексты демонстрируют малый интерес к впечатлению, производимому одеяниями на прихожан в сибирской деревне. В двух из них речь идет о коренном населении региона, еще в двух – о горожанах по случаю открытия Томского университета. Оставшиеся два вхождения описывают одобрение крестьянами одеяний старообрядческого клира. Эти тексты позволяют судить о понимании церковью влияния облачения, однако куда больше это говорит о представлениях мирян. Для сельского населения не было никаких препятствий для равного отношения к одеянию духовных лиц любых православных конфессий. Так, при перечислении в миссионерских отчетах предметов облачения сибирских поповцев, крестивших детей и освящавших браки, упоминается, что у них были полные комплекты иерейских и архиерейских одежд [29. С. 19].

Иные представления о ритуальном костюме духовенства официальной церкви имели старообрядческие сообщества. Приверженцы белокринницкого согласия («поповцы») принимали использование облачения для богослужений, не признавая при этом реформы в обряде, введение «начал папизма» в церковное управление [30. С. 257] и попрание прав правоверного духовенства в сравнении с инославными и нехристианами [31. С. 11–14]. На этих основаниях они отказывались признать подчинение иерархии имперской церкви. Можно констатировать радикальное несогласие со сращиванием государства и церкви и, соответственно, использованием облачения как символа включенности во властные структуры.

Несмотря на то что представители беспоповских согласий имели более радикальное отношение к облачениям и считали материальное оформление религиозной жизни у инославных «перевернутым благочестием» [32], в их позиции нет отрицания канонически предписанного облачению действия. Функции одеяния духовенства как видимое свидетельство причастности к Богу и богоизбранной власти в этом случае нивелировались утверждением, что сохранение его у «никонианских священников» – это просто уловка для низвержения человека в грех.

Таким образом, мы видим, что синодальное и старообрядческое духовенство всех толков признавало символическое и сверхъестественное значение облачения. При этом официальная церковь смешивала представление о «благодатности» одеяния своих служителей с его властно-представительскими задачами. Задачи регистрации рождения, брака и смерти, обучение детей и взрослых грамоте и полезным для крестьян знаниям, внебогослужебное общение и прочее требовали облачения в полный или частичный комплект одеяния. В результате ризницы действовали не только как обрядовый инструмент, но также демонстрировали единство церкви и государства, удостоверяли статус церковно- и священнослужителей как низового чиновничества.

Приведенные действия облачения создавали условия для разных программ действия: с одной стороны, его можно было использовать «по прямому назначению», подчиняясь каноническим и законодательным требованиям. С другой стороны, крепкая связь церкви и власти давали почву для того, чтобы принятое одеяние для части сельского населения олицетворяло собой религиозную неполноценность синодального клира. В таких условиях мирянин мог руководствоваться не только богословскими и прагматическими соображениями. Помимо вышеупомянутых транспортных и административных сложностей, на выбор паствы, к каким священнослужителям обращаться, могло играть качество и материал пошива костюма. Хотя церковная периодика, фиксирующая реакцию селян на эти детали, не говорит исключительно о таежной зоне, она дает основание говорить о конфессиональной принадлежности тех, кто обращал внимание на одеяния.

Практики производства, распределения и использования облачений

Информация о состоянии и количестве облачений в приходах в клировых ведомостях демонстрирует сложность ситуации: в среднем на один причт приходилось 5 комплектов священнических одеяний и 1 комплект для псаломщика[4]. Мы не можем сказать ничего об их качестве: неизвестны время, место и материал их изготовления, цвет, потребность в ремонте и пр. Попытаться оценить его можно при помощи исследования численных показателей, зафиксированных в клировых ведомостях и ведомостях о доходах и расходах приходов. Рассмотрим зависимости между возрастом приходской церкви, количество комплектов священнических и причетнических облачений и числом причащающихся.

Таблица 2

Корреляции Пирсона между возрастом прихода, количеством комплектов облачений священников и псаломщиков и числом причащающихся (по состоянию на 1898 г.)[5]

Показатель	Возраст прихода	Количество священнических облачений	Количество стихарей псаломщика	Число причащающихся и исповедующихся прихожан
Возраст прихода	–	0,278	0,153	0,029
Количество священнических облачений	0,278	–	0,083	–0,124
Количество стихарей псаломщика	0,153	0,083	–	–0,172
Число причащающихся и исповедующихся прихожан	0,03	–0,124	–0,172	–

Корреляционный анализ, приведенный в табл. 2, показывает, что между количеством облачений и числом приходящих к исповеди и причастию мирян нет никакой существенной связи (коэффициенты корреляции –0,124 и –0,172 соответственно). Это говорит о слабом влиянии разнообразия ризниц на религиозное поведение людей, что может быть связано с примерно одинаковым их качеством по всему региону. Данное предположение можно подкрепить отсутствием значимых корреляций между возрастом прихода и числом комплектов облачения. Их величину в 0,278 и 0,153 для священнического и причетнического одеяния можно понимать как отсутствие тенденции к их накоплению. Вероятно, их качество не было высоким – на это косвенно указывают данные о доходах и расходах приходов.

В среднем одна община получала 464 рубля 37 копеек дохода с кошельковых и кружечных сборов, других пожертвований, процентов с церковных капиталов и прочего. Средние расходы составляли 417 рублей 49 копеек, которые уходили на отчисления в пользу епархиальных училищ, чиновников, ремонт церкви и приходских построек, приобретение ладана, вина, муки, заготовку документов и поддержку ризницы в должном состоянии. На это уходило в среднем 41 рубль 50 копеек или около 10% всех расходов. Как видим, эта статья трат была не самой большой, и выделенные на нее средства тратились не только на облачения, но и на утварь, праздничные принадлежности и прочее[6].

На эти деньги облачение могло приобретаться как готовым комплектом, так и в виде материала для пошива. Стоимость полного облачения, согласно публикуемым в «Томских епархиальных ведомостях» прейскурантам, начиналась от 16 рублей 85 копеек без учета доставки [33, 34]. Учитывая необходимость закупать новую утварь и праздничную атрибутику на средства ризницы, вряд ли такая покупка была доступна приходам в любой момент. Помимо этого были и административные сложности с подобного рода расходами. Причт должен был подтвердить, что его ризница обветшала и требует обновления, затем убедить благочинного купить полное облачение или его элемент. Если приходу была нужна материальная помощь от консистории, в процесс принятия решения включались руководители следующих инстанций, которых также требовалось убедить [35. С. 17].

Как видим, поддерживать высокое качество облачений только при помощи приходских и епархиальных средств было трудно. Выходом из этой ситуации могла бы стать помощь мирян, однако заручиться ею было непростой задачей. Прихожане стремились скорее построить храм и ухаживать за самим зданием, нежели пополнять перечень богослужебного инвентаря [36, 37]. Им было достаточно минимального набора, все остальные потребности, по их мнению, должны были удовлетворяться государством. Такая точка зрения не была случайной: как упомянуто выше, получение разрешения на постройку храма даже за свой счет было делом, рискующим затянутся не на один год. Содержание ризницы в надлежащем состоянии в этой ситуации отходило на второй план. Для вовлечения селян в обеспечение прихода хорошим облачением клиру было нужно прикладывать большие усилия, убеждая свою паству подарить священнику ткань для пошива или

уже готовый комплект. Это находило поддержку церковных властей: так, в «Томских епархиальных ведомостях» встречаются упоминания о настойчивости некоторых священников в этом деле [38. С. 646; 39. С. 10; 40. С. 21; 41. С. 21; 42. С. 2]. Жертвователи в этой ситуации не оставались «с пустыми руками»: во-первых, за подаяние их имена вносились в приходской синодик для посмертного поминания; во-вторых, особо активным благотворителям выносилась «архипастырская благодарность», о чем специально сообщалось в «Епархиальных ведомостях».

Мы не можем оценить качество облачения белокриницких клириков «сплошным» образом: в нашем распоряжении нет записей, аналогичных приходской документации государственного клира. О перечне доступных элементов облачения можно судить по миссионерским записями об одеянии клира «поповцев» [43. С. 19]. Тем не менее исследования женских монастырей старообрядцев в Среднем Приобье позволяют сделать предположения о состоянии ритуальных нарядов. Известно, что снабжение утварью и облачением белокриницкого клира в первой половине XX в. происходило силами местных ремесленников и монахинь, занятых рукоделием; за счет присылки из других монастырей (например, из приуральского женского монастыря близ станции Шамары, совр. Шалинский городской округ Свердловской области, насельницы которого обменивали свое шитье на хлеб [44. С. 483]). Известен перечень найденных в 1933 г. при обыске женского старообрядческого монастыря близ пос. Тайжо (совр. Колпашевский район Томской области) материалов и предметов одежды: шелковые и парчовые мантии и епитрахили разных цветов, отрезы парчи и шелка, мотки парчевой тесьмы и пр. [44. С. 483]. Очевидно, что монастыри возникли не на пустом месте и не без поддержки со стороны местных верующих; напротив, им оказывали посильную помощь местные белокринницкие общины, населявшие эти места со второй половины XIX в. Обмен между Приуральем и этим регионом был тесным уже к моменту появления келий. Налаженная работа по пошиву одеяний из дорогостоящих материалов, требующая специфических навыков, позволяет говорить о сопоставимом качестве старообрядческих и синодальных ризниц.

Заключение

На основе приведенных данных мы можем установить, способно ли было исполнять облачение те функции, которые ему были предписаны. Очевидно, что никто из верующих не отрицал литургической значимости одеяния, эту задачу оно исполняло исправно вне зависимости от его физического состояния. При этом синодальное духовенство наделяло его властно-представительскими функциями, что с трудом позволяло отделить «полуофициальное» назначение от православного ритуала. Перечень доступных для прихожан и поощряемых епархиальными властями действий с ним, с одной стороны, должен был связывать прихожан и причты, например, при помощи пожертвований облачений. С другой стороны, далеко не все миряне были готовы делать даже недорогие подношения – чиновничий статус имел большое значение для крестьян и был поводом для отказа участвовать в сверхнормативном обеспечении клира дополнительными одеяниями.

Для старообрядческих наставников и полемистов явная связь между ритуальной и властной составляющей обрядового костюма приходских священников была лишним подтверждением верности своих убеждений и аргументом в беседах с потенциальной паствой. Для них совершаемый в «никонианской церкви» обряд представлял собой «перевернутое благочестие», которое служило государству – противнику «истинного» христианства, поэтому одеяния государственных клириков воспринимались как его непосредственное воплощение.

В результате облачение синодального духовенства, как минимум в сельских приходах таежной и притаежной зоны, не могло быть средством поддержания лояльности прихожан в условиях конкуренции со старообрядческими сообществами. Ни качество одеяний, ни их функциональное назначение не были преимуществами в этом соперничестве – они были сопоставимы у клиров всех деноминаций. При этом ритуальная одежда государственной церкви символизировала имперское управление, что делало ее многозначной и не позволяло ожидать только приверженности. Напротив, это позволяло сомневаться в необходимости посещать именно государственную церковь, а не обратиться к староверам. Они, в свою очередь, могли пользоваться этой особенностью и превращать облачение в фактор, отталкивающий прихожан.

С другой стороны, преодоление негативного отношения к одеяниям и нежелания крестьян помогать поправить состояние ризниц сельских церквей становилось одним из направлений конкурентной борьбы сельских причтов со старообрядцами. Активная кампания популяризации пожертвований среди прихожан, развернувшаяся в церковной прессе и пастырской работе, требовала больших усилий духовенства и мало влияла на физическое состояние облачения. При этом причт, который мог преодолеть его, связывая себя и мирян отношениями обмена и укреплял лояльность последних к своей деноминации.

Примечания

[1] Рассчитано по: [10].
[2] Рассчитано по: [11].
[3] Рассчитано по: [12].
[4] Рассчитано по: [10–12].
[5] Там же.
[6] Рассчитано по: [13–15].

Список источников

1. Смирнов П.С. «В бегстве от антихриста»: общая характеристика современной беспоповщины // Христианское чтение. 1903. № 6. С. 895–908.
2. Балин М.А. Русская православная церковь как актор политики внутренней колонизации Российской империи в Западной Сибири и Степной крае (вторая половина XIX – начало XX вв.) : дис. … канд. ист. наук. Омск, 2023. 272 с.
3. Терехова О.В. Развитие системы православных богослужебных заведений Томской епархии в конце XIX – начале XX в. // Вестник Кемеровского государственного университета. 2014. Т. 2, № 59. С. 239–243.
4. Васильева А.В. Социокультурный облик православного духовенства в Западной Сибири в конце XIX– начале XX вв. Омск, 2015. 261 с.
5. Дутчак Е.Е., Ким Е.А., Буркун Е.О. Крестьянская община и старообрядческий скит: формула притяжения // Православная культура вчера и сегодня. Ольштын, 2015. С. 235–252.
6. Алфавитный указатель действующих и руководственных канонических постановлений, указов, определений и распоряжений Святейшего Правительствующего Синода и гражданских законов, относящихся к Духовному ведомству православного исповеданий / сост. С.В. Калашников. СПб., 1902. 595 с.
7. Руководственные для православного духовенства указы Святейшего правительствующего синода. 1721–1878. М., 1879. 505 с.
8. Циркулярные указы Святейшего правительствующего синода 1867–1900 гг. / сост. А. Завьялов. СПб., 1901. 444 с.
9. Сборник действующих и руководственных церковных и церковно-гражданских постановлений по ведомству православного исповедания / сост. Т. Барсов. СПб., 1885. Т. 1. 663 с.
10. Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 170. Оп. 1. Д. 3351.
11. ГАТО. Ф. 170. Оп. 1. Д. 3352.
12. ГАТО. Ф. 170. Оп. 1. Д. 3355.
13. ГАТО. Ф. 170. Оп. 1. Д. 1101.
14. ГАТО. Ф. 170. Оп. 1. Д. 1102.
15. ГАТО. Ф. 170. Оп. 1. Д. 1103.
16. Томские епархиальные ведомости. 1890–1900.
17. Латур Б. Когда вещи дают отпор: возможный вклад «исследований науки» в общественные науки // Социология вещей : сб. ст. М. : Издательский дом «Территория будущего», 2006. С. 342–364.
18. Латур Б. Об интеробъективности // Социология вещей : сб. ст. М. : Издательский дом «Территория будущего», 2006. С. 169–198.
19. Akrich M., Latour B. A Summary of Convenient Vocabulary for the Semiotics of Human and Nonhuman Assemblies // Shaping Technology, Building Society: Studies in Sociotechnical Change. Cambright : The MIT Press, 1992. P. 259–264.
20. Авторские материалы контент-анализа. URL: https://clck.ru/3CsBGe (дата обращения: 01.09.2024).
21. Материалы Всероссийской переписи 1897 г.: Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. / под. ред. Н.А. Тройницкого. СПб., 1904. Т. XXVI. 246 с.
22. Обозрение епархии его преосвященством, преосвященнейшим Макарием, епископом Томским и Барнаульским в июне и июле месяцах 1899 года // Томские епархиальные ведомости. 1 февраля 1900. № 3. С. 5–14.
23. Обзор деятельности первого Епархиального миссионерского съезда в г. Томске 10–27 августа 1898 // Томские епархиальные ведомости. 15 декабря 1898. № 24. С. 9–27.
24. Дутчак Е.Е. Скитская экономика в культурном ландшафте таежной Сибири: дар, милостыня, товар // Новые исследования Тувы. 2021. № 3. С. 99–110. doi: 10.25178/nit.2021.3.8
25. Ворошилова А.С. Церковное строительство и крестьянские переселения 1907–1917 гг. (на материалах истории православных приходов таежного Причулымья) // Вестник Томского государственного университета. История. 2015. № 36. С. 9–13.
26. Воскресенский И. О церкви, утварях, службах и облачениях церковных. СПб., 1821. 144 с.
27. Высочайше утвержденное мнение Государственного совета «О даровании раскольникам некоторых прав гражданских и по отправлению духовных треб» // Томские епархиальные ведомости. 1 августа 1883. № 16. С. 465–468.
28. Поучение IV // Томские епархиальные ведомости. 15 сентября 1887. № 18. С. 1–6.
29. Извлечение из отчета о состоянии и деятельности Томского противораскольнического Братства во имя Святителя Дмитрия, Митрополита Ростовского, за 1885/6 год // Томские епархиальные ведомости. 15 марта 1887. № 6. С. 1–27.
30. Старухин Н.А. Неокружнический конфликт и полемика вокруг моления за «инославных» царей в Белокриницком согласии (1880–1900-е годы) // Вестник НГУ. История, филология. 2010. Т. 9, № 1. С. 255–259.
31. Беседа с последователем австрийского раскольнического толка о том, почему австрийское лжесвященство не принимается Православною церковью «в сущем сане» // Томские епархиальные ведомости. 15 июня 1900. № 13. С. 9–16.
32. НБ ТГУ. ОКПР. Коллекция «Скитская библиотека». В-27627. Повесть о ризном украшении. URL: http://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Repository/vtls:000529088 (дата обращения: 01.09.2024).
33. Прейс-курант парчевым изделиям, церковной утвари, иконам и киотам магазинов Павла Давыдовича Александрова // Томские епархиальные ведомости. 15 декабря 1892. № 24. С. 1–24.
34. Извлечение цен из прейс-куранта церковной утвари фирмы Н. Рысин с С-ми // Томские епархиальные ведомости. 1 мая 1896. № 9. С. 35–50.
35. Устав Духовных консисторий. СПб., 1883. 201 с.
36. Батурин С.П. Православие в повседневной жизни сибирских крестьян-переселенцев в конце XIX – начале XX веков // Тенденции развития науки и образования. 2020. № 62. С. 42–48.
37. Батурин С.П. К вопросу о системе церковного управления и кадровом составе сибирских епархий в конце XIX – начале XX века // Миссия конфессий. 2018. № 34. С. 772–782.
38. Речь, произнесенная 11 сентября 1882 года в Градо-Томский Христорождественской церкви при отпевании и погребении тела потомственного Почетного Гражданина Игнатьевича Елисеева // Томские епархиальные ведомости. 15 ноября 1882. № 22. С. 644–647.
39. Пожертвования // Томские епархиальные ведомости. 1 мая 1885. № 9. С. 10.
40. Отчет о приходе и расходе денежных сумм, поступивших в кассу Покровского приходского попечительства, с 23 ноября 1892 по 31 января 1894 гг. // Томские епархиальные ведомости. 1 октября 1894. № 20. С. 25–35.
41. Краткий отчет деятельности Покровского приходского попечительства, с 23 ноября 1892 г. по 31 января 1893 г. // Томские епархиальные ведомости. 1 октября 1894. № 20. С. 18–25.
42. Преподание Архипастырского благословения // Томские епархиальные ведомости. 15 апреля 1896. № 8. С. 2.
43. Извлечение из отчета о состоянии и деятельности Томского противораскольнического Братства во имя Святителя Дмитрия, Митрополита Ростовского, за 1885/6 год // Томские епархиальные ведомости. 15 марта 1887. № 6. С. 1–23.
44. Приль Л.Н. Жизненное пространство староверов Среднего Приобья: женские стратегии освоения // Этнография Алтая и сопредельных территорий: материалы междунар. науч. конф., 27–30 ноября 2008. Барнаул : Изд-во БГПУ, 2008. С. 479–484.

References

1. Smirnov, P.S. (1903) "V begstve ot antikhrista": obshchaya kharakteristika sovremennoy bespopovshchiny ["On the run from the Antichrist": general characteristics of modern bezpopovshchina]. *Khristianskoe chtenie*. 6. pp. 895–908.
2. Balin, M.A. (2023) *Russkaya pravoslavnaya tserkov' kak aktor politiki vnutrenney kolonizatsii Rossiyskoy imperii v Zapadnoy Sibiri i Stepnoy krae (vtoraya polovina XIX – nachalo XX vv.)* [Russian Orthodox Church as an actor in the policy of internal colonization of the Russian Empire in Western Siberia and the Steppe Region (second half of the 19th – early 20th centuries)]. History Cand. Diss. Omsk.
3. Terekhova, O.V. (2014) Razvitie sistemy pravoslavnykh bogosluzhebnykh zavedeniy Tomskoy eparkhii v kontse XIX – nachale XX v. [Development of the system of Orthodox liturgical institutions of the Tomsk diocese in the late 19th – early 20th centuries]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*. 59 (2). pp. 239–243.
4. Vasil'eva, A.V. (2015) *Sotsiokul'turnyy oblik pravoslavnogo dukhovenstva v Zapadnoy Sibiri v kontse XIX– nachale XX vv.* [Sociocultural appearance of the Orthodox clergy in Western Siberia in the late 19th – early 20th centuries]. History Cand. Diss. Omsk.
5. Dutchak, E.E., Kim, E.A. & Burkun, E.O. (2015) Krest'yanskaya obshchina i staroobryadcheskiy skit: formula prityazheniya [Peasant community and Old Believer skete: the formula of attraction]. In: Pociechina, A. & Krawiecki, A. (eds) *Pravoslavnaya kul'tura vchera i segodnya* [Orthodox Culture Yesterday and Today]. Olsztyn: Centrum Badań Europy Wschodniej. pp. 235–252.
6. Kalashnikov, S.V. (ed.) (1902) *Alfavitnyy ukazatel' deystvuyushchikh i rukovodstvennykh kanonicheskikh postanovleniy, ukazov, opredeleniy i rasporyazheniy Svyateyshego Pravitel'stvuyushchego Sinoda i grazhdanskikh zakonov, otnosyashchikhsya k Dukhovnomu vedomstvu pravoslavnogo ispovedaniy* [Alphabetical Index of Current and Guiding Canonical Decrees, Decrees, Definitions and Orders of the Holy Governing Synod and Civil Laws Related to the Spiritual Department of the Orthodox Confession]. Saint Petersburg: I.L. Tuzov.
7. Anon. (1879) *Rukovodstvennye dlya pravoslavnogo dukhovenstva ukazy Svyateyshego pravitel'stvuyushchego sinoda. 1721–1878* [Guiding Decrees for the Orthodox Clergy of the Holy Governing Synod. 1721–1878]. Moscow: Tip. M. N. Lavrova i K.
8. Zav'yalov, A. (ed.) (1901) *Tsirkulyarnye ukazy Svyateyshego pravitel'stvuyushchego sinoda 1867–1900 gg.* [Circular Decrees of the Holy Governing Synod 1867–1900]. Saint Petersburg: I.L. Tuzov.
9. Barsov, T. (ed.) (1885) *Sbornik deystvuyushchikh i rukovodstvennykh tserkovnykh i tserkovno-grazhdanskikh postanovleniy po vedomstvu pravoslavnogo ispovedaniya* [Collection of current and guiding church and church-civil resolutions under the department of the Orthodox confession]. Vol. 1. Saint Petersburg: Sinodal'naya tipografiya.
10. *State Archive of Tomsk Oblast (GATO)*. Fund 170. List 1. File 3351. (In Russian).
11. *State Archive of Tomsk Oblast (GATO)*. Fund 170. List 1. File 3352. (In Russian).
12. *State Archive of Tomsk Oblast (GATO)*. Fund 170. List 1. File 3355. (In Russian).
13. *State Archive of Tomsk Oblast (GATO)*. Fund 170. List 1. File 1101. (In Russian).
14. *State Archive of Tomsk Oblast (GATO)*. Fund 170. List 1. File 1102. (In Russian).
15. *State Archive of Tomsk Oblast (GATO)*. Fund 170. List 1. D. 1103. (In Russian).
16. *Tomskie eparkhial'nye vedomosti*. (1890–1900).
17. Latour, B. (2006) Kogda veshchi dayut otpor: vozmozhnyy vklad "issledovaniy nauki" v obshchestvennye nauki [When things fight back: the possible contribution of "science studies" to the social sciences]. Translated from French. In: *Sotsiologiya veshchey* [Sociology of Things]. Moscow: Territoriya budushchego. pp. 342–364.
18. Latour, B. (2006) Ob interob"ektivnosti [On Interobjectivity]. Translated from French. In: *Sotsiologiya veshchey* [Sociology of Things]. Moscow: Territoriya budushchego. pp. 169–198.
19. Akrich, M. & Latour, B. (1992) A summary of convenient vocabulary for the semiotics of human and nonhuman assemblies. In: Bijker, W.J. & Law, J. (eds) *Shaping Technology, Building Society: Studies in sociotechnical change*. Cambright: The MIT Press. pp. 259–264.
20. Anon. (n.d.) *Avtorskie materialy kontent-analiza* [Author's materials of content analysis]. [Online] Available from: https://clck.ru/3CsBGe (Accessed: 01.09.2024).
21. Troynitskiy, N.A. (ed.) (1904) *Materialy Vserossiyskoy perepisi 1897 g.: Pervaya vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiyskoy imperii, 1897 g.* [Materials of the All-Russian Census of 1897: The First General Census of the Population of the Russian Empire, 1897]. Vol. 26. Saint Petersburg: [s.n.].
22. Tomskie eparkhial'nye vedomosti. (1900) Obozrenie eparkhii ego preosvyashchenstvom, preosvyashchenneyshim Makariem, episkopom Tomskim i Barnaul'skim v iyune i iyule mesyatsakh 1899 goda [Review of the diocese by His Grace, Most Reverend Makarii, Bishop of Tomsk and Barnaul in June and July 1899]. *Tomskie eparkhial'nye vedomosti*. 1 February. 3. pp. 5–14.
23. Tomskie eparkhial'nye vedomosti. (1898) Obzor deyatel'nosti pervogo Eparkhial'nogo missionerskogo s"ezda v g. Tomske 10–27 avgusta 1898 [Review of the activities of the first Diocesan Missionary Congress in Tomsk on August 10–27, 1898]. *Tomskie eparkhial'nye vedomosti*. 15 December. 24. pp. 9–27.
24. Dutchak, E.E. (2021) Skitskaya ekonomika v kul'turnom landshafte taezhnoy Sibiri: dar, milostynya, tovar [Skete economy in the cultural landscape of taiga Siberia: gift, alms, goods]. *Novye issledovaniya Tuvy*. 3. pp. 99–110. doi: 10.25178/nit.2021.3.8
25. Voroshilova, A.S. (2015) Churchly constructions and migration of peasants in 1907–1917 (based on the materials of history of the Orthodox parishes in taiga region near Chulim river). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 36. pp. 9–13. (In Russian).
26. Voskresenskiy, I. (1821) *O tserkvi, utvaryakh, sluzhbakh i oblacheniyakh tserkovnykh* [On the Church, Utensils, Services and Church Vestments]. Saint Petersburg: Imperial Academy of Sciences.
27. Tomskie eparkhial'nye vedomosti. (1883) Vysochayshe utverzhdennoe mnenie Gosudarstvennogo soveta "O darovanii raskol'nikam nekotorykh prav grazhdanskikh i po otpravleniyu dukhovnykh treb" [On granting schismatics certain civil rights and for the performance of spiritual services. The highest approved opinion of the State Council]. *Tomskie eparkhial'nye vedomosti*. 1 August. 16. pp. 465–468.
28. Tomskie eparkhial'nye vedomosti. (1887) Pouchenie IV [Instruction 4]. *Tomskie eparkhial'nye vedomosti*. 15 September. 18. pp. 1–6.
29. Tomskie eparkhial'nye vedomosti. (1887) Izvlechenie iz otcheta o sostoyanii i deyatel'nosti Tomskogo protivoraskol'nicheskogo Bratstva vo imya Svyatitelya Dmitriya, Mitropolita Rostovskogo, za 1885/6 god [Extract from the report on the status and activities of the Tomsk Anti-Schismatic Brotherhood in the name of St. Dmitry, Metropolitan of Rostov, for 1885/6]. *Tomskie eparkhial'nye vedomosti*. 15 March. 6. pp. 1–27.
30. Starukhin, N.A. (2010) Neokruzhnicheskiy konflikt i polemika vokrug moleniya za "inoslavnykh" tsarey v Belokrinitskom soglasii (1880–1900-e gody) [Neo-district conflict and controversy surrounding prayer for "heterodox" tsars in the Belokrinitsky agreement (1880–1900s)]. *Vestnik NGU. Istoriya, filologiya*. 1 (9). pp. 255–259.
31. Tomskie eparkhial'nye vedomosti. (1900) Beseda s posledovatelem avstriyskogo raskol'nicheskogo tolka o tom, pochemu avstriyskoe lzhesvyashchenstvo ne prinimaetsya Pravoslavnoyu tserkov'yu "v sushchem sane" [Conversation with a follower of the Austrian schismatic persuasion about why the Austrian false priesthood is not accepted by the Orthodox Church "in its existing rank"]. *Tomskie eparkhial'nye vedomosti*. 15 June. 13. pp. 9–16.
32. Department of Rare Books and Manuscripts TSU Research Library (ORKP NB TGU). Kollektsiya "Skitskaya biblioteka" [Skete Library Collection]. V-27627. *Povest' o riznom ukrashenii* [Tale of the Vestment Decoration]. [Online] Available from: http://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Repository/vtls:000529088 (Accessed: 01.09.2024).

33. Tomskie eparkhial'nye vedomosti. (1892) Preys-kurant parchevym izdeliyam, tserkovnoy utvari, ikonam i kiotam magazinov Pavla Davydovicha Aleksandrova [Price list of brocade products, church utensils, icons and icon cases in the stores of Pavel Davydovich Alexandrov]. *Tomskie eparkhial'nye vedomosti*. 15 December. 24. pp. 1–24.
34. Tomskie eparkhial'nye vedomosti. (1896) Izvlechenie tsen iz preys-kuranta tserkovnoy utvari firmy N. Rysin s S-mi [Extract of prices from the price list of church utensils of the firm of N. Rysin and Sons]. *Tomskie eparkhial'nye vedomosti.* 1 May. 9. pp. 35–50.
35. Anon. (1883) *Ustav Dukhovnykh konsistoriy* [The Charter of the Spiritual Consistories]. Saint Petersburg: Sinodal'naya tipografiya.
36. Baturin, S.P. (2020) Pravoslavie v povsednevnoy zhizni sibirskikh krest'yan-pereselentsev v kontse XIX – nachale XX vekov [Orthodoxy in the everyday life of Siberian peasant settlers in the late 19th – early 20th centuries]. *Tendentsii razvitiya nauki i obrazovaniya*. 62. pp. 42–48.
37. Baturin, S.P. (2018) K voprosu o sisteme tserkovnogo upravleniya i kadrovom sostave sibirskikh eparkhiy v kontse XIX – nachale XX veka [On the system of church administration and personnel of Siberian Dioceses in the late 19th – early 20th centuries]. *Missiya konfessiy*. 34. pp. 772–782.
38. Tomskie eparkhial'nye vedomosti. (1882) Rech', proiznesennaya 11 sentyabrya 1882 goda v Grado-Tomskiy Khristorozhdestvenskoy tserkvi pri otpevanii i pogrebenii tela potomstvennogo Pochetnogo Grazhdanina Gavriila Ignat'evicha Eliseeva [Speech Delivered on September 11, 1882 in the Grado-Tomsk Nativity of Christ Church during the Funeral Service and Burial of the Body of Hereditary Honorary Citizen Gavriil Ignatyevich Eliseev]. *Tomskie eparkhial'nye vedomosti*. 15 November. 22. pp. 644–647.
39. Tomskie eparkhial'nye vedomosti. (1885) Pozhertvovaniya [Donations]. *Tomskie eparkhial'nye vedomosti*. 1 May. 9. P. 10.
40. Tomskie eparkhial'nye vedomosti. (1894) Otchet o prikhode i raskhode denezhnykh summ, postupivshikh v kassu Pokrovskogo prikhodskogo popechitel'stva, s 23 noyabrya 1892 po 31 yanvarya 1894 gg. [Report on the receipt and expenditure of monetary sums received by the treasury of the Pokrovsky Parish Guardianship, from November 23, 1892 to January 31, 1894]. *Tomskie eparkhial'nye vedomosti.* 1 October. 20. pp. 25–35.
41. Tomskie eparkhial'nye vedomosti. (1894) Kratkiy otchet deyatel'nosti Pokrovskogo prikhodskogo popechitel'stva, s 23 noyabrya 1892 g. po 31 yanvarya 1893 g. [Brief report on the activities of the Pokrovsky Parish Guardianship, from November 23, 1892 to January 31, 1893]. *Tomskie eparkhial'nye vedomosti*. 1 October. 20. pp. 18–25.
42. Tomskie eparkhial'nye vedomosti. (1896) Prepodanie Arkhipastyrskogo blagosloveniya [Teaching the Archpastoral blessing]. *Tomskie eparkhial'nye vedomosti*. 15 April. 8. P. 2.
43. Tomskie eparkhial'nye vedomosti. (1887) Izvlechenie iz otcheta o sostoyanii i deyatel'nosti Tomskogo protivoraskol'nicheskogo Bratstva vo imya Svyatitelya Dmitriya, Mitropolita Rostovskogo, za 1885/6 god [Extract from the report on the status and activities of the Tomsk Anti-Schismatic Brotherhood in the name of St. Dmitry, Metropolitan of Rostov, for 1885/6]. *Tomskie eparkhial'nye vedomosti*. 15 March. 6. pp. 1–23.
44. Pril', L.N. (2008) [Living space of the Old Believers of the Middle Ob region: women's strategies for development]. *Etnografiya Altaya i sopredel'nykh territoriy* [Ethnography of Altai and Adjacent Territories]. Proceedings of the International Conference. Barnaul. 27–30 November 2008. Barnaul: Barnaul State Pedagogical University. pp. 479–484. (In Russian).

Информация об авторе:
Плешивцев А.К. – инженер-исследователь лаборатории общей и сибирской лексикографии Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: shelkopiorov@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:
A.K. Pleshivtsev, research engineer, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: shelkopiorov@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 01.09.2024;
одобрена после рецензирования 28.09.2024; принята к публикации 30.09.2024.

The article was submitted 01.09.2024;
approved after reviewing 28.09.2024; accepted for publication 30.09.2024.

Научная статья
УДК 930.2
doi: 10.17223/15617793/506/16

Воеводский двор в Тюмени конца XVII в.: материалы к реконструкции*

Валентина Ивановна Семенова[1]

[1] *Тюменский государственный институт культуры, Тюмень, Россия, valivsem8@mail.ru*

Аннотация. Проанализирована структура воеводского двора, состав построек, перечень помещений главного воеводского дома, а также представлена его внешняя реконструкция. Основными источниками для данной работы послужили план города Тюмени конца XVII в. и документ из архива «Строительство воеводского двора в Тюмени». Показаны строительные работы на воеводском дворе в 1693–1694 гг. и участие в нем местных служилых и посадских людей.
Ключевые слова: Тюмень, XVII в., воеводский двор

Для цитирования: Семенова В.И. Воеводский двор в Тюмени конца XVII в.: материалы к реконструкции // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 506. С. 128–133. doi: 10.17223/15617793/506/16

Original article
doi: 10.17223/15617793/506/16

Voivode's Yard in Tyumen at the end of the 17th century: Materials for reconstruction

Valentina I. Semyonova[1]

[1] *Tyumen State Institute of Culture, Tyumen, Russian Federation, valivsem8@mail.ru*

Abstract. The voivode's yard in the structure of a medieval town was an important ensemble and stood out in its overall panorama. The idea of its external appearance is based on the study of pictorial, written and archeological sources. The reconstruction of separate objects of the voivode's yard were developed in a number of studies (O.V. Ovsyanikova, M.P. Chernykh, and others). The article considers materials dealing with Tyumen Voivode's Yard of the 17th century in order to reconstruct it on the basis of cartographic and written sources. The main sources for this article were the plan of the 17th century town of Tyumen and the archive document "Yard Construction in Tyumen". In the 17th-century drawing of the town, the Voivode's Yard stood in the south-east corner of the town's ostrog adjoining the ostrog's walls, and on the northern and western sides it had a fence. The Yard was divided into a northern residential part (a dwelling house, a big house, a two-storey *povalusha* (tower) topped with a tent) and a southern part with outbuildings (a guardhouse, a double entrance cellar and a barn). The depictions of the residential buildings were affected; only two drawings of the covered stairs of the big house leading to the first and second floors and the detail reminiscent of a balcony survived. S.U. Remezov's drawing from his *Drawing Book of Siberia* (1697–1701) shows the voivode's house from the back side. It was a two-part construction with a gable roof and two chimneys. The Tyumen archive document "Voivode's Yard Construction in Tyumen" contains calculation records with log and brick suppliers and workers who built a new cellar and a fence with a gate. In the house the ceiling and the washroom repair was made; new furnaces were installed in the upper room, another room and the *podklet* (basement); the chimney in the front upper room was fixed. So, the Voivode's House was a two-chambered house on a basement with a balcony on the top floor level. Construction sites such as the fence, gates, cellar and big house, mentioned in the document, are presented in the drawing. The document dates back to 1693–1694, when the Voivode's Yard was renovated after the fire of 1687. The text indicates yard construction work and participation of local people in this process with mentioning specific names and the work they fulfilled. One of them, Savvatey Andreevich Cherepanov, later took part in the construction of the first stone building in Tyumen – Annunciation Cathedral. The sources considered in the article give the opportunity to form an idea about Tyumen Voivode's Yard at the end of the 17th century.
Keywords: Tyumen, 17th century, Voivode's Yard

For citation: Semyonova, V.I. (2024) Voivode's Yard in Tyumen at the end of the 17th century: Materials for reconstruction. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 506. pp. 128–133. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/506/16

* Результаты исследования обсуждались в рамках XIX Международной Западносибирской археолого-этнографической конференции «Исторический опыт этнокультурного освоения пространств Северной Евразии и сопредельных территорий», состоявшейся 16–18 мая 2024 г. на базе Томского государственного университета.

© Семенова В.И., 2024

В Сибири воеводская модель управления использовалась с самого начала освоения новых территорий. Воевода являлся главой местного управления, в его ведении находились военные, административные, дипломатические, хозяйственные вопросы, а также нарушения в сфере нравственной и повседневной жизни населения. Воеводский двор был центром административной власти, местом проживания воеводы, его усадьбой, и занимал важное место в городской структуре русского средневекового города. Если единичные каменные постройки, входившие в состав воеводских дворов, дожили до современности (например, в Верхотурье, Енисейске), то деревянные утрачены безвозвратно. Наши представления об их внешнем облике базируются на изобразительных, письменных и археологических источниках. В такой ситуации остается только метод реконструкции, который реализован в ряде исследований [1, 2].

В данной статье рассмотрены материалы, касающиеся двора тюменского воеводы конца XVII в., с целью реконструкции этого двора на основе изучения картографических и письменных источников.

Для реконструкции воеводского двора в Тюмени ценным источником является чертеж города конца XVII в., опубликованный в 1903 г. П.М. Головачевым как приложение к подборке важных архивных документов по истории города [3. С. 199]. Чертеж, по всей вероятности, был выполнен тюменским сыном боярским, надсмотрщиком крепостных дел, «иконником» Максимом Стрекаловским и отослан в Москву воеводой О.Я. Тухачевским в связи с предполагавшимся строительством в Тюмени каменного кремля [4. С. 92; 5. С. 106]. На чертеже видны следы его «транспортировки» в Москву. Характер сгибов документа свидетельствует о том, что внутри было вложено сопроводительное письмо (как и писал О.Я. Тухачевский), центр чертежа поврежден, видимо, при вскрытии в месте сургучной печати [5. С. 107]. В результате была утрачена верхняя часть изображения воеводского двора, что было с сожалением отмечено П.М. Головачевым (рис. 1). О самом изображении воеводского двора он писал, что «он дан в плане в типичном рисунке» [3. С. 31], с чем трудно согласиться, так как, например, на чертежах У.С. Ремезова рисунки воеводских дворов достаточно индивидуальны (например, в Пелыме, Илимске, Таре, Енисейске, Нарыме и т.д.).

Рис. 1. Рисунок воеводского двора на чертеже Тюмени конца XVII в.

Русские картографические источники по степени изобразительности можно объединить в рамках трех условных традиций: 1) крупномасштабные чертежи-рисунки, показывающие внешний вид отдельного объекта или группы объектов, доступных восприятию субъекта; 2) крупномасштабные чертежи-схемы, которые давали представление об объектах как части ландшафта с указанием их конструктивных особенностей и размеров; 3) мелкомасштабные карты-чертежи, составленные на основе синтеза представлений о значительной территории [6. С. 434–435]. Тюменский чертеж можно отнести к промежуточной традиции между первой и второй группами. На плане отражена структура города с разбивкой на жилые массивы с выделением отдельных объектов, часть которых, по сути, являются рисунками. Это относится изображению церквей, о чем писал П.М. Головачев. Церкви на чертеже, по его мнению, «до известной степени воспроизведены в их естественном, первоначальном виде» [3. С. 31]. Достаточно художественно и подробно на плане представлен и воеводский двор.

Воеводский двор, согласно чертежу, занимал юго-восточный угол городского острога и имел прямоугольную форму (рис. 1). С двух сторон он примыкал к стенам острога, а с северной и западной был огорожен заплотом – изгородью в виде вертикальных столбов, соединенных широкими горизонтальными плахами, вставленными в пазы в 2–3 ряда. С западной стороны заплот прерывался П-образными воротами. На дворе изображены шесть построек. Внизу два строения хозяйственного назначения – погреб с двумя входам и амбар (?). Вдоль западного заплота у ворот изображены две постройки с двускатными крышами и выходами во двор (возможно, клеть (поварня?) и жилой дом – горница). В верхней части рисунка хорошо просматривается повалуша с шатровым завершением и двумя входами на первый и второй этажи. Повалуша была обязательной постройкой на богатых подворьях и предназначалась для пиров и приема гостей. В пространстве между повалушей и угловой постройкой, видимо, располагался главный дом. Сохранились изображения двух лестниц, ведущих на первый и второй этажи. От рисунка дома остались нижняя линия, от которой начинаются лестницы и верхний элемент в виде горизонтальной конструкции, напоминающей балкон или галерею.

Для реконструкции этой постройки можно привлечь довольно условное изображение дома воеводы на чертежах С.У. Ремезова, сделанное с противоположного фасада. Из трех вариантов ремезовских планов Тюмени, наиболее информативен рисунок в «Чертежной книге Сибири» (1697–1701) [7]. На нем воспроизведен двухчастный дом с двускатной крышей с двумя дымоходами в юго-восточном углу острога, как на тюменском чертеже. Самого двора на рисунке нет, но слева к нему примыкает башня. Известно, что в это время тюменская крепость давно лишилась городовых башен. Это дает повод предположить, что здесь изображена повалуша с завершением в виде «бочки», а не шатровым, как на рисунке тюменского чертежа (рис. 2).

Рис. 2. Изображение дома воеводы на чертеже С.У. Ремезова

Таким образом, двор воеводы делился на северную парадную часть с тремя отдельно стоящими постройками – главным домом посередине и жилым домом (горницей) и повалушей по сторонам от него, и южную – с хозяйственными постройками – клетью (поварней?), погребом и амбаром (?).

В тюменских дозорных книгах и городовых списках тщательно перечисляются все городские постройки с указанием дат их постройки или перестройки, жители города с принадлежащим им имуществом, занятиями, размерами выплат и пр., но совсем мало сведений о воеводском дворе. Если бы не было чертежа, то и его точное расположение в крепости трудно было бы установить. В своей вступительной статье П.М. Головачев привел мнение тюменского священника о. Филиппова о первоначальном расположении воеводского двора на месте Благовещенского собора, который был заложен в 1700 г. в северо-восточном углу острога [3. С. 29].

Из «Дозорной книги 1696 г.» известно, что двор воеводы сгорел в пожаре 1687 г., который нанес городу большой урон. 14 апреля 1687 г. в третьем часу ночи загорелся двор ямского охотника Лаврушки Мартынова. Огонь перекинулся на Спасскую церковь, а оттуда на город. [3. С. 80–81]. Кроме церкви и воеводского двора сгорели городовые башни, приказная изба с делами, соборная церковь Рождества Богородицы, хлебные, соляные амбары, струговые припасы, кружечный и тюремный дворы. Восстановительные работы после пожара производил воевода Микифор Колобов (1686–1689). Он заново построил острог с воротами и выпусками в местах, где были городовые башни, таможенную избу «на анбарах с сеньми», лавки «на погребах с верхними жильями», кружечный двор, богадельню и др. Упоминаний о работах на воеводском дворе в этих документах нет.

Более подробное представление о воеводском дворе дает документ из тюменского архива «Строительство воеводского двора в Тюмени» [8] на шести листах с утраченным началом и без точной даты (на деле указано XVI–XVII вв.). Документ представляет собой подробные записи расчетов с поставщиками и работниками, привлеченными к строительству на воеводском дворе, с перечислением их по именам. Также каждая запись заверена подписями свидетелей.

Сохранившийся текст велся с 10 августа по 16 октября с указанием количества привезенного для строительства леса, кирпичей, выполненных работ.

На «воеводское дворовое строение» были доставлены бревна. В документе различаются поставщики и непосредственные доставщики. Восемнадцатого сентября 50 бревен «стаскали из подгорья на гору» ямские охотники Онтешка Плеханов с братом Ми(т)кою, Левка Барлыков, Васка Чечюл(ин), Емелька Чернышев с брато(м) Матюшкой, Микитка Сидоров, Ивашка Огнев, Начка (?) Пономарев, Исачка Конаков, за что получили 16 алтын 4 денги [8. Л. 1]. Оплата поставщику записана 5 октября. Видимо, бревна принадлежали сыну боярскому Онтону Коркину. Указаны размеры бревен «по 4 сажени косых с аршином» (примерно 10,64 м) и цена покупки «рубль двадцать алтын» [8. Л. 3].

21 сентября была оплачена доставка 21 бревна от некого Савки (сохранилось только одно имя). Из-за утраты текста невозможно установить, был ли он продавцом или доставщиком, так как выплаченная сумма не сохранилась [8. Л. 1 об.]. 16 октября за одно бревно алтын получил стрелец Овдоким Роспутин [8. Л. 6]. Цена за бревно первой крупной партии была чуть дороже алтына (из расчета 1 рубль – 33 алтына и 2 деньги, т.е. за 50 бревен 53 алтына 2 денги). 16 августа за сосновую доску заплачено 3 алтына конному казаку Якунке Резвому [8. Л. 6 об.], т.е. обработанное изделие стоило дороже. Таким образом, на «воеводское строение» было приобретено 72 бревна, 1 доска.

Также дело обстояло с доставкой кирпича. Все поставщики названы «кирпищиками». Они могли изготовить кирпич и сами его доставить на двор или не делать этого. В последнем случае нанимались доставщики. «Кирпищик» Мишка Кстинин изготовил 600 шт. кирпича. 25 сентября он получил за изготовление 300 кирпичей 12 алтын и за то, что «те кирпичи возил на воевоцкий двор 3 алтына 2 денги». Для этого ему были предоставлены «повоски» [8. Л. 2 об.]. 30 сентября за 200 кирпичей он получил 8 алтын, 14 августа за 100 кирпичей 4 алтына, но непосредственно доставкой не занимался [8. Л. 3, 6 об.]. «Кирпищик» Федка Кстинин изготовил 410 штук кирпича. 30 сентября за 300 кирпичей получил 12 алтын и за транспортировку 3 алтына 2 денги [8. Л. 2 об.]. 8 октября он получил расчет только за 110 кирпичей 4 алтына 2 денги [8. Л. 4]. Также поступил «кирпищик» Гришка Батутин, получив 7 октября за 200 штук кирпичей 8 алтын [8. Л. 3 об.]. Четвертый «кирпищик» Ларка Тимофеев получил расчет 13 октября за 200 штук кирпичей за 8 алтын и за доставку 2 алтына 2 денги [8. Л. 5]. Перевозку недоставленных кирпичей выполнял пашенный крестьянин Пашко Ворошилов за те же расценки, также ему предоставлялись «повоски» [8. Л. 2 об., 3 об., 5].

Таким образом, было поставлено 1 410 кирпичей. В центральной России 1 тыс. печных кирпичей стоила 1 рубль, т.е. 33 алтына 2 денги [9. С. 107]. В данном случае легко подсчитать, что за 1000 кирпичей было уплачено 40 алтын. В целом цены в Сибири и центральной России вполне сопоставимы.

Работы проводились во дворе и в доме воеводы. В доме клали новые печи, ремонтировали трубы,

мыльню, во дворе строили новый погреб и городили забор с воротами.

Самым значительным объектом во дворе был погреб. В документе процесс работы по его изготовлению описан детально.

18 и 28 сентября были произведены выплаты Ивану Ондреевскому, Мартыну Чижевскому, Онисиму Барановскому, Емельяну Талешевскому, Савке Салтанову, Мишке Иванову, Якову Крупскому, Ивану Ивановскому, Мишке Салтанову за то, что «погреб выкопали и струб спустили и землею накрыли» [8. Л. 1 об., 2]. За то, что «погреб срубили», расчет получили плотники Фролка Мосеев, Ондрюшка Звозенин, Ивашка Светлоколопкин [8. Л. 1 об.]. 8 октября выплатили деньги плотникам Матюшке Носкову, Мишке Сапожникову, Гришке Мансурову, Филке Гулящему, Ивашку Мадянову, Ивашку Фролову, Максимке Шатарнину за то, что «погребницу переносили» [8. Л. 4 об., 5]. 15 октября деньги получили за изготовление решетки на погреб плотники Савка и Матешка Носковы, Фролка Мосеев, Ивашка Тарадан, Илюшка Иванов [8. Л. 5 об., 6]. 16 октября рассчитались с «кирпищиком» Савосткой Ондреевым за то, что он для погребов «творила кирпишные» (лазы в погреб) делал [8. Л. 6].

Погреб важная хозяйственная постройка, предназначенная для хранения продуктов. Как правило, это четырехугольная яма со стороной 3–5 м, стенки которой закреплялись деревянным срубом. Над ямой ставился сруб в 12–3 венцов с двухскатной крышей, который назывался напогребницей. Верхняя и нижняя части погреба сообщались через лаз (творило). В нижней части с более низкой температурой хранили овощи (картофель, репу), соленое мясо, рыбу, в верхней, надпогребнице, – муку, крупу и т.п. На чертеже воеводского двора есть изображения трех хозяйственных построек, из которых под это описание подходит крайняя слева (рис. 1). На территории острога, в северо-восточном углу, есть два похожих объекта, они обозначены как «анбары». Рядом с ними расположено два погреба – зелейный и винный, размерами и формой в плане напоминающие средний объект на хозяйственной половине воеводского двора. Он отличается от них тем, что у него два входа, видимо, плоская крыша, покрытая не досками (линии на рисунке волнистые, а не прямые), а каким-то другим материалом (дерном?). Аналогов ему на других планах русских городов не найдено. Возможно, строительные работы связаны с этим объектом.

Работы на ограде воеводского двора велись параллельно. Уже упоминавшиеся плотники Матюшка Носков, Мишка Сапожников, Гришка Мансуров, Филка Гулящий, Ивашко Мадянов, Ивашко Фролов, Максимка Шатарнин «забор забирали» [8. Л. 4 об., 5]. 16 октября «за двои ворота» было уплачено конному казаку Фролку Шелковникову [8. Л. 6].

В документе деньги выплачивались работникам и без указания конкретной работы, но по затраченному времени от 3 часов до 2–8 дней. Можно предположить, что они могли быть заняты на заготовке досок для забора из бревен и др.

Упомянутые в документе дворовые строительные объекты – забор, сделанный в технике замета, и ворота есть на рисунке чертежа (рис. 1).

О работах в доме из документа известно, что 10 августа плотники Фролка Мосеев, Ивашка Тарадан, Илюшка Иванов получили расчет за то, что «матицу подводили под потолок» и «под мыльню столб подставливали» [8. Л. 6 об.].

Большой объем работ в доме был выполнен «кирпищиком» Савосткой Ондреевым, который занимался печными работами. 8 октября он получил деньги за то, что «две печи клал кирпишные новые в горнице печь да в подклете другую и с работниками» [8. Л. 3 об.]. 16 октября отмечена выплата за то, что «в комнате кирпишную печь новую и с трубою да в парадной горнице трубу ж починял кирпишную ж», при этом последние работы по «скаске ларашно(го) целовальника Онтона Чикишева работ же было у той печи болши прежн(ей) пече которыа печи были кладены в подклетах на воевоцкомъ же дворе», т.е. обошлись дороже [8. Л. 5 об., 6].

Шестнадцатого же октября деньги получил конный казак Фролка Шелковников за опечек, фундамент из бревен для печи. Он же изготовил две скамьи [8. Л. 6].

Таким образом, в доме была парадная горница, горница, комната, подклеты, видимо, жилые, теплые (с печами), а также мыльня. Горницы занимали верхний этаж над подклетами. Комнатой обычно называлось помещение, отделенное от горницы внутренней перегородкой. Таким образом, воеводский дом был двухкамерным (как на рисунке С.У. Ремезова) на подклетах. Если посмотреть на рисунок С.У. Ремезова, то хорошо видны две трубы. Мыльня входила в состав помещений жилого дома, а баня являлась отдельной постройкой, и такое разделение сохранялось до XIX в. (рассмотрено в статье П.А. Корчагина и С.Ф. Татаурова [10. С. 72]).

Документ, скорее всего, был составлен во время воеводства Тита Васильевича Раевского (1693–1698). Из опубликованных источников известно, что в 1693–1694 гг. Т.В. Раевский активно занимался ликвидацией последствий пожара 1687 г., которые, видимо, не все были устранены. Он построил Приказную избу «на прежнем месте» и две караульные избы. До пожара 1687 г. она была ближе к Спасской башне, а караульная изба была только у Георгиевских ворот. В документах периода его управления упомянуты работы на воеводском дворе. [3. С. 82].

По объему выполненных работ строительство на воеводском дворе больше напоминает большой ремонт. Можно предположить, что воеводский двор после пожара 1687 г. восстанавливался постепенно. Действующий воевода мог жить на посаде. По традиции на посаде находился двор второго воеводы, который упоминается в «Дозорной книге» 1624 г. [3. С. 37]. В конце XVII в. практики пребывания двух воевод в Тюмени уже не было. Возможно, воевода Т.В. Раевский произвел эти работы как завершающие по восстановлению двора в 1693–1694 гг.

В 1695 г. Тюмень пережила еще один страшный пожар. Он начался 2 октября на дворе вдовы Устиньицы

Ивановой на посаде. Сгорел митрополичий двор, девичий монастырь, Троицкая, Спасская, Архангельская, Ильинская церкви с колокольнями, лавки, таможенная изба, богадельня, 604 двора. Городовой острог и воеводский двор не упоминаются в перечне утрат. То, что на чертеже отсутствует Троицкая церковь, сгоревшая в пожаре 1695 г., но в остроге на указанных местах находятся Приказная изба и две караульни, построенные при Т.В. Раевском, позволяет согласиться с датировкой чертежа В.И. Кочедамовым 1696 (послепожарным) годом и сделать вывод, что изображенный на нем воеводский двор соответствует времени конца XVII в.

После пожара 1695 г. было решено приступить в Тюмени к каменному строительству. Воевода Т.В. Раевский получил из Москвы приказ начать строительство каменных амбаров, что стало трудной задачей, так как прежде в Тюмени не было каменного строительства, отсутствовали необходимые материалы (камень, известь) и главное – «делать некому, мастеров, кому анбары строить на Тюмени нет… есть на Тюмени четыре человека кирпишников и сказали они… работают де они печную работу, а анбаров каменных и кирпичных они делать не умеют» [цит. по: 11. С. 94]. В рассмотренном нами документе о строительстве на воеводском дворе упомянуты именно четыре «кирпищика», т.е. цифры в обоих случаях совпадают.

К каменному строительству приступил новый назначенный воевода О.Я. Тухачевский в 1699 г. У него возникли те же проблемы. С большим трудом ему удалось запасти материалы на стройку и обеспечить ее работниками. При строительстве Благовещенского собора после долгих уговоров была сформирована бригада из девяти человек под началом Савватея Андреева Черепанова, который известен по рассмотренному документу тем, что клал печи в воеводском доме под именем Савостки Ондреева. Необходимо отметить, что он единственный получал деньги не только на себя, но и на помощников, которые поименно не перечислены в записях, т.е. руководил целой бригадой. Этот талантливый человек не только освоил производство большеформатного кирпича, но и сумел сделать черепицу для кровли собора. В опубликованном В. Молодых документе о строительстве Благовещенского собора есть запись об оплате за работу «Черепану за дверные шпренгели и формовые столбы и балясы». Эти детали были выполнены с применением полихромных изразцов, т.е. он овладел и этой сложной технологией.

В. Молодых считал, что он был одним из руководителей строительства и назвал его «кирпичных дел мастером Савватеем Андреевым» [12. С. 201, 209].

Возможно, в это время Савостка Ондреев закрепил за собой прозвище Черепан, ставшее в последующем его фамилией Черепанов. Как известно, «черепаны» – это черепки, битые горшки. В списке О.Я. Тухачевского есть Алексей Савватеев, сын Савватея Андреева, который стал специалистом по изразцовым печам и тобольским гончаром [11. С. 221]. Хотя Мишка и Федка Кстинины, которые были самыми продуктивными поставщиками кирпича на воеводский двор во время строительных работ в 1690-е гг., не упомянуты, но есть стрелец Емельян Кстинин, а среди казачьих детей перечислен Василий Кстинин [11. С. 95].

Тюмень сохраняла свой облик, запечатленный на чертеже (рис. 3), до очередного сильного пожара 4 июля 1766 г., после чего получила план регулярной застройки. К сожалению, никто не сделал описание воеводского двора. Даже Г.Ф. Миллер, который четыре раза проезжал Тюмень и в 1741 г. оставил небольшое описание города, в котором только упомянул, что воеводский дом находится в крепости (не двор и не подворье) [13. С. 297].

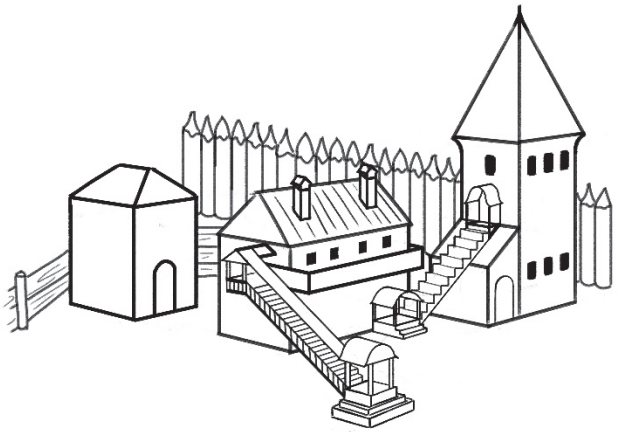

Рис. 3. Графическая реконструкция воеводских хором на чертеже Тюмени конца XVII в.

В настоящее время место, где находился воеводский двор, занято. В 1830-е гг. там было построено здание Общественного дома (Городской управы), сейчас оно принадлежит областному музею. Сомнительно, что в культурном слое остались какие-либо остатки предшествующей застройки. Тем более ценны дошедшие до нас письменные и изобразительные источники, которые дают представление о воеводском дворе в Тюмени конца XVII в.

Список источников

1. Овсянников О.В. Дом и усадьба в сибирском городе XVII в. // Краткие сообщения Института археологии. 1973. Вып. 136. С. 41–46.
2. Черная М.П. Воеводская усадьба в Томске. Томск : Издательский дом «Д'Принт», 2015. 276 с.
3. Тюмень в XVII столетии: Собрание материалов для истории города с «Введением» и заключительной статьей прив. доц. П.М. Головачева: Состав населения и экономический быт в XVII в.», с приложением плана старинной Тюмени и 2 видов Благовещенского собора начала XVII в. Тюмень : Мандр. и Ка, 2004. 200 с.
4. Кочедамов В.И. Строительство Тюмени в XVI–XVII вв. // Ежегодник Тюменского областного краеведческого музея. Тюмень, 1963. Вып. 3. С. 83–106.
5. Семенова В.И., Химич И.С. Об авторстве надписей на чертеже города Тюмени конца XVII в. // Вестник Тюменского государственного института культуры. 2023. № 2. С. 105–109.
6. Джаксон Т.Н., Коновалова И.Г., Подосинов А.В., Фролов А.А. Северная Евразия в картографии античности и средних веков. М. : Аквилон, 2017. 528 с.
7. Ремезов С.У. Чертежная книга Сибири. 1701. 26 листов. URL: https://commons.wikimedia.org/wiki/Category:Drawing_Book_of_Siberia
8. Государственный архив Тюменской области. Ф. 214. Оп. 1. Ч. 1. Д. 1174.

9. Милославский М.Г. Техника деревянного зодчества на Руси в XVI-XVII вв. // Труды института истории естествознания и техники. М. : Издательство Академии наук СССР, 1956. Т. 7. С. 44–111.
10. Корчагин П.А., Татауров С.Ф. К пониманию средневековых русских реалий: баня или/и мыльня // Вестник Удмуртского университета. Серия: История и филология. 2019. Т. 29, вып. 1. С. 62–76.
11. Копылова С.В. Каменное строительство в Сибири: Конец XVII–XVIII в. Новосибирск : Наука, 1979. 255 с.
12. Молодых В. Новое о постройке 1-го каменного здания в Тюмени. К постройке Благовещенского собора // Записки Тюменского общества научного изучения местного края. Тюмень, 1924. Вып. 1. С. 201–210.
13. Миллер Г.Ф. Сибирь XVIII века в путевых описаниях Г.Ф. Миллера / отв. ред. Н.Н. Покровский. Новосибирск : Сибирский хронограф, 1996. 310 с.

References

1. Ovsyannikov, O.V. (1973) Dom i usad'ba v sibirskom gorode XVII v. [House and estate in a Siberian city of the 17th century]. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii*. 136. pp. 41–46.
2. Chernaya, M.P. (2015) *Voevodskaya usad'ba v Tomske* [Voivodeship Estate in Tomsk]. Tomsk: Izdatel'skiy dom "D'Print".
3. Golovachev, P.M. & Chukmaldina, A.I. (eds) (2004) *Tyumen' v XVII stoletii: Sobranie materialov dlya istorii goroda s "Vvedeniem" i zaklyuchitel'noy stat'ey priv. dots. P.M. Golovacheva: Sostav naseleniya i ekonomicheskiy byt v XVII v., s prilozheniem plana starinnoy Tyumeni i 2 vidov Blagoveshchenskogo sobora nachala XVII v.* [Tyumen in the 17th Century: Collection of materials for the history of the city with an "Introduction" and a final article by Assoc. Prof. P.M. Golovachev: Population composition and economic life in the 17th century, with an appendix of a plan of ancient Tyumen and 2 views of the Annunciation Cathedral of the early 17th century]. Tyumen: Mandr. i Ka.
4. Kochedamov, V.I. (1963) Stroitel'stvo Tyumeni v XVI–XVII vv. [Construction of Tyumen in the 16th–17th centuries]. *Ezhegodnik Tyumenskogo oblastnogo kraevedcheskogo muzeya*. 3. pp. 83–106.
5. Semenova, V.I. & Khimich, I.S. (2023) Ob avtorstve nadpisey na chertezhe goroda Tyumeni kontsa XVII v. [On the authorship of the inscriptions on the map of the city of Tyumen at the end of the 17th century]. *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo instituta kul'tury*. 2. pp. 105–109.
6. Dzhakson, T.N. et al. (2017) *Severnaya Evraziya v kartografii antichnosti i srednikh vekov* [Northern Eurasia in the Cartography of Antiquity and the Middle Ages]. Moscow: Akvilon.
7. Remezov, S.U. (1701) *Chertezhnaya kniga Sibiri* [Drawing Book of Siberia]. [Online] Available from: https://commons.wikimedia.org/wiki/Category:Drawing_Book_of_Siberia
8. *State Archive of Tyumen Oblast*. Fund 214. List 1. Part 1. File 1174. (In Russian).
9. Miloslavskiy, M.G. (1956) Tekhnika derevyannogo zodchestva na Rusi v XVI-XVII vv. [Technique of wooden architecture in Rus' in the 16th–17th centuries]. In: *Trudy instituta istorii estestvoznaniya i tekhniki* [Proceedings of the Institute for the History of Natural Science and Technology]. Vol. 7. Moscow: USSR AS. pp. 44–111.
10. Korchagin, P.A. & Tataurov, S.F. (2019) K ponimaniyu srednevekovykh russkikh realiy: banya ili/i myl'nya [Towards understanding medieval Russian realities: banya (bathhouse) and/or mylnya (soap house)]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya: Istoriya i filologiya*. 1 (29). pp. 62–76.
11. Kopylova, S.V. (1979) *Kamennoe stroitel'stvo v Sibiri: Konets XVII–XVIII v.* [Stone Construction in Siberia: The end of the 17th–18th centuries]. Novosibirsk: Nauka.
12. Molodykh, V. (1924) Novoe o postroyke 1-go kamennogo zdaniya v Tyumeni. K postroyke Blagoveshchenskogo sobora [New information on the construction of the first stone building in Tyumen. On the construction of the Annunciation Cathedral]. In: *Zapiski Tyumenskogo obshchestva nauchnogo izucheniya mestnogo kraya* [Notes of the Tyumen Society for the Scientific Study of the Local Region]. Vol. 1. Tyumen: Gostipografiya. pp. 201–210.
13. Muller, G.F. (1996) *Sibir' XVIII veka v putevykh opisaniyakh G.F. Millera* [Siberia in the 18th Century in the Travel Descriptions of G.F. Miller]. Translated from German. Novosibirsk: Sibirskiy khronograf.

Информация об авторе:
Семенова В.И. – д-р культурологии, профессор кафедры музейных технологий, истории и туризма Тюменского государственного института культуры (Тюмень, Россия). E-mail: valivsem8@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:
V.I. Semyonova, Dr. Sci. (Culturology), professor, Tyumen State Institute of Culture (Tyumen, Russian Federation). E-mail: valivsem8@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 20.08.2024;
одобрена после рецензирования 09.09.2024; принята к публикации 30.09.2024.

The article was submitted 20.08.2024;
approved after reviewing 09.09.2024; accepted for publication 30.09.2024.

ПЕДАГОГИКА

Научная статья
УДК 811.1/.2
doi: 10.17223/15617793/506/17

Обучение иностранным языкам для профессиональных целей в вузах Армении: вызовы и актуальные решения

Жанна Липаритовна Алоян[1], Смбат Мартунович Парсаданян[2], Лилит Смбатовна Парсаданян[3]

[1, 2, 3] Ванадзорский государственный университет имени О. Туманяна, Ванадзор, Армения
[1] alozhanna@mail.ru
[2] parsadanyansmbat@gmail.com
[3] parsadanyanlilit@mail.ru

Аннотация. Анализируется существующий опыт преподавания иностранных языков на технических отделениях вузов Республики Армения. Рассматриваются основные трудности, с которыми сталкиваются студенты-армяне отделения «Физика» в процессе изучения иностранных языков, а также предлагаются конкретные рекомендации и практические методики для их преодоления. Особое внимание уделяется интеграции современных образовательных технологий в учебный процесс с целью повышения мотивации студентов и эффективности усвоения иностранных языков.
Ключевые слова: высшее образование в Республике Армения, армяноязычные студенты, языковое образование, формирование коммуникативной и речевой компетенций, профессионально ориентированное обучение, цифровые платформы

Для цитирования: Алоян Ж.Л., Парсаданян С.М., Парсаданян Л.С. Обучение иностранным языкам для профессиональных целей в вузах Армении: вызовы и актуальные решения // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 506. С. 134–144. doi: 10.17223/15617793/506/17

Original article
doi: 10.17223/15617793/506/17

Teaching foreign languages for professional purposes in the universities of Armenia: Challenges and current solutions

Zhanna L. Aloyan[1], Smbat M. Parsadanyan[2], Lilit S. Parsadanyan[3]

[1, 2, 3] Vanadzor State University, Vanadzor, Republic of Armenia
[1] alozhanna@mail.ru
[2] parsadanyansmbat@gmail.com
[3] parsadanyanlilit@mail.ru

Abstract. Fundamental changes in the field of higher education in the Republic of Armenia have led to transformations in the means and methods of teaching foreign languages in universities. In this article, the authors consider the specific issues of teaching Russian and English to Armenian students at the Department of Physics. The research relevance is determined by the need to describe the mechanisms for applying modern techniques and digital resources effectively used in Russian and English language classes in a university setting. This article aims to introduce contemporary techniques and technologies that can enhance the quality of teaching foreign languages in a university in accordance with the latest challenges faced by professional education, the demands for global reconsideration of values, and the methodological basis of the entire educational process. In accordance with the stated aim, the following problems are suggested and solved: to analyze the appropriate theoretical basis of the research necessary for the further development of the material being studied; to highlight the specific features of teaching foreign languages in an Armenian university; to study the subjective and objective reasons for the problems undergraduate students of technical departments, in particular, the Department of Physics, encounter; to suggest possible ways to solve these problems. This research highlights methodological techniques and ways of using digital technologies that stimulate students' cognitive activities, ensuring effective mastery of a foreign language. Empirical research methods are used – observation, comparison, experiment, as well as methods of theoretical research – analysis and synthesis, induction and deduction, mental modeling, ascending from the abstract to the concrete, the application of which is interdependent and interrelated. As a result of many years of work with students, the authors identified such problems as preparing competent presentations, lack of motivation, fear of not remembering the acquired knowledge, constraint at the level of free and professional communication, etc. The research carried out in the field of observation and practical application of modern techniques of teaching foreign languages to undergraduate students of the Department of Physics at Vanadzor State University

© Алоян Ж.Л., Парсаданян С.М., Парсаданян Л.С., 2024

leads to a clear conclusion that the above problems can be solved using the techniques and technologies described in the article. The authors conclude that, as a result of implementing the presented techniques and recommendations in the educational process, students' cognitive skills are formed, developed, and improved, their self-esteem and confidence increase, etc., which can have a positive impact on their scientific and professional activities. The authors express confidence that the proposals and recommendations formulated in this article can be useful when solving similar problems in other universities, and the techniques and technologies can be used when studying other foreign languages.
Keywords: higher education in Republic of Armenia, Armenian-speaking students, language education, formation of communicative and speech competencies, professionally-oriented training, digital platforms

For citation: Aloyan, Zh.L., Parsadanyan, S.M. & Parsadanyan, L.S. (2024) Teaching foreign languages for professional purposes in the universities of Armenia: Challenges and current solutions. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 506. pp. 134–144. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/506/17

Введение

Коренные изменения как в политико-экономической, социальной, научно-технической сферах, так и в сфере высшего образования Республики Армения, а также переход к Болонской трехуровневой системе образования (бакалавриат, магистратура и аспирантура) на первый план неизбежно выдвинули вопрос о необходимости разработки инновационных методов обучения студентов в высших учебных заведениях. Такие методы содействуют развитию умений и навыков студентов бакалавриата и магистратуры в последовательном и логичном порядке. В их основе заложен компетентностный подход, который строится вокруг формирования у обучающихся определенных компетенций [1]. Вместе с тем считаем необходимым отметить наличие осмысленных профессиональных целей у студентов-бакалавров технических специальностей, которые на основе полученных в школе знаний, умений, опыта и интересов делают свой осознанный выбор в пользу профессионального обучения.

Мы абсолютно согласны с мнением ведущих специалистов о том, что «среди новоявленных приоритетов высшего образования подчеркнуто выделяется междисциплинарная доминанта подготовки именно инженерно-технических кадров, преследующая принципиально другой уровень профессиональной гибкости, направленный на развитие личности, ее способностей, комплекса компетенций в когнитивной, коммуникативной, цифровой и других сферах в формате коллективного творчества, междисциплинарной интеграции научного знания и открытой дискуссии об изучаемом предмете» [2. С. 38].

Современный мир требует от человека не только знания своего родного языка, но и уверенного владения иностранными языками. Это обусловлено глобализацией, расширением международных связей, мобильностью трудовых ресурсов и т.д. В таких условиях возрастают требования к практическому владению иностранными языками как в повседневном общении, так и в профессиональной деятельности. Для достижения этих целей в вузовское образование активно внедряются инновации, прилагаются значительные усилия для повышения эффективности обучения иностранному языку, которые включают в себя использование новейших информационных технологий и поиск все новых форм, методов и подходов.

Преподавание иностранных языков (русского, английского, французского, немецкого и др.) в университетах Республики Армения (далее РА) направлено на достижение определенных целей, а именно: формирование коммуникативной и речевой компетенций студентов на уровне, достаточном для адекватного понимания и использования ими профессиональной терминологии; участие в коммуникации учебно-профессионального и научного характера; умение излагать свою точку зрения; воспитание культурно-ценностного отношения к иностранной речи с учетом особенностей ее стилистической организации и принципа профессионально-коммуникативной целесообразности, а также воспитание культурно-ценностного отношения к иностранной культуре.

Важное место в парадигме преподавания иностранных языков в вузе отводится профессионально ориентированному обучению студентов-бакалавров с учетом новых требований к образовательным стандартам и программам. Для студентов-билингвов, осваивающих иностранный язык в условиях отсутствия языковой среды, такой вид обучения носит комплексный характер, предполагая реализацию образовательной, воспитательной и практической (коммуникативной) целей. Осуществление образовательной и воспитательной целей могут быть реализованы лишь при достижении студентами соответствующего уровня владения языком. Исходя из этого приоритетной и ведущей целью обучения иностранным языкам является коммуникативная. Достижение этой цели предполагает совершенствование у студентов технических отделений языковых и речевых умений во всех четырех аспектах речевой деятельности: чтении, аудировании, говорении и письме.

В настоящей статье мы рассматриваем вопросы специфики преподавания русского и английского языков в Ванадзорском государственном университете (ВГУ) студентам бакалавриата отделения «Физика».

Актуальность исследования определяется необходимостью выявления и описания механизмов использования современных методов обучения и цифровых образовательных ресурсов, которые применяются на уроках русского и английского языков в вузе. Целевой аудиторией являются студенты-билингвы первого и второго курсов бакалавриата отделения «Физика». Актуальным является и то, что настоящее исследование может расширить и углубить аналогичные разра-

ботки с целью установления специфических особенностей применения специальных педагогических приемов для преподавания других иностранных языков в коммуникативной обучающей среде.

И, как справедливо замечает Н.В. Зылёва, «педагогический прием, который является не только единицей технической подачи конкретного знания, умения, навыка, но и творческим инструментом преподавателя, позволяет добиться желаемой цели от преподавания. Правильно подобранные педагогические приемы, ориентированные на конкретные результаты, помогают обучающимся вовлечься в образовательный процесс, достичь требуемого уровня усвоения знаний, получить конкретные профессиональные навыки, сформировать нужные компетенции» [3. С. 204].

Цель данной статьи – представить наиболее актуальные современные методы и инновационные образовательные технологии, способствующие повышению качества преподавания иностранных языков в вузе в соответствии с новыми вызовами, предъявляемыми к профессиональному образованию, требованиями глобального переосмысления ценностных установок, методологической основой всего образовательного процесса.

Исходя из поставленной цели, в статье решаются следующие основные **задачи**:

– изучить и проанализировать научные и методико-теоретические основы изучаемой темы, необходимые для дальнейшей ее разработки;

– выявить дистинктивные подходы к преподаванию иностранных языков армяноязычным студентам-физикам;

– изучить субъективные и объективные причины возникновения проблем, с которыми сталкиваются студенты-армяне бакалавриата технических отделений, в частности отделения «Физика»;

– предложить возможные пути решения данных проблем;

– сделать соответствующие выводы.

Методология исследования основывается на использовании различных **методов** теоретического и эмпирического исследования.

Методы теоретического исследования:

– **анализ** – изучение теоретических и практических основ преподавания иностранных языков в вузах с техническим профилем обучения с целью выявления ключевых принципов и методологических подходов;

– **синтез** – интегрирование различных методов и подходов для создания методических комплексов и пособий, адаптированных к профессиональным целям студентов;

– **индукция и дедукция** – выявление общих закономерностей в обучении иностранным языкам на основе конкретных практик и собственного опыта и вывод из этих закономерностей специфических стратегий и методик обучения иностранным языкам;

– **мысленное моделирование** – создание эффективных моделей обучения, учитывающих особенности профессиональной деятельности студентов и требования современного рынка труда;

– **восхождение от абстрактного к конкретному** – применение теоретических концепций и принципов к конкретным ситуациям обучения иностранным языкам для разработки практических рекомендаций и методических материалов.

Методы эмпирического исследования:

– **наблюдение** – анализ реальных процессов обучения иностранным языкам в неспециальных вузах с целью выявления основных тенденций и проблем;

– **сравнение** – сопоставление методов и подходов к обучению иностранным языкам, используемых в различных вузах, для определения более эффективных практик обучения;

– **эксперимент** – проведение практических экспериментов для оценки эффективности разработанных нами различных методик обучения иностранным языкам.

Эти методы взаимодействуют и органично дополняют друг друга, обеспечивая комплексный и глубокий анализ изучаемых явлений и процессов.

Постановка вопроса

Для подготовки студентов-бакалавров вузы РА в настоящее время предлагают многочисленные направления развития специального образования. Каждое из этих направлений ориентировано на изучение достаточно узкого специализированного модуля. В Ванадзорском государственном университете реализуется около 16 направлений подготовки студентов-бакалавров. В контексте такого широкого выбора образовательных направлений преподавателям-лингвистам иногда бывает сложно предоставить студентам необходимый учебный материал с узкоспециальной иноязычной терминологией, соответствующей конкретному профилю подготовки. Учебники и учебные пособия еще советского периода, которые имеются в библиотеках большинства вузов и нередко используются в процессе преподавания, уже не соответствуют актуальным требованиям, предъявляемым к современному образовательному процессу, и не всегда соответствуют образовательным программам и конечным результатам профессионально-ориентированного обучения. Преподаватели часто прибегают к самостоятельной разработке и имплементации в образовательный процесс адаптированных учебных материалов, которые содержат тексты учебно-методической направленности или тексты из учебников и пособий по специальности, предлагая студентам как научно-популярные тексты, так и тексты, непосредственно относящиеся к их профессиональной деятельности. Что же касается уровня языковой подготовки студентов, то в некоторых группах она может быть недостаточной для полноценного усвоения сложных языковых конструкций, и преподавателям приходится начинать с основ, уделяя больше времени базовым аспектам языка.

Наша многолетняя практика работы в вузе показывает, что при изучении иностранных языков армяноязычные студенты сталкиваются с большими проблемами. В данной статье мы попытались выделить основные проблемы студентов бакалавриата технического профиля при изучении русского и английского языков.

В нашей предыдущей статье «Русский язык в Армении: элементы компаративного обучения» мы осветили основные трудности при обучении русского

языка как иностранного (РКИ) в армяноязычной аудитории и для устранения этих трудностей предложили некоторые методические решения с применением компаративного метода. Нами были проанализированы также проблемы, которые обусловлены несоответствиями в грамматических, в частности морфологических, системах русского и армянского языков. Анализ грамматических структур данных языков показал, что «к морфологическим единицам и категориям, отсутствующим в армянском языке и не имеющим аналогий с морфологическими явлениями русского языка, которые вызывают естественные трудности у армянских студентов, относятся:

– агглютинативный характер морфологии армянского языка с некоторыми элементами аналитизма;

– различие в грамматическом и семантическом выражении категории одушевленности/неодушевленности имен существительных в русском и армянском языках;

– отсутствие грамматической категории рода в армянском языке и ее наличие в русском языке;

– несовпадение падежных систем – функций, значений и количества падежей русского и армянского языков;

– отсутствие в армянском языке падежной парадигмы прилагательных и т.д.» [4. С. 202].

Решением данной проблемы представляется применение разработанного авторами конструктивного и высокорезультативного комплекса методов преподавания русского языка армянским обучащимся, включающего различные техники и подходы, в частности использование «содержательного компаративного анализа русских и армянских грамматических структур, учитывая при этом их взаимосвязь с лексическими единицами в словоформе и в предложении» [4. С. 203].

В настоящем исследовании мы рассмотрим особенности изучения русского и английского языков студентами бакалавриата отделения «Физика» и представим наиболее актуальные, на наш взгляд, методы преподавания данных иностранных языков.

Как указано выше, в парадигме стремительно развивающегося полилингвизма и глобализации мирового сообщества основной и приоритетной целью обучения иностранным языкам становится формирование коммуникативной компетенции студентов на иностранном языке. В парадигме меняющихся условий постоянное обновление учебных программ и адаптация к новым требованиям современного рынка труда формируют социальный заказ на воспитание полилингвальной творческой личности, способной к быстрому приспособлению вызовам времени. Естественно, что под влиянием всех вышеизложенных аспектов, методическим содержанием таких уроков должна стать полилингвальная коммуникация [5].

Преподавание иностранных языков в технических отделениях вузов имеет свои особенности, которые требуют специального подхода и тщательной работы как со стороны преподавателей, так и со стороны обучающихся. Как показывает наш опыт, преподаватели и студенты в процессе обучения иностранным языкам в профессиональных целях сталкиваются с рядом вызовов. К ним относятся:

Нерациональное использование учебного времени. В рамках аудиторных занятий студентам, как правило, не хватает времени на полноценное изучение языка, поэтому эффективные методы обучения становятся критически важными. Студенты-физики часто занимаются по плотным и насыщенным учебным графикам, в которых значительное место отводится специальным дисциплинам, так что им бывает трудно находить время для изучения иностранных языков.

Для решения данной проблемы предлагаем использовать на занятиях графические редакторы и другие современные цифровые платформы и инструменты, применение которых не требует большого количества времени, а также повышает мотивацию к изучению иностранных языков и, несомненно, вызывает интерес у студентов [6]. Далее в нашей статье мы представим модели использования некоторых цифровых инструментов.

Другой часто встречающейся проблемой является *оформление грамотной презентации.* Сюда можно отнести и *страх публичного выступления.*

В современных условиях подготовка презентаций и их грамотное представление стало неотъемлемой и естественной частью учебного процесса, однако, как нами было замечено неоднократно, некоторые студенты не только испытывают трудности при составлении презентаций, но и претерпевают определенный страх при публичном представлении своей самостоятельной работы или проекта на иностранном (русском или английском) языках перед аудиторией.

Для решения данной проблемы мы предлагаем использование графического редактора Canva (https://www.canva.com), с помощью которого студенты самостоятельно и без особых усилий могут создавать индивидуальные презентации, используя уже готовые шаблоны [7]. Для этого не требуется большого количества времени или серьезных усилий. Использование этого инструмента позволяет сэкономить время на подготовку учебных материалов, помогает студентам приобретать актуальные знания, умения и навыки, востребованные на современном рынке труда, например, составлять резюме на иностранном языке, творческие видеоматериалы и т.п. Представление самостоятельных работ перед аудиторией также помогает совершенствовать устную речь студентов, улучшать их дикцию. Использование данного графического редактора в качестве визуальной коммуникации как на уроках английского, так и на уроках русского языков показало высокую результативность при формировании лингвистических и коммуникативных компетенций студентов.

Следующая проблема – *недостаточная мотивация студентов к активному взаимодействию и сотрудничеству.*

В ходе занятий студенты очень часто избегают активного взаимодействия между собой, отдавая предпочтение индивидуальной работе с материалами, которые предоставляют им преподаватели. Для решения

данной проблемы предлагаем онлайн-инструмент в режиме реального времени Mentimeter (https://www.mentimeter.com), при использовании которого студенты при помощи своих смартфонов вовлекаются в непосредственную коммуникацию друг с другом. Им предлагается ответить, например, на такие вопросы: что нового вы узнали на этом уроке? что было для вас трудным, но интересным? что было легким, обычным? как можно было бы продолжить или начать предложенный текст? в каком направлении бы вы продолжили исследование изучаемой темы, если бы у вас была такая возможность? что бы вы хотели изменить, например, в системе образования вашей республики и т.п. Невольно им приходится отвечать на данные вопросы. При этом используются следующие функции вышеуказанного инструмента: функция «облако слов» (необходимо ответить на вопрос одним словом или предложением), а также другие не менее популярные функции: «открытый конец», «весы», «рейтинг», «приколи это» и т.п. Студенты не только отвечают на предложенные преподавателем вопросы, а им становится интересно узнать, как же ответили на эти же вопросы их однокурсники. Они вовлекаются в активное взаимодействие друг с другом, обсуждают и одинаковые, и разные ответы на одни и те же вопросы. Студентов можно вовлечь во взаимодействие друг с другом, и используя функцию «голосование» (преподаватель предлагает выбрать один ответ из трех или четырех предложенных вариантов). После ответов студентов на проекционном экране демонстрируются результаты голосования группы в виде диаграммы. Далее результаты голосования обсуждаются в аудитории [8]. В конце занятия или при обобщении пройденной темы/модуля можно использовать также листы самооценки, которые содержат вышеприведенные или подобные им вопросы. Эффективным решением преодоления указанных трудностей считаем также использование таких активных форм обучения, как обсуждение, коллективное решение проблемы, групповые проекты с целью стимулирования взаимодействия студентов и развития их коммуникативных навыков.

Перечислим еще несколько проблем, с которыми сталкиваются студенты-физики ВГУ:

Проблема мотивации студентов к изучению иностранных языков. Поскольку основное внимание студентов сосредоточено специальных предметах – физике и математике, то им может быть сложно поддерживать мотивацию для изучения иностранного языка, который им кажется непосредственно не связанным с их специализацией.

Для решения этой проблемы преподаватели русского и английского языков активно демонстрируют практическую пользу владения иностранными языками в контексте технических профессий, используя интерактивные методы обучения иностранным языкам (ролевые и деловые игры, мозговой штурм, круглый стол, дискуссии, тематические обсуждения, подготовка проектов и их презентация в аудитории и т.д) [9]. Эти методы уже давно и широко применяются на всех этапах обучения в школах и вузах. Освещение и анализ указанных методов не входят в задачи настоящего исследования.

Боязнь незапоминания полученных знаний. Требуемый уровень языковых навыков в профессиональной сфере достаточно высокий. Студентам, как правило, бывает сложно усваивать тонкости грамматики (особенного русского языка) и стиля научно-профессионального общения. В научной сфере студентов-физиков существует множество специальных терминов, понятий и выражений, которые могут быть сложными для перевода на другие языки или изучения в контексте другого языка. Естественно, встречая новые слова, словосочетания и выражения на иностранном языке, студенты для лучшего понимания непроизвольно переводят их на родной армянский язык. Но что касается перевода технической терминологии, то он требует точности и соответствия контексту. Специфической особенностью перевода научно-технической терминологии является стратегия адаптации культурных и языковых особенностей, сохранение точности и однозначности терминов, а также учет контекста их использования. Иногда приходится «создавать» новые термины или использовать общепринятые международные стандарты, чтобы обеспечить их запоминание и восприятие на обучаемом иностранном языке. При этом особенно необходимо принимать во внимание специфику и потребности аудитории.

Для эффективного перевода технической терминологии необходимо учитывать не только контекст, в котором используются термины, частоту их использования, но и возможные синонимы или альтернативные формулировки. Важно также следить за обновлениями в сфере техники и технологий, чтобы учитывать и включать в процесс обучения новые термины и понятия. Также полезно использовать специализированные словари, глоссарии и другие ресурсы для обеспечения точного и качественного перевода технической терминологии.

Считаем необходимым подчеркнуть, что при переводе технической терминологии важно учитывать особенности синтаксиса и грамматики целевого языка, чтобы сохранить оригинальное содержание научного текста и в то же время сделать его более понятным для студентов неязыковых специальностей. Нередко требуется использовать контекстуальную экспликацию и перефразирование для передачи оттенков значения. В некоторых случаях однозначный перевод невозможен из-за отсутствия точного эквивалента в целевом языке. Здесь, как уже указали выше, важно выбрать наиболее подходящий вариант с учетом контекста и целевой аудитории.

Для преодоления боязни незапоминания, в результате чего студент, несомненно, подвергается стрессу, мы предлагаем использовать на занятиях как русского, так и английского языков интерактивные задания, применяя многофункциональные цифровые платформы Kahoot (https://kahoot.com) и Wordwall (https://wordwall.net), которые позволяют студентам запомнить и закрепить профессиональные термины, грамматический материал, обогатить словарный запас посредством интерактивных игр.

Эти платформы представляют собой отличную возможность для развития навыков быстрой ориентации во времени, а также используются для онлайн-проверки знаний студентов. Переходя по ссылке (https://wordwall.net/resource/70116391), можно найти и создать самому множество интересных заданий, которые расширяют словарный запас и совершенствуют навыки перевода специальной лексики с английского или русского языка на родной армянский. Эта платформа представляет собой многофункциональный инструмент для создания и распространения как интерактивных, так и печатных материалов.

Проблема неправильного произношения иноязычных слов и терминов и запоминания их значений. Понимание и использование специализированной технической лексики и терминов на иностранном языке требует дополнительных усилий со стороны студентов для ее усвоения и времени со стороны преподавателей для ее объяснения. Для решения этой проблемы предлагаем использовать онлайн-платформу Quizlet (https://quizlet.com), которая помогает лучше запомнить и объяснить профессиональные термины с помощью визуализации, произношения, карточек, игр и других учебных средств. Quizlet также является мобильным приложением, которое включает в себя несколько миллионов флэш-карт [10].

Этот онлайн-инструмент можно также использовать для решения вышеизложенной проблемы нерационального использования учебного времени.

Скованность на уровне бытового и профессионального общения. Одним из главных вызовов для студентов-армян является отсутствие языковой среды. В связи с этим необходимым условием является создание ситуаций, где студенты могли бы применять полученные знания на практике в «реальной» профессиональной среде. Это может потребовать организации практик или имитации профессиональных ситуаций на уроках. Для преодоления стеснительности, скованности, негативных наслоений на уровне бытового и профессионального общения мы предлагаем использовать видеозаписи, методику «проговаривание вслух», а также анализ и изложение частного случая в реальной жизненной ситуации (кейс-стади / case study) [11]. Согласно мнению А.А. Филевой, «кейс-технологии – это не повторение за учителем, не пересказ параграфа, не ответ на вопрос преподавателя, это анализ конкретной ситуации, который заставляет поднять весь багаж полученных знаний и применить их на практике» [12. С. 254]. Технология кейс-стади – это такая методика ситуативного обучения, при которой изучается отдельный, конкретно взятый случай или ситуация для определения особенностей и принципов работы в определенной области. Она строится на детальном изучении реальных ситуаций, проблем и событий, которые в учебном процессе получают практическое значение. А Г.В. Ваганова подчеркивает, что «при этом “случай” исследуется в его уникальности, неповторимости, невоспроизводимости в других условиях как индивидуальное самоценное, целостное явление во всей совокупности связей, его формирующих. Особое внимание уделяется социокультурным и экономическим условиям, в рамках которых стало возможным его становление и развитие» [13. С. 38]. Данная методика развивает у студентов аналитическое и критическое мышление, позволяет применять полученные в школе и вузе теоретические знания на практике.

Наша многолетняя практика преподавания в вузе свидетельствует, что для эффективного применения технологии кейс-стади в процессе обучения иностранным языкам необходимо систематическое развитие у будущих специалистов-физиков определенных компетенций. Данная методика направлена на постоянное совершенствование навыков, необходимых для успешного решения возникающих в жизни и в профессиональной деятельности «кейсов». Непредсказуемость и внезапность того или иного «случая» как в аудитории, так и в реальной действительности не должны их пугать и заставать врасплох. На решение подобных ситуаций и направлено использование технологии кейс-стади в аудитории, которое имеет протяженное во времени, а не только учебное назначение и нацелено на формирование у студентов-физиков базовых языковых и профессиональных компетенций, мягких (гибких) навыков, а также способностей и умений, необходимых в XXI в.: умение сотрудничать, общаться, управлять информацией, быть готовыми к межкультурной коммуникации, межкультурному взаимодействию и т.д. В данной ситуации эффективность профессионального общения в значительной степени зависит от индивидуальных качеств студентов-физиков. Основными из них, на наш взгляд, являются: умение слушать, задавать релевантные вопросы и отвечать на них, представлять себя и др. На уроках русского языка студентам-физикам предлагаются следующие кейсы: кейс «Сила трения», кейс «Агрегатные состояния вещества», кейс «Законы Ньютона» и др. Задания на основе кейсов инициируют эффективность процесса обучения за счет активной вовлеченности студентов в этот процесс, которые во время выполнения задания переходят из роли пассивных наблюдателей в роль активных участников.

Каждый кейс по русскому или английскому языку включает в себя теоретическую и практическую части. В теоретической части студенты читают предложенный преподавателем текст, переводят незнакомые им слова на родной армянский язык или выписывают значения этих слов из толковых словарей и заучивают их, используют в словосочетаниях и/или предложениях, просматривают видеофрагменты по изучаемой теме, осваивают презентации и дополнительный материал. В практической части содержатся различные задания для самопроверки и итоговые обобщающие тесты, которые преподаватели используют для проверки уровня освоенности пройденного материала.

Недостаточная сформированность орфографических навыков. Чтобы преодолеть эту проблему, мы используем метод «головоломки». Активной платформой создания головоломок является онлайн-платформа Puzzlemaker (https://puzzlemaker.discoveryeducation.com). Она помогает обучающимся тренировать свой ум,

быстро ориентироваться в ситуации, правильно составлять слова, а также развивает зрительную память и активизирует мыслительную деятельность. Ниже (рис. 1) представлен образец головоломки, интерпретирующий профессиональные стереотипы. Задание относится к теме «Liquids/ Жидкости».

Рис. 1. Пример головоломки по теме «Liquids/ Жидкости»

На уроке английского языка студентам предлагается найти следующие термины: *depth, steam, theory, upward, gaseous, multiply, quantity, capillary, vaporize, existence, hydraulic, condenser, proportion barometric, continuous, assumption, evaporation, vulcanizable, compressible, uncrystallizable.* Искомые слова могут располагаться в любом направлении: горизонтально, вертикально, по диагонали, могут пересекаться друг с другом.

Чувство тревожности, неуверенности в собственных знаниях в процессе обучения иностранным языкам и чувство заторможенности при выполнении грамматических упражнений. В начале курса обучения студенты легко воспринимают учебный материал и способны воспроизводить полученные знания, но через некоторое время у них возникает чувство некой тревожности и обеспокоенности от того, что они ничего не запомнили, не смогут успешно сдать экзамены и, в конечном счете, ничего не знают. Для преодоления этого комплекса мы предлагаем повторять все пройденные темы, лексику, грамматические правила методом *интервального повторения* – эффективного метода запоминания и изучения предлагаемых терминов через систематические промежутки времени (https://rsv.ru/blog/metodika-intervalnyh-povtorenij/).

Данная мнемотехника основана на том, что для лучшего усвоения необходимо заучивать новую информацию, повторяя термины и их дефиниции через определенное время [14]. Этот процесс выглядит следующим образом: например, вам нужно запомнить термины для усвоения нового материала. Как часто их нужно повторять? Предлагается следующий алгоритм:

Заучите слова, отдохните, через 1 час сделайте первый повтор.

Следующий повтор – спустя 8 часов.

Третий повтор – через 24 часа.

Следующий повтор – через 3 дня.

Пятый повтор – через 7 дней и т.д.

Выполняя грамматические упражнения на уроках английского языка студенты, в частности, неправильно употребляют глагольные времена в английском языке, особенно часто встречаются ошибки при выборе следующих времен глаголов: Present Simple или Present Continuous, Past Simple или Present Perfect. Чтобы преодолеть эту сложность, мы также используем приведенные выше высокорезультативные методы и цифровые образовательные технологии.

Следующая проблема – *проблема запоминания неправильных глаголов в английском языке.* Для решения данной проблемы преподавателем английского языка применяется следующая методика: студентам предлагаются 3 таблицы. В первой представлены неправильные глаголы, формы которых в Past Simple и Past Participle полностью отличаются, например: go – went – gone и т.п. Во второй таблице представлены только те неправильные глаголы, формы которых в Past Simple и Past Participle меняются, например: take-took-taken, see-saw-seen и т.д. В третьей таблице представлены только те неправильные глаголы, формы которых в Past Simple и Past Participle не изменяются, например: cut-cut-cut, cost-cost-cost, put–put-put и т.п. Студенты легче запоминают такую избирательную выборку неправильных глаголов.

Малоразвитые навыки аналитического и критического мышления, грамотного выражения и анализа мыслей, несформированные навыки решения проблем. Из-за отсутствия языковой среды студентам-физикам часто не хватает практики в использовании иностранных языков как в повседневной жизни, так и в академической среде, особенно если предполагается проведение большего количества времени в лаборатории или за учебниками. Чтобы преодолеть эти сложности, мы предлагаем на уроках английского языка использование видеоплатформы TEDEd (https://ed.ted.com), которая позволяет создавать и проводить интерактивные уроки.

Процесс этот довольно прост: преподаватели выбирают видеоматериал, соответствующий изучаемой теме, добавляют к нему интерактивные материалы (вопросы к тексту, вопросы для обсуждения, предложения, к которым необходимо написать вопросы различных типов и т.д.), предлагают студентам посмотреть видеоматериал сначала с субтитрами, затем и без них, после чего студенты выполняют практические задания. Данная видеоплатформа способствует развитию аналитического и критического мышления, формированию способности к воспроизведению. Кроме того, важными элементами таких современных уроков являются изучение и анализ статей по специальности, видеоинтервью с учеными-исследователями, составление текстов деловой переписки, которые позволяют студентам погрузиться в аутентичную среду изучаемого языка и т.п.

Также важно создавать на уроках иммерсивную среду для студентов, где они могут применять свои знания на практике.

Недостаточная сформированность грамматических навыков. Некоторые концепции современной физики и физические теории могут быть трудными для передачи на иностранном языке из-за различий в грамматике и структуре предложений в разных языках. Для эффективного преодоления таких трудностей нами на уроках русского языка довольно часто применяются конструкции – образцы. Студенты составляют предложения, чередуя конструкции, по которым они подготовлены, запоминают их и используют в речи. Например, студентам-физикам для выражения определения научного понятия предлагаются следующие конструкции: что есть что; чем называется что; что называется чем; что – это что; что представляет собой что; чем называют что; что называют чем; что – что и др., которые, как можно догадаться, направлены на формирование умений студентов выражать определения понятий на русском языке различными способами. Студенты составляют предложения, используя различные конструкции и видоизменяя одно и то же предложение. Например, преподаватель предлагает студентам изменить следующее предложение по данным конструкциям-образцам: *Динамика – это раздел механики, который изучает причины движения тел.* Студенты читают варианты, которые они составили: динамика есть раздел механики, который изучает причины движения тел; динамика – раздел механики, который изучает причины движения тел; динамикой называется раздел механики, который изучает причины движения тел; динамикой называют раздел механики, который изучает причины движения тел; раздел механики, который изучает причины движения тел, называют динамикой; раздел механики, который изучает причины движения тел, называется динамикой; динамика представляет собой раздел механики, который изучает причины движения тел; динамика – раздел механики, изучающий причины движения тел и т.п. Студенты с большим интересом и удовольствием выполняют подобные упражнения, так как они учатся на примере одного предложения составлять новые предложения по данным образцам.

Эффективным видом упражнений является использование и других подобных конструкций, которые делают уроки более динамичными и способствуют быстрому запоминанию готовых образцов, например: что входит в состав чего; что действует на что с какой силой и др.

На уроках русского языка при обучении языку профессии и активному употреблению терминов в речи полезным и действенным видом практической работы считаем выполнение упражнений, в которых применяются глагольно-именные конструкции с чередованием глаголов совершенного и несовершенного видов, например: вызывать/вызвать (что?) – изменение состояния вещества и т.д.; совершать/совершить (что?) – работу и т.д.; производить/произвести (что?) – измерение давления и т.д. [15].

Таким образом, можем с уверенностью заключить, что использование готовых конструкций на уроках русского языка имеет положительное влияние на обучение языковым законам изучаемого иностранного языка, в нашем случае русского. Выделим наиболее значимые результаты внедрения в образовательный процесс подобных упражнений:

– выполнение упражнений подобного вида помогает обучающимся выражать свои мысли более четко и логично, что способствует эффективной коммуникации в бытовой и профессиональной сферах;

– использование готовых конструкций способствует развитию навыков полноценного их понимания и адаптации к научной информации, что является важным фактором для будущих специалистов-физиков в сфере профессиональной коммуникации;

– использование готовых конструкций способствует более глубокому пониманию и формированию текстов и высказываний на русском языке, так как они становятся более знакомыми с типичными выражениями и оборотами;

– так как готовые образцы включают в себя специализированную терминологию, это помогает студентам использовать правильные клишированные обороты и термины в своих научных работах, при представлении самостоятельных работ с применением слайд-шоу и т.д.;

– путем использования готовых конструкций обучающиеся учатся адаптировать их к различным ситуациям, что способствует развитию навыков владения иностранным языком.

Однако необходимо учитывать, что использование конструкций-образцов должно сочетаться с пониманием их смысла и контекста, с развитием умений и навыков студентов адаптировать их к различным научным ситуациям и задачам.

Для решения проблем, связанных с изучением иностранных языков, мы также предлагаем студентам воспользоваться следующими рекомендациями:

– в контексте научных исследований, таких как написание научных статей, участие в исследовательских, прикладных (практико-ориентированных), информационных, творческих, социальных, конструкторских, инженерных и других проектах и выступление на студенческих научных конференциях, а также взаимодействие с иностранными студентами из других стран, активное использование изучаемого иностранного языка является ключевой практикой для армяноязычных студентов. Такие формы участия способствуют не только более глубокому пониманию научной темы, но и развитию системного мышления, совершенствованию навыков межкультурного общения, содействуют расширению научных связей на международном уровне, что также поможет повысить мотивацию и сделать изучаемый язык более релевантным в их профессиональной области [16, 17];

– по возможности чаще участвовать в международных студенческих конференциях, встречах, вебинарах или семинарах (онлайн и оффлайн), во время которых можно общаться на иностранном языке со студентами и коллегами из разных стран. Это поможет студентам приобрести ценный опыт использования изучаемого языка в реальных жизненных ситуациях;

– ставить себе ясные и реалистичные цели изучения языка и постоянно стремиться к прогрессу. Это поможет студентам поддерживать мотивацию, постоянно отслеживать и оценивать свои достижения;

– очень важным считаем погружение в культуру и историю стран изучаемых иностранных языков. Такое погружение будет способствовать более глубокому пониманию основных национальных концептов, контекстов их использования, что, в свою очередь, расширит сферу лингвокультурных знаний студентов-физиков [18];

– чтение научно-популярной литературы на изучаемом языке и просмотр фильмов помогут расширить словарный запас, улучшить понимание грамматических конструкций и натренировать навыки аудирования;

– для достижения более высокого и «раскованного» уровня владения иностранным языком необходимо поощрять активное общение студентов (как внутри группы, так и на уровне факультета и вуза) на этом языке не только в рамках учебного процесса, но и во внеурочное время. Такая практика способствует улучшению навыков общения, расширению словарного запаса и повышению уверенности в использовании иностранного языка в различных жизненных и профессиональных ситуациях;

– изучение языков требует запоминания большого объема нового материала, включая новые слова, грамматические правила, выражения и фразы. Этот процесс требует систематического подхода и активной практики, так как запоминание является ключевым элементом развития навыков владения языком. Для этого необходимо использовать и техники запоминания, указанные выше, и другие мнемонические техники для запоминания слов и фраз [19, 20].

– использование ресурсов университета: многие высшие учебные заведения, как и Ванадзорский государственный университет, предлагают студентам различные языковые программы и курсы иностранных языков в свободное от основных учебных занятий время, посещение которых также поможет в овладении иностранным языком;

– путешествия и обучение за рубежом: так как армяноязычные студенты обучаются вне языковой среды, рекомендуем по возможности чаще посещать страны, где говорят на изучаемом языке, что предоставит студентам отличную возможность погрузиться в местную культуру и практиковать язык в реальных жизненных ситуациях, а также можно рассмотреть возможность участия в различных программах по обмену студентами и продолжения учебы за рубежом в течение одного-двух семестров обучения;

– в современной научной среде часто организуются международные научные проекты и исследовательские группы, при этом знание иностранных языков упрощает взаимопонимание и сотрудничество в таких командах и может стать дополнительным преимуществом при поиске работы как в научной сфере, так и в других областях.

Преодоление вышеуказанных вызовов, как видно из предлагаемых нами решений, требует владения и гибкого использования методов обучения, активного участия студентов, создания стимулирующей и поддерживающей среды для обучения, а также тесного учебного сотрудничества преподавателей и студентов. Комбинация представленных нами в статье и других известных методов обучения позволяет справиться с вызовами и создать благоприятную обучающую среду, где студенты могут успешно осваивать иностранный язык в профессиональном контексте.

Заключение

Таким образом, результаты проведенного исследования и анализ актуальных методов преподавания иностранных (в частности, русского и английского) языков студентам-физикам бакалавриата ВГУ позволяют прийти к выводу, что проблемы, выявленные в ходе нашей преподавательской деятельности, несомненно, имеют методическое решение – имплементация в учебный процесс вышеописанных методов обучения иностранным языкам и цифровых образовательных технологий.

В результате применения данных методов, цифровых образовательных технологий и рекомендаций у студентов формируются, развиваются и совершенствуются следующие навыки и компетенции [21]:

– когнитивные навыки, так как преподавание иностранных языков по предлагаемым нами методам способствует развитию у студентов логического мышления, памяти и внимания;

– повышается самооценка и уверенность (в этом помогает представление самостоятельных работ на иностранном языке), что может положительно сказаться на их профессиональной деятельности [22];

– владение иностранными языками расширяет доступ к различным образовательным ресурсам, предоставляя широкие возможности для самообразования студентов-физиков [23]; оно может принести студентам и академические выгоды, такие как участие в международных студенческих конкурсах, грантах; получение именных стипендий предоставит возможность продолжения обучения за рубежом.

В заключение отметим, что трудности преподавания иностранных языков в вузе, несомненно, существуют, но они могут быть успешно преодолены с помощью профессионального подхода, применения инновационных и интерактивных методов, а также взаимосотрудничества преподавателей и студентов. Одним из ключевых аспектов успешного обучения иностранным языкам является активное использование современных информационных образовательных технологий. Электронные учебники, онлайн-курсы, интерактивные приложения и вебинары позволяют студентам получать доступ к актуальной информации, выбирать удобный для себя формат обучения и «подстраивать» обучение под свои потребности и темпы. Внедрение современных информационных технологий в различные сферы жизни требует формирования и развития новой модели образовательной системы, которая приведет к созданию условий, способствующих раскрытию творческого потенци-

ала будущего специалиста, развитию языковых и речевых способностей в профессиональной сфере, акцентированию на самосовершенствовании и ответственности. В современном мире, где международное взаимодействие становится все более значимым, знание иностранных языков может сделать студентов-физиков более привлекательными для работодателей и повысить их конкурентоспособность на современном рынке труда. Надеемся, что предложения и рекомендации, сформулированные нами в настоящей статье, помогут при решении подобных проблем с изучением других иностранных языков.

Список источников

1. Innovations in learning technologies for English language teaching / Ed. by G. Motteram. London : British Council, 2013. 197 p.
2. Жарова Ю.В., Обдалова О.А. Системообразующие результаты интегративных форматов совместной работы в иноязычной подготовке будущих инженерно-технических специалистов // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 488. С. 37–47. doi: 10.17223/15617793/488/4
3. Зылёва Н.В. Педагогические приемы в практико-ориентированном обучении студентов специальности «Экономическая безопасность» // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 486. С. 203–211. doi: 10.17223/15617793/486/22
4. Савченко И.А., Алоян Ж.Л., Барсегян С.С. Русский язык в современной Армении: элементы компаративного обучения // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 483. С. 195–208. doi: 10.17223/15617793/483/22
5. Cam M.F., Obdalova O.A. The Technology of Communicative Training as a Means of Developing the Skills of Foreign Language Intercultural Communication of Students // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 488. С. 5–13. doi: 10.17223/15617793/488/1
6. Volodina O.V. Formation of meaning-making motivation of undergraduate students in the process of foreign language education // Perspektivy nauki i obrazovania – Perspectives of Science and Education. 2021. № 52 (4). P. 220–237. doi: 10.32744/pse.2021.4.14
7. Kern N. Technology-integrated English for Specific Purposes lessons: real-life language, tasks, and tools for professionals // Innovations in learning technologies for English language teaching / ed. by G. Motteram. London : British Council, 2013. P. 87–116.
8. Володина О.В. Дебаты на уроке иностранного языка как продуктивная технология комплексного формирования дискурсивной компетенции и коммуникативной культуры будущего специалиста // Педагогические мастерские : сб. науч. тр. Киров : МЦИТО, 2020. Вып. 10. С. 20–22.
9. Andrade M.S. Language Games: Innovative Activities for Teaching English. Alexandria, VA : TESOL, 2009, 283 p.
10. Лебедева М.Б. Дистанционные образовательные технологии: проектирование и реализация учебных курсов. СПб. : БХВ-Петербург, 2010. 336 с.
11. Попова С.Ю. Кейс-стади: принципы создания и использования. Тверь : Изд-во СКФ-офис, 2017. 114 с.
12. Филева А.А. Использование кейс-технологии на уроках // Молодой ученый. 2022. № 1 (396). С. 254–258.
13. Варганова Г.В. Кейс-стадис как метод научного исследования // Библиосфера. 2006. № 2. С. 36–42.
14. Серова Т.С., Крылов Э.Г. Интегративное обучение магистрантов иностранному языку в контексте специальности // Язык и культура. 2015. № 3 (31). С. 106–115.
15. Алоян Ж.Л. Практикум по русскому языку : учебно-методические материалы для студентов физико-математического факультета. Ванадзор : Сапено, 2014. 122с.
16. Ferreras-Garcia R., Hernández-Lara A.B., Serradell-López E. Entrepreneurial competences in a higher education business plan course // Education + Training. 2019. Vol. 61, № 7/8. P. 850–869.
17. Мойсеенко С.С., Скрыпник В.П., Зотова Е.С. Педагогические приемы формирования учебной мотивации // Известия Балтийской государственной академии рыбопромыслового флота. 2021. № 1 (55). С. 87–90.
18. Коряковцева Н.Ф. Роль и статус иностранного языка в профессиональной подготовке инновационных кадров // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Образование и педагогические науки. 2019. № 1 (830) С. 20–31.
19. Алексеев Н.А. Личностно-ориентированное обучение: вопросы теории и практики. Тюмень : Изд-во Тюмен. гос. ун-та, 1996. 216 с.
20. Сериков В.В. Образование и личность. Теория и практика проектирования педагогических систем. М. : Логос, 1999. 272 с.
21. Зимняя И.А. Ключевые компетенции – новая парадигма результата образования. М. : Высшее образование сегодня, 2004. 43 с.
22. Соболева А.В., Мацалак Т.В. Индивидуальный образовательный маршрут при обучении иностранному языку студентов неязыковых специальностей // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 481. С. 215–229. doi: 10.17223/15617793/481/24
23. Обдалова О.А. Иноязычное образование в 21 веке в контексте социокультурных и педагогических инноваций. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2014. 180 с.

References

1. Motteram, G. (ed.) (2013) *Innovations in Learning Technologies for English Language Teaching*. London: British Council.
2. Zharova, Yu.V. & Obdalova, O.A. (2023) System-forming results of integrative formats of collaboration in foreign-language training of engineering and technical majors. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 488. pp. 37–47. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/488/4
3. Zyleva, N.V. (2023) Pedagogical techniques in practice-oriented teaching of students of the Economic Security specialty. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 486. pp. 203–211. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/486/22
4. Savchenko, I.A., Aloyan, Zh.L. & Barsegyan, S.S. (2022) The Russian language in modern Armenia: elements of comparative learning. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 483. pp. 195–208. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/483/22
5. Cam, M.F. & Obdalova, O.A. (2023) The technology of communicative training as a means of developing the skills of foreign language intercultural communication of students. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 488. pp. 5–13. doi: 10.17223/15617793/488/1
6. Volodina, O.V. (2021) Formation of meaning-making motivation of undergraduate students in the process of foreign language education [Formation of meaning-making motivation of undergraduate students in the process of foreign language education]. *Perspektivy nauki i obrazovania – Perspectives of Science and Education*. 52 (4). pp. 220–237. doi: 10.32744/pse.2021.4.14
7. Kern, N. (2013) Technology-integrated English for Specific Purposes lessons: real-life language, tasks, and tools for professionals. In: Motteram, G. (ed.) *Innovations in Learning Technologies for English Language Teaching*. London: British Council. pp. 87–116.
8. Volodina, O.V. (2020) Debaty na uroke inostrannogo yazyka kak produktivnaya tekhnologiya kompleksnogo formirovaniya diskursivnoy kompetentsii i kommunikativnoy kul'tury budushchego spetsialista [Debates in a foreign language lesson as a productive technology for the comprehensive formation of discursive competence and communicative culture of a future specialist]. In: *Pedagogicheskie masterskie* [Pedagogical Workshops]. Vol. 10. Kirov: Interregional Center for Innovative Technologies in Education. pp. 20–22.
9. Andrade, M.S. (2009) *Language Games: Innovative activities for teaching English*. Alexandria, VA: TESOL.
10. Lebedeva, M.B. (2010) *Distantsionnye obrazovatel'nye tekhnologii: proektirovanie i realizatsiya uchebnykh kursov* [Distance Educational Technologies: Design and implementation of training courses]. Saint Petersburg: BKhV-Peterburg.

11. Popova, S.Yu. (2017) *Keys-stadi: printsipy sozdaniya i ispol'zovaniya* [Case Study: Principles of creation and use]. Tver: Izd-vo SKF-ofis.
12. Fileva, A.A. (2022) Ispol'zovanie keys-tekhnologii na urokakh [Using case technology in the lessons]. *Molodoy uchenyy*. 1 (396). pp. 254–258.
13. Varganova, G.V. (2006) Keys-stadis kak metod nauchnogo issledovaniya [Case study as a method of scientific research]. *Bibliosfera*. 2. pp. 36–42.
14. Serova, T.S. & Krylov, E.G. (2015) Integrativnoe obuchenie magistrantov inostrannomu yazyku v kontekste spetsial'nosti [Integrative teaching of master's students a foreign language in the context of their specialty]. *Yazyk i kul'tura*. 3 (31). pp. 106–115.
15. Aloyan, Zh.L. (2014) *Praktikum po russkomu yazyku* [Practical Training in the Russian Language]. Vanadzor: Sapeno.
16. Ferreras-Garcia, R., Hernández-Lara, A.B. & Serradell-López, E. (2019) Entrepreneurial competences in a higher education business plan course. *Education + Training*. 7/8 (61). pp. 850–869.
17. Moyseenko, S.S., Skrypnik, V.P. & Zotova, E.S. (2021) Pedagogicheskie priemy formirovaniya uchebnoy motivatsii [Pedagogical techniques for forming educational motivation]. *Izvestiya Baltiyskoy gosudarstvennoy akademii rybopromyslovogo flota*. 1 (55). pp. 87–90.
18. Koryakovtseva, N.F. (2019) Rol' i status inostrannogo yazyka v professional'noy podgotovke innovatsionnykh kadrov [The role and status of a foreign language in the professional training of innovative personnel]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Obrazovanie i pedagogicheskie nauki*. 1 (830) pp. 20–31.
19. Alekseev, N.A. (1996) *Lichnostno-orientirovannoe obuchenie: voprosy teorii i praktiki* [Personality-Oriented Learning: Issues of theory and practice]. Tyumen: Tyumen State University.
20. Serikov, V.V. (1999) *Obrazovanie i lichnost'. Teoriya i praktika proektirovaniya pedagogicheskikh sistem* [Education and Personality. Theory and practice of designing pedagogical systems]. Moscow: Logos.
21. Zimnyaya, I.A. (2004) *Klyuchevye kompetentsii – novaya paradigma rezul'tata obrazovaniya* [Key Competencies – a New Paradigm of Educational Results]. Moscow: Vysshee obrazovanie segodnya.
22. Soboleva, A.V. & Matsalak, T.V. (2022) Individual educational track when teaching a foreign language to non-linguistic students. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 481. pp. 215–229. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/481/24
23. Obdalova, O.A. (2014) *Inoyazychnoe obrazovanie v 21 veke v kontekste sotsiokul'turnykh i pedagogicheskikh innovatsiy* [Foreign Language Education in the 21st Century in the Context of Socio-Cultural and Pedagogical Innovations]. Tomsk: Tomsk State University.

Информация об авторах:

Алоян Ж.Л. – канд. филол. наук, доцент кафедры иностранных языков и литературы Ванадзорского государственного университета им. О. Туманяна (Ванадзор, Армения). E-mail: alozhanna@mail.ru

Парсаданян С.М. – канд. физ.-мат. наук, доцент кафедры химии и биологии Ванадзорского государственного университета им. О. Туманяна (Ванадзор, Армения). E-mail: parsadanyansmbat@gmail.com

Парсаданян Л.С. – преподаватель кафедры иностранных языков и литературы Ванадзорского государственного университета им. О. Туманяна (Ванадзор, Армения). E-mail: parsadanyanlilit@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Zh.L. Aloyan, Cand. Sci. (Philology), associate professor, Vanadzor State University (Vanadzor, Republic of Armenia). E-mail: alozhanna@mail.ru

S.M. Parsadanyan, Cand. Sci. (Physics and Mathematics), associate professor, Vanadzor State University (Vanadzor, Republic of Armenia). E-mail: parsadanyansmbat@gmail.com

L.S. Parsadanyan, lecturer, Vanadzor State University (Vanadzor, Republic of Armenia). E-mail: parsadanyanlilit@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 17.04.2024;
одобрена после рецензирования 28.08.2024; принята к публикации 30.09.2024.

The article was submitted 17.04.2024;
approved after reviewing 28.08.2024; accepted for publication 30.09.2024.

Original article
UDC 378.14.015.62
doi: 10.17223/15617793/506/18

Developing soft competencies: Conceptual and terminological support

Irina G. Kondrateva[1]

[1] *Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russian Federation, irina.kondrateva.67@mail.ru*

Abstract. Modern higher education today is changing its vector for training a graduate who is able to constantly acquire knowledge, be creative, ready to make decisions, and demonstrate wide professional erudition. The essence of soft competencies, theoretical and methodological basis for the development of soft competencies; the levels and the stages of development of soft competencies of bachelor's degree linguistics students when studying at the university are highlighted in the article.

Keywords: soft competencies, university education, learning outcomes

***For citation*:** Kondrateva, I.G. (2024) Developing soft competencies: Conceptual and terminological support. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 506. pp. 145–149. doi: 10.17223/15617793/506/18

Introduction

Actualizing the problem

Nowadays when the instability of economic development is leading to public anxiety, higher education has a specific mission to bring society to its stable state. The issue concerns the questions of training students so that they can cope in future with unpredictable undertaking understanding needs for the growth of national economy and people's welfare. In this regard, training of linguists so that they can fulfill all professional tasks successfully today should meet two goals: the development of soft competencies and the assessment of these competencies. It means the development of soft competences as one of the trends that will determine the personnel policy of the country in the near future. There is a growing necessity for graduates with soft skills: effective communication, leadership, self-organization and achieving goals, managing time, working in a team, interacting with representatives of another culture, stress resistance, etc. However, despite this, many representatives of the pedagogical community do not know how widely soft competencies are present in their activities. As a result, educational programs in higher education pay little attention to develop these competencies in students. This, in fact, leads to practising the competency-based and active approaches when teaching foreign languages in higher education as the most applicable in modern educational pattern.

It is also clear that efforts are underway in many countries to reorganize the Bologna-type higher education system. At the same time, soft competencies are paid attention to as key criteria for the protection of graduates from unstable working conditions and unpredictability in social life. Unfortunately, the results of education and training were reduced to assimilating the usual standard knowledge and skills. While soft competencies allow a graduate to cope with multifaceted and changeable professional situations, make decisions as well as bear responsibilities for activities. Therefore, the competency-based approach focuses on building the educational process on the results of education, when the educational program comprises distinct competencies that a graduate student will use upon graduation. This just concerns the transition to competence-oriented education, centered on the development of the student's readiness to use the learnt information, learning skills, as well as ways of working in life to solve practical and theoretical problems.

Based on this, the totality of mastered competencies is being integrated in results of education. So, many scientists in pedagogy study professional competencies as the results of higher education or as specialized actions. Thus, we can state the significance of the competency-based approach for examining the sense, structural characteristics, norms and means for measuring such skills in higher education. Many researchers emphasize, first of all, their active nature in the context of a system of generalized competencies to choose in specific cases. Correlated with the previous information after graduating the institute or university, future professionals are to get ahead fluctuations and be oriented towards independent self-education.

Conceptual and terminological field of developing soft competencies in a future specialist

Important for this study was the conceptual support of the content of soft competencies: they are presented as personal qualities of an individual, this is what distinguishes one from other people with the same education and experience; the phenomenon of soft competencies is a new way of describing the abilities and talents that an individual can bring to the workplace, including career achievement, teamwork, effective interaction with representatives of professional community using several languages, management abilities, unraveling difficult cases. We can note only few of such skills mentioned above in instructive programs as universal competencies of a graduate incorporated in educational results. In this regard, there is a need to say that soft competencies tend to contradict professional competencies, that is, specific skills that contribute to professional development. There are many variations of soft skills classifications, various scientists include from 10 to 75 elements.

© Kondrateva I.G., 2024

For example, communication skills are defined by both oral and written communication skills, including presentation skills and listening skills, which are very important for any profession. At the same time, listening can be called an important skill and factor in achieving professional success. Critical thinking is usually referred to as cognitive abilities, combined with openness and perception of the ambiguity of a particular phenomenon. Important elements of interpersonal skills are respect, attention, care and interest in other people. And here, the key to the development of interpersonal skills is emotional intelligence, which is part of a set of social intelligence, that includes the ability to control one's own feelings and emotions when planning one's actions, which generally leads to personal stability. One of the components of interpersonal skills is cultural self-identification, which implies the presence of a special cultural experience, that includes the value of and respect for cultural differences. This fully applies to teamwork, which is sometimes associated with interpersonal qualities that help to track the behavior of team members and combine experience and skills. Other skills such as leadership, organizational skills and professional responsibility intersect. Organizational skills can be seen as part of professional responsibility, which also includes skills such as time management and reliability, the aptitude to motivate others to succeed; in other words, it is the ability to consciously focus on other team members. Thus, when defining soft competencies, their possibilities for improving learning outcomes at the university are also taken into account.

The list of soft skills in higher educational programs

According to the Federal State Educational Standard for Higher Education of undergraduate in the direction of training 45.03.02 Linguistics, the following competencies are included: "systemic and critical thinking; project development and implementation; teamwork and leadership; communication; intercultural interaction; self-organization and self-development (including health saving); life safety; inclusive competence; economic culture, including financial literacy; civic position" [1]. If we compare requirements of the program 45.03.02 Linguistics, we may note the following skills: universal, general professional and professional competencies. Analyzing the universal competencies (UC) of the Main Professional Educational Program in the Direction of Training 45.03.02 Linguistics of Kazan Federal University, we can observe:

"UC-1 Is able to search, critically analyze and synthesize information, applies a systematic approach to solving tasks;

UC-2 Is able to determine the range of tasks within the framework of the set goal and choose the best methods and solutions based on the current legal norms, available resources and restrictions;

UC-3 Is able to carry out social interaction and realize a role in the team;

UC-4 Is able to carry out business communication in oral and written forms in the state language of the Russian Federation and foreign languages;

UC-5 Is able to perceive the intercultural diversity of society in socio-historical, ethical and philosophical contexts;

UC-6 Is able to manage time, build and implement a trajectory of self-development based on the principles of education throughout his life;

UC-7 Is able to maintain an adequate level of physical fitness to ensure full social and professional activities;

UC-8 Is able to create and maintain safe living conditions in everyday life and in professional activities to preserve the natural environment, ensure sustainable development of society, including in the event of a threat and emergency situations and military conflicts;

UC-9 Is able to use basic dialectological knowledge in the social and professional spheres;

UC-10 Is able to make sound economic decisions in various areas of life;

UC-11 Is able to form an intolerant attitude towards corrupt behavior" [2].

Examining the characteristics of the generalized labor functions of the Professional Standard of a Specialist in the Field of Translation [3], namely labor actions, the necessary knowledge and skills in generalized labor functions ("non-specialized translation", "professional-oriented translation" and "translation quality management"), we may note that among them there are required actions that are not reflected in universal competencies of the Main Educational Program. For this reason, the list of soft competences was extended by the author and the following range of them was chosen in the research as essential educational results of a Bachelor of Linguistics: effective communication; critical and systemic thinking; motivation and creative thinking; achievement of goals and self-development; time management and self-organization; stress management; self-presentation and etiquette; decision-making and responsibility; interpersonal and intercultural interaction/teamwork; leadership.

Several clarifications are important for the study: soft competencies as personal qualities distinguish people from others with the same education and experience; soft competencies are a new way of describing the abilities and talents that an individual can bring to the workplace, including career achievements, teamwork, communication skills, leadership skills, customer service skills, and problem-solving skills. Soft skills are important because employers mark them as paramount in all areas of work.

Stating the problem

The study of scientific literature on the conceptual and terminological support of the problem of developing soft competencies of future linguists revealed the relevance of referring to various concepts related to the professional education of students. Thus, the works of E.F. Zeer [4] related to competencies in vocational education; important were questions about key competencies disclosed in the works of K. Keen [5], J. Raven [6], I.A. Zimnyaya [7]. Of great importance was a study by R.J. Mirabile [8]. The works of L.M. Mitina [9], S.B. Parry [10] concern the problem of becoming a specialist as a person and a professional. The research data of I.G. Kondrateva [11], V.G. Rypakova [12] about various aspects of communicative competence were also used. The theoretical foundations of key competencies are formulated in the works of I. Alon, J.M. Higgins [13],

A.V. Khutorskoy [14]. The problems of language personality and intercultural development of personality are stated in the works of A.V. Fakhrutdinova [15], Olson C.L. [16], I. Salovey [17]. The analysis of soft competencies structure was carried out by R. Bancino [18], P. Brotherton [19], K. Peggy [20].

Hypothesis

The process of students' soft competencies development will be in effect if: the list of soft competencies will be cleared and proved; learning approaches such as constructivist, situational and person-centered learning will make a theoretical and methodological foundation for students' soft competencies development; organizing and pedagogical conditions, such as actualization of students' ideals and abilities, and also future students' needs will be created; positive motivation and autonomy of students to develop soft competencies will be ensured; trusting and productive learning environment will be created; all kinds of university activities will be incorporated; a model for the development of soft competencies of bachelor's degree linguistics students will be created and experimentally tested; the content characteristics, stages and levels of soft competencies of bachelor's degree linguistics students (nformation-targeted, motivational, practical, reflective) in the process of studying at the university will be developed; diagnostic tools for measuring soft competencies of bachelors (portfolio, self-reports and self-assessments, expert method, psychological tests and questionnaires) will be selected and applied; criteria for the quality of diagnostic tools and determining the levels of soft competencies of bachelor's degree linguistics students will be substantiated.

Materials and Methods

To fulfill the aim of research, the objectives were set: to disclose and explain the necessary soft competencies for bachelor-linguists for successful eemployment; to validate the theoretical and methodological basics, content and technologies of the pedagogical process functioning; to develop the concept, structure and content of the pedagogical system for the development of soft competencies of bachelors of linguistics and determine the mechanisms for its implementation; to identify effective conditions, principles, methods and forms of training linguists for the development of their soft competencies; to develop and argue the content characteristics, levels and stages of development of soft competencies of bachelor's degree linguistics students; to determine the means of diagnosing the soft competencies of students.

Methods of research. The following complex of methods in the research was used: (1) theoretical methods – studying of philosophical, psychological, pedagogical and regulatory literature on the research issue; analysis; generalization and synthesis; pedagogical modeling and design of processes and results at all stages of the study; (2) empirical methods – pedagogical experiment, direct and indirect types of observation, testing, questioning, conversation, interviewing, recording, examination and description of results; (3) mathematical methods – quantitative and qualitative statistical processing.

The essence of soft competencies as a pedagogical goal. A precondition for the development of soft competencies among students is the manifestation of their individuality and the disclosure of their potential that needs to intensify their self-regulation in order to take an active position in using their abilities. With the self-organization of all types of activities (strong-willed, communicative, pedagogical, etc.), students have the opportunity to develop optimally, assimilate social experience and expand their creativity. Processes of socialization and individualization influence students' intellectual activities. The university uses the following technologies to develop students' soft skills: coach and team approach in the educational process; design technologies (ability to solve a specific problem through independent actions on a specific plan); health preservation technologies (formation of necessary knowledge, intellectual attitudes, healthy lifestyle skills among students at informational, psychological and bioenergetic levels); active learning approach; learning technologies in cooperation (using the idea of joint educational activities; individual approach, when the educational process is carried out not from the subject, but from the student to it); research technology (creating conditions for the student to independently detect all kinds of processes and phenomena).

In this regard, the professional and soft competencies indicated in the professional standard of a bachelor of linguistics, will be considered. The results of training and the formation of competencies are determined by development of oral communication in linguists when they study speech, from sounds to syntax, from phonetics to psychology, from meanings to morphology, using the scientific method of comparing languages, studying similarities and differences.

Results

Levels of formed soft competencies of bachelor's degree linguistics students

As the study showed, the presence of soft competencies in students may prove the effectiveness of the chosen list and content elements. Moreover, the promotion of a future specialist in the course of developing one's soft competencies will take place from the empirical to the creative level.

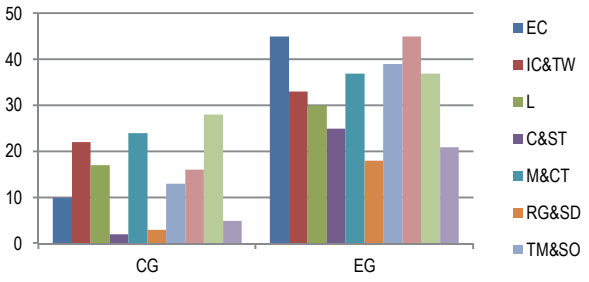

Fig. 1. Comparative analysis of soft competencies in check and experimental groups, %

The results can be seen in Fig. 1, where CG – check group and EG – experimental group, EC – effective communication, IC&TM – international collaboration and teamwork, L – leadership, C&ST – critical and system thinking, M&CT – motivation and creative thinking, RG&SD – realizing goals and self-development, TM&SO – time management and self-organizing, SP&E – self-presentation and ethic, MD&R – making decisions and responsibility, SM – stress management.

Stages of formation of soft competencies in bachelor's degree linguistics students

Based on university practice, the formation of soft competencies took place during several stages: informative, motivational, diagnostic, practical and reflective, the whole period of experimental work took place from September 2020 till May 2023.

Discussion

Bachelor's degree linguistics students as future specialists will have to work in multilingual and multicultural environments, which means they must understand not only issues of their own industry, but also in the field of related industries. Hence, their soft competencies will be in demand when specialists who simultaneously have flexible thinking, adaptability and creativity, as well as high stress resistance are required.

All this will allow them to organize independent activities in unusual conditions, including teamwork in different regions, where there are different standards, technological systems and linguistic multicultural conditions. In this regard, the professional qualities of a bachelor's degree linguistics student will be the following: the ability to perform didactic-linguistic, translation and information-linguistic professional activities; this means the ability to perform linguistic and speech functions and intercultural communication.

Conclusion

So, as the study showed, soft competencies make it possible to use professional knowledge and abilities more effectively; they cover the student's personal qualities, social competencies, communication and self-organization. At the same time, they also affect a wide range of such abilities as introspection, critical thinking, initiative, the ability to manage one's time, etc. based on self-control, organizational and leadership qualities and self-confidence. Moreover, soft competencies complement professional competencies, which is very important for successful professional activities. Soft competencies can also be considered as the ability to find connections between theoretical knowledge and real circumstances and, on this basis, make the right decision and put into practice the decisions made under conditions of uncertainty. Currently, the scientific community uses the concept of "21st century skills", which presents the following: soft competencies are universal competencies that are not limited to any particular area of activity. In this regard, the formation of soft competencies can be called the result of modern higher education, which meets the necessities of employers and is determined by the most important goal of the process of higher education, where bachelor's degree linguistics students master social experience and gain practical skills in a multicultural society. In this context, it becomes necessary to implement the idea of competence-oriented education, which implies the presence of a system and interdisciplinary approaches, where there are personal and activity aspects, a pragmatic and humanistic orientation. All this reinforces practice-oriented education, its subject-professional component, emphasizing the role of experience and skills to practically implement the knowledge gained at the university.

References

1. Fgos.ru. (2014) *GEF 45.03.02 Linguistics – GEF/Order of the Ministry of Education and Science of Russia of 07.08.2014 N 940, registered with the Ministry of Justice of Russia on August 25, 2014 N 33786*. [Online] Available from: https://fgos.ru/fgos/fgos-45-03-02-lingvistika-940/ (Accessed: 10.12.2023).
2. Kazan Federal University. (2020) *Curriculum for the undergraduate program 45.03.02 Linguistics, Profile: Theory and methodology of teaching foreign languages and cultures, year of preparation 2021, educational standard (GEF) 969 dated 12.08.2020*. [Online] Available from: https://kpfu.ru/imoiv/abiturientam/bakalavriat/450302-lingvistika (Accessed: 02.10.2022).
3. Classinform.ru. (2021) *Professional standard/Specialist in translation. No. 134n dated March 18, 2021, registration number 1438*. [Online] Available from: https://classinform.ru/profstandarty/04.015-spetcialist-v-oblasti-perevoda.html (Accessed: 10.11.2021).
4. Zeer, E.F. (2005) Competence-based approach to education. *Obrazovanie i nauka – Education and science*. 3. pp. 27–39. (In Russian).
5. Keen, K. (1992) Competence: What is it and how can it be developed? In: Lowyck, J., de Potter, P. & Elen, J. (eds) *Instructional Design: Implementation Issues*. Brussels: IBM Education Center. pp. 111–122.
6. Raven, J. (2002) *Competence in modern society. Identification, development and implementation*. Moscow: Kogito-center.
7. Zimnyaya, I.A. (2004) *Key competencies as the result-target basis of the competency-based approach in education.* Moscow: Research Center for Quality Problems in Training Specialists.
8. Mirabile, R.J. (1997) Everything you wanted to know about competency modeling. *Training and development.* pp. 73–77.
9. Mitina, L.M. (1994) *The teacher as a person and a professional (psychological problems)*. Moscow: Flinta.
10. Parry, S.B. (1996) The quest for competencies: competency studies can help you make HR decision, but the results are only as good as the study. *Training*. 33. pp. 48–56.
11. Kondrateva, I.G. (2008) *Formation of the communicative and educational competence of future teachers in the process of teaching a foreign language at non-linguistic faculties*. Pedagogics Cand. Diss. Kazan.
12. Rypakova, V.G. & Fakhrutdinova, A.V. (2023) Features of assessing achievements in mastering a foreign language in a diverse group. *Teacher XXI century.* 2-1. pp. 100–113.
13. Alon, I. & Higgins, J.M. (2005) Global leadership success through emotional and cultural intelligences. *Business Horizons.* 48(6). pp. 501–512.
14. Khutorskoy, A.V. (2003) Key competencies as a component of the personality-oriented paradigm of education. *Narodnoe obrazovanie*. 2. pp. 58–64.
15. Kamaleeva, A.R., Fakhrutdinova, A.V. & Kondrateva, I.G. (2022) Axiological priorities of subjectsubject interaction in higher education from the perspective of the cognitive paradigm. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal.* 478. pp. 162–171. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/478/20

16. Olson, C.L. & Kroeger, K.R. (2001) Global competency and intercultural sensitivity. *Journal of Studies in International Education*. 5 (2). pp. 116–137.
17. Salovey, P. & Mayer, J. D. (1990) Emotional intelligence. *Imagination, cognition and personality*. 9 (3). pp. 185–211.
18. Bancino, R. & Zevalkink, C. (2007) Soft Skills: The new curriculum for hard-core technical professionals. *Techniques*. 82 (5). pp. 20–22.
19. Brotherton, P. (2011) Critical thinking a top skill for future leaders. *TD magazine.* 65 (11). 24 p.
20. Klaus, P. (2007) *The hard truth about soft skills*. HarperCollins e-book.

Information about the author:
I.G. Kondrateva, Cand. Sci. (Pedagogics), head of the Department of Foreign Languages, Kazan Federal University (Kazan, Russian Federation). E-mail: irina.kondrateva.67@mail.ru; ORCID: 0000-0002-5829-8888; Scopus ID: 56622986400; Researcher ID: H-3169-2015

The author declares no conflicts of interests.

Информация об авторах:
Кондратьева И.Г. – канд. пед. наук, зав. кафедрой иностранных языков Казанского (Приволжского) федерального университета (Казань, Россия). E-mail: irina.kondrateva.67@mail.ru; ORCID: 0000-0002-5829-8888; Scopus ID: 56622986400; Researcher ID: H-3169-2015

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The article was submitted 22.08.2024;
approved after reviewing 26.09.2024; accepted for publication 30.09.2024.

Статья поступила в редакцию 22.08.2024;
одобрена после рецензирования 26.09.2024; принята к публикации 30.09.2024.

Научная статья
УДК 37.037(09)(477)
doi: 10.17223/15617793/506/19

Состояние физкультурной работы среди детей школьного возраста в Крыму в конце 20-х – начале 30-х гг. XX в.

Андрей Викторович Мутьев[1], Мария Ростиславовна Скоробогатова[2], Дмитрий Владимирович Лебедев[3]

[1, 2, 3] Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского, Симферополь, Россия
[1] dsport76@mail.ru
[2] maricrimea@gmail.com
[3] dimon211199@mail.ru

Аннотация. На основе анализа архивных документов рассматривается состояние физического воспитания и спортивно-массовой работы среди крымских школьников в период с конца 20-х до начала 30-х гг. XX в. Установлено, что в первые годы после установления в Крыму советской власти и формирования сети школ нового типа физическое воспитание в большинстве учебных заведений не включалась в учебный план. На фоне индустриализации страны в конце 1920-х гг. на полуострове физическим воспитанием было охвачено значительное число школ 2-й ступени, но в массовых школах 1-й ступени физическое воспитание практически отсутствовало. В начале 1930-х гг. происходит активное становление секционных (кружковых) физкультурных занятий, спортивно-массовых мероприятий в каникулярное время и детских соревнований по различным видам спорта.
Ключевые слова: физическое воспитание, спортивно-массовая работа, Крым, школы, советская власть

Для цитирования: Мутьев А.В., Скоробогатова М.Р., Лебедев Д.В. Состояние физкультурной работы среди детей школьного возраста в Крыму в конце 20-х – начале 30-х гг. XX в. // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 506. С. 150–158. doi: 10.17223/15617793/506/19

Original article
doi: 10.17223/15617793/506/19

The state of physical education among school-age children in Crimea in the late 1920s – early 1930s

Andrey V. Mutiyev[1], Maria R. Skorobogatova[2], Dmitriy V. Lebedev[3]

[1, 2, 3] V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russian Federation
[1] dsport76@mail.ru
[2] maricrimea@gmail.com
[3] dimon211199@mail.ru

Abstract. Based on the analysis of archival documents, the state of physical education and mass sports work among Crimean schoolchildren in the period from the late 1920s to the early 1930s is considered. The study used general theoretical and general historical research methods. The database of research sources includes the office documentation of the Crimean authorities of physical culture and sports of the specified period from the funds of the State Archive of the Republic of Crimea. The research established that in the first years after the establishment of Soviet power in Crimea and the formation of a network of new type schools, physical education in most educational institutions was absent due to a lack of trained personnel, facilities for physical exercises, equipment and inventory. During the period of the Industrialization of the country in the late 1920s, the Communist Party and the Soviet government ordered to introduce compulsory physical education in all types of educational institutions, which led to the activation of relevant activities by the governing bodies of physical culture and public education in the Crimea. As a result, by 1933, significant coverage of physical education in schools of the 2nd stage was achieved on the peninsula, with almost complete absence of proper physical education work in mass schools of the 1st stage. In the early 1930s, a system of extracurricular physical education among children in the form of sectional classes was actively formed. All civil and military organizations of Crimea related to the development of physical culture were asked to identify persons responsible for carrying out work among children. At the same time, it was necessary to provide free premises, stadiums, water stations, gyms for children to use. The structure of mass sports events during the school holidays was being improved, unified training plans for school group leaders and pioneer leaders were being introduced to conduct physical education work with children. The system of children's competitions in various sports was expanding from intra-school to all-Crimean. The opening of children's sports schools in various sports was being prepared in the Crimean cities of Kerch, Sevastopol, Yalta, Simferopol, and Yevpatoria. For the development of physical culture and mass work among Crimean children, it was planned to allocate funds to improve the supply of the physical education base of schools, train activists,

© Мутьев А.В., Скоробогатова М.Р., Лебедев Д.В., 2024

monitor the achievement of normative indicators to students, organize social competition between instructors, and keep strict records of work on school physical culture.
Keywords: physical education, sports and mass work, Crimea, schools, Soviet power

For citation: Mutiyev, A.V., Skorobogatova, M.R. & Lebedev, D.V. (2024) The state of physical education among school-age children in Crimea in the late 1920s – early 1930s. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 506. pp. 150–158. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/506/19

Актуальность

Исторические аспекты развития системы физического воспитания различных групп населения в нашей стране продолжают оставаться в поле зрения современных исследователей, не теряя своей актуальности. Важнейшим периодом в становлении школьного физического воспитания, формировании его нормативных, организационных и идеологических основ стали первые два десятилетия после Октябрьской революции 1917 г. В идеях и подходах к проблемам физического воспитания, формировавшихся в это время, немало рационального, интересного, поучительного и для наших дней.

Период 1920–1930-х гг. в истории отечественного образования ознаменовался проведением советской реформы школы, ставшей начальным и основополагающим периодом в строительстве системы массового образования XX в. Физическая культура в молодом советском государстве должна была составлять неотъемлемую часть общеполитического, культурного воспитания и образования, оздоровления масс и должна была быть включена в общий план деятельности соответствующих общественных и государственных организаций и учреждений, в том числе школ и пионерских организаций [1. С. 405]. Особенно эта работа активизировалась с началом индустриализации страны в конце 20-х гг. XX в. В полном соответствии с задачами социалистического строительства и пятилетних планов развития СССР партия и правительство ставили задачи подготовки здоровой и крепкой смены для «завершения дела коммунизма». В соответствии с решениями ЦК ВКП(б) от 21 июня 1932 г. физкультурная работа среди детей выступала важнейшей задачей подготовки такой смены [2].

В последнее время организация физического воспитания в учебных заведениях Советской России, а позднее СССР все чаще становится предметом специального изучения в работах современных авторов. Так, в научных статьях, посвященных школьному физическому воспитанию в 1917–1930 гг., достаточно подробно исследовано его введение в ряде регионов страны: на Урале [3], Рязани [4], Курском крае [5], Забайкалье [6], Советской Украине [7] и др. В то же время, несмотря на наличие ряда публикаций по развитию физического воспитания и школьного спорта в дореволюционном Крыму [8, 9], информация об организации этого процесса в крымских учебных заведениях периода 1920–1930-х гг. в научном фонде отсутствует.

Необходимость восполнения сведений о постановке развития физической культуры в учебных заведениях на территории Крыма после Октябрьской революции 1917 г. определила основную **цель** данной работы: рассмотреть процессы становления физического воспитания и спортивно-массовой работы среди крымских школьников в период с конца 20-х до начала 30-х гг. XX в. Были использованы общетеоретические и общеисторические **методы исследования**. Базу источников исследования составила делопроизводственная документация советских органов управления физической культурой и образованием из фондов Государственного архива Республики Крым.

Результаты и обсуждение

Через полмесяца после полного установления на полуострове советской власти, 30 ноября 1920 г., Крымский революционный комитет издал приказ № 57 о перестройке работы учебных заведений Крыма. Согласно этому документу все учебные заведения – казенные, частные, общественные, профессиональные и национальные переходили в ведение Социалистической Советской Республики. При этом все частные лица, общественные учреждения и национальные общины утрачивали свои права по отношению к своим учебным заведениям, которые теперь получили статус «советской школы первой или второй ступени» и последовательно нумеровались. По сути, этим приказом была завершена история дореволюционных гимназий [10. С. 196].

Характерными чертами школьной программы начала 1920-х гг. стали ориентирование на комплексность, концентризм, акцент на важности изучения истории родного края. При этом учебного плана к программам Наркомпросом издано так и не было, а право их составления получили сами школы. На практике это привело к необоснованному выделению количества часов, отводимых на изучение того или иного предмета, что отрицательно сказалось как на качественной проработке программ, так и на знаниях учащихся [11]. Проведение физической культуры в этот период как школьного предмета в крымских школах чаще всего вообще игнорировалось, она не включалась в расписание или заменялась другим предметом. Такая ситуация во многом объяснялась отсутствием указаний со стороны крымского Наркомпроса, нехваткой и слабой подготовкой учителей, инструкторов по физической культуре, мест занятий и специального инвентаря.

После создания Высшего совета физической культуры (ВСФК) при ЦИКе Крымской АССР летом 1923 г. и наделения его полномочиями по развитию физической культуры и спорта на территории Крыма внимание к вопросам физического воспитания в учебных заведениях усилилось. В структуре совета, наряду с организационной и научно-медицинской, была сформирована школьно-педагогическая секция [12. Л. 7]. Ее деятельность привела к тому, что в 1923/1924 учебном году в учебных заведениях больших городов

Крыма, таких как Симферополь, Керчь, Севастополь, Евпатория, происходят определенные сдвиги в физическом воспитании. ВСФК Крыма поднимает вопросы об обязательном введении урока физической культуры во все учебные планы и обязывает городские и районные отделы народного образования разработать учебные программы по физической культуре. Характерными признаками этих программ были отказ от старых методов обучения, концентрация на вопросах оздоровления и элементах гигиены, учет возрастных особенностей учеников. Однако преподавание физической культуры в школах на практике осуществлялось очень медленно, а в масштабе всего Советского Союза физическим воспитанием было охвачено не больше 3% школ [13. С. 81].

В Крыму физкультурные занятия в школах проводились в основном в крупных городах, где еще с дореволюционных времен частично оставались подготовленные преподаватели, места занятий и инвентарь. В частности, физическая культура и спорт в евпаторийских школах были хорошо поставлены еще с бывших гимназических дореволюционных времен. В ряде школ имелись физкультурные залы, а многие ученики были увлечены спортом. В теплое время года занимались на улице, в школьном дворе, где были сделаны полосы препятствий, беговые площадки. Выпускница одной из школ Евпатории 1931 г. Рива Леви писала на страницах газеты «Евпаторийская здравница»: «физкультурой у нас занимались все, увлеченно и не без успеха. Работали секции гимнастики, легкой атлетики, волейбола, баскетбола, тяжелой атлетики и другие. Немало воспитанников Константина Ламброва (преподавателя физической культуры в евпаторийской школе № 1 им. М. Горького в 1920–1930-е гг. – *Авт.*) стали работать в области спорта. Некоторые закончили институт Лесгафта». Роль предмета и учителей физической культуры, по мнению Леви, была чрезвычайно велика [14].

На основе ряда партийных постановлений с 1927 г. разработка программ по физическому воспитанию для школ централизуется, их требования становятся едиными и обязательными для всех регионов СССР. Четко ставятся конкретные задачи физического воспитания учеников, средства и методы урока физической культуры, упрощается его структура. Преимущество в программах отдается гимнастическим упражнениям, однако перечня требований для обязательного усвоения на уроках не выставлялось [15. С. 181]. Уроки физической культуры стали проводиться во всех школах: в школах 1-й ступени – 3 раза в неделю, в школах 2-й ступени – 2 раза в неделю. Кроме уроков физкультуры рекомендовались и другие формы физического развития учащихся: зарядка, подвижные игры, гимнастика, ручной труд, прогулки, экскурсии. Подчеркивалось значение естественных факторов природы в физическом развитии учащихся: воздушных и солнечных ванн, водных процедур, питания, режима и привития гигиенических навыков [16. С. 958].

На Первом Всекрымском съезде преподавателей физической культуры 28–29 декабря 1927 г., проходившем в г. Симферополе, были отмечены недостатки, тормозящие полный охват жителей Крыма физической культурой. В частности, по Крыму констатировался неполный охват физическим воспитанием школ 1-й ступени, особенно 1-х и 2-х групп, а также последних групп 2-й ступени. Было отмечено отсутствие достаточного внимания со стороны отделов народного образования к постановке физкультурной работы в школах, отсутствие физкультурного инвентаря и помещений для занятий, недостаточное содействие развертыванию физкультуры со стороны заведующих школ. Указывалось на отсутствие физкультурной работы в сельских школах, а также на слабую подготовку в средних и высших учебных заведениях студентов как будущих физкультурных работников на селе [17. Л. 2]. Один из старейших специалистов по физическому воспитанию в Крыму А. Гриневский отмечал, что в школах г. Симферополя физическая культура «завоевала свое место» и на каждую группу было выделено по 2 часа в неделю. В то же время площадок, зимних помещений и инвентаря катастрофически не хватало, что не давало возможности проводить занятия «как это следовало бы». Представители г. Севастополя товарищи Худолей и Карпов отмечали недостаток кадров с физкультурной подготовкой, что влекло за собой совмещение работы инструкторов параллельно в нескольких школах и физкультурных кружках. Такая ситуация значительно снижала качество работы. Отсутствие помещений вело к тому, что занятия проводились в помещении классной комнаты или в вестибюле с цементными полами. Зачастую инструкторы носили в школу свой личный инвентарь. По информации М. Раскина, в г. Карасубазаре (ныне Белогорск) ни одна из восьми школ 1-й ступени не обслуживалась физкультурой, а групповоды, которым поручалось ведение занятий, были совершенно не подготовлены и им следовало пройти переквалификацию. Представители г. Джанкой сообщали о полном отсутствии помещений, в результате чего занятия велись в холодных коридорах [17. Л. 5].

Особенно сложная ситуация складывалась в деревенских школах Крыма. В докладе «О физическом воспитании в школах 1-й ступени в деревне» на Втором национальном деревенском совещании по физической культуре 30 января 1928 г. отмечалось, что практически полностью отсутствовали ставки для преподавателей физической культуры, а из физкультурных занятий в лучшем случае проводились лишь игры. Это подтверждалось и докладами с мест делегатов от Джанкойского и Бахчисарайского районов, Алушты, Карасубазара и Евпатории. В частности, представитель Бахчисарайского района Гильмутдинов докладывал, что физическая культура в четырех деревенских школах велась лишь в клубный день один раз в неделю в виде кружковой работы [17. Л. 24].

В конце 1920-х – начале 1930-х гг. советское правительство и Коммунистическая партия приняли ряд постановлений, определивших коренную перестройку процесса учебно-воспитательной работы в советской общеобразовательной школе. Постановления охватывали широкий круг вопросов – пути дальнейшего совершенствования структуры школы, содержание и методы общего и политехнического образования и ком-

мунистического воспитания подрастающих поколений, повышение значения и авторитета учителя, улучшение преподавания обществоведческих дисциплин в школе, подготовку и издание школьных учебников.

Совет народных комиссаров РСФСР своим распоряжением от 19 августа 1929 г. директировал введение физической культуры в планы всех учебных заведений. На основании этого в 1930 г. ЦИК Крымской АССР принял постановление, которым возложил на Наркомпрос Крыма «проведение обязательного физического воспитания всей учащейся молодежи во всех учебных заведениях Крыма» [18. Л. 39]. На Объединенном партийном совещании по физической культуре объединенного комитета ВКП(б) от 15 июля 1930 г. было решено «произвести полный охват физкультурной работой школ 1-й и 2-й ступеней <…> а также деревенских школ…» [18. Л. 34]. После этого ЦИК Крымской АССР 5 августа 1930 г. издает постановление «О мероприятиях по усилению и развертыванию работы по физической культуре», согласно которому на Наркомпрос Крыма было возложено «создание благоприятных условий для проведения обязательного физического воспитания всей учащейся молодежи Крыма во всех учебных заведениях Крыма» и поручено провести подготовку и переподготовку педагогических кадров по физической культуре [19. Л. 1]. Президиум ЦИК Крымской АССР предложил Наркомпросу Крыма усилить руководство физкультурной работой в школах 1-й и 2-й ступеней, техникумах и вузах и установить штатную должность инспектора по физической культуре (выписка из протокола № 72 от 15 декабря 1930 г.) [19. Л. 2].

В тезисах доклада «О состоянии физического воспитания в учебных заведениях Крымской АССР и очередных задачах на 1931–32 учебный год» указывалось на необходимость завершения введения физического воспитания к началу 1931/1932 учебного года по всем типам учебных заведений, начиная с 1-й ступени и заканчивая вузом. При этом отмечалось, что в основном по Крыму физическим воспитанием полностью не охвачены все деревенские школы и на 50% городские школы 1-й ступени, на 80% школы колхозной молодежи (из 28 школ были охвачены 5–6, из 2 760 человек занимались физвоспитанием 500–600). Наиболее благополучно обстояли дела со школами 2-й ступени 2-го концентра (девятилетки). Подходящих мест занятий по Крыму насчитывалось 15–17 с минимальным набором инвентаря. Специальных площадок для занятий физической культурой при школах не было, поэтому использовались площадки и стадионы местных советов физической культуры. Преподавательских кадров с высшим образованием по Крыму было всего четыре человека и шесть преподавателей, окончивших физкультурные отделения и техникумы физической культуры. Основную часть преподавательских кадров по физической культуре в школах составляли те, кто прошел краткосрочные курсы и имели большой практический стаж. Значительная часть были «выдвиженцы» – хорошие физкультурники без специального образования. В г. Симферополе в школах работало в 1930/1931 учебном году 35 преподавателей, в г. Керчь – 10, в остальных районах по 1–2 человека. У преподавателей отмечалось большое совместительство в 4–5 местах (школа, профсоюзные кружки и др.). В методическом плане содержание занятий по физической культуре в общей массе оценивалось как «слабое». В основном это было механическое повторение гимнастических уроков, «не связанных с общим педагогическим процессом». Наблюдалась либо отсутствие, либо излишняя военизация занятий. Отмечены случаи перегибов с военизацией, когда осуществлялась исключительно военно-физическая подготовка бойца без учета биологических особенностей возраста и данных медосмотра. Учета результатов обучения не велось, кроме нескольких школ в г. Севастополе. В национальных районах не было преподавания на национальных языках и не вводились национальные виды упражнений. Массовая внешкольная работа по физической культуре по ряду заведений велась, но не планового характера и преследовала узкоспортивные интересы. Согласно данным ВСФК Крыма, на 1 июля 1930 г. в учреждениях народного образования по Крыму было 72 кружка по физической культуре с количеством занимающихся 2 015 человек, в том числе в городах 32 кружка (1 283 человека) и сельской местности 40 кружков (729 человек). Указывалось и на низкое качество либо отсутствие медицинского контроля при том, что только в г. Симферополе из 9 тыс. школьников наблюдалось 50% малокровных, ослабленных, 35% с туберкулезной интоксикацией, 30% с функциональными расстройствами нервной системы [20. Л. 38].

Наркомпрос своим приказом от 9 июня 1931 г. активно приступил к устройству специальных помещений в школах для занятий физической культурой и обратился к ВСФК Крыма с просьбой дать нормы для их обустройства [21. Л. 101]. В этот же период определяются сроки службы спортивного имущества в школах, утверждаются табели минимального оборудования по физической культуре для школ 1-й ступени, школ повышенного типа, ФЗУ, ФЗС и других учебных заведений. Разрабатывается план строительства внешкольных домов физической культуры и площадок для занятий при школах [22. Л. 83–86]. Согласно приказу Наркомпроса Крыма от 26 июля 1931 г., на основании учета развертывания новой сети школ и учета неохваченных на тот период физическим воспитанием школ повышенного типа, вводились обязательные занятия физическими упражнениями по учебному плану из расчета 3 часа на группу в декаду. Было поручено срочно сосредоточить учет кадров по физической культуре по школам и дать заявку в ВСФК Крыма на необходимое количество преподавателей, обеспечить учебные заведения специальной литературой по физической культуре. Методическое руководство проведением физической культуры было решено обеспечивать через курсы переподготовки школьных работников. При каждой школе следовало обустроить площадку для физических упражнений с соответствующими условиями [19. Л. 66].

Несмотря на эти меры, ВСФК Крыма констатировал неудовлетворительные результаты в области физического воспитания и военизации в школе к середине

1931 г. В связи с этим во второй половине 1931 г. были поставлены задачи по практическому обеспечению проведения занятий физической культуры и военизации согласно учебным планам, по привлечению общественности к вопросам физической культуры и военизации, обеспечению кадрами, развитию физической культуры и военизации по школам, увязке задач политехнизации физической культуры и военизации в школах, а также интернациональному и политическому воспитанию. Запланированы мероприятия по введению занятий физической культуры в планы тех школ, где их не было, по направлению заявок на подготовку специалистов [22. Л. 74]. Определены контрольные цифры охвата физической культурой школ Крыма до 1933 г. (табл. 1). Исходя из нормы нагрузки на преподавателя в месяц (3 час. физической культуры в декаду на 40 человек), с учетом имеющихся кадров в учебных заведениях, количество необходимых преподавателей средней и высшей квалификации для учебных заведений Крыма к концу 1931 г. – 67 человек, в 1932 г. – 124, в 1933 г. – 150 человек [22. Л. 90].

Таблица 1

Контрольные цифры охвата физической культурой в учебных заведениях Крыма в 1931–1933 гг.*

Вид учебного заведения	Начало 1931 г.		Конец 1931 г.		1932 г.		1933 г.	
	Количество учеников	Охват физической культурой	Количество учеников	Контрольные цифры охвата физическим воспитанием	Планируемое количество учеников	Контрольные цифры охвата физическим воспитанием	Планируемое количество учеников	Контрольные цифры охвата физическим воспитанием
Массовые школы 1-й ступени	83 422	8 340 (10%)	83 422	41 700 (50%)	92 850	65 000 (70%)	103 151	103 151 (100%)
Школы колхозной молодежи	2 640	520 (20%)	2 750	2 200 (80%)	6 878	6 878 (100%)	11 210	11 210 (100%)
Семилетки, девятилетки	11 130	9 900 (90%)	11 130	11 130 (100%)	13 337	13 337 (100%)	16 041	16 041 (100%)
ФЗУ	3 434	2 500 (73%)	4 546	3 109 (90%)	4 009	4 009 (100%)	4 215	4 215 (100%)
Техникумы	4 552	1820 (40%)	4 546	4 092 (90%)	7 631	7 631 (100%)	9 880	9 880 (100%)
Вузы	1 280	640 (50%)	1 280	1 280 (100%)	2 100	2 100 (100%)	2 570	2 570 (100%)

* Составлено по архивным данным [22. Л. 82].

Постепенно начинает активизироваться спортивно-массовая работа среди крымских школьников. Так, во исполнение постановления ВСФК СССР от 9 мая 1932 г. ВСФК Крыма предложил всем организациям Крыма, имеющим отношение к развитию физической культуры (городским и районным советам физической культуры, Пролетарскому спортивному обществу (ПСО) «Динамо», Наркомпросу, Крымскому совету профессиональных союзов, Военному ведомству (Штабу 3-й стрелковой дивизии), Наркомздраву), выделить из числа членов совета, правления, бюро и т.д. лицо, на которое возложить ответственность за проведение работы среди детей. При этом следовало бесплатно предоставлять помещения, стадионы, водные станции, физкультурные залы (кому бы они не принадлежали) в пользование детям. Советы физической культуры и отделы народного образования должны были прикрепить школы и пионерские организации к физкультурным базам, залам и т.д., где детский спортивный инвентарь можно было получить бесплатно [23. Л. 109].

Согласно «Краткому отчету о физкультурной работе среди детей по Крымской АССР», представленному в ВСФК РСФСР в 1933 г., работа по массовой внешкольной работе по физкультуре велась практически во всех городах Крыма. Всего было охвачено самодеятельным физкультурным движением в городах Симферополь, Севастополь, Керчь, Евпатория, Феодосия, Балаклава, Джанкой – 1 731 человек (на 31 мая 1933 г.). Обязательным физическим воспитанием на 100% были охвачены крымские школы 2-й ступени 2-го концентра, при этом в большинстве школ 1-го концентра обязательного физического воспитания в планах так и не было. Для подготовки кадров в январе 1933 г. были проведены семинары по физической культуре по единой программе для групповодов 1-го концентра в Евпатории, Севастополе, Симферополе, Керчи и Джанкое. В марте 1933 г. в Феодосии были организованы курсы по физкультурной подготовке пионервожатых. Физкультурные занятия в зимний период 1932/1933 учебного года практически не проводились по причине отсутствия закрытых помещений (кроме Симферополя и Евпатории). Сообщалось, что были проведены зимние детские гимнастические праздники и межшкольные соревнования в Симферополе, Севастополе, Керчи, Евпатории и Ялте. К лету 1933 г. были подготовлены площадки при школах в городах Крыма, а близ Симферополя создана физкультурная база для детей с пропускной способностью 3 тыс. человек [24. Л. 64].

Важным событием в спортивной жизни школьников стала Всекрымская детская спартакиада ударников учебы (в рамках Съезда ударников учебы Крыма), проведенная 17–18 июня 1933 г. в г. Симферополе. Количество участников вольных упражнений составило 70 человек, участников спортивной части – 45 человек. В мероприятии участвовало 6 городов и районов Крыма. В программу спортивной части спартакиады входили волейбол, прыжки в высоту с разбега, метание гранаты, бег на 60 м, перетягивание каната и стипльчез 150 м с препятствиями. Первое место заняла команда Севастополя, второе – Керчи.

Активно развивалась детская спортивно-массовая работа в 1933 г. и в отдельных городах Крыма. Так, в Ялте охват детей спортивно-массовой работой составил 105 человек. Организована специальная площадка

и секция водного спорта для детей. Проводились систематические занятия по плаванию и гребле. 15 июня 1933 г. была проведена районная спартакиада среди детей. В сентябре состоялись массовые спортивные мероприятия, посвященные новому учебному году. Школы 2-й ступени были полностью обеспечены инструкторами физической культуры.

В г. Керчи охват детей физкультурой в кружках составил 300 человек. Во всех школах состоялись межгрупповые спартакиады, а также четыре внутришкольные. Летом 1933 г. был организован центральный кружок физической культуры при Центре юных пионеров, где проведен семинар по физической культуре с участием 18 человек. Лагеря обеспечили инструкторами физической культуры и активистами. За летний период прошли две городские спартакиады, в которых были задействованы 460 человек. Детская футбольная команда участвовала во Всекрымской детской спартакиаде. Впервые в Крыму организованы футбольные детские команды и проведены две товарищеские встречи, за которыми наблюдали 3 тыс. зрителей. Был организован пионерский военно-физкультурный полк из 1 110 человек, демонстрировавший упражнения по строевой подготовке трудящимся города.

В Севастополе количество детей, охваченных спортивно-массовой физкультурной работой в кружках, составило в 1933 г. 274 человека. Было организовано два летних лагеря: под Балаклавой (на 115 человек) и под Симеизом (на 240 человек). Лагеря обеспечивались инструкторами физической культуры. В летний период оздоровительные школы были организованы в 15 пунктах, где побывало 1 845 детей. 7 июня 1933 г. проведен физкультурный пионерский праздник, в котором приняли участие 200 человек. 24 сентября 1933 г. состоялась школьная спартакиада (1 455 человек). В вольных упражнениях участвовали 600 человек, в спортивной части – 67 человек. В летнее время были проведены два соревнования по плаванию (всего 127 участников – 75 мальчиков и 48 девочек). Команда Севастополя приняла участие во Всекрымской детской спартакиаде.

Детская физкультурно-оздоровительная работа г. Алушты была сконцентрирована в санаторном лагере «Клара Цеткин» (всего за 4 смены – 461 человек). Из первой смены были выделены участники на Всекрымскую детскую спартакиаду. За одну смену проводились 10 физкультурных вечеров, организовывались военизированные походы. Состоялась водная спартакиада со сдачей норм. Также были организованы семинары (по 25 человек каждый) для педагогов старших групп, готовивших физкультурный актив.

В г. Симферополе охват массовой самодеятельной физкультурной работой в 1933 г. составил 480 человек. Лагеря были обеспечены инструкторами по физической культуре. Работало 26 летних площадок в городе (охват 1 882 человека) и три площадки в пригородной полосе (103 человека). Были проведены семинары для работников площадок. В мае 1933 г. состоялась школьная спартакиада (86 человек), победители которой приняли участие во Всекрымской детской спартакиаде. На специально обустроенной детской площадке со спортивным оборудованием ежедневно занимались 20–25 человек. 12 октября 1933 г проводилась городская школьная спартакиада, в которой приняло участие 14 школ (130 участников).

В г. Джанкой кружковой физкультурной работой было охвачено 80 человек. Организован пионерлагерь, который обслуживался инструктором физической культуры. Были проведены две смены, охватившие 370 человек. Состоялась местная школьная спартакиада, после которой джанкойская команда приняла участие во Всекрымской спартакиаде [23. Л. 244–245].

При очевидной активизации работы по физическому воспитанию и спортивно-массовой работе среди крымских школьников к 1933 г. следует констатировать, что достичь запланированного охвата детей физкультурной работой так и не удалось (табл. 2).

Таблица 2

Детское физкультурное движение на 1 октября 1933 г.

Город/район	Количество школьников		Охват детей физическим воспитанием		Количество кружков физической культуры		Количество детей в кружках физкультуры	
	Школы 1-й ступени	Школы 2-й ступени	Школы 1-й ступени	Школы 2-й ступени	Школы 1-й ступени	Школы 2-й ступени	Школы 1-й ступени	Школы 2-й ступени
Ялта	3 235	2 827	–	698	–	5	–	105
Евпатория	3 585	1 702	–	1 534	2	4	117	607
Евпаторийский район	2 297	200	–	163	–	2	–	98
Симферополь	8 330	5 570	–	5 000	–	16	–	480
Джанкой	1 631	639	–	639	–	3	–	80
Джанкойский район	3 316	635	3 315	–	–	–	–	–
Карасубазар	–**	615	–	–	–	2	–	25
Севастополь	6 510	2 694	–**	–**	–	10	–	274
Феодосия	2 584	902	335	471	–	1	–	33
Керчь	–**	–**	–**	–**	–**	–**	–**	300

* Составлено по архивным данным [25. Л. 16–24].

** Нет сведений.

Наблюдался неудовлетворительный охват учебных заведений физической культурой: вместо запланированных контрольных цифр по охвату 100% учащихся всех школ Крыма к 1933 г., обязательным физическим воспитанием в школах 2-й ступени занимались лишь чуть более 40%, а в школах 1-й ступени всего около 4%. При этом из 193 школ 2-й ступени только 48 имели физкультурные кружки.

Учет и дневники работы не велись. Наркомпрос Крыма урезал сетку часов по физической культуре по Крымской АССР до 1–2 час. на группу в шестидневку в силу введения русского языка в татарских школах и татарского языка в русских школах. На оплату в школе 1-го концентра средства не были выделены, местами физическая культура велась групповодами, которые из-за отсутствия специальной подготовки (за исключением ряда школ) ее вовсе не проводили [25. Л. 25]. Отделы народного образования распорядились по школам не ставить отметки по физической культуре как незначительной дисциплине, отнимающей время у детей. Зарядка и физкультминутки не проводились, несмотря на циркуляр Наркомпроса Крыма. На основании сложившейся ситуации ВСФК Крыма выпустил инструктивное письмо, согласно которому следовало выделить средства на улучшение снабжения физкультурной базы школ, готовить актив, следить за доведением нормативных показателей до учащихся, организовать соцсоревнование между инструкторами, вести строгий учет работы по школьной физической культуре [23. Л. 246].

В ноябре 1933 г. ВСФК Крыма, при котором был образован «Сектор физкультурной работы среди детей», принимает решение организовать две спортивные школы по линии ПСО «Динамо» (в Симферополе и Керчи) и три по линии профсоюзов на базах крупных предприятий Крыма с сильной материальной базой (в Симферополе, Севастополе и Керчи), закрепив за ними лучших инструкторов физической культуры [26. Л. 55–56.]. К декабрю 1933 г. список городов для учреждения детских спортивных школ был расширен и принято решение о начале подготовительной работы по открытию отделений по отдельным видам спорта в Керчи, Севастополе, Ялте, Симферополе и Евпатории. Создание школ планировалось по отделениям гимнастики, бокса, борьбы, легкой атлетики, тяжелой атлетики, фехтования и плавания, программы для которых было решено запросить в ВСФК РСФСР. Кроме этого, в приморских городах планировалось развернуть подготовку к организации школ плавания и гребли. Также было предложено ПСО «Динамо», морским силам Черноморского флота и военному ведомству проработать вопрос на предмет создания спортивных школ внутри ведомств [27. Л. 29].

В планах 2-й пятилетки (1933–1937 гг.) среди основных задач, поставленных перед физической культурой, стояло «закрепление и качественное улучшение физкультурной работы в массовой школе». В связи с этим был значительно расширен календарь спортивно-массовых мероприятий, проводимых для детей в Крыму. Так, на осенне-зимний период 1933–1934 гг. было запланировано 13 мероприятий, среди которых осенняя детская Спартакиада по легкой атлетике и гребле, Праздник, посвященный XIV годовщине Октябрьской революции, Осенний и Зимний розыгрыши по волейболу и баскетболу, физкультурные вечера за 1-ю и 2-ю четверть, участие в антирелигиозных вечерах «антирождественские дни», организация вечеров, экскурсий, физкультурных вечеров в каникулярное время, внутришкольные и городские соревнования по гимнастике и стрельбе, встреча под лозунгом «Мировой спартакиады», массовые детские кроссы [24. Л. 68].

Заключение

Таким образом, в первые годы после установления в Крыму советской власти и формирования сети школ нового типа физическое воспитание в большинстве учебных заведений отсутствовало по причине нехватки подготовленных кадров, сооружений для занятий физическими упражнениями, оборудования и инвентаря. На фоне индустриализации страны в конце 1920-х гг. Коммунистической партией и советским правительством директируется обязательное физическое воспитание во всех типах учебных заведений, что повлекло за собой активизацию соответствующей деятельности со стороны органов управления физической культурой и народным образованием в Крыму. В результате к 1933 г. на полуострове был достигнут значительный охват физическим воспитанием школ 2-й ступени, однако в массовых школах 1-й ступени должная физкультурная работа отсутствовала. В начале 1930-х гг. происходит активное становление системы внеклассной физкультурной работы среди детей в виде секционных (кружковых) занятий, спортивно-массовых мероприятий в каникулярное время и детских соревнований по различным видам спорта от внутришкольных до всекрымских.

Список источников

1. Справочник партийного работника. М., 1926. 574 с.
2. Постановление ЦК ВКП(б) от 21 IV-1932 г. о работе пионерской организации. О десятилетии пионерской организации (инструктивно-методическое письмо РОНО, Райбюро ДКО, школам, пионеротрядам, внешкольным детским учреждениям) / ЛООНО. Облбюро ДКО. Обл. центр. внешкольно-массовой и худож. работы с детьми. М.; Л. 1932. 38 с.
3. Бахтина И.Л., Попов М.В., Протасова Э.Е. Физическое воспитание школьников в 1920–1930-е гг. и введение комплекса ГТО и БГТО (на материалах Урала) // Педагогическое образование в России. 2015. № 1. С. 45–50.
4. Щетинина Н.П. Профессиональное развитие учителей физической культуры Рязанской губернии в 1920-х годах // Проблемы и перспективы развития современного образования в контексте его историко-педагогической интерпретации : сб. науч. тр. СПб., 2020. С. 467–470.
5. Цуканова О.М., Карпова Г.Г. Проблемы кадрового обеспечения физкультурной работы в школах Курского края (1918–1940 годы) // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2022. Т. 12, № 6. С. 215–223.
6. Прокофьева Л.К. Астафьев В.С., Рудякова И.В. Физическое воспитание в школах Забайкалья периода Дальневосточной республики с ноября 1920 года по ноябрь 1922 года // Приграничный регион в историческом развитии : материалы междунар. конф. Чита, 2018. Т. 1. С. 29–32.
7. Гук А.М. Физическое воспитание в общеобразовательных школах Советской Украины (в период 20-х годов XX века) // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2013. № 5. С. 101–106.
8. Мутьев А.В. Становление и развитие гимнастики в образовательных учреждениях Крыма с середины XIX до начала XX столетия // Наука и спорт: современные тенденции. 2019. Т. 7, № 3. С. 80–87.

9. Мутьев А.В. Распространение сокольской системы гимнастики как средства физического воспитания в Крыму в начале XX в // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 487. С. 147–154. doi: 10.17223/15617793/487/17
10. Никифорова Л.Л. Мир держится устами учеников: историко-архивный сборник. Симферополь : Ариал, 2022. 300 с.
11. Щукин Д.В., Некрылова О.Г. Советская власть и система народного образования в 1920-е годы: практика экспериментов в условиях построения новой государственности // Научный диалог. 2021. № 5. С. 462–476.
12. Государственный архив Республики Крым (ГАРК). Ф. Р-663 (Центральный Исполнительный Комитет Советов рабочих, крестьянских, красноармейских и краснофлотских депутатов Крымской АССР, г. Симферополь Крымской АССР). Оп. 1. Д. 104.
13. Крук М.З. Шкільна фізична культура в Україні (20–30-ті рр. XX ст.). Житомир, 2011. 215 с.
14. Леви Р. Осененные гимназией // Евпаторийская здравница. 1998. 23 сентября. № 154. С. 3.
15. Самоуков Ф.И., Столбов В.В., Торопов Н.И. Физическая культура и спорт в СССР. М., 1967. 352 с.
16. Калашников А.Г. Педагогическая энциклопедия. М., 1928. Т. 1. 1158 с.
17. ГАРК. Ф. Р-1209 (Комитет республиканский по делам физической культуры и спорта при Совете народных комиссаров Крымской АССР, г. Симферополь Крымской АССР). Оп. 1. Д. 1.
18. ГАРК. Ф. Р-1209. Оп. 2. Д. 4.
19. ГАРК. Ф. Р-1209. Оп. 2. Д. 31.
20. ГАРК. Ф. Р-1209. Оп. 2. Д. 16.
21. ГАРК. Ф. Р-1209. Оп. 2. Д. 25.
22. ГАРК. Ф. Р-1209. Оп. 2. Д. 19.
23. ГАРК. Ф. Р-1209. Оп. 2. Д. 28.
24. ГАРК. Ф. Р-1209. Оп. 2. Д. 47.
25. ГАРК. Ф. Р-1209. Оп. 2. Д. 58.
26. ГАРК. Ф. Р-1209. Оп. 2. Д. 38.
27. ГАРК. Ф. Р-1209. Оп. 2. Д. 39.

References

1. TsK VKP(b). (1926) *Spravochnik partiynogo rabotnika* [Handbook of the Party Worker]. Moscow: [s.n.].
2. TsK VKP(b). (1932) *Postanovlenie TsK VKP(b) ot 21 IV-1932 g. o rabote pionerskoy organizatsii. O desyatiletii pionerskoy organizatsii (instruktivno-metodicheskoe pis'mo RONO, Raybyuro DKO, shkolam, pionerotryadam, vneshkol'nym detskim uchrezhdeniyam)* [Resolution of the Central Committee of the All-Union Communist Party (Bolsheviks) of 21 April 1932 on the work of the pioneer organization. On the tenth anniversary of the pioneer organization (instructional and methodological letter to the Regional Department of Education, the Regional Bureau of the DKO, schools, pioneer detachments, extracurricular children's institutions)]. Moscow; Leningrad: LOONO.
3. Bakhtina, I.L., Popov, M.V. & Protasova, E.E. (2015) Fizicheskoe vospitanie shkol'nikov v 1920–1930-e gg. i vvedenie kompleksa GTO i BGTO (na materialakh Urala) [Physical education of schoolchildren in the 1920s and 1930s and the introduction of the GTO and BGTO complexes (based on materials from the Urals)]. *Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii*. 1. pp. 45–50.
4. Shchetinina N.P. (2020) Professional'noe razvitie uchiteley fizicheskoy kul'tury Ryazanskoy gubernii v 1920-kh godakh [Professional development of physical education teachers in the Ryazan province in the 1920s]. In: *Problemy i perspektivy razvitiya sovremennogo obrazovaniya v kontekste ego istoriko-pedagogicheskoy interpretatsii* [Problems and Prospects for the Development of Modern Education in the Context of Its Historical and Pedagogical Interpretation]. Saint Petersburg: [s.n.]. pp. 467–470.
5. Tsukanova, O.M. & Karpova, G.G. (2022) Problemy kadrovogo obespecheniya fizkul'turnoy raboty v shkolakh Kurskogo kraya (1918–1940 gody) [Problems of staffing physical education work in schools of the Kursk region (1918–1940)]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo*. 6 (12). pp. 215–223.
6. Prokof'eva, L.K., Astaf'ev, V.S. & Rudyakova, I.V. (2018) [Physical education in schools of Transbaikalia during the period of the Far Eastern Republic from November 1920 to November 1922]. *Prigranichnyy region v istoricheskom razvitii* [Border Region in Historical Development]. Proceedings of the International Conference. Vol. 1. Chita. 26 October 2018. Chita: Transbaikal State University. pp. 29–32. (In Russian).
7. Guk, A.M. (2013) Fizicheskoe vospitanie v obshcheobrazovatel'nykh shkolakh Sovetskoy Ukrainy (v period 20-x godov XX veka) [Physical education in comprehensive schools of Soviet Ukraine (in the 1920s)]. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*. 5. pp. 101–106.
8. Mut'ev, A.V. (2019) Stanovlenie i razvitie gimnastiki v obrazovatel'nykh uchrezhdeniyakh Kryma s serediny XIX do nachala XX stoletiya [Formation and development of gymnastics in educational institutions of Crimea from the mid-19th to the early 20th century]. *Nauka i sport: sovremennye tendentsii*. 3 (7). pp. 80–87.
9. Mut'ev, A.V. (2023) The spreading of the Sokol gymnastic system for physical education in Crimea at the beginning of the 20th century. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 487. pp. 147–154. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/487/17
10. Nikiforova, L.L. (2022) *Mir derzhitsya ustami uchenikov: istoriko-arkhivnyy sbornik* [The World is Kept by the Mouths of the Students: Historical and archival collection]. Simferopol: Arial.
11. Shchukin, D.V. & Nekrylova, O.G. (2021) Sovetskaya vlast' i sistema narodnogo obrazovaniya v 1920-e gody: praktika eksperimentov v usloviyakh postroeniya novoy gosudarstvennosti [Soviet power and the public education system in the 1920s: experimental practice in the context of building a new statehood]. *Nauchnyy dialog*. 5. pp. 462–476.
12. *State Archive of the Republic of Crimea (GARK)*. Fund R-663 (Tsentral'nyy Ispolnitel'nyy Komitet Sovetov rabochikh, krest'yanskikh, krasnoarmeyskikh i krasnoflotskikh deputatov Krymskoy ASSR, g. Simferopol' Krymskoy ASSR [Central Executive Committee of the Soviets of Workers', Peasants', Red Army and Red Navy Deputies of the Crimean ASSR, Simferopol, Crimean ASSR]). List 1. File 104.
13. Kruk, M.Z. (2011) *Shkil'na fizichna kul'tura v Ukraïni (20–30-ti rr. XX st.)* [School Physical Education in Ukraine (1920s–1930s)]. Zhitomir: Zhytomyr State University.
14. Levi, R. (1998) Osenennye gimnaziey [Overshadowed by the gymnasium]. *Evpatoriyskaya zdravnitsa*. 23 September. 154. P. 3.
15. Samoukov, F.I., Stolbov, V.V. & Toropov, N.I. (1967) *Fizicheskaya kul'tura i sport v SSSR* [Physical Education and Sports in the USSR]. Moscow: Fizkul'tura i sport.
16. Kalashnikov, A.G. (1928) *Pedagogicheskaya entsiklopediya* [Pedagogical Encyclopedia]. Vol. 1. Moscow: Rabotnik prosveshcheniya.
17. *State Archive of the Republic of Crimea (GARK)*. Fund R-1209 (*Komitet respublikanskiy po delam fizicheskoy kul'tury i sporta pri Sovete narodnykh komissarov Krymskoy ASSR, g. Simferopol' Krymskoy ASSR* [Republican Committee for Physical Culture and Sports under the Council of People's Commissars of the Crimean ASSR, Simferopol, Crimean ASSR]). List 1. File 1.
18. *State Archive of the Republic of Crimea (GARK)*. Fund R-1209. List 2. File 4.
19. *State Archive of the Republic of Crimea (GARK)*. Fund R-1209. List 2. File 31.
20. *State Archive of the Republic of Crimea (GARK)*. Fund R-1209. List 2. File 16.
21. *State Archive of the Republic of Crimea (GARK)*. Fund R-1209. List 2. File 25.
22. *State Archive of the Republic of Crimea (GARK)*. Fund R-1209. List 2. File 19.
23. *State Archive of the Republic of Crimea (GARK)*. Fund R-1209. List 2. File 28.
24. *State Archive of the Republic of Crimea (GARK)*. Fund R-1209. List 2. File 47.

25. *State Archive of the Republic of Crimea (GARK)*. Fund R-1209. List 2. File 58.
26. *State Archive of the Republic of Crimea (GARK)*. Fund R-1209. List 2. File 38.
27. *State Archive of the Republic of Crimea (GARK)*. Fund R-1209. List 2. File 39.

Информация об авторах:
Мутьев А.В. – канд. пед. наук, доцент кафедры теории и методики физической культуры Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского (Симферополь, Россия). E-mail: dsport76@mail.ru
Скоробогатова М.Р. – д-р пед. наук, зав. кафедрой педагогики Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского (Симферополь, Россия). E-mail: maricrimea@gmail.com
Лебедев Д.В. – аспирант кафедры педагогики Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского (Симферополь, Россия). E-mail: dimon211199@mail.ru;

Information about the authors:
A.V. Mutiyev, Cand. Sci. (Pedagogics), associate professor, V.I. Vernadsky Crimean Federal University (Simferopol, Russian Federation). E-mail: dsport76@mail.ru
M.R. Skorobogatova, Dr. Sci. (Pedagogics), head of the Department of Pedagogics, V.I. Vernadsky Crimean Federal University (Simferopol, Russian Federation). E-mail: maricrimea@gmail.com
D.V. Lebedev, postgraduate student, V.I. Vernadsky Crimean Federal University (Simferopol, Russian Federation). E-mail: dimon211199@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 02.05.2024;
одобрена после рецензирования 27.08.2024; принята к публикации 30.09.2024.

The article was submitted 02.05.2024;
approved after reviewing 27.08.2024; accepted for publication 30.09.2024.

Научная статья
УДК 811.161.1+37.02
doi: 10.17223/15617793/506/20

Текст кулинарного рецепта как дидактический материал на занятиях по русскому языку как иностранному

Ульяна Владимировна Ромазанова[1]

[1] *Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия, ekmzyf1506@gmail.com*

Аннотация. Текст кулинарного рецепта рассматривается в качестве актуального для занятий по русскому языку как иностранному дидактического материала. Дается характеристика текста кулинарного рецепта: его структура, функциональная значимость. Описывается пошаговая методика работы с такой разновидностью текста на занятиях для иностранных учащихся, овладевающих русским языком на среднем уровне. На основе текста кулинарного рецепта разработана система заданий и упражнений, направленная на развитие языковых и речевых навыков, формирование социокультурной и коммуникативной компетенций.
Ключевые слова: русский язык как иностранный (РКИ), обучение лексике, тема «Еда», кулинарный рецепт, средний уровень владения языком

Для цитирования: Ромазанова У.В. Текст кулинарного рецепта как дидактический материал на занятиях по русскому языку как иностранному // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 506. С. 159–167. doi: 10.17223/15617793/506/20

Original article
doi: 10.17223/15617793/506/20

The text of a culinary recipe as didactic material in classes in Russian as a foreign language

Ulyana V. Romazanova[1]

[1] *National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, ekmzyf1506@gmail.com*

Abstract. The aim of this article is to describe a step-by-step methodology for working with the text of a culinary recipe in classes in Russian as a foreign language for students who acquire the language at an intermediate level. The research material is provided by the authentic text of the *syrniki* recipe, taken from a specialized culinary website. The main feature for such a text is the combination of verbal and non-verbal means. The text of a culinary recipe is often used in foreign language classes because it has a great didactic potential. However, during the analysis of scientific and educational literature on the stated topic, it was noticed that the text of a culinary recipe implies the representation of only certain language topics. Speech and communication exercises based on the recipe text are rare. In this case, a technique is proposed by which the text of a culinary recipe is regarded at all levels of language. Variants of word's pronunciation are considered at the phonetic level; at the morphemic level, attention is directed to recognizing the roots of the words belonging to different parts of speech; the word formation level includes models of adjective formation using frequency suffixes, models of formation of aspectual pairs of verbs; lexical content is examined in detail through the categories in which the text of the recipe is divided ("ingredients", "measure", "tools", "actions"); at the morphological level, attention is paid to the grammatical categories of various parts of speech (in particular, verbs, since they are frequent in texts describing the process of preparing dishes); at the syntactic level, a combination of words with different syntactic connection are considered, as well as sentences reflecting cause-and-effect relationships using various linguistic means. Students move from language exercises to speech exercises, and then to communicative exercises. Verbal information is also accompanied by non-verbal information: images, videos. This makes it easier to perceive the text and verify it. In addition to linguistic value, the text of a culinary recipe also has sociocultural value. A culinary recipe is part of the material culture of the people of the language being studied; through it one can trace national food habits and their history. Students are presented with an authentic text, so they can observe the use of language in a real communicative situation. The text of a culinary recipe also allows students to engage in natural everyday communication.
Keywords: Russian as foreign language (RFL), vocabulary teaching, topic "Food", culinary recipe, intermediate level of language proficiency

For citation: Romazanova, U.V. (2024) The text of a culinary recipe as didactic material in classes in Russian as a foreign language. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal.* 506. pp. 159–167. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/506/20

© Ромазанова У.В., 2024

Введение

Актуальность обсуждаемой темы обусловлена ее значимостью для каждого человека. Еда организует повседневность человека, поскольку без нее невозможно человеческое существование. Еда – это выражение материальной и духовной человеческой культуры. В попытке познать чужую культуру еда неизбежно становится объектом научного изучения. Языковое воплощение этого культурного пласта рассматривается в лингвистике и литературоведении, а также в педагогике, в частности, при обучении иностранному языку.

Тема «Еда» является одной из обязательных при изучении иностранного языка. На начальном этапе изучения русского языка как иностранного эта тема представлена преимущественно лексикой, именующей процесс приобретения и поглощения пищи. Учащийся узнает, как рассказывать о том, что он ел, когда, какой был вкус у еды, какую посуду он использовал, какие продукты купил в магазине и сколько это стоило; учится делать заказ блюд в заведении общественного питания (столовой, кафе, ресторане и т.п.). На среднем этапе обучения русскому языку как иностранному в фокус попадает лексика, именующая процесс приготовления пищи. Учащийся учится подробно рассказывать о том, как приготовить блюдо. Л.М. Френкель отмечает, что «кулинарная тема находит живой отклик и помогает активизировать все виды речевой деятельности учеников, приобрести навык автоматического владения языковым материалом» [1. С. 159].

Целью данной статьи является обоснование того, что текст кулинарного рецепта является актуальным дидактическим материалом на занятиях по русскому языку как иностранному.

Цель достигается решением двух основных **задач**: проанализировать учебную и научно-методическую литературу по изучаемой теме и описать авторскую пошаговую методику работы с текстом кулинарного рецепта, созданную для работы с иностранными студентами, владеющими русским языком на уровне В1, В1+.

Новизна исследования. Текст кулинарного рецепта, репрезентирующий тему «Еда», становится предметом обсуждения в учебных изданиях и научной литературе. Это обусловлено его лингвистической и экстралингвистической ценностью.

При обращении к тексту этого жанра на уроках по русскому языку в иностранной аудитории на базовом уровне в фокусе оказывается лексика, именующая продукты питания, а также действия, связанные с механической и тепловой обработкой этих продуктов. Выборочно рассматриваются грамматические категории существительного и глагола (например, родительный падеж существительного, вид глагола), однако упражнения для отработки этих тем, как правило, не представлены. С использованием текста кулинарного рецепта на уроках РКИ на первом и втором сертификационных уровнях предлагаются упражнения, направленные на отработку глаголов, именующих действия, которые обозначают этапы приготовления пищи. Отрабатывается вид глагола, сочетаемость; создаются устные тексты с включением глаголов; при этом синтаксические конструкции не рассматриваются.

В изученной учебной и научно-методической литературе комплексного подхода к использованию текста кулинарного рецепта в учебных целях обнаружено не было. Этот факт стал основанием к разработке собственной методики, которая позволит расширить область практического применения текста кулинарного рецепта.

Задания и упражнения к тексту кулинарного рецепта в рамках предлагаемой методики охватывают все уровни языка. В центре – лексический и грамматический уровни (тщательное изучение языкового наполнения всех категорий кулинарного рецепта: «мера», «ингредиенты», «инструменты», «действия»). Отдельное внимание уделяется морфемике (распознавание корней) и словообразованию (анализ моделей образования прилагательных с использованием частотных суффиксов), морфологии (образование видовых пар глаголов), что характерно для среднего уровня владения языком (поскольку учащиеся уже обладают достаточными языковыми и метаязыковыми навыками), а также синтаксису (анализ моделей построения предложений с использованием синтаксических средств передачи причинно-следственных связей). Методика работы с текстом кулинарного рецепта включает упражнения на отработку всех видов речевой деятельности: учащиеся читают текст про себя, отдельные фрагменты – вслух, озвучивают свои ответы к упражнениям, продуцируют собственные письменные и устные тексты (советы по приготовлению, собственно текст рецепта, комментарии к тексту рецепта).

Методы исследования. Основными методами исследования стали метод лингвистического описания, включающий анализ языковых фактов и синтез полученных наблюдений, а также метод интерпретации. Важное место занял медиалингвистический метод, позволивший описать взаимодействие медийной, вербальной и экстралингвистической составляющих текста в медиапространстве, «а также различных вариантов комбинаций элементов всех уровней медиатекста: слово – звук – изображение, слово – графическое оформление – образ и т.д.» [2. С. 147, 159].

Материал исследования. В практике преподавания иностранного языка текст, письменный или устный, является основным инструментом обучения. Чем выше уровень владения языком, тем чаще предпочтение отдается аутентичным текстам, под которыми Т.А. Кадоло подразумевает тексты, которые создаются «носителями языка для других носителей языка не с учебной целью» [3. С. 123].

В условиях развития цифровых технологий и интернет-ресурсов тему «Еда» оправданно представить в учебном процессе с помощью текста кулинарного рецепта, взятого со специализированного сайта. Сайт, содержащий тексты кулинарных рецептов на русском языке, рассчитан на читателей, владеющих русским языком, соответственно, такие тексты с уверенностью можно назвать аутентичными. Обращение к сайту закономерно в эпоху цифровизации. Современные учащиеся являются активными интернет-пользователями, они легко и быстро могут найти нужную им информацию в интернете, в том числе кулинарные рецепты.

К тому же текст кулинарного рецепта, размещенный на сайте, сопровождается различными знаками-символами, картинками и фотографиями, видео, комментариями пользователей сайта, что облегчает его восприятие.

Кулинарный рецепт в учебной и научно-методической литературе

Исследователи А.М. Ариас и Т.А. Иванченко, обосновывая необходимость включения такого рода текстов в работу с изучающими иностранный язык, приходят к выводу, что тексты, которые содержат вербальные и невербальные средства, усиливают «иллюстративность, наглядность, информативность и достоверность учебного материала, позволяют привлечь и удерживать внимание» обучающихся [4. С. 41]. В обучении чужому языку они «являются источником актуальной лингвистической, лингвострановедческой, социокультурной и иной информации, обеспечивая высокую мотивацию у участников образовательного процесса и вовлекая их в творческое взаимодействие как друг с другом, так и непосредственно с учебным материалом» [4. С. 41]. Таким образом, текст кулинарного рецепта оказывается интересен и с точки зрения своего содержания (способ приготовления блюда национальной кухни), и с точки зрения представления этого содержания (текст на сайте, созданный с помощью вербальных и невербальных средств).

Внимание исследователей направлено на изучение различных аспектов текста кулинарного рецепта: его структуру, языковое наполнение, невербальные компоненты, культурную, дидактическую ценности.

Текст кулинарного рецепта рассматривается как речевое произведение с особенной внутренней организацией. В диссертационном исследовании П.П. Бурковой кулинарный рецепт квалифицируется как «произведение, имеющее определенную целенаправленность и прагматическую установку, зафиксированное в виде письменного документа, оформленное в соответствии с типом этого документа, состоящее из названия (заголовка) и ряда особых единиц, объединенных различными типами лексической, грамматической и логической связи. Кулинарный рецепт состоит не только из вербального текста, его особенностью является креолизация[1], т.е. наличие невербальной части: рисунков, черно-белых и цветных фотографий» [5. С. 20]. По утверждению А.Ю. Волковой, текст кулинарного рецепта «обладает всеми важными характеристиками текста (структурно-содержательной целостностью, смысловой связностью и завершенностью, тематическим единством, авторством, адресностью и принадлежностью к определенному стилю речи) и выполняет особые функции (коммуникативную, когнитивную, системную, социальную, историческую, аккумулятивную, ориентационную, культурную, дидактическую и даже эмоциональную)» [6. С. 212].

Анализируя структурные особенности текста кулинарного рецепта, П.П. Буркова выделяет три блока информации: 1) интродуктивный блок, который включает в себя заголовок, указание компонентов и их количества; 2) основной – собственно последовательность действий и манипуляций; 3) заключительный – рекомендации по сервировке или другому варианту приготовления при замене компонентов; дополнительную страноведческую информацию [5. С. 61–70].

Текст кулинарного рецепта предстает в исследованиях и как источник культурной информации, приобретает особую социальную значимость, является «отображением реальной исторической действительности» [5. С. 20], А.Ю. Волкова такой текст определяет как «продукт определенной исторической эпохи; <…> источник хранения и передачи информации о времени, культуре и т.д.; <…> результат культурной деятельности» [6. С. 211]. С. Ли и С.А. Колода указывают на то, что «рецепты и названия блюд как знаки самоидентификации, в том числе и национальной, позволяют судить о людях по тому, что они едят» [7. С. 227]. Включение в работу по обучению РКИ текста кулинарного рецепта способствует формированию социокультурной компетенции (при знакомстве с национальной едой в рамках изучения национальной русской культуры используются преимущественно рецепты широко известных русских блюд).

Кулинарные рецепты становятся объектом исследования в качестве дидактического материала для занятий по иностранному языку: описываются их особенности, предлагаются различные способы работы с ними. По мнению Л.М. Френкель, такие тексты доступны в языковом отношении и способствуют расширению лексического запаса за счет слов бытового, разговорного языка; позволяют формировать грамматические навыки (морфология и синтаксис, специфичные для рецептов); улучшают навыки, связанные с разными видами речевой деятельности; приобщают учащихся к традициям, культуре и истории народа изучаемого языка [1. С. 173]. Автором предъявляются возможные способы работы с текстом кулинарного рецепта на разных языковых уровнях. Например, лексику можно разделить на группы: исходные продукты, кухонная утварь, меры веса и объема, способ готовки, вид продукта, категория данного блюда. На морфологическом уровне можно проанализировать категорию времени глаголов, распределить глаголы и страдательные причастия на основе формообразования; словосочетания с прилагательными сгруппировать по моделям, найти антонимы; прочитать вслух числительные. На уровне синтаксиса можно проанализировать, чем выражено сказуемое в неопределенно-личных предложениях, выделить однородные члены предложения [1. С. 171–172].

О.А. Зайцева, М.В. Терских также предлагают рассматривать текст кулинарного текста на разных языковых уровнях. Для усвоения лексики, как считают авторы, необходимо «поработать с названиями продуктов» [8. С. 616]: определить, какие нужны продукты для приготовления, сколько, к какой категории относится блюдо; на уровне грамматики – определить все морфологические признаки использованных в тексте глаголов, записать эти глаголы в форме инфинитива, выписать отглагольные существительные, образовать разные временные формы глаголов; определить разряд прилагательных; прочитать словосочетания, состоящие из существительных и числительных; заменить

исходные однородные сказуемые в форме 2-го лица на инфинитивы. Для построения связной речи, по наблюдениям авторов, актуально использовать видеосюжеты о приготовлении блюд (с субтитрами и без субтитров) с вопросами к ним и письменными заданиями [8. С. 617–618].

И.В. Баранова и Л.И. Харченкова утверждают, что обращение к текстам кулинарных рецептов на занятиях по иностранному языку обусловлено тем, что текст кулинарного рецепта «активизирует познавательные интересы обучаемых и повышает их мотивацию» [9. С. 89]. В качестве основного приема предлагается использовать коллажирование: составление схемы в виде окружностей, отражающих движение от ключевого понятия к соотнесенных с ним, в качестве дополнительного – прием учебной аналогии для поиска эквивалентов блюд в разных культурах; особая роль в процессе обучения отводится дидактическим и ролевым играм [9. С. 93–94].

Рецепты и разные виды работы с ними имеют место в учебных изданиях. Тексты кулинарных рецептов в качестве источника страноведческой информации включены в учебные пособия по страноведению, межкультурной коммуникации, культурологии, развитию речи. Например, рецепты блинов, пасхи, кулича можно прочитать в пособии Л.В. Рыбачевой и Н.М. Вахтель «Русские народные праздники» [10. С. 35–36], рецепт борща – в пособии Н.В. Баско «Знакомимся с русскими традициями и жизнью россиян» [11. С. 65], рецепты салата «Оливье» и блинов – в пособии Т.Г. Ткач и А.П. Забровского «Знакомимся с русскими» [12. С. 51]. В этом случае они представлены как факты языка и культуры (дают учащимся знания о том, какие блюда являются яркими примерами национальной кухни, на какие праздники они готовятся), но комплексы заданий и упражнений к ним не прилагаются.

Рецепт винегрета (еще одно распространенное блюдо русской кухни) можно прочитать в учебнике «Русский язык: 5 элементов: уровень А2 (базовый)» Т.Л. Эсмантовой, где он представлен в виде диалога без деления на блоки информации. Текст предваряется следующим вопросом: *Где здесь genitive sg. / pl.? Почему?* [13. С. 104]. Текст кулинарного рецепта используется в качестве иллюстрации для родительного падежа в единственном или множественном числе. Названия продуктов даются через разговорную лексику (*картошка*, *картофелина*, *свёклина*), комментарии к их употреблению отсутствуют.

Необычный новогодний рецепт трюфелей включен в учебник «Спасибо! : начальный курс русского языка» (уровень А1–А2) А.М. Куцеревой-Жаме и М. Китадзё. Текст содержит интродуктивный блок (заголовок, ингредиенты, их количество) и основной (последовательность необходимых действий), каждый элемент сопровождается фотографией. Вводятся меры измерения продуктов (*штука, ложка*, дается общепринятое сокращение: *ст.л.*), глаголы в видовых парах (НСВ – СВ). В задании предлагается прочитать текст [14. С. 92–93], эксплицитный анализ лексической и грамматической информации отсутствует.

Еще несколько популярных русских рецептов: *пельмени сибирские, салат из помидоров, яиц и сыра, щи*, – используются в учебнике «Поехали! Русский язык для взрослых. Базовый курс: учебник. Часть 2.1» С.И. Чернышова и А.В. Чернышовой. Однако они содержат только интродуктивные блоки (название блюда, ингредиенты и их количество). В конце задаются вопросы: *А у вас есть любимые блюда? Какие продукты для них нужны? Сколько?* [15. С. 104]. В упражнении делается акцент на наименовании продуктов и их измерении (анализ существительных, именующих продукты и меру их измерения, числительных).

Рецепт заимствованного блюда – сэндвича (английское слово) с баклажанами – предлагается в учебнике «Точка ру В1 часть 1» О. Долматовой и Е. Новачац, указания на источник текста нет, это дает основание предположить, что он не является аутентичным. Работа с рецептом разделена на четыре блока [16. С. 102–103]. В блоке А к представленным глаголам необходимо подобрать соответствующую видовую пару. Блок Б предполагает логическое объединение глагола (действие) и существительного (посуда, в которой это действие можно осуществлять) в словосочетание. Блок В направлен на перевод подчеркнутых слов и фраз из собственно текста рецепта. Блок Г связан с продуцированием собственного текста кулинарного рецепта, при этом требуется использовать предложенные глаголы.

В учебнике «Новый Сувенир 3. Русский язык для иностранцев. Первый сертификационный уровень (средний уровень) В1 : учебник» И.В. Мозеловой собственно текст рецепта борща не содержится. В блоке А предлагается обсудить, что учащиеся знают о борще (говорение). Блок Б содержит текст о борще, учащимся предлагается прочитать текст и определить, из чего он готовится, а также с чем подается. Блоки В и Г представляют лексику (названия продуктов, инструмента, действий) и сопровождаются картинками. В блоке Д предлагается посмотреть видео и заполнить пропуски в графах «Ингредиенты» и «Приготовление» (всего 16 этапов, каждый этап сопровождается картинками). В блоке Е предлагается проверить себя, повторно посмотрев видео, а в блоке Ё дается задание рассказать, как готовить борщ (говорение) [17. С. 38–39].

Несколько рецептов известных русских блюд представлено в пособии по русской разговорной речи «Вперед!» (для продвинутого уровня) О.В. Головко. Рецепты грибов по-толстовски, борща вегетарианского и винегрета даются в очень концентрированном виде (внутри основного блока не всегда содержится информация о количестве продуктов, заключительный блок отсутствует). Тексту предшествует вопрос: *Какое блюдо можно отнести к закускам, первым блюдам, ко вторым блюдам*? [18. С. 115]. Упражнение не предполагает эксплицитного анализа грамматической информации; анализ лексики осуществляется в том объеме, который позволяет определить позицию блюда в меню. Рецепт борща с мясом репрезентирован в виде рисунка, разделенного на блоки, отражающие ход приготовления. Каждый продукт подписан, тут же дается указание на его количество; действия вербализованы, тут же дается указание на время или способ действия.

Упражнение направлено на развитие навыка продуцирования собственного текста на основе ключевых слов. Лексический и грамматический виды анализа не предусмотрены.

В работах Л.М. Френкель [1], О.А. Зайцевой, М.В. Терских [8], а также И.В. Барановой и Л.И. Харченковой, представляющих дидактические возможности текста кулинарного рецепта, он рекомендуется «для изучения разных разделов и тем» [8. С. 616]; дается простое перечисление «возможностей использования <…> рецепта» [1. С. 171]. Текст кулинарного рецепта используется для демонстрации приемов (коллажирование, аналогия) и методов работы с такими текстами [9]. Аналогичная ситуация складывается с учебниками и учебным пособием [13–18]. В изданиях, рассчитанных на базовый уровень [13–15], тексты максимально лексически и грамматически простые. К созданным специально в учебных целях текстам предлагаются одно-два задания либо задания не даются вообще. Интродуктивные блоки рецептов [15] выполняют, скорее, вспомогательную функцию, они даны с целью отработки темы «В магазине», предполагающей обсуждение вопроса «сколько и чего нужно купить». На основе текста кулинарного рецепта авторами [17, 18] осуществляется отработка только лексического материала и дается задание на продуцирование устного текста. Учебное пособие [16] также представляет работу с неаутентичным текстом рецепта не на всех языковых уровнях.

Анализ представленности изучаемой темы в учебниках и учебных пособиях позволяет сделать вывод, что текст кулинарного рецепта используется для отработки отдельных лексических и/или грамматических тем (категория числа существительных, склонение существительных, спряжение глаголов, глагольное управление и др.), для развития отдельных видов речевой деятельности. Таким образом, текст кулинарного рецепта в представленной научной и учебной литературе не является самоценным, дидактическая мысль движется от лексической, грамматической и других, от желания отработать один из видов речевой деятельности к текстовой иллюстрации. Исключение составляют тексты, содержащиеся в учебных пособиях по страноведению, межкультурной коммуникации, культурологии, развитию речи [10–12]. Но в этих случаях ценность самого текста вообще исключает какую-либо лексико-грамматическую работу с ним.

В данном исследовании текст кулинарного рецепта также расценивается как имеющий самостоятельную ценность. Далее наша дидактическая мысль, двигаясь от содержания и формы текста, приводит к возможности разработать на основе этого текста задания и упражнения, связанные с уровнями языка или видами речевой деятельности.

Необходимо отметить, что лингвокультурологическая справка, отражающая национальные особенности наименования блюда или традиции их приготовления и потребления, дается не во всех учебниках. В учебнике «Точка ру В1, часть 1» в качестве лингвокульурологической справки выступает этимология слова «бутерброд» и описание бутербродов в разных странах с соответствующими национальными названиями, в учебнике «Новый сувенир…» предъявляется текст о борще, рассказывающий о национальной принадлежности блюда, из чего блюдо готовится и с чем подается.

В данной статье для составления лингвокультурологической справки используются данные «Словаря русской пищевой метафоры» (тома 1–3), подготовленный под редакцией Е.А. Юриной. В рецензии на словарь В.Д. Черняк отмечает: «Особая и очень значимая для этого словаря зона «Лингвокультурологический комментарий» в доступной для широкого читателя занимательной форме дает историческую справку о реалии, сведения об этимологии (в том числе в ряде случаев народной этимологии), о национальных традициях, связанных с тем или иным продуктом или способом приготовления пищи» [19. С. 184–185].

Методика работы с текстом кулинарного рецепта в иностранной аудитории

В качестве источника материала исследования использовался сайт «Еда» (http://eda.ru/[2]), самим материалом послужил текст[3] кулинарного рецепта популярного[4] русского блюда – сырников.

Структура изучаемого текста кулинарного рецепта включает выделенные П.П. Бурковой интродуктивный (блоки 1 и 3), основной (блок 4) и заключительный (блок 2) блоки, однако их последовательность изменена: заключительный блок разбивает интродуктивный, основной блок вводится последним, объем информации расширен.

Блок 1. *Название блюда*, количество порций (изображение и цифра-знак), время приготовления (изображение, цифра-знак, слово), возможность сохранить рецепт, т.е. добавить его в книгу рецептов пользователя на сайте (изображение, текст, цифра-знак), количество пользователей сайта, которым этот рецепт понравился и не понравился (изображение, цифра-знак), видеоряд, отражающий процесс приготовления блюда, фотографии процесса приготовления (промежуточные стадии) и готового блюда, имя автора с возможностью подписаться на его страницу с рецептами.

Блок 2. *Аннотация к блюду* (главный секрет блюда, вариативность способов приготовления, пожелание приятного аппетита) и его энергетическая ценность.

Блок 3. *Ингредиенты и мера их измерения.*

Блок 4. Собственно *инструкция приготовления*, сопровождающаяся картинками и ссылками на полезную информацию (тематические статьи внутри сайта, например, статья о том, как проверить качество яиц).

Блок 5. Возможность поделиться рецептом в социальных сетях, ссылки на статьи, содержащие этот рецепт (тематическая отнесенность), возможность оставить комментарий, а также ссылки на похожие рецепты.

Кулинарный текст предстает во всей многомерности. Графически оформленный текст сочетается с изображениями, с видео, что открывает возможности

для наглядной семантизации. Процесс, описанный словами, репрезентирован в действии. Присутствует система внутрисайтовых ссылок.

Представим пошаговую **методику работы** с текстом кулинарного рецепта на среднем этапе обучения русскому языку как иностранному.

Шаг 1. Работу с текстом начинаем с его названия: «Сырники из творога». Учащимся предлагается рассказать, знают ли они, что такое сырники, творог. Им также предлагается внимательно посмотреть на слово ***сыр**ники* и сказать, видят ли они еще одно слово в его составе. Дается лингвокультурологическая справка: «В России до Петра I сыром назывался творог, так как производился “естественным, сырым” способом, т.е. без тепловой обработки» (не варился, не жарился. – *Авт.*) [20. С. 241]. Обращаем внимание учащихся на наличие вариантов ударения в слове *творог*. Демонстрируем словообразовательную цепочку *твóрог – творóжный* и предупреждаем, что произношение с ударением на первом слоге также является нормативным.

Учащимся предлагается высказать предположения о том, как блюдо выглядит, какой у него вкус, а также какие продукты используются для его приготовления. Обращаем внимание на очевидное присутствие творога в этом блюде, поскольку используется модель «*что? из чего?»* [21. С. 303], которая учащимся уже знакома (изучается на начальном этапе).

Шаг 2. Предъявляем учащимся текст рецепта и даем задание выделить (выписать) все продукты, необходимые для приготовления сырников (поисковое чтение, задача понять текст целиком пока не стоит). Сравниваем полученную информацию с ответами, которые учащиеся дали ранее (о том, какие продукты можно использовать). Предъявляем фрагмент видео, демонстрирующий необходимые для приготовления сырников продукты, даем задание назвать каждый продукт. Наименования представленных во фрагменте продуктов частично знакомы учащимся (*яйцо*, *масло*, *сахар, курица* входят в лексический минимум элементарного уровня). На доску нужно выписать прилагательные *пшеничная, подсолнечное* и существительные *мука*, *творог*, изображения продуктов послужат наглядной семантизацией.

Шаг 3. Учащимся предлагается ответить на вопрос о том, что еще необходимо знать о продукте, если мы говорим о рецепте приготовления блюда. Ожидаемый правильный ответ – это указание на количество ингредиента, т.е. ответ на вопрос: «сколько?». Даем задание во второй раз обратиться к тексту и найти указание на количество продукта (только один пример: *5 столовых ложек*). Введем категорию «**мер**а» (из**мер**ять) для обозначения количества.

Шаг 4. Обращаемся к блоку 3, индуктивным способом вводим категорию «ингредиенты»: задаем учащимся вопрос о том, каким общим словом называются продукты, из которых готовят блюдо. Обращаем внимание на прилагательные. Просим учащихся предположить, почему рядом со словами *мука*, *масло*, *яйца* указаны прилагательные. Поскольку мука и масло могут быть сделаны из разных продуктов, а яйца могут принадлежать разным птицам, необходимо точно указать, какой нужен продукт. Используем модель «*какое? что? – это что? из чего?*»: пшеничная мука – это мука из пшеницы, подсолнечное масло – это масло (из) подсолнуха. Обращаем внимание на чередование согласных. Добавляем модель «*чьё? что? – это что? кого?»*: куриное яйцо – это яйцо курицы. Используемые модели уже изучены на начальном этапе обучения РКИ, однако их лексическое наполнение связано со средним этапом.

Обращаем внимание учащихся на информацию, представленную справа от названия продуктов, им необходимо подобрать подходящую категорию для обозначения этой информации, ответ – категория «мера». Анализируем способы обозначения меры продуктов. Слово *ложка* известно, демонстрируем студентам градацию ***столо**вая–**чай**ная–**коф**ейная*, предлагаем им внимательно посмотреть на прилагательные и сказать, видят ли они знакомые слова в их составе. По функции ложки (исходя из наименования) определим, что *столовая* – это самая большая. Для твердых веществ (неисчисляемое) характерно измерение в *килограммах* (*кг*), *граммах* (*г*), для жидких – в столовых (и др.) ложках (*ст.л., ч.л., к.л.*), для исчисляемых продуктов используется измерение в *штуках* (*шт.*). Даем задание прочитать числительные: *триста пятьдесят (чего?) граммов* (грамм – *разг.*), *две штуки, шесть* (чего?) *столовых ложек, две столовые ложки* (как две штуки, поскольку это слова ж.р.; так же с числительными *три* и *четыре*), пять (чего?) *столовых ложек*.

Шаг 5. Учащимся предлагаем подумать о том, что еще необходимо для приготовления блюда. За правильные принимаем ответы, связанные с посудой, столовыми приборами и т.п. Вводим категорию «инструменты». Учащиеся в третий раз обращаются к тексту и выделяют (выписывают) все названия инструментов (поисковое чтение). Предъявляем фотографию, сопровождающую первый этап приготовления. Учащимся необходимо ответить на вопрос о том, какая посуда изображена на ней, а какая написана в тексте. Устанавливаем несоответствие: в тексте присутствует слово *кастрюлька*, а на фотографии изображена *тарелка*. Обращаем внимание на то, что *кастрюль**ка*** – уменьш.-ласк. от *кастрюля*, т.е. это кастрюля небольшого размера.

Шаг 6. Вводим категорию «действия». Учащимся нужно вновь обратиться к тексту и последовательно перечислить действия, которые необходимо выполнить. Проанализировав формы глаголов, определяем частотную: 2-е л., мн. ч., повелит. накл., СВ. Даем задание для каждого глагола подобрать видовую пару (определение вида глагола, как и подбор соответствующей видовой пары, – трудная задача для учащихся, поэтому такого рода задания должны быть частыми, объяснение способов образования пар – последовательным), в тексте встречаются как префиксальный, так и суффиксальный способы, а также способ с меной ударения и супплетивный способ. ***С**лепить – лепить* (что?), *налить – нали**ва**ть* (что? во что?), *обкат**а**ть – обкат**ыва**ть* (что? в чем?), *насы́пать – насыпа́ть* (чего? на что?), *положить – класть* (что? в/во/на что?).

Обращаем внимание учащихся на глагольное управление, даем задание подчеркнуть существительные, которые зависят от глагола, подписать для каждого падеж.

Вводим упражнение на включение изолированных лексических единиц (категории «ингредиенты», «инструменты», «действия») в словосочетания. Даем задание составить и записать словосочетания, ставя глагол в повелительном наклонении (2-е л., мн. ч.), существительные – в нужный падеж.

Образец: положить, творог, кастрюлька – *положите (что?) творог, положите (во что?) в кастрюлю*; *положите творог в кастрюльку.*

1. Положить, сырник, сковорода.
2. Размять, творог, ложка.
3. Разбить, яйцо, мука.
4. Налить, вода, кастрюля.
5. Выложить, ингредиенты, стол.
6. Обкатать, творожный шарик, мука.
7. Насыпать, мука, тарелка.

Вводим упражнение на закрепление лексико-грамматических характеристик изученных лексических единиц. Даем задание найти и исправить ошибки, составить словосочетания.

Образец: положить, мука, тарелка – положить/*насыпать (что?) муку (на что?) на тарелку*. Учащиеся выполняют задание с опорой на текст (если в тексте дано «*Насыпьте на тарелку немного муки*», то именно это словосочетание мы используем при составлении упражнения). Однако мы также можем дать дополнительный комментарий: если используется предлог *на*, то тарелка должна быть плоской (для разграничения использования тех же слов с предлогом *в*, если мы насыпаем муку *в* тарелку, это значит, что тарелка глубокая).

1. Положить, молоко, чашка.
2. Разбить, мука, яйцо.
3. Налить, творог, стакан.
4. Выложить, творожные лепешки, кастрюля.
5. Поставить, тарелка, огонь.

Даем задание посмотреть видео и описать каждое действие в форме прошедшего времени. Например, она положила творог ложкой в тарелку; она разбила яйца в творог; она всыпала сахар; она все перемешала и т.д. Выполняя это задание, учащиеся могут пользоваться текстом рецепта.

Обращаем внимание учащихся на то, что категория «мера» свойственна не только категории «ингредиенты», но и категории «действия». Даем задание в этапах 4 и 5 найти указание на меру, относящуюся к действиям (*лепить разом 4–5 шариков*; *обжаривать* (в тексте дана форма повелит. накл. – *обжаривайте*) *сырники 1–2 минуты*).

Шаг 7. Даем задание прочитать текст рецепта целиком, при этом обратить внимание на предложения, содержащие слово/предикатив «можно», союзы «если… то», «иначе» (*разг.* в значении «в противном случае, а то»), наречие «тогда», сравнительную степень «лучше». Эти языковые единицы помогают передать значения разрешения, запрета, регулирования процесса приготовления.

Учащимся нужно определить правильность утверждений.

	Верно	Неверно
Если используете слишком сухой творог, *то* всё будет нормально.		
Добавьте больше муки, *тогда* сырники будут плотнее.		
Лучше сделать много шариков сразу, чтобы было быстрее.		
Можно заменить подсолнечное масло на оливковое.		
Сырники развалятся, *если* используете слишком влажный творог.		
Сырники будут нежнее, *если* не добавлять больше муки.		
Лучше не переворачивать сырники, чтобы была золотистая корочка.		
Обжаривать нужно на среднем огне, *иначе* сырники сгорят (станут чёрными и несъедобными).		

Предлагаем еще несколько заданий на самостоятельное продуцирование предложений, содержащих комментарии процесса приготовления блюда. Все задания выполняются на основе текста рецепта.

1. Придумайте и расскажите пять важных правил приготовления сырников, используйте слова «*можно*», «*лучше*», «*нельзя*».

Образец: *Можно добавить больше муки, чем в рецепте.*

2. Придумайте и запишите пять предложений, отражающих причинно-следственные связи, с союзами «если… то».

Образец: *Если добавить больше муки, то сырники будут более плотными.*

Шаг 8. Задаем учащимся следующие вопросы: 1. Рецепт кажется вам сложным? 2. Хотели бы вы приготовить сырники самостоятельно? Обращаемся к блоку 2, даем задание найти в тексте главный секрет блюда, другие способы приготовления (не на сковороде), ингредиенты для начинки. При обсуждении последнего пункта предлагаем учащимся посмотреть фото готового блюда и найти соответствия, например, фотографии сырников с орехами или фруктами.

Шаг 9. Учащимся необходимо прочитать 5–7 комментариев к рецепту сырников, оставленных другими пользователями сайта, и написать свой комментарий (блок 5): благодарность (*спасибо за рецепт*) или впечатление (*мне понравился рецепт, я хочу приготовить это блюдо*).

Шаг 10. Объясняем домашнее задние. Каждый в случайном порядке получает карточку с названием блюда (борщ, солянка; блины; крабовый салат, оливье, фруктовый салат, винегрет; голубцы; мясной пирог; компот). Нужно найти рецепт блюда, указанного на карточке, и сделать его схематичную запись: выписать необходимые ингредиенты с указанием их количества (ответ на вопрос: «сколько?») и нужные для приготовления инструменты (в этот список могут быть включены и электроприборы), представить все действия глаголами в повелительном наклонении 2-го л. ед. числа, определить падеж существительного при каждом глаголе, если есть, определить меру действия, сколько нужно варить, жарить и т.п.

Шаг 11. Проверка домашнего задания осуществляется следующим способом: перед учащимися оказываются схематичные записи рецептов (учащиеся либо обмениваются ими по желанию, либо вытягивают карточку с названием блюда, либо запись может быть одновременно предъявлена всем), нужно создать текст на их основе, отражающий поэтапное описание процесса приготовления блюда.

Заключение

В тексте кулинарного рецепта выделены четыре основные категории: мера, ингредиенты, инструменты, действия. Образ действия в отдельную категорию не выносится: целесообразно относится к способу осуществления действия, выраженному глаголом и существительным с предлогом или без предлога, как к глагольному управлению (например, *плющить (во что?) в лепёшки*, *резать (чем?) кубиками*).

Наполнение категорий последовательно рассмотрено на лексическом уровне (лексические репрезентанты) и грамматическом (грамматические категории разных частей речи, отражение причинно-следственных связей синтаксическими средствами) с непосредственным выходом на уровень текста через наблюдение над его составляющими (разные блоки информации). Так, из изолированных лексических единиц составляются сначала словосочетания (шаги 2, 4, 6), затем словосочетания включаются в предложения (шаг 7, 9, 10), из предложений составляется связный текст (шаг 11).

На каждом этапе работы происходит сопоставление информации, собственно графически представленная текстовая информация как бы верифицируется, поскольку задействуется не только она, но и изображения (фотографии), и видео, на основе которых осуществляется наглядная семантизация. Такие тексты, содержащие вербальные и невербальные средства, привлекают внимание учащихся, способствуют лучшему запоминанию информации.

Работа с аутентичным текстом также позволяет учащимся проанализировать функционирование изучаемого языка в реальной коммуникативной ситуации, получить социокультурные знания. Тема «Еда» вызывает у учащихся неподдельный интерес, поскольку является витальной, отражает национальную специфику, позволяет приобщиться к повседневной речевой практике.

Разработанная и проиллюстрированная на примере текста с сайта (http://eda.ru/) пошаговая методика работы с кулинарным рецептом прошла успешную апробацию в учебной деятельности с иностранными студентами и доказала свою состоятельность.

Примечания

[1] В оригинальном тексте написано через «а», нами исправлено.
[2] Это один из самых популярных кулинарных сайтов, на сайте отображается более 50 тыс. рецептов.
[3] Сырники из творога // Еда.ру. URL: https://eda.ru/recepty/zavtraki/sirniki-iz-tvoroga-18506
[4] На сайте размещено 179 рецептов данного блюда.

Список источников

1. Френкель Л.М. Об использовании коротких текстов (кулинарных рецептов) на уроках языка иврит // Язык иврит: исследование и преподавание : материалы XIX Междунар. ежегодной конф. по иудаике, Москва, 29–31 января 2012 года / общ. ред.: Ю.Н. Кондракова, Е.Б. Марьянчик. М. : Пробел-2000, 2012. С. 159–173.
2. Добросклонская Т.Г. Медиалингвистика: теория, методы, направления. [б. м.], 2020. 180 с.
3. Кадоло Т.А. Применение аутентичных текстов на занятиях по русскому языку как иностранному (на примере кулинарных рецептов) // Новые горизонты русистики. 2018. № 5. С. 123–129.
4. Ариас А.-М., Иванченко Т.А. Поликодовость как качественная характеристика современной коммуникации и стратегическая составляющая в языковом образовании (на материалах немецкого языка) // Социология и право. 2016. № 3 (33). С. 39–44.
5. Буркова П.П. Кулинарный рецепт как особый тип текста (на материале русского и немецкого языков) : дис. … канд. филол. наук. Ставрополь, 2004. 212 с.
6. Волкова А.Ю. Текст кулинарного рецепта в свете современных теорий текста // Интеллектуальный потенциал XXI века: ступени познания. 2011. № 8. С. 209–212.
7. Ли С., Колода С.А. Национальная кухня Китая как культурный код: лингвокультурные и когнитивные особенности кулинарных рецептов // Ярославский педагогический вестник. 2023. № 2 (131). С. 225–239.
8. Зайцева О.А., Терских М.В. Использование аутентичных текстов на занятиях по русскому языку как иностранному (на примере кулинарных рецептов) // Коммуникативные исследования. 2023. № 3. С. 607–624.
9. Баранова И.В., Харченкова Л.И. Использование текста кулинарного рецепта при обучении немецкому языку студентов-филологов // Преподаватель XXI век. 2018. № 3-1. С. 88–97.
10. Рыбачева Л.В., Вахтель Н.М. Русские народные праздники : пособие по специальности 520300-Филология. Воронеж, 2003. 39 с.
11. Баско Н.В. Знакомимся с русскими традициями и жизнью россиян : учеб. пособие по культурологии, развитию речи и чтению для изучающих русский язык как иностранный. 3-е изд., стереотип. М. : Русский язык. Курсы, 2010. 232 с.
12. Ткач Т.Г., Забровский А.П. Знакомимся с русскими : учеб. пособие по межкультурной коммуникации и культуре речи. М. : Русский язык. Курсы, 2019. 120 с.
13. Эсмантова Т.Л. Русский язык: 5 элементов: уровень А2 (базовый). СПб. : Златоуст, 2009. 328 с.
14. Куцерева-Жаме А.М., Китадзё М. Спасибо! : начальный курс русского языка. 2-е изд., испр. СПб. : Златоуст, 2014. 192 с.
15. Чернышов С.И., Чернышова А.В. Поехали! Русский язык для взрослых. Базовый курс : учебник. Часть 2.1. 10-е изд., испр. и доп. СПб. : Златоуст, 2021. 180 с.
16. Долматова О., Новачац Е. Точка ру В1., Ч. 1. М. : Перо, 2021. 128 с.
17. Мозелова И.В. Новый Сувенир 3. Русский язык для иностранцев. Первый сертификационный уровень (средний уровень) В1 : учебник. М. : Mozi-House, 2022. 184 с.
18. Головко О.В. Вперед! Пособие по русской разговорной речи. М. : Русский язык. Курсы, 2014. 184 с.
19. Черняк В.Д. Рецензия на книги: Словарь русской пищевой метафоры. Т. 1: Блюда и продукты питания; Т. 2: Гастрономическая деятельность // Вопросы лексикографии. 2019. № 16. С. 181–186. doi: 10.17223/22274200/16/12
20. Юрина Е.А. Словарь русской пищевой метафоры. Т. 1: Блюда и продукты питания / А.В. Боровкова, М.В. Грекова, Н.А. Живаго, Е.А. Юрина ; под ред. Е.А. Юриной. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2015. 428 с.

21. Ромазанова У.В. Систематизация языковых знаков глюттонического дискурса на занятиях по русскому языку как иностранному (начальный уровень владения) // Актуальные проблемы лингвистики и литературоведения : сб. материалов X (XXIV) Междунар. науч.-практ. конф. молодых ученых (13–15 апреля 2023 г.). Томск, 2023. С. 300–307.

References

1. Frenkel', L.M. (2012) [On the use of short texts (cooking recipes) in Hebrew language lessons]. *Yazyk ivrit: issledovanie i prepodavanie* [The Hebrew Language: Research and teaching]. Proceedings of the 19th International Conference on Jewish Studies. Moscow. 29–31 January 2012. Moscow: Probel-2000. pp. 159–173. (In Russian).
2. Dobrosklonskaya, T.G. (2020) *Medialingvistika: teoriya, metody, napravleniya* [Media Linguistics: Theory, methods, directions]. [S.l.]: [s.n.].
3. Kadolo, T.A. (2018) Primenenie autentichnykh tekstov na zanyatiyakh po russkomu yazyku kak inostrannomu (na primere kulinarnykh retseptov) [Use of authentic texts in Russian as a foreign language classes (using culinary recipes as an example)]. *Novye gorizonty rusistiki*. 5. pp. 123–129.
4. Arias, A.-M. & Ivanchenko, T.A. (2016) Polikodovost' kak kachestvennaya kharakteristika sovremennoy kommunikatsii i strategicheskaya sostavlyayushchaya v yazykovom obrazovanii (na materialakh nemetskogo yazyka) [Polycode as a qualitative characteristic of modern communication and a strategic component in language education (based on the German language)]. *Sotsiologiya i pravo*. 3 (33). pp. 39–44.
5. Burkova, P.P. (2004) *Kulinarnyy retsept kak osobyy tip teksta (na materiale russkogo i nemetskogo yazykov)* [Culinary recipe as a special type of text (based on the Russian and German languages)]. Philology Cand. Diss. Stavropol.
6. Volkova, A.Yu. (2011) Tekst kulinarnogo retsepta v svete sovremennykh teoriy teksta [The text of the culinary recipe in the light of modern theories of text]. *Intellektual'nyy potentsial XXI veka: stupeni poznaniya*. 8. pp. 209–212.
7. Li, S. & Koloda, S.A. (2023) Natsional'naya kukhnya Kitaya kak kul'turnyy kod: lingvokul'turnye i kognitivnye osobennosti kulinarnykh retseptov [National cuisine of China as a cultural code: linguocultural and cognitive features of culinary recipes]. *Yaroslavskiy pedagogicheskiy vestnik*. 2 (131). pp. 225–239.
8. Zaytseva, O.A. & Terskikh, M.V. (2023) Ispol'zovanie autentichnykh tekstov na zanyatiyakh po russkomu yazyku kak inostrannomu (na primere kulinarnykh retseptov) [Using authentic texts in Russian as a foreign language classes (based on culinary recipes)]. *Kommunikativnye issledovaniya*. 3. pp. 607–624.
9. Baranova, I.V. & Kharchenkova, L.I. (2018) Ispol'zovanie teksta kulinarnogo retsepta pri obuchenii nemetskomu yazyku studentov-filologov [Using the text of a culinary recipe in teaching German to philology students]. *Prepodavatel' XXI vek*. 3–1. pp. 88–97.
10. Rybacheva, L.V. & Vakhtel', N.M. (2003) *Russkie narodnye prazdniki* [Russian Folk Holidays]. Voronezh: Voronezh State University.
11. Basko, N.V. (2010) *Znakomimsya s russkimi traditsiyami i zhizn'yu rossiyan* [Getting to Know Russian Traditions and the Life of Russians]. 3rd ed. Moscow: Russkiy yazyk. Kursy.
12. Tkach, T.G. & Zabrovskiy, A.P. (2019) *Znakomimsya s russkimi* [Getting to Know the Russians]. Moscow: Russkiy yazyk. Kursy.
13. Esmantova, T.L. (2009) *Russkiy yazyk: 5 elementov: uroven' A2 (bazovyy)* [Russian Language: 5 elements: level A2 (basic)]. Saint Petersburg: Zlatoust.
14. Kutsereva-Zhame, A.M. & Kitadze, M. (2014) *Spasibo! Nachal'nyy kurs russkogo yazyka* [Thank You! Basic course of the Russian language]. 2nd ed. Saint Petersburg: Zlatoust.
15. Chernyshov, C.I. & Chernyshova, A.B. (2021) *Poekhali! Russkiy yazyk dlya vzroslykh. Bazovyy kurs* [Let's Go! Russian language for adults. Basic course]. Part 2.1. 10th ed. Saint Petersburg: Zlatoust.
16. Dolmatova, O. & Novachats, E. (2021) *Tochka ru. B1*. Part 1. Moscow: Pero. (In Russian).
17. Mozelova, I.V. (2022) *Novyy Suvenir 3. Russkiy yazyk dlya inostrantsev. Pervyy sertifikatsionnyy uroven' (sredniy uroven') B1* [New Souvenir 3. Russian language for foreigners. First certification level (intermediate level) B1]. Moscow: Mozi-House.
18. Golovko, O.V. (2014) *Vpered! Posobie po russkoy razgovornoy rechi* [Forward! Handbook of Russian colloquial speech]. Moscow: Russkiy yazyk. Kursy.
19. Chernyak, V.D. (2019) Retsenziya na knigi: Slovar' russkoy pishchevoy metafory. T. 1: Blyuda i produkty pitaniya; T. 2: Gastronomicheskaya deyatel'nost' [Book review: Dictionary of Russian Food Metaphor. Vol. 1: Dishes and food products; Vol. 2: Gastronomic activity]. *Voprosy leksikografii*. 16. pp. 181–186. doi: 10.17223/22274200/16/12
20. Yurina, E.A. (2015) *Slovar' russkoy pishchevoy metafory* [Dictionary of Russian Food Metaphor]. Vol. 1. Tomsk: Tomsk State University.
21. Romazanova, U.V. (2023) [Systematization of linguistic signs of gluttonic discourse in Russian as a foreign language classes (beginner level of proficiency)]. *Aktual'nye problemy lingvistiki i literaturovedeniya* [Actual Problems of Linguistics and Literary Studies]. Proceedings of the 10th (24th) International Conference. Tomsk. 13–15 April 2023. Tomsk: Tomsk State University. pp. 300–307. (In Russian).

Информация об авторе:
Ромазанова У.В. – аспирант кафедры русского языка как иностранного Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: ekmzyf1506@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:
U.V. Romazanova, postgraduate student, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: ekmzyf1506@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 13.03.2024;
одобрена после рецензирования 03.06.2024; принята к публикации 30.09.2024.

The article was submitted 13.03.2024;
approved after reviewing 03.06.2024; accepted for publication 30.09.2024.

Научная статья
УДК 378
doi: 10.17223/15617793/506/21

Развитие профессиональных инициатив будущих учителей в Германии и Китае

Михаил Александрович Червонный[1], Ольга Николаевна Игна[2, 3], Юлия Андреевна Кузнецова[4]

[1, 2, 4] Томский государственный педагогический университет, Томск, Россия
[3] Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия
[1] mach@tspu.edu.ru
[2, 3] onigna@tspu.edu.ru
[4] juliakuznecova@inbox.ru

Аннотация. Представлены особенности подготовки учителей в России, Германии и Китае на уровне ее сходств и специфических различий. Обобщены результаты изучения и сопоставления опыта развития инициативности будущих учителей Германии и Китая, поддержки их профессиональных инициатив (образовательной направленности) в процессе вузовской подготовки. Приведены примеры из существующей вузовской практики стимулирования и развития инициативности будущих педагогов, выявленные на сайтах немецких и китайских университетов и колледжей, включая специальные структуры, определяющие развитие инициативной профессионально-педагогической подготовки и содействующие ей.
Ключевые слова: инициативность будущих учителей, развитие профессиональных инициатив, подготовка педагогов в Германии, подготовка педагогов в Китае

Источник финансирования: исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 23-28-00577, https://rscf.ru/project/23-28-00577/

Для цитирования: Червонный М.А., Игна О.Н., Кузнецова Ю.А. Развитие профессиональных инициатив будущих учителей в Германии и Китае // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 506. С. 168–177. doi: 10.17223/15617793/506/21

Original article
doi: 10.17223/15617793/506/21

Development of professional initiatives of future teachers in Germany and China

Mikhail A. Chervonny[1], Olga N. Igna[2, 3], Yulia A. Kuznetsova[4]

[1, 2, 4] Tomsk State Pedagogical University, Tomsk, Russian Federation
[3] National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation
[1] mach@tspu.edu.ru
[2, 3] onigna@tspu.edu.ru
[4] juliakuznecova@inbox.ru

Abstract. The article aims to generalize and compare the similarities and differences in pedagogical education in Russia, Germany and China, to identify modern practices of developing professional initiatives of future teachers in their training at universities in Germany and China. The choice of Germany and China for the study is justified by the fact that these countries are relatively polar in political and geographical aspects, but their education systems, including pedagogical, have always been of significant interest to Russian educators (both theorists and practitioners), and educational contacts between Russia and Germany and China are historically quite long. In addition, recently there has been a mutual scientific interest of German and Chinese scientists in each other's education systems. The research methods are the analysis of domestic and foreign scientific and pedagogical literature, dissertations in Russian, German and English; study of the content of the websites of a number of universities in Germany and China, where pedagogical education is implemented; reflection of authors' own experience of academic cooperation and visits to educational institutions of the above-mentioned countries; generalization of the results of the analysis, conclusions. The study materials included scientific publications (domestic and foreign), dissertations of Russian and Chinese researchers, and the content of the websites of 10 German and Chinese universities. The study compared the features of teacher training in Germany and Russia, China and Russia (their similarities and differences), and identified the reasons for the similarities in this training. Specific examples of elements of proactive teacher training found on the websites of German and Chinese universities were identified and summarized, including their infrastructure, training models that facilitate the development of initiatives of future teachers. The German universities whose websites were studied included the University of Göttingen, Humboldt University of Berlin, Erlangen-Nuremberg University, Heidelberg Pedagogical University, and the University of Duisburg-Essen; the corresponding Chinese universities included Beijing, Hebei, Tsinghua, Zhejiang, and Shanghai. The study identified global trends characteristic of pedagogical education in Russia, Germany, and China; It was established that the similarities between Russian and German

© Червонный М.А., Игна О.Н., Кузнецова Ю.А., 2024

pedagogical education are due to the influence of the Bologna system, while between Russian and Chinese due to convergence on many issues of teacher training, intensification of interaction in the educational sphere, etc. An increased focus on identifying and supporting initiatives in teacher training in both Germany and China was revealed, with a simultaneous focus on systematizing these processes. It was determined that a number of ideas for proactive teacher training presented in German and Chinese universities can be adapted by Russian pedagogical education.
Keywords: initiative of future teachers, development of professional initiatives, teacher training in Germany, teacher training in China

Financial support: The work was supported by the Russian Science Foundation, Project No. 23-28-00577.

For citation: Chervonny, M.A., Igna, O.N. & Kuznetsova, Yu.A. (2024) Development of professional initiatives of future teachers in Germany and China. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 506. pp. 168–177. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/506/21

Введение

Поиск решений для развития экономик, актуальных задач научно-прикладного характера ориентирует систему образования не столько на подготовку специалистов, подготовленных к квалифицированной профессиональной деятельности в разных отраслях хозяйствующих структур, сколько на подготовку людей, способных активно выдвигать идеи, разрабатывать инновационные проекты, синтезировать технологические решения. Следует отметить, что современные технологии в большей степени становятся конвергентными по сути, т.е. обеспечиваются не только комплексом естественно-научных, математических знаний, как правило, базируясь на информационных и цифровых технологиях, но и интегрируют гуманитарные, социальные знания и технологии. Наступает время очередного понимания и признания того факта, что новый синтез науки, конвергентных технологий и образования влечет за собой потребность в генерирующих людях (как это было не раз в истории нашего государства и ряда других ведущих стран). Во «взращивании» таких людей изначально немаловажную роль играют педагоги. При этом они должны быть творческими, активными, владеть технологиями проектирования, обладать способностями и готовностью проявлять инициативу в профессии и одновременно выявлять и развивать такое же проявление у своих учеников.

В данном контексте яркий пример демонстрирует современный Китай, который продолжает создавать высокотехнологичную экономику и новое знание, для чего требуется молодежь, обладающая новаторским мышлением [1. С. 114]. В результате понимания возникшей ситуации китайское руководство принимает решение перехода от обучения, нацеленного на подготовку к экзаменам, к вариантам развивающего обучения, ориентированного на повышение ресурса инновационного мышления. Такая трансформация возможна только при условиях, когда к ней готов учитель, разработано соответствующее учебно-методическое и программное сопровождение, обеспечивается соответствующий уровень профессиональных и культурных компетенций выпускников педагогических направлений подготовки и специальностей [1. С. 114].

Изучение опыта трансформации образовательного процесса взращивания педагогических кадров на примере стран, строящих экономику на знаниях, становится важной задачей современных педагогических исследований. Обнаруживаемая переориентация подготовки студентов с задач успешного выполнения аттестационных испытаний как устоявшейся приоритетной самоцели на развитие их инновационного мышления, генерацию творческих инициатив представляет собой исключительно важную сравнительную исследовательскую работу. В этом смысле полезно рассмотреть системы педагогического образования в относительно полярных в политическом и географическом аспектах государствах. В данном исследовании представлен сравнительный анализ образовательных практик Германии и Китая по применению университетами, занимающимися подготовкой педагогов, опыта развития инициативности учителей-предметников, рассмотрены примеры инфраструктурных образований и проектов, обеспечивающих включение студентов в инициативы или их культивирование в среде вуза.

Выбор обоснован тем, что указанные страны представляют собой разные типы экономик, но при этом являются не только крупнейшими пользователями различных технологий, но и их производителями. Сравнительные педагогические исследования, касающиеся как подготовки, так и профессиональной деятельности учителей в Германии и Китае, уже предпринимались представителями названных стран (в том числе в соавторстве этих представителей), что свидетельствует об обоюдном кросскультурном и научно-практическом интересе международного уровня. Среди прочих стоит назвать труды, связанные с отношением учителей дошкольных учреждений двух стран к инклюзивности [2], с конкретными проблемами и событиями в сфере педагогического образования в образовательных системах названных стран [3], с философскими смыслами и традициями педагогической подготовки [4], сравнением систем повышения квалификации педагогов [5].

Однако теория и практика развития инициативности в процессе профессионального образования будущих учителей в обозначенных странах ранее не становились предметом специального изучения.

Материалы и методы

Основными методами исследования выступили анализ отечественной и зарубежной литературы на русском, немецком и английском языках и отечествен-

ных диссертаций, изучение контента сайтов педагогических вузов Германии и Китая, рефлексия собственного опыта академического сотрудничества и посещения образовательных учреждений названных стран, обобщение результатов анализа, выводов.

Основу исследования специфики педагогического образования в Германии и места в нем профессионально-педагогических инициатив составили научные труды и российских (И.Б. Акиншина с соавт. [6–8], Д.П. Ананин [9], Б.А. Бурняшов [10], М.Н. Исаева [11], Е.А. Канзюба [12] и др.), и зарубежных исследователей (S. Blömeke [13], K.S. Cortina [14], H.-G. Kotthoff [15], A. Óhidy [16] и др.). Основу изучения литературы соответствующей проблематики применительно к педагогическому образованию Китая представили научные труды российских (О.А. Машкина [1, 17], Д.Д. Трифонова [18, 19] и др.) и китайских исследователей (Лю Пэнфэй [20], Цзяу Чжу [21], Wang Jian [22] и др.). В ряду авторов проанализированных диссертаций по педагогике – ученые из России (И.Б. Акиншина [23], О.В. Мартынова [24], В.С. Пусвацет [25]) и Китая (Ханьчэн Мэй [26], Сяоянь Цзян [27], Цзюнь Цзян [28]).

Контент сайтов немецких и китайских университетов, осуществляющих подготовку педагогов, подлежал анализу на предмет представленности в них структур и проектов, работающих с инициативами будущих педагогов, привлекающих студентов в социальные, образовательные и другие проекты. В числе немецких университетов – университет Гёттингена, Берлинский университет имени Гумбольдта, университет Эрланген–Нюрнберга, Гейдельбергский педагогический университет, университет Дуйсбург-Эссена; в числе китайских университетов, занимающихся подготовкой педагогов, – Пекинский, Хэбэйский, Цинхуаский, Чжэцзьянский и Шанхайский.

Результаты

Предваряя результаты исследования практик университетов Германии и Китая в развитии профессиональных инициатив будущих учителей, логичным представляется кратко охарактеризовать основные сходства и различия в подготовке учителей в названных странах по сравнению с Россией.

Сходства и различия в подготовке учителей в Германии и России. Современная подготовка учителей в Германии характеризуется наличием сходств и различий по сравнению с подготовкой в России. В обеих странах прослеживаются общемировые тенденции развития образования (непрерывность, этапность, гуманизация, открытость, цифровизация и др.), а педагогическое образование находится под ведомством государства и контролируется соответствующими органами.

Общее просматривается в следующем:

– близкие ценностно-смысловые основы и принципы подготовки: направленность на будущую деятельность педагога, развивающего способности каждого ребенка, педагога открытого, терпимого к обучающимся, стремящегося и к передаче знаний, самокритичного и постоянно повышающего свою квалификацию;

– многоуровневость подготовки;

– разнообразие направлений подготовки;

– усиление значимости дисциплин психолого-педагогической направленности;

– наличие вариативной и инвариантной частей в учебных планах;

– наличие сходных компонентов содержания программ подготовки;

– богатые традиции педагогического образования;

– усиление практической направленности педагогического образования.

В текущем веке сходства были предопределены введением Болонской системы.

Что касается отличительных особенностей подготовки педагогов в Германии, то она реализуется только в системе высшего образования. Если в Германии можно стать учителем лишь при условии прохождения обучения по направлению педагогического образования, то в России это лишь одно из условий, возможностей «войти в профессию» [10]. Получить педагогическое образование в Германии можно в разных типах учебных заведений, большая часть из которых представлена университетами, включившими некогда в свои структуры педагогические институты, которые сегодня имеют статус педагогических факультетов. Соответствующие образовательные программы обнаруживаются в технических, педагогических университетах, в высших художественных и музыкальных образовательных учреждениях. Федеральные земли имеют свои стандарты подготовки учителей. Сроки обучения по образовательным программам определяются федеральными землями, университетами и являются одними из самых продолжительных в Европе (5–7 лет). Системы подготовки учителей для разных уровней школьного образования разнятся, в том числе по количеству семестров. Будущий учитель может выбрать любую комбинацию предметов (2–3 предмета), не всегда они входят в одну предметную область. Как правило, студент выбирает один «приоритетный» для него учебный предмет из ряда других как основной (например, математику) и один из «неосновной», «легкий» (например, этику). Нередко такая комбинация включает «английский язык» и «историю» [10. С. 58]. Будущий педагог должен определиться до начала обучения, какие конкретно предметы ему бы хотелось преподавать, поскольку не каждый университет может предложить их желаемую комбинацию. Программы подготовки педагогов в Германии включают более продолжительную по учебному времени вариативную часть, чем в России. Больше и объем педагогических практик. Разнообразнее подготовка учителей профессиональных дисциплин и учителей-дефектологов.

В Германии готовят учителей для конкретных типов школ. В педагогическом образовании страны находит отражение уровневая структура системы среднего образования. Программы педагогического образования здесь обнаруживают различия в соответствии с типом школы. Для престижных образовательных учреждений (например, для гимназии академического профиля) реализуется достаточно «жесткая» программа подготовки учителей, с бóльшим акцентом на содержание учебного материала. Для менее престижных типов образовательных учреждений программы аналогичны,

но менее содержательны. Программа подготовки педагогов предусматривает два этапа: прежде всего, академический, реализуемый на базе университета в течение 3–5 лет, и последующий этап повышения квалификации, проводимый административным органом образования федеральной земли [14]. Повышение квалификации стоит рассматривать как вторую ступень подготовки к преподавательской деятельности, референдариат, ориентированный на практическое овладение выпускником вуза учительским мастерством [10. С. 59].

Сходства и различия в подготовке учителей в России Китае. В педагогическом образовании данных стран в последние три десятилетия в большей степени прослеживались (учитывались) общемировые тенденции развития образования, например: децентрализация и демократизация, интеграция учреждений и образовательных систем, открытость, вариативность, гуманизация, цифровизация, доступность, непрерывность, опережающее обучение, взаимодействие рынка труда и образовательных услуг [27. С. 9; 28. С. 13–14]. С 1990-х гг. в Китае в системе высшего образования начинает осуществляться слияние университетов, которое позволило осуществить значительные трансформации в системе управления высшим образованием, оптимизировать и эффективно расставить педагогические ресурсы, улучшить качество преподавания и уровень образовательного процесса [20. С. 26]. В то же время начинает действовать политика по организации международных двусторонних и многосторонних обменов студентов. Просматривается перспектива развития и повышения качества системы высшего образования в Китае, направленность его реформирования на гармонизацию фундаментального и практического аспектов обучения, расширение комплекса и возможностей форм обучения, активизацию дистанционного образования, интеграцию экономики, науки и образования [20. С. 30]. При этом в стране сохраняется профильная направленность деятельности педагогических университетов, в том числе в подготовке учителей для городских и сельских условий.

Сравнение образовательных реформ, проводимых с начала 2000-х гг. в Китае, с реформами других развитых стран, в том числе России, позволило выделить ряд общих характеристик и тенденций преобразования процесса подготовки учителя: увеличение количества и разнообразия программ их подготовки и повышения квалификации, форм, способов, средств реализации таких программ; рост требований к профессиональной компетенции педагога; «университезация» педагогического образования, т.е. в большей степени оно осуществляется на базе университетов [26. С. 5]. Наряду с наличием общих направлений изменений, в последнее десятилетие исследователи образовательных систем России и Китая фиксируют их активное сближение по многим вопросам. В результате в данных странах начался поиск общей концепции взаимодействия в образовательной сфере [18. С. 130]. Схожими процессами для двух стран в педагогическом образовании стали: многоканальность в подготовке учителей, т.е. подготовка осуществляется как в профильных вузах, так и в классических университетах [1. С. 115; 20. С. 26]; увеличение программ и учреждений вузовской подготовки при сокращении программ и самих учреждений педагогических колледжей [1. С. 115]; практикоориентированность педагогической подготовки [17, 28].

Уклон в сторону практической направленности обучения остается одним из основных направлений изменения профессионального образования как в Китае, так и в России.

Развитие профессиональных инициатив будущих учителей в Германии. На сегодняшний день в российской педагогической науке опубликован ряд работ по самостоятельности, самоуправлению, инициативным группам студентов в Германии в целом, где отдельно следует отметить труды И.Б. Акиншиной, опубликованных лично [6, 23] и в соавторстве [7, 8]), а также работу Д.С. Косицыной [29].

Исследователи утверждают, что студенческие инициативные группы (ассоциации, корпорации) Германии берут начало в XIX в. (они назывались Буршеншафты (Burschenschaften) и выступали скорее братствами). Данные объединения отличались максимализмом, патриотизмом, романтизмом, следованием рыцарским и христианским традициям. Сегодня деятельность таких групп существенно возросла [8]. Подчеркнем, что университеты Германии исторически выступали для России основным образцом организации активного студенчества даже до становления университетской системы в нашей стране [29].

Что касается развития инициативности студентов в педагогическом образовании Германии, то говорить о четко выстроенной системе выявления и поддержки студенческих инициатив трудно, но анализ материалов сайтов отдельных университетов позволяет отметить разнообразие и разноплановость таких инициатив. Так, на сайте университета Гёттингена из пятнадцати студенческих объединений и групп образовательного характера одна – ***Союз образования и науки.*** Это – *«сильная команда, состоящая из почти 280 тысяч человек, работающих в образовательных и научных профессиях: в школах, детских садах, университетах и других образовательных учреждениях. Студенты и безработные преподаватели также являются равноправными членами GEW. Как профсоюз работников образования в составе Федерации профсоюзов Германии, мы отстаиваем свои интересы. Вместе мы создаем хорошие условия труда, боремся за справедливую заработную плату, постоянные трудовые договоры и обеспечиваем рабочие места в сфере образования*» (https://www.gew.de/). Основная цель деятельности Союза – актуализация вопросов образования и воспитания.

На сайте Берлинского университета имени Гумбольдта существует ***Портал для первокурсников и студентов с информацией о студенческих инициативах, кафе и проектах***, где расположена следующая информация: «*В университете много чего происходит. Многочисленные инициативы и проекты, организованные студентами для студентов, приглашают вас принять участие и задержаться. Вот разнообразное предложение. Список инициатив и проектов, признанных StuPa, можно найти на веб-сайте RefRat в разделе "Проекты"*» (https://vertretungen.huberlin.de/de/stupa/refrat/ersties/inis).

На данном портале был выявлен ряд интересных инициатив, примеры которых в переводном варианте приведены ниже:

Детский магазин «Гумбольды» (Kinderladen "Die Humbolde"): «*Детский магазин Die Humbolde расположен на улице Монбижу, стр. 3 и предназначен для дополнительного ухода за 15 детьми в возрасте одного года до тех пор, пока они не пойдут в школу*».

Офис устойчивого развития (Nachhaltigkeitsbüro): «*Офис устойчивого развития студентов инициирует и координирует инновации в области преподавания, исследований, управления и коммуникации. Он работает как связующее звено между студентами, преподавателями и администрацией университета и берет на себя задачи коммуникации, посредничества и консультирования*».

Учебные пособия по проектам (Projekttutorien): «*Учебные пособия по проектам (HU) – это курсы, организуемые студентами, с содержанием которых можно работать самостоятельно, с научной и практической точки зрения. В этом контексте студенты имеют возможность привнести свои собственные идеи и инициативы в области преподавания и исследований*».

Группа детского рабочего колледжа (Arbeiterkind-Hochschulgruppe): «*Мы специально поддерживаем студентов из семей, в которых никто или почти никто никогда раньше не учился, по вопросам, специфичным для университета, в том числе: финансирование учебы (Bafög, стипендии), планирование и организация учебы, семестры за границей, стажировки, студенческая работа и академическая работа. Для этой цели мы предлагаем регулярные консультации*».

На сайте студенческого представительства университета Эрланген–Нюрнберг есть страничка ***«Инициативы и инициативные группы»*** (https://stuve.fau.de/de/gruppen/), где ***студенческая группа Баварской ассоциации учителей*** (Bayerischer Lehrer- & Lehrerinnenverband (BLLV) разместила следующее объявление: «*Мы, студенческая группа BLLV Эрланген-Нюрнберг, являемся частью крупнейшей ассоциации учителей Баварии. В настоящее время наша группа состоит из 20 учителей-студентов из всех типов школ. Мы представляем интересы студентов-педагогов в политике и выступаем за лучшую подготовку всех учителей в Баварии. Сюда входят требования по улучшению результатов первого государственного экзамена и большей практической значимости в ходе обучения (например, в рамках семестра стажировки). Вы важны для нас! Вот почему мы предлагаем мероприятия на месте, чтобы познакомиться с другими студентами педагогической подготовки (например, викторины в пабе, митинг в зоопарке), и практические курсы повышения квалификации (например, как разговаривать с родителями, как создавать картинки на доске).*

Также проводятся информационные мероприятия по сдаче 1 государственного экзамена и переходу на стажировку. Будучи членом BLLV, вы также получаете доступ ко всем экзаменам, курсам подготовки к экзаменам со скидкой и можете получить опыт преподавания за границей с BLLV. На выходных в нашей команде вы можете пообщаться с многочисленными студентами педагогического факультета и преподавателями со всей Баварии и построить ценные контакты для своего будущего. Если у вас есть какие-либо вопросы по поводу учебы, вы, конечно, можете связаться с нами в любое время. Мы с нетерпением ждем встречи с вами на одном из наших мероприятий!».

Гейдельбергская педагогическая школа (https://hse-heidelberg.de/) – межуниверситетское научное учреждение университета и Гейдельбергского педагогического университета. Школа объединяет всех, кто участвует в подготовке учителей, – молодых ученых, а также вузовских преподавателей, учителей, студентов и ставит своей задачей расширение научного и профессионального аспектов педагогического образования в Гейдельберге. На сайте названного университета расположен перечень студенческих групп и поддерживаемых инициатив (https://www.stura.uni-heidelberg.de), например, ***Учеба встречает студента (Studi meets Schüler*in)***, предлагающая две студенческие инициативы, каждая из которых направлена на поддержку студентов на добровольной основе:

Зажигай своей жизнью (Rock your life) – «*это студенческая инициатива, которая выступает за равные возможности и справедливость в сфере образования на местном уровне в Гейдельберге. Вы обеспечиваете индивидуальное наставничество между студентами и учениками. В конце ноября появляется новая группа наставников, и, к сожалению, наставников (т.е. студентов) для студентов пока не хватает. Возможно, вы все равно захотите присоединиться сейчас или в следующий раз!*».

Студенты образовывают учеников (Studenten bilden Schüler): «*организуют добровольное репетиторство и поддерживают давнее сотрудничество с такими социальными партнерами, как <...>. Они также обрабатывают частные запросы. Они поддерживают своих наставников вопросами и постановкой проблем. Регулярные встречи на местах одновременно являются форумом для обмена между участвующими студентами и творческим пулом идей*».

В ряду инициатив университета Дуйсбург–Эссен (https://www.uni-due.de/initiativen/) выделяется инициатива ***Ребенок рабочих*** (ArbeiterKind.de/WorkerKind.de), задача которой – побудить студентов из неакадемических семей учиться в университете или техническом колледже: «*Многопрофильная команда предлагает индивидуальные консультации в виде наставничества, поддержки на пути к учебе и за ее пределами, консультации по стипендиям, рекомендации при выборе курса обучения, налаживание связей и информационные мероприятия в школах.*

<...> Многие люди отказываются от учебы, потому что боятся финансового бремени, которое это повлечет за собой. Однако молодым людям часто не хватает информации или смелости, чтобы начать академическую карьеру. WorkerKind.de хотел бы устранить эти проблемы и предотвратить страхи».

Развитие профессиональных инициатив будущих учителей в Китае. Особое значение в Китае придается волонтерской деятельности педагогической направленности, реализуемой будущими учителями,

особенно в сельских регионах. Начинающие учителя получают наставничество по конкретным предметам и проводят публичные (открытые) уроки, которые далее анализируют вместе с квалифицированными учителями, исследователями и представителями администрации образовательного учреждения [22; 30]. Необходимо, чтобы выпускники педагогических образовательных учреждений были качественно подготовлены к реалиям и запросам современного мирового образовательного пространства и обладали прочными навыками прогнозирования и успешного построения своей профессиональной карьеры. Реализуемая сегодня модернизация образовательных программ способствует повышению качества подготовки будущих учителей, позволяет более эффективно адаптировать образовательный процесс к современным требованиям и потребностям обучающихся. Так, среди студентов возникает спрос на возможности индивидуализации образования, проявление субъектности, активности и самостоятельности в образовательном процессе [21]. Для будущих педагогов предложение на такой запрос позволяет развивать учителей, выступающих разработчиками собственных инициатив, транслировать с их помощью культуру инициативной деятельности обучающимся школ [1]. Однако в целом в педагогическом образовании Китая отсутствует четко выстроенная система выявления и поддержки студенческих педагогических инициатив, при этом все же анализ имеющихся исследований и материалов с сайтов отдельных университетов, осуществляющих подготовку педагогов, позволяет говорить о некотором разнообразии и разноплановости моделей, включая инфраструктуру, по подготовке учителя на основе инициативной деятельности, в том числе описание некоторых разработок, полученных в ходе такой деятельности. Приведем примеры.

Пекинский университет (https://jwb.bnu.edu.cn/) – один из самых известных и ключевых вузов КНР по подготовке педагогических кадров. Здесь инициативы представлены по различным областям: начиная с социальных инициатив, которые проявляются в рамках работы структурных подразделений, где студенты могут проявить свою активность, продолжая работу в различных научных лабораториях, в которые интегрируются будущие педагоги, заканчивая проведением различных конкурсов для будущих педагогов. На сайте Пекинского университета обозначен ***студенческий центр***, задачи которого предусматривают помощь обучающимся в проектировании индивидуальной карьеры, в выборе ими приоритетных дисциплин, беседы с будущими педагогами (в индивидуальном и групповом формате), организационную работу с преподавателями в целях профессиональной поддержки студентов. Деятельность центра направлена на обеспечение студентов необходимыми знаниями и навыками для успешного прохождения образовательного процесса и последующего трудоустройства [21. С. 7].

Шанхайский педагогический университет (www.shnu.edu.cn/). Шанхайская ***экспериментальная школа*** на базе данного университета является подразделением, находящимся в ведении Шанхайской муниципальной комиссии по образованию.

Это – экспериментальная модельная школа муниципального уровня, которая объединяет образование, преподавание, научные исследования и экспериментальные задачи. Она располагает несколькими отлично оснащенными лабораториями и научно-исследовательскими базами. Если рассматривать специфику педагогического образования, то в настоящее время существует Центр педагогического образования ЮНЕСКО.

Хэбэйский педагогический университет (https://www.hebtu.edu.cn/). Здесь создана полноценная и комплексная система подготовки учителей, охватывающая дошкольное, базовое, высшее, профессиональное, этническое и специальное образование с «равным упором на шесть видов образования». Осуществляются ***углубленные учебные проекты по поддержке стажировок***, чтобы эффективно способствовать развитию базового образования в сельской местности и возрождению сельских районов. Данный вуз выступает базой подготовки педагогов с широким охватом уровней образования; ведущим центром образовательной и исследовательской сети Хэбэй. Большое внимание здесь уделяется ***проектам*** с применением искусственного интеллекта («искусственный интеллект для создания команды учителей», «5G + умное образование» и др.), ***разработкам*** строительных проектов, которые способствуют повышению качества педагогического образования в провинции.

Развитие непедагогических специальностей в ответ на социальные потребности региона сформировало новую модель подготовки талантов, в которой развитие студентов педагогических и непедагогических специальностей осуществляется вместе. Также особенностью данного университета является наличие в его структуре экспериментальной школы, на базе которой будущие педагоги могут пройти различные профессиональные пробы или поучаствовать в педагогических конкурсах и организации различных культурно-массовых мероприятий. Подход Хэбэйского университета по развитию разработок для образования при подготовке педагогических кадров согласуется с политикой подготовки в крупных университетах педагогов-исследователей.

Цинхуаский педагогический университет. На его официальном сайте представлено содержание работы ***Центра развития карьеры студентов***, который функционирует по ряду направлений, где первостепенными являются: создание фонда для сопровождения индивидуальных планов развития будущих педагогов, индивидуальных групп соответствующего сопровождения и необходимой поддержки («один на один»); разработка индивидуализированных программ, способствующих активному совершенствованию профессиональных навыков и развитию компетенций студентов [21].

Чжэцзянский педагогический университет. На его базе функционирует ***Студенческий офис***, который представляет собой ключевую структуру, направленную на обеспечение поддержки и помощи студентам в решении профессиональных проблем и достижении успеха в учебной деятельности. Основными задачами

данного офиса являются: оказание индивидуального сопровождения для студентов, создание специальных программ для развития и повышения когнитивных способностей обучающихся, а также разработка индивидуальных учебных планов. Для реализации поставленных задач студенческий офис проводит следующие формы работы:

– формирование группы опытных преподавателей, которые оказывают профессиональную поддержку студентам;

– сопровождение студенческих инициатив и проектов;

– способствование активному участию студентов в жизни университета и развитию их лидерских качеств [21. С. 8].

Таким образом, деятельность студенческого офиса направлена на обеспечение качественной поддержки студенческих инициатив.

Ряд образовательных моделей и методов, известных для образовательных систем ряда стран и являющихся традиционными или инновационными, применяются китайскими исследователями при некоторой степени доработки для развития инициативности будущих педагогов.

Модель PAD-класс. В практике обучения китайских студентов используются различные методы педагогического сопровождения инициатив, среди которых есть инновационная модель преподавания PAD – класс. В ее рамках педагоги-практики расширяют субъект-субъектное взаимодействие, при этом базовый образовательный процесс реализуется в три фазы: presentation, assimilation, discussion (PAD) [31]. В группе, работающей по модели PAD, преподаватель половину времени отводит лекциям, а другую половину предоставляет студентам для интерактивного обучения через дискуссии. Происходит чередование лекций с дискуссиями, на которых применяется индивидуальный подход к студентам, стимулирующий их самостоятельную работу. Основной этап интерактивных занятиях строится на практике групповых обсуждений с целью развития навыков речи, организации коммуникаций, поощрения активного мышления, критического мышления и самовыражения каждого студента. Во время всего процесса обучения преподаватель уделяет внимание стимулированию интереса и мотивации студентов, например, благодаря полезному контенту, практическим занятиям, проектам и т.д. Студенты попадают в ситуацию успеха, осознают свои достижения, что позволяет им более активно участвовать в образовательном процессе. Подчеркивается, что использование модели PAD-класс для повышения инициативы студентов в учебном процессе требует от преподавателей усилий в подготовке, оформлении аудитории и повышении мотивации студентов. Благодаря разумному распределению труда и активному взаимодействию данная модель эффективно способствует планомерной организации индивидуального обучения, развитию глубокого мышления студентов, повышению эффективности преподавания и формированию инициативности у студентов.

Модель субъект-субъектного взаимодействия преподавателей и студентов. Применение и развитие такого взаимодействия может выступать эффективным способом повышения мотивации студенческой инициативности. Субъект-субъектное взаимодействие – это образовательный метод взаимного общения, обсуждения и сотрудничества между преподавателями и студентами, а также между студентами в процессе обучения. В образовательных условиях субъект-субъектное взаимодействие помогает стимулировать интерес студентов к обучению, повышать инициативность и креативность студентов, воспитывать у них умения работать в команде, что способствует повышению качества преподавания [32]. Авторы провели анализ факторов, влияющих на эффективность занятий студентов колледжа: атмосфера в аудитории, методы преподавания, способность студентов к самостоятельному обучению, взаимодействие преподавателя и студента. Отмечается, что эффективность обучения часто выше в аудиториях с активным взаимодействием, интересными методами преподавания и частым контактом преподавателя и студентов. Кроме того, способности студентов к самостоятельному обучению также является ключевым фактором, влияющим на эффективность обучаемости класса.

Модель смешанного обучения. Данную модель применяют в целях стимулирования студенческой инициативности в рамках обучении русскому языку как иностранному [33]. Преподаватель-исследователь отмечает, что в последние годы в Китае приняты на вооружение различные методы для обеспечения и повышения уровня инициативности студентов вузов: в программе обучения увеличена доля времени на практические занятия, уделено большое внимание на образование в области инноваций, развитие у студентов способности и навыков практической деятельности. Для развития практических навыков по обучению китайских студентов русскому языку обращают внимание на важность реализации практических курсов, организацию самостоятельного обучения. Также отмечается, что большинство студентов вуза при возникновении проблем в обучении обращаются к поиску материалов в интернет и их использованию. Для преподавателя становится важным применять такие инициативы студентов для повышения эффективности обучения [33].

Таким образом, в педагогическом образовании Китая существует несколько моделей по развитию инициативности студентов, которые оказывают значительное влияние на обучающихся. Важную роль играет модель наставничества, где опытные преподаватели или старшие студенты помогают молодым обучающимся развивать свои навыки, направляют на путь самообучения и самосовершенствования, организуют педагогическое сопровождение, способствуют развитию профессиональной инициативности у будущих учителей. Такой подход способствует передаче опыта и знаний от более опытных к новым поколениям и обогащению обучающихся. В целом эти модели по развитию инициативности студентов в педагогическом образовании в Китае способствуют формированию ком-

петентностей, необходимых для успешной профессиональной деятельности, личностного развития и активной педагогической позиции.

Выводы

В педагогическом образовании России, Германии и Китая достаточно четко прослеживаются мировые тенденции развития образования в целом (массовость, цифровизация, гуманитаризация, технологизация, инклюзия, стандартазация и др.).

Педагогическое образование Германии и Китая характеризуется сходствами с данным образованием в России. В XXI в. сходства российского и немецкого педагогического образования в большинстве своем обусловлены влиянием Болонской системы, российского и китайского – сближением по многим вопросам подготовки учителей, активизацией взаимодействия в образовательной сфере, амбициозным стремлением обеих стран к лидированию в мировых рейтингах в названной сфере, где в последнее время особенно преуспевает Китай. Особенности педагогического образования в каждой из трех названных стран закономерно определяются их государственной политикой.

Как в Германии, так и в Китае обнаруживается мировой тренд в виде запроса (развитие закономерности) на инновационную подготовку учителя. Очевидно усиление направленности на выявление, генерацию и поддержку инициатив в подготовке будущих учителей, на разнообразие и обогащение форм таких инициатив, на вовлечение студентов в инициативную деятельность разноплановогo характера. В большей степени это проявляется в университетах Германии. Общее в развитии профессиональных инициатив будущих учителей и в Германии, и в Китае – попытки создавать структурные подразделения (центры, офисы и т.д.) для упорядочения и систематизации соответствующего развития. Это характерно и для российских вузов.

Инициативные модели в университетах Германии и Китая выступают, с одной стороны, предметом исследования и инновационной образовательной практики, с другой – становятся важнейшим инструментом культивирования профессиональных инициатив будущих педагогов, востребованных системами высшего педагогического образования в обеих странах.

Немало инициативных идей, выявленных в немецких и китайских университетах, занимающихся подготовкой учителей, могут быть адаптированы к практике российского педагогического образования.

Список источников

1. Машкина О.А. Формирование новой модели подготовки учителей в современном Китае // Вестник Московского университета. Серия 20. Педагогическое образование. 2013. № 3. С. 108–123.
2. Tan R., Lichtblau M., Wehmeier C., Werning R. Preschool teachers' attitudes towards inclusion: a comparison study between China and Germany // European Journal of Special Needs Education. 2021. № 37 (6). P. 994–1008. doi: 10.1080/08856257.2021.1997480
3. Ehmke T., Lee J. C.-K. Teacher education in China and Germany: Conclusions and research outlook // J.C.-K. Lee, T. Ehmke (Eds.). Quality in teacher education and professional development: Chinese and German perspectives. Abingdon, Oxon : Routledge, 2022. P. 268–273.
4. Yang X., Kaiser G., König J., Blömeke S. Professional Noticing of Mathematics Teachers: a Comparative Study Between Germany and China // International Journal of Science and Mathematics Education. 2019. № 17. P. 943–963. doi: 10.1007/s10763-018-9907-x
5. Zhang Y., Hao C. Comparative Study of In-service Teacher Education between China and Germany // Educational Process: International Journal. 2016. № 5 (3). P. 212–222. doi: 10.12973/edupij.2016.53.3
6. Акиншина И.Б. Студенческое самоуправление как элемент вузовской образовательной политики (на материалах немецкого студенческого самоуправления в Германии) // Вопросы журналистики, педагогики, языкознания. 2010. № 24 (85), вып. 8. С. 190–194.
7. Акиншина И.Б., Исаев И.Ф. Студенческое самоуправление в вузах Германии: традиции, опыт, модели. Белгород : Белгород ; БелГУ, 2014. 176 с.
8. Акиншина И.Б., Моисеенко О.А. Студенческие объединения и инициативные группы в вузах Германии // Современные наукоемкие технологии. 2019. № 8. С. 94–99. URL: https://top-technologies.ru/ru/article/view?id=37637 (дата обращения: 01.12.2023).
9. Ананин Д.П. Особенности традиционной и современной моделей подготовки учителей в Федеративной Республике Германия // Образование и наука. 2010. № 1 (69). С. 85–93.
10. Бурняшов Б.А. Подготовка будущего педагога для общего образования в России и Германии // Научный вестник Южного института менеджмента. 2015. № 4. С. 56–61.
11. Исаева М.Н. Развитие высшего педагогического образования Германии в XX веке // Вестник ТГГПУ. 2011. № 4 (26). С. 334–340.
12. Канзюба Е.А. Подготовка педагогических кадров в Германии в фокусе Болонского процесса // Молодой ученый. 2016. № 27 (131). С. 673–675.
13. Blömeke S. Lehrerausbildung in Deutschland // Päd Forum. 2009. № 1. S. 5–8.
14. Cortina K.S., Thames M.H. Teacher Education in Germany // Cognitive Activation in the Mathematics Classroom and Professional Competence of Teachers. Mathematics Teacher Education / M. Kunter, J. Baumert, W. Blum, U. Klusmann, S. Krauss, M. Neubrand (eds). 2013. Vol. 8. Springer, Boston, MA. doi: 10.1007/978-1-4614-5149-5_3
15. Kotthoff H.-G., Terhart E. Teacher Education in Germany: Traditional Structure, Strengths and Weaknesses, Current Reforms // Scuola democratica, Learning for Democracy. 2013. Fascicolo 3. P. 1–11. doi: 10.12828/75802
16. Ohidy A., Terhart E., Zsolnai J. Lehrerbild und Lehrerbildung Praxis und Perspektiven der Lehrerausbildung in Deutschland und Ungarn. Wiesbaden : VS Verlag für Sozialwissenschaften, 2007. 344 s.
17. Машкина О.А., Аринушкина А.А., Ли Яньхуэй. Концепция и практика организации трудового воспитания в Китае // Вестник Московского университета. Серия 20. Педагогическое образование. 2023. № 3. С. 101–117. doi: 10.55959/MSU2073-2635-2023-21-3-101-117
18. Трифонова Д.Д. Взаимодействие России и Китая в области образования // Китай: история и современность : материалы XI междунар. науч.-практ. конф. (18–20 октября 2017 г.). Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2018. С. 124–131.
19. Трифонова Д.Д., Лицарева Е.Ю. Интернационализация высшего образования в Китае // Вестник Томского государственного университета. История. 2022. № 80. С. 140–144. doi: 10.17223/19988613/80/16
20. Лю Пэнфэй, Красова Е.В. Современные тенденции развития китайской системы образования // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. 2012. № 1 (14). С. 22–33.
21. Чжу Цзяу. Модель индивидуализации в российских и китайских вузах // Мир науки. Педагогика и психология. 2019. Т. 7, № 2. URL: https://mir-nauki.com/PDF/10PDMN219.pdf (дата обращения: 08.06.2024).
22. Wang Jian, Paine Lynn W. Learning to teach with mandated curriculum and public examination of teaching as contexts // Teaching and Teacher Education. 2003. Vol. 19, Is. 1. P. 75–94. doi: 10.1016/S0742-051X(02)00087-2

23. Акиншина И.Б. Особенности развития студенческого самоуправления в вузах Германии : дис. ... канд. пед. наук. Белгород, 2012. 199 с.
24. Мартынова О.В. Подготовка учителей в Германии в условиях создания европейского пространства высшего образования : автореф. дис. ... канд. пед. наук. Пенза, 2006. 25 с.
25. Пусвацет В.С. Сравнительный анализ подготовки педагогических кадров в Германии и России : автореф. дис. ... канд. пед. наук. СПб., 2007. 22 с.
26. Мэй Ханьчэн. Реформа педагогического образования в Китае и в России : автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 2005. 22 с.
27. Цзян Сяоянь. Основные тенденции модернизации систем профессионального образования в Китае и России (сравнительный анализ) : автореф. дис. ... канд. пед. наук. Казань, 2009. 19 с.
28. Цзян Цзюнь. Тенденции развития общего образования в Китае и России в условиях современных реформ : автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 2007. 17 с.
29. Косицына Д.С. Сравнительный анализ студенческих организаций Германии и России в XVIII–XX вв. // Образовательный процесс. 2018. Вып. 3. С. 12–15.
30. School life // Beijing Normal University. URL: https://www.bnu.edu.cn/xysh/index.htm (дата обращения: 19.07.2024).
31. Цао Жань. Педагогическое сопровождение инициатив студентов на основе модели преподавания PAD: видеодоклад // Субъектность в образовании, профессиональной деятельности и научном исследовании : междунар.-практ. конф. Томск, 2024. URL: https://disk.yandex.ru/d/7HNlplZvatwsbw/Цао%20Жань.mp4 (дата обращения: 09.05.2024).
32. Лу Мэн. Субъект-субъектное взаимодействие как средство повышения эффективности профессиональной подготовки студентов колледжа : видеодоклад // Субъектность в образовании, профессиональной деятельности и научном исследовании : междунар.-практ. конфер. Томск, 2024. URL: https://disk.yandex.ru/d/7HNlplZvatwsbw/Субъект-объектное%20взаимодействие%20как%20средство%20повышения.mp4 (дата обращения: 09.05.2024).
33. Ма Жунюй. Повышение инициатив студентов при смешанном экспериментальном преподавании русского языка как иностранного : видеодоклад // Субъектность в образовании, профессиональной деятельности и научном исследовании : междунар.-практ. конф. Томск, 2024. URL: https://disk.yandex.ru/d/7HNlplZvatwsbw/Ма%20Жунюй.mp4 (дата обращения: 09.05.2024).

References

1. Mashkina, O.A. (2013) Formirovanie novoy modeli podgotovki uchiteley v sovremennom Kitae [Formation of a new model of teacher training in modern China]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 20. Pedagogicheskoe obrazovanie*. 3. pp. 108–123.
2. Tan, R. et al. (2021) Preschool teachers' attitudes towards inclusion: a comparison study between China and Germany. *European Journal of Special Needs Education*. 37 (6). pp. 994–1008. doi: 10.1080/08856257.2021.1997480
3. Ehmke, T. & Lee, J.C.-K. (2022) Teacher education in China and Germany: Conclusions and research outlook. In: Ehmke, T. & Lee, J.C.-K. (eds) *Quality in Teacher Education and Professional Development: Chinese and German perspectives*. Abingdon, Oxon: Routledge. pp. 268–273.
4. Yang, X. et al. (2019) Professional Noticing of Mathematics Teachers: a Comparative Study Between Germany and China. *International Journal of Science and Mathematics Education*. 17. pp. 943–963. doi: 10.1007/s10763-018-9907-x
5. Zhang, Y. & Hao, C. (2016) Comparative study of in-service teacher education between China and Germany. *Educational Process: International Journal*. 5 (3). pp. 212–222. doi: 10.12973/edupij.2016.53.3
6. Akinshina, I.B. (2010) Studencheskoe samoupravlenie kak element vuzovskoy obrazovatel'noy politiki (na materialakh nemetskogo studencheskogo samoupravleniya v Germanii) [Student self-government as an element of university educational policy (based on the materials of German student self-government in Germany)]. *Voprosy zhurnalistiki, pedagogiki, yazykoznaniya*. 24–8 (85). pp. 190–194.
7. Akinshina, I.B. & Isaev, I.F. (2014) *Studencheskoe samoupravlenie v vuzakh Germanii: traditsii, opyt, modeli* [Student Self-Government in German Universities: Traditions, experience, models]. Belgorod: Belgorod; Belgorod State University.
8. Akinshina, I.B. & Moiseenko, O.A. (2019) Studencheskie ob"edineniya i initsiativnye gruppy v vuzakh Germanii [Student associations and initiative groups in German universities]. *Sovremennye naukoemkie tekhnologii*. 8. pp. 94–99. [Online] Available from: https://top-technologies.ru/ru/article/view?id=37637 (Accessed: 01.12.2023).
9. Ananin, D.P. (2010) Osobennosti traditsionnoy i sovremennoy modeley podgotovki uchiteley v Federativnoy Respublike Germaniya [Features of traditional and modern models of teacher training in the Federal Republic of Germany]. *Obrazovanie i nauka*. 1 (69). pp. 85–93.
10. Burnyashov, B.A. (2015) Podgotovka budushchego pedagoga dlya obshchego obrazovaniya v Rossii i Germanii [Training of future teachers for general education in Russia and Germany]. *Nauchnyy vestnik Yuzhnogo instituta menedzhmenta*. 4. pp. 56–61.
11. Isaeva, M.N. (2011) Razvitie vysshego pedagogicheskogo obrazovaniya Germanii v XX veke [Development of higher pedagogical education in Germany in the 20th century]. *Vestnik TGGPU*. 4 (26). pp. 334–340.
12. Kanzyuba, E.A. (2016) Podgotovka pedagogicheskikh kadrov v Germanii v fokuse Bolonskogo protsessa [Training of teaching staff in Germany in the focus of the Bologna Process]. *Molodoy uchenyy*. 27 (131). pp. 673–675.
13. Blömeke, S. (2009) Lehrerausbildung in Deutschland. *Päd Forum*. 1. pp. 5–8.
14. Cortina, K.S. & Thames, M.H. (2013) Teacher education in Germany. In: Kunter, M. et al. (eds) *Cognitive Activation in the Mathematics Classroom and Professional Competence of Teachers. Mathematics Teacher Education*. Vol. 8. Boston, MA: Springer. doi: 10.1007/978-1-4614-5149-5_3
15. Kotthoff, H.-G. & Terhart, E. (2013) Teacher Education in Germany: Traditional Structure, Strengths and Weaknesses, Current Reforms. *Scuola democratica, Learning for Democracy*. 3. pp. 1–11. doi: 10.12828/75802
16. Ohidy, A., Terhart, E. & Zsolnai, J. (2007) *Lehrerbild und Lehrerbildung Praxis und Perspektiven der Lehrerausbildung in Deutschland und Ungarn*. Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften.
17. Mashkina, O.A., Arinushkina, A.A. & Li, Y. (2023) Kontseptsiya i praktika organizatsii trudovogo vospitaniya v Kitae [The concept and practice of organizing labor education in China]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 20. Pedagogicheskoe obrazovanie.* 3. pp. 101–117. doi: 10.55959/MSU2073-2635-2023-21-3-101-117
18. Trifonova, D.D. (2018) [Cooperation between Russia and China in the field of education]. *Kitay: istoriya i sovremennost'* [China: History and modernity]. Proceedings of the 11th International Conference. Yekaterinburg. 18–20 October 2017. Yekaterinburg: Ural Federal University. pp. 124–131. (In Russian).
19. Trifonova, D.D. & Litsareva, E.Yu. (2022) Internationalization of higher education in China. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 80. pp. 140–144. (In Russian). doi: 10.17223/19988613/80/16
20. Liu, P. & Krasova, E.V. (2012) Sovremennye tendentsii razvitiya kitayskoy sistemy obrazovaniya [Modern trends in the development of the Chinese education system]. *Territoriya novykh vozmozhnostey. Vestnik Vladivostokskogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i servisa*. 1 (14). pp. 22–33.
21. Zhu, J. (2019) Model' individualizatsii v rossiyskikh i kitayskikh vuzakh [The Individualization Model in Russian and Chinese Universities]. *Mir nauki. Pedagogika i psikhologiya*. 2 (7). [Online] Available from: https://mir-nauki.com/PDF/10PDMN219.pdf (Accessed: 08.06.2024).
22. Wang, J. & Paine, L.W. (2003) Learning to teach with mandated curriculum and public examination of teaching as contexts. *Teaching and Teacher Education.* 1 (19). pp. 75–94. doi: 10.1016/S0742-051X(02)00087-2
23. Akinshina, I.B. (2012) *Osobennosti razvitiya studencheskogo samoupravleniya v vuzakh Germanii* [Features of the development of student self-government in universities of Germany]. Pedagogy Cand. Diss. Belgorod.

24. Martynova, O.V. (2006) *Podgotovka uchiteley v Germanii v usloviyakh sozdaniya evropeyskogo prostranstva vysshego obrazovaniya* [Teacher training in Germany in the context of the creation of the European Higher Education Area]. Abstract of Pedagogy Cand. Diss. Penza.
25. Pusvatset, V.S. (2007) *Sravnitel'nyy analiz podgotovki pedagogicheskikh kadrov v Germanii i Rossii* [Comparative analysis of the training of teaching staff in Germany and Russia]. Abstract of Pedagogy Cand. Diss. Saint Petersburg.
26. Mei, H. (2005) *Reforma pedagogicheskogo obrazovaniya v Kitae i v Rossii* [Reform of teacher training in China and Russia]. Abstract of Pedagogy Cand. Diss. Moscow.
27. Jiang, X. (2009) *Osnovnye tendentsii modernizatsii sistem professional'nogo obrazovaniya v Kitae i Rossii (sravnitel'nyy analiz)* [The main trends of modernization of vocational education systems in China and Russia (comparative analysis)]. Abstract of Pedagogy Cand. Diss. Kazan.
28. Jiang, J. (2007) *Tendentsii razvitiya obshchego obrazovaniya v Kitae i Rossii v usloviyakh sovremennykh reform* [Trends in the development of general education in China and Russia in the context of modern reforms]. Abstract of Pedagogy Cand. Diss. Moscow.
29. Kositsyna, D.S. (2018) Sravnitel'nyy analiz studencheskikh organizatsiy Germanii i Rossii v XVIII–XX vv. [Comparative analysis of student organizations in Germany and Russia in the 18th – 20th centuries]. *Obrazovatel'nyy protsess*. 3. pp. 12–15.
30. Beijing Normal University. (n.d.) *School life*. [Online] Available from: https://www.bnu.edu.cn/xysh/index.htm (Accessed: 19.07.2024).
31. Cao, R. (2024) [Pedagogical support for students' initiatives based on the PAD teaching model: video report]. *Sub"ektnost' v obrazovanii, professional'noy deyatel'nosti i nauchnom issledovanii* [Subjectivity in Education, Professional Activity and Research]. Video Presentations of the International Conference. Tomsk. 25–27 April 2024. [Online Video] Available from: https://disk.yandex.ru/d/7HNlplZvatwsbw/Tsao%20Zhan'.mp4 (Accessed: 09.05.2024). (In Russian).
32. Lu, M. (2024) [Subject-subject interaction as a means of improving the efficiency of professional training of college students]. *Sub"ektnost' v obrazovanii, professional'noy deyatel'nosti i nauchnom issledovanii* [Subjectivity in Education, Professional Activity and Research]. Video Presentations of the International Conference. Tomsk. 25–27 April 2024. [Online Video] Available from: https://disk.yandex.ru/d/7HNlplZvatwsbw/Sub"ekt-ob"ektnoe%20vzaimodeystvie%20kak%20sredstvo%20povysheniya.mp4 (Accessed: 09.05.2024). (In Russian).
33. Ma, Zh. (2024) [Increasing students' initiatives in mixed experimental teaching of Russian as a foreign language]. *Sub"ektnost' v obrazovanii, professional'noy deyatel'nosti i nauchnom issledovanii* [Subjectivity in Education, Professional Activity and Research]. Video Presentations of the International Conference. Tomsk. 25–27 April 2024. [Online Video] Available from: https://disk.yandex.ru/d/7HNlplZvatwsbw/Ma%20Zhunyuy.mp4 (Accessed: 09.05.2024). (In Russian).

Информация об авторах:

Червонный М.А. – д-р пед. наук, профессор кафедры физики и методики обучения физике Томского государственного педагогического университета (Томск, Россия). E-mail: mach@tspu.edu.ru

Игна О.Н. – д-р пед. наук, профессор кафедры романо-германской филологии и методики обучения иностранным языкам Томского государственного педагогического университета (Томск, Россия); профессор кафедры методики обучения иностранным языкам и междисциплинарных исследований образования Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: onigna@tspu.edu.ru

Кузнецова Ю.А. – специалист по учебно-методической работе Педагогического технопарка «Кванториум» имени народного учителя СССР Б.И. Вершинина Томского государственного педагогического университета (Томск, Россия). E-mail: juliakuznecova@inbox.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

M.A. Chervonny, Dr. Sci. (Pedagogics), professor, Tomsk State Pedagogical University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: mach@tspu.edu.ru.

O.N. Igna, Dr. Sci. (Pedagogics), professor, Tomsk State Pedagogical University (Tomsk, Russian Federation); professor, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: onigna@tspu.edu.ru.

Yu.A. Kuznetsova, specialist, Tomsk State Pedagogical University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: juliakuznecova@inbox.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 14.08.2024;
одобрена после рецензирования 16.09.2024; принята к публикации 30.09.2024.

The article was submitted 14.08.2024;
approved after reviewing 16.09.2024; accepted for publication 30.09.2024.

ПРАВО

Научная статья
УДК 343.11
doi: 10.17223/15617793/506/22

О необходимости научной разработки и введения в УПК РФ главы 40.2 «Особенности судебного разбирательства путем использования систем видео-конференц-связи»

Николай Васильевич Азарёнок[1], Александр Георгиевич Золоев[2]

[1] Уральский государственный юридический университет имени В.Ф. Яковлева, Екатеринбург, Россия, Azarenok_96@mail.ru
[2] Свердловская областная коллегия адвокатов, Екатеринбург, Россия, zoloev42@mail.ru

Аннотация. Рассматривается такое направление совершенствования отечественного уголовного процесса в рамках его исторически сложившегося типа, как применение в нем современных технических средств. На примере систем видео-конференц-связи обосновываются преимущества данной технологии, позволяющей обеспечивать баланс публичных и частных интересов в уголовном судопроизводстве. В результате делается вывод о необходимости научной разработки и введения в УПК РФ отдельной главы. Данное судебное производство позволит сбалансировать сокращенные и усложненные судебные производства, придав дополнительный импульс развитию общего порядка разрешения уголовных дел.
Ключевые слова: видео-конференц-связь, особый порядок судебного разбирательства, общий порядок разрешения уголовных дел, суд, баланс публичных и частных интересов

Для цитирования: Азарёнок Н.В., Золоев А.Г. О необходимости научной разработки и введения в УПК РФ главы 40.2 «Особенности судебного разбирательства путем использования систем видео-конференц-связи» // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 506. С. 178–184. doi: 10.17223/15617793/506/22

Original article
doi: 10.17223/15617793/506/22

On the need for scientific development and introduction of Chapter 40.2 "Features of Judicial Proceedings Through the Use of Videoconferencing Systems" into the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation

Nikolay V. Azarenok[1], Aleksandr G. Zolotoyev[2]

[1] Ural State Law University, Yekaterinburg, Russian Federation, Azarenok_96@mail.ru
[3] Sverdlovsk Regional Bar Association, Yekaterinburg, Russian Federation, zoloev42@mail.ru

Abstract. The aim of the article is to substantiate the use of modern technical means in the domestic criminal procedure within the framework of its historically established type as a way to improve it. In accordance with this aim, first of all, the objective basis for the use of videoconferencing in criminal proceedings is determined, which will contribute to procedural economy, compliance with a reasonable period of criminal proceedings (Article 6.1 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation); will ensure the rights, freedoms and safety of its participants, and reduce the post-criminal impact on them from the criminally prosecuted person. Remote technologies received the necessary testing and proved themselves well during the coronavirus pandemic. As a result, the accumulated positive experience of remote judicial proceedings objectively contributes to the broader use of videoconferencing in modern domestic criminal proceedings, which meets both the requirements of international legislation and the position of the Supreme Court of the Russian Federation. The criminal procedure of the European Union also actively uses cross-border videoconferences as fast and effective ways of judicial communication to hear witnesses, parties, victims and experts in a safe environment. Thus, the demand for videoconferencing in criminal proceedings is a generally recognized global trend; therefore, the use of these technologies in domestic criminal proceedings is fully justified. At the same time, this process must be scientifically sound and carried out in strict accordance with the law. This necessitates the search and establishment of a balance, which, on the one hand, will reduce court costs in the conduct of the trial via videoconferencing thereby freeing up court time for criminal proceedings in a general order, and, on the other hand, will ensure the rights and freedoms of the accused so that their rights are not infringed when they appear before the court in the form of an "avatar" on the screen compared to the physical presence in the general order. As a result of the conducted research, the authors came to the conclusion that remote judicial proceedings allow for a balance between general, complicated judicial proceedings, on the one hand, and simplified ones, on the other. At the same time, the current regulatory and legal procedure for their consolidation is fragmented and does not cover all issues arising in the implementation of criminal procedural activities via videoconferencing. Therefore, it is necessary to scientifically develop and introduce a separate chapter 40.2 entitled "Features of Judicial Proceedings Through the Use of

© Азарёнок Н.В., Золоев А.Г., 2024

Videoconferencing Systems" into the Criminal Procedure Code of the Russian Federation. This will allow balancing the fast-track and complicated court proceedings, giving an additional impetus to the development of the general procedure for resolving criminal cases.
Keywords: videoconferencing, special procedure for trial, general procedure for resolving criminal cases, court, balance of public and private interests

For citation: Azarenok, N.V. & Zolotoyev, A.G. (2024) On the need for scientific development and introduction of Chapter 40.2 "Features of Judicial Proceedings Through the Use of Videoconferencing Systems" into the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 506. pp. 178–184. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/506/22

Одним из объективно обусловленных направлений совершенствования отечественного уголовного процесса с сохранением его исторически сложившейся смешанной формы является внедрение в уголовно-процессуальную деятельность современных технических средств, в том числе систем видео-конференц-связи (ВКС). К несомненным достоинствам такого порядка относятся процессуальная экономия, соблюдение разумного срока уголовного судопроизводства (ст. 6.1 УПК РФ), обеспечение прав, свобод и безопасности его участников, а также снижение посткриминального воздействия на них со стороны уголовно преследуемого лица. Кроме того, удаленные технологии получили необходимую апробацию и хорошо себя зарекомендовали в период распространения коронавирусной инфекции.

Поэтому накопленный положительный опыт дистанционного судебного разбирательства объективно способствует повсеместному расширению сферы применения ВКС в современном отечественном уголовном процессе. Так, в 2021 г. в УПК РФ была включена ст. 189.1 «Особенности проведения допроса, очной ставки, опознания путем использования систем видеоконференц-связи» [1], позволившая следователям и дознавателям при наличии технической возможности с соблюдением общих правил производства следственных действий (ст. 164 УПК РФ и гл. 26 УПК РФ) применять систему ВКС в ходе предварительного расследования [2. С. 75–80].

Через год была изменена ч. 4 ст. 240 УПК РФ, которая изначально предусматривала производство судом только одного судебного действия путем ВКС – допроса свидетеля и потерпевшего, тогда как сейчас позволяет проводить таким образом остальные судебные действия [3]. Из этого следует, что, во-первых, помимо допроса появилась возможность дистанционного осуществления судебной экспертизы, осмотра, следственного эксперимента, предъявления для опознания, освидетельствования. Во-вторых, снято ограничение на удаленные процессуальные действия лишь с потерпевшим и свидетелем. Кроме этого, в УПК РФ была введена ст. 241.1 «Участие в судебном заседании путем использования систем видео-конференц-связи», предусматривающая при наличии технической возможности дистанционное присутствие подсудимого. Данное решение, по общему правилу, принимается судом по ходатайству подсудимого. В случае возникновения обстоятельств, исключающих возможность явки подсудимого в судебном заседании (нахождение в отпуске, командировке, проживание в другом регионе и отсутствие финансовой возможности приезда и т.д.), суд вправе применить ст. 241.1 УПК РФ по собственной инициативе или по ходатайству стороны.

Дистанционное судебное разбирательство оказалось востребованным на практике. Так, по одному из уголовных дел подсудимый обвинялся в совершении целого ряда преступлений, предусмотренных ст. 159 ч. 3; ст. 159 ч. 4; ст. 30 ч. 3, ст. 158 ч. 3 п. «г» УК РФ, совершенных в разных регионах. В результате дело рассматривалось по месту совершения самого тяжкого из данных преступлений, что не совпало с местом жительства подсудимого, большинства потерпевших и свидетелей. Подсудимый, будучи под подпиской о невыезде в другом городе, а также иные участники не могли по материальным причинам явиться в суд, что могло привести к затягиванию судебного разбирательства и нарушению его разумного срока, предусмотренного ст. 6.1 УПК РФ. Поэтому судом было принято решение о проведении судебного разбирательства путем использования ВКС [4].

Аналогичный случай имел место в 2023 г. в Екатеринбургском гарнизонном военном суде, где рассматривалось уголовное дело в отношении осужденного, к тому времени уже отбывающего наказание в виде лишения свободы. Нахождение последнего в условиях изоляции от общества не позволило сначала следователю, а затем и суду применить к нему какую-либо меру пресечения и потому сделало невозможным его этапирование в суд из другого региона. В результате уголовное дело было разрешено в общем порядке по ВКС [5].

Обозначенная практика, по мнению Т.В. Трубниковой, соответствует международным стандартам. Так, «согласно позиции Европейского Суда, хотя в п. 1 ст. 6 Конвенции об этом специально не упоминается, из задач и целей ст. 6 Конвенции, взятой в целом, видно, что каждый “обвиняемый в совершении уголовного преступления” **имеет право участвовать в разбирательстве его дела судом**» [6. С. 198]. Вместе с тем «от своего права на личное участие можно отказаться как прямо (например, путем подачи соответствующего заявления), **так и в косвенной форме** (путем совершения определенных действий, например, не являясь в суд или скрывшись от предварительного расследования и суда)» [6. С. 199–200].

Аналогичного подхода придерживается Верховный Суд РФ, по мнению которого, в соответствии с правовыми позициями Европейского Суда по правам человека использование в ходе судебного разбирательства системы видеоконференц-связи не противоречит понятию справедливого и публичного слушания дела при условии, что подозреваемый, обвиняемый, подсудимый,

находящийся под стражей и участвующий в судебном заседании, имеет возможность следить за ходом судебного процесса, видеть и слышать участников процесса, а также быть заслушанным сторонами и судьёй беспрепятственно (см., например, пункт 42 постановления от 16 февраля 2016 г. по делу Евдокимов и другие против Российской Федерации). Использование системы видео-конференц-связи не препятствует подозреваемому, обвиняемому, подсудимому осуществить права, изложенные в подпунктах (c), (d) и (e) пункта 3 ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г., т.е. право «защищать себя лично», «допрашивать или иметь право на то, чтобы свидетели были допрошены» и «пользоваться бесплатной помощью переводчика, если обвиняемый не понимает языка, используемого в суде, или не говорит на этом языке», иные права, предусмотренные в том числе уголовно-процессуальным законодательством Российской Федерации [7].

Еще в период пандемии Президиум Верховного Суда РФ дал ответ на вопрос о том, возможно ли в период действия ограничительных мер, связанных с противодействием распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19), рассмотрение судами уголовных дел и материалов с использованием систем видео-конференц-связи. Согласно позиции высшей судебной инстанции суд по каждому уголовному делу или материалу, требующему безотлагательного рассмотрения, вправе с учетом проведения карантинных мероприятий в следственных изоляторах и установленного для всех граждан режима самоизоляции, в целях недопущения распространения инфекции принять решение о проведении всего судебного разбирательства с использованием систем видео-конференц-связи, что позволит обеспечить личное участие и соблюдение процессуальных прав подозреваемого, обвиняемого, подсудимого и других лиц в судебном заседании [7].

В уголовном процессе Европейского союза активно используются такие быстрые и эффективные способы общения судебных органов, как трансграничные видеоконференции, которые применяются для заслушивания свидетелей, сторон, потерпевших и экспертов в безопасной обстановке [8]. УПК ФРГ также разрешает удаленный допрос свидетелей и экспертов (§ 58b УПК. Допрос посредством передачи изображения и звука [9]. § 247a УПК. Порядок проведения аудиовизуального допроса свидетелей [10]). В законодательстве Испании прямо предусмотрена возможность дистанционного судебного разбирательства. Так, в соответствии со ст. 229 заявления, допросы, показания, очные ставки, допросы, отчеты, утверждения экспертных заключений и слушания могут осуществляться посредством видеоконференции или иной подобной системы, обеспечивающей двустороннюю и одновременную передачу изображения и звука, а также зрительное, слуховое и речевое взаимодействие между двумя географически удаленными людьми или группами людей, обеспечивающее во всех случаях возможность состязательности сторон и обеспечение права на защиту, если это согласовано судьей или судом [11].

Изложенное свидетельствует, что востребованность ВКС в уголовном судопроизводстве является общепризнанной мировой тенденцией и потому применение данных технологий в отечественном уголовном процессе вполне оправданно. Вместе с тем этот процесс должен быть научно обоснованным и осуществляться в строгом соответствии с законом, чтобы не допустить нарушения баланса публичных и частных интересов.

Очевидно, что одним из существенных недостатков дистанционного судебного производства является ограничение непосредственности разбирательства, или, по образному выражению профессора Л.В. Головко, эффекта «живости», т.е. сострадания, сочувствия судьи в том числе к обвиняемому, которое проявляется при живом общении, в ином случае подсудимый превращается для суда в некий «аватар» и он перестает реагировать на него по-человечески [12]. Действительно, «химия» между людьми, в том числе между судьей и сторонами, возникает преимущественно при личном их общении, особенно когда оно является продолжительным. Поэтому трудно переоценить требование непосредственного исследования судом доказательств по уголовному делу, в том числе личного восприятия показаний подсудимого, его выступлений в прениях, с последним словом и поведения в целом в ходе судебного разбирательства. Все это формирует внутреннее убеждение судьи по делу (ст. 17 УПК РФ) и помогает вынести ему законное, обоснованное и мотивированное решение (ч. 4 ст. 7 УПК РФ).

Означает ли это, что дистанционному судебному разбирательству не место в отечественном уголовном процессе? Ответ на этот вопрос обусловлен необходимостью обеспечения баланса между общим порядком, который, с одной стороны, усложнен судебными производствами, с другой – упрощен судебными производствами.

На сегодняшний день основным звеном судебной системы, рассматривающим большинство уголовных дел, являются районные суды. Так, за первый квартал 2023 г. из 345 834 уголовных дел, рассмотренных районными судами, по первой инстанции по гл. 40 УПК РФ было разрешено 125 373 уголовных дела, т.е. 36%, по гл. 40.1 УПК РФ – 1 488 уголовных дел, т.е. 0,4%, и из 67 861, по которым дела были прекращены, в порядке гл. 51.1. УПК РФ – 1 316 уголовных дел, т.е. 1,9%. При этом в упрощенной процедуре они проводят судебные разбирательства только по преступлениям небольшой или средней тяжести по гл. 40, 40.1, 41 и 51.1 УПК РФ, что составляет примерно 38% от всех уголовных дел [13], поскольку тяжкие и особо тяжкие преступления разрешаются в общем порядке.

Вместе с тем в последние годы наблюдается тенденция постепенного расширения подсудности районных судов. В частности, к их компетенции отнесены дела с административной преюдицией (в том числе частного обвинения) [14] и дела, рассматриваемые с участием присяжных заседателей. При этом по последнему производству фиксируется стабильный рост количества разрешенных уголовных дел [15]. Кроме того, происходит постепенное расширение

сферы судебного контроля над досудебным производством, например введение судебного порядка получения разрешения отмены постановления о прекращении уголовного дела или уголовного преследования [16]. К этому следует добавить наличие в производстве у районных судов традиционных усложненных судебных производств, например, по уголовным делам в отношении несовершеннолетних (гл. 50 УПК РФ) и о применении принудительных мер медицинского характера (гл. 51 УПК РФ). На нагрузку данных судов повлияло также то, что с 2020 г. из сокращенного особого судебного порядка, предусмотренного гл. 40 УПК РФ, были исключены дела о преступлениях тяжкой категории [17].

В результате система общего, упрощенного судебного разбирательства и усложненных судебных производств на уровне районных судов является разбалансированной, поскольку одни только гл. 40, 40.1, 41 и 51.1 УПК РФ не в состоянии разгрузить судей для качественного осуществления правосудия по остальным уголовным делам. Это обусловливает поиск компенсаторных процессуальных механизмов.

Кроме того, действующий УПК РФ уже содержит ряд исключений из требования непосредственности судебного разбирательства. Например, оглашение ранее данных показаний подсудимого, потерпевшего и свидетеля, а также воспроизведение приложенных к протоколу допроса материалов фотографирования, аудио- и(или) видеозаписи, киносъемки их показаний (ст. 276, 281 УПК РФ), оглашение протоколов следственных и иных документов (ст. 285 УПК РФ). Наряду с этим УПК РФ в целях обеспечения безопасности свидетеля, его близких родственников, родственников и близких лиц предусматривает возможность его допроса в условиях, исключающих визуальное наблюдение свидетеля другими участниками судебного разбирательства (ч. 5 ст. 278 УПК РФ). И, наконец, особые судебные разбирательства, предусмотренные гл. 40 и 40.1 УПК РФ, вообще не предусматривают непосредственное исследование показаний.

Вот как объясняет это профессор В.В. Кальницкий: «Реализация в судебном следствии механизма непосредственного исследования доказательств требует от суда и сторон значительных усилий. Возрастание начала непосредственности замедляет продвижение дела в стадии судебного разбирательства (срабатывает обратно-пропорциональная зависимость: чем выше доверие к следственным доказательствам и меньше судебных усилий по их формированию, тем больше дел может быть рассмотрено в общем порядке). Рост качественного уровня непосредственности привел к возрастанию до критического уровня судебных производств, где данное начало не реализуется вообще. Судебная власть столкнулась с невозможностью реализовать начало непосредственности по каждому уголовному делу» [18. С. 32].

Изложенное обусловливает необходимость поиска и установления баланса, который, с одной стороны, позволит сократить судебные издержки при осуществлении судебного разбирательства по ВКС, высвободив тем самым время суда для производства по уголовным делам в общем порядке, а с другой – обеспечит права и свободы обвиняемого с тем, чтобы он не был ущемлен, когда предстает перед судом в виде «аватара» на экране по сравнению с личным присутствием в общем порядке. Последнее положение приобретает особое значение в контексте имеющихся научных исследований, обосновывающих влияние личного восприятия подсудимого судьей на выносимое судебное решение, в том числе назначенное ему наказание. Как отмечает профессор Л.В. Головко, французы выводят из этого принцип «сопричастия», иначе говоря, мало говорить о доступе к суду, надо говорить уже о физическом доступе к суду, поскольку это напрямую влияет на содержание судебного решения. Поэтому у обвиняемого должно быть право на физическое присутствие в суде, чтобы судья мог его лично увидеть и выслушать [12]. В одной из своих публикаций уважаемый автор как раз описывает внедрение дистанционного судебного разбирательства во Франции в разгар пандемии COVID-19. Вначале суды получили «право прибегать без согласия сторон к “средствам аудиовизуальной коммуникации” при рассмотрении всех уголовных дел, в том числе “по телефону”. Однако в дальнейшем общими усилиями французских Конституционного и Государственного советов на санитарно-технологических попытках правительства видоизменить лицо французского уголовного процесса был поставлен крест. Экспансия видеоконференцсвязи не состоялась…» [19. С. 54].

О влиянии непосредственного восприятия подсудимого судьей на содержание судебных решений активно пишут зарубежные авторы. По мнению профессора Андре Кен и Марайя Сорби, представителей университета Северной Дакоты, «стереотипы и предубеждения влияют на обработку информации и принятие решений. Существуют физические черты, которые стереотипно ассоциируются с преступниками (например, татуировки, темный оттенок кожи, ненадежность лица) и, как было показано, влияют на принятие решений присяжными заседателями» [20]. Поэтому в американском уголовном процессе, в частности в Северной Каролине, «обвиняемый имеет право предстать перед присяжными в обычной гражданской одежде, и его нельзя принудить явиться в тюремной одежде, но от этого права можно отказаться» [21]. Отмечается, что обвиняемый имеет право явиться в гражданской одежде (вместо тюремной формы), чтобы избежать риска того, что решение присяжных будет запятнано и право обвиняемого на презумпцию невиновности будет нарушено [22].

В ходе осуществления защиты по уголовному делу пришлось столкнуться с влиянием личного присутствия подсудимого на содержание судебного решения. Так, в одном из районных судов г. Екатеринбурга сложилась определенная практика вынесения наказания по ч. 2 ст. 228 УК РФ, при которой условное наказание в порядке ст. 73 УК РФ не назначалось. Однако, когда перед судьей предстал подсудимый с лишним весом, болеющий сахарным диабетом и имеющий в связи с этим проблемы в личной жизни, приведшие его к разовому употреблению наркотических средств, ему было назначено 3 года лишения свободы условно с применением ст. 73 УК РФ. Как позже выяснилось, у судьи

один из близких родственников также страдал от лишнего веса в связи с аналогичным заболеванием.

Таким образом, дистанционное судебное разбирательство позволяет обеспечить баланс между общим, усложненными судебными производствами – с одной стороны, и упрощенными – с другой. Вместе с тем действующий нормативно-правовой порядок его закрепления является фрагментарным и не охватывает всех вопросов, возникающих при осуществлении уголовно-процессуальной деятельности путем ВКС.

С содержательной стороны необходимо, прежде всего, «приспособить» принципы всего уголовного процесса и общие условия судебного разбирательства, которые изначально создавались под очный формат судебного разбирательства, к дистанционному уголовному судопроизводству. Так, определенные сложности могут возникнуть с реализацией положений ч. 3 ст. 241.1 УПК РФ, согласно которой в случае участия в судебном заседании подсудимого путем использования систем ВКС, участие защитника является обязательным. Согласно ст. 48 Конституции РФ каждый имеет право на получение квалифицированной юридической помощи, что обязывает органы правосудия обеспечить реализацию данного положения (ст. 16 УПК РФ). Вместе с тем, если участие защитника обязательно и лицо не может обеспечить его приглашение, возникает закономерный вопрос о том, кто должен это сделать: суд, в производстве которого находится уголовное дело, либо суд по месту нахождения подсудимого. Также не ясно, где должны присутствовать законный представитель подсудимого и представитель потерпевшего? Требует особого внимания порядок представления доказательств подсудимым, находящимся по ту сторону экрана, а также участие последнего в исследовании доказательств в судебном разбирательстве путем использования систем ВКС. И, наконец, в отдельном блоке находится проблема производства судебных действий при дистанционном порядке судебного разбирательства и соблюдение требований ст. 240 УПК РФ.

Помимо вопросов, связанных с содержанием данного производства, необходимо определить его место и роль в системе уголовно-процессуальной деятельности для предотвращения произвольного замещения очного судебного разбирательства дистанционным. Как указал в свое время Верховный Суд РФ в обосновании необходимости исключения преступлений тяжкой категории из главы 40 УПК РФ, обеспечение установленной на законодательном уровне высокой степени процессуальных гарантий справедливого правосудия возможно только при рассмотрении дела в общем порядке судебного разбирательства в условиях действия принципа непосредственности и устности исследования доказательств в судебном заседании [23]. Поэтому общее производство должно оставаться основным порядком разрешения уголовных дел по умолчанию. Тогда как все исключения из него должны иметь четкие условия и основания применения. Однако ст. 241.1 УПК РФ позволяет суду по собственной инициативе принимать решение об участии в судебном заседании подсудимого путем использования систем ВКС в случае, если имеются обстоятельства, исключающие возможность его участия в судебном заседании непосредственно. Представляется, что решение этого вопроса должно быть отнесено к полномочиям сторон, а не суда, поскольку в противном случае последний сможет сам себе упрощать процедуру производства по уголовному делу, не будучи связанным позицией участников. При этом, исходя из процедурных требований принципа состязательности, закрепленного в ст. 15 УПК РФ, «суд создает необходимые условия для исполнения сторонами их процессуальных обязанностей и осуществления предоставленных прав» (ч. 3). Поэтому инициатива в дистанционном участии подсудимого должна принадлежать исключительно сторонам, тогда как суд при разрешении этого вопроса обеспечивает лишь техническую возможность такого порядка.

Таким образом, при конструировании данного особого судебного производства следует в первую очередь определиться с двумя положениями. Во-первых, следует подробно регламентировать его особенности с учетом принципов уголовного процесса, общих условий судебного разбирательства, а также порядка производства судебного следствия в целом и судебно-следственных действий в частности. Во-вторых, это установление условий и оснований применения данного особого судебного порядка с тем, чтобы он оставался исключением из общего производства и не смог его заменить.

И, наконец, следует обеспечить баланс публичных и частных интересов при применении систем ВКС. За основу здесь следует взять подход законодателя к конструированию производства, предусмотренного гл. 40 УПК РФ, в соответствии с которым обвиняемый в обмен на упрощение судебной процедуры получает наказание, которое не может превышать две трети максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного за совершенное преступление (ч. 7 ст. 316 УПК РФ). Как уже было установлено, личное присутствие подсудимого непосредственно влияет на содержание выносимого по делу решения. И потому, соглашаясь на участие в суде по ВКС, подсудимый должен также иметь гарантию снижения максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного за совершенное преступление

Системное разрешение всех вопросов, возникающих в ходе реализации данного судебного порядка, возможно при выделении в отечественном уголовном процессе нового судебного производства, такого как судебное разбирательство посредством видео-конференц-связи с помещением его в отдельную главу УПК РФ 40.2. Таков системный и научный подход к разрешению в целом проблемы особенностей судебного разбирательства путем использования систем видео-конференц-связи.

Список источников

1. Федеральный закон от 30 декабря 2021 г. № 501- ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 19.01.2024).
2. Азарёнок Н.В. Вопросы практической реализации положений ст. 189.1 УПК РФ // Уголовное право. 2022. № 8 (144). С. 75–80.
3. Федеральный закон от 29 декабря 2022 г. № 610- ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 19.01.2024).
4. Дело № 1-501/2023 // Железнодорожный районный суд г. Екатеринбурга. URL: https://sudact.ru/regular/doc/EJqSUTDbOOoh/ (дата обращения: 27.07.2024).
5. Дело № 1-105/2023 // Екатеринбургский гарнизонный военный суд. URL: https://egvs--svd.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=343224724&case_uid=18d9ff3c-f9c9-4f65-b21b-431f3c65348d&delo_id=1540006 (дата обращения: 27.07.2024).
6. Трубникова Т.В. Право на справедливое судебное разбирательство: правовые позиции Европейского Суда по правам человека и их реализация в уголовном процессе Российской Федерации : учеб. пособие. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2011. 296 с.
7. Обзор по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19) № 2 (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 30 апреля 2020 г.) // СПС «Гарант» (дата обращения: 23.01.2024).
8. Court procedures. Videoconferencing // European-justice. URL: https://e-justice.europa.eu/36019/EN/videoconferencing (дата обращения: 01.02.2024).
9. §58b Vernehmung im Wege der Bild- und Tonübertragung // Уголовно-процессуальный кодекс ФРГ. URL: https://www.gesetze-im-internet.de/stpo/__58b.html (дата обращения: 01.02. 2024).
10. §247a Order for audiovisual questioning of witnesses // Уголовно-процессуальный кодекс ФРГ. URL: https://www.gesetze-im-internet.de/stpo/__247a.html (дата обращения: 01.02. 2024).
11. Ley Orgánica 6/1985, de 1 de julio, del Poder Judicial. URL: https://noticias.juridicas.com/base_datos/Admin/lo6-1985.l3t3.html#a229 (дата обращения: 01.02.2024).
12. Выступление Головко Л.В. на XIII Московской юридической неделе, проходившей с 21 ноября по 3 декабря 2023 г. на XXIV Ежегодной международной научно-практической конференции Юридического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова // YouTube-канал Юридического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. URL: https://m.youtube.com/live/hn1UknCva58?si=I47PWltyWNy1dYlx (дата обращения: 20.01.2024).
13. Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 1 полугодие 2023 года. URL: http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=7041 (дата обращения: 12.02.2024).
14. Постановление Конституционного Суда РФ от 28.03.2024 № 13-П «По делу о проверке конституционности частей второй и четвертой статьи 20, частей первой и второй статьи 31, части четвертой статьи 147, частей первой и третьей статьи 318 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Г.И. Баскаковой» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 07.04.2024).
15. В ФПА объяснили рост количества уголовных дел с участием присяжных // ПРАВО.RU. 19.01.2024. URL: https://pravo.ru/news/251025/ (дата обращения: 10.02.2024).
16. Федеральный закон № 411-ФЗ от 12.11.2018 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.02.2024).
17. Федеральный закон № 224-ФЗ от 20.07. 2020 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.02.2024).
18. Кальницкий В.В. Непосредственность судебного разбирательства и доказательственная деятельность органов расследования. Омск, 2019. 134 с.
19. Головко Л.В. Изменение подходов к применению видеоконференцсвязи в уголовном процессе Франции: от санитарно-технологического к ценностно-процессуальному дискурсу // Законность. 2022. № 6 (1052). С. 52–54.
20. Sorby M., Kehn A. Juror perceptions of the stereotypical violent crime defendant // Psychiatry, Psychology & Law. 2020. Vol. 28 (5). P. 645–664. doi: 10.1080/13218719.2020.1821827
21. An online resource for North Carolina prosecutors. 222.2 The rights of the defendant in the courtroom. URL: https://ncpro.sog.unc.edu/manual/222-2 (дата обращения: 21.01.2024).
22. See Estelle v. Williams, 425 U.S. 501 (1976) (“the State cannot, consistently with the Fourteenth Amendment, compel an accused to stand trial before a jury while dressed in identifiable prison clothes”). URL: https://supreme.justia.com/cases/federal/us/425/501/ (дата обращения: 21.01.2024).
23. Самтынова Е.А. Отменен особый порядок рассмотрения уголовных дел о тяжких преступлениях // Гарант.ру. 20.07.2020. URL: https://www.garant.ru/news/1401731/ (дата обращения: 27.01.2024).

References

1. Consultant Plus. (2021) *On Amendments to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation. Federal Law No. 501-FZ of December 30, 2021*. Moscow: Consultant Plus (Accessed: 19.01.2024). (In Russian).
2. Azarenok, N.V. (2022) Voprosy prakticheskoy realizatsii polozheniy st. 189.1 UPK RF [Issues of practical implementation of the provisions of Art. 189.1 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation]. *Ugolovnoe pravo*. 8 (144). pp. 75–80.
3. Consultant Plus. (2022) *On Amendments to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation. Federal Law No. 610-FZ of December 29, 2022*. Moscow: Consultant Plus (Accessed: 19.01.2024). (In Russian).
4. Sudebnye i normativnye akty RF [Judicial and Regulatory Acts of the Russian Federation]. (2023) *Postanovlenie № 1-501/2023 ot 14 dekabrya 2023 g.* [Resolution No. 1-501/2023 of December 14, 2023]. [Online] Available from: https://sudact.ru/regular/doc/EJqSUTDbOOoh/ (Accessed: 27.07.2024).
5. Ekaterinburgskiy garnizonnyy voennyy sud [Yekaterinburg Garrison Military Court]. (2023) *Delo № 1-105/2023* [Case No. 1-105/2023]. [Online] Available from: https://egvs--svd.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=343224724&case_uid=18d9ff3c-f9c9-4f65-b21b-431f3c65348d&delo_id=1540006 (Accessed: 27.07.2024).
6. Trubnikova, T.V. (2011) *Pravo na spravedlivoe sudebnoe razbiratel'stvo: pravovye pozitsii Evropeyskogo Suda po pravam cheloveka i ikh realizatsiya v ugolovnom protsesse Rossiyskoy Federatsii* [The Right to a Fair Trial: Legal positions of the European Court of Human Rights and their implementation in criminal proceedings of the Russian Federation]. Tomsk: Tomsk State University.
7. Garant. (2020) *Review of certain issues of judicial practice related to the application of legislation and measures to counter the spread of a new coronavirus infection (COVID-19) in the territory of the Russian Federation No. 2 (approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on April 30, 2020)*. Moscow: Garant (Accessed: 23.01.2024). (In Russian).
8. European-justice. (n.d.) Court procedures. Videoconferencing. *European-justice*. [Online] Available from: https://e-justice.europa.eu/36019/EN/videoconferencing (Accessed: 01.02.2024).
9. Bundesamt für Justiz. (n.d.) *§58b Vernehmung im Wege der Bild- und Tonübertragung*. [Online] Available from: https://www.gesetze-im-internet.de/stpo/__58b.html (Accessed: 01.02. 2024).

10. Bundesamt für Justiz. (n.d.) *§ 247a Anordnung einer audiovisuellen Vernehmung von Zeugen*. [Online] Available from: https://www.gesetze-im-internet.de/stpo/__247a.html (Accessed: 01.02. 2024).
11. Noticias Jurídicas. (1985) *Ley Orgánica 6/1985, de 1 de julio, del Poder Judicial*. [Online] Available from: https://noticias.juridicas.com/base_datos/Admin/lo6-1985.l3t3.html#a229 (Accessed: 01.02.2024).
12. Yuridicheskiy fakul'tet MGU imeni M.V. Lomonosova [Lomonosov Moscow State University Faculty of Law]. (2023) *"Pravovoe obespechenie suvereniteta Rossii: problemy i perspektivy". Plenarnoe zasedanie* [Legal Support for Russia's Sovereignty: Problems and Prospects. Plenary Session]. [Online Video] Available from: https://m.youtube.com/live/hn1UknCva58?si=I47PWltyWNy1dYlx (Accessed: 20.01.2024).
13. Sudebnyy departament [Judicial Department]. (2023) *Svodnye statisticheskie svedeniya o deyatel'nosti federal'nykh sudov obshchey yurisdiktsii i mirovykh sudey za 1 polugodie 2023 goda* [Consolidated statistical information on the activities of federal courts of general jurisdiction and justices of the peace for the first half of 2023]. [Online] Available from: http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=7041 (Accessed: 12.02.2024).
14. Consultant Plus. (2024) *On the case of verifying the constitutionality of parts two and four of Article 20, parts one and two of Article 31, part four of Article 147, parts one and three of Article 318 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation in connection with the complaint of citizen G.I. Baskakova. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 13-P of March 28, 2024*. Moscow: Consultant Plus (Accessed: 07.04.2024).
15. PRAVO.RU. (2024) V FPA ob"yasnili rost kolichestva ugolovnykh del s uchastiem prisyazhnykh [The Federal Chamber of Lawyers explained the increase in the number of criminal cases involving jurors]. *PRAVO.RU*. 19 January. [Online] Available from: https://pravo.ru/news/251025/ (Accessed: 10.02.2024).
16. Consultant Plus. (2018) *Federal Law No. 411-FZ of November 12, 2018*. Moscow: Consultant Plus (Accessed: 10.02.2024). (In Russian).
17. Consultant Plus. (2020) *Federal Law No. 224-FZ of July 20, 2020*. Moscow: Consultant Plus (Accessed: 10.02.2024). (In Russian).
18. Kal'nitskiy, V.V. (2019) *Neposredstvennost' sudebnogo razbiratel'stva i dokazatel'stvennaya deyatel'nost' organov rassledovaniya* [Immediacy of the Trial and Evidentiary Activities of the Investigative Bodies]. Omsk: Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation.
19. Golovko, L.V. (2022) Izmenenie podkhodov k primeneniyu videokonferentssvyazi v ugolovnom protsesse Frantsii: ot sanitarno-tekhnologicheskogo k tsennostno-protsessual'nomu diskursu [Changing approaches to the use of videoconferencing in criminal proceedings in France: from sanitary-technological to value-procedural discourse]. *Zakonnost'*. 6 (1052). pp. 52–54.
20. Sorby, M. & Kehn, A. (2020) Juror perceptions of the stereotypical violent crime defendant. *Psychiatry, Psychology & Law*. 5 (28). pp. 645–664. doi: 10.1080/13218719.2020.1821827
21. NC Prosecutors' Resource Online. (2023) *222.2 The rights of the defendant in the courtroom*. [Online] Available from: https://ncpro.sog.unc.edu/manual/222-2 (Accessed: 21.01.2024).
22. JUSTIA. U.S. Supreme Court. (1976) *Estelle v. Williams, 425 U.S. 501 (1976)*. [Online] Available from: https://supreme.justia.com/cases/federal/us/425/501/ (Accessed: 21.01.2024).
23. Samtynova, E.A. (2020) Otmenen osobyy poryadok rassmotreniya ugolovnykh del o tyazhkikh prestupleniyakh [Special procedure for considering criminal cases of serious crimes has been canceled]. *Garant.ru*. 20 July. [Online] Available from: https://www.garant.ru/news/1401731/ (Accessed: 27.01.2024).

Информация об авторах:
Азарёнок Н.В. – д-р юрид. наук, директор Института юстиции, профессор кафедры судебной деятельности и уголовного процесса им. П.М. Давыдова Уральского государственного юридического университета имени В.Ф. Яковлева (Екатеринбург, Россия). E-mail: Azarenok_96@mail.ru
Золоев А.Г. – адвокат адвокатской конторы № 22 «Магнат» Свердловской областной коллегии адвокатов (Екатеринбург, Россия). E-mail: zoloev42@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:
N.V. Azarenok, Dr. Sci. (Law), director of the Institute of Justice, professor, Ural State Law University named after V.F. Yakovlev (Yekaterinburg, Russian Federation). E-mail: Azarenok_96@mail.ru
A.G. Zolotoyev, lawyer, Law Office No. 22 "Magnat", Sverdlovsk Regional Bar Association (Yekaterinburg, Russian Federation). E-mail: zoloev42@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 20.04.2024;
одобрена после рецензирования 21.08.2024; принята к публикации 30.09.2024.

The article was submitted 20.04.2024;
approved after reviewing 21.08.2024; accepted for publication 30.09.2024.

Научная статья
УДК 343.9
doi: 10.17223/15617793/506/23

Криминалистическая характеристика типовых следов преступника, осуществляющего криминальную деятельность в виртуальном пространстве (на примере дроповодов)

Дмитрий Владимирович Алымов[1], Константин Геннадьевич Балашов[2], Анастасия Юрьевна Дериглазова[3]

[1, 3] Юго-Западный государственный университет, Курск, Россия
[2] Адвокатская контора Красноперекопского района г. Ярославля (Ярославская областная коллегия адвокатов), Ярославль, Россия
[1] sledczy@list.ru
[2] balashoffkonstantin@yandex.ru
[3] deriglazovaanastasia9@gmail.com

Аннотация. Рассматривается процесс анализа уникальных черт и поведенческих паттернов, которые имеют идентификационное значение и способствуют раскрытию и расследованию преступлений, совершенных в виртуальном пространстве или с использованием информационных технологий. Исследован широкий спектр актуальных вопросов, связанных с особенностями проведения криминалистических исследований и выявления типовых следов преступника в условиях виртуального пространства, что требует глубокого понимания, осмысления и использования данных о психолого-криминалистических признаках деятельности преступников в сети Интернет.

Ключевые слова: человек, индивид, личность, типовые следы, модус, дроп, дроповод, киберпреступность

Для цитирования: Алымов Д.В., Балашов К.Г., Дериглазова А.Ю. Криминалистическая характеристика типовых следов преступника, осуществляющего криминальную деятельность в виртуальном пространстве (на примере дроповодов) // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 506. С. 185–192. doi: 10.17223/15617793/506/23

Original article
doi: 10.17223/15617793/506/23

Criminalistic characterization of typical traces left by an offender engaged in criminal activities in the virtual space (using the example of dropper operators)

Dmitriy V. Alymov[1], Konstantin G. Balashov[2], Anastasia Yu. Deriglazova[3]

[1, 3] Southwest State University, Kursk, Russian Federation
[2] Law Office of Krasnoperekopsky District of Yaroslavl, Yaroslavl, Russian Federation
[1] sledczy@list.ru
[2] balashoffkonstantin@yandex.ru
[3] deriglazovaanastasia9@gmail.com

Abstract. The study analyses unique traits and behavioural patterns that have identification value and contribute to the detection and investigation of crimes committed in the virtual space or with the use of information technologies. The authors investigate a wide range of topical issues related to the peculiarities of conducting forensic research and identifying the characteristics of the criminal's personality in the conditions of the virtual space, which requires a deep understanding, comprehension and use of data on psychological and forensic signs of criminals' activities on the Internet. The study considers methods and approaches to identifying typologies of criminals' behaviour reflected in the virtual space, analyses the mechanism and methods of committing crimes on the Internet, reveals specific characteristics that may indicate the criminal intentions of the subjects of criminal activity or testify to belonging to a certain group or category of criminals. Particular attention is paid to assessing the psychological profile of a criminal, including motivation, preferences, methods of communication and interaction online, which can be used to identify and apprehend him or her. The study identifies the need to develop and adapt existing criminological and forensic methods and tools for identity recognition in the virtual space, due to the rapid development of technology and the changing nature of crime. The importance of an interdisciplinary approach combining knowledge of information technology, criminology, psychology and law for effective crime detection and investigation in virtual environments is also emphasised. Thus, this study makes a significant contribution to the development of forensic science, expanding the understanding of the peculiarities of criminal activity in the virtual world, as well as to the fight against cybercrime based on an in-depth analysis of the individual characteristics of the offender's personality.

© Алымов Д.В., Балашов К.Г., Дериглазова А.Ю., 2024

Keywords: person, individual, personality, typical traces, mode, drop, dropper operator, cybercrime

For citation: Alymov, D.V., Balashov, K.G. & Deriglazova, A.Yu. (2024) Criminalistic characterization of typical traces left by an offender engaged in criminal activities in the virtual space (using the example of dropper operators). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 506. pp. 185–192. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/506/23

Многообразие обстоятельств, возникающих в условиях совершения преступлений и последующего расследования, акцентирует внимание на потенциальной криминалистической значимости различных аспектов человеческой индивидуальности. Данный фактор охватывает широкий диапазон характеристик, начиная с анатомических и биологических маркеров, таких как дерматоглифический статус, группа крови, особенности телесного аромата, и вплоть до психологических и социальных элементов, включая динамику психических процессов, систему ценностей и профессиональную сферу деятельности.

Текущий научный интерес к исследованию индивидуальных особенностей в рамках криминалистики мотивирован практической значимостью таковых в уголовно-правовой сфере. Существующие криминалистические знания и разработанные теоретические подходы, касающиеся участников уголовного судопроизводства, стали основанием для формирования специализированной криминалистической теории личности.

Информация, отображающая ключевые характеристики личности, приобретает важнейшее значение в процессе раскрытия и расследования преступлений, открывая возможности для определения групповой принадлежности и последующей идентификации преступника, а также решения иных задач криминалистического характера.

Человек представляет собой сложную биосоциальную систему с разветвленной внутренней структурой и многоуровневым функционированием своих структурных компонентов. Эта органически целостная система обладает высочайшей степенью организованности и спецификой функциональной активности, подчеркивая свои многочисленные разнонаправленные взаимодействия с внешней средой.

Таким образом, в криминалистической практике глубокое понимание и анализ индивидуальных особенностей личности преступника и жертвы преступления открывает новые горизонты для эффективного расследования, а также для разработки продиктивных моделей предотвращения преступной деятельности.

Для достижения поставленных целей использовались различные методологические подходы, в частности дедуктивный, системно-аналитический, формально-логический, которые позволили осуществить обзор криминалистической идентификации личности и из общих теоретических положений сделать конкретные выводы о перспективах развития правовой среды для выявления индивидуальных особенностей личности преступника в виртуальном пространстве.

В своих научных работах профессор Н.П. Яблоков акцентировал внимание на том, что концепция «человек» занимает центральное место в криминалистической теории анализа личностных характеристик. Термины «человек», «индивид» и «личность» часто применяются как взаимозаменяемые понятия в контексте данной научной дисциплины [1. С. 28]. Однако мы считаем такой подход не совсем верным.

Личностное становление индивида является последствием его социализации, где значительную роль играют как экстернальные, так и интернальные воздействия. Термин «личность» по отношению к новорожденному кажется неприменимым, ведь данное понятие начинает ассоциироваться с человеком лишь по достижению им определенного развития. Однако, несмотря на это, пренебрегать биологическим фундаментом в формировании личности не следует. Также было бы неверным предполагать доминирование психологии как единственной дисциплины в изучении категории «личность». Ввиду сложности и многогранности данного понятия, а также его связей с другими категориями, описывающими современного представителя homo sapiens, его анализ всегда был и остается в фокусе множества научных областей, включая криминалистику.

Раскрытие и детальное расследование преступных деяний требует решения широкого спектра задач, охватывающих криминалистические, уголовно-правовые, уголовно-процессуальные и криминологические аспекты, которые во многом зависят от количества и качества так называемой гомологической информации. Применение достижений разнообразных человековедческих дисциплин в процессе досудебного разбирательства уголовных дел способствует повышению эффективности противодействия преступности, что в свою очередь не связано исключительно с технической обеспеченностью правоохранительных органов или нормативной базой [2. С. 914]. Эффективность работы практикующих специалистов находится в прямой зависимости от их осознания особенностей межличностного взаимодействия, а также от владения навыками и умениями, способствующими квалифицированной организации общения на всех этапах уголовного процесса.

В эпоху цифровизации злодеяния, совершаемые в области информационных технологий, часто коррелируют с искажением определенных субъективных атрибутов личности, в частности элементов ценностно-нравственного спектра. Комплекс обстоятельств в социуме и характеристики окружающей среды выступают каталитическими факторами, влияющими на психологическую структуру индивида. Эти внешние факторы взаимодействуют с индивидуальными особенностями личности, предрасполагающими к девиантному поведению, что иногда приводит к преступлениям в сфере цифровых технологий. В.А. Мещеряков с соавт. подчеркивает, что за любыми действиями индивида стоят его ценностные ориентиры, вне зависимости от натуры поступка – будь то положительный,

нейтральный или отрицательный [3. С. 163]. Трансформация нравственных принципов и юридической сознательности может сама по себе стимулировать выбор в пользу преступного пути. Подобный выбор можно ассоциировать с потребностями, моральными установками, системой ценностей, уровнем правосознания, и прежде всего с мотивацией. Указанные характеристики личности обеспечивают преступнику интеллектуальные предпосылки для планирования и выполнения намерений, что становится ключевым элементом в контексте разработки оперативно-розыскных стратегий [4. С. 28].

В связи с тем, что тема является довольно обширной для исследования, мы направили внимание на личностные характеристики интернет-преступников, реализующих деятельность в сфере легализации доходов, полученных преступным путем, и на их примере разработать теоретическую основу для определения наиболее типичных особенностей личности преступника в виртуальном пространстве.

В процессе развития криминалистической науки особое внимание стало уделяться изучению и анализу следов преступлений, совершенных с применением современных высоких технологий [5. С. 48]. Этот вид преступности характеризуется формированием следов не только традиционных материальных и идеальных видов, но и новой категории следов, которые зарегистрированы в уникальной среде киберпространства.

Такие следы инкорпорируются в рамки информационной среды и часто обсуждаются в научной литературе под различными наименованиями, такими как «информационные следы», «компьютерно-технические следы», «бинарные следы» и «электронно-цифровые следы» [6. С. 175]. Важно отметить, что данные следы образуются в результате цифровых взаимодействий и хранятся в электронном виде, что делает их особенным объектом для криминалистической науки.

В рамках научного обсуждения представлены взгляды на необходимость расширения методологической базы для анализа таких следов, поскольку их исследование требует специфических знаний и технологий. Проблематика также включает в себя различные мнения относительно терминологии: например, допустимость использования термина «виртуальные следы».

Данное обозначение иногда вводится в качестве общего для всех видов цифровых следов, но вызывает дискуссии в научных кругах относительно его точности и адекватности. С одной стороны, термин подчеркивает виртуализированную природу следа, с другой – может восприниматься как слишком обобщающий и не учитывающий специфику различных видов деятельности в киберпространстве.

Процесс анализа виртуальных следов непосредственно зависит от структуры и контента данных, содержащихся в этих следах [7. С. 208]. Структура в данном контексте определяется как формат данных или файла, который задает параметры для хранения и обработки информации. Содержание, в свою очередь, представляет собой непосредственную информацию, раскрываемую в процессе анализа различных носителей в рамках криминалистического исследования.

Актуализация разделения на данные категории подразумевает необходимость детального изучения взаимосвязей между структурой и контентом информации. Это дает возможность не только эффективнее классифицировать собранные данные при расследовании преступлений, но и более точно определить методику их дальнейшего использования.

Категории информационных следов, которые могут быть выделены в процессе исследования, содержат [8. С. 351]:

1. Данные об операциях с файлами, включая их создание, модификацию и удаление, что может помочь установить хронологию действий пользователя или программы.

2. Сведения об активности пользователей в информационно-телекоммуникационных сетях, позволяющие получить доказательства взаимодействий между субъектами или информацию о доступе к определенным ресурсам.

3. Информация из текстовых файлов, которая может содержать важные сообщения, документы или записи, имеющие отношение к расследуемому событию.

4. Содержимое видеофайлов, отражающее визуальные данные событий, мест действия или лиц, связанных с преступлением.

5. Аудиофайлы, которые могут включать разговоры, фоновые звуки или другие аудиальные данные, полезные для идентификации событий или действующих лиц.

6. Графическая информация, содержащаяся в файлах изображений и других графических форматах, которая может служить источником доказательств, например, путем анализа метаданных фотографий или сравнения изображений.

Методы анализа этих данных, их разработка и совершенствование, способствуют повышению эффективности расследования преступлений, обогащая их техническими средствами и методиками, что, в свою очередь, способствует более точной и оперативной реализации правосудия.

Для виртуальных следов предлагаются различные классификации, однако мы считаем, что они требуют дополнения и дальнейшей унификации по различным сферам виртуального пространства.

Сегодня особый криминалистический интерес для изучения и дальнейшей типологизации виртуальных следов представляет преступная деятельность по легализации доходов, полученных преступным путем. Для начала определим понятийно-категориальный аппарат этой сферы виртуального пространства.

Дроп представляет собой лицо, фигурирующее в структуре мошеннической операции, выполняя роль инструмента для реализации финансовых манипуляций. Он задействует как собственные, так и предоставленные ему организатором мошеннической деятельности в конкретном регионе (известным как «дроповод») платежные инструменты и банковские счета в целях легализации или транзита присвоенных финансовых активов. Следовательно, дроп промежуточно вписывается в цепь операций с присвоенными средствами, обеспечивая их дальнейшее перемещение [9].

Процесс привлечения лиц, выполняющих роль дропов, к юридической ответственности за участие в мошеннических схемах, как правило, осуществляется без особых трудностей со стороны органов правопорядка на фоне наличия адекватной доказательной базы [10]. Тем не менее в современной практике службам безопасности банковского сектора не предоставлено законодательных полномочий для реализации превентивных мер в виде блокировок финансовых активов, поступивших на банковские счета указанных лиц. Возможность таких ограничительных действий ограничивается положениями Федерального закона от 07.08.2001 (ред. от 11.03.2024) № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» [11], который не охватывает случаи кибермошенничества, оставляя простор для злоумышленников в восстановлении доступа к замороженным средствам.

На основе анализа научной литературы по исследуемой проблеме мы решили обосновать новую классификацию виртуальных следов. Рассмотрение классификации виртуальных следов, оставляемых дроповодами, требует детального анализа каждой категории для эффективного применения в криминалистической практике. Эта классификация служит основой для систематизации собранных данных и их последующего использования на стадиях расследования и судебного разбирательства.

1. Следы транзакционной активности:

– В рамках операций с банковскими переводами важность детального анализа данных транзакций не может быть переоценена. Эти данные могут раскрывать информацию о динамике перемещения финансовых средств, что, в свою очередь, способствует выявлению связей между участниками киберпреступлений, в том числе между так называемыми дроповодами – лицами, участвующими в схемах отмывания денег. Анализ транзакционных данных помогает обнаруживать нетипичные шаблоны проведения операций, которые могут указывать на злонамеренные действия, включая отмывание капиталов. К примеру, дроповоды зачастую изучают потребительские привычки лиц, чьи банковские карты они используют, чтобы обеспечить максимально «естественное» использование карт. Этот процесс включает в себя траты, которые начинаются с сумм, близких к обыденным расходам владельца карты, но затем резко увеличиваются, порой, следуя геометрической прогрессии. Подобный рост транзакций может стать сигналом для финансовых институтов к принятию превентивных мер. Передовая практика предлагает не допускать продолжительных сроков ожидания в случае обнаружения подозрительной активности. Вместо ожидания недели или двух, разумным решением будет оперативное реагирование на аномалии в поведении транзакций – например, введение блокировки карт и заморозка средств уже через три дня после обнаружения подозрительных изменений в поведении транзакций. Это позволит значительно сократить операционное пространство для дроповодов и снизить уровень преступной активности в данной сфере.

Такой подход способствует не только снижению риска потерь для банков и честных клиентов, но и укрепляет общую структуру финансовой безопасности, повышая эффективность системы предупреждения и реагирования на финансовые махинации. Эффективное применение криминалистического анализа транзакций, таким образом, становится решающим фактором в обеспечении надлежащего правопорядка и финансовой стабильности.

– Записи электронных платежных систем играют значимую роль в процессе идентификации и анализа киберпреступлений, связанных с финансовыми махинациями. Эти записи обеспечивают ключевую информацию, такую как географическое расположение участников транзакций, точное время осуществления операций и связные учетные записи, что может быть использовано для трассировки путей денежных потоков и связанных с ними лиц.

Однако существующая практика решения проблем, связанных с злоупотреблениями в финансовой сфере, часто сталкивается с новыми вызовами, такими как использование дроповодами механизмов обналичивания средств после блокировки учетных записей. После наложения блокировки на средства, преступники часто переходят к тактике активного использования разных банковских отделений для снятия оставшихся на счетах финансов. Эта процедура умышленно осуществляется для минимизации риска обнаружения и привлечения внимания правоохранительных органов.

В условиях оптимизации процесса раскрытия и пресечения подобных действий мы предлагаем реализацию меры, включающей обязательное уведомление правоохранительных структур при снятии денежных средств с заблокированных счетов. Это предложение реализуется таким образом: если банк выдает часть средств с заблокированного счета (в контролируемом объеме), он должен одновременно проинформировать силы правопорядка. Такое уведомление позволит органам правопорядка организовать наблюдение за дропами и дроповодами, что увеличит вероятность раскрытия всей преступной сети и пресечения их деятельности. Это нововведение не только усилит контроль за мошенническими операциями, связанными с электронными платежами, но и обеспечит нужную юридическую основу для последующего задержания и судебного преследования лиц, занимающихся незаконными финансовыми операциями. Таким образом, синергия между банковскими учреждениями и правоохранительными органами будет способствовать эффективности правовой системы в борьбе с новыми вызовами киберпреступности.

2. Логины входов в систему и сетевые следы:

Исследование IP-адресов и сессий пользователей, связанных со счетами и платежными системами, выступает критическим инструментом в контексте киберпреступлений. Такие данные позволяют не только определять исходную точку доступа к различным аккаунтам, но и выявлять геолокацию злоумышленников в режиме реального времени. Несмотря на распространенное использование прокси-серверов и SIM-карт, зарегистрированных на третьих лиц, криминалистический анализ часто раскрывает прямую связь между основными счетами дроповодов и данными SIM-

картами, особенно если баланс пополняется со счетов, связанных с основной деятельностью подозреваемых.

Ключевой момент заключается в том, что дроповод не успевает отключить прокси-сервер и осуществляет вход на свои основные аккаунты, оставляя сетевые следы, это создает уязвимости в их маскировке. Эти данные, отмеченные ошибками в управлении доступом, становятся важными уликами, позволяющими прослеживать действия участников преступных сетей.

Информация о критической активности, зарегистрированная на устройствах подозреваемых, способствует формированию хронологической карты их действий. Подобный подход выявляет не только векторы атак, но и позволяет анализировать технологически продвинутые преступления на более глубоком уровне, как, например, координацию действий в рамках широкомасштабных кибератак или схем отмывания денег через цифровые платформы.

Такое обширное использование данных о сетевой активности и анализе пользовательских сессий становится не просто методом расследования, но реальным средством превенции и прогнозирования киберпреступной активности, обеспечивая эффективное взаимодействие правоохранительных органов с финансовыми и технологическими учреждениями для защиты личных и корпоративных данных.

3. Документальные следы:

– Электронные документы являются неотъемлемой составляющей расследований киберпреступлений, так как они часто содержат в себе ключевые данные о намерениях, договоренностях и другой информации, прямо связанной с правонарушениями. Особо важной для криминалистического анализа является возможность изучения метаданных документов, которые предоставляют сведения об авторстве документа, временных рамках его создания и редактирования. Эти аспекты могут играть решающую роль в процессе судебного доказывания, служа объективными свидетельствами влияния или участия определенных лиц в криминальных схемах. Метаданные файлов открывают перед следствием широкие возможности для глубинного анализа: даты и время создания или модификации файлов могут быть использованы для определения временных интервалов активности участников преступной группировки. К примеру, фотографии паспортов использованных дропов и учетная информация о прежде использованных (откатанных) банковских счетах представляют ценность для выявления и идентификации лиц, задействованных в нелегальной деятельности. Также важной информацией служат текстовые файлы, которые могут содержать подробные сообщения, документы и записи, непосредственно связанные с расследуемыми преступлениями. Анализ таких файлов может выявить существенные улики, подтверждающие или опровергающие связь между субъектами расследования и преступной активностью.

Теперь перейдем непосредственно к криминалистической модели, отражающей индивидуальные психологические качества личности, осуществляющей противоправную деятельность в сфере информационных технологий.

В рамках проведенного исследования за период с 12 февраля 2024 г. по 12 апреля 2024 г. был осуществлен мониторинг коммуникационных каналов в интернет-мессенджере Telegram для выявления активности дроповодов. В ходе аналитической работы с использованием методов цифровой криминалистики и интеллектуального анализа данных установлено четыре крупных закрытых канала, которые служат платформами для коммуникации между участниками дроповодческой деятельности. Эти данные были получены путем систематического отслеживания и анализа трафика, а также верификации контента в соответствии с методологическими подходами к осуществлению сетевого мониторинга и выявлению скрытых киберсообществ.

Для достижения целей исследования использовались следующие методы и методологический подходы:

1. Мониторинг сетевого трафика: было осуществлено наблюдение за потоками данных в интернет-мессенджере Telegram. Это включало в себя анализ IP-адресов, частоты сообщений и временных меток, что позволило идентифицировать активные и потенциально подозрительные каналы.

2. Анализ содержимого: применялся семантический и лингвистический анализ сообщений внутри идентифицированных каналов. Особое внимание уделялось обнаружению специфической терминологии и кодированных сообщений, что является индикатором криминальной деятельности.

3. Верификация контента: для подтверждения подозрений о криминальной направленности коммуникаций использовались методы кросс-верификации данных с другими открытыми источниками и базами данных. Такой подход позволял повысить достоверность выявления действительно дроповодческих каналов.

4. Статистический анализ: осуществлялся сбор количественных данных о количестве и частоте сообщений, что помогало определить наиболее активные и значимые временные периоды деятельности дроповодов.

5. Использование программного обеспечения для глубокого анализа данных: применялись специализированные инструменты для анализа больших объемов данных и выявления скрытых паттернов в коммуникационном поведении участников закрытых каналов.

Эти методы были интегрированы в комплексный подход к расследованию, который позволил с высокой долей точности определить характер и масштабы деятельности дроповодов в рамках заданного временного периода. Все этапы исследования сопровождались строгим соблюдением этических норм и законодательства в области цифровой конфиденциальности и кибербезопасности.

В рамках реализации эмпирической части научного исследования было осуществлено детальное изучение поведенческих паттернов 50 индивидуумов, идентифицированных нами как дроповоды. Данный анализ проводился с целью выявления уникальных личностных характеристик преступников, осуществляющих свою деятельность в условиях виртуального пространства. Исследование базировалось на комплексном применении поисково-идентификационных методов, что

позволило сформулировать профиль типичного дроповода.

Приведем сформулированные признаки дроповодов в виртуальном пространстве с подробным описанием каждой характеристики:

1. Анонимные коммуникации и использование специализированных инструментов:

1) описание: дроповоды активно используют зашифрованные мессенджеры, VPN, TOR и другие средства для поддержания анонимности;

2) характеристика: частая смена IP-адресов, использование множества учетных записей, созданных на временные и фальшивые электронные почтовые адреса, использование криптовалют для проведения транзакций;

3) влияние: подчеркивает высокую техническую подготовленность и осведомленность преступника о методах анонимизации. Демонстрирует его способности к скрытному ведению операций и избеганию обнаружения;

4) методы выявления:

– применение методов глубокого анализа данных для обнаружения использования инструментов анонимизации, таких как TOR и VPN. Анализ сетевых потоков позволяет идентифицировать характерный трафик, указывающий на применение этих технологий;

– анализ логинов серверов: выявление подозрительных анонимных учетных записей посредством анализа логинов серверов. Собранные данные аккумулируются и анализируются для выявления паттернов, характерных для использования анонимных сервисов;

– корреляция данных из различных источников: использование методов корреляционного анализа для сопоставления данных из различных источников, что позволяет обнаруживать аномалии в использовании сетевых ресурсов.

2. Фальсификация и создание поддельных идентификаторов:

1) описание: создание и использование поддельных документов и цифровых идентификаторов для легитимации своей деятельности в сети;

2) характеристика: использование украденных или поддельных личных данных, клонов веб-страниц и сервисов, регистрация поддельных мобильных номеров;

3) влияние: свидетельствует о склонности к обману и высоком уровне сообразительности. Личность преступника характеризуется навыками социальной инженерии и способностью к созданию правдоподобных легенд и прикрытий;

4) методы выявления:

– сбор и анализ данных о регистрации учетных записей: выявление подозрительных соответствий и аномалий в данных о регистрации учетных записей для идентификации использования поддельных данных;

– кросс-сопоставление информации: сопоставление данных из различных баз данных (социальные сети, публичные реестры) для обнаружения несовпадений и возможных подделок;

– использование технологий машинного обучения: применение алгоритмов машинного обучения для анализа и выявления паттернов, характерных для поддельных идентификаторов.

3. Нетипичное сетевое поведение и сложные логистические схемы транзакций:

1) описание: запутанные и нестандартные маршруты сетевых операций для затруднения отслеживания;

2) характеристика: использование «сложных» маршрутов для передачи данных и денег через несколько стран, сервисов и технологий, например, прокси-серверов с геоуровнями;

3) влияние: демонстрирует умение планировать и координировать сложные операции, навык маскировки своих действий и предотвращения отслеживания. Личность преступника обладает стратегическим мышлением и вниманием к деталям;

4) методы выявления:

– трассировка маршрутов сетевого трафика: анализ маршрутов передачи данных с целью выявления сложных и нетипичных схем, используемых для маскировки криминальной активности;

– анализ транзакций в финансовых системах: мониторинг и анализ финансовых транзакций, особенно при использовании криптовалют, для обнаружения аномальных паттернов и подозрительных схем перевода средств;

– применение больших данных: использование методов больших данных (Big Date) для выявления сложных логистических схем и нетипичных маршрутов сетевого трафика.

4. Социальная инженерия и манипуляция:

1) описание: применение психологических методов для обмана участников транзакций и кражи данных;

2) характеристика: использование фишинговых атак, социальная инженерия, направленная на получение доступа или данных, создание ложных профилей для обмана пользователей и вызова доверия;

3) влияние: указывает на высокий уровень межличностных и манипулятивных навыков преступника. Способность влиять на других и извлекать информацию из жертв говорит о его психологической сообразительности и эмпатии (в специфическом, манипулятивном контексте);

4) методы выявления:

– анализ электронной почты и сообщений: фильтрация сообщений и электронных писем на предмет выявления фишинговых атак и других манипулятивных техник. Применение алгоритмов анализа текста для обнаружения шаблонов социальной инженерии;

– базы данных контента: поддержка баз данных известного контента, используемого социальными инженерами, для раннего предупреждения и идентификации подозрительных сообщений;

– симуляции и ловушки: использование ловушек для выявления попыток социальной инженерии и фиксации методов преступников.

5. Избегание цифровых следов и следов поведения:

1) описание: постоянное стремление к скрытию своей активности в сети;

2) характеристика: регулярное удаление следов присутствия, таких как история браузера, удаление метаданных из файлов, использование самоуничтожающихся сообщений;

3) влияние: указывает на паранойю и высокий уровень осторожности. Личность преступника стремится минимизировать риски и обладает высокой дисциплиной и самоконтролем;

4) методы выявления:

– поведенческий анализ: применение методов поведенческого анализа для выявления аномалий, связанных с удалением или сокрытием данных. Создание профилей поведения для идентификации отклонений от нормального использования;

– мониторинг в реальном времени: развертывание сенсоров и мониторинговых систем для отслеживания подозрительных активностей. Использование систем для оперативного обнаружения и реагирования на инциденты.

Подводя итог, мы приходим к выводу, что разработка криминалистической модели, отражающей индивидуальные психологические качества личности, осуществляющей противоправную деятельность в сфере информационных технологий, является ключевой задачей для современной криминалистики Российской Федерации. Материалы настоящего исследования могут служить базой для разработки интегрированного подхода к идентификации операторов дроп-систем в социальных медиа, обеспечивая тем самым усиление мер по противодействию процессам легализации финансовых активов, добытых преступным путем.

Такой подход подразумевает использование сложного сочетания аналитических техник и методов кибернетической безопасности для выявления и нейтрализации механизмов, с помощью которых осуществляется интеграция незаконно полученных средств в легальный финансовый оборот через цифровую инфраструктуру.

Реализация данных научных предложений позволит повысить эффективность борьбы с экономическими преступлениями в условиях глобализации информационных процессов.

Список источников

1. Яблоков Н.П., Александров И.В. Криминалистика : в 5 т. Т. 5: Методика расследования преступлений. М. : Юрайт, 2024. 243 с.
2. Жижилева А.А. О некоторых теоретических аспектах использования в криминалистике понятий цифровые, электронные, виртуальные следы // Вопросы российской юстиции. 2019. № 3. С. 913–918.
3. Мещеряков В.А., Цурлуй О.Ю. О понятии электронно-цифрового отображения в цифровой криминалистике // Российское правосудие. 2022. № 1. С. 162–171.
4. Фролов А.Н. Факторы, влияющие на трансформацию правосознания в современной России // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2019. № 2 (37). С. 26–37.
5. Льянов М.М. Современный подход к классификации виртуальных следов // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2020. № 4 (30). С. 47–55.
6. Переверзева Е.С., Комов А.В. Виртуальные и цифровые следы: новый подход в понимании // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2021. № 1 (89). С. 172–178. doi: 10.35750/2071-8284-2021-1-172-178
7. Грибунов О.П. Криминалистическая теория причинности в контексте установления механизма следообразования: философские и теоретические аспекты // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 446. С. 207–211. doi: 10.17223/15617793/446/27
8. Агибалов В.Ю. Криминалистическая сущность виртуальных следов // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2009. № 2 (7). С. 350–355.
9. Узнал, что стал дропом // Адвокат Лавренов и Партнёры. URL: https://advokat-lavrenov.ru/chto-delat-esli-stal-dropom/ (дата обращения: 17.04.2024).
10. О рисках вовлеченности граждан в продажу и передачу персональных данных для их использования в криминальных схемах и участия в качестве «дропа» // Генеральная прокуратура Российской Федерации. URL: https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_63/activity/legal-education/explain?item=92210142 (дата обращения: 17.04.2024).
11. Вопросы по ФЗ-115 // Банк России. URL: https://cbr.ru/explan/pcod/doc/?number=35 (дата обращения: 16.04.2024).

References

1. Yablokov, N.P. & Aleksandrov, I.V. (2024) *Kriminalistika* [Forensic Science]. Vol. 5. Moscow: Yurayt.
2. Zhizhileva, A.A. (2019) O nekotorykh teoreticheskikh aspektakh ispol'zovaniya v kriminalistike ponyatiy tsifrovye, elektronnye, virtual'nye sledy [On some theoretical aspects of using the concepts of digital, electronic, and virtual traces in forensic science]. *Voprosy rossiyskoy yustitsii*. 3. pp. 913–918.
3. Meshcheryakov, V.A. & Tsurluy, O.Yu. (2022) O ponyatii elektronno-tsifrovogo otobrazheniya v tsifrovoy kriminalistike [On the concept of electronic-digital display in digital forensic science]. *Rossiyskoe pravosudie*. 1. pp. 162–171.
4. Frolov, A.N. (2019) Faktory, vliyayushchie na transformatsiyu pravosoznaniya v sovremennoy Rossii [Factors influencing the transformation of legal awareness in modern Russia]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo*. 2 (37). pp. 26–37.
5. L'yanov, M.M. (2020) Sovremennyy podkhod k klassifikatsii virtual'nykh sledov [Modern approach to classification of virtual traces]. *Sibirskie ugolovno-protsessual'nye i kriminalisticheskie chteniya*. 4 (30). pp. 47–55.
6. Pereverzeva, E.S. & Komov, A.V. (2021) Virtual'nye i tsifrovye sledy: novyy podkhod v ponimanii [Virtual and digital traces: a new approach to understanding]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii*. 1 (89). pp. 172–178. doi: 10.35750/2071-8284-2021-1-172-178
7. Gribunov, O.P. (2019) The forensic theory of causality in the establishment of the trace creation mechanism: philosophical and theoretical aspects. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 446. pp. 207–211. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/446/27
8. Agibalov, V.Yu. (2009) Kriminalisticheskaya sushchnost' virtual'nykh sledov [Forensic nature of virtual traces]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo*. 2 (7). pp. 350–355.
9. Advokat Lavrenov i Partnery [Lawyer Lavrenov and Partners]. (n.d.) *Chto delat', esli stal dropom* [What to do if you become a drop]. [Online] Available from: https://advokat-lavrenov.ru/chto-delat-esli-stal-dropom/ (Accessed: 17.04.2024).
10. General'naya prokuratura Rossiyskoy Federatsii [Prosecutor General's Office of the Russian Federation]. (n.d.) *O riskakh vovlechennosti grazhdan v prodazhu i peredachu personal'nykh dannykh dlya ikh ispol'zovaniya v kriminal'nykh skhemakh i uchastiya v kachestve "dropa"* [On the risks of citizens' involvement in the sale and transfer of personal data for their use in criminal schemes and participation as a "drop"]. [Online] Available from: https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_63/activity/legal-education/explain?item=92210142 (Accessed: 17.04.2024).
11. Bank Rossii [Bank of Russia]. (n.d.) *Voprosy po FZ-115* [Questions on Federal Law FZ-115]. [Online] Available from: https://cbr.ru/explan/pcod/doc/?number=35 (Accessed: 16.04.2024).

Информация об авторах:
Алымов Д.В. – канд. юрид. наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Юго-Западного государственного университета (Курск, Россия). E-mail: sledczy@list.ru
Балашов К.Г. – помощник адвоката Адвокатской конторы Красноперекопского района г. Ярославля (Ярославская областная коллегия адвокатов) (Ярославль, Россия). E-mail: balashoffkonstantin@yandex.ru
Дериглазова А.Ю. – лаборант кафедры конституционного права Юго-Западного государственного университета (Курск, Россия). E-mail: deriglazovaanastasia9@gmail.com

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:
D.V. Alymov, Cand. Sci. (Law), associate professor, Southwest State University (Kursk, Russian Federation). E-mail: sledczy@list.ru
K.G. Balashov, lawyer assistant, Law Office of Krasnoperekopsky District of Yaroslavl (Yaroslavl, Russian Federation). E-mail: balashoffkonstantin@yandex.ru
A.Yu. Deriglazova, laboratory assistant, Southwest State University (Kursk, Russian Federation). E-mail: deriglazovaanastasia9@gmail.com

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 03.05.2024;
одобрена после рецензирования 06.09.2024; принята к публикации 30.09.2024.

The article was submitted 03.05.2024;
approved after reviewing 06.09.2024; accepted for publication 30.09.2024.

Научная статья
УДК 342.51
doi: 10.17223/15617793/506/24

Принцип эффективности и его реализация в деятельности прокуратуры как института публичной власти с особым статусом

Вячеслав Борисович Евдокимов[1], Александр Юрьевич Ульянов[2]

[1] Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия, vevdokimov@list.ru
[2] Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет), Челябинск, Россия, 70ru@bk.ru

Аннотация. Целью исследования является определение возможных подходов к оценке эффективности деятельности прокуратуры Российской Федерации как особого института в системе публичной власти. В свете конституционных поправок уделено внимание проблеме определения правового статуса прокуратуры в системе публичной власти, а также поиску оптимальных критериев эффективности деятельности надзорного ведомства. Предлагается закрепить в соответствующем федеральном законе принцип эффективности деятельности прокуратуры, а также создать общественно-экспертные советы при органах прокуратуры.
Ключевые слова: принцип эффективности, прокуратура, публичная власть, независимая оценка, общественный контроль, критерии эффективности

Для цитирования: Евдокимов В.Б., Ульянов А.Ю. Принцип эффективности и его реализация в деятельности прокуратуры как института публичной власти с особым статусом // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 506. С. 193–200. doi: 10.17223/15617793/506/24

Original article
doi: 10.17223/15617793/506/24

The principle of efficiency and its implementation in the organization of the Prosecutor's Office as an institution of public authority with a special status

Vyacheslav B. Evdokimov[1], Aleksandr Yu. Ulyanov[2]

[1] Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation, vevdokimov@list.ru
[2] South Ural State University, Chelyabinsk, Russian Federation, 70ru@bk.ru

Abstract. The Prosecutor's Office of the Russian Federation, in accordance with its constitutional authority, significantly influences social and legal processes by performing a set of functions in the interests of citizens, society and the state. Given the specific legal status of the Prosecutor's Office, this necessitates a search for legal means and methods to assess the efficiency of this institution. The aim of the research is to identify possible approaches for evaluating the performance of the Prosecutor's Office of the Russian Federation as a specialized agency within the public authority system. In selecting criteria, the authors propose to consider the unique constitutional and legal position of the Russian Prosecutor's Office, its significant impact on the state of legality and order, the multifaceted nature of its activities, and the emphasis on individuals, their rights and freedoms as the highest priority within the scope of prosecutorial oversight. The use of general scientific research methods, such as analysis and synthesis, as well as the formal legal and interpretation methods, allowed the authors to draw the conclusion that the establishment of general criteria for evaluating effectiveness should focus on achieving not only quantitative but also qualitative indicators in the work of prosecutors. This should be done with consideration for their adaptation to the country's national development goals. Based on a formal and logical analysis of Russian legislation, the authors argue for the need to consolidate in relevant sectoral legislation the system of general principles of public administration including the principle of efficiency. This would be consistent with the goal of ensuring the effectiveness of the work of prosecutors and their contribution to the overall development of the country. The authors emphasize the importance of adopting an integrated approach to evaluating the efficiency of the Prosecutor's Office. They highlight the leading role of the president as a guarantor of the Russian Constitution and human and civil rights in organizing and overseeing the activities of prosecutors, including assessing their efficiency. In order to conduct independent evaluations of prosecutorial performance and exercise public oversight, it is suggested that public advisory boards be established under the Prosecutor's Office. Attention is drawn to the need for the federal legislative consolidation of the president's authority to establish an organizational and legal framework for assessing the performance of prosecutors.
Keywords: principle of efficiency, prosecutor's office, public authority, independent evaluation, public control, performance criteria

© Евдокимов В.Б., Ульянов А.Ю., 2024

For citation: Evdokimov, V.B. & Ulyanov, A.Yu. (2024) The principle of efficiency and its implementation in the organization of the Prosecutor's Office as an institution of public authority with a special status. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 506. pp. 193–200. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/506/24

Прокуратура Российской Федерации благодаря своим конституционным полномочиям занимает уникальное место в системе публичной власти, выполняя комплекс задач по обеспечению интересов личности, общества и государства. Органы прокуратуры оказывают непосредственное влияние на состояние законности и правопорядка, обеспечивая надзор за соблюдением Конституции Российской Федерации (далее по тексту – Конституция), исполнением законов, надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина, осуществляя уголовное преследование и иные функции.

Прокуратура России представляет собой иерархически построенную систему государственных органов. Она организационно обособлена от других органов государственной власти, отличается специфическими принципами организации и деятельности, наличием функциональных связей между всеми звеньями системы, использует особые формы и методы реализации своих полномочий, обладает реальной возможностью уравновешивать с помощью сдержек и противовесов другие ветви власти [1. С. 14].

Современная деятельность прокуратуры охватывает различные сферы правовых отношений и в значительной степени концентрируется на обеспечении конституционных ценностей (принципов), поскольку ее основные цели связаны с обеспечением верховенства и прямого действия Конституции, прав и свобод человека, единства и укрепления законности, поддержанием законности и правопорядка, обеспечением суверенитета, единства и стабильности государства. Прокуроры активно защищают права граждан и интересы публичных образований, участвуют в нормотворческой деятельности, осуществлении мониторинга правоприменения, проведении антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и их проектов, координируют деятельность правоохранительных органов по борьбе с преступностью.

Таким образом, конституционное назначение прокуратуры состоит в обеспечении конституционной законности и правопорядка, защите конституционных прав и свобод человека и гражданина [2. С. 5]. Хотя в юридической литературе встречается и более широкое понимание назначения прокуратуры, которое «состоит в обеспечении верховенства закона, единства и укрепления законности, в защите прав и свобод человека и гражданина, а также охраняемых законом интересов общества и государства, содействия эффективному функционированию законодательной, исполнительной и судебной власти, в обеспечении единого правового пространства» [3].

Сущность конституционализации прокуратуры заключается в том, что прокуратура в силу своего конституционно-правового статуса непосредственно ориентирована на обеспечение конституционной законности, защиту прав и свобод человека и гражданина как высшей ценности. Это позволяет ей использовать свой потенциал для конституционализации правопорядка, в том числе посредством участия в реализации правовой политики государства, достижении и соблюдении баланса интересов личности, общества и государства.

Еще одной отличительной особенностью российской прокуратуры является многообразие форм прокурорской деятельности, механизмов и способов взаимодействия на всех уровнях организации власти. Стратегические приоритеты деятельности прокуратуры неразрывно связаны с соблюдением баланса публичных и частных интересов, защитой конституционных прав и свобод, обеспечением законности, единства и безопасности государства, поддержанием правового порядка в обществе. Именно этим обусловлено возрастание роли прокуратуры в реализации правовой политики, защите национальных интересов государства. Кроме того, прокуроры наделены значительными властно-публичными полномочиями в сфере уголовного преследования, административного принуждения и иных сферах государственно-правового воздействия.

Все вышеперечисленное диктует постановку вопроса о средствах реализации принципа эффективности в деятельности прокуратуры как института публичной власти с особым правовым статусом.

В юридической литературе не оспаривается утверждение о том, что деятельность органов прокуратуры должна оцениваться на общих основаниях с другими органами и институтами публичной власти [4, 5]. Однако единого подхода к пониманию эффективности в правовой науке не сложилось. Анализ целого ряда работ по этой теме показывает, что четкие смысловые границы «эффективности» как правовой категории не определены. Но так как сам термин носит междисциплинарный характер, часто происходит его смешение с другими близкими по смыслу понятиями, отражающими те или иные стороны или свойства эффективности (результативность, полезность, оперативность, целесообразность, качественность, экономичность, оптимальность и т.д.).

Например, Ф.М. Кобзарев под эффективностью понимает отражение степени достижения цели этой деятельности и результата, который получен при осуществлении конкретных действий по достижению этой цели [5. С. 20]. Другие ученые, положив в основу эффективности соотношение цели и полученного результата, указывают, что ключевым элементом эффективности деятельности прокуратуры являются изменения в обществе, в правовом поведении и реакция на эти изменения со стороны самой прокуратуры [6. С. 10].

Проблемы оценки эффективности деятельности прокуратуры прорабатывались учеными с разных позиций. Большое внимание уделялось вопросам повышения эффективности деятельности прокуратуры в сфере уголовного судопроизводства [7, 8], эффективности прокурорского надзора за исполнением законов

[9, 10], эффективности мер прокурорского реагирования [11], эффективности координационной деятельности прокуратуры [5]. Методологические аспекты оценки эффективности деятельности прокуратуры в разное время исследовались учеными НИИ Университета прокуратуры Российской Федерации (Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации), которые в качестве ключевого элемента эффективности отмечают изменения в обществе, правовом поведении людей и реакцию на эти изменения со стороны самой прокуратуры [6. С. 9–10]. Отдельные сущностные моменты повышения эффективности надзорной деятельности затрагивались в трудах практических работников прокуратуры [12, 13].

Сегодня степень эффективности деятельности прокуратуры зависит от многих факторов и условий, связанных не только с функциональными и статусными характеристиками, но и с внутренней организацией работы главного надзорного органа, определяемых через такие показатели, как укомплектованность штатов, служебная нагрузка, текучесть кадров, техническая оснащенность прокуратуры и т.д. Эффективность организационного руководства в первую очередь зависит от самих прокуроров, профессионализм и ответственность которых существенно влияют на состояние законности как на поднадзорной территории, так и в отдельно взятых отраслях.

В целом ученые и специалисты сходятся во мнении о необходимости применения комплексного подхода к оценке эффективности деятельности надзорного ведомства, основанного на сочетании элементов внешней, внутренней и независимой оценки.

Внутрисистемная оценка направлена на выявление положительных и отрицательных результатов деятельности органа прокуратуры в рамках проведения внутренних контрольных мероприятий. Внешняя оценка представляет собой вид централизованной оценки органа прокуратуры в рамках проводимых внешних проверочных мероприятий. Независимая оценка предполагает возможность проведения общественной и(или) экспертной оценки деятельности органов прокуратуры. Сочетание различных видов оценки образует комплексную оценку [14. С. 142–145].

С учетом обозначенных подходов надо признать, что важнейшей проблемой является определение оптимальных критериев и показателей оценки эффективности работы прокуратуры. Это связано, прежде всего, с многофункциональной деятельностью прокуратуры, выделением различных направлений (отраслей) прокурорского надзора. Обеспечивая прямое действие Конституции, органы прокуратуры в соответствии с федеральным законом осуществляют от имени государства надзор за исполнением законов, надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина, надзор за исполнением законов органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, дознание и предварительное следствие, надзор за исполнением законов администрациями органов и учреждений, исполняющих наказание и назначаемые судом меры принудительного характера, администрациями мест содержания задержанных и заключенных под стражу, которые на законодательном уровне выделены в качестве самостоятельных направлений функциональной деятельности прокуратуры.

В силу своего конституционно-функционального предназначения прокуратура координирует деятельность всех правоохранительных органов по борьбе с преступностью, надзирает за соблюдением конституционных прав на досудебной стадии уголовного судопроизводства, проверяет законность и обоснованность судебных постановлений по уголовным делам, участвует в правотворческой деятельности и т.д.

Таким образом, при определении возможных подходов к оценке эффективности деятельности прокуратуры необходимо учитывать следующие важнейшие факторы. Во-первых, специфику конституционно-правового статуса и уникальность места прокуратуры в системе публичной власти. Во-вторых, существенное влияние органов прокуратуры на состояние законности и правопорядка, включая координацию деятельности всех правоохранительных органов. В-третьих, многофункциональный характер деятельности прокуратуры, что на сегодняшний день нашло отражение в статье 129 Конституции. И, наконец, в-четвертых, вектор постоянного внимания прокуратуры на человеке, его правах и свободах как высшей ценности и ключевого приоритета в рамках осуществления прокурорского надзора. С учетом обозначенных подходов к оценке эффективности работы прокуратуры надо признать, что важнейшей проблемой является определение оптимальных критериев и показателей такой оценки. Это связано, прежде всего, с многообразием форм прокурорской деятельности, выделением различных направлений (отраслей) прокурорского надзора, специфическими особенностями предмета надзора. По данным причинам ученые предлагают разный набор критериев эффективности деятельности прокуратуры [15].

В частности, И.В. Чурин отмечает, что в качестве одного из критериев эффективности деятельности прокуратуры можно использовать законность нормативных правовых актов. Сущность данного критерия заключается в том, что законность обеспечивается деятельностью прокуратуры, которая должна осуществлять надзор за исполнением законов и проводить правовую оценку нормативно-правовых актов [16. С. 33–34].

Одним из действенных способов оценки эффективности деятельности прокуратуры в рамках осуществления парламентского контроля могут служить ежегодные доклады Генерального прокурора Российской Федерации о состоянии законности и правопорядка и проделанной работе по их укреплению. В 2020 г. законодательно закрепленная практика выступлений Генерального прокурора России в Совете Федерации с ежегодными докладами была подвергнута конституционализации в результате принятия Закона Российской Федерации о поправке к Конституции от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти». В итоге первоначально существовавшая в рамках регламентной процедуры норма стала конституционной.

Ежегодные доклады Генерального прокурора Российской Федерации выступают не только инструментом политико-правовой оценки в виде публичного отчета, но и важной формой парламентского контроля. По результатам заслушивания каждого такого доклада Советом Федерации принимается отдельное парламентское постановление, которое содержит предложения и рекомендации, направленные на повышение эффективности всех институтов публичной власти, включая саму прокуратуру. В итоге сенаторами дается оценка и ставятся комплексные задачи по решению наиболее острых социальных проблем, что консолидирует усилия всего государственного аппарата, а содержащаяся в докладах информация нередко используется при осуществлении иных форм парламентского контроля [17].

Общее количество парламентских поручений и рекомендаций органам прокуратуры имеет устойчивую тенденцию к росту. Так, если в 2016 г. Советом Федерации было дано 12 рекомендаций по приоритетным направлениям деятельности, то в 2022 г. по итогам доклада Генпрокурора их было уже 36, что может говорить о дальнейшем повышении роли прокуратуры в единой системе публичной власти.

Правовым средством оценки можно считать конституционную практику по согласованию кандидатур прокуроров, назначаемых на должность Президентом Российской Федерации. В первую очередь это касается назначения руководителей региональных прокуратур и приравненных к ним прокуроров после проведения соответствующих консультаций с Советом Федерации. Введение этой практики позволило устранить существенные противоречия, связанные с необходимостью согласования кандидатур прокуроров регионального звена с органами законодательной власти субъектов Российской Федерации. К тому же был повышен статус самой процедуры легитимации, поскольку теперь представленные кандидатуры получают одобрение на общефедеральном парламентском уровне.

Парламентские консультации, как правило, проводятся на совместном заседании сразу нескольких профильных комитетов Совета Федерации при непосредственном участии самих кандидатов. Для проведения консультаций по кандидатурам региональных прокуроров на заседания приглашаются сенаторы – представители от соответствующих субъектов Федерации. Кандидатов представляет полномочный представитель Президента Российской Федерации в Совете Федерации. С подробной информацией по каждой кандидатуре выступает первый заместитель Генерального прокурора Российской Федерации. Кроме того, представленные кандидатуры проходят предварительную проверку на уровне президентской комиссии по вопросам кадровой политики в правоохранительных органах.

Наделение прокуроров полномочиями после проведения консультаций в Совете Федерации имеет важное политико-правовое значение не только как результат оценки их профессиональной деятельности, но и как своеобразный способ легитимации прокурорской власти через процедуру представительной демократии. Между тем не совсем понятен конституционно-правовой смысл указанных выше консультаций: имеют ли их результаты обязательный характер для принятия кадрового решения или это лишь конституционный ритуал, какие правовые последствия влечет за собой отрицательное заключение одного из комитетов Совета Федерации, каким образом могут быть разрешены возникшие между ними разногласия по представленным кандидатурам. Действующее законодательство, как и отдельная глава 25 Регламента Совета Федерации, оставляют без ответов все вышеупомянутые вопросы. Остается только предполагать, что результаты так называемых консультаций не могут иметь решающего значения, поскольку авторы конституционных поправок отказались от более привычных и юридически устоявшихся формулировок («с согласия» или «после согласования»).

Таким образом, очередные нововведения в статью 129 Конституции, с одной стороны, призваны: а) повысить эффективность деятельности прокуратуры по обеспечению верховенства закона, единства и укрепления законности, защиты прав и свобод человека и гражданина, а также охраняемых законом интересов общества и государства; б) повысить значение Совета Федерации как представительного органа в обеспечении большей прозрачности работы органов прокуратуры; в) в большей степени обеспечить соблюдение принципа разделения властей; г) обеспечить большую независимость органов прокуратуры в субъектах Федерации; д) повысить объективность и беспристрастность прокуроров при осуществлении ими своих полномочий [18. С. 226].

С другой стороны, можно констатировать, что соответствующими поправками значительно усилена роль Президента Российской Федерации в руководстве прокурорской системой. Одновременно с этим российская прокуратура вновь обрела прежний конституционный статус единой федеральной централизованной системы. Однако закрепленные в законе о прокуратуре принципы организации и деятельности прокуратуры не отражают всей сути конституционных поправок.

В частности, закон содержит положения о том, что органы прокуратуры действует на основе подчинения нижестоящих прокуроров вышестоящим и Генеральному прокурору Российской Федерации, который руководит системой прокуратуры, издает обязательные для исполнения всеми работниками прокуратуры приказы, указания, распоряжения, положения и инструкции, регулирующие вопросы организации деятельности прокуратуры. Кроме того действующий федеральный закон предусматривает, что Генеральный прокурор осуществляет образование, реорганизацию и ликвидацию органов и организаций прокуратуры, определение их статуса и компетенции. Данные положения не соотносятся с конституционными полномочиями Президента России по руководству деятельностью прокуратуры и формированию ее кадрового состава, а также правовому регулированию организации деятельности прокуратуры президентскими указами, которыми устанавливается штатная численность прокуратуры, утверждается порядок присвоения классных чинов

прокурорских работников и т.д. По существу, речь идет о двойственном характере правового регулирования вопросов организации и функционирования системы конституционно-надзорных органов государства. Поэтому необходимо внести изменения в ст. 1, 4 и 17 Федерального закона от 17.01.1992 № 2202-I «О прокуратуре Российской Федерации», закрепив руководящую роль главы государства (как гаранта Конституции, прав и свобод человека и гражданина) в организации деятельности прокуратуры.

В научной литературе можно встретить достаточное количество предложений, направленных на повышение эффективности деятельности органов прокуратуры. По-прежнему заслуживает внимания предложение создать общественно-экспертные советы при прокуратурах на уровне субъектов Российской Федерации, на которых можно обсуждать различные предложения по совершенствованию прокурорской деятельности [19. С. 13–14]. Несмотря на то, что подобные предложения высказывались достаточно давно, они так и не получили практического воплощения на уровне региональных и местных прокуратур. Кроме того, общественные советы могут быть созданы при военных и иных специализированных прокуратурах. Причем к их членам должны предъявляться те же самые требования, что и к представителям общественности в квалификационных коллегиях судей. Полномочиями по формированию общественно-экспертных советов при органах прокуратуры могут быть наделены Общественная палата Российской Федерации и общественные палаты регионов.

Анализ положений закона о прокуратуре позволяет обнаружить еще одну важную деталь, а именно отсутствие в нем какого-либо упоминания об общественном контроле за деятельностью органов прокуратуры. Этот законодательный пробел в настоящий момент явно не отвечает положениям статьи 2 Федерального закона от 21.07.2014 № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации», которыми предусмотрено регулирование осуществления общественного контроля за деятельностью полиции, органов следствия, прокуратуры и судов соответствующими федеральными законами. Однако нормы об общественном контроле содержит только Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» (ст. 50).

По всей видимости, отсутствие в Законе о прокуратуре отдельной нормы об общественном контроле может быть вызвано стереотипом о так называемом высшем надзоре, которым в том числе охватывается и деятельность институтов гражданского общества и в первую очередь общественных объединений граждан. Однако такой подход сегодня видится устаревшим, так как не учитывает актуальных положений конституционно-правовой доктрины о народном суверенитете и возможности общественного контроля за органами публичной власти как формы осуществления непосредственного народовластия. Весьма интересно, что согласно действовавшей в одно время методике (см.: Постановление Правительства Российской Федерации от 14 ноября 2018 г. № 1373 «О методиках расчета показателей для оценки эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации». Документ утратил силу), по которой оценивался уровень общественного доверия к власти (ранее использовалась формулировка «отношение населения к деятельности органов власти»), в систему общественной оценки не были включены органы прокуратуры. Хотя показатель доверия, например, учитывал отношение населения к деятельности судебных органов.

Конституционные новеллы 2020 г. не только ввели в конституционный лексикон термин «публичная власть», но и закрепили принципы единства публичной власти, взаимодействия органов местного самоуправления и органов государственной власти, а также эффективности их деятельности в интересах населения. В буквальном смысле данные принципы закреплены в части 3 статьи 132 Конституции, которая гласит, что органы государственной власти и органы местного самоуправления входят в единую систему публичной власти и осуществляют взаимодействие для наиболее эффективного решения задач в интересах населения [20. С. 231].

Развитие принципа эффективности в отраслевом законодательстве тесно связано с реализацией целого ряда принципов построения государственной службы в Российской Федерации, обеспечением единства правовых и организационных основ государственной службы. Несмотря на то обстоятельство, что принцип эффективности государственной службы в настоящее время не нашел своего нормативного закрепления в соответствующем законодательстве, следует проследить взаимосвязи и рассмотреть на теоретическом уровне вопрос о соотношении принципов эффективности публичной власти и эффективности государственной службы.

Во-первых, принцип эффективности публичной власти имеет более общий, базовый характер, а принцип эффективности государственной службы имеет отраслевой характер. Во-вторых, принцип эффективности является конституционным принципом, на основе которого развиваются другие отраслевые и межотраслевые принципы (эффективности народовластия, эффективности законодательной власти, эффективности исполнительной власти, эффективности судебной власти, эффективности местного самоуправления, эффективности деятельности прокуратуры и т.д.), в том числе и принципы построения государственной службы.

Федеральный закон от 27 мая 2003 г. № 58-ФЗ «О системе государственной службы Российской Федерации» закрепляет перечень конституционно-правовых и отраслевых принципов организации и функционирования государственной службы, такие как приоритет прав и свобод человека и гражданина, федерализм, законность, единство правовых и организационных основ государственной службы, профессионализма и компетентности государственных служащих и др.

Данные принципы в той или иной степени получили развитие в законодательстве о видах государственной службы.

В Федеральном законе «О прокуратуре Российской Федерации» закреплены принципы единства и централизации, подчиненности нижестоящих прокуроров вышестоящим и Генеральному прокурору Российской Федерации (п. 1 ст. 4), значения которых по существу не раскрыты, а их нормативное содержание выглядит размытым; принципы независимости органов прокуратуры и гласности в осуществлении ими своей деятельности (п. 2 ст. 4).

Заметим, что принцип единства и централизации прокуратуры был унаследован с петровских времен и последовательно закреплялся в советских конституциях 1924, 1936, 1977 гг., где деятельность прокуратуры получила свое конституционное отражение как деятельность, осуществляемая от имени государства. Исторически это было обусловлено необходимостью обеспечения единства стандартов верховенства права и правового равенства на всей территории государства [18. С. 225].

Очевидно, что отсутствие единого подхода к организации государственной службы диктует постановку вопроса о выработке и закреплении в отраслевом законодательстве системы общих принципов, включая принцип эффективности. Отсутствие данного принципа как в базовом, так и в специальных федеральных законах отрицательно влияет на достижение значимых целевых показателей и стратегических приоритетов, прежде всего, национальных целей развития Российской Федерации, выполнение мероприятий национальных проектов и осуществление других публично значимых функций на соответствующей территории.

В этой связи предлагается закрепить в соответствующем федеральном законе принцип эффективности деятельности органов прокуратуры, предполагающий наиболее эффективное решение задач в целях обеспечения верховенства закона, единства и укрепления законности, защиты прав и свобод человека и гражданина, а также охраняемых законом интересов общества и государства.

Учитывая, что деятельность прокуратуры должна быть выстроена на эффективных началах, нормативное закрепление принципа эффективности будет оказывать позитивное воздействие на реализацию всех принципов организации и функционирования прокурорской системы. Важно и то, что принцип эффективности деятельности прокуратуры имеет программно-целевое значение, так как выступает теоретико-правовой основой для реализации ряда других принципов, выработки системы показателей, предназначенных для оценки эффективности прокурорской деятельности. Сущность данного принципа заключается в его ориентирующем системном воздействии на деятельность всех органов публичной власти в целях наиболее эффективного решения задач в интересах граждан. Именно поэтому конституционный принцип эффективности не может быть замещен отраслевым принципом компетентности и профессионализма государственных служащих, так как последний предполагает наличие и предъявление квалификационных требований к государственным служащим, а принцип эффективности в первую очередь служит для них ценностно-целевым ориентиром.

Учитывая отсутствие на сегодняшний день какой-либо правовой регламентации порядка оценки эффективности деятельности прокуратуры на уровне федерального законодательства, предлагается рассмотреть возможность применения комплексного подхода, который сочетает в себе разные виды оценки, включая общественную и экспертную. Процедура оценки, несомненно, должна быть выстроена на основе принципов законности, народовластия, приоритета прав человека, социальной справедливости, гласности, недопустимости вмешательства в деятельность прокуратуры. При этом установление общих критериев такой оценки должно обеспечивать достижение не количественных, а качественных показателей в работе прокуроров (снижение уровня преступности, безработицы, социальной напряженности, создание комфортных и безопасных условий проживания, развитие предпринимательства, увеличение продолжительности жизни и т.д.), с учетом их адаптации к национальным целям развития страны. Качество и эффективность прокурорской деятельности должны оцениваться через призму постепенного снижения числа выявленных нарушений закона, социальных прав граждан, основываться на профилактической направленности и упреждающем характере прокурорского надзора.

По существу «качественная» оценка эффективности деятельности прокуратуры должна соответствовать концепции единства системы публичной власти в Российской Федерации, основанной на взаимодействии всех элементов этой системы «для наиболее эффективного решения задач в интересах населения, проживающего на соответствующей территории», как это установлено частью 3 статьи 132 Конституции. Рациональная организация работы прокуратуры должна обеспечивать планомерность и постоянство достижения результатов на отдельных направлениях прокурорской деятельности без погони за показателями [21. С. 46–47]. Количественная оценка показателей деятельности прокуратуры как части правоохранительной системы, напротив, идет вразрез с интересами общества и государства.

Принцип эффективности как один из базовых конституционных принципов организации и функционирования единой системы публичной власти, нашедших закрепление в тексте Конституции, имеет важное организационно-функциональное значение в деятельности прокуратуры как института публичной власти, степень влияние которого на социальные и правовые изменения в обществе весьма существенна.

Критерии эффективности деятельности органов прокуратуры могут быть определены исходя из основных ее функций: 1) эффективность надзора за соблюдением Конституции и исполнением действующих законов; 2) эффективность надзора за соблюдением прав и свобод человека и гражданина; 3) эффективность реализации полномочий прокурора в сфере уголовного судопроизводства.

Однако не стоит забывать, что статья 129 Конституции содержит открытый перечень функций российской прокуратуры.

Поэтому в качестве дополнительных критериев могут рассматриваться: эффективность координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью; эффективность правотворческой деятельности; эффективность участия прокуроров в гражданском и арбитражном процессе; эффективность международно-правового сотрудничества; эффективность использования цифровых технологий и т.д.

Учитывая, что после конституционной реформы 2020 г. руководящая роль по организации деятельности прокуратуры теперь в большей степени принадлежит главе государства, следует закрепить в федеральном законодательстве его полномочия по созданию организационно-правовых основ оценки эффективности деятельности прокуратуры, в том числе по установлению перечня критериев и порядка проведения оценки. Представляется, что именно с этих научно-правовых позиций должна быть обеспечена дальнейшая конституционализация прокуратуры Российской Федерации в единой системе публичной власти.

Список источников

1. Казанник А.И. Конституционно-правовой статус прокуратуры Российской Федерации: мифы и реальность // Государственная власть и местное самоуправление. 2007. № 5. С. 13–16.
2. Ульянов А.Ю. Конституционное назначение и функции прокуратуры // Российская юстиция. 2018. № 3. С. 5–7.
3. Гриб В.В. Генеральная прокуратура Российской Федерации и Следственный комитет Российской Федерации как объекты общественного контроля // Юридический мир. 2016. № 9. С. 38–44.
4. Мыцыков А.Я. Как оценивать деятельность прокуратуры? // Законность. 2007. № 9.
5. Кобзарев Ф.М. Оценка эффективности координационной деятельности прокуратуры по борьбе с преступностью // Законность. 2014. № 11. С. 20–23.
6. Капинус О.С., Казарина А.Х., Андреев Б.В. Проблемы совершенствования внутрисистемной оценки работы органов прокуратуры // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2012. № 5. С. 9–11.
7. Амирбеков К.И. Критерии эффективности деятельности прокурора в сфере уголовного судопроизводства (концептуальный подход) // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2012. № 2 (28). С. 20–26.
8. Амирбеков К.И. Методика оценки эффективности прокурорской деятельности в сфере уголовного судопроизводства (концептуальный подход) // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2012. № 3 (29). С. 27–33.
9. Басков В.И. Некоторые вопросы повышения эффективности прокурорского надзора // Связь юридической науки с практикой. М., 1986. С. 408–414.
10. Божьев В.П. Нормативно-правовые предпосылки повышения эффективности прокурорского надзора // Божьев В.П. Избранные труды. М., 2010. С. 229–247.
11. Стрельников В.В. Об эффективности мер прокурорского реагирования // Гражданин и право. 2009. № 12. С. 57–65.
12. Мыцыков А., Казарина А. Эффективность надзора за исполнением закона: мнимая и реальная // Законность. 2005. № 6. С. 2–5.
13. Чукреев В.А. О проблемах оценки эффективности деятельности современной российской прокуратуры // Бизнес, менеджмент и право. 2018. № 1. С. 89–94.
14. Теоретические основы оценки эффективности деятельности органов прокуратуры / К.И. Амирбеков, Б.В. Андреев, В.К. Артеменков [и др.]; под общ. ред. Ф.М. Кобзарева. М. : Академия Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2016. 300 с.
15. Критерии и показатели оценки работы прокуратуры субъекта Российской Федерации по обеспечению законности и правопорядка (концептуальный подход) / [О.С. Капинус, Б.В. Андреев, А.Х. Казарина, Н.В. Колесникова, И.В. Максименко]. М., 2011. 95 с.
16. Чурин И.В. Законность нормативных правовых актов как критерий оценки эффективности надзорной деятельности // Законность. 2014. № 1. С. 33–34.
17. Ульянов А.Ю. Роль ежегодных докладов Генерального прокурора Российской Федерации в осуществлении парламентского контроля // Законность. 2018. № 8. С. 37–40.
18. Евдокимов В.Б., Степанов О.А. О конституционно-правовом закреплении особенностей деятельности органов прокуратуры в Российской Федерации // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 461. С. 225–228. doi: 10.17223/15617793/461/27
19. Нафиков И.С., Багаутдинов Ф.Н. Имидж прокуратуры // Законность. 2014. № 5. С. 13–14.
20. Ульянов А.Ю. Принцип эффективности и его место в современной российской парадигме публичной власти // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 493. С. 228–235. doi: 10.17223/15617793/493/25
21. Жубрин Р.В. Оценка эффективности деятельности органов прокуратуры // Законность. 2014. № 12. С. 46–47.

References

1. Kazannik, A.I. (2007) Konstitutsionno-pravovoy status prokuratury Rossiyskoy Federatsii: mify i real'nost' [Constitutional and legal status of the prosecutor's office of the Russian Federation: myths and reality]. *Gosudarstvennaya vlast' i mestnoe samoupravlenie*. 5. pp. 13–16.
2. Ul'yanov, A.Yu. (2018) Konstitutsionnoe naznachenie i funktsii prokuratury [Constitutional purpose and functions of the prosecutor's office]. *Rossiyskaya yustitsiya*. 3. pp. 5–7.
3. Grib, V.V. (2016) General'naya prokuratura Rossiyskoy Federatsii i Sledstvennyy komitet Rossiyskoy Federatsii kak ob"ekty obshchestvennogo kontrolya [The Prosecutor General's Office of the Russian Federation and the Investigative Committee of the Russian Federation as objects of public control]. *Yuridicheskiy mir*. 9. pp. 38–44.
4. Mytsykov, A.Ya. (2007) Kak otsenivat' deyatel'nost' prokuratury? [How to evaluate the activities of the prosecutor's office?]. *Zakonnost'*. 9. pp. 8–11.
5. Kobzarev, F.M. (2014) Otsenka effektivnosti koordinatsionnoy deyatel'nosti prokuratury po bor'be s prestupnost'yu [Evaluation of the effectiveness of the coordination activities of the prosecutor's office in the fight against crime]. *Zakonnost'*. 11. pp. 20–23.
6. Kapinus, O.S., Kazarina, A.Kh. & Andreev, B.V. (2012) Problemy sovershenstvovaniya vnutrisistemnoy otsenki raboty organov prokuratury [Problems of Improving the Intra-System Assessment of the Work of the Prosecutor's Office]. *Vestnik Akademii General'noy prokuratury Rossiyskoy Federatsii*. 5. pp. 9–11.
7. Amirbekov, K.I. (2012) Kriterii effektivnosti deyatel'nosti prokurora v sfere ugolovnogo sudoproizvodstva (kontseptual'nyy podkhod) [Criteria for the efficiency of the prosecutor's activity in the sphere of criminal proceedings (conceptual approach)]. *Vestnik Akademii General'noy prokuratury Rossiyskoy Federatsii*. 2 (28). pp. 20–26.
8. Amirbekov, K.I. (2012) Metodika otsenki effektivnosti prokurorskoy deyatel'nosti v sfere ugolovnogo sudoproizvodstva (kontseptual'nyy podkhod) [Methodology for assessing the efficiency of prosecutor's activity in the sphere of criminal proceedings (conceptual approach)]. *Vestnik Akademii General'noy prokuratury Rossiyskoy Federatsii*. 3 (29). pp. 27–33.

9. Baskov, V.I. (1986) Nekotorye voprosy povysheniya effektivnosti prokurorskogo nadzora [Some issues of increasing the efficiency of prosecutorial supervision]. In: Kudryavtsev, V.N. (ed.) *Svyaz' yuridicheskoy nauki s praktikoy* [The Relationship of Legal Science with Practice]. Moscow: Institute of State and Law USSR AS. pp. 408–414.
10. Bozh'ev, V.P. (2010) *Izbrannye Trudy* [Selected Works]. Moscow: Yurait. pp. 229–247.
11. Strel'nikov, V.V. (2009) Ob effektivnosti mer prokurorskogo reagirovaniya [On the efficiency of prosecutorial response measures]. *Grazhdanin i pravo*. 12. pp. 57–65.
12. Mytsykov, A. & Kazarina, A. (2005) Effektivnost' nadzora za ispolneniem zakona: mnimaya i real'naya [The efficiency of supervision over the execution of the law: imaginary and real]. *Zakonnost'*. 6. pp. 2–5.
13. Chukreev, V.A. (2018) O problemakh otsenki effektivnosti deyatel'nosti sovremennoy rossiyskoy prokuratury [On the problems of assessing the efficiency of the modern Russian prosecutor's office]. *Biznes, menedzhment i pravo*. 1. pp. 89–94.
14. Kobzarev, F.M. (ed.) (2016) *Teoreticheskie osnovy otsenki effektivnosti deyatel'nosti organov prokuratury* [Theoretical foundations for assessing the effectiveness of the prosecutor's office]. Moscow: University of Prosecutor's Office of the Russian Federation.
15. Kapinus, O.S. (ed.) (2011) *Kriterii i pokazateli otsenki raboty prokuratury sub"ekta Rossiyskoy Federatsii po obespecheniyu zakonnosti i pravoporyadka (kontseptual'nyy podkhod)* [Criteria and Indicators for Assessing the Performance of the Prosecutor's Office of a Subject of the Russian Federation in Ensuring Legality and]. Moscow: ROSPECHAT'.
16. Churin, I.V. (2014) Zakonnost' normativnykh pravovykh aktov kak kriteriy otsenki effektivnosti nadzornoy deyatel'nosti [Legality of Regulatory Legal Acts as a Criterion for Assessing the Effectiveness of Supervisory Activities]. *Zakonnost'*. 1. pp. 33–34.
17. Ul'yanov, A.Yu. (2018) Rol' ezhegodnykh dokladov General'nogo prokurora Rossiyskoy Federatsii v osushchestvlenii parlamentskogo kontrolya [The role of annual reports of the prosecutor general of the Russian Federation in the implementation of parliamentary control]. *Zakonnost'*. 8. pp. 37–40.
18. Evdokimov, V.B. & Stepanov, O.A. (2020) On the constitutional and legal consolidation of the features of the prosecution bodies' activities in the Russian Federation. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 461. pp. 225–228. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/461/27
19. Nafikov, I.S. & Bagautdinov, F.N. (2014) Imidzh prokuratury [Image of the prosecutor's office]. *Zakonnost'*. 5. pp. 13–14.
20. Ul'yanov, A.Yu. (2023) The principle of efficiency and its place in the modern Russian paradigm of public authority. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 493. pp. 228–235. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/493/25
21. Zhubrin, R.V. (2014) Otsenka effektivnosti deyatel'nosti organov prokuratury [Evaluation of the efficiency of the prosecutor's office]. *Zakonnost'*. 12. pp. 46–47.

Информация об авторах:
Евдокимов В.Б. – д-р юрид. наук, главный научный сотрудник Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации (Москва, Россия). E mail: vevdokimov@list.ru
Ульянов А.Ю. – канд. юрид. наук, доцент кафедры конституционного и административного права Южно-Уральского государственного университета (национального исследовательского университета) (Челябинск, Россия). E-mail: 70ru@bk.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:
V.B. Evdokimov, Dr. Sci. (Law), chief research fellow, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation (Moscow, Russian Federation). E mail: vevdokimov@list.ru
A.Yu. Ulyanov, Cand. Sci. (Law), associate professor, South Ural State University (Chelyabinsk, Russian Federation). E-mail: 70ru@bk.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 25.04.2024;
одобрена после рецензирования 16.09.2024; принята к публикации 30.09.2024.

The article was submitted 25.04.2024;
approved after reviewing 16.09.2024; accepted for publication 30.09.2024.

Научная статья
УДК 343.3/.7
doi: 10.17223/15617793/506/25

Экономические издержки наличия составов с административной преюдицией

Инна Андреевна Подройкина[1], Марина Владимировна Алексеева[2, 3], Асхаб Мумадыевич Борзаев[4]

[1, 3] Ростовский филиал Российской таможенной академии, Ростов-на-Дону, Россия
[2] Донской государственный технический университет, Ростов-на-Дону, Россия
[4] Чеченский государственный университет имени А.А. Кадырова, Грозный, Россия
[1] 919820@mail.ru
[2, 3] alekseeva80@yandex.ru
[4] Agadar2012@yandex.ru

Аннотация. Подчеркивается, что составы с административной преюдицией изначально вводились в УК РФ с целью его либерализации. В действительности же это привело к наполнению закона новыми составами правонарушений, повторное совершение которых влечет уголовную ответственность, увеличению экономических издержек, связанных с реализацией уголовного закона и уголовной ответственности. Авторы приходят к выводу, что в настоящее время назрела необходимость переосмысления наличия подобных составов преступлений в УК РФ, а также смены вектора современной уголовной политики.
Ключевые слова: экономические издержки, административная преюдиция, либерализация уголовного закона, уголовная политика, экономика

Для цитирования: Подройкина И.А., Алексеева М.В., Борзаев А.М. Экономические издержки наличия составов с административной преюдицией // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 506. С. 201–207. doi: 10.17223/15617793/506/25

Original article
doi: 10.17223/15617793/506/25

The economic costs of having elements of a crime with administrative prejudice

Inna A. Podroykina[1], Marina V. Alekseeva[2, 3], Askhab M. Borzaev[4]

[1, 3] Rostov Branch of the Russian Customs Academy, Rostov-on-Don, Russian Federation
[2] Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russian Federation
[4] Kadyrov Chechen State University, Grozny, Russian Federation
[1] 919820@mail.ru
[2, 3] alekseeva80@yandex.ru
[4] Agadar2012@yandex.ru

Abstract. The object of the presented study is social relations arising in connection with the application of the norms of the criminal law with a prejudicial element in the elements of the crime. The aim of the study is to analyse the relevant norms from the position of the validity of their presence in the Criminal Code of the Russian Federation, taking into account the economic costs that their application entails. The relevance of the work is conditioned by the fact that the presence of such corpus delicti, firstly, is still disputed in the theory of criminal law and, secondly, indicates the inconsistency of the current criminal policy, which directly has a destabilising effect both on the legislation as a whole and on the sustainable development of the Russian Federation due to the rather high economic costs of their use in practice. The work is based, first of all, on the systems method, as it allows a broader approach to the study of the topic, investigating the selected system not in isolation, but in relationship with other systems, as well as such methods as analysis, synthesis, and a formal-legal method. The study of the current legislation has shown that in essence administrative prejudice is a legal fact that allows recognizing repeatedly committed acts that the legislator refers to the category of administrative offences for a certain period of time (in the presence of the so-called administrative punishment) as crimes and bring a person to criminal responsibility. Despite the fact that crimes with administrative prejudice were initially introduced in the Criminal Code of the Russian Federation with the purpose of liberalization of the criminal law, reduction of the facts of bringing to criminal responsibility, in reality it led to the opposite trends – replenishment of the RF Criminal Code with new elements of administrative offences, repeated commission of which entails bringing to criminal responsibility, increase in economic costs associated with the implementation of criminal law and criminal responsibility. Only 5 out of 27 introduced articles with a prejudicial element are aimed at partial decriminalization, and only in these five cases one can really talk about some liberalization of the criminal law, reduction of cases of criminal liability, and, consequently, reduction of economic costs. Supplementing the RF Criminal Code with the remaining similar articles is criminalization of repeatedly committed administrative offences. Critically assessing such trends, the authors conclude that the assessment of such costs and focusing the legislator's attention on

© Подройкина И.А., Алексеева М.В., Борзаев А.М., 2024

them can become another argument in favor of the recognition that at present there is a need to reassess the presence of elements of crimes with a prejudicial element, as well as to change the vector of modern criminal policy.
Keywords: economic costs, administrative prejudice, liberalization of criminal law, criminal policy, economics

For citation: Podroykina, I.A., Alekseeva, M.V. & Borzaev, A.M. (2024) The economic costs of having elements of a crime with administrative prejudice. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 506. pp. 201–207. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/506/25

Введение

Устойчивое развитие любого государства предполагает гармоничное сочетание процессов, которые происходят в экономике, обществе, государстве целом. Устойчивое развитие невозможно без экономного использования природных ресурсов, разумного инвестирования в производственную базу, развития технологий, стимулирования научно-технического прогресса, обеспечения неприкосновенности основ конституционного строя, соблюдения основных прав и свобод человека и гражданина, без разработки и реализации программ, направленных на личностный рост и т.д. Все эти процессы должны обеспечиваться соответствующей нормативной правовой базой, которая затрагивает различные сферы деятельности, обеспечивает их надлежащую защиту. Особое значение в реализации устойчивого развития, экономической стабильности занимает и уголовное законодательство. Это утверждение опирается на тот факт, что именно уголовный закон призван защищать наиболее значимые интересы, к числу которых относятся личность, ее права и свободы, экономическая, экологическая, общественная безопасность, мир и безопасность человечества и др. Следовательно, от того, насколько эффективен уголовный закон, насколько он гармоничен, соответствует системным критериям, будет зависеть в определенной степени и устойчивость развития нашего государства, стабильность происходящих в нем процессов.

Существование уголовного закона сопровождается постоянным внесением в него изменений и дополнений. С одной стороны, подобная деятельность является закономерной, так как любые процессы, происходящие в обществе и государстве, должны так или иначе оказывать влияние и на законодательство в целом, включая уголовное. С другой стороны, число вносимых изменений вызывает все большее недоумение у специалистов в области уголовного права, звучит все больше призывов систематизировать ту деятельность, которая связана с «совершенствованием» уголовного закона [1–3]. Не стало исключением и дополнение уголовного закона составами с так называемым преюдиционным элементом.

Несмотря на постоянное расширение присутствия таких составов в Уголовном кодексе РФ (УК РФ), в теории уголовного права так и не сформировалось единства точек зрения на данный факт. Есть как сторонники [4], так и противники [5] административной преюдиции в уголовном праве, а некоторые авторы [6], первоначально выступавшие против данного института, со временем изменили свою позицию, согласившись с тем, что законодатель, став на путь увеличения составов с административной преюдицией, вряд ли откажется от него. В связи с этим актуализируется необходимость оценки допустимости наполнения УК РФ подобными составами, в том числе с позиции экономической обоснованности.

Соответственно, целью исследования является анализ норм уголовного законодательства, описывающих составы с административной преюдицией, с позиции обоснованности наличия их в УК РФ с учетом тех экономических издержек, которые влечет применение подобных составов.

Методы исследования

При подготовке исследования авторы опирались в первую очередь на системный метод, так как он предполагает более широкий взгляд на процессы и явления и заключается в исследовании выбранной системы не изолированно, а во взаимосвязи с иными системами. Помимо этого, использовались такие методы, как анализ – при изучении различных позиций на проблему административной преюдиции, синтез – при оценке законодательства, обоснованности тех или иных аргументов специалистов в области уголовного права, формулировании промежуточных и итоговых выводов, формально-юридический метод – при сопоставлении положений уголовного закона и базовых положений теории уголовного права.

Результаты исследования

Термин «преюдиция» происходит от слова praejudicium (от лат.) и означает первоначальное решение вопроса, которое дает возможность судить о последствиях. Со временем в теории сформировалось понятие «административная преюдиция», но весьма приблизительное, так как каждый последующий автор приводит критические суждения относительно существующих понятий и предлагает собственное видение как в части понятийного аппарата, так и содержания данного института.

Так, кто-то предпринимает попытку определить сущность административной преюдиции, утверждая, что это карательное средство, суть которого заключается в преобразовании проступков в преступления [7. С. 39–40], кто-то считает, что «в основе понятия административной преюдиции лежит разновидность фактического состава, который образован: во-первых, из состояния административной наказанности лица; во-вторых, из совершенного данным лицом уголовно-наказуемого деяния» [4. С. 67]. Существует позиция, что административная преюдиция – это правовой прием, который приравнивает к преступлению повторно совершенный лицом административный проступок, если со-

ответствующий субъект ранее привлекался к административной ответственности за сходный акт поведения [8. С. 49]. Некоторые авторы, не пытаясь дать соответствующее определение, лишь выделяют основания для установления уголовной ответственности за те преступления, которые содержат преюдициальный элемент [9. С. 58]. Думается, что подобная ситуация обусловлена тем, что сегодня в тексте закона не дается соответствующего определения.

При оценке возможности опоры на исторический и зарубежный опыт, которые нередко используются при конструировании тех или иных институтов, формулировании понятий, возникают определенные сложности. Так, в частности, если говорить об истории отечественного уголовного права, то здесь отметим, что да, административная преюдиция была известна законодательству советского периода. Первоначально, когда УК РСФСР 1960 г. вступил в действие, он насчитывал 6 норм, в которых содержались составы с административной преюдицией. Постепенно их количество увеличивалось, и к моменту принятия современного уголовного закона их число уже достигало 28. Ни в Общей части, ни в Особенной данного нормативного правового акта не раскрывалось понятия ни административной преюдиции, ни составов с преюдиционным элементом. Ситуация была сходна с существующей сегодня, когда закон содержал определенные конструкции, наполнялся ими, однако законодательного определения их не было. Только на уровне теории предпринимались попытки уяснения того, что же следует понимать под административной преюдицией.

Заметим, что с точки зрения возможного заимствования весьма интересные положения содержались в ст. 50.1 УК РСФСР 1960 г. В частности, в названной норме находим положение следующего содержания: «Освобождение от уголовной ответственности с привлечением к административной ответственности при наличии оснований, указанных в ч. 3 ст. 50 Кодекса, допускается лишь по делам о преступлениях, за которые законом предусматривается наказание в виде лишения свободы на срок не свыше одного года либо другое более мягкое наказание» [10]. Соответственно, за преступления, характеризующиеся невысокой общественной опасностью, что находило свое выражение в санкции статьи Особенной части УК, допускалась возможность освобождения от ответственности, но только от уголовной, с привлечением виновного к административной ответственности. То есть здесь мы наблюдаем прием действительно реализованного желания законодателя сократить число фактов привлечения к уголовной ответственности. Но, что является положительным, и соответствующим принципу справедливости, речь не идет о полной безнаказанности, уголовная ответственность заменялась административной, а, следовательно, виновное лицо наказывалось, но в рамках системы мер административного принуждения. Вместе с тем безапелляционно утверждать о необходимости дополнения действующего УК сходной нормой мы не можем, так как это требует более глубокого исследования, с анализом судебной практики, существующих положений действующего закона об освобождении от уголовной ответственности, так как полагаем, что и чрезмерная увлеченность законодателя поиском вариантов освобождения от уголовной ответственности не способствует достижению тех задач, которые определены в ст. 2 УК РФ.

Что касается зарубежного опыта, то в странах так называемого дальнего зарубежья подобные конструкции, как правило, не используются (по крайней мере в законодательстве большинства европейских стран, которые были изучены авторами, например ФРГ, Франции, Италии и др.), что касается стан бывшего СССР, то во многих из них во вновь принятых законодательных актах произошел отказ от составов с административной преюдицией, о чем мы писали ранее в одной из своих работ [11]. Там же, где подобные конструкции сохранились, также имеются существенные отличия от включенных в УК РФ.

Итак, отечественный законодатель в части анализируемого института пошел по следующему пути – формулируя составы с административной преюдицией он использует термин «неоднократность», а в примечаниях к соответствующим статьям раскрывает его, акцентируя внимание на предшествующее привлечение к административной ответственности.

На наш взгляд, под административной преюдицией следует понимать применение уголовной ответственности в случае, если в течение определенного промежутка времени лицо, которое уже ранее привлекалось к административной ответственности, повторно совершило аналогичный проступок. Ключевым является срок, в течение которого подобное привлечение возможно – в период, когда лицо считается подвергнутым административному наказанию. В ст. 4.6. Кодекса об административных правонарушениях РФ (далее – КоАП РФ) раскрывается, когда лицо считается подвергнутым административному наказанию. Так, согласно ч. 1 ст. 4.6. КоАП РФ «лицо считается подвергнутым административному наказанию со дня вступления в законную силу постановления о назначении административного наказания до истечения одного года со дня окончания исполнения данного постановления». В случаях же назначения административного штрафа, при условии оплаты его «до дня вступления в законную силу соответствующего постановления о назначении административного наказания, лицо считается подвергнутым данному наказанию со дня вступления в законную силу указанного постановления до истечения одного года со дня уплаты административного штрафа» [12].

Опираясь на те теоретические наработки, которые встречаются у специалистов в области уголовного права, можно выделить следующие отличительные признаки составов с административной преюдицией:

1) деяние совершается исключительно с прямым умыслом;

2) общественная опасность относительно невысокая;

3) в основе наступления уголовной ответственности лежит повторность совершения как правило тождественного административного проступка лицом, которое ранее привлекалось к административной ответственности (в современной редакции УК РФ появились статьи, где описывается достаточно широкий круг

деяний, предшествующее совершение одного из которых влечет уголовную ответственность, поэтому сейчас мы делаем оговорку «как правило тождественных», например, в ч. 2 ст. 314[1] УК РФ говорится о «совершении лицом административного правонарушения против порядка управления»);

4) законодательно установленный промежуток времени, в течении которого должен быть совершен тождественный административный проступок;

5) однократное (а в некоторых случаях и двукратное) совершение деяния не образует уголовной ответственности.

Несмотря на то, что в последнее время сторонников административной преюдиции становится все больше, и у них находится все больше аргументов, которые они приводят в подтверждение своей позиции, мы подчеркнем, что не поддерживаем законодателя в части дополнения УК РФ составами с административной преюдицией. В связи с чем считаем приемлемыми и допустимыми те «классические» аргументы, которые приводят противники исследуемых составов, в частности, речь идет о том, что дополнение УК подобными нормами ведет к нарушению принципа системности в праве, так как тем самым стирается грань между административным и уголовным законодательством, что многократное совершение проступков не может влечь повышения общественной опасности деяния, а лишь говорит об устойчивых антиобщественных установках деятеля, что это приводит к рассогласованности положений Общей и Особенной частей УК и др.

Кроме того, как мы писали ранее в одной из своих работ, «при таком количестве пробелов в регулировании института административной преюдиции, его вряд ли можно признать эффективным. Так, например, обращает на себя внимание даже отсутствие единых формулировок при описании подобных составов. В законе можно встретить различные варианты соответствующих условий привлечения к уголовной ответственности: если лицо ранее подвергалось административной ответственности (например, 212[1] УК РФ); если лицо ранее подвергалось административному наказанию (указывается временной промежуток) (например, ст. 157 УК РФ); если лицо ранее подвергалось административному наказанию (не указывается временной промежуток) (например, ст. 158[1] УК РФ). Безусловно, такое многообразие лишь вызывает трудности у правоприменителя, а также свидетельствует об отсутствии системного подхода к конструированию таких составов» [13. С. 136].

В настоящее время уголовное законодательство России включает в себя множество статей, которые содержат составы с административной преюдицией, например: ст. 116[1], 151[1], 157, 158[1], 212[1], 215[4], 264[1], ч. 2 ст. 314[1], 201[2], 201[3], 264[3], 274[2], 280[3], 282[4], 284[2], 285[5], 285[6] УК РФ и др. Всего по состоянию на 14 января 2024 г. в УК РФ содержится 27 статей, в которых уголовная ответственность наступает при условии предшествующего привлечения к административной.

Сначала законотворческая деятельность по наполнению УК РФ подобными составами осуществлялась весьма осторожно. Так, в период с 2011 по 2015 г. появилось только 4 новых состава с административной преюдицией, потом количество ежегодно вводимых статей стало интенсивно наращиваться: в 2016 г. – 3, в 2017 – 2, в 2018 – 2, в 2019 – 2, в 2020 – 1, в 2021 – снова 3. Максимальное число новых составов с административной преюдицией появилось в 2022 г., их число составило 7, в 2023 – 2. Что касается распределения по главам, то наиболее широко представлены анализируемые составы в гл. 22 «Преступления в сфере экономической деятельности» – 4 статьи, по 3 обнаруживается в гл. 24 «Преступления против общественной безопасности» и в гл. 27 «Преступления против безопасности движения и эксплуатации транспорта». В ряде глав (17, 18, 19, 25) подобных составов нет. В остальных случаях можно увидеть по 1–2 статьи с соответствующими признаками.

Говоря об устойчивости развития нашего государства, экономической обоснованности привлечения к уголовной ответственности за анализируемые деяния, необходимо вспомнить, что лежало в основе возврата в уголовный закон составов с преюдиционным элементом. Теоретики [14], изучающие данную тему, как правило, упоминают 2009 г., когда на заседании президиума Государственного совета, которое состоялось в феврале названного года, Президент России рекомендовал рассмотреть вопрос о возврате административной преюдиции в уголовное право, мотивируя это тем, что она была эффективной. В последующем эта мысль была воспроизведена в Послании Президента Федеральному Собранию РФ в том же году, а затем и в Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации до 2020 г., утвержденной Указом Президента РФ № 690 от 9 июня 2010 г. Нередко авторы утверждают, что введение административной преюдиции было обусловлено стремлением законодателя к либерализации уголовного закона, сокращению фактов привлечения к уголовной ответственности, а соответственно, и сокращению издержек на реализацию уголовного закона. Что же нам показывают те изменения, которые произошли? Действительно ли те цели, ради которых вводилась административная преюдиция, достигнуты?

Как отмечают исследователи, в современном УК РФ можно выделить три модели установления ответственности за преступления с преюдиционным элементом:

«1) частичная декриминализация деяний с одновременным установлением административной ответственности (ст.ст. 116[1], 157, 158[1] и 282 УК);

2) частичная криминализация административных проступков (ст.ст. 191, 212[1], 215[3], 215[4], 255, 264[1], 314[1], 315 и др. УК);

3) установление публично-правовой ответственности с межотраслевой дифференциацией (ст.ст. 151[1], 171[4], 284[1] и др. УК)» [9. С. 59].

Не вполне понятно, на основании какого критерия выделена третья модель. Авторы, исходя из текста статьи, относят к ней составы в тех случаях, когда устанавливается одновременно и административная, и уго-

ловная ответственность. Вместе с тем, с учетом содержания вводимых статей, думается, что в данном случае также скорее можно говорить о криминализации административных проступков.

Соответственно, мы видим, что в последнее время доминирует процесс криминализации деяний, относящихся к числу административных правонарушений, что точно нельзя оценить как гуманизацию или либерализацию уголовного законодательства, и что точно не ведет к сокращению экономических издержек, связанных с привлечением лиц к уголовной ответственности. Причем, как указывалось выше, тенденция расширения составов с административной преюдицией нарастает. Она реализуется двумя способами. Во-первых, частично криминализируются уже существующие правонарушения при повторном их совершении (например, связанные с нарушением правил дорожного движения). Во-вторых, значительная часть деяний, признаваемых правонарушениями в последние годы, автоматически, без какого бы то ни было криминологического обоснования, получает своего «дублера» в УК.

Более того, анализ специальной литературы показывает, что все большее число авторов считают подобные процессы допустимыми. Этот вывод мы сделали на основании того, что все чаще в публикациях на уголовно-правовую тематику можно обнаружить не просто мысли относительно совершенствования уже существующих норм, приведения их в какую-то систему, в том числе посредством наполнения закона единообразными формулировками, а отстаивается позиция о расширении количества анализируемых составов. В некоторых работах предлагается дополнить УК отдельными новыми составами с административной преюдицией. Например, А.Р. Татиев приводит аргументы, которые, по его мнению, обосновывают необходимость установления уголовной ответственности за нарушение требований рекламы (ст. 182 УК РФ) в случае предшествующего привлечения к административной ответственности [15]. Встречаются и такие публикации, где говорится не об отдельных статьях, а о целых блоках статей, – например, М.А. Лапина, Д.В. Карпухин, Ю.В. Трунцевский считают допустимым около тридцати преступлений в сфере экономической деятельности перевести в разряд составов с административной преюдицией. При этом в качестве аргумента они приводят следующий тезис: «это позволит осуществить дифференциацию уголовной ответственности за различные по характеру и степени общественной опасности деяния на преступления и административные правонарушения, посредством учета повторности совершаемого деяния» [16]. Однако законодатель уже произвел соответствующую дифференциацию, определив в качестве критерия отграничения экономического административного правонарушения от преступления сумму причиненного ущерба (дохода, размера), существенно повысив ее в последние годы. Думается, что излишнее увлечение процессами декриминализации также не способствует стабильности как законодательства, так и сферы деятельности, которая защищается соответствующими положениями уголовного закона.

Заключение

Итак, более внимательное изучение составов с преюдиционным элементом позволяет нам сделать вывод о том, что, по сути, административная преюдиция представляет собой юридический факт, который позволяет неоднократно совершенные деяния, отнесенные законодателем к разряду административных правонарушений, в течение определенного времени (при наличии состояния так называемой административной наказанности) признавать преступлениями, и привлекать лицо к уголовной ответственности. Если говорить более просто – то факт повторного совершения административного правонарушения влечет привлечение к уголовной ответственности (при соблюдении временных границ). Как указывалось выше, изначально введение изучаемых составов аргументировалось стремлением гуманизировать уголовное законодательство, снизить экономические издержки привлечения к уголовной ответственности. Однако, как видно из содержания УК РФ в актуальной редакции, только 5 из 27 введенных статей с преюдиционным элементом направлены на частичную декриминализацию, и только в этих пяти случаях действительно можно говорить о некоторой либерализации уголовного закона, сокращении случаев привлечения к уголовной ответственности, а следовательно, и о сокращении экономических издержек. Дополнение УК РФ остальными подобными статьями – это криминализация повторно совершенных административных правонарушений. То есть налицо «усиление репрессивности закона, так как последний получает возможность распространять силу уголовной ответственности на де-факто непреступные правонарушения и неоднократное совершение проступков наказывать в уголовно-правовом порядке» [14. С. 49].

Мы не можем согласиться с такой позицией законодателя, так как фактически в разряд преступлений переводится достаточно широкий круг деяний, не достигающих того уровня общественной опасности, который требует уголовно-правового реагирования, что в свою очередь ведет к увеличению расходов как реализацию уголовного закона (в частности, на содержание системы органов внутренних дел, прокуратуры, судебной и уголовно-исполнительной системы), так и на реализацию уголовной ответственности.

В первой части оценить подобные издержки без соответствующего специализированного исследования достаточно трудно. Что же касается второй части – возрастания издержек на реализацию уголовной ответственности, то здесь все более очевидно. С учетом того значения, которое придается в России судимости (целый ряд сфер деятельности, из которых исключается лицо, имеющее или имевшее судимость), увеличение количества лиц, имеющих (имевших) судимость, лишь будет препятствовать их социализации, а следовательно, будет вести к нарастанию экономических издержек привлечения к уголовной ответственности. Весьма справедливо написала по этому поводу Н.А. Лопашенко, указав в одной из своих работ, что

подобная практика – практика расширения криминализации, привлечения к ответственности за «псевдопреступления» и т.д. ведет лишь к многократному возрастанию трансакционных негативных последствий [17. С. 101]. И действительно, в настоящее время в Российской Федерации принято несколько десятков законов, устанавливающих различные ограничения для лиц, имеющих или имевших судимость. Так, например, в соответствии со ст. 35 Гражданского кодекса РФ, при наличии судимости за умышленное преступление против жизни или здоровья граждан лицо не может быть назначено опекуном или попечителем, соответствующие положения содержатся в ст. 65 Трудового кодекса РФ, 161^1 Жилищного кодекса РФ, 49^1 Градостроительного кодекса, ст. 52 Воздушного кодекса РФ, ст. 127 Семейного кодекса РФ, в ст. 2 Основ законодательства Российской Федерации о нотариате, ст. 20^2 Закона о физической культуре и спорте в Российской Федерации и т.д. Как правило осуждение за то или иное преступление сопряжено с целым рядом негативных последствий – утратой постоянного места работы, разрывом деловых и семейных связей, потерей друзей, снижением имущественного благосостояния как самого осужденного, так и членов его семьи, на предприятии (в организации), где работал осужденный, возникает проблема поиска нового сотрудника и т.д. Все перечисленное – это те экономические издержки, которые сопряжены в том числе с необоснованным дополнением УК составами с преюдиционным элементом. Думается, что оценка подобных издержек и акцентирование на них внимания законодателя может стать еще одним аргументом в пользу признания того, что в настоящее время назрела необходимость переоценки наполнения УК составами преступлений с преюдиционным элементом, а также смены вектора современной уголовной политики.

Список источников

1. Podroykina I., Alekseeva M. Judicial fine as a means of ensuring sustainable state development // E3S Web of Conferences 402. 2023. № 6. Art. 13012.
2. Максименко А.В., Михайлова И.А. Некоторые вопросы совершенствования российского уголовного законодательства // Российский следователь. 2021. № 7. С. 47–50. doi: 10.18572/1812-3783-2021-7-47-50
3. Иванов Н.Г. Этюды о российской уголовной политике и ее конкретных воплощениях. М. : Юрлитинформ, 2019. 176 с.
4. Митюкова Ю.А. Административная преюдиция в административном и уголовном законодательстве // Административное право и процесс. 2022. № 4. С. 66–69. doi: 10.18572/2071-1166-2022-4-66-69
5. Быкова Е.Г., Казаков А.А. Правовой капкан административной преюдиции в свете изменений уголовного и административного законодательства (на примере ч. 2 ст. 330.1 УК РФ) // Российский судья. 2023. № 4. С. 32–36. doi: 10.18572/1812-3791-2023-4-32-36
6. Лопашенко Н.А. Составы преступлений с административной преюдицией – «свои среди чужих»? // Российский следователь. 2022. № 5. С. 51–55. doi: 10.18572/1812-3783-2022-5-51-55
7. Безверхов А.Г. Административная преюдициальность в уголовном законодательстве России: истоки, реалии, перспективы // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Право. 2011. № 2 (10). С. 39–40.
8. Козлов А.В. О допустимости административной преюдиции в уголовном праве // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 2012. № 1. С. 42–50.
9. Карабанова Е.Н., Цепелев К.В. К вопросу о перспективе использования административной преюдиции в уголовном праве России // Российская юстиция. 2020. № 11. С. 57–60.
10. Уголовный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 27.10.1960) (утр. силу) // Ведомости ВС РСФСР. 1960. № 40. Ст. 591.
11. Борзаев А.М. Повторность как самостоятельная форма множественности преступлений в законодательстве некоторых зарубежных стран // Право и государство: теория и практика. 2022. № 1 (205). С. 315–317.
12. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 11.03.2024) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 24.03.2024).
13. Подройкина И.А., Борзаев А.М. Административная преюдиция в современном уголовном праве России // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2023. № 9 (160). С. 133–136.
14. Безверхов А.Г. Возвращение «административной преюдиции» в уголовное законодательство России // Российская юстиция. 2012. № 1. С. 48–53.
15. Татиев А.Р. Административная преюдиция как новый этап борьбы с ненадлежащей рекламой // Российская юстиция. 2019. № 2. С. 69–71.
16. Лапина М.А., Карпухин Д.В., Трунцевский Ю.В. Административная преюдиция как способ декриминализации уголовных преступлений и разграничения уголовных преступлений и административных правонарушений в современный период // Административное и муниципальное право. 2015. № 11. С. 1138–1148.
17. Лопашенко Н.А. О кризисе российского уголовного права (перечитывая А.Э. Жалинского) // Государство и право. 2023. № 9. С. 97–111. doi: 10.31857/S102694520027656-2

References

1. Podroykina, I. & Alekseeva, M. (2023) Judicial fine as a means of ensuring sustainable state development. *E3S Web of Conferences 402*. 6. Art. 13012.
2. Maksimenko, A.V. & Mikhaylova, I.A. (2021) Nekotorye voprosy sovershenstvovaniya rossiyskogo ugolovnogo zakonodatel'stva [Some issues of improving the Russian criminal legislation]. *Rossiyskiy sledovatel'*. 7. pp. 47–50. doi: 10.18572/1812-3783-2021-7-47-50
3. Ivanov, N.G. (2019) *Etyudy o rossiyskoy ugolovnoy politike i ee konkretnykh voploshcheniyakh* [Studies on the Russian Criminal Policy and Its Specific Embodiments]. Moscow: Yurlitinform.
4. Mityukova, Yu.A. (2022) Administrativnaya preyuditsiya v administrativnom i ugolovnom zakonodatel'stve [Administrative prejudice in administrative and criminal legislation]. *Administrativnoe pravo i protsess*. 4. pp. 66–69. doi: 10.18572/2071-1166-2022-4-66-69
5. Bykova, E.G. & Kazakov, A.A. (2023) Pravovoy kapkan administrativnoy preyuditsii v svete izmeneniy ugolovnogo i administrativnogo zakonodatel'stva (na primere ch. 2 st. 330.1 UK RF) [Legal trap of administrative prejudice in light of changes in criminal and administrative legislation (on the example of Part 2 of Article 330.1 of the Criminal Code of the Russian Federation)]. *Rossiyskiy sud'ya*. 4. pp. 32–36. doi: 10.18572/1812-3791-2023-4-32-36
6. Lopashenko, N.A. (2022) Sostavy prestupleniy s administrativnoy preyuditsiey – "svoi sredi chuzhikh"? [Compositions of crimes with administrative prejudice – "ours among strangers"?]. *Rossiyskiy sledovatel'*. 5. pp. 51–55. doi: 10.18572/1812-3783-2022-5-51-55

7. Bezverkhov, A.G. (2011) Administrativnaya preyuditsial'nost' v ugolovnom zakonodatel'stve Rossii: istoki, realii, perspektivy [Administrative prejudice in the criminal legislation of Russia: origins, realities, prospects]. *Vestnik Samarskoy gumanitarnoy akademii. Seriya: Pravo*. 2 (10). pp. 39–40.
8. Kozlov, A.V. (2012) O dopustimosti administrativnoy preyuditsii v ugolovnom prave [On the admissibility of administrative prejudice in criminal law]. *Vestnik Dal'nevostochnogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii*. 1. pp. 42–50.
9. Karabanova, E.N. & Tsepelev, K.V. (2020) K voprosu o perspektive ispol'zovaniya administrativnoy preyuditsii v ugolovnom prave Rossii [On the prospects for using administrative prejudice in the criminal law of Russia]. *Rossiyskaya yustitsiya*. 11. pp. 57–60.
10. Vedomosti VS RSFSR. (1960) Ugolovnyy kodeks RSFSR (utv. VS RSFSR 27.10.1960) (utr. silu) [Criminal Code of the RSFSR (approved by the Supreme Council of the RSFSR on October 27, 1960) (in full force and effect)]. *Vedomosti VS RSFSR*. 40. Art. 591.
11. Borzaev, A.M. (2022) Povtornost' kak samostoyatel'naya forma mnozhestvennosti prestupleniy v zakonodatel'stve nekotorykh zarubezhnykh stran [Repetition as an independent form of multiple crimes in the legislation of some foreign countries]. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika*. 1 (205). pp. 315–317.
12. Ofitsial'nyy internet-portal pravovoy informatsii [Official Internet Portal of Legal Information]. (2001) *Kodeks Rossiyskoy Federatsii ob administrativnykh pravonarusheniyakh ot 30.12.2001 № 195-FZ (red. ot 11.03.2024)* [Code of the Russian Federation on Administrative Offenses No. 195-FZ of December 30, 2001 (as amended on March 11, 2024)]. [Online] Available from: http://pravo.gov.ru (Accessed: 24.03.2024).
13. Podroykina, I.A. & Borzaev, A.M. (2023) Administrativnaya preyuditsiya v sovremennom ugolovnom prave Rossii [Administrative prejudice in modern criminal law of Russia]. *Nauka i obrazovanie: khozyaystvo i ekonomika; predprinimatel'stvo; pravo i upravlenie*. 9 (160). pp. 133–136.
14. Bezverkhov, A.G. (2012) Vozvrashchenie "administrativnoy preyuditsii" v ugolovnoe zakonodatel'stvo Rossii [Return of "administrative prejudice" to the criminal legislation of Russia]. *Rossiyskaya yustitsiya*. 1. pp. 48–53.
15. Tatiev, A.R. (2019) Administrativnaya preyuditsiya kak novyy etap bor'by s nenadlezhashchey reklamoy [Administrative prejudice as a new stage in the fight against inappropriate advertising]. *Rossiyskaya yustitsiya*. 2. pp. 69–71.
16. Lapina, M.A., Karpukhin, D.V. & Truntsevskiy, Yu.V. (2015) Administrativnaya preyuditsiya kak sposob dekriminalizatsii ugolovnykh prestupleniy i razgranicheniya ugolovnykh prestupleniy i administrativnykh pravonarusheniy v sovremennyy period [Administrative prejudice as a way of decriminalization of criminal offenses and distinction between criminal offenses and administrative offenses in the modern period]. *Administrativnoe i munitsipal'noe pravo*. 11. pp. 1138–1148.
17. Lopashenko, N.A. (2023) O krizise rossiyskogo ugolovnogo prava (perechityvaya A.E. Zhalinskogo) [On the crisis of Russian criminal law (rereading A.E. Zhalinsky)]. *Gosudarstvo i pravo*. 9. pp. 97–111. doi: 10.31857/S102694520027656-2

Информация об авторах:
Подройкина И.А. – д-р юрид. наук, зав. кафедрой уголовно-правовых дисциплин Ростовского филиала Российской таможенной академии (Ростов-на-Дону, Россия). E-mail: 919820@mail.ru; ORCID: 0000-0001-8711-1122
Алексеева М.В. – канд. юрид. наук, зав. кафедрой «Теория и история государства и права» Донского государственного технического университета (Ростов-на-Дону, Россия); доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Ростовского филиала Российской таможенной академии (Ростов-на-Дону, Россия). E-mail: alekseeva80@yandex.ru; ORCID: 0000-0003-1436-6946
Борзаев А.М. – аспирант кафедры уголовного права, процесса и национальной безопасности Чеченского государственного университета им. А.А. Кадырова (Грозный, Россия). E-mail: Agadar2012@yandex.ru; ORCID: 0000-0003-1656-8664

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:
I.A. Podroykina, Dr. Sci. (Law), head of the Department of Legal Disciplines, Rostov Branch of the Russian Customs Academy (Rostov-on-Don, Russian Federation). E-mail: 919820@ mail.ru; ORCID: 0000-0001-8711-1122
M.V. Alekseeva, Cand. Sci. (Law), head of the Department of Theory and History of State and Law, Don State Technical University (Rostov-on-Don, Russian Federation); associate professor, Rostov Branch of the Russian Customs Academy (Rostov-on-Don, Russian Federation). E-mail: alekseeva80@yandex.ru; ORCID: 0000-0003-1436-6946
A.M. Borzaev, postgraduate student, Kadyrov Chechen State University (Grozny, Russian Federation). E-mail: Agadar2012@yandex.ru; ORCID: 0000-0003-1656-8664

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 27.03.2024;
одобрена после рецензирования 14.09.2024; принята к публикации 30.09.2024.

The article was submitted 27.03.2024;
approved after reviewing 14.09.2024; accepted for publication 30.09.2024.

Научная статья
УДК 343.2/.7
doi: 10.17223/15617793/506/26

Противодействие диверсионной деятельности: к вопросу о совершенствовании уголовно-правовых мер

Мария Генриховна Решняк[1]

[1] *Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России, Москва, Россия, irbis-7375@yandex.ru*

Аннотация. Подчеркивая опасность диверсионных преступлений, напрямую затрагивающих государственную безопасность, и необходимость дальнейшего совершенствования уголовного законодательства в части развития положений, направленных на повышение эффективности соответствующих уголовно-правовых мер, автор подверг критическому анализу действующее законодательство, высказал и обосновал конкретные предложения по дальнейшему развитию комплекса уголовно-правовых средств противодействия диверсионной деятельности.
Ключевые слова: диверсионная деятельность, диверсия, преступления диверсионной направленности, уголовно-правовое противодействие, уголовный закон

Для цитирования: Решняк М.Г. Противодействие диверсионной деятельности: к вопросу о совершенствовании уголовно-правовых мер // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 506. С. 208–214. doi: 10.17223/15617793/506/26

Original article
doi: 10.17223/15617793/506/26

Countering subversive activities: On improving criminal law measures

Maria G. Reshnyak[1]

[1] *MGIMO University, Moscow, Russian Federation, irbis-7375@yandex.ru*

Abstract. This article considers current challenges of legislative regulation of criminal liability for offences related to subversive activities. The situation nowadays has broadened the scope of crime such as subversive activities and increased the demands on criminal justice systems, which serves as the basis for the relevance of the study. The author emphasizes the risks of sabotage and organised crime that directly affect the national security and points to the need for further improvement of criminal legislation regarding the development of provisions aimed at improving the efficiency of the relevant criminal law responses to subversive activities. The object of the study is public relations in the field of ensuring economic security and strengthening defense capability of the state. The author, using general dialectical, formal-logical, analytical, sociological, comparative-legal methods and the method of legal modelling, consecutively examines the object of this study covering the current criminal legislation of the Russian Federation along with relevant works of Russian scientists that reflect the peculiarities of regulation and application of corresponding criminal law measures to counteract offences related to subversive activities. The author critically reviews all the sources of information available on this issue, including the draft Federal Law No. 2539-8 On Amending the Criminal Code of the Russian Federation and the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, which underlay the Federal Law of 29 December 2022 No. 586-FZ On Amending the Criminal Code of the Russian Federation and the Criminal Procedure Code of the Russian Federation. As a result of the analysis, the author revealed that the draft Federal Law No. 2539-8 was based on the concept of the adoption of measures criminalizing subversive activities and modelled on measures taken to counteract terrorist activities in the current legislation already in force. The conducted research hereby enabled the author to substantiate the idea of a need to improve measures and adopt amendments to counter subversive activities by means of applying the updated legislative, organizational and other counter-terrorism measures. Based on the thematic review, the author draws logical conclusions on the necessity of the further strengthening of the norms of criminal law on liability for offences with a subversive purpose. The author considers it necessary to monitor accurately and adopt amendments in view of the changing social relations and the ongoing redefinition of priorities of criminal law security regulation, specifically, in the domain of the increasing role of the state and its institutions in ensuring national security, and requirements of certainty and consistency of criminal law prohibitions. Having critically reviewed the current legislation, the author suggests substantiated arguments and recommendations concerning the enhancement of criminal-legal measures to counteract sabotages and other crimes of subversive nature. The proposals to enhance the effectiveness of enforcement in the field of sabotage offences may further be useful for appropriate law enforcement authorities.
Keywords: subversive activity, subversion, sabotage offences, criminal-legal counteraction, criminal law

For citation: Reshnyak, M.G. (2024) Countering subversive activities: On improving criminal law measures. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 506. pp. 208–214. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/506/26

© Решняк М.Г., 2024

Введение

Нарастающие политические и экономические кризисные явления в западных странах, претендующих на роль «гуру» в мировом сообществе, все чаще приводят к попыткам разрешения ими возникающих неугодных ситуаций силовыми методами, в частности, путем совершения диверсий. Исторически понятие диверсии в основном рассматривалось через призму военной терминологии (если в Толковом словаре живого великорусского языка В.И. Даля под диверсией понималось лишь «отвлечение, отвод, развлечение неприятельских сил ложной тревогой» [1. С. 435], то в Толковом словаре Д.Н. Ушакова содержание понятия диверсии расширилось и под ней понимается уже «военная операция, производимая вне главного театра военных действий для отвлечения сил противника» и «прием для отвлечения внимания противной стороны» [2]. Впоследствии данное понятие расширилось и стало включать в себя действия, направленные в мирное или военное время на причинение потенциальному или реальному противнику как можно большего ущерба, способного оказать существенное влияние в целом на его военное, экономическое и/или политическое состояние [3. С. 256].

Возрастание диверсионной активности на территории новых и иных субъектов Российской Федерации, в том числе умышленные повреждения железнодорожных путей, попытки подрывов и поджогов других инфраструктурных объектов, наблюдаемое с самого начала проведения специальной военной операции на Украине[1], потребовало от государства совершенствования имеющихся и формирования новых мер предупреждения соответствующих противоправных деяний и ответственности за их совершение. Это направление государственной политики затронуло, в частности, уголовное законодательство, в которое был внесен комплекс изменений и дополнений, в целом ориентированных на усиление и дальнейшую дифференциацию ответственности за диверсию и связанную с ней общественно опасную деятельность [4. С. 5–7].

Происходящие события, а также взаимосвязанные с ними изменения уголовного законодательства, в свою очередь, придали импульс научным исследованиям в данной сфере [5–11 и др.]. Следует отметить, что, несмотря на мнение российских [12–18 и др.] и зарубежных [19, 20] ученых по вопросам квалификации диверсии и разграничения ее с иными преступлениями, а также тот факт, что в судебной практике давно имеются судебные приговоры по уголовным делам за совершение диверсии[2], нередко эти действия все еще квалифицируются как террористический акт по ст. 205 УК РФ[3]. К сожалению, единый подход правоприменителей к квалификации одних и тех же действий (в частности, за поджог релейных шкафов на железной дороге) все еще формируется, и действия лиц, совершивших одинаковое преступное деяние, могут квалифицироваться по-разному: в одном случае по ст. 167 УК РФ[4], в другом – по ст. 281 УК РФ, в третьем – одновременно по ст. 275, 205.5, 281 УК РФ[5]. Имеет место и определенная путаница в использовании соответствующей терминологии, когда диверсионную и террористическую деятельность объединяют в двуединое понятие «диверсионно-террористические акты»[6].

Материалы и методы

Целью настоящего исследования является рассмотрение современного состояния и имеющихся проблем уголовно-правовых мер противодействия диверсионной деятельности в Российской Федерации с формулированием на данной основе предложений по повышению эффективности таких мер на законодательном и правоприменительном уровнях. Объектом исследования выступают общественные отношения в сфере обеспечения безопасности государства. Предмет исследования образуют законодательные и теоретико-прикладные проблемы уголовно-правового противодействия диверсионной деятельности в России. В статье проанализированы труды известных российских ученых и зарубежных правоведов, положения уголовного законодательства, примеры из судебной практики, а также данные официальной статистики. Методологическая основа исследования включает всеобщий диалектический метод, общенаучные и частнонаучные методы, включая метод правового моделирования.

Результаты и обсуждения

Федеральным законом от 29 декабря 2022 г. № 586-ФЗ в гл. 29 УК РФ было включено три новых статьи об ответственности за содействие диверсионной деятельности, в том числе за вовлечение в таковую, ее финансирование, а равно пособничество и организацию (ст. 281^1); прохождение обучения в целях осуществления диверсионной деятельности (ст. 281^2); организацию диверсионного сообщества и участие в нем (ст. 281^2). Также ч. 1 ст. 63 УК РФ была дополнена еще одним обстоятельством, отягчающим наказание, заключающимся в совершении преступления, преследующего цели пропаганды, оправдания и поддержки диверсии, которые раскрыты примечаниях к ст. 281^3 УК РФ[7].

Как следует из пояснительной записки к данному законопроекту[8], его подготовка и внесение в Государственную Думу Федерального Собрания РФ, были обусловлены необходимостью реализации государственной политики, направленной на повышение уровня антитеррористической защищенности критически важных и потенциально опасных объектов, в том числе отвечающих за жизнеобеспечение населения либо входящих в оборонно-промышленный, атомный энергопромышленный, ядерный оружейный, химический или топливно-энергетический комплексы государства, а равно в его транспортную инфраструктуру. Это направление государственной политики вытекает из содержания ряда документов стратегического планирования, утвержденных Президентом РФ, в которых, в частности, говорится о возрастании числа и мас-

штабов различного рода террористических и диверсионных угроз для указанных объектов, включая угрозы трансграничного характера[9].

Отметим, что в пояснительной записке к проекту рассматриваемого Федерального закона используется понятие «преступления диверсионной направленности», при этом подчеркивается, что деяния, входящие в его объем, по степени общественной опасности сопоставимы с преступлениями террористической опасности, тогда как существующие уголовно-правовые меры противодействия диверсионной деятельности, по мнению авторов законопроекта, не соответствуют уровню ее опасности, не учитывают присущие ей организованность и направленность против обороноспособности и экономической безопасности государства.

Таким образом, указанная законодательная инициатива изначально основывалась на концепции формирования таких уголовно-правовых мер противодействия диверсионной деятельности, которые являются аналогичными с теми, что уже существуют относительно сходной с ней террористической деятельности. Следование этой концепции привело к тому, что в ч. 1 ст. 63 и гл. 29 УК РФ были закреплены новые положения, хотя и ориентированные на противодействие диверсиям, но практически полностью повторяющие содержание п. «р» ч. 1 ст. 63 УК РФ и ст. 205^1, 205^3 и 205^4 УК РФ, регламентирующих преступность и наказуемость деяний, относящихся к террористической деятельности (терроризму).

Мы разделяем мнение С.М. Кочои о том, что «сам принцип дополнения УК статьями, подобными ст. 205.1, порочен. Сегодня самостоятельной нормой Особенной части УК является содействие совершению терроризма, завтра таковым признают вовлечение в государственную измену, послезавтра – организацию убийства и т.д.» [21. С. 79], и неоднократно обращали внимание на отсутствие системности и определенности при совершенствовании уголовного законодательства [22, 23].

Представляется, что при подготовке рассматриваемой законодательной инициативы, в конечном итоге нашедшей свое отражение в тексте уголовного закона, *целесообразно было бы обсудить возможность применения иного подхода* к повышению эффективности противодействия диверсиям, *суть которого сводится к отнесению последних к числу преступлений террористической направленности,* тем более что на схожесть и сопоставимый уровень общественной опасности диверсионной и террористической деятельности указали сами авторы законопроекта. *Для реализации данного подхода достаточно было дополнить положения ст. 205^1, 205^2, 205^3 205^4 и 205^6 УК РФ, определяющих терроризм, террористическую деятельность и перечисляющих относящиеся к ним преступления, а также положения ч. 2 ст. 24 Федерального закона от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму»*[10]*, раскрывающие понятие террористической организации, указанием на ст. 281 УК РФ об ответственности за диверсию.*

Считаем, что применение этого подхода одновременно позволило бы исключить необходимость внесения указанного выше дополнения в ч. 1 ст. 63 УК РФ и включения в УК РФ новых – ст. 281^1, 281^2 и 281^3, тем самым устранив потенциальную конкуренцию данных статей со ст. 205^1–205^5 УК РФ об ответственности за аналогичные деяния, способствующие осуществлению террористической деятельности. Кроме того, предлагаемый подход при его восприятии законодателем позволил бы применять в рамках борьбы с диверсионной деятельностью уже имеющиеся правовые положения, силы и средства, предусмотренные Федеральным законом «О противодействии терроризму», в том числе касающиеся предупреждения возникновения и деятельности террористических организаций.

После введения ст. 281^1, 281^2 и 281^3 УК РФ на практике возникла необходимость разрешения вопросов, касающихся соотношении данных норм со ст. 205^1, 205^3 и 205^4 УК РФ об ответственности за содействие террористической деятельности, прохождение обучения в целях осуществления последней, организацию террористического сообщества и участие в нем. В связи с тем, что диверсия в настоящее время законодательно не отнесена к террористической деятельности, все деяния, наказуемые по ст. 281, 281^1, 281^2 или 281^3 УК РФ, требуют самостоятельной юридической оценки, поскольку они не могут охватываться уголовно-правовыми нормами о сходных преступлениях террористической направленности. То есть в ситуации, когда, например, лицо проходит обучение, которое одновременно направлено на его подготовку к диверсиям и к террористическим актам, его действия образуют совокупность преступлений, предусмотренных ст. 205^3 и 281^2 УК РФ. Квалификация содеянного по совокупности преступлений требуется и в случаях, когда лицо оказывает содействие не только террористической, но еще и диверсионной деятельности, а равно когда сообщество, в котором оно участвует, занимается совершением как преступлений террористической, так и диверсионной направленности.

Несмотря на то, что в пояснительной записке к этому же законопроекту говорится о преступлениях диверсионной направленности, т.е. о двух или более таких уголовно наказуемых деяниях, содержание новых норм уголовного закона посвящено повышению эффективности противодействия только одному преступлению – диверсии. *Представляется, что создавать целый институт уголовной ответственности за диверсию и сопутствующие ей преступления в данном случае было избыточной мерой, поскольку все подобные действия и до этого были наказуемы* – они могли признаваться приготовлением к диверсии либо соучастием в ее осуществлении в виде соисполнительства, организации или пособничества. Усиление же борьбы с диверсионной деятельностью можно было произвести за счет распространения на нее существующих законодательных, организационных и иных мер противодействия терроризму.

Допустимость включения диверсии в объем понятий террористической деятельности и преступлений террористической направленности, по нашему мнению, может быть обоснована не только сходством объективных признаков и сопоставимой степенью общественной опасности данных видов противоправной деятельности, но еще и существующим законотворческим опытом отнесения к преступлениям террористической направленности уголовно наказуемых деяний, посягающих не только на общественную безопасность, но и на иные объекты, включая основы конституционного строя и безопасность государства. К последним преступлениям относятся посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля (ст. 277 УК РФ), насильственные захват или удержание власти (ст. 278 УК РФ) и вооруженный мятеж (ст. 279 УК РФ). Представляется вполне логичным продолжить этот перечень, включив в него диверсию.

Таким образом, *повышение эффективности уголовно-правового противодействия диверсионной деятельности можно было осуществить двумя альтернативными путями, в том числе при их сочетании, первый из которых связан с включением диверсии в объем законодательного понятия террористической деятельности, а второй – с усилением наказания, уточнением (дополнением) признаков и дальнейшей дифференциацией уголовной ответственности за диверсию.*

Так, в диспозиции ч. 1 ст. 281 УК РФ в ее первоначальной редакции указывался излишне узкий перечень возможных диверсионных действий, а цели преступления обозначались с использованием соединительного союза «и», что обязывало правоохранительные органы при применении данной статьи устанавливать факт одновременной направленности деяния на подрыв экономической безопасности и обороноспособности страны. Также не выделялся квалифицирующий признак в виде совершения диверсии группой лиц по предварительному сговору. Эти недостатки были устранены Федеральным законом от 28 апреля 2023 г. № 157-ФЗ[11], которым внесены системные изменения не только в ст. 281, но и в другие статьи Общей и Особенной частей УК РФ, основным вектором которых являлось усиление уголовной ответственности за отдельные виды преступлений против общественной безопасности, основ конституционного строя и безопасности государства, а также против мира и безопасности человечества, в том числе за террористический акт, содействие террористической деятельности, участие в террористическом сообществе, государственную измену и диверсию.

В частности, данным Федеральным законом были внесены корреспондирующие изменения в ст. 205 и 281 УК РФ, способствующие унификации уголовно-правовых мер противодействия террористическим актам и диверсиям, включая сроки лишения свободы в санкциях данных статей. В пояснительной записке к проекту этого Закона, подготовленному Правительством РФ[12], подчеркивается сходство объективных признаков террористического акта и диверсии, в том числе возможность совершения данных преступлений не только единолично или организованной группой, но и группой лиц по предварительному сговору, что было учтено в новой редакции п. «а» ч. 2 ст. 281 УК РФ, совпадающей по своему содержанию с п. «а» ч. 2 ст. 205 УК РФ. Также в одной редакции были изложены п. «а» ч. 3 ст. 205 и новый п. «а» ч. 3 ст. 281 УК РФ, предусматривающие особо квалифицирующий признак, присущий и террористическому акту, и диверсии, заключающийся в сопряженности основного деяния не только с посягательством на объекты использования атомной энергии, потенциально опасные биологические объекты либо с использованием ядерных материалов, радиоактивных веществ или источников радиоактивного излучения либо ядовитых, отравляющих, токсичных, опасных химических веществ, но и с посягательством на потенциально опасные биологические объекты либо с использованием патогенных биологических агентов. Использование таких патогенов способно приводить к возникновению эпидемий, эпизоотий или эпифитотий, распространяющимся в рамках одного или нескольких регионов, а равно страны в целом, что также может произойти в случаях противоправного воздействия на потенциально опасные биологические объекты, поскольку их функционирование связано с использованием патогенов. В таких случаях речь может идти о террористических актах и диверсиях, обозначаемых общим понятием «экологический терроризм» [24. С. 79–86].

Из пояснительной записки к проекту рассматриваемого Федерального закона также следует, что его разработка обусловлена развитием биотехнологий, в результате которого возникают новые угрозы для безопасности государства, включая экономическую составляющую и обороноспособность страны. Такие угрозы могут выражаться в умышленном выведении из хозяйственной деятельности трудоспособного населения вследствие причинения вреда здоровью людей, в заражении сельскохозяйственных растений и животных, в повреждении или уничтожении различных компонентов природной среды, что принято во внимание при подготовке дополнений, внесенных в диспозицию ч. 1 ст. 281 УК РФ, где также изменена регламентация целей диверсии, в результате чего они приобрели альтернативный характер.

Кроме того, ч. 2 ст. 281 УК РФ была дополнена пунктом «в», в котором закреплен квалифицирующий признак диверсии, заключающийся в сопряженности этого преступления с посягательством на специфические объекты, относящиеся к топливно-энергетическому комплексу и организациям оборонно-промышленного комплекса, а равно к Министерству обороны РФ, Вооруженным Силам РФ, войскам национальной гвардии либо к органам государственной власти, которые привлекаются к выполнению задач в области обороны, а также на объекты. Необходимость этого дополнения, хотя и не обосновывается в пояснительной записке к законопроекту, первоначально не включавшему такое положение, тем не менее подтверждается событиями, последовавшими после начала специальной военной операции, когда нападения на указанные объекты приобрели не потенциальный, а фактический

характер, при этом значительно возросла степень общественной опасности таких посягательств.

Обратим внимание на еще одни системные изменения, внесенные в ст. 205 и 281 УК РФ, также подчеркивающие взаимосвязь данных норм и предусмотренных ими преступлений. Тем же Федеральным законом от 28 апреля 2023 г. № 157-ФЗ был признан утратившим силу п. «б» ч. 2 ст. 205 УК РФ, где содержался квалифицирующий признак террористического акта в виде наступления по неосторожности смерти человека, вызывавший вопросы по поводу своей обоснованности [25. С.105; 26. С. 164–165].

Одновременно из п. «б» ч. 3 ст. 205 УК РФ и ч. 3 ст. 281 УК РФ было исключено указание на умышленный характер причинения смерти человеку в результате террористического акта или диверсии. Тем самым законодатель расширил содержание этого особо квалифицирующего признака, который теперь вбирает в себя как умышленное, так и неосторожное причинение смерти потерпевшему. Вместе с тем мы согласны с А.И. Рарогом в том, что включение в эти и другие статьи Особенной части УК РФ особо квалифицирующего признака в виде умышленного причинения смерти человеку изначально являлось необоснованным законодательным решением [26. С. 164–165], поскольку оно не позволяет учесть большинство квалифицирующих признаков убийства, предусмотренных ч. 2 ст. 105 УК РФ, в том числе его совершение в отношении двух или более лиц, а также назначить более строгое по предельному сроку наказание в виде лишения свободы, которое, напротив, могло бы иметь место в случае привлечения к ответственности по совокупности преступлений, предусмотренных, например, ст. 281 и 105 УК РФ [27. С. 99].

Выводы

Отметим, что, несмотря на своевременность и обоснованность отдельных изменений и дополнений, внесенных в последние два года в уголовное законодательство в части повышения эффективности мер противодействия диверсиям, сохраняются предпосылки для дальнейшего совершенствования соответствующих положений УК РФ, в основу которого, как нам представляется, должна быть заложена концепция неразрывного единства террористической и диверсионной видов противоправной деятельности.

Ключевым компонентом этой концепции должно стать включение диверсии в объем террористической деятельности, что позволит обеспечить формирование и дальнейшее развитие единой системы мер противодействия соответствующим преступлениям, учитывающей, в частности, специфику организованных и транснациональных проявлений последних, а также позволяющей осуществлять дифференцированный подход к предупреждению таковых, в том числе при их осуществлении террористическими сообществами и террористическими организациями.

Реализация высказанных предложений, по мнению автора, может способствовать повышению эффективности уголовно-правовых мер противодействия организации диверсионной деятельности, а также в целом системности уголовного законодательства.

Примечания

[1] «Переводят угрозу на более высокий уровень»: в ФСБ назвали попытки диверсий ВСУ на российских АЭС ядерным терроризмом. URL: https://russian.rt.com/russia/article/1215371-bortnikov-aes-rossiya-diversii (дата обращение 07.11.2023); Пресечена диверсия по атаке на аэродром, где базируются «Летающие радары» А-50. URL: https://rg.ru/2023/05/09/presechena-diversiia-po-atake-na-aerodrom-gde-baziruiutsia-letaiushchie-radary-a-50.html (дата обращения: 07.11.2023); «Диверсии на железке» докатились до Урала. URL: https://dzen.ru/a/ZFpJrbzPNRyc_5rE (дата обращения: 07.11.2023) и др.

[2] Вынесен приговор по уголовному делу о диверсии на Баксанской ГЭС в июле 2010 года. URL: https://sledcom.ru/news/item/515036/?print=1 (дата обращения: 05.02.2024).

[3] Суд в Москве арестовал инспектора безопасности РЖД за поджог релейного шкафа. URL: https://www.kommersant.ru/doc/6493634 (дата обращения: 05.02.2024); Теракт на Крымском мосту. Что известно? URL: https://www.rbc.ru/society/09/10/2022/ 634113979a7947913b7b32c8 (дата обращения: 07.12.2023); По факту происшествия на Крымском мосту возбудили дело о теракте. URL: https://lenta.ru/news/2023/07/17/skrter/ (дата обращения: 07.12.2023).

[4] «Суд в Саратове заключил в СИЗО двух фигурантов уголовного дела о поджоге релейных шкафов, в которых размещается аппаратура железной дороги, сообщила пресс-служба Приволжского линейного управления МВД России на транспорте …Арестантам вменяется часть 2 статьи 167 УК РФ “Умышленные уничтожение или повреждение имущества”». URL: https://ria.ru/20230320/podzhog-1859031434.html (дата обращения: 05.02.2024).

[5] «22-летнего омича осудили за поджог релейного шкафа на перегоне железнодорожных путей на станции Московка Западно-Сибирской железной дороги. Поджог парень совершил в мае 2023 года. А в июне его задержали сотрудники спецслужб вместе с транспортной полицией… По материалам омского ФСБ уголовное дело завели по трем статьям: 275 УК РФ “Государственная измена”, 205.5 УК РФ “Участие в деятельности террористической организации” и 281 УК РФ “Диверсия”». URL: https://www.omsk.kp.ru/daily/27565/4890379/ (дата обращения 05.02.2024).

[6] «ФСБ России сообщила, что в 2023 году предотвратила в Крыму 14 диверсионно-террористических актов…». URL: https://ria.ru/20231211/terakty-1915006500.html (дата обращения: 05.02.2024).

[7] См.: Федеральный закон от 29 декабря 2022 г. № 586-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2023. № 1 (ч. I). Ст. 33.

[8] См.: Проект Федерального закона № 253939-8 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» (ред., внесенная в ГД ФС РФ, текст по сост. на 08.12.2022) // Государственная Дума Федерального Собрания РФ: URL: https://sozd.duma.gov.ru (дата обращения: 09.10.2023).

[9] См.: Стратегия национальной безопасности (утв. Указом Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400) // Собрание законодательства РФ. 2021. № 27 (ч. II). Ст. 5351; Основы государственной политики Российской Федерации в области обеспечения химической и биологической безопасности на период до 2025 года и дальнейшую перспективу (утв. Указом Президента РФ от 11 марта 2019 г. № 97) // Собрание законодательства РФ. 2019. № 11. Ст. 1106; Доктрина энергетической безопасности Российской Федерации (утв. Указом Президента РФ от 13 мая 2019 г. № 216) // Собрание законодательства РФ. 2019. № 20. Ст. 2421.

[10] См.: Федеральный закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» // Собрание законодательства РФ. 2006 г. № 11. Ст. 1146.

[11] См.: Федеральный закон от 28 апреля 2023 г. № 157-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2023. № 18, ст. 3234.
[12] См.: Проект Федерального закона № 232768-8 «О внесении изменений в статьи 205 и 281 Уголовного кодекса Российской Федерации» (ред., внесенная в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 10.11.2022) // Государственная Дума Федерального Собрания РФ: URL: https://sozd.duma.gov.ru/ (дата обращения: 09.10.2023).

Список источников

1. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. (напечатано со 2-го издания 1880–1882 гг). Л., 1955. Т. 1. 699с.
2. Диверсия // Толковый словарь Д.Н. Ушакова. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/788486 (дата обращения: 07.11.2023).
3. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка : Около 10 0000 слов, терминов и фразеологических выражений / под ред. проф. Л.И. Скворцова. 27-е изд., испр. М. : АМС, 2019. 1360 с.
4. Нудель С.Л. Модернизация уголовной политики: проблемы правового регулирования // Журнал российского права. 2023. Т. 27, № 1. С. 5–22. doi: 10.12737/jrp.2023.001
5. Брагина А.Г. Общая уголовно-правовая характеристика преступлений диверсионной направленности и их соотношение со смежными группами преступлений // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 2023. № 2 (63). С. 40–47.
6. Лопатина Т.М. Уголовная ответственность за содействие диверсионной деятельности и организацию диверсионного сообщества или участие в нем // Российский следователь. 2023. № 11. С. 25–29. doi: 10.18572/1812-3783-2023-11-25-29
7. Пикин И.В., Тараканов И.А., Пичугин С.А. Специфика и перспективы совершенствования уголовно-правового противодействия диверсионной деятельности // Вестник военного права. 2023. № 1. С. 55–61.
8. Лисовский Д.Г., Моисеенко Е.Е. Уголовно-правовая и социальная сущность диверсии // E-Scio. 2022. № 4 (67). С. 181–185.
9. Коряковцева О.А., Семенцова И.А. Меры совершенствования антидиверсионного законодательства (ст. 281 УК РФ): политико-правовые аспекты и пути предупреждения диверсии // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2022. № 9 (148). С. 90–94.
10. Тихонин И.А. Отграничение террористического акта (ст. 205 УК РФ) от диверсии (ст. 281 УК РФ) // Вопросы российской юстиции. 2022. № 19. С. 477–484.
11. Куликов А.В. Диверсия как опаснейшее преступление современности: проблемы разграничения с террористическим актом // Право, экономика и управление: теория и практика : материалы IV Всерос. науч.-практ. конф., Чебоксары, 29 августа 2022 года / ред. Э.В. Фомин. Чебоксары : Издательский дом «Среда», 2022. С. 95–98.
12. Емельянов В.П. Терроризм, бандитизм, диверсия: вопросы разграничения // Законность. 2000. № 1. С. 53–54.
13. Сопов Д.В. Террористический акт и иные преступления террористического характера: проблемы разграничения // Научный портал МВД России. 2008. № 2. С. 94–98.
14. Кудрявцев В.Л. Отграничение террористического акта от иных смежных составов преступлений: теоретический анализ // Вестник Южно-Уральского профессионального института. 2013. № 1 (10). С. 45–55.
15. Суденко В.Е. Террористический акт и диверсия на железнодорожном транспорте: дифференциация понятий и содержания // Транспортное право и безопасность. 2017. № 7 (19). С. 7–15.
16. Беляева М.Г. Соотношение террористического акта с диверсией // Современные инновации. 2017. № 7 (21). С. 39–40.
17. Давитадзе М.Д. Уголовная ответственность за диверсию // Вестник Московского университета МВД России. 2020. № 3. С. 169–173. doi: 10.24411/2073-0454-2020-10163
18. Мотошков Н.Е. Проблемы отграничения террористического акта от иных составов преступлений // Право и общество. 2021. № 4 (5). С. 43–47.
19. Жунушова Г.Б. Уголовная ответственность за совершение диверсии по законодательству Кыргызской Республики // Вестник Кыргызско-Российского славянского университета. 2022. Т. 22, № 11. С. 104–108. doi: 10.36979/1694-500X-2022-22-11-104-108
20. Калчороева А.А., Урунбаева З.С. Диверсия как одно из опаснейших преступлений, предусмотренных Уголовным кодексом Кыргызской Республики // Известия вузов (Кыргызстан). 2015. № 5. С. 318–321.
21. Кочои С.М. Терроризм и экстремизм: уголовно-правовая характеристика. М., 2005. 171 с.
22. Решняк М.Г. Системность и определенность уголовного законодательства как основные предпосылки эффективного применения норм, регламентирующих его действие во времени и в пространстве // Пробелы в российском законодательстве. 2013. № 6. С. 157–159.
23. Решняк М.Г. К вопросу о системности и эффективности уголовно-правовых мер противодействия коррупции // Современное право. 2021. № 4. С. 103–107. doi: 10.25799/NI.2021.7.70.017
24. Дубовик О.Л. Криминологические и уголовно-правовые предпосылки борьбы с экологическим терроризмом и экологическим экстремизмом в России // Lex Russica (Русский закон). 2018. № 9 (142). С. 75–90. doi: 10.17803/1729-5920.2018.142.9.075-090
25. Кадников Н.Г., Дайшутов М.М. О проблемах ответственности за преступления террористической направленности // Общество и право. 2016. № 2 (56). С. 104–107.
26. Рарог А.И. Уголовный кодекс России против терроризма // Lex Russica (Русский закон). 2017. № 4 (125). С. 155–178. doi: 10.17803/1729-5920.2017.125.4.155-178
27. Рарог А.И. Ошибка законодателя: виды, причины, пути исправления // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 4 (101). С. 95–103. doi: 10.17803/1994-1471.2019.101.4.095-103

References

1. Dal', V.I. (1955) *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka (napechatano so 2-go izdaniya 1880–1882 gg)* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language (printed from the 2nd edition 1880–1882)]. Vol. 1. Leningrad: GIS.
2. Tolkovyy slovar' D.N. Ushakova [Explanatory Dictionary of D.N. Ushakov]. (n.d.) *Diversiya* [Sabotage]. [Online] Available from: https://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/788486 (Accessed: 07.11.2023).
3. Ozhegov, S.I. (2020) *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Russian Language]. 27th ed. Moscow: Ademar.
4. Nudel', S.L. (2023) Modernizatsiya ugolovnoy politiki: problemy pravovogo regulirovaniya [Modernization of criminal policy: problems of legal regulation]. *Zhurnal rossiyskogo prava*. 1 (27). pp. 5–22. doi: 10.12737/jrp.2023.001
5. Bragina, A.G. (2023) Obshchaya ugolovno-pravovaya kharakteristika prestupleniy diversionnoy napravlennosti i ikh sootnoshenie so smezhnymi gruppami prestupleniy [General criminal-legal characteristics of sabotage-related crimes and their relationship with related groups of crimes]. *Vestnik Dal'nevostochnogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii*. 2 (63). pp. 40–47.
6. Lopatina, T.M. (2023) Ugolovnaya otvetstvennost' za sodeystvie diversionnoy deyatel'nosti i organizatsiyu diversionnogo soobshchestva ili uchastie v nem [Criminal liability for assisting sabotage activities and organizing a sabotage community or participating in it]. *Rossiyskiy sledovatel'*. 11. pp. 25–29. doi: 10.18572/1812-3783-2023-11-25-29
7. Pikin, I.V., Tarakanov, I.A. & Pichugin, S.A. (2023) Spetsifika i perspektivy sovershenstvovaniya ugolovno-pravovogo protivodeystviya diversionnoy deyatel'nosti [Specifics and prospects for improving criminal-legal counteraction to sabotage activities]. *Vestnik voennogo prava*. 1. pp. 55–61.

8. Lisovskiy, D.G. & Moiseenko, E.E. (2022) Ugolovno-pravovaya i sotsial'naya sushchnost' diversii [Criminal-legal and social essence of sabotage]. *E-Scio*. 4 (67). pp. 181–185.
9. Koryakovtseva, O.A. & Sementsova, I.A. (2022) Mery sovershenstvovaniya antidiversionnogo zakonodatel'stva (st. 281 UK RF): politiko-pravovye aspekty i puti preduprezhdeniya diversii [Measures to improve anti-sabotage legislation (Article 281 of the Criminal Code of the Russian Federation): political and legal aspects and ways to prevent sabotage]. *Nauka i obrazovanie: khozyaystvo i ekonomika; predprinimatel'stvo; pravo i upravlenie*. 9 (148). pp. 90–94.
10. Tikhonin, I.A. (2022) Otgranichenie terroristicheskogo akta (st. 205 UK RF) ot diversii (st. 281 UK RF) [Distinction between a terrorist act (Article 205 of the Criminal Code of the Russian Federation) and sabotage (Article 281 of the Criminal Code of the Russian Federation)]. *Voprosy rossiyskoy yustitsii*. 19. pp. 477–484.
11. Kulikov, A.V. (2022) [Sabotage as the most dangerous crime of our time: problems of distinction from a terrorist act]. *Pravo, ekonomika i upravlenie: teoriya i praktika* [Law, Economics and Management: Theory and Practice]. Proceedings of the 4th All-Russian Conference. Cheboksary. 29 August 2022. Cheboksary: Izdatel'skiy dom "Sreda". pp. 95–98. (In Russian).
12. Emel'yanov, V.P. (2000) Terrorizm, banditizm, diversiya: voprosy razgranicheniya [Terrorism, banditry, sabotage: issues of delineation]. *Zakonnost'*. 1. pp. 53–54.
13. Sopov, D.V. (2008) Terroristicheskiy akt i inye prestupleniya terroristicheskogo kharaktera: problemy razgranicheniya [Terrorist act and other terrorist crimes: issues of delineation]. *Nauchnyy portal MVD Rossii*. 2. pp. 94–98.
14. Kudryavtsev, V.L. (2013) Otgranichenie terroristicheskogo akta ot inykh smezhnykh sostavov prestupleniy: teoreticheskiy analiz [Distinction between a terrorist act and other related crimes: a theoretical analysis]. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo professional'nogo instituta*. 1 (10). pp. 45–55.
15. Sudenko, V.E. (2017) Terroristicheskiy akt i diversiya na zheleznodorozhnom transporte: differentsiatsiya ponyatiy i soderzhaniya [Terrorist act and sabotage on railway transport: differentiation of concepts and content]. *Transportnoe pravo i bezopasnost'*. 7 (19). pp. 7–15.
16. Belyaeva, M.G. (2017) Sootnoshenie terroristicheskogo akta s diversiey [The relationship between a terrorist act and sabotage]. *Sovremennye innovatsii*. 7 (21). pp. 39–40.
17. Davitadze, M.D. (2020) Ugolovnaya otvetstvennost' za diversiyu [Criminal liability for sabotage]. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii*. 3. pp. 169–173. doi: 10.24411/2073-0454-2020-10163
18. Motoshkov, N.E. (2021) Problemy otgranicheniya terroristicheskogo akta ot inykh sostavov prestupleniy [Problems of distinguishing a terrorist act from other crimes]. *Pravo i obshchestvo*. 4 (5). pp. 43–47.
19. Zhunushova, G.B. (2022) Ugolovnaya otvetstvennost' za sovershenie diversii po zakonodatel'stvu Kyrgyzskoy Respubliki [Criminal liability for committing sabotage under the legislation of the Kyrgyz Republic]. *Vestnik Kyrgyzsko-Rossiyskogo slavyanskogo universiteta*. 11 (22). pp. 104–108. doi: 10.36979/1694-500X-2022-22-11-104-108
20. Kalchoroeva, A.A. & Urunbaeva, Z.S. (2015) Diversiya kak odno iz opasneyshikh prestupleniy, predusmotrennykh Ugolovnym kodeksom Kyrgyzskoy Respubliki [Sabotage as one of the most dangerous crimes provided for by the Criminal Code of the Kyrgyz Republic]. *Izvestiya vuzov (Kyrgyzstan)*. 5. pp. 318–321.
21. Kochoi, S.M. (2005) *Terrorizm i ekstremizm: ugolovno-pravovaya kharakteristika* [Terrorism and Extremism: Criminal-legal characteristics]. Moscow: Prospekt.
22. Reshnyak, M.G. (2013) Sistemnost' i opredelennost' ugolovnogo zakonodatel'stva kak osnovnye predposylki effektivnogo primeneniya norm, reglamentiruyushchikh ego deystvie vo vremeni i v prostranstve [Systematicity and certainty of criminal legislation as the main prerequisites for the effective application of the norms regulating its operation in time and space]. *Probely v rossiyskom zakonodatel'stve*. 6. pp. 157–159.
23. Reshnyak, M.G. (2021) K voprosu o sistemnosti i effektivnosti ugolovno-pravovykh mer protivodeystviya korruptsii [On the issue of systematicity and effectiveness of criminal law measures to combat corruption]. *Sovremennoe pravo.* 4. pp. 103–107. doi: 10.25799/NI.2021.7.70.017
24. Dubovik, O.L. (2018) Kriminologicheskie i ugolovno-pravovye predposylki bor'by s ekologicheskim terrorizmom i ekologicheskim ekstremizmom v Rossii [Criminological and criminal law prerequisites for the fight against environmental terrorism and environmental extremism in Russia]. *Lex Russica (Russkiy zakon)*. 9 (142). pp. 75–90. doi: 10.17803/1729-5920.2018.142.9.075-090
25. Kadnikov, N.G. & Dayshutov, M.M. (2016) O problemakh otvetstvennosti za prestupleniya terroristicheskoy napravlennosti [On the problems of responsibility for terrorist-related crimes]. *Obshchestvo i pravo*. 2 (56). pp. 104–107.
26. Rarog, A.I. (2017) Ugolovnyy kodeks Rossii protiv terrorizma [The Criminal Code of Russia against terrorism]. *Lex Russica (Russkiy zakon)*. 4 (125). pp. 155–178. doi: 10.17803/1729-5920.2017.125.4.155-178
27. Rarog, A.I. (2019) Oshibka zakonodatelya: vidy, prichiny, puti ispravleniya [Legislator's error: types, causes, and ways to correct it]. *Aktual'nye problemy rossiyskogo prava*. 4 (101). pp. 95–103. doi: 10.17803/1994-1471.2019.101.4.095-103

Информация об авторе:

Решняк М.Г. – канд. юрид. наук, доцент кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Московского государственного института международных отношений (университета) МИД России (Москва, Россия). E-mail: irbis-7375@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

M.G. Reshnyak, Cand. Sci. (Law), associate professor, MGIMO University (Moscow, Russian Federation). E-mail: irbis-7375@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 20.02.2024;
одобрена после рецензирования 11.04.2024; принята к публикации 30.09.2024.

The article was submitted 20.02.2024;
approved after reviewing 11.04.2024; accepted for publication 30.09.2024.